ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2014. № 387. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES
- BIOLOGY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2014. № 387. October

Томский государственный университет
2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 387 Октябрь 2014

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Готлан Ю.А. Nicht nur sauber, sondern rein 5
Гречишкина С.В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы 8
Деева А.И. Специфика метафорического фрагмента русской нефтегазовой терминосистемы 15
Липке Ш. Спор об этическом учении Л.Н. Толстого в рассказе А.П. Чехова «Печенег» 22
Панасенко Е.А. Гносеологическая функция метафоры в номинировании новой предметной области 27
Толстик С.А. Русское диалектное прилагательное *рахманный* в представлении национального образа внешности 34

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Найман Е.А. Основные зарубежные модели интеграции института высшего образования и региональной системы в условиях экономики знания 41
Пеннер Р.В. Свобода «второго пола»: теоретический и практический аспекты (на материале работы С. де Бовуар) 47
Петренко В.В., Зинченко Е.В. К генеалогии политического субъекта: цинический модус социальности 52
Хитрук Е.Б. Мальчик vs. Мужчина: социально-философский анализ проблемы мужской социализации 61
Энис И.А. Дискуссионные вопросы концепции «обучающегося региона» 69

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Березовская С.С. Культурный герой: динамика развития 75
Ефремова Е.В. Музеефикация объектов археологического наследия в свете современного российского законодательства 84
Лукина Н.В. Культурное наследие хантов в коллекциях Кунсткамеры: хозяйственные занятия 91
Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Проблемы создания новых музеев под открытым небом в Сибири как хранителей традиций деревянного зодчества (на примере г. Кодинска Красноярского края) 98
Порозов Р.Ю. Моделирование как культурологическая проблема 105

ИСТОРИЯ

Дианов А.Г. Создание объединенных органов партийно-государственного контроля в Сибири 114
Кирсанова Е.С. Образ Т.Н. Грановского в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. 121
Колева Г.Ю. Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» 127
Миркин В.В. Советская радиосвязь в X–XI пятилетках 137

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 387 October 2014

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

Gotlan Yu.A. Nicht nur sauber, sondern rein 5
Grechishkina S.V. On contemporary nature literature studies: the aspects of ecological literature research 8
Deeva A.I. Specificity of a metaphorical fragment of Russian oil and gas terminological system 15
Lipke S. The discussion on Leo Tolstoy's ethical teaching in Anton Chekhov's story "The Pecheneg" 22
Panasenko E.A. Metaphorical modeling of "cloud computing" technology 27
Tolstik S.A. Russian dialect adjective *rakhmanny* in the national image of appearance 34

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Nyman E.A. The main foreign integration models of the higher education institution and the regional system in terms of knowledge economy 41
Penner R.V. Freedom of the "second sex": the theoretical and practical aspects (based on S. de Beauvoir's research) 47
Petrenko V.V., Zinchenko E.V. Genealogy of the political subject: cynical modus of sociality 52
Khitruk E.B. Boy vs. Man: social-philosophical analysis of the problem of male socialization 61
Enns I.A. Discussion questions of the concept "learning region" 69

CULTURAL STUDIES

Berezovskaya S.S. A cultural hero: the dynamics of development 75
Efremova E.V. Current legislation on museumification of archaeological sites 84
Lukina N.V. Cultural heritage of the Khanty in Kunstkammer collections: economic activity 91
Mainicheva A.Yu., Glukhikh E.I. Problems of establishing of new open-air museums in Siberia as custodians of the traditions of wooden architecture (by example of Kodinsk town of Krasnoyarsk Region) 98
Porozov R.Yu. Modeling as a culturological issue 105

HISTORY

Dianov A.G. Establishment of joint party-state control bodies in Siberia 114
Kirsanova E.S. The image of T.N. Granovsky in Russian historiography of the second part of the 19th – early 20th centuries 121
Koleva G.Yu. Service class people of Siberia: Cossacks of the "Lithuanian List" 127
Mirkin V.V. Soviet radio communication in X-XI five-year plans 137

Нечаев С.В. Особенности восстановления тенниса в Иркутском регионе в 1920-е гг. 147
Тарасов М.Г. Енисейские казаки в Первой мировой войне 150

ПРАВО

Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Попова О.А. Формализация криминалистически значимых данных: механизм отражения личностных особенностей в результатах деятельности 154
Исабеков К.С. Управление миграционными процессами международными организациями 160
Мазур Е.С., Иванов И.В. О возможных ошибках в экспертных заключениях 164
Морозов А.С. Религиозное поведение осужденных как средство их исправления 170
Фомичева О.А. К вопросу о регламентации правовой экспертизы в законотворческой деятельности Парламента России 175

ЭКОНОМИКА

Никонова Я.И. Государственно-частное партнерство как инструмент финансирования стратегии инновационного развития России 180
Проскуро В.Е. Роль маркетинга в финансовом стратегировании негосударственного пенсионного фонда 187

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Викторов Д.В. Физкультурное образование: фактор здоровьесберегающей компетентности студенческой молодёжи 194
Коршунов С.Д., Давлетьярова К.В., Капилевич Л.В. Биомеханические характеристики ходьбы у детей с врожденными расстройствами локомоций 203
Суднева О.Ю. Сравнительное исследование социального интеллекта и личностных особенностей студентов столичного и регионального вузов 208

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Афонин И.В., Тишин П.А., Татьянин Г.М., Ивлев Д.А. Петрогеохимическая неоднородность и расчленение верхнесеноманских отложений Ван-Еганского месторождения (Западная Сибирь) 217
Барашкова Н.К., Волкова М.А., Кужевская И.В. Оценка термического режима воздуха и тенденций процессов антициклогенеза на юге Западной Сибири в прикладных целях 225
Евдокимов А.Н., Исмагилова Г.А. Фанерозойский вулканизм и полезные ископаемые Евразийской Арктики 233
Коржнев М.Н., Курило М.М., Захарий Н.В. Ресурсные и экологические критерии определения ассимиляционного потенциала геологической среды на примере горнодобывающих регионов Украины 243
Нямхуу М., Жамбалжав Я. Новые данные о многолетней мерзлоте и криогенных формах рельефа Дархатской котловины 253

БИОЛОГИЯ

Двуреченский В.Г., Середина В.П. Характеристика почвенного покрова техногенных ландшафтов Красногорского каменноугольного разреза 257
Дюкарев Е.А. Прогноз глубины промерзания почвы с помощью простейшей регрессионной модели 266
Лаврентьева Л.В., Никитич П.А., Карлюкова М.А. Микробиологические исследования дерново-подзолистых почв черневой тайги Салаирского кряжа 271

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 277

Nechaev S.V. Features of tennis recovery in Irkutsk region in 1920s 147
Tarasov M.G. The Yenisei Cossacks in The First World War 150

LAW

Alekseeva T.A., Akhmedshin R.L., Popova O.A. Formalization of forensically relevant data: the mechanism of reflection of personality characteristics in the performance 154
Isabekov K.S. Migration control by international organizations 160
Mazur E.S., Ivanov I.V. On possible mistakes in expert findings 164
Morozov A.S. Religious behavior of convicts as a means of their correction 170
Fomicheva O.A. On the regulation of legal examination in legislative activity of the Parliament of Russia 175

ECONOMICS

Nikonova Ya.I. Public-private partnership as a tool for funding for the strategy of innovative development of Russia 180
Proskuro V.E. The role of marketing in non-state pension fund financial strategizing 187

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Viktorov D.V. Physical education: a factor of healthy competence of the student youth 194
Korshunov S.D., Davletyarova K.V., Kapilevich L.V. Biomechanical characteristics of gait of children with congenital locomotion disorders 203
Sudneva O.Yu. A comparative research of social intelligence and personal features of students of capital and regional higher schools 208

EARTH SCIENCES

Afonin I.V., Tishin P.A., Tatyanin G.M., Ivlev D.A. Geochemical heterogeneity and dismemberment of Upper Cenomanian sediments of Van-Yogan field (Western Siberia) 217
Barashkova N.K., Volkova M.A., Kuzhevskaya I.V. The assessment of thermal air condition and the trends in anticyclogenesis in southern West Siberia and its applicability 225
Yevdokimov A.N., Ismagilova G.A. The phanerozoic volcanism and mineral resources of the Eurasian Arctic 233
Korzhnev M.N., Kurilo M.M., Zahariy N.V. Resource and environmental criteria to determine the geological environment assimilation potential by example of mining regions of Ukraine 243
Nyamkhuu M., Jambaljav Ya. New data on permafrost and cryogenic landforms of the Darkhad depression 253

BIOLOGY

Dvurechensky V.G., Seredina V.P. Characteristics of the soil cover of technogenic landscapes of the Red-Mountain coalmine 257
Dyukarev E.A. Soil freezing depth forecast using simple regression model 266
Lavrentveva L.V., Nikitich P.A., Karlyukova M.A. Microbiological research of the soddy-podzolic soils located in black taiga of the Salair Ridge 271

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 277

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 5–7 DOI: 10.17223/15617793/387/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.11

Ю.А. Готлан

NICHT NUR SAUBER, SONDERN REIN

Рассмотрены особенности функционально-семантического сходства и различия нем. rein и sauber на разных этапах истории немецкого языка. Проведенное диахронное исследование с опорой на интегрированный метод (т.е. с привлечением приемов ряда методов) позволило в динамике представить «поверхностную» семантику. Это, в свою очередь, вывело на семантику «глубинного» уровня, на определение когнитивной схемы (когнитивного основания), стоящей за особенностями функционирования прилагательных rein и sauber: оппозиция чистота природная, исходная (rein) – чистота, создаваемая в результате деятельности человека (sauber).

Ключевые слова: синонимия; германские языки; этимология.

Для обозначения темы статьи мы использовали известный в Германии рекламный слоган («Не просто чисто, а идеально чисто!»), неожиданно соотнесшийся с интересующей нас лингвистической проблемой: какие и в какой степени аспекты понятия «чистота» выражают две наиболее употребительные в значении ‘чистый’ лексемы – rein и sauber? На предшествующем этапе рассмотрения этого вопроса, опираясь на данные лексикографических источников [1, 2] в определении структуры ЛСП «чистота» в современном немецком языке, был сделан вывод, что именно rein и sauber выражают ядро данного ЛСП и как основные «конкуренты» в представлении понятия «чистота» являются по ряду функционально-семантических характеристик взаимодополнительными.

Так, rein представляет «чистое» прежде всего как «нечто несмешанное, однородное» (о конкр. и абстр., reiner Wein, Alkohol, Sauerstoff – беспримесное вино, алкоголь, кислород; reines Gold, Wasser – беспримесное, чистое золото, вода; die reine Wahrheit sagen – говорить чистую правду), в меньшей степени – «нечто без пятен и грязи» (о конкр. и абстр. ein reines Hemd anziehen – надевать чистую рубашку; einen reinen Teint haben – иметь чистый цвет лица; etw. auf ein reines (unbeschriebenes) Blatt Papier schreiben – писать что-либо на чистом (неисписанном) листке бумаги; eine reine Weste haben – быть незапятнанным, иметь чистую совесть, незапятнанную репутацию).

В свою очередь, sauber характеризует «чистое» преимущественно как «нечто без пятен и грязи» (о конкр. и абстр. saubere Hände, Fingernägel – чистые руки, ногти; saubere Wäsche, Kleider – чистое белье, одежда; ein sauberer Charakter; eine saubere Haltung – честный нрав, поведение).

Функционально-семантическая взаимодополнительность видна и на уровне грамматикализованных и оценочных значений, которые могут выражать эти два прилагательных: rein способно выступать в роли интенсификатора признака и выразителя морально-этической оценки (Weste haben – быть незапятнанным, иметь чистую совесть (незапятнанную репутацию); ein reines Wollen – благородное желание), sauber – в роли носителя морально-этической, утилитарно-нормативной и общей положительной оценки (eine saubere Schrift, Arbeit – хороший почерк, тщательно выполненная работа; eine saubere Lösung – верное решение; eine saubere Haltung – благородное поведение). Таким образом, общими функционально-семантическими характеристиками этих прилагательных является их употребление в значении ‘нечто без пятен и грязи’ (о конкр. и абстр.) и в значении морально-этической оценки [3–5].

Поскольку для языка не характерно наличие абсолютных синонимов, мы задались вопросом: насколько поверхностная лексическая семантика отражает «глубинную», функциональную? Более внимательный анализ контекстных употреблений, сочетаемости рассматриваемых лексем выявил следующую картину их употребления в сходных значениях. Прилагательное rein в значении ‘нечто без пятен и грязи’ объясняется в словаре через sauber (о конкр. и абстр. ‘makellos sauber: frei von Flecken, Schmutz oder ähnliches’) и применяется преимущественно в тех случаях, когда речь идет о чистоте исходной, природной:

Ich schleppe diesen Pack mit wunden Füßen durch Frost und Sonnenbrand, weil ich Abends ein reines Hemd anziehen will – Я тащил пакет (с новой рубашкой), шагая стертыми до крови ногами сквозь стужу и палящее солнце, потому что я хотел вечером надеть чистую рубашку;

einen reinen Teint haben – иметь чистый цвет лица;

etw. auf ein reines (unbeschriebenes) Blatt Papier schreiben – писать что-либо на чистом (неисписанном) листке бумаги (иначе говоря, в данном случае ‘без пятен и грязи’ означает ‘свободный (от каких-либо качеств, свойств, исходно не присущих)’);

eine reine Weste haben – быть незапятнанным, иметь чистую совесть (незапятнанную репутацию);

ein reines Wollen – благородное желание; er war rein von aller Schuld – он был совершенно не виновен;

sich rein waschen – оправдываться; обелить себя, т.е. доказать свою невиновность, исходную чистоту совести;

sich rein und züchtig halten – вести себя скромно и целомудренно);

(Übertragung) ein reines (unbelastetes) Gewissen haben – перен. иметь чистые (необремененные) помыслы, совесть;

mit reinen Händen dastehen – быть незапятнанным, не запятнать своей репутации.

В отличие от rein, прилагательное sauber характеризует чистоту, возникающую и существующую в результате усилий, деятельности человека: ‘frei von Schmutz, Unrat, Verunreinigungen’, ‘den geltenden sittlichen, rechtlichen o. ä. Normen entsprechend; zu Beanstandungen keinen Anlass gebend, einwandfrei’ (saubere Hände, Fingernägel – чистые руки, ногти; ohne Wasser keine saubere Wäsche – без воды никаких чистых вещей; ein sauberes (frisch gewaschenes) Hemd anziehen – надевать чистую (выстиранную) рубашку; Bakterien bauen die Verschmutzungen ab – was herauskommt, ist sauberes Wasser – бактерии снижают уровень загрязнения и то, что выходит – это чистая вода; Die Flüsse in Deutschland sind sauber, Industrie-Abgase werden gefiltert, Müll wird verbrannt, Umweltprobleme bleiben unsichtbar – реки в Германии чистые, отработанный газ фильтруется, мусор сжигается, проблемы окружающей среды остаются незаметными; Kunststoffböden lassen sich leichter sauber halten – полы из искусственных материалов легче содержать в чистоте; hier ist die Luft noch [relativ] sauber – воздух здесь еще (относительно) чистый; er hält sein Auto, sein Werkzeug peinlich sauber – он содержит свою машину, свои инструменты в идеальной чистоте; die Badewanne sauber machen – чистить ванну; ich muss noch sauber machen (die Wohnung in einen sauberen Zustand bringen) – я должен еще прибраться (привести квартиру в чистое состояние); sie geht sauber machen (verdient ihr Geld durch Putzen) – она идет убираться (зарабатывает деньги уборкой); mach dir bitte die Schuhe sauber, bevor du reinkommst – почисти свою обувь, прежде чем зайти; sie musste das Baby sauber machen (es säubern, ihm die Windel wechseln) – она должна поменять ребенку подгузник; die Beete [von Unkraut] sauber halten – содержать свеклу чистой (от сорняков), ein sauberer Charakter – честный нрав (который складывается и формируется в результате социального взаимодействия, включения в общественную жизнь); eine saubere Haltung – нравственное поведение; ich fürchte, die Sache ist nicht (ganz) sauber – боюсь, дело не вполне чисто; (Jargon) die Kripo hat ihn überprüft, aber er war sauber (er hatte sich nichts zuschulden kommen lassen) – (жарг.) уголовная полиция его проверила, но он был чист (он невиновен); bleib sauber! (scherzhaft umgangssprachlich Abschiedsformel) – (шутл. разг. прощание) – оставайся чист!; du bist, die ist doch nicht (mehr ganz) sauber! (salopp; du bist, sie ist nicht bei Verstand, nicht bei Trost) – (фамильяр.) ты, она не в своем уме!). Поскольку оценке подвергаются прежде всего человек, его действия, то это объясняет формирование целого ряда оценочных значений именно в семантической структуре прилагательного sauber [6].

Таким образом, контекстные употребления, сочетаемость прилагательных rein и sauber объясняют основания функционально-семантического сходства и различия этих прилагательных: в похожих значениях они на самом деле не дублируют друг друга в выражении понятия «чистоты», а представляют разные «виды чистоты»: лексема rein выражает чистоту как исходное, природное свойство, качество (вино, золото, вода, краски), в то время как sauber выражает восстановленную чистоту как результат действий (деятельности) человека (очищение как физическое, так и духовное). Обращение к истории и происхождению прилагательных rein и sauber [3, 4] подтверждает историческую закономерность выявленной функционально-семанти-ческой взаимодополнительности этих прилагательных, именно таких ролей каждого из них в представлении понятия «чистота». Собственно исторический анализ и заставил еще раз обратиться к их частичному функционально-семантическому сходству в современном немецком языке.

Дело в том, что пришедшая на волне христианизации из средневековой латыни в немецкий язык лексема sauber исходно была связана с обозначением нравственной чистоты [7. С. 19; 8. С. 1169]. То есть той чистоты, которая зависит от поведения, действий человека и которая является наиболее важной в духовных ценностях, утверждаемых церковью. И закономерно, что в результате конкуренции с rein и перераспределения сфер функционирования sauber начало обозначать и создаваемую человеком чистоту предметного мира.

В то время как собственно германское rein, исторически синкретично обозначавшее и исходную, природную чистоту, и создаваемую человеком, стало выражением чистоты с точки зрения однородности, несмешанности с чем-то предметов, явлений окружающего мира и их исходной, природной чистоты. Следствием таких функционально-семантических особенностей rein является наличие в его семантической структуре обозначения чистой с конфессиональной точки зрения пищи (‘кошерный’). Эти же функционально-семантические особенности объясняют возможность употребления rein в ряде контекстов в значении ‘ясный, светлый, прозрачный’ (reine (unvermischte, leuchtende) Farben – чистые (беспримесные, яркие) краски; der Mond leuchtete hell und rein – луна излучала чистый и ясный свет; ein reines Blau (Rot) – чистый синий (красный) цвет, ярко-синий (ярко-красный) цвет).

Такая контекстно возникающая взаимозаменяемость является следствием особой близости понятий «чистый» и «ясный, светлый», типологически доказанная на широком круге родственных и неродственных языков. У таких когнитивно значимых объектов окружающей среды, как вода и воздух, наличие одного из признаков имплицирует наличие другого, например если вода в реке грязная, то дно рассмотреть невозможно, т.е. вода и грязная, и мутная. И наоборот: чистая вода является прозрачной, светлой [9. С. 257–260]. Проявление близости понятий «чистый» и «ясный, светлый» именно в семантической структуре rein, а не sauber – это еще одно подтверждение правильности нашего предположения о логико-семантической (когнитивной) оппозиции, определяющей взаимоотношения основных лексем – rein и sauber – в представлении понятия «чистота» не только в современном немецком языке, но и в его истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Duden.* Deutsches Universal Wörterbuch A-Z. Mannheim u.a., 1989. 1816 s.
2. *Götz D.* Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Moskow, 1998. 1248 s.

3. *Нолль (Готлан) Ю.А.* Эволюция семантической структуры прилагательного rein в немецком языке // Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры». Томск, 2009. Ч. 2. С. 183.
4. *Нолль (Готлан) Ю.А.* История немецкого прилагательного sauber // Сборник материалов «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». Томск, 2009. Т. 1. С. 148–150.
5. *Дронова Л.П., Готлан (Готлан) Ю.А.* Особенности концептуализации представления о чистоте в английском и немецком языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 368. С. 7–10.
6. *Das Digitale* Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: http://www.dwds.de (дата обращения: 12.09.2014).
7. *Gaupp O.* Zur Geschichte des Wortes «rein». Tübingen, 1920. 71 s.
8. *Etymologisches* Wörterbuch des Deutschen / durchges. und erg. von W. Pfeifer. Berlin : Akademie Verl., 1993. Bd. 2. 820 s.
9. *Архангельский Т.А., Тагабилева М.Г., Холкина Л.С.* Качественные признаки ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’: к построению семантической типологии // Acta linguistica Petropolitana. Т. 7, ч. 3. С. 257–260.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 июля 2014 г.

NICHT NUR SAUBER, SONDERN REIN

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 5-7. DOI: 10.17223/15617793/387/1
Gotlan Yulia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jgotlan@gmail.com
Keywords: synonymy; etymology; West Germanic languages.

Every significant element of native speakers' social experience should be fixed at the language level. The language has a specific structure. It attributes a certain vocabulary to every real-world element reflected in people's mind without duplicating naming units of these or those realia. However, when examining synonyms, one can see an external similarity at the surface level. Such a similarity was detected in the *rein* and *sauber* nuclear components during the study of the Clean/Clear/Pure concept at the modern stage of the German language development. Starting out from the assertion that the presence of absolute synonyms is not typical of the language, we ask a question: how does the *rein* and *sauber* semantic structures' partial similarity marked in dictionaries (the meaning "without dirt and spots" (about specific and abstract things) at the "surface" semantic level match with the conceptual structure at the "deep" level of the Clean/Clear/Pure concept analysis? In order to give an answer to this question, we have analyzed the semantic structure of each nuclear unit of the Clean/Clear/Pure concept in the modern German language. The research has been drawn upon the examples of an up-to-date diachronic analysis based on an integrated method (O.N. Trubachev's term) of the linguistic unit analysis (it combines various well known linguistic research approaches). The priority has been given to internal (systematic) reconstruction vs. external one. It requires specification of the areal-historical and historical-cultural determination of the linguistic phenomena under study. During the research, we have determined the structure of the lexical-semantic fields at various stages of the history of the German and English languages. The lexical items representing the Clean/Clear/Pure concept at different time levels have been analyzed against the background of semantic relations that characterize genetically close linguistic units (within the same etymological family). The analysis has revealed that context usage occasions and compatibility of the rein and sauber adjectives explain reasons for the functional and semantic similarity of these adjectives: in fact, they do not duplicate each other in similar meanings of the Clean/Clear/Pure concept; they represent various "types of cleanness": the rein lexical item represents purity as an initial, natural property, feature (reiner Wein, Alkohol, Sauerstoff – pure wine, alcohol, oxygen; reines Gold, Wasser – pure, clean gold, water), while *sauber* means recovered purity as the result of human actions (both physical and mental purification: Die Flüsse in Deutschland sind sauber, Industrie-Abgase werden gefiltert, Müll wird verbrannt, Umweltprobleme bleiben unsichtbar – Rivers in Germany are clean, exhaust gas is filtered, garbage is burnt, and environmental problems remain unnoticeable; mach dir bitte die Schuhe sauber, bevor du reinkommst – clean your shoes before coming in; ein sauberer Charakter – pure character (which is formed as a result of social interactions and involvement into the public life)).

REFERENCES

1. *Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z*. Mannheim u.a., 1989. 1816 p.
2. Götz D. *Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Moskow, 1998. 1248 p.
3. Noll' (Gotlan) Yu.A. [The evolution of the semantic structure of the adjective *rein* in German]. *Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh "Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury"* [Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists "Communicative Aspects of language and culture"]. Tomsk, 2009. Pt. 2, p. 183. (In Russian).
4. Noll' (Gotlan) Yu.A. [History of the German adjective *sauber*]. *Sbornik materialov konferentsii "Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya"* [Proceedings of the "Topical problems of linguistics and literary studies" conference]. Tomsk, 2009. Vol. 1, pp. 148-150. (In Russian).
5. Dronova L.P., Gotlan (Gotlan) Yu.A. Features of conceptualisation of idea of purity in English and German languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 368, pp. 7-10. (In Russian).
6. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: http://www.dwds.de (Accessed: 12th September 2014).
7. Gaupp O. Zur *Geschichte des Wortes "rein"*. Tübingen, 1920. 71 p.
8. Pfeifer W. von. (ed.) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Berlin: Akademie Verl., 1993. Vol. 2, 820 p.
9. Arkhangelsky T.A., Tagabileva M.G., Kholkina L.S. Kachestvennye priznaki 'chistyy', 'gryaznyy', 'prozrachnyy', 'mutnyy': k postroeniyu semanticheskoy tipologii [Qualitative characteristics 'clean', 'dirty', 'transparent', 'muddy': on building a semantic typology]. *Acta linguistica Petropolitana*, 2010, vol. 7, pt. 3, pp. 257-260.

Received: 14 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 8–14 DOI: 10.17223/15617793/387/2

УДК 82.09

С.В. Гречишкина

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПРИРОДЕ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена решению проблемы неточного употребления отдельных терминов, относящихся к области исследования современной литературы о природе, в частности термина «эколитература». Затрагиваются вопросы, разрабатываемые экокритиками. Особое внимание уделяется понятиям «документальная литература о природе» и «натурфилософская литература». Вводится термин «экософская литература». В исследовании используются историко-типологический, культурно-исторический и сравнительный методы.

Ключевые слова: документальная литература о природе; литература об окружающей среде; натурфилософская проза; экокритика; эколитература; экософская литература.

Проблема чёткого понимания употребляемых терминов является проблемой всегда насущной, но ставшей особо актуальной в наши дни. Огромное количество научных работ с различными трактовками одного и того же термина с трудом поддаётся анализу. В статье предпринимается попытка дать определение термину «экологическая литература», или, сокращённо, «эколитература». Хотя термин находится в научном обороте уже не первый год, в словарях он ещё не зафиксирован. Автор статьи рассматривает этот термин в сравнении с терминами «литература об окружающей среде», «натурфилософская литература» и «экософская литература». Прежде чем вплотную подойти к этим терминам, наметим общий круг вопросов, которыми занимаются сегодня исследователи литературы о природе, в частности эколитературы.

Высокий интерес аудитории к эколитературе обусловлен попыткой отыскать основы для устойчивого, экологически рационального существования людей. Одним из показателей увеличения внимания к этому виду литературы является возникновение экокритики. Хотя активизация интереса к литературе о природе началась в середине прошлого столетия, термин «экокритика» впервые был употреблён американским исследователем Ульямом Рукертом только в 1978 г. [1. С. 4, 5]. Под экокритикой обычно понимают область исследования литературы о природе, возникшую в конце XX в. и взявшую на вооружение идеи движений защитников окружающей среды [2. С. 205]. Однако стоит отметить, что иногда этот термин понимают шире. В «Оксфордском словаре литературных терминов» экокритика определяется как область изучения не только литературы, но и культуры: «[ecocriticism is] a new subfield of literary and cultural enquiry that emerged in the 1980s and 1990s, devoted to the investigation of relations between literature and the natural world and to the rediscovery and reinterpretation of ‘nature writings’ such as those of H.D. Thoreau and the poets of Romanticism (sometimes categorized as ‘environmental literature’) in the light of recent ecological concerns» [3]. Экокритика предполагает определённый подход, а не конкретный метод исследования. Редакторы книги «Nature in Literature and Cultural Studies» Катрин Герсдорф и Сильвия Майер уверены, что экокритика поможет пересмотреть историю концептуализации природы, способы метафоризации природы в литературе и культуре в целом, функции конструктов природы, а также эффект, который данные конструкты могут оказывать на наше тело и нашу среду обитания [4. С. 10]. Такое понимание задач экокритики свойственно большинству исследователей, но сказать, что экокритика является однородным образованием, было бы ошибочным. Разнородность исследований обусловливается, во-первых, самим объектом исследования; во-вторых, разнообразием используемых методов; в-третьих, наметившейся тенденцией межкультурного, межэтнического взаимодействия исследователей.

Профессор Скотт Словик указывает на три волны развития экокритики. Если для первой волны характерно внимание в основном к документальным произведениям о природе, то для второй и третьей волн характерно обращение к различным жанрам. Отличительной чертой третьей волны Словик видит транскультурный подход, т.е. сравнительный анализ работ, созданных представителями различных национальных литератур и культур [1]. Если ранее экокритика сосредотачивалась в основном в США, где она изначально имела наибольшее количество последователей, таких как, например, Лоуренс Бьюэлл, Глен Лав, Патрик Мёрфи, Черил Глотфелти, то теперь география экокритики расширилась, как расширилась и область исследования, вобравшая в себя жанровое разнообразие мировой литературы.

Несмотря на большой корпус работ экокритиков, остаётся достаточно расплывчатой терминологическая база исследований. Возможно, причина кроется в различных методах, которыми пользуются экокритики. Известно, что экокритика перекинула мост к исследованиям постколониализма (Грэхем Хагган, Австралия), экосемиотике (Тимо Маран, Эстония), нейрофеноменологии (Эван Томпсон, Канада) и ряду других дисциплин. Отсюда обилие разнообразных терминов. Однако есть ключевые термины, встречающиеся в подавляющем большинстве работ, но до сих пор вызывающие много дискуссий в кругу исследователей. Можно выделить три понятия, вызывающие наибольшее количество вопросов: «литература об окружающей среде» («environmental literature»), «экологическая литература» («ecological literature») и «документальная литература о природе» («nature writing»).

Профессор Скотт Словик, используя термин «environmental literature», подчёркивает, что речь в произведениях, относящихся к данному виду литературы,

идёт о взаимоотношениях человека с его окружающей средой [1]. Австралийский писатель Марк Трединник предлагает для обозначения этого же вида литературы использовать термин «place-based literature», указывая на особую роль места проживания в жизни человека, что находит своё выражение в произведениях [5]. Патрик Мёрфи использует, на наш взгляд, наиболее удачный из трёх терминов – «nature-oriented literature» [6], который, во-первых, подразумевает, что человек относится к природе, а не отделяется от неё, и, во-вторых, подчёркивает направленность внимания автора. Стоит сказать, что существуют и другие варианты обозначения литературы, фокусирующейся на вопросах взаимодействия человека с природой (green writing, landscape writing). Однако частотность их употребления невысока.

Не всегда ясно, что исследователи подразумевают под «nature writing», что можно было бы буквально перевести на русский язык как «письменные произведения о природе». Возникает вопрос, является ли это общим названием литературы о природе или только какого-то её вида. Американская исследовательница Дана Филлипс отмечает, что, как правило, в работах экокритиков нет чёткого понимания, что представляет собой этот вид литературы. Однако, обращаясь к материалам конференций, антологиям, она делает вывод, что когда экокритики употребляют термин «nature writing», «they usually have in mind a nonfiction prose essay describing a first-person narrator's efforts to establish an intensely felt emotional connection with the natural world» [7. С. 185]. Относительно авторов таких произведений Филлипс говорит, что они, как правило, живут отдельно от других людей и не желают обращаться к естествознанию за объяснением действительности, а любят узнавать вещи посредством прямого контакта с природой. Филипс упоминает Анни Диллард как одного из таких авторов. Однако данное толкование термина слишком узкое и оставляет за чертой, например, произведения известного эссеиста, учёного Лорена Айзли.

Обратимся к другим определениям «nature writing». В одном из интервью австралийский писатель Марк Трединник отметил: «Nature writing is usually prose, mostly nonfiction, mostly lyric, preoccupied with what we now, in Australia, might best call country» [8]. Это определение не претендует на чёткость: Трединник, признавая, что его определение подходит не ко всем произведениям этого вида литературы, использует выражение «по большей части», таким образом, оставляя место некоторым допущениям и догадкам. Однако видно, что он трактует понятие шире: он не ограничивает этот вид литературы одним жанром. Профессор Тартуского университета Тимо Маран также определяет «nature writing» как вид литературы, включающий не только эссе, но и другие документальные жанры произведений об окружающей среде [9. С. 271].

Возникает вопрос, какие произведения могут считаться документальными, невымышленными (если верить большинству определений, то nature writing – это вид литературы нон-фикшн). Как в российском литературоведении, так и в зарубежном остаётся открытым вопрос о классификации литературы, основанной на реальных событиях, рассказывающей о реальных людях, но использующей ряд изобразительно-выразительных средств или содержащей определённую долю вымысла [10. С. 97, 98]. Этого вопроса касаются в своих работах американский исследователь Патрик Мёрфи, а также российская исследовательница Елена Георгиевна Местергази. Попытка описать весь спектр прозаических документальных произведений о природе была предпринята Томасом Лайоном, выделившим три доминанты, которые могут присутствовать в теле таких произведений, – естествознание, авторское восприятие природы и её философская интерпретация [11. С. 276]. Каждая из доминант существует отдельно или сочетается с одной или двумя другими. Как замечает сам Томас Лайон, трудно классифицировать произведения, которые имеют множество измерений и доминант.

Говоря о характеристиках общего понятия «литература о природе» (nature literature), Тимо Маран отмечает, что авторы произведений, относящихся к этому виду литературы, соединяют своё чувственное и телесное восприятие природного окружения с культурным знанием, включающим научные данные, обыденную мудрость или философию окружающей среды [4. С. 472]. Можно отнести данную характеристику всей литературы о природе к одному из её видов, а именно к документальным произведениям о природе. Американский исследователь Мейер Абрамс среди черт документальной литературы о природе (nature writing) выделяет реалистические, детальные описания природной среды. Основателем этого вида литературы Абрамс называет английского писателя Гилберта Уайта [12. С. 87]. Однако внимание исследователей этого вида литературы вместо первопроходцев уже долгое время приковано к Генри Дэвиду Торо, чей талант действительно нельзя не заметить. Не обошли его вниманием и российские литературоведы. В 2008 г., например, появилась диссертация на тему «Художественное своеобразие натурфилософской эссеистики Генри Дэвида Торо» С.Ю. Соломатиной. Автор диссертации указывает, что никто «не раскрыл так глубоко необходимость для нормального развития каждого человека формирования у него потребности в творческом диалоге с природой, как американский мыслитель-трансценденталист Торо» [13. С. 7]. Именно данная точка зрения Торо, а именно его убеждённость в необходимости осмысления взаимосвязи и взаимозависимости человека с природой, непосредственного ежедневного контакта человека с природой, позволила бы нам отнести его произведения к эколитературе. Подробнее о сходствах и различиях содержания понятий «экологическая» и «натурфилософская литература» пойдёт речь чуть позже.

Если вернуться к определению из «Оксфордского словаря литературных терминов», то станет понятно, что термин «nature writing» часто считают тождественным термину «environmental literature» (литература об окружающей среде, или эколитература). Однако в классификации профессора Словика литературы об окружающей среде «nature writing» занимает место видового понятия по отношению к родовому понятию «environmental literature» [14]. Словик отме-

чает, что в широком понимании эта литература включает не только эссе, но также другие прозаические жанры и поэзию. В произведениях, относящихся к данному виду литературы, тщательно рассматриваются взаимоотношения человека с природной окружающей средой [15. С. 251]. Профессор Майкл Бранч, исследователь литературы о природе, созданной до знаменитого произведения Торо «Уолден, или Жизнь в лесу», как и Словик, употребляет в качестве родового термин «environmental literature». Бранч говорит, что для описания произведения любого автора, который в значительной мере заинтересован природным миром и взаимодействием человека с миром, можно также использовать термин «литература о месте» («literature of place»). Бранч предлагает, признавая неверное понимание многими исследователями понятия «nature writing» как литературной репрезентации природы в форме эссе, отличающегося лиричностью, включить в это понятие не только все документальные произведения литературы, но и традиционно не относящиеся к литературе формы, такие как доклад, религиозный трактат, письма, дневники и пр. [16]. Такое расширенное значение видится оправданным и продуктивным.

Скотт Словик выделяет три крупных категории в общем корпусе эколитературы, или литературы об окружающей среде и взаимодействии с ней человека: «ecofiction» (художественная прозаическая литература об окружающей среде), «ecopoetry» (экопоэзия) и «non-fiction nature writing» (документальная литература о природе) [14]. Словик приводит список авторов, чьё творчество попадает в каждую из трёх категорий. К первой он относит Рудольфо Анайю, Ану Кастильо, Эрнеста Хемингуэя, Линду Хоган, Лесли Мармон Силко, Тони Моррисон, Виллу Картер, Тима Уинтона и др.; ко второй – Венделла Берри, Гэри Снайдера, Роберта Фроста, Уоллиса Стивенса, Уильяма Карлоса Уильямса, Джудит Райт и др.; к третьей – Анни Диллард, Генри Торо, Джона Мьюира, Барри Лопеса, Терри Темпест Уильямс, Джозефа Крутча и др. Помимо трёх крупных категорий эколитературы он выделяет такие виды, как «environmental drama» (экодрама), «green film» (экофильм) как часть популярной «зелёной» культуры, включающей также музыку, и «oral narratives» (устные повествования). Нужно отметить, что творчество некоторых авторов нельзя отнести только к одной категории. Например, Торо создавал не только эссе, но и поэтические произведения, а некоторые поэты (Гэри Снайдер, Венделл Берри) обращаются к жанру эссе. Австралийский писатель Тим Уинтон работает в жанрах романа, рассказа и эссе.

Ценные замечания об экопоэзии, или экологической поэзии, делает профессор Скотт Брайсон. Он подчёркивает необходимость различать просто поэзию о природе (nature poetry), которая ему видится как общее понятие, и экологическую поэзию (ecological poetry) как особый вид поэзии о природе [17]. Поэты, по его мнению, отвечающие современному пониманию природного мира, где всё между собой взаимосвязано, должны называться экологическими поэтами. Брайсон, сравнивая произведения Анны Брэдстрит, Уолта Уитмена, Генри Торо, Дениз Левертов, Уильяма Мервина, Джой Харджо, Венделла Берри и Гэри Снайдера, приходит к выводу, что пять последних поэтов из этого ряда можно отнести к экопоэтам: «We get a perspective on the human/nonhuman relationship that delineates them from their nature poetry ancestors and marks them as what I will call “ecological poets” [17. С. 136]».

Таким образом, отличительной чертой этих поэтов является, по мнению Брайсона, их точка зрения на происходящее в природе между человеком и всем остальным природным миром. Эти поэты признают внутреннюю ценность естественной природы, которая не зависит от приносимой пользы человеку. Среди отличительных черт экологической поэзии, которые, на наш взгляд, могут быть спроецированы на всю эколитературу, Брайсон называет экоцетристскую перспективу, привязанность к конкретному месту на земле, представление мира как сообщества взаимосвязанных субъектов, осознание необходимости смирения человеческой гордыни, скептицизм по отношению к особого вида рациональности, присущей якобы человеку, и обеспокоенность возможностью экологической катастрофы [17. С. 143]. Все эти качества Брайсон считает результатом интереса поэтов к современным проблемам. Если раньше американских поэтов интересовал природный мир как проявление сущности Бога, то сейчас он интересует их как наделённый своей внутренней ценностью. Современная наука подтверждает идею экологов о взаимосвязи и взаимозависимости элементов природы, поэтому мы считаем, что литература, в центре внимания которой находятся связи человека с нечеловеческими образованиями в естественной природе, включая реки, горы и т.д., можно назвать экологической литературой, или эколитературой.

Стоит отметить, что определения термина «эколитература» нам не встретилось в имеющихся у нас в распоряжении русскоязычных словарях. Беря во внимание другие источники, можно сказать, что встречается употребление данного термина в значении «научная литература по экологии» (например, в библиотечных каталогах), а также употребление в значении «совокупность художественных и нехудожественных произведений, в которых автор делает акцент на взаимодействии человека с его окружающей средой». Такое, на наш взгляд, значение вкладывает в понятие «эколитература» профессор Наталия Александровна Высоцкая в статье «Транскультура или культура в трансе», которая появилась в журнале «Вопросы литературы» в 2004 г. В статье, которая посвящена проблеме влияния глобализации на культуру, говорится, среди прочего, о важности эколитературы и экокритики в деле объединения людей идеей планетаризма, идеей важности укрепления связей с планетой, нашим общим домом. Характеризуя эколитературу и экокритику, Высоцкая пишет, что они принимают «различные формы – от возвращения к многовековому опыту человечества, которое изначально складывало мифы-сказания-тексты о природе, до формулирования новых теорий и внедрения в литературоведение научного и терминологического аппарата биологии и физики» [18]. Важным замечанием,

на наш взгляд, является понимание Высоцкой эколитературы не только как литературы, где видно влияние современных научных теорий, но и литературы, в которой взаимосвязь и взаимозависимость всего сущего утверждается, например, посредством мифа.

Понимание профессора, философа Алексея Алексеевича Грякалова схоже с пониманием Высоцкой. Грякалов – один из немногих учёных, использующих термин «эколитература» в России. В марте 2012 г. на экологическом форуме «День Балтийского моря» в г. Санкт-Петербурге Грякалов выступил с докладом «Экософия и эколитература: парадигмы будущего», в этом же году вышла его статья «Славянская поэтика в диалоге культур: опыт Китая». Как можно понять из статьи, под эколитературой Грякалов понимает художественную литературу, характеризующуюся особым пониманием мира. В эколитературе внимание уделяется местам и способам существования, ценностям, которые должны обусловливать существование человека в мире [19. С. 79]. Целью данного вида литературы Грякалов видит, как и Высоцкая, необходимость показать важность места существования человека и выработать у читателя необходимое ценностное отношение к нему. Справедливо утверждение о том, что литературные произведения могут заложить основу современной экологической этики. Эколитература обладает большим образовательным потенциалом.

Термин «эколитература» частично совпадает по значению с используемым в российском литературоведении уже около 40 лет термином «натурфилософская литература». В начале XXI в. было защищено несколько диссертаций по русской натурфилософской поэзии и прозе, посвящённых произведениям Тютчева, Осоргина и др. Можно выделить имена таких исследователей, как Е.Н. Бондаренко, Э.Ф. Нагуманова, И.Б. Боравская и С.В. Филиппова. Профессор Альфия Исламовна Смирнова, флагман изучения натурфилософской литературы в России, считает, что одним из первых исследователей, употребивших термин «натурфилософская литература», был Ф. Кузнецов, который дал рецензию на произведение «Царь-рыба» Астафьева (1976 г.) [20. С. 10]. В 2009 г. вышло учебное пособие Смирновой «Русская натурфилософская проза второй половины XX века», в котором автор поясняет, что натурфилософскими стоит считать те произведения, в которых «философия природы» становится смысловой доминантой [Там же]. К таким она относит произведения Астафьева, Айтматова, Кима, Адамовича и Леонова.

Прежде чем обратиться к различиям натурфилософской и экологической литератур, обратимся к выделению философской поэзии и прозы из литературного потока в целом. Профессор Александр Эммануилович Еремеев отмечает тот факт, что предмет философской прозы охватывает способы мышления о мире [21]. Похожие выводы о сущности философской литературы делает исследователь русской поэзии Рита Соломовна Спивак, которая поясняет, что структурообразующим критерием философской лирики, например, является «предмет художественного изображения, в качестве которого выступают родовые, сущностные особенности сознания человека» [22. С. 6]. Таким образом, за основную отличительную черту всей философской литературы, как прозы, так и поэзии, можно считать предмет изображения, пользуясь словами Спивак, «философскую тенденцию осмысления действительности, т.е. восприятия её под углом общезначимого, всеобщего».

Не всякая эколитература является натурфилософской, как и не всякая натурфилософская литература является эколитературой. Ключевым для понимания разницы, на наш взгляд, является авторское мировосприятие, то, как автор смотрит на мир в целом и на место в нём человека. Важны для нас философские ориентиры автора. Существует различие между натурфилософией и экологической философией, которая лежит в основе эколитературы. Под натурфилософией, или философией природы, обычно подразумевают «область философских исследований, которые стремятся рационально постичь целостность природы и её первоначала, осмыслить природу как общее, предельное понятие, задающее принципиальную схему понимания и объяснения отдельных вещей, как регулятивную идею, позволяющую понять всё сущее и все предметы в их единстве и многообразии форм, построить рационально-научную картину мира, восполнив данные естествознания и выявив внутренние принципы взаимосвязи и детерминации вещей, раскрыть различные уровни природы как целого – от неорганической природы к жизни и к жизни человека» [23. С. 17]. Вспомним наличие скептицизма экопоэтов по поводу особой рациональности человека, наличие которого можно выделить как одну из отличительных черт эколитературы от натурфилософской литературы. В качестве ещё одной отличительной черты экологической литературы можно выделить признание авторами возможности различных взглядов на происхождение мира, главное в этом виде литературы – это утверждение ценности природного мира.

Многие философы считают, что натурфилософия, берущая начало в работах древних греков и достигшая пика развития в эпоху Романтизма, – явление, изжившее себя [24. С. 644]. В энциклопедии «История философии» отмечено, что утрата натурфилософией своей позиции в культуре XX в. связана с разрушением презумпции тотального объективизма в исследовании природных явлений. Невозможно «конструирование натурфилософии как таковой, поскольку натурфилософские модели природы… характеризуются атрибутивной логоцентричностью, ибо содержательно предполагают видение своего предмета в качестве целостного и фундированного в своём развитии глубинными имманентными закономерностями» [25]. Существует, однако, и другая точка зрения. Профессор Анатолий Павлович Огурцов указывает, что в настоящий момент лишь ищутся другие пути построения философии природы на основе принципов коэволюции, эволюционизма, системности и синергетики [23. С. 23]. Автор статьи склоняется к первой точке зрения и считает, что сегодня можно говорить об актуализации новой области философских исследований – экологической философии (environmental and ecological philosophy), которая «изучает концепции, определяющие взаимоотношения человека и природы» [26. С. 268].

В эколитературе можно выделить экософские произведения, которые, как и все философские произведения, что уже было отмечено ранее, имеют предметом своего изображения способы мышления о мире и отличаются «восприятием действительности под углом всеобщего». Арне Нейс, с чьим именем связывают обычно появление этого термина, под экософией, или философией экологической гармонии, равновесия, понимал целостный взгляд, личную философию жизни, экологическую мудрость [27. С. 107]. Нейс сформулировал то, что было подготовлено временем. Мы вступили в период смены научных и «социальных парадигм» (термин Фритьофа Капра), предполагающий отказ от линейного детерминизма, переход к системному взгляду, восприятию мира как интегративного целого, утверждению экологического рационализма, формулированию новых ценностей и новых культурных практик. Художественное сознание меняется согласно внешним условиям. Можно сказать, что экологическая литература является результатом смены парадигм. Появляются экософские произведения как философские произведения с доминирующим интересом к этическому вопросу взаимоотношений человека с остальным природным миром, которые отличаются от натурфилософских произведений с их доминирующим интересом к нахождению общего закона природы, который можно было бы экстраполировать на все части природной системы.

Если сравнить натурфилософскую литературу с экософской, то можно заметить, что они обладают рядом одинаковых черт, что говорит об их общей философской направленности, предполагающей, как уже было сказано, особый предмет изображения. Черты натурфилософской прозы достаточно подробно раскрыты Смирновой. Среди специфических черт она выделяет характерную для натурфилософской литературы образную систему, сюжетно-композиционную структуру, пространственно-временную организацию [28]. Эти черты можно отнести и к экософской литературе. Очень часто общим является образ определённого места, с которым у человека возникает особая духовная связь. Вспомним произведение «Отец-лес» Кима. У американского поэта и эссеиста Гэри Снайдера, чьи произведения можно отнести к экософской литературе, есть образ Киткидиззе, места его проживания. Особая связь человека с местом показана и российским очеркистом Василием Песковым. Говоря о пространственно-временной организации произведений, отметим такую общую черту натурфилософской и экософской литературы, как расширение временных и пространственных рамок до бесконечности.

Мы отметили лишь один схожий для российской и американской литератур образ. Если сравнивать и дальше произведения этих литератур, можно обнаружить как различия в репрезентации природы, так и дополнительные схожие черты. Сравнительное изучение способов репрезентации природы, отражения взаимодействия человека со всем остальным природным миром в различных культурах может дать интересные результаты. Такого рода изучение необходимо для выявления трансверсальных ценностей, т.е. являющихся общими для двух или более культур и способных стать основой для сближения этих культур. О задаче выявления трансверсальных ценностей говорит, например, в своих работах профессор Анатолий Сергеевич Колесников.

Подводя итог исследованию, можно сказать, что основная цель достигнута. Выяснено, что экологическая литература, или эколитература, охватывает произведения, в которых автор выдвигает на первый план идею взаимосвязи и взаимозависимости происходящего в природном мире, признаёт внутреннюю ценность не только человека, но и всего природного мира. Автор сознаёт возможность экологической катастрофы и пытается найти основу для гармоничного существования человека с остальным природным миром. Вместо поиска универсального закона, способного объяснить функционирование всего мира в целом, авторы признают плюралистичность мира, допускают различные интерпретации связей между вещами, отказываются от линейного детерминизма.

Выполнена также задача рассмотрения терминов, непосредственно связанных с понятием эколитературы, таких как «литература о природе», «документальная литература о природе», «экопоэзия», «литература об окружающей среде», «натурфилософская и экософская литература». Результаты исследования могут быть использованы теми, кто интересуется сравнительным изучением русскоязычной и англоязычной литературы о природе. Насколько важным является такого рода изучение, уже упоминалось выше. В условиях возникновения трудностей на пути достижения диалога между некоторыми странами задача нахождения способов сближения культур видится особо актуальной. Экокритика может предоставить данные не только для осмысления общности взглядов разных культур на природу, но также и для формирования экософской концепции каждого из нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Slovic S.* The Third Wave of Ecocriticism: North American Reflections on the Current Phase of the Discipline // Ecozone. 2010. № 1. P. 4–10. URL: http://www.ecozona.eu/index.php/journal/article/view/19/64 (дата обращения: 02.07.2014).
2. *A Dictionary* of Cultural and Critical Theory / ed. by M. Payne, J.R. Barbera. Singapore : Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 205–209.
3. *Baldick Ch.* Ecocriticism // The Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford University Press, 2008. Oxford Reference Online. National Library of Australia. URL: http://www.oxfordreference.com.rp.nla.gov.au/views/ENTRY.html?subview=Main&entry=t56.e359 (дата обращения: 13.09.2011).
4. *Nature* in Literature and Cultural Studies. Transatlantic Concersation on Ecocriticism / ed. by C. Gersdorf, S. Mayer. Amsterdam : Radopi, 2006. 490 p.
5. *A Place* on Earth. An anthology of nature writing from Australia and North America / ed. by M. Tredinnik. Sydney : University of New South Wales Press Ltd., 2003. P. 25–47.
6. *Murphy P.D.* Ecocritical Explorations in Literary and Cultural Studies: Fences, Boundaries, and Fields. Plymouth : Lexington Books, 2009. 217 p.
7. *Phillips D.* The Truth of Ecology: Nature, Culture, and Literature in America. N.Y. : Oxford University Press, 2003. 300 p.
8. *Tredinnick M.* Interview by Kay Rozynski. URL: http://cordite.org.au/interviews/mark-tredinnick/ (дата обращения: 02.07.2014).

9. *Maran T.* Towards an integrated methodology of ecosemiotics: The concept of nature-text // Sign Systems Studies. P. 269–294. URL: http://www.ut.ee/SOSE/sss/pdf/maran_35.pdf
10. *Гречишкина С.В.* Идейно-художественное своеобразие эссе Гэри Снайдера о природе конца XX в. // Вестник ЗабГУ. 2013. № 3 (94). С. 95–103.
11. *Lyon T.J.* A Taxonomy of Nature Writing // The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology. Athens : The University of Georgia Press, 1996. P. 276–281.
12. *Abrams M.H., Harpham G.G.* A Glossary of Literary Terms. 9th ed. Boston : Wadsworth Cengage Learning, 2009. 393 p.
13. *Соломатина С.Ю.* Художественное своеобразие натурфилософской эссеистики Генри Дэвида Торо : автореф. дис. ... филол. наук. Нижний Новгород, 2008. 21 с.
14. *Slovic S.* The Environment Knows No Borders: Environmental Literature, Public Awareness, and Opportunities for International Collaboration. URL: http://www.nafsa.org/_/File/_/ac08sessions/GS419.pdf (дата обращения: 02.04.2014).
15. *Slovic S.* Literature // A Companion to Environmental Philosophy. Malden, Oxford : Blackwell Publishing Ltd., 2001. P. 251–263.
16. *Branch M.* Reading the Roots: American Nature Writing Before Walden. Athens, London : University of Georgia Press, 2004. 430 p.
17. *Bryson J.S.* Seeing the West Side of Any Mountain. Thoreau and Contemporary Ecological Poetry // Thoreau's Sense of Place. Essays in American Environmental Writing. Iowa City : University of Iowa Press, 2000. P. 133–145.
18. *Высоцкая Н.А.* Транскультура или культура в трансе // Вопросы литературы. 2004. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2004/2/vys1.html (дата обращения: 15.07.2014).
19. *Грякалов А.А.* Славянская поэтика в диалоге культур: опыт Китая // Вестник Российского философского общества. 2012. № 4(64). С. 77–79.
20. *Смирнова А.И.* Русская натурфилософская проза второй половины XX века. М. : Флинта ; Наука, 2009. 288 с.
21. *Еремеев А.Э.* Философская проза как феномен русской классической литературы // Фундаментальные исследования. 2005. № 4. С. 19–23. URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780042 (дата обращения: 04.06.2014).
22. *Спивак Р.С.* Русская философская лирика: проблемы типологии жанров. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 140 с.
23. *Огурцов А.П.* Натурфилософия // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 17–23.
24. *The Oxford* Companion to Philosophy. N.Y. : Oxford University Press, 2005. 1055 p.
25. *История* философии : энцикл. / сост. и глав. ред. А.А. Грицанов. URL: http://terme.ru/dictionary/181/word/naturfilosofija (дата обращения: 15.03.2014).
26. *The Cambridge* Dictionary of Philosophy. General editor Robert Audi. Cambridge University Press, 1999. 1001 p.
27. *Devall B., Drengson A., Schroll M.* The Deep Ecology Movement: Origins, Development, and Future Prospects (Toward a Transpersonal Ecosophy) // International Journal of Transpersonal Studies. 2011. № 30 (1–2). P. 101–117. URL: http://www.transpersonalstudies.org/ ImagesRepository/ijts/Downloads/Drengson-Devall.pdf (дата обращения: 26.07.2014).
28. *Смирнова А.И.* Актуальные проблемы изучения современной натурфилософской прозы // Природа и человек в художественной литературе : материалы Всерос. науч. конф. Волгоград : Издательство ВолГУ, 2001. С. 5–13.

Статья представлена научой редакцией «Филология» 29 июля 2014 г.

ON CONTEMPORARY NATURE LITERATURE STUDIES: THE ASPECTS OF ECOLOGICAL LITERATURE RESEARCH

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 8-14. DOI: 10.17223/15617793/387/2
Grechishkina Svetlana V. Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: Sveta-only4me@mail.ru
Keywords: nature writing; nature philosophy; nature philosophical prose; ecocriticism; environmental literature; environmental philosophy.

The purpose of the article is to analyse the notions of ecological literature, environmental literature and nature writing. Special attention is paid to the categorization of environmental literature. At first, the author focuses on the phenomenon of ecocriticism which appeared in response to the interest of researchers to the new kind of nature literature and to the ways of literary representation of the interaction between humans and the rest of the natural world. Then, to clarify the meaning of the above mentioned notions the author compares different points of view of the researches on these notions. As the notion of nature writing is the most contested one among them, the author addresses the works of such famous ecocritics as M. Branch, T. Maran, D. Phillips and S. Slovic to clarify its meaning. The term "ecological literature" is new to Russian literary studies. This fact is proved not only by rare reference to it, but also by the absence of its definition in dictionaries. The works on ecological literature by such prominent researchers as J.S. Bryson, A.A. Gryakalov and N.A. Vysotskaya help the author of the article to define "ecological literature" and single out its features. Nature philosophical literature is very close to the notion of ecological literature, that is why the author of the article finds it important to find out their differences and similarities. To compare the terms "ecological literature" and "nature philosophical literature" which partly coincide in meaning the author draws on the works on Russian nature philosophical prose literature done by A.I. Smirnova and the conceptions of environmental (ecological) philosophy and nature philosophy. To prove the fact that not all ecological literary works can be referred to as nature philosophical works the author turns to the philosophical literary studies by R.S. Spivak and A.E. Eremeyev. Moreover, the author introduces the term "ecosophical literature" which means "philosophical literature with the dominant of ethics of the interaction between humans and non-human natural world". Lastly, the author pays attention to the question of nature representation in American and Russian literatures. Further comparative study of this question is welcome. The author of the article believes that such kind of study can help us bridge the gap between cultures. The historical-typological, cultural-historical and comparative methods are used in the research. The results of the research can be used by those who are interested in comparative American-Russian literary studies.

REFERENCES

1. Slovic S. The Third Wave of Ecocriticism: North American Reflections on the Current Phase of the Discipline. *Ecozone*, 2010, no. 1, pp. 4-10. Available at: http://www.ecozona.eu/index.php/journal/article/view/19/64. (Accessed: 02nd July 2014).
2. Payne M., Barbera J.R. (eds.) *A Dictionary of Cultural and Critical Theory*. Singapore: Blackwell Publishing Ltd., 2010, pp. 205-209.
3. Baldick Ch. *Ecocriticism*. In: *The Oxford Dictionary of Literary Terms*. Oxford University Press, 2008. Oxford Reference Online. National Library of Australia. Available at: http://www.oxfordreference.com.rp.nla.gov.au/views/ENTRY.html?subview=Main&entry=t56.e359. (Accessed: 13th September 2011).
4. Gersdorf C., Mayer S. (eds.) *Nature in Literature and Cultural Studies. Transatlantic Concersation on Ecocriticism*. Amsterdam: Radopi, 2006. 490 p.

5. Tredinnik M. (ed.) *A Place on Earth. An anthology of nature writing from Australia and North America*. Sydney: University of New South Wales Press Ltd., 2003, pp. 25-47.
6. Murphy P.D. *Ecocritical Explorations in Literary and Cultural Studies: Fences, Boundaries, and Fields*. Plymouth: Lexington Books, 2009. 217 p.
7. Phillips D. *The Truth of Ecology: Nature, Culture, and Literature in America*. New York: Oxford University Press, 2003. 300 p.
8. Tredinnick M. Interview by Kay Rozynski. Available at: http://cordite.org.au/interviews/mark-tredinnick/. (Accessed: 02nd July 2014).
9. Maran T. Towards an integrated methodology of ecosemiotics: The concept of nature-text. *Sign Systems Studies,* 2007, no. 35.1/2, pp. 269-294. Available at: http://www.ut.ee/SOSE/sss/pdf/maran_35.pdf.
10. Grechishkina S.V. The Ideological and Artistic Originality of the Essay Gary Snyder about the Nature of the end of XX Century. *Vestnik Zabaykal'skogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2013, no. 3 (94), pp. 95-103. (In Russian).
11. Lyon T.J. *A Taxonomy of Nature Writing*. In: Glotfelty Ch., Fromm H. (eds.) *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. Athens: The University of Georgia Press, 1996, pp. 276-281.
12. Abrams M.H., Harpham G.G. *A Glossary of Literary Terms*. 9th ed. Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2009. 393 p.
13. Solomatina S.Yu. *Khudozhestvennoe svoeobrazie naturfilosofskoy esseistiki Genri Devida Toro*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Artistic originality of natural philosophy essays by Henry David Thoreau. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Nizhniy Novgorod, 2008. 21 p.
14. Slovic S. *The Environment Knows No Borders: Environmental Literature, Public Awareness, and Opportunities for International Collaboration*. Available at: http://www.nafsa.org/_/File/_/ac08sessions/GS419.pdf. (Accessed: 02nd April 2014).
15. Slovic S. *Literature*. In: Jamieson D. (ed.) *A Companion to Environmental Philosophy*. Malden, Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2001, pp. 251-263.
16. Branch M. *Reading the Roots: American Nature Writing Before Walden*. Athens, London: University of Georgia Press, 2004. 430 p.
17. Bryson J.S. *Seeing the West Side of Any Mountain. Thoreau and Contemporary Ecological Poetry*. In: Schneider R.J. (ed.) *Thoreau's Sense of Place. Essays in American Environmental Writing*. Iowa City: University of Iowa Press, 2000, pp. 133-145.
18. Vysotskaya N.A. Transkul'tura ili kul'tura v transe [Transculture or culture in a trance]. *Voprosy literatury*, 2004, no. 2. Available at: http://magazines.russ.ru/voplit/ 2004/2/vys1.html. (Accessed: 15th July 2014).
19. Gryakalov A.A. Slavyanskaya poetika v dialoge kul'tur: opyt Kitaya [Slavic poetics in the dialogue of cultures: Chinese experience]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*, 2012, no. 4(64), pp. 77-79.
20. Smirnova A.I. *Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka* [Russian natural-philosophical prose of the second half of the 20th century]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2009. 288 p.
21. Eremeev A.E. Philosophical Prose as a Phenomenon of Russian Classical Literature. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*, 2005, no. 4, pp. 19-23. Available at: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780042. (Accessed: 04th June 2014). (In Russian).
22. Spivak R.S. *Russkaya filosofskaya lirika: problemy tipologii zhanrov* [Russian philosophical lyrics: Problems of genre typology]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ., 1985. 140 p.
23. Ogurtsov A.P. *Naturfilosofiya* [Natural philosophy]. In: Stepin V.S., Semigin G.Yu. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 2010. Vol. 3, pp. 17-23.
24. *The Oxford Companion to Philosophy*. New York: Oxford University Press, 2005. 1055 p.
25. Gritsanov A.A. (ed.) *Istoriya filosofii: entsiklopediya* [History of Philosophy: encyclopedia]. Available at: http://terme.ru/dictionary/181/ word/naturfilosofija. (Accessed: 15th March 2014).
26. Audi R. (ed.) *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. Cambridge University Press, 1999. 1001 p.
27. Devall B., Drengson A., Schroll M. The Deep Ecology Movement: Origins, Development, and Future Prospects (Toward a Transpersonal Ecosophy) // *International Journal of Transpersonal Studies,* 2011, no. 30 (1–2), pp. 101-117. Available at: http://www.transpersonalstudies.org/ ImagesRepository/ijts/Downloads/Drengson-Devall.pdf. (Accessed: 26th July 2014).
28. Smirnova A.I. [Recent problems in the study of natural philosophy of modern prose]. *Priroda i chelovek v khudozhestvennoy literature: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Nature and man in fiction: Proc. of the All-Russian scientific conference]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2001, pp. 5-13. (In Russian).

Received: 29 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 15–21 DOI: 10.17223/15617793/387/3

УДК 800

А.И. Деева

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ФРАГМЕНТА РУССКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Представлен сравнительный анализ метафорических фрагментов нефтегазовой терминосистемы русского и английского языков. Дается описание неэквивалентных структур знаний, привлекаемых в процесс метафорической концептуализации. Выявляются особенности метафорического фрагмента русской нефтегазовой терминосистемы на фоне аналогичного фрагмента англоязычной терминосистемы. Материал анализируется в аспекте когнитивной лингвистики, с позиции метафорического моделирования. Делается вывод о специфике когнитивного процесса метафоризации на примере данной отраслевой терминологии.

Ключевые слова: нефтегазовая терминология; терминологические системы; концептуальная сфера-источник; концептуальная сфера-мишень; концептуальная метафорическая модель; метафорическая концептуализация; актуализация структур знаний.

Настоящая статья отражает результаты исследования метафорического фрагмента нефтегазовой терминологии в русском языке с позиции концептуального моделирования. Мы выявляем специфику концептуального моделирования метафорической терминологии русской нефтегазовой терминосистемы на фоне метафорического фрагмента английской терминосистемы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возросшим интересом к роли метафорической концептуализации в познавательной деятельности и ее гносеологической функции в современной науке. Работы, посвященные исследованию терминологических систем [1–9], не позволяют ставить под сомнение тот факт, что любые терминологические системы содержат метафорические термины. Присутствует метафорический фрагмент и в нефтегазовой терминосистеме. Данная терминосистема уже выступала объектом исследования в лингвистических работах. В частности, были предприняты исследования, посвященные структурно-семантическому анализу русской терминологии нефтедобычи [10], осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ развития терминологии «нефть и нефтепродукты» в английском и русском языках [11], рассмотрены характерные особенности терминологического поля в области нефти и газа [12], изучена терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста [13], а также описана семантическая диффузия в английском и русском технических терминах на материале нефтегазовой терминологии [14]. Мы предлагаем анализ нефтегазовой терминологической системы в аспекте концептуального метафорического моделирования. Проанализировав структуры знаний, актуализирующиеся в русском и английском метафорическом фрагменте, мы выдвигаем гипотезу о том, что различие метафорического фрагмента терминологических систем обусловлено влиянием общенационального языка и особенностями национального мышления: носители разных языков по-разному членят и интерпретируют действительность, что находит отражение в терминологических системах.

Объектом настоящего исследования является метафорический фрагмент нефтегазовой терминологической системы русского и английского языков. ***Предметом*** исследования стали концептуальные модели, вовлеченные в процесс метафорической концептуализации терминов, фундирующих фрагмент нефтегазовой терминологической системы двух языков.

Цель настоящей статьи – выявление характерных особенностей процесса концептуального моделирования метафорического фрагмента нефтегазовой терминологической системы двух языков и выявление структур знаний, которые актуализируются в процессе метафорической номинации.

Как известно, становление любой отраслевой терминологии предопределено развитием отрасли, которую она обслуживает. Войны, революции и экономические кризисы также оказывают свое влияние на становление промышленности, а следовательно, и терминологической базы отрасли промышленности. Первые скважины в США и России были пробурены примерно в одно время, но национальные отрасли промышленности долгое время развивались автономно. Российская терминологическая система нефтегазовой отрасли на протяжении долгого времени формировалась независимо от европейских и американских систем, но впоследствии (по причине ВОВ и сложной политической и экономической ситуации) оказалась под их влиянием, что отразилось на наполняемости терминологической системы данной отрасли. В настоящее время английская терминосистема является источником заимствований для русской нефтегазовой терминосистемы. Причина этого заключается в том, что многое оборудование и детали оборудования для добычи, переработки и транспортировки нефти и газа Россия и сегодня закупает в США. Как следствие, многие термины русской нефтегазовой терминосистемы зависят от англоязычной, заимствуются из нее. Эквивалентны ли метафорические фрагменты двух терминосистем?

Прежде чем ответить на этот вопрос, определим методологические основания данной работы. Теоретической основой настоящего исследования стала теория концептуальной метафоры, разработанная в США Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [15]. Таким образом, под метафорой мы понимаем когнитивный механизм, лежащий в основе ментальной деятельности, как «устойчивые соответствия между областью

источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [15. С. 11]. *Метафорическая концептуализация* – это когнитивный процесс, который подразумевает интерпретацию новых явлений, объектов и т.п. на основе уже имеющихся знаний, закрепленных за теми или иными языковыми структурами. При концептуализации лексическая единица общенационального языка «переходит» из национального языка в научную действительность, номинируя некоторое научное понятие. Этот переход осуществляется за счет концептуализации определенных характеристик и признаков объекта. Мы исходим из того факта, что за каждой терминологической системой стоит общенациональный язык и, соответственно, наивная картина мира носителей этого языка. На сегодняшний день языковая и наивная картины мира отождествляются. Следуя за О.А. Корниловым, под языковой картиной мира мы понимаем «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [22. С. 112]. За разноязычными метафорическими фрагментами терминосистем одной и той же отрасли стоят разные структуры знаний. Это влияет на количество и качество терминов-метафор, которые соотносятся с терминологическими системами.

Эмпирическим материалом для настоящей статьи послужила метафорическая терминология английской и русской нефтегазовой терминосистемы, извлеченная методом сплошной выборки из переводческих словарей по нефти и газу [16–21], профессиональных словарей, созданных переводчиками нефтяных компаний для внутреннего пользования. В нашем исследовании мы не рассматриваем геологическую лексику и практически не привлекаем общетехнические термины.

Два фрагмента нефтегазовой терминологической системы русского и английского языков, в первую очередь, отличаются количественно. Фрагмент русской терминосистемы представлен 190 метафорическими терминами, а английской – 226 терминами-метафорами.

Все выявленные термины были распределены нами по моделям на основании того, какие концептуальные сферы-мишени и сферы-источники были привлечены для концептуализации. Мы можем сделать вывод о том, что сферы-источники в двух терминосистемах совпадают: артефакт, человек, живое существо, вещество, растение, ландшафт. В двух терминосистемах сферами-мишенями стали «оборудование», «скважина», «процесс бурения и добычи нефти и газа», «нефть», «газ» и «буровой раствор», но к английской терминосистеме добавились еще две: «работники отрасли» и «месторождение». Таким образом, первый вывод, который мы делаем, заключается в том, что англоязычная нефтегазовая терминосистема не только насчитывает большее количество терминов, но и отличается качественно.

В процессе анализа материала мы выстраивали когнитивные модели на базе обозначенных ранее сфер-источников и сфер-мишеней. Основной сферой-источником для русской терминосистемы стал «артефакт», а основной концептуальной моделью – артефактная. Это противоречит устоявшемуся мнению о том, что антропометричность является самой распространенной характеристикой различных терминологических систем [2, 4]. В нашей работе мы выявили 74 артефактных термина метафоры в русской терминологической системе. Для английской терминосистемы метафорическая концептуализация с опорой на понятийную сферу «Человек» является первостепенной (87 антропоморфных метафорических терминов), а артефакт – вторичен. В этом пропорциональном несоответствии «Человек / Артефакт» заключается основная разница в привлечении знаниевых структур в процессе концептуализации двух терминологических систем.

Все концептуальные метафоры в двух системах представлены в следующем количественном соотношении:

Модель	Количество терминов в русском языке	Количество терминов в английском языке
Артефактная	**74**	51
Антропоморфная	42	**87**
Анималистическая	26	11
Зооморфная	18	28
Вещественная	16	20
Фитоморфная	8	10
Ландшафтная	6	11

Структуры знаний, вовлекаемые в артефактные модели в двух языках, различаются. Мы полагаем, что основной отличительной чертой двух терминосистем является не то, *какие* признаки используются (они совпадают, а именно признак внешнего вида, сходство функционирования, назначение объекта), а то, *как* они используются. Для русскоязычного фрагмента нефтегазовой терминосистемы свойственно использование признаков (2–3) в комплексе: *нож* труборезки – это нож для резки труб, также получил свое название из-за функционального совпадения с ножом – инструмент для резания, состоящий из лезвия и ручки [23, 24]. *Нож* труборезки не только внешне напоминает нож, но и функционально соотносится со столовым прибором, так как используется для резки труб, следовательно, концептуализируется не только признак внешнего вида, но и назначение столового предмета и принцип функционирования; *подсвечник* (удерживает свечу буровых колонн), *стол бурового ротора* (на столе располагается буровой ротор), *манжета* (кольцо, служащее для герметизации, предохранения перетекания жидкости, газа в поршневых насосах), *стабилизирующий поясок* (часть бурильной колонны, предназначенная для плотной посадки на нее другой трубы и увеличения герметичности и прочности соединения), *хомут* (массивный стальной механизм для удержания обсадной колонны над забоем), *седло* (деталь какого-либо бурового инструмента для опоры, посадки какой-то другой детали).

Для английского фрагмента нефтегазовой терминосистемы свойственно использование единичных признаков: признак сходства принципов функционирования: *grab (букв. хватать) – разновидность ловильного инструмента* (хватать = ловить), *to fish up (букв. выловить, вытащить из воды) – извлекать из скважины оборванную часть инструмента* (выло-

вить = извлечь), *power pinion clutch (clutch – букв. сжатие, захват) – приводная фрикционная муфта для станка-качалки (муфта – приспособление для крепежа валов)* (сжать = зафиксировать), *steel jacket of a platform (jacket – букв. куртка) – стальной кожух морской платформы* (функция покрытия), *collar (букв. ворот) – переходная муфта* (функция плотной фиксации труб), *drill collar – ворот бура* (функция плотного прилегания), *basket barrel (basket – букв. корзина) – ловильный инструмент* (функция удержания и хранения того, что внутри), *junk basket (junk – букв. мусор, отходы) – шламометаллоуловитель для мелких предметов* (функция удержания и хранения того, что внутри); признак внешнего вида: *macaroni string – насосно-компрессорная колонна труб малого диаметра (менее 50 мм)* (вытянутая и очень узкая форма изделия = труба), *catwalks (букв. подиум) – боковые мостки основания буровой установки* (плоскость подиума = плоскость настила из досок), *paddle bit (букв. весло) – плоское расширяющееся долото для роторного бурения* (форма весла = форма расширяющегося долота), *swab (букв. швабра) – поршень для откачки скважины (вытянутая форма рукоятки швабры = вытянутая форма поршня), bell socket (bell – букв. колокол, socket – букв. впадина, углубление) – ловильный колокол* (форма купола = форма ловильного инструмента), *drum (букв. барабан) – емкость цилиндрической формы* (сходство цилиндрической формы), *oil drum – бочка для нефтепродуктов* (сходство цилиндрической формы), *mud gun (gun – букв. ружье) – струйное перемешивающее устройство для бурового раствора* (сходство внешнего вида), *sleeve (букв. рукав) – муфта (вытянутая форма рукава = продолговатое устройство)*; признак сходства месторасположения в меньшей степени актуализируется в настоящей модели. *Cellar (букв. подвал) – амбар (нефтехранилище в виде углубления в землю)* (месторасположение ниже уровня земли), *shoe (букв. ботинок) – башмак обсадной колонны* (находится снизу).

В двух терминосистемах артефактная модель практически не различается по внутренней фреймовослотовой структуре, так как они представлены фреймами «кухонная утварь» (*тарелка ратификационная, нож труборезки, вилка, base plate, jar bumper*); «одежда» (*горловина, рука, ворот бура, юбка, collar, steel jacket, dress bit*), «обувь» (*башмак, shoe*), «еда» (*сухарь, macaroni string*). Термины, соотносящиеся с одинаковыми фреймами в двух терминосистемах, отличаются. Также в английской терминосистеме присутствуют фреймы «оружие» и «игровое событие», которые не представлены в русской терминосистеме.

На втором месте в русской терминологической системе и на первом – в английской находится концептуализация представлений о человеке. На данном этапе мы можем проследить множество концептуальных различий. В русскоязычном метафорическом фрагменте концептуализируются характеристики, свойственные человеку и характеризующие его: черты характера (*характер, пассивный пробосборник, эксцентричное долото* и др.), работа (*кондуктор*), наименование (*баба*), физические действия, совершаемые человеком (*шаг*), поступки человека (*восстание, сопротивление, возмущение пласта*), оценивается труд человека (*продуктивность пласта*), у него есть определённый социальный статус (*холостой ход*). Здесь представлен человек как сложный социальный субъект, испытывающий чувства, способный на поступки и деятельность. «Человек физический» также рассматривается в процессе метафорической концептуализации, однако количество метафорических терминов доказывает, что физиологический аспект интерпретации человека менее вовлечен в процессы метафорической концептуализации. Возможно, на наш вывод повлиял факт выделения анималистических метафор, с которыми соотносятся термины, сферой-источником которых послужили состояния (*пульсация* (сбой в работе скважины), *питание скважины, циркуляция скважины, биение*, *усталостные трещины* скважины, скважина может быть *истощенной* и *слепой*, совершать *вдох* и *выдох*) и части тела (*затылок, головка колонковой трубы, ребро задвижки*, *ушко, шейка*). Эти органы и состояния присущи как человеку, так и животному (живому организму в целом).

Антропоморфная модель в английском языке также ориентирована на человека как социального субъекта, оборудованию в англоязычной терминосистеме дают имя (*Kelly drive* – вкладыш для вращения квадратной штанги), выявляют половую принадлежность деталей оборудования (*male tap* (мужской) – ловильный метчик, *female fishing tap* (женский) – ловильный колокол); возраст – high *boy* (*boy* – букв. мальчик) – прицеп с высокой платформой. Чаще концептуализируется признак внешнего вида при номинировании: *Marcel disk* (*marcel* – букв. причёска, состоящая из локонов, сделанных горячими щипцами) – диск долота с волнообразной режущей кромкой; *eccentric bit* (*eccentric* – букв. эксцентричный) – эксцентричное долото, но мы понимаем под «эксцентричным» долото со сдвинутым центром. Широко представлена профессиональная деятельность человека, спроецированная на оборудование и его детали: *washer (букв. мойщик) – шайба под гайку, derrick (букв. палач) – буровая вышка, pilot bit (букв. пилот) – направляющее долото, pressure thief (букв. вор) – прибор для отбора пробы из забоя скважины, cutter (букв. резчик, например, по дереву) – шарошка, mud mixing hopper (hopper – букв. прыгун) – воронка для приготовления бурового раствора* и др. То есть в обоих фрагментах терминосистем актуализации подвергаются различные аспекты представлений о человеке, задействованы различные знаниевые структуры, как результат – существенные *качественные* отличия в концептуализации.

Стоит отметить, что терминологические системы регулярно пополняются не только официальными терминами, но и профессионализмами и жаргонизмами. В результате исследования мы пришли к выводу, что в русской нефтегазовой терминологической системе отсутствуют метафорические жаргонизмы и профессионализмы. Второй вывод заключается в том, что англоязычные, а чаще всего американские жаргонизмы и профессионализмы-метафоры не переводятся на русский язык, а расширенно толкуются: *stud duck* – вице-президент по разведке и добыче (США,

жарг.); *blue-sky peddler* – недобросовестный агент, торгующий акциями нефтяной компании по почте; *tax holiday* – временное освобождение нового предприятия от уплаты налогов (проф.); *jet piercing* – метод проходки пород при помощи высокотемпературной огневой струи (проф.); *jack pot well* – высокодебитная скважина (США, жарг.); *sleeper* – приобретённый задешево арендный участок земли; *doctor test* – «докторская проба» – испытание нефти на содержание активной серы «докторским» раствором – щелочным раствором плюмбита натрия (проф.); *sinus trouble* – приостановка буровых работ в ожидании финансирования (США, жарг.); *roughneck* – рабочий буровой бригады (обслуживающий двигатели, насосы, ключи) (США, жарг.); *top leaser* – недобросовестный земельный арендатор (жарг. США); *ticket buyer* – земельный агент, комиссионер (США, жарг.); *King-kong* (США, жарг.) – председатель совета директоров; *mullet* – дилетант в нефтяном бизнесе (США, жарг.); weevil – новичок в нефтяном бизнесе (США, жарг.); *stinker* – «вонючка» (США, жарг.), нерентабельная нефтяная скважина с быстропадающим дебитом. Мы приходим к выводу, что преобладание метафорических жаргонизмов в англоязычной терминосистеме является еще одним доказательством того, что носители разных языков по-разному обращаются с языковым материалом; там, где для носителей одного языка использование жаргонизма-метафоры является нормой, носитель другого менталитета предпочтет нейтральный термин, лишенный метафорического колорита.

Наиболее ярким примером, демонстрирующим разницу структур знаний, менталитетов, подходов к членению мира, стало присутствие одного вида метафорических терминов в терминосистеме одного языка и полное ее нивелирование в другой. Мы говорим о метафорах, косвенно или напрямую связанных со смертью. В англоязычном метафорическом фрагменте изучаемой терминосистемы присутствуют подобные термины. Их использование очень многообразно и далеко не всегда можно проследить логику концептуализации, например при номинировании скребков для прочистки трубопровода: *go-devil* (букв. иди-дьявол) – скребок для чистки трубопровода или сбрасываемое (в скважину) устройство. Можно выделить лексему, которая используется чаще других, – die (букв. смерть, умирать, прекращать существование). Терминологическое значение die – плашка (инструмент для нарезки внешней винтовой резьбы). Другой пример – термин *die collar* (букв. мертвый воротник) – ловильный колокол (устройство, предназначенное для захвата и извлечения муфт, замков или других предметов). На этих примерах возможно проследить концептуальный аспект – функция инструмента – «намертво» изолировать, так как ворот и колокол, благодаря своей форме, обладают функцией отделить, «окружить», захватить объект. Ворот способен «облегать, окружать шею», в нашем случае – фиксировать *муфты*, колокол также может использоваться для извлечения предметов; *choke* (удушье) – штуцер – отрезок трубы небольшого диаметра (10–20 мм) для выпуска воды или воздуха, отбора жидкости из трубопровода с целью измерения её давления.

Таким образом, нам представляется возможным проследить концептуализацию функционального аспекта заимствования термина: штуцер предназначен для перекрытия подачи воздуха или воды, и в этом очевидное сходство с удушьем; *deadman* (букв. покойник, мертвец) – устройство (якорь) для крепления оттяжки. Очевидно, что якорь в англоязычной терминологии носит подобное название в связи с ассоциативным функциональным оттенком – якорь подобен покойнику, лежащему неподвижно. На сленге буровых инженеров возможно использование термина «мертвяк». Еще одна однокоренная метафора *deadwood* (букв. сухостой) обозначает объём, занимаемый конструкциями, расположенными внутри резервуара. Таким образом, здесь слово «мертвый» имеет иной смысл, мертвый не значит неживой, а подразумевает «объем, занимаемый впустую». Связь между наименованием и денотатом можно уловить лишь на ассоциативном уровне; *dead well* (букв. мертвая скважина) тоже получила свое название в связи с утратой своей непосредственной функции – являться пригодной для добычи нефти и газа, истощенная скважина становится в видении носителя английского языка «неживой». Процесс глушения скважины – *killing the well* (букв. убийство). Термин из русскоязычной терминосистемы обладает оттенком «остановки функционирования», он лишен непосредственного оттенка смерти, который есть у английского термина, ведь глушение – это уменьшение силы проявления на объект; *graveyard tour* (букв. тур по кладбищу) – ночная смена на буровой, начинающаяся в полночь. Прослеживается связь между восприятием и интерпретацией смерть = ночь = кладбище (мы предполагаем, что смерть ассоциируется с кладбищем, а кладбище, в свою очередь, ассоциируется с ночью). Русскоязычный термин «ночная смена на буровой» не является метафорическим. Мы отмечаем, что англоязычная терминосистема также соотносится с метафорами, косвенно связанными со смертью (колющие и режущие предметы): *hot knife* (букв. горячий нож) – самоходная установка электропрогрева скважины, *spear* (букв. копье) – внутренняя труболовка, *pin* (букв. булавка) – конец трубы или штанги с наружной резьбой («папа»). Фрагмент русской нефтегазовой терминосистемы насчитывает незначительное количество терминов, связанных со смертью. Подобных терминов мы выявили всего четыре, в них актуализируется лишь одна лексема «мёртвый»: *мертвый конец, мертвый якорь, мертвая зона, мертвая нефть*.

Итак, мы делаем ряд выводов о специфике русского метафорического фрагмента нефтегазовой терминосистемы, очевидной на фоне аналогичного фрагмента английской терминосистемы. Во-первых, концептуальные модели, репрезентирующие терминологическую систему. Обе терминосистемы представлены семью концептуальными метафорами, сферами-источниками выступают: 1. Артефакт. 2. Человек. 3. Живое существо. 4. Животное. 5. Вещество. 6. Растение. 7. Ландшафт. Особенность заключается в том, что в отличие от других терминосистем (геологической, политической, медицинской), метафорический фрагмент русской нефтегазовой терминологической

системы ориентирован в первую очередь на артефакт, а во вторую – на человека. В английской терминосистеме, наоборот, метафорический фрагмент в первую очередь антропометричен.

Во-вторых, «Человек» в русскоязычном метафорическом фрагменте представлен в большей степени как сложный субъект, нежели как человек физический. Таким образом, антропоморфная модель, занимающая второе место по распространенности в русском языке и первое – в английском, актуализирует разные структуры знаний, что напрямую отражается на наполняемости терминосистем.

Анималистическая концептуальная модель, объединив в себе характеристики и человека, и животного, напротив, представляет живой организм с точки зрения физиологических параметров (концептуализируются части тела, физиологические процессы и состояния). Мы относим наличие анималистической модели к специфике русской терминосистемы, так как в английской терминосистеме наибольшее распространение получила зооморфная модель, в то время как анималистическая практически не представлена.

Для русской терминосистемы свойственна концептуализация 2–3 признаков одновременно, а в англоязычном фрагменте в превалирующем числе примеров актуализируется одна характеристика. Однако мы отмечаем, что для двух терминосистем актуальна концептуализация одинаковых признаков: внешний вид, назначение, сходство функционирования, но актуализируются они по-разному. Фреймово-слотовые структуры в двух терминологических системах хоть и не соотносятся количественно, качественно могут часто соотноситься. Например, модель «оборудование – это дом» в русской и английской терминосистемах соотносятся с фреймами «внешний вид дома», «предмета быта и интерьера», «кухонная утварь» и пр. «Наполнение» фреймов может различаться и совпадать: *bed, rotary table = роторный стол, base plate, тарелка ратификационная, купол = dome* и др.

В качестве особенностей англоязычного фрагмента мы можем назвать использование имен людей: *Kelly drive – вкладыши для вращения ведущей трубы, Kelly – ведущая бурильная труба, Jack latch – ловильный инструмент (latch – простой парень, человек (из народа)), Paddy bit – буровой наконечник с выдвигающимися под давлением резцами* и др. Также используются породы собак: *bulldog pin socket*; *bobtail – инструмент для ударно-канатного бурения для вскрытия пласта.* В русскоязычном фрагменте подобные примеры выявлены не были.

Мы также отмечаем ряд специфических особенностей, которые не были бы раскрыты вне иноязычного фона: в русскоязычном фрагменте практически отсутствуют термины, напрямую или косвенно связанные со смертью, – актуализируется только лексема «мёртвый». Русскоязычный метафорический фрагмент не представлен метафоризированными жаргонизмами и профессионализмами. Англоязычные профессионализмы и жаргонизмы-метафоры не калькируются, а переводятся описательно, представляя расширенное толкование иноязычных терминов.

Представленные факты позволяют нам подтвердить тезис о разнообразии привлекаемых в процесс концептуализации структур знаний. Наивная картина мира, выработанная веками, является основой метафорической концептуализации, определяя, какие параметры и как будут функционировать и актуализироваться, а что не будет подлежать актуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мишанкина Н.А.* Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–46.
2. *Овсянникова В.В.* Метафорические модели терминообразования научного геологического дискурса (сферы-источники «Артефакт», «Животное», «Растение») // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : Материалы конф. молодых ученых. 2 апреля 2010 г. Томск, 2010. Вып. 11, т. 1. Лингвистика. С. 160–165.
3. *Софронова Т.М., Фельде О.В.* Прототип двуязычного электронного глоссария пирологической терминологии. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/345/image/345-038.pdf
4. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
5. *Носкова М.В.* Моделирование и лексикографическое представление терминосистемы предметной области финансово-предметных отношений в современном английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2004.
6. *Сулак С.* Исследование терминологической системы предметной области «финансы» (на основе материалов русского, немецкого языков) : дис. … д-ра филол. наук. Кишинев, 2006.
7. *Мартемьянова М.А.* Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2011.
8. *Смирнова Е.В.* Метафора как наиболее продуктивный способ образования новых терминов в кардиологической лексике (на примере английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1.
9. *Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2006.
10. *Думитру Е.Ш.* Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009.
11. *Панкратова Е.А.* Сравнительно-сопоставительный анализ развития терминологии «нефть и нефтепродукты» в английском и русском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.
12. *Смагулова А.С.* Специфика терминологического поля в области нефти и газа (на материале английского и казахского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Алматы, 2010.
13. *Сулейманова А.К.* Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2006.
14. *Юнусова И.Р.* Семантическая диффузия в английском и русском технических терминах на материале нефтегазовой терминологии : автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2010.
15. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004. 256 с.
16. *Белоусов В.С.* Нефтегазовая промышленность. Основные процессы и англо-русская терминология. М. : Техинпут, 2006.
17. *Булатов А.И.* Англо-русский словарь по бурению и заканчиванию скважин. М. : Недра, 1991.

18. *Глоссарий* геологических терминов по профессиональному английскому языку / сост. Р.Н. Абрамова, А.Ю. Фальк. Томск : Изд-во ТПУ, 2006.
19. *Тимофеев В.А.* Краткий геологический словарь (русско-английский). М. : Твант, 1996.
20. *Русско-английский* словарь нефтяных и газовых терминов: словарь для внутреннего пользования сотрудниками компании / Международное подразделение нефтяной промышленности компании «Прайс Уотерхауз».
21. *Уткин И.А.* Англо-русский терминологический словарь по геолого-поисковому бурению. Л. : Гос. науч.-техн. изд-во нефтяной и горно-топливной литературы, 1963.
22. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003.
23. *Словарь* русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1985.
24. *Мишанкина Н.А., Деева А.И.* Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 29–37.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 июля 2014 г.

SPECIFICITY OF A METAPHORICAL FRAGMENT OF RUSSIAN OIL AND GAS TERMINOLOGICAL SYSTEM

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 15-21. DOI: 10.17223/15617793/387/3

Deeva Anastasia I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bondad2005@mail.ru

Key words: oil and gas terminology; terminological system; *conceptual source domain; conceptual target domain; metaphorical model; process of metaphorical conceptualization.*

The article reflects the results of investigation of a metaphorical terminological system in the Russian language from the perspective of conceptual modeling. The topicality of this investigation is due to the role of metaphorical conceptualization in scientific thinking. The object of the research is a metaphorical fragment of oil and gas terminology in the Russian language. The scope of research is conceptual metaphorical models basing a fragment of oil and gas terminological system in the Russian language. The object of the article is to reveal the defining characteristics of the conceptual modeling process of a metaphorical fragment of oil and gas terminological system in the Russian language (compared to the equal fragment in English). The metaphorical fragment of the Russian terminological system is represented by 190 terms; the English metaphorical fragment is represented by 226 metaphorical terms. The source-domains in both terminological systems coincide: artifact, person, living being, substance, plant, landscape; the target-domains are "equipment and facilities", "well", "drilling and extraction", "oil", "gas", "drilling mud". In English terminological system there are two more target-domains "workmen" and "field". The knowledge structures implicated in the artifact model in two languages are different. We suppose that the main specific feature of both terminological systems is not what characteristics are involved in metaphorization but the way *how* they are involved. The Russian terminological system actualizes some characteristics (2 or 3 characteristics) simultaneously, in the English terminological system usually only one characteristic is involved. The foremost metaphorical model in the English oil and gas terminological system and the second in the Russian terminological system is the anthropomorphic conceptual model. In both metaphorical fragments the person is interpreted as a complex social subject, a person has feelings and emotions, performs deeds, and does actions. There is an animalistic conceptual metaphorical model which is very common in the Russian terminological system. This model is not represented widely in the English oil and gas metaphorical system. There are not any metaphorical jargon terms or metaphorical industry words in the Russian oil and gas terminological system. Those metaphorical jargon terms and industry words which are very common in the English terminological system are broadly interpreted. Also, there are terms with "death" semantics in the English terminological system. Therefore, the metaphorical fragment in the Russian oil and gas terminological system is "artifact-oriented", English – "person-oriented".

REFERENCES

1. Mishankina N.A. Metaphor in terminological systems: functions and models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 32-46. (In Russian).
2. Ovsyannikova V.V. [Metaphorical models of term formation of the scientific geological discourse (source spheres "Artifact", "Animal", "Plant")]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki: Materialy konf. molodykh uchenykh* [Topical problems of literary criticism and linguistics. Proc. of the conference of young scientists]. Tomsk, 2010. Issue 11, vol. 1, pp. 160-165. (In Russian).
3. Sofronova T.M., Fel'de O.V. *Prototip dvuyazychnogo elektronnogo glossariya pirologicheskoy terminologii* [A prototype of a bilingual electronic glossary of pyrological terminology]. Available at: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/345/image/345-038.pdf.
4. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors]. Ekaterinburg, 2001.
5. Noskova M.V. *Modelirovanie i leksikograficheskoe predstavlenie terminosistemy predmetnoy oblasti finansovo-predmetnykh otnosheniy v sovremennom angliyskom yazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Modeling and lexicographic representation of terminology system of financial relationships in modern English. Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2004.
6. Sulak S. *Issledovanie terminologicheskoy sistemy predmetnoy oblasti "finansy" (na osnove materialov russkogo, nemetskogo yazykov*). Dis. d-ra filol. nauk [The study of the "finance" terminological system (on the basis of Russian, German). Philology Dr. Diss.]. Kishinev, 2006.
7. Martem'yanova M.A. *Osobennosti formirovaniya sovremennykh nauchnykh tekhnicheskikh terminologicheskikh sistem (na primere terminov nanotekhnologiy)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Features of the formation of modern scientific technical terminology systems (by example of nanotechnology terms). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Izhevsk, 2011.
8. Smirnova E.V. Metafora kak naibolee produktivnyy sposob obrazovaniya novykh terminov v kardiologicheskoy leksike (na primere angliyskogo i russkogo yazykov) [Metaphor as the most productive way to form new terms in cardiology vocabulary (by example of English and Russian languages)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie,* 2011, no.1, pp. 149-152.
9. Utkina T.I. *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Metaphor in a popular scientific medical discourse. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Perm, 2006.
10. Dumitru E.Sh. *Strukturno-semanticheskiy analiz russkoy terminologii neftedobychi*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Structural and semantic analysis of Russian oil production terminology. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2009.
11. Pankratova E.A. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz razvitiya terminologii "neft' i nefteprodukty" v angliyskom i russkom yazykakh*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Comparative analysis of the terminology of "oil and petroleum products" in the English and Russian languages. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2005.
12. Smagulova A.S. *Spetsifika terminologicheskogo polya v oblasti nefti i gaza (na materiale angliyskogo i kazakhskogo yazykov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The specificity of terminological field of oil and gas (on the basis of English and Kazakh languages). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Almaty, 2010.

13. Suleymanova A.K. *Terminosistema neftyanogo dela i ee funktsionirovanie v professional'nom diskurse spetsialista*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Terminological system of oil business and its operation in the professional discourse of the expert. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Ufa, 2006.
14. Yunusova I.R. *Semanticheskaya diffuziya v angliyskom i russkom tekhnicheskikh terminakh na materiale neftegazovoy terminologii*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Semantic diffusion in English and Russian technical terms by example of oil and gas terminology. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Ufa, 2010.
15. Lakoff J., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
16. Belousov V.S. *Neftegazovaya promyshlennost'. Osnovnye protsessy i anglo-russkaya terminologiya* [Oil and gas industry. Basic processes and the English-Russian terminology]. Moscow: Tekhinput Publ., 2006.
17. Bulatov A.I. *Anglo-russkiy slovar' po bureniyu i zakanchivaniyu skvazhin* [English-Russian dictionary on well drilling and completion]. Moscow: Nedra Publ., 1991. 384 p.
18. Abramova R.N., Fal'k A.Yu. *Glossariy geologicheskikh terminov po professional'nomu angliyskomu yazyku* [Glossary of geological terms for ESP]. Tomsk: TPU Publ., 2006.
19. Timofeev V.A. *Kratkiy geologicheskiy slovar' (russko-angliyskiy)* [Brief geological dictionary (Russian-English)]. Moscow: Tvant Publ., 1996.
20. *Russko-angliyskiy slovar' neftyanykh i gazovykh terminov: slovar' dlya vnutrennego pol'zovaniya sotrudnikami kompanii* [Russian-English Dictionary of oil and gas terms: a dictionary for internal use]. International Division of Price Waterhouse Oil Company.
21. Utkin I.A. *Anglo-russkiy terminologicheskiy slovar' po geologo-poiskovomu bureniyu* [English-Russian Dictionary on geological and exploration drilling]. Leningrad: Gos. nauch.-tekhn. izd-vo neftyanoy i gorno-toplivnoy literatury Publ., 1963.
22. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. 2nd edition. Moscow: CheRo Publ., 2003.
23. Yevgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian. Language. In 4 vols.]. 3rd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1985.
24. Mishankina N.A., Deeva A.I. Oil and gas metaphorical terminology: equivalence and asymmetry of translation (based on Russian and English languages). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no.6 (26), pp. 29-37. (In Russian).

Received: 14 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 22–26 DOI: 10.17223/15617793/387/4

УДК 82.091

Ш. Липке

СПОР ОБ ЭТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ПЕЧЕНЕГ»

Рассказ А.П. Чехова «Печенег» редко становится предметом специального анализа. Впервые это произведение рассматривается в аспекте чеховской критики отдельных положений религиозно-философской этики Л.Н. Толстого. Впервые в указанном аспекте предпринят сопоставительный анализ главных героев рассказа, на основании чего предложены выводы об общем достаточно критическом отношении Чехова к толстовской этике.

Ключевые слова: А.П. Чехов; «Печенег»; Л.Н. Толстой; толстовство; религиозная философия; концепция личности.

Рассказ А.П. Чехова «Печенег» (1897) достаточно редко становится предметом специального анализа. Те исследователи, которые обращаются к данному произведению, анализируют в основном личность заглавного героя – отставного казачьего офицера Жмухина, которого соседи прозвали «печенегом» за варварское поведение его сыновей [1. Т. 9. С. 325], а также за то, что у него самого тяжелый характер, который проявляется, например, в презрении к женщинам [Там же. С. 330] и в том, что он притесняет свою жену [Там же. С. 324, 325, 330].

По мнению В.П. Вомперского, частое повторение Жмухиным выражения «знаете ли» указывает на то, что ему нечего сказать и что все его разговоры, которые он ведет, чтобы избавиться от одиночества, бессодержательны [2. С. 47–51; 3. С. 192].

В.Б. Катаев в своем анализе опирается на следующие слова Жмухина: «Да и хотелось на старости лет остановиться на чем-нибудь, чтобы не так страшно было умирать» [1. Т. 9. С. 327]. Исследователь, интерпретируя творчество Чехова в гносеологическом аспекте [4. С. 27], отмечает, что Чехов «фиксирует» даже малейшие черты человеческого духовного поиска. По мнению Чехова, поиск ориентира и смысла жизни усиливается в пожилом возрасте, когда человек чувствует приближение смерти. Это можно сказать не только о таком очевидно глубоком человеке, как Николай Степаныч в «Скучной истории», но даже о таком пустом, бесхарактерном человеке, как Жмухин [3. С. 192; 4. С. 160, 161]. Тем самым В.Б. Катаев подчеркивает, что Чехов отказывается придать героям однозначные, особенно категорически отрицательные, оценки [3. С. 189; 4. С. 162].

М. Фрайзе также организует свою интерпретацию рассказа вокруг заглавного героя. Он обращает внимание на то, что Жмухин знакомится со своим гостем на железнодорожной станции «Провалье» [1. Т. 9. С. 324; 3. С. 195], что герой близок к смерти [3. С. 194] и что в рассказе присутствуют мотивы страшного суда [1. Т. 9. С. 332; 3. С. 202–205]. Тем самым ученый интерпретирует личность Жмухина в свете таких экзистенциальных вопросов, как, например, смысл жизни [3. С. 4], и считает, что Жмухин «проваливается» [Там же. С. 195] и демонстрирует бессмысленность и пустоту своего образа жизни.

Итак, в центре анализа данного рассказа в большинстве случаев оказывается только образ Жмухина, образ же второго героя рассказа, гостя Жмухина, «частного поверенного» [1. Т. 9. С. 324], либо не изучается вообще, либо интерпретируется однозначно положительно. Например, М. Фрайзе [3. С. 194] считает, что это представитель Бога, посланный ради проверки Жмухина, описываемый Чеховым только в положительном ключе.

В контексте настоящей статьи значимо также то, что М. Фрайзе соотносит рассказ «Печенег» с повестью Толстого «Казаки» в аспекте интертекстуальности. Имеется в виду тема казачества в чеховском рассказе, в котором речь идет о казаках, о жизни офицера на Кавказе, также в обоих произведениях присутствует образ черкесской княгини [Там же. С. 197–199]. При этом М. Фрайзе [Там же. С. 200] упоминает тот факт, что гость Жмухина разделяет некоторые толстовские убеждения, например вегетарианство, никак не обращаясь при этом к позиции автора, к вопросу о том, как сам Чехов относится к таким убеждениям.

В свою очередь, В.Б. Катаев интерпретирует повесть Чехова «Огни» (1889) в аспекте чеховской критики Толстого как учителя, а именно критики стремления Толстого учить определенному пониманию нравственности [4. С. 29–34]. При этом исследователь не столько обращается к вопросу о содержании того, чему именно Толстой хочет учить, сколько к факту, что Чехов критикует само желание Толстого научить людей и убедить их в своей позиции. В целом вопрос отношения Чехова к Толстому в современном литературоведении активно изучается.

Однако рассказ «Печенег» никогда ранее не рассматривался в аспекте чеховского отношения к религиозно-философскому учению Толстого. Цель настоящей статьи – показать, что данный рассказ организован чеховской полемикой с отдельными положениями толстовской этики, такими, как отказ от насилия, в частности вегетарианство как отказ от насилия против животных.

Чехов глубоко уважал и личность, и художественное творчество Толстого. Так, например, он высоко ценил общественную деятельность писателя, который в 1891–1892 гг. спас многих людей от голодной смерти [5. С. 262]. Однако по поводу мировоззрения Толстого в марте 1894 г. Чехов пишет А.С. Суворину: «Но толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6–7, и действовали на меня <…> толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от

мяса» [1. Письма Т. 5. С. 278; 5. С. 319]. По мнению Чехова, толстовство вызывает дискуссии, поскольку любовь к людям в большей степени выражается в конкретной помощи им, нежели в подвигах аскетизма или самосовершенствования; поэтому сам Чехов уже не может быть толстовцем.

Что дискуссия о толстовской этике нужна, показывает высказывание героя в самом рассказе «Печенег»: Жмухин говорит о вегетарианстве как о «вере», которая «пошла» [1. Т. 9. С. 326]. Видимо, по крайней мере по мнению Жмухина, стало модным разделять такие взгляды. Конечно, нельзя считать высказывание героя мнением Чехова, но цитата из письма Чехова А.С. Суворину показывает, что Чехов также видит сильное влияние толстовских взглядов, по крайней мере, на себя самого. Поэтому писатель должен считать возможным или даже реальным, что данные взгляды также влияют на других людей, так что толстовство вполне может быть или стать «верой», которая «пошла».

Чехов вступает в дискуссию о Толстом, которая к концу XIX в. обостряется и в которой многие из русских мыслителей, такие, как В.С. Соловьёв или Д.С. Мережковский, выступают против Толстого [6]. Но Чехов критикует Толстого с точки зрения, не совпадающей с позицией этих философов, о чем свидетельствует приведенная выше цитата из его письма. Чехова отличают положительный взгляд на технический прогресс и убеждение, что мировоззрение многих русских религиозных философов может быть только пустым философствованием [4. С. 29].

Для специального анализа критики элементов толстовской этики в «Печенеге» следует обратиться к сопоставлению двух центральных героев рассказа, Жмухина и его гостя. Данный анализ в чеховедении предпринимается впервые.

Очевидно, что Чехов изображает Жмухина и его гостя как антагонистов. Жмухин описывается как «старый, сухой и сутулый» человек [1. Т. 9. С. 324], у него ноги «жилистые и сухие, как палки» [Там же. С. 328]. Он много разговаривает, при этом часто повторяя выражение «знаете ли» [Там же. С. 325]. Но самое значимое заключается в следующем:с одной стороны, он любит «поговорить о чем-нибудь важном и серьезном» [Там же. С. 327], ему хочется мысли, которая может быть «руководством в жизни» [Там же. С. 328]; с другой стороны, говорится, что «в [его] голове <…> все [перепутывается] и все [становится] неясно» [Там же. С. 331]. Его мысли передаются Чеховым следующими словами: «Вот хорошо бы и ему [Жмухину], старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств. Время, когда люди не будут убивать друг друга и животных, рано или поздно настанет <…> и он воображал себе это время и ясно представлял самого себя, живущего в мире со всеми животными, и вдруг опять вспомнил про свиней, и у него в голове все перепуталось» [Там же. С. 328]. Жмухин уверен в том, что в принципе животные могут жить на воле и что это было бы хорошо, но о свиньях он думает: «Ведь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотреть за ней, всё вам попортит за один день. Свинья и есть свинья, и недаром ее свиньей прозвали...» [Там же. С. 327]. Это показывает неясность его мыслей, особенно то, что он не понимает, что нельзя объяснить прямое значение слова «свинья» с помощью метафорического [3. С. 197].

Поэтому можно сказать: хотя Жмухину кажется, «что он очень серьезный, глубокий человек» [1. Т. 9. С. 328], он не способен рассуждать о нравственности разумно. Его неясные мысли о свиньях впервые возникают, когда он смотрит на ветчину, лежащую на его столе [Там же. С. 327]. Данная подробность указывает на то, что его образ жизни не соответствует его мыслям: Жмухин считает, что вегетарианство хорошо, но сам не практикует его. И по отношению к людям он такой же безнравственный. Будучи офицером, он приказал побить кавказскую княгиню, оплакивающую мужа [Там же. С. 328, 329], без каких-либо моральных рассуждений он рассказывает истории о том, что люди часто поступают безнравственно [Там же. С. 329, 330], и особенно ярко он демонстрирует, что презирает собственных детей и свою жену [Там же. С. 330]; он даже говорит: «Я женщину, признаться, не считаю за человека» [Там же. С. 330]. Словом, это старый, худой, неспокойный, глупый и недобрый человек.

Гость же описывается как «белокурый господин, средних лет, пухлый» [Там же. С. 324]. Жмухину кажется, что это очень спокойный человек, который «молчит и терпеливо скучает, и в сумерках [он] похож на большой булыжник, который не сдвинешь с места» [Там же. С. 327]; уже внешне, можно сказать, он напоминает ангела в стиле барокко [3. С. 194] или спокойно медитирующего Будду (касательно связи между Толстым и Буддой см.: [7. С. 226]). Гость может уверенно сказать, что он вегетарианец, потому что считает безнравственным причинять животным боль и последовательно соблюдает данный моральный принцип [1. Т. 9. С. 326].

Кажется, что все однозначно и что не может быть большей разницы между людьми, чем между этим кротким, последовательным человеком, с одной стороны, и Жмухиным – с другой. Но, тем не менее, можно констатировать значимые параллели между обоими героями. На уровне фабулы рассказа первая параллель заключается в том, как они относятся к жене Жмухина, которая страдает из-за того, что не имеет возможности дать своим сыновьям образование [Там же. С. 327, 328]. Она несколько раз в течение ночи пытается начать разговор с гостем, чтобы устроить своих сыновей на учебу в городе. Однако разговор не состоится, потому что Жмухин вмешивается, говоря: «Ничего ты, мать, не понимаешь, и не твое это дело. <...> Не приставай к гостю со своими разговорами дикими» [Там же. С. 328]. Неудивительно, что Жмухин, презирающий жену, поступает так. Гость же мог бы помочь ей. Он мог бы сразу остановить Жмухина и сказать, что женщина ему не мешает; он мог бы подойти к ней на кухню ночью, в отсутствии Жмухина. Но он ничего не делает. Поэтому можно констатировать, что гость пять раз явно выступает за вегетарианство и в защиту животных [Там же. С. 326, 327] и только один раз (и то не однозначно) – за презираемых Жмухиным женщин в общем, говоря, что

ему «душно», в тот момент, когда Жмухин утверждает, что не считает женщину человеком [Там же. С. 330]. Непосредственно за жену Жмухина гость не заступается ни разу. Словом, Жмухин обижает свою жену, «частный поверенный» же оказывается неготовым помочь ей.

В связи с этим можно отметить вторую параллель между героями рассказа. Символику суда, которую М. Фрайзе применил к Жмухину, можно распространить и на гостя. В Новом Завете говорится о том, что на Страшном суде неправедные окажутся на левой стороне не за то, что они не соблюли обрядов или рассуждали неправильно, но по одной той причине, что не помогли нуждающимся (Мф. 25, 31–46). В рассказе на левой стороне оказываются и Жмухин и, наряду с ним, его гость: дано описание надвигающейся грозы, небо делится на две половины, на левой половине «тяжелые грозовые тучи, черные» [Там же. С. 331], и гром, напоминающий «сражение» [Там же]. Говорится о том, что эти тучи захватывают хутор Жмухина «краем» [1. Т. 9. С. 331; 3. С. 204], так что оба героя рассказа оказываются на стороне темноты и угрозы. Это стоит понять символически: как Жмухин унижает жену, так и гость не поддерживает ее. Поэтому на уровне символики они оба осуждены.

Третью параллель можно обнаружить, отвечая на вопрос, почему гость не помогает женщине. Конечно, ситуация в доме Жмухина явно отчаянна, и почеловечески понятно, что, может быть, он просто думает, что ничего не может сделать, или же боится «печенега». Но более того, следует еще обратить внимание на менталитет гостя, который как бы нечаянно улавливает «печенег». Ночные мысли Жмухина передаются следующими словами: «Хотелось кротости, душевной тишины и уверенности в себе, как у этого гостя, который вот наелся огурцов и хлеба и *думает, что от этого стал совершеннее* <…> Имеет человек в жизни зацепку – и *хорошо ему*» [1. Т. 9. С. 327] (курсив наш. – *Ш.Л.*). Жмухин хочет быть как гость. При этом он думает, что тот ведет себя кротко и практикует вегетарианство, в первую очередь для того, чтобы ему самому было хорошо. И, с точки зрения автора, в этом есть доля правды: часто подчеркиваются «тихий, скромный нрав» [Там же. С. 324] частного поверенного, его «кротость, душевная тишина» [Там же. С. 327], «кротость и деликатность» [Там же. С. 332], снова «кротость» [Там же]. В этом нельзя не увидеть авторской иронии. В такой ситуации, как на «Печенеговом хуторе», этическая концепция отказа от насилия в виде кротости и душевной тишины не может быть надежным ориентиром, эти свойства, как говорится, «[мешают] ему [гостю] высказать на словах свою досаду» [Там же].

Значимо в данном контексте особенно то, что, по мнению Жмухина, гость «думает, что <…> стал совершеннее» [Там же. С. 327]. В рассказе не показано, что «частный поверенный» на самом деле становится совершеннее. Тот факт, что Жмухин не стремится к тому, чтобы быть как человек, в действительности приближающийся к совершенству, что ему достаточно быть как человек, которому кажется, что он усовершенствуется, даже если тот человек может ошибиться или обмануть себя, в очередной раз свидетельствует о нравственной пустоте заглавного героя: для него не играет роли быть хорошим, ему достаточно думать, что он хорош. А библейский подтекст и фабула рассказа показывают, что Жмухин улавливает правду также о своем госте и что тот, обманывая себя, действительно только думает, что он становится совершеннее. Как было сказано, «частный повереный», как и Жмухин, символически попадает под осуждение. А в финале рассказа он теряет спокойствие [Там же. С. 332]. Таким образом, параллель на уровне характеристики героев заключается в том, что оба желают душевного спокойствия, но не делают того добра, которое им нужно совершить, и, в конечном итоге, один из них спокойствия не находит, а другой его теряет.

Четвертую параллель между Жмухиным и гостем, параллель на уровне их высказываний, можно увидеть в той реальной этической позиции, которую они оба представляют и которая обоим не помогает поступать правильно. Оба героя убеждены в том, что было бы идеально, если бы все люди жили в мире друг с другом и все животные жили на воле [Там же. С. 326–328]. Поэтому гость и является вегетарианцем, так как он считает насилие против животных неправильным [Там же. С. 326]. Также по отношению к людям гость «тихого, скромного нрава» [Там же. С. 324], и даже на грубое, бестактное поведение Жмухина он почти до последнего момента реагирует мирно, так что можно считать его представителем этической концепции отказа от насилия [Там же. С. 332].

Жмухин же мечтает о следующем: «придумать бы для себя какой-нибудь подвиг, например, пойти бы пешком куда-нибудь далеко-далеко, отказаться бы от мяса <...>» [Там же. С. 331]. В связи с тем что рассказ богат аллюзиями на повесть Л.Н. Толстого «Казаки», стоит воспринять данное сочетание как намек на вегетарианство и одновременно на ссылку многих толстовцев. Более того, как уже было сказано, Жмухин говорит о вегетарианстве как о «вере» [Там же. С. 326]. Он считает, что вегетарианство связано с глубокими духовными убеждениями, как это происходит именно в толстовстве [6. С. 228]. В целом, гость описывается как толстовец; Жмухин же – как человек, который разделяет его взгляды, но не воплощает их.

В данном контексте имеет значение то, что Жмухин рассказывает о своем времени на военной службе: «У нас, на Кавказе, знаете ли, один полковник тоже был вегетарианцем. Не ел мяса, никогда не охотился и не позволял своим людям рыбу ловить» [1. Т. 9. С. 331]. То есть данный человек, будучи офицером, был готов убивать людей, но не животных. В этом рассказе Жмухина проявляется позиция автора: Чехов намекает на то, что, по его мнению, у таких людей, как «частный поверенный», иногда идеологического убеждения бывает гораздо больше, нежели реальной любви к людям.

На этом фоне пустое философствование Жмухина, без практических последствий, а наоборот, связанное с противоположными по своему смыслу поступками, можно считать пародийной параллелью к поведению гостя и ему подобных интеллигентов и философов,

часто критикуемых Чеховым за их безделие [5. С. 481]. Подобно тому, как размышлениям Жмухина, которые тот считает глубокими и серьезными, абсолютно не соответствует его образ жизни, этика гостя также оказывается бессмысленной, поскольку критерием ее истинности является не то, что человеку от размышлений спокойно на душе, но то, что его жизнь приносит пользу бедным и страдающим.

Поэтому есть еще пятая параллель между героями, снова на уровне фабулы: Жмухин с самого начала неспокоен, у гостя в последний момент фасад превосходства и чистой духовности падает. Крик гостя при отъезде: «Вы мне надоели!» [1. Т. 9. С. 332] показывает, что перед жестокой реальностью этика самосовершенствования путем кротости и смирения не выдерживает, гость теряет спокойствие, он не просто уезжает, он убегает, «точно боясь, что его вот-вот задержат» [Там же]. Он убегает потому, что не хочет, чтобы его задержали Жмухин или его жена. Прикасаться к неприятной, трудной реальности в доме Жмухина, чтобы изменить ее к лучшему, он не хочет. Его духовность направлена не на то, чтобы через правильное понимание добра выбрать правильные поступки, а на то, чтобы было «хорошо ему» [Там же. С. 327]. Жмухин не может найти душевного спокойствия, потому что его мучают бесконечные мысли о смысле жизни и постоянная неясность данных мыслей, связанная с непоследовательностью его поступков; гость же теряет спокойствие буквально в последний момент, потому что боится того, что его еще могут задержать в доме Жмухина, в том числе того, что жена Жмухина может еще в последний момент подойти к нему, начать разговор и попросить о помощи [Там же. С. 332].

В целом общее типологическое сходство между уравновешенным, спокойным гостем-толстовцем и неспокойным, смешным Жмухиным свидетельствует о том, что, с точки зрения Чехова, толстовская этика, в особенности в ее аспектах вегетарианства и вообще отказа от насилия, может представлять собой бесполезное философствование. По мнению Чехова, такое философствование, как вообще русская религиозная философия его времени, включает в себя риск пассивности и безделия. Конечной проверкой же этических позиций обоих героев в рассказе «Печенег» становится способность или неспособность человека оказать другому человеку практическую помощь и поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
2. *Вомперский В.П.* Повторы как прием созидания речевых характеристик персонажей в рассказах А.П. Чехова // Русский язык в школе. 1960. № 1. С. 47–51.
3. *Freise M.* Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen. Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
4. *Катаев В.Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979.
5. *Simmons E.* Chekhov. A Biography. London, 1963.
6. *Лурье А.С.* После Льва Толстого. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0360.shtml (дата обращения: 04.08.2014).
7. *Прокопчук Ю.В.* Лев Толстой и индийская религиозно-философская мысль: точки соприкосновения // Лев Толстой и время. Томск, 2010. С. 221–231.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 сентября 2014 г.

THE DISCUSSION ON LEO TOLSTOY'S ETHICAL TEACHING IN ANTON CHEKHOV'S STORY "THE PECHENEG"

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 22-26. DOI: 10.17223/15617793/387/4

Lipke Stephan. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

Keywords: A.P. Chekhov; "The Pecheneg"; L.N. Tolstoy; Tolstoyism; religious philosophy; personality.

Anton Chekhov's story "The Pecheneg" (1897) is not often analyzed in particular. In our essay it is for the first time considered from the point of view that in it Chekhov criticizes some elements of the religious and philosophical ethics of Leo Tolstoy. The essay aims at demonstrating that the story is organized by Chekhov's polemic with some ideas of the Tolstoyan movement, such as non-violence and, in particular, vegetarianism. For the first time the two main figures of this story are analyzed in this aspect, on behalf of which conclusions are drawn concerning Chekhov's general attitude towards the Tolstoyan ethics, which is rather critical. We pay attention to the relations between the two writers. Chekhov profoundly esteems Leo Tolstoy's work and his personality. But he criticizes Tolstoy's weltanschauung in many points, because he is convinced that working for the good of human beings is more important than abstinence from meat or other forms of asceticism. M. Freise observes that there is an intertextual connection between Chekhov's story "The Pecheneg" and Tolstoy's tale "The Cossacks". This leads us to the opinion that, in order to understand Chekhov's attitude towards Tolstoy's doctrines, it is "The Pecheneg" that assumes a key role, and most of all, the relations between the two main figures in it. Chekhov presents Zhmukhin and his guest as antagonists. Zhmukhin is an old, meagre, nervous, stupid, ridiculous and unkind man; his guest is a blond and well-fed man in his midlife. He is a very quiet man, who can clearly say why he is a vegetarian, and consistently respects this moral principle. But we can state meaningful parallels between both heroes: Zhmukhin treats his wife badly, the guest, in a crucial moment, does not help her; Zhmukhin is symbolically condemned during the Judgment Day, the guest is included into this condemnation; Zhmukhin is keen on his own spiritual tranquility, the guest is obviously also predominantly interested in the same; Zhmukhin reflects on the good aspects of life without violence, and most of all on vegetarianism, the guest is a clearly convinced vegetarian and a peaceful and meek person; Zhmukhin is nervous from the very beginning, the guest loses his appearance of superiority and pure spirituality at the last moment. Describing Zhmukhin as a morally depraved person who in vain pretends to have (or longs for having) wise thoughts and does not lead a wise life, Chekhov at the same time points out that, from his point of view, Tolstoyans like the guest sometimes do not live any better than people like the "pecheneg". Thus we come to a conclusion that Chekhov in this story expresses his opinion that representatives of the Tolstoyan weltanschauung often spend their time philosophizing in vain, instead of helping those who need practical support.

REFERENCES

1. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters. In 30 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974-1983.
2. Vomperskiy V.P. Povtory kak priem sozidaniya rechevykh kharakteristik personazhey v rasskazakh A.P. Chekhova [Repetition as a device for creating speech characteristics of characters in the stories of A.P. Chekhov]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1960, no. 1, pp. 47-51.
3. Freise M. *Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen*. Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
4. Kataev V.B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: MSU Publ., 1979. 326 p.
5. Simmons E.J. *Chekhov. A Biography*. London: Cape, 1963.
6. Lurie A.S. *Posle L'va Tolstogo* [After Leo Tolstoy]. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0360.shtml. (Accessed: 04th August 2014).
7. Prokopchuk Yu.V. *Lev Tolstoy i indiyskaya religiozno-filosofskaya mysl': tochki soprikosnoveniya* [Leo Tolstoy and the Indian religious and philosophical thought: common points]. In: Zhilyakova E.M., Gnyusova I.F. (eds.) *Lev Tolstoy i vremya* [Leo Tolstoy and time]. Tomsk: TSU Publ., 2010, pp. 221-231.

Received: 05 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 27–33 DOI: 10.17223/15617793/387/5

УДК 811.161.1

Е.А. Панасенко

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В НОМИНИРОВАНИИ НОВОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

Рассматриваются процессы метафорического моделирования понятия «облачные технологии» в области научного дискурса IT (Information technologies). Выявляются общие принципы метафорического моделирования для данной предметной области.

Ключевые слова: миромоделирование; метафорическая модель; теория концептуальной метафоры; термин; облачные технологии; дискурс IT.

Метафора как феномен находится в центре внимания ученых различных областей знаний уже на протяжении многих столетий, огромное количество работ посвящено исследованию метафоры – со времен Античности, когда метафора считалась стилистическим «украшением» речи, и до наших дней, когда изучение этого явления переходит на качественно новый уровень – метафора рассматривается как один из способов познания. Так, английский философ и лингвист А. Ричардс писал: «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [1. С. 47]. По мнению сторонников этих воззрений, метафора является не просто языковым явлением, как считалось ранее, она представляет собой форму мышления, отражая и предопределяя его метафорический характер. В XX в. особая роль в исследованиях стала уделяться когнитивной функции метафоры: написано немало работ в области изучения метафоры как средства мыслительной деятельности (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Блэк, М. Джонсон, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, Х. Ортега-и-Гассет, А. Ричардс, А.П. Чудинов и др.) [2–4]. В понимании современной лингвистики метафора является не только средством образности речи, но и имеет функцию образования и передачи нового понятия (Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова) [5–8]. Наиболее очевидно это проявляется в сфере научной деятельности.

Наука со времени своего появления находится в непрерывном развитии, особенно интенсивно это проявляется на настоящем этапе ее развития. В течение XX в. сформировались новые предметные области и технологии, требующие своего лингвистического оформления. Перед языком в этой связи стоит задача обозначить новую предметную область так, чтобы стало возможным ее описание. Развитие молодых научных областей показывает, что новые понятия, значимые для них, часто формируются на основе метафорической концептуализации, на основе переосмысления уже имеющихся знаний. Поэтому в настоящее время метафорическое терминотворчество в различных научных областях находится в стадии активного исследования [9–12]. Согласно таким исследованиям большинство терминосистем содержит значительное количество терминов-метафор, что позволяет делать вывод о том, что научное знание дается человеку через призму привычных ему образов. С этой точки зрения нам представляется интересным исследовать понятийную сферу «облачные технологии» в области научного IT-дискурса – явление достаточно новое, недостаточно исследованное и слабо описанное с точки зрения ее метафорического моделирования. Это новая технология, возникшая и развивающаяся на базе интернет-технологий. Первые идеи, косвенно касающиеся того, что впоследствии назовут облачными вычислениями, относят к 70–80-м гг. XX в. Современная история облачных вычислений начинается в 2006 г., когда компания Amazon представляет миру свою инфраструктуру веб-сервисов, способных работать удаленно. В настоящее время происходит становление данной сферы, и именно этот факт позволит нам проследить, как реализуется гносеологическая функция метафоры в процессах моделирования новой предметной области. Лингвистическое оформление данной области ранее не было представлено, что подчеркивает новизну и актуальность нашего исследования.

В рамках научного IT-дискурса подробно исследована метафора в сфере компьютерных технологий («Компьютер – это человек»), которая стала логическим продолжением механической метафоры. Еще в 1748 г. вышло в свет произведение французского философа-материалиста Ж.О. Ламетри «Человек – машина», в котором была предпринята попытка осмыслить природу человека с помощью механической метафоры. Ламетри отметил: «Человек – это такая сложная машина, что невозможно заранее составить себе сколько-нибудь ясное представление об этой машине и, следовательно, невозможно дать ей определение» [13. С. 368]. Таким образом, уже в этой работе мы наблюдаем функционирование механической метафоры, благодаря которой человек воспринимался как машина, механизм, человеческое тело «как часы, огромные часы», и даже душа описывалась как «осветительный прибор» [Там же. С. 369]. С развитием современных компьютеров в XX в. как вариант механической метафоры появилась «компьютерная метафора», первые версии которой воплотились в выражениях «искусственный интеллект», «машина думает», «компьютеры мыслят» и др. [14, 15].

Кроме того, в современной лингвистике существует множество работ, посвященных изучению сферы компьютерных технологий с точки зрения метафоризации: исследования в области терминов-метафор компьютерного интерфейса [16], метафор информационных технологий [17], модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности [18], в сфере но-

вейших техногенно опосредованных информационных и коммуникационных процессов [19]. Большое внимание уделяется и сопоставительному аспекту изучения метафоры в различных языках: на материале французского и английского языков [19–22], испанского языка [23], и это не полный список. Во всех указанных работах признается метафорическая природа концептуализации компьютерных технологий в целом. Однако облачные технологии как новое технологическое явление не были описаны ранее.

Целью нашего исследования является выявление метафорических моделей в сфере облачных технологий в рамках IT-дискурса, определяющих понимание данного феномена. Исследование проводится с позиции когнитивного подхода, и теоретической базой статьи послужила *теория концептуальной метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона, базирующаяся на когнитивной функции метафоры – «функции получения нового знания» [24]. Объект исследования – метафорические номинации облачных технологий в научном IT-дискурсе.

Выдвигается гипотеза о том, что понятийная сфера «пространство» является доминирующей и лежит в центре регулярной метафорической интерпретации данной предметной области. Предположение основано на смысловом значении лексической единицы, исходя из которого «облака» есть некий пространственный объект, находящийся в отдалении от земли и занимающий особое положение в пространстве.

В данной статье представлен результат анализа метафорических лексических единиц, функционирующих в сфере облачных технологий, полученный в результате сплошной выборки из текстов статей современных периодических изданий [25–28], посвященных разработке и использованию ПО и аппаратных средств (около 1 200 контекстов употребления). Проведенный анализ показал, что центральными при метафорическом моделировании данной предметной области являются три понятийные сферы: «пространство» (69% от общего количества выделенных метафорических единиц), «человек» (23%) и «природа» (8%).

Концепция «облачные вычисления» очень популярна сегодня. Термин (от англ. *cloud computing*) часто встречается в описаниях программного и аппаратного обеспечения. В лексиконе появляются новые выражения: «облачные хранилища данных», «облачные хранители паролей», «облачные услуги», «услуги он-лайн», «облачные операционные системы» и т.д.

Облачные технологии – это технология обработки и хранения данных, в которой компьютерные ресурсы предоставляются пользователю как некий интернет-сервис. Это удаленное электронное хранилище персональных данных, личной информации в сети Интернет. Данная технология позволяет хранить в сети (в распределенном виде) то, что мы обычно хранили на персональном компьютере. При этом пользователь получает доступ к своим данным из любой точки пространства при условии доступа к Интернету, минуя использование различных подручных средств в виде носителей информации (флэш-карт, карт памяти, жестких дисков и т.д.). Принцип работы «облаков» строится на фундаменте из определенного набора услуг, который предоставляется пользователям: ПО как услуга (от англ. *Software as a service – SAAS*), инфраструктура как услуга (от англ. *Infrastructure as a service – IAAS*), платформа как услуга (от англ. *Platform as a service – PAAS*). Как правило, пользователь сам определяет для себя, каким из вышеперечисленных интернет-сервисов ему необходимо воспользоваться.

Образование термина «облачные технологии» обусловлено тем, что часто выход в Интернет графически изображается в виде облака. Идея данной технологии состоит в том, что, не имея никаких установленных программ в компьютере, а имея только доступ к Интернету, можно получить все необходимое, располагающееся в сети: можно читать книги, играть в игры, слушать аудио, смотреть видео, скачивать необходимую информацию, но в этом случае данные не будут принадлежат одному конкретному человеку. Облачные технологии стали возможны по причине стремительного развития аппаратного обеспечения: растет мощность процессоров, развивается многоядерная архитектура и объемы жестких дисков, интернет-каналы становятся шире и быстрее. То есть облако не есть сам Интернет; это весь набор аппаратного и программного обеспечения, который обеспечивает обработку и исполнение клиентских заявок. Таким образом, два понятия – «облако» и «Интернет» – тесно связаны друг с другом. Как видится, термин «облако» (*скопление взвешенных в атмосфере мелких капель воды или ледяных кристаллов*) (здесь и далее см.: [29]) используется как метафора – таким образом, мы моделируем определенный сервис, технологически связанный с сетью Интернет. Кроме того, что метафорический термин «облачные технологии» моделирует интернет-сервис как природный объект, при его описании привлекаются и другие метафорические модели.

Проанализированный материал показал, что пространственная модель преобладает над всеми остальными при метафорическом моделировании данной сферы. В нашем случае она представлена двумя базовыми метафорами – «Технология – это пространство» и «Технология – это вместилище», *пространство – 1) неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях); 2) место, способное вместить что-либо:* ***облачные технологии становятся*** *все более* ***открытыми****…; если в планах конкретной компании появляется задача развития* ***присутствия в облаке****…; с точки зрения облачных технологий сеть – это последний бастион на пути всеобщего* ***перехода в облака****…;* ***переход в облака*** *позволит компании применить новые методы защиты…; сайт Tele2* ***ушел в облако****…; затраты при* ***миграции в облака*** *оказываются значительно выше….*

Семантика лексической единицы *открытый* говорит нам о том, что мы имеем дело с большим пространством, доступным нашему взору, – *ничем не заслоненный, не загражденный, доступный взору (о местности, пространстве).* Такая метафорическая концептуализация дает возможность проинтерпретировать облачные технологии как место, открытое для всех и каждого. Однако при этом, в отличие от реаль-

ных пространственных, такого типа «облако» отождествляется с конкретным местом, в котором можно лично побывать *(присутствие – личное пребывание, нахождение в каком-л. месте в данный момент)*, переместиться в него из другой точки пространства (***переход в облака****…;* ***ушел в облако****…).*

Употребление в контекстах глаголов, семантика которых указывает на функцию хранения (*разместить – расставить или разложить по местам, в определенном порядке; расположить; храниться – быть помещенным куда-л., в какие-л. условия для сохранности, чтобы избежать ущерба, порчи и т.п.*), усиливает значение облака как некоего вместилища: *стоимость оборудования, которое* ***будет размещено*** *к 2018 г.* ***в облачной инфраструктуре****, оценивается…*; *51% опрошенных были абсолютно уверены, что* ***размещение данных в облаке*** *сопряжено с большими рисками…*; ***объем данных, хранящихся в облаках****, достиг на конец 2013 г. одного эксабайта…; оставшиеся 20%* ***перенесли в облака*** *свои приложения…; иногда компании готовы* ***передать в облако*** *часть инфраструктуры….*

В рамках пространственной модели мы выделяем несколько типов организации пространства, которые присущи облачным технологиям. Среди этой группы метафорических моделей особое место занимает сфера «Пространство, сотворенное человеком» как источник метафорической экспансии, в нашем анализе представленная базисной метафорой «Облако – это строение». В строительной модели облако уподобляется построенному зданию и моделируется по подобию архитектурного объекта, проходя через все этапы и стадии строительства – от проектирования до обслуживания зданий в дальнейшем: *уже сегодня Gartner советует корпоративным потребителям облачных услуг* ***проектировать собственные частные облака****…*; *как лучше интегрировать* ***«облачную» архитектуру и как строить ее*** *маркетинг…*; ***Cloud Computing*** *отличается от перечисленных моделей тем, что эта технология работает* ***на базе динамичной и эластичной архитектуры****….*

Облачные технологии в целом соотносятся с архитектурой – *искусством проектирования, возведения и художественного оформления строений; зодчеством.* Так, облачные вычисления ассоциируются со сложным техническим процессом – строительным, в котором принимают участие и архитекторы, и проектировщики, и строители, и другие специальные службы, имеющие непосредственное отношение к данному процессу. Порой облака приравниваются к частной собственности, ассоциируясь с недвижимостью. К тому же вводится понятие фундамента, базы *((архит.) нижняя, более широкая часть колонны или столба; основание, подножие; базироваться – основываться на чем-л.; опираться на что-л.)*, под которым здесь понимается технология: *корпорация Microsoft разработала новую версию ОС Windows 7, сегменты которой почти полностью* ***основаны на облачных технологиях****…*; *важные для бизнеса операции в виде сервисов* ***на основе облачных вычислений****…; услуги* ***cloud computing на базе этой архитектуры****….*

Основать (*на чем.*) – *построить на основе чего-л., исходя из чего-л.* Облачные технологии уподобляются каркасу, остову здания, коим здесь является компьютер.

Среди других типов организации пространства мы выделили:

– природное происхождение этого пространства: *ИТ-****ландшафт под облаками****…; дизайн системного* ***ландшафта облака****…; в Fujitsu занялись* ***«облачным» огородничеством****…;* ***облачный огород*** *Fujitsu…*;

– разновидность социальной организации пространства, а именно «рынок»: *по сюжету нужно напомнить о броской оценке публичного* ***облачного рынка*** *компанией Gartner…; чтобы российский* ***облачный рынок*** *развивался…; охватить все сегменты* ***облачного рынка*** *сразу…; кто сейчас является лидером* ***облачного рынка****…*;

– организацию рабочего места: *SLAженная* ***работа в облаках****…; в целом компания довольна* ***работой в облаке****…; приложениям,* ***работающим в*** *сетевом* ***облаке****…; использовать внешние* ***облака как полигон****, временное* ***рабочее пространство****….*

Как видно, «облака» моделируются как различные типы организации пространства, одновременно выступая и в роли огорода (*участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей*), и рабочим местом, и даже рынком (*место розничной торговли съестными припасами и другими товарами под открытым небом или в крытых торговых рядах; базар*). Сеть (Интернет) организуется в рынок – *место розничной торговли съестными припасами и другими товарами под открытым небом или в крытых торговых рядах; базар.* Рынок, в нашем понимании, – многолюдное место с определенными взаимоотношениями продавцов и покупателей.

Несмотря на то что доминирующей моделью при моделировании представлений об облачных технологиях выступает пространственная модель, следует отметить, что метафорическая картина облачных технологий в некоторой степени антропоморфна (около 23% зафиксированных метафор имеют сферой-источником человека и окружающий его мир), что, на наш взгляд, отражает общие принципы метафоризации действительности. В антропоморфных метафорах актуализируются профессиональная деятельность человека, его социальная активность, семейные отношения и социальные связи, физические действия и возрастные особенности. В рамках концептуальной метафоры «Облако – это человек» нами были выделены социальная и экономическая модели, которые рассмотрим последовательно. В рамках социальной модели акцентируются интеллектуальная деятельность человека и его способность коммуницировать: ***получив ответ от*** *второго* ***«облака», «облако 1» проверяет****,* ***удовлетворяет ли*** *пользователь данным требованиям,* ***и определяет****, как переключить этого пользователя на «облако 2». Кроме того,* ***«облако 1» будет знать****,* ***как запрашивать, активировать и вызывать*** *пользовательские услуги в «облаке 2» и* ***как передавать*** *этому «облаку» пользовательские требования….*

Ситуация вербального общения между облаками позволяет нам выделить базисную метафору «Облако – это человек говорящий»: коммуникативные и

интеллектуальные навыки и умения человека выражены в данном контексте глаголами **получить ответ** (*произвести в результате какой-л. работы, каких-л. усилий*), **проверять** *(сделать что-л. (осмотреть, сосчитать и т.п., чтобы убедиться в правильности чего-л., в соответствии чего-л. чему-л.)),* **определять** *(распознать по каким-л. признакам, данным или путем наблюдения, изучения; установить),* **знать** *(иметь сведения о ком-л., чем-л.),* **запрашивать** *(сделать запрос, обратиться с запросом – официальное обращение с требованием, просьбой дать какие-л. сведения, объяснения и т.п.),* **активировать** *(произвести (производить) активацию чего-л.),* **вызывать** *(попросить, предложить явиться куда-л.),* **передавать** *(отдать, вручить кому-л.).*

Социальные функции облаков также акцентируются в их способности сосуществовать в одном обществе, разделяя его интересы: *самые свежие примеры – это Dell и Microsoft, образовавшие собственные* ***облачные консорциумы****….*

Консорциум (*от лат. consortium – соучастие, сообщество) – временное соглашение между несколькими капиталистическими банками или промышленными компаниями для совместного размещения займа, проведения каких-л. крупных финансовых операций*. Основополагающим для нас в этом понятии являются значения «соучастие, сообщество», «временное соглашение между…», в очередной раз подчеркивая, что облака – это люди, способные образовывать общества / сообщества.

В контекстах *но самим процессом* ***массовой адаптации облачные вычисления*** *все же отличались от любой другой технологии…; мы сталкиваемся со столь* ***массовой и повсеместной адаптацией облачных технологий****…* «социальность» облаков выражается их массовостью: облака, словно люди, могут собираться вместе, образуя собой широкую массу (*массовый – такой, в котором участвуют широкие массы, большое количество людей*), и переживать процесс *адаптации* к новым условиям существования – *приспособления организмов, органов чувств к окружающим условиям*.

Иногда облачные вычисления наделяются различными социальными ролями: *в статье кратко рассмотрены идеология, технологии и проблемы* ***концепции облачных вычислений****…,* ***пионера*** *новой формы распространения научных знаний…; Salesforce.com… считает себя* ***одним из пионеров концепции*** *«вычисления как услуга»….*

Социальная роль первооткрывателей со всеми взаимосвязанными с этой ролью функциями достается облакам: пионер – *человек, впервые проникший в неисследованную страну, область и поселившийся в ней.* Так, концепция нам видится в образе человека-пионера, а Интернет – новой неизведанной землей.

Облака уподобляются специалистам, они не самостоятельны, ими кто-то управляет (*править; руководить, направлять деятельность, работу кого-л., чего-л.*). Так, мы акцентируем внимание на очередной социальной роли облаков, связанной с их социальным статусом, профессией: *на коне останется тот, кто сможет поставить под одну гребенку… и сотни мелких провайдеров, создав для них единый «центр* ***управления облаками****»….*

Не всегда облака имеют положительную репрезентацию с точки зрения профессиональной деятельности человека. Нам встретилось уподобление облака агрессору, убийце, киллеру (убивать – *лишить жизни, умертвить*): *как автоматизация и* ***облачные технологии убивают*** *аутсорсинг….*

В рамках социальной модели мы рассматриваем милитарную подмодель, так как война (военные действия) видятся нам одним из состояний социума, общества. В нашем случае подмодель представлена таким образом, что новая технология оказывается некой революционной силой, которая борется за свое право существования в мире высоких технологий. Еще Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей *теории концептуальной метафоры* обозначили базовую метафору «Спор – это война», которую в рамках нашего исследования можно переосмыслить как «Облачные технологии – это революция / война»: *«сетевые* ***облака****» привлекают внимание специалистов, поскольку* ***могут стать*** *новой* ***революционной технологией****…; в конечном счете* ***Cloud Computing*** *нельзя* ***рассматривать как*** *временное явление или* ***революцию*** *в электронном бизнесе….*

В целом технологии – это революция, а облака, соответственно, уподобляются революционерам, выражающим дух и идеи революции.

Использование экономической модели в моделировании облачных технологий, на наш взгляд, закономерно: в самом значении понятия «облачные технологии» говорится о том, что это предоставление онлайн *услуг*. Лексическая единица *услуга* понимается нами как *действие, приносящее помощь, пользу другому; работа, выполняемая для удовлетворения чьих-л. нужд, потребностей*. Будучи однокорневой с лексической единицей «служба, служить», она подтверждает наше предположение о конкретизации технологий с точки зрения экономических (денежных) отношений, которые характеризуют лишь человеческое общество и никакое другое: я вам службу (услугу) окажу, а вы мне заплатите за это. Таким образом, данная технология понимается на основе модели экономических взаимоотношений человеческого общества: *мы уже писали о контейнерной технологии, которая начинает оказывать сильнейшее влияние на…* ***облачный рынок****…;* ***объем рынка облачных услуг*** *для пользователей США составит свыше 180 млрд долларов….* Так, в сети, словно на рынке, происходит обмен товарами и услугами, под которыми мы здесь «маскируем» облака («Облако – это товар»). Важной отличительной чертой товара, к примеру, является этикетка (*ярлычок на чем-л. (товаре, экспонате и т.д.) с указанием названия, цены и т.п.):* ***этикеткой «облачные вычисления»*** *снабжалось решительно всё….* Вторая составляющая, по которой мы можем определить предмет в качестве товара, – это цена, стоимость – *выраженная в деньгах ценность чего-л. или величина затрат на что-л.: несмотря на то, что отношение реальной* ***стоимости облачных инструментов****…* В ряде случаев мы обсуждаем стоимость данного товара (*дешевый – малостоящий, не-*

дорогой; низкий (о цене)): едва ли кто-то станет оспаривать тот факт, что в краткосрочной перспективе ***«облака»*** *значительно* ***дешевле****….* Таким образом, облако в рамках экономической модели характеризуется с точки зрения продукта труда, произведенного для продажи. На это нам указывает и ярлычок, и установленная стоимость на данный вид товаров / услуг, и место торговли данным видом товаров / услуг.

В сфере-источнике «Природа» наибольшее количество метафор относится к растительному или животному миру, и нами они объединены в базисную метафору «Облако – это живой объект»: ***облачный рынок вырастет*** *до $3,7 миллиарда к 2017 году…*; *которые не просто могут стоять, а совершенно точно стоят за* ***взрывным ростом облачных технологий****….*

Функция роста (*в результате жизненного процесса увеличиваться, становиться больше, выше, длиннее и т.п.*) присуща любому живому организму. Также живому организму свойственно двигаться: *а* ***движущая сила*** *этого феномена – несомненно,* ***облака****…*; *эта* ***технология имеет*** *существенно* ***больше направлений движения****…*; *все изменилось, когда в бизнес-среду* ***вошли облачные технологии****….*

В ряде случаев актуализируются фитоморфные признаки: ***облачные продукты****… разрастаются горизонтально….*

В некоторых контекстах метафорический перенос осуществляется на основе сходства с ландшафтными процессами: ***границы облаков станут размываться****….*

Таким образом, результаты анализа подтвердили наше предположение о том, что наиболее активно в сферу метафорической экспансии вовлекается пространство, отражающее специфику облака как: 1) некоего объекта, пространственно удаленного и одновременно открытого для наблюдателя; 2) контейнера, способного вместить большие объемы информации внутри себя (*облачные контейнеры, облачная система хранения данных, облачные хранилища, упаковать в облако*) и 3) огромного поля – пространства для деятельности (*открытые облачные технологии, вхождение в облачные технологии, переход в облака, миграция в облака*). А функционирующие в контекстах метафоры «Облако – это рынок», «Облако – это рабочее место / работа / офис», «Облако – это огород» акцентируют внимание на различных типах организации этого пространства.

Уподобление облака образу строения / дома в рамках строительной модели говорит о том, что новые технологии – это всегда артефактный объект, создаваемый по законам некой новой архитектуры (*сеть – это последний бастион на пути всеобщего перехода облака, облачный портал Интернета, колоссы глобальной сети, cloud-архитектура*).

В рамках антропоморфной модели метафорический перенос основан на образе человека – активного деятеля (*взрывной рост облачных технологий, массовое появление облачных ресурсов, популярность облачных технологий, облака превратятся, массовая адаптация облачных вычислений, технологии будут играть важную роль, облачные технологии фактически перекрыли воздух, облака – движущая сила),* что находит регулярное отражение в анализируемых контекстах. Следует отметить, что социальная роль и функции человека широко представлены в анализируемом материале, однако единиц, репрезентирующих физиологические особенности человека, не встречается совсем. Облако предстает в образе человека-коммуникатора, причем коммуникации происходят только на вербальном уровне.

Анализ лингвистической репрезентации в сфере облачных технологий позволяет сделать вывод о ее метафорическом характере, а это, в свою очередь, дает возможность говорить о гносеологической значимости метафорической концептуализации: метафора играет важную роль в получении и организации нового научного знания и является ключом к пониманию новых научных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ричардс А.А.* Философия риторики // Теория метафоры : сб. : пер. с анг., фр., нем., исп., польск. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990.
2. *Теория* метафоры : сб. : пер. с анг., фр., нем., исп., польск. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990.
3. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
4. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М. : УРСС, 2001.
5. *Мишанкина Н.А.* Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–46.
6. *Мишанкина Н.А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
7. *Мишанкина Н.А.* Метафорические модели лингвистического дискурса // Вестник Томского государственного университета. № 324. Июнь 2009. С. 41–49.
8. *Резанова З.И.* Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
9. *Хайрулина А.Р.* Концепты, стоящие за анатомическими метафорами // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 16. С. 140–148.
10. *Терских Н.В.* Метафорическое моделирование нефтегазовой терминосистемы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 2. С. 126–128.
11. *Карташова А.В.* Метафорическая модель и возможности ее реализации в научном тексте // Вестник ТГПУ. 2013. № 3. С. 153–156.
12. *Мухтаруллина А.Р.* Термины-метафоры в компьютерном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2012. № 3. С. 1628–1631.
13. *Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры : сб. : пер. с анг., фр., нем., исп., польск. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990.
14. *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2006. 589 с.
15. *Шульц Д., Шульц С.* История современной психологии. 2-е изд. на рус. яз., перераб. и исправ. СПб. : Евразия, 2002. 532 с.
16. *Галкина О.В.* Метафора как инструмент познания (на материале языка терминов-метафор компьютерного интерфейса). Тверь, 2004. 141 с.

17. *Филиппович Ю.Н.* Метафоры информационных технологий: анализ статей компьютерных журналов // Сер. Компьютерная лингвистика. МГУП, 2002.
18. *Исаева Е.В.* Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности. Пермь, 2013.
19. *Сосновская А.А.* Метафоризация в сфере «Новейшие техногенно опосредованные информационные и коммуникационные процессы» (на материале русского и английского сленга). Саратов, 2011.
20. *Молнар А.А.* Особенности формирования терминосистемы информационных технологий (на материале французского языка). М., 2013.
21. *Лалетина А.О.* Компьютер и информационные технологии как цель и источник когнитивной метафоры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2013. № 5 (23). С. 85–88.
22. *Мельник О.Г.* Компьютерная метафора в современном англоязычном дискурсе // Известия ЮФУ. «Гуманитарные науки в инженерном образовании XXI века». Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. № 10 (123). С. 37–42.
23. *Ивлиева Е.А.* Роль метафоры в процессе терминообразования (на материале испанских компьютерных терминов). СПб., 2014.
24. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004.
25. *Информационное* общество. URL: http://www.infosoc.iis.ru
26. *Бестселлеры* российского IT-рынка. URL: http://www.itbestsellers.ru/numbers/index.php
27. *BYTE.* Россия. URL: http://www.bytemag.ru/articles/detail.php
28. *Международный* журнал «Программные продукты и системы». URL: http://www.swsys.ru
29. *Словарь* русского языка : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. языка. 3-е изд. стереотип. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 августа 2014 г.

METAPHORICAL MODELING OF "CLOUD COMPUTING" TECHNOLOGY

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 27-33. DOI: 10.17223/15617793/387/5

Panasenko Elena A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: panilena@sibmail.com

Keywords: modeling of universe; metaphorical model; theory of conceptual metaphor; term; cloud computing; IT-discourse.

In the article metaphorical modeling processes of the term "cloud computing" in the field of scientific IT-discourse are reviewed. The general principles for metaphorical modeling of the given term are given. During the 20th century new research fields and technologies were developed thus requiring their linguistic nomination. The task that the language faces is to denominate the new field in such a way to make it possible to describe. Development of new research fields shows that new notions which are important for their development are usually formed on the basis of metaphorical conceptualization, on the basis of current knowledge re-thinking. In this respect at the present time study of terminology in different research fields is actively conducted. According to the following research most of term systems contain a fair number of terms-metaphors allowing us to conclude that scientific knowledge is metaphorical and given to people in terms of notions and images usual and regular for them. It is interesting for us to study the conceptual field 'cloud computing' within the sphere of scientific IT-discourse which is relatively new, not adequately studied and described in the context of its metaphorical modeling. In modern linguistics there is a great number of research devoted to the study of metaphors in the field of computer technology. The goal of our research is searching of metaphorical models of 'cloud computing' within IT-discourse. The given study is conducted on the basis of cognitive approach, and theoretical base for the present article lies on the theory of conceptual metaphor by J. Lakoff and M. Johnson founding on metaphor cognitive function – "function of new knowledge acquiring". The study object is metaphorical nominations of cloud computing within scientific IT-discourse. We suggest a hypothesis that conceptual field 'space' dominates and lies in the center of regular metaphorical interpretation of the given research field. The presupposition is based on the semantic meaning of the lexical item according to which 'clouds' are spatial objects far away from the land and having some special place in that space. In the article the results of the analysis of metaphorical lexical items in the field of 'cloud computing' according to continuous sampling from the articles of present-day periodicals are given. In accordance with the carried out analysis we conclude that there are three central conceptual domains compiling regular metaphorical interpretation: 'a human being', 'space' and 'nature'.

REFERENCES

1. Richards A.A. *Filosofiya ritoriki* [The philosophy of rhetoric]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990.
2. Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990.
3. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors]. Ekaterinburg, 2001.
4. Baranov A.N. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: URSS Publ., 2001.
5. Mishankina N.A. Metaphor in terminological systems: functions and models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 32-46. (In Russian).
6. Mishankina N.A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in Science: paradox or norm?]. Tomsk: TSU Publ., 2010.
7. Mishankina N.A. Metaphorical models of a linguistic discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 41-49. (In Russian).
8. Rezanova Z.I. Metaphor in a linguistic text: types of functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2007, no., pp. 18-29. (In Russian).
9. Khayrulina A.R. The concepts of anatomical metaphors. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 16, pp. 140-148. (In Russian).
10. Terskikh N.V. Metaphorical modeling of oil and gas term system. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2014, no. 2, pp. 126-128. (In Russian).
11. Kartashova A.V. Metaphorical model and its functioning in the scientific text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 3, pp. 153-156. (In Russian).
12. Mukhtarullina A.R. Terminy-metafory v komp'yuternom diskurse [Terms-metaphors in computer discourse]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2012, no. 3(I), pp. 1628-1631.
13. Makkormak E. *Kognitivnaya teoriya metafory* [The cognitive theory of metaphor]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990.
14. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. St. Petersburg: Piter, 2006. 589 p.
15. Schultz D., Schultz S. *Istoriya sovremennoy psikhologii* [The history of modern psychology]. 2nd edition. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 532 p.

16. Galkina O.V. *Metafora kak instrument poznaniya (na materiale yazyka terminov-metafor komp'yuternogo interfeysa)* [Metaphor as a tool for learning (based on the language of terms-computer interface metaphors)]. Tver, 2004. 141 p.
17. Filippovich Yu.N. *Metafory informatsionnykh tekhnologiy: analiz statey komp'yuternykh zhurnalov* [Metaphors of information technologies: an analysis of computer magazines articles]. In: *Komp'yuternaya lingvistika* [Computational Linguistics]. Moscow: MGUP Publ., 2002.
18. Isaeva E.V. *Modeli metafory v diskurse komp'yuternoy bezopasnosti*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Models of metaphor in the discourse of computer security. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Perm, 2013.
19. Sosnovskaya A.A. *Metaforizatsiya v sfere "Noveyshie tekhnogenno oposredovannye informatsionnye i kommunikatsionnye protsessy" (na materiale russkogo i angliyskogo slenga)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Metaphorization in the newest technologically mediated information and communication processes" (based on Russian and English slang). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Saratov, 2011.
20. Molnar A.A. *Osobennosti formirovaniya terminosistemy informatsionnykh tekhnologiy (na materiale frantsuzskogo yazyka)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Features of formation of information technology terminological system (based on the French language). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2013.
21. Laletina A.O. Computer and information technologies as aim and source of cognitive metaphor. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 5-1 (23), pp. 85-88. (In Russian).
22. Mel'nik O.G. Komp'yuternaya metafora v sovremennom angloyazychnom diskurse [Computer metaphor in modern English-speaking discourse]. *Izvestiya YuFU. Gumanitarnye nauki v inzhenernom obrazovanii XXI veka*, 2011, no. 10 (123), pp. 37-42.
23. Ivlieva E.A. *Rol' metafory v protsesse terminoobrazovaniya (na materiale ispanskikh komp'yuternykh terminov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The role of metaphor in the term formation (based on the Spanish computer terms. Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2014.
24. Lakoff J., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004.
25. *Informatsionnoe obshchestvo*. Available at: http://www.infosoc.iis.ru.
26. Bestsellers of Russian IT-market. Available at: http://www.itbestsellers.ru/numbers/index.php. (In Russian).
27. *BYTE. Rossiya*. Available at: http://www.bytemag.ru/articles/detail.php.
28. *Programmnye produkty i sistemy*. Available at: http://www.swsys.ru/
29. Yevgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian. Language. In 4 vols.]. 3rd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. Vol. 1-4.

Received: 30 August 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 34–40 DOI: 10.17223/15617793/387/6

УДК 81-112

С.А. Толстик

РУССКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *РАХМАННЫЙ* В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА ВНЕШНОСТИ

Исследуются происхождение русского диалектного слова *рахманный* и история возникновения параметрического и эстетических значений внешности в его семантической структуре. В результате проведенного исторического анализа выявлено, что восточнославянское *рахманный* – производное от заимствованного из греческого языка существительного *рахман* ‘индийский жрец, философ-аскет’. Мотивирующим для признаков полноты тела человека и эстетической оценки внешности в русских говорах послужил признак ‘не такой, как все, отличающийся от других’.

Ключевые слова: диахрония; диалектология; сравнительно-историческое языкознание; заимствование; историческая лексикология; этимология.

Объектом нашего исследования являются имена прилагательные, репрезентирущие национальный образ внешности в русских народных говорах, характеризующие человека в связи с его физическими особенностями.

В русских диалектах зафиксирована лексема *рахманный (рахманый, рохманый)*, которая представляет внешность человека с разных сторон – параметрической и эстетической.

С параметрической точки зрения прилагательное *рахманный* характеризует полное телосложение человека: в значении ‘толстый, полный’ эта лексема представлена как в северных, так и в южных русских народных говорах (Тул., Дон., Арх. с 1907): *Золовка у меня рахманная, не повернется, быстро ничего не сделает.* Дон. [1. С. 344; 2. С. 445; 3. С. 69]. Как оттенок указанного значения в СРНГ без контекста приводится ‘жирный’ (Арх.) [1. С. 344]. Однозначно непонятно, оценивает ли данный оттенок человека или относится к неодушевленным предметам или животным.

В южнорусских и среднерусских диалектах прилагательное *рахманный* фиксируется в значении как положительной, так и отрицательной оценки внешности человека. ЛСВ ‘красивый’ встречается в новгородских и донских говорах: *Рахманный парень Мишка-то Вальки Безногова, отбою у него от девок нет.* Новг. [4. С. 1017]. В словарях донских говоров это значение представлено как ‘пышный, красивый’ (Дон., Новг.): *Деука такая рахманная, кроу з малаком.* Дон. [2. С. 455; 3. С. 69]. Указанный контекст является достаточно спорным: ‘красивый’ или же ‘здоровый, крепкий’? Возможно, в данном случае эстетическая оценка человека выражается синкретично с параметрической: здоровый, крепкий человек в народной культуре является красивым, привлекательным внешне. ЛСВ ‘невидный, невзрачный, некрасивый’ отмечен в донских и нижегородских говорах (Нижегор. с 1852 г., Дон.): *На что такая рахманная нужна, хто ие вазьметь? Дюжы плахая, никрасивая.* Дон. [1. С. 344; 2. С. 455].

Как характеристика человека с точки зрения конкретного физического изъяна – в значении ‘пучеглазый’ – анализируемое прилагательное наблюдается в севернорусских говорах (Вят.): *Ой ты рахманный – пучеглазой экой.* Вят. [1. С. 345]. Представленный в СРНГ контекст, на наш вгляд, является не самым показательным, поскольку не совсем понятно, какой именно ЛСВ здесь представлен – ‘пучеглазый’ или же общая эстетическая оценка внешности человека ‘некрасивый’.

В семантической структуре диалектного слова *рахманный* широко представлена энантиосемия. Помимо указанных выше ЛСВ данное прилагательное, имея широкий ареал распространения (севернорусские, среднерусские, южнорусские говоры), отмечается в русских народных говорах во множестве других значений, в основном характеризующих человека как с положительной, так и с отрицательной сторон.

Представим сначала парные антонимичные характеристики человека диалектным прилагательным *рахманный*.

I. *С точки зрения характера, особенностей поведения человека:*

1. ‘Тихий, спокойный, смирный, кроткий’ (о человеке, также о животном) (Курск., Калужск., Смол., Пск., Калин., Влад., Юго-Вост., Юго-Зап., Зап., Орл., Тул., Казан., Брян., Нижегор., Тамб.): *Хороший мальчик рахманный, культурный.* Брян. *Человек он был совсем рахманный, никого не обижал.* Брян. *Вот у нас рахманная лошадь никого не тронет.* Пск. [1. С. 343; 5. С. 230; 6. С. 230; 7. С. 789; 8. С. 1660].

Этот ЛСВ, таким образом, встречается чаще в южнорусских говорах, реже – в среднерусских.

Как варианты в СРНГ приводятся ‘неразвязный, скромный’ (Юго-Зап., Юго-Вост., Тамб., Нижегор., Калуж., Курск., Смол., Пск.) и ‘задумчивый’ (Пск.) [1. С. 343].

2. ‘Веселый, разбитной, разгульный, жизнерадостный, говорливый’ (Вят., Костром., Север., Вост., Вят., Костром., Яросл., Новг., Пск., Эст. ССР.): *Рахманный – очень веселый, умеет сам веселиться и других веселить, много находчивости в ем.* Новг. *Когда человек рахманный, с им и говорить приятно.* Эст. ССР. [1. С. 344; 4. С. 1017; 9. С. 190]. Данный ЛСВ представлен в основном на северных и среднерусских территориях России.

II. *С точки зрения скорости действий человека, особенностей темперамента:*

1. ‘Вялый, медлительный, непроворный, нерасторопный’ (Орл., Курск., Тул., Юго-Зап., Юго-Вост., Вят., Костром., Вологод., Калин., Тамб., Нижегор., Казан., Самар., Зап.-Брян., Пск.): *Парень у нее такой рахманный, что не дай Бог, что делать возьмется, не*

дождешься. Тул. *Какая ты рахманная, точно к завтраму надо.* Волог. [1. С. 343; 9. С. 190, 193; 10. С. 433].

2. ‘Живой, бойкий, ловкий, расторопный’ (Север., Вост., Вят., Костром., Яросл., Новг., Олон.): *Мать у тебя рахманная, как молодая бегает.* Новг. [1. С. 344; 4. С. 1017; 5. С. 230].

В этой паре значений также первое значение отмечается в основном в южных и среднерусских говорах, второе – в северных и среднерусских.

III. *Как характеристика умственных способностей человека*:

1. ‘Слабоумный, глуповатый, недогадливый, несообразительный, бестолковый’ (Юго-Зап., Юго-Вост., Яросл., Нижегор., Тамб., Костром., Калуж., Смол., Курск.) [1. С. 343; 9. С. 190]: *Эх ты рахманная! Ищешь, где не положено.* Яросл. [1. С. 343].

2. ‘Толковый’ (Новг.) (В НОС как оттенок ‘бойкий, расторопный’) [4. С. 1017].

В этой паре значение, отрицательно оценивающее умственные способности человека, представлено в разных группах русских говоров, второе – только в среднерусских говорах.

IV. *Как общая характеристика человека:*

1. Общая отрицательная оценка человека ‘плохой’ (Нижегор., Вят., Казан., Дон., Ряз.): *Он самый рахманный человек. Нижегор.* [1. С. 345; 3. С. 69].

2. Общая положительная оценка человека ‘хороший’ (Олон., Пск.) (в СРНГ как оттенок значения ‘добрый, добродушный’) [1. С. 343; 4. С. 1017].

Общеположительная семантика представлена в севернорусских и среднерусских говорах, общеотрицательная – в основном в среднерусских и южнорусских говорах.

V. *С точки зрения рациональности поведения человека, расчетливости:*

1. ‘Расчетливый’ (Яросл.) [1. С. 345].

2. ‘Простодушный, бесхитростный, простой’ (Орл., Вят., Влад., Костром., Яросл., Твер., Пск., Калуж.) // ‘простоватый’ (Юго-Зап., Юго-Вост.) [1. С. 343; 8. С. 1660].

Первое значение зафиксировано в севернорусских диалектах, второе – в севернорусских, южнорусских и среднерусских группах говоров.

VI. *Как общая оценка характера человека:*

1. ‘Добрый, добродушный’ (Нижегор., Вят., Твер., Петерб., Яросл., Олон., КАССР): *Статься, быть может, невеста больно гожа? Да неча сказать, примолвила хозяйка, – вовсе не в матушку – такая добрая, рахманная*. Нижегор. *Рахманный – это и есть добрый.* Новг. [1. С. 343].

2. ‘Бессердечный, бездушный’ (Вят.) (без контекста) [Там же. С. 345].

Значение с положительной коннотацией представлено на территории севернорусских и среднерусских говоров, с отрицательной – только в вятских (севернорусских) говорах.

VII. *Как характеристика здоровья человека:*

1. ‘Хилый, слабосильный, болезненный’ (Юго-Зап., Юго-Вост., Самар., Ульян., Влад., Калин., Смол., Ряз., Волог., Орл.): *А второй сын у меня не такой. Здоровье у него плохое, рахманный такой.* Калин. Как оттенки к представленному значению в СРНГ приводятся ‘расслабленный’ (бранно) (Волог.) и ‘заболевающий (о человеке)’ (Орл.) [Там же. С. 344].

2. ‘Здоровый, крепкий, румяный, пышный’ (о человеке) (Пск., Дон.) синкретично с параметрической характеристикой (контекст см. выше) [1. С. 344; 2. С. 455; 3. С. 69].

Характеристика слабого здоровья прилагательным *рахманный* представлена на севернорусских, среднерусских и южнорусских территориях, крепкого здоровья – на среднерусских и южнорусских.

В семантической структуре русского диалектного прилагательного *рахманный* существует также много других значений, не имеющих антонимических пар, которые в основной своей массе оценивают характер человека, особенности его поведения, культурного развития, отношения к труду, хозяйству, к другому человеку.

Так, с отрицательной коннотацией в диалектах представлены следующие ЛСВ слова *рахманный*:

– ‘бесхозяйственный, расточительный, беспечный’: *Какой рахманный человек, все деньги растратил попусту, ничего не бережет. Моск.* (Твер., Калин., Яросл., Южн., Горьк, Моск.) [1. Вып. 34. С. 344];

– ‘небрежный, нерадивый’ (Влад., Рост., Яросл.) [Там же];

– ‘неорганизованный, несобранный’ (Новг.) [4. С. 1017];

– ‘неряшливый, неаккуратный’ (Влад., Самар., Калуж., Нижегор., Костром., Яросл.) [1. С. 344];

– ‘неосторожный, неосмотрительный’ (Казан.): *Ну уж, какой рахманный. Казан.* [Там же];

– ‘невеселый, скучный, унылый’ (Юго-Зап., Юго-Вост., Калуж., Курск.) [Там же. С. 343];

– ‘лукавый, хитрый’ (Пск.) [Там же. С. 345];

– ‘щеголеватый’ (Север., Вост., Арх., Олон., Карел.) [1. С. 344; 11. С. 356] (отсутствие контекста в лексикографических источниках не позволяет однозначно отрицательно охарактеризовать коннотацию этого ЛСВ).

Как характеристика былинного персонажа Соловья-разбойника исследуемое прилагательное также употребляется в словосочетании *птица рахманная* (Олон.), семантика которого в СРНГ не приводится. Контекст, по всей видимости, указывает на пейоративное значение данного словосочетания: *А за рекой живет там разбойничек, А по названьицу живет Соловьюшка, А ведь как тая птица рахманная* [1. С. 345].

С положительной коннотацией в русских говорах отмечены следующие ЛСВ адъектива *рахманный*:

– ‘гостеприимный, радушный, хлебосольный, угостительный’ (Моск., Твер., Новг.): *Ты такой рахманный, вся душа нараспашку.* Новг. [1. С. 343; 4. С. 1017; 9. С. 190];

– ‘не жадный, не скупой, щедрый, расточительный’ (Твер., Петерб., Новг., Твер., Влад., Север., Вост., КАССР): *Павел! Барин рахманный, вези его хорошенько!* Новг. [1. С. 343; 9. С. 190];

– ‘бесстрашный’ (Тульск., Зап.-Брян.): *Ён таки у нас рахманы, что хоть куды пойде, накога не баицца. Зап.-Брян.* [1. С. 344; 5. С. 230];

– ‘ласковый’ (Вят., Яросл., Орл.) // ‘обходительный, учтивый’ (Олон., Яросл.) [1. С. 343];

– ‘разговорчивый, общительный’ (Север., Вост., Вят., Костром., Яросл.) [Там же. С. 344];

– ‘просвещенный, культурный, развитой’ (Арх.): *Рахманный человек – развитой человек. Арх.* [Там же];

– ‘довольный кем-, чем-либо, самодовольный, в хорошем расположении’ (Арх., Вост. Закамье) [1. С. 345; 12. С. 146].

Итак, ареал распространения ЛСВ прилагательного *рахманный*, характеризующих человека, – северно-русские, среднерусские и южнорусские говоры. В.И. Даль прокомментировал ареал следующим образом: «лексема *рахманый* имеет двоякое значение; на юго-зап. и юго-вост. от Москвы: вялый, хилый, неразвязный; смирный, скучный, простоватый, глуповатый, нерасторопный; на *сев.* и *вост.* веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый, тчивый; щеголь; на пределах, и пр. в *моск.,* по краю *ниж.* и *тамб., симб.* и *пенз.* значенье смешанное, шаткое; в пск. …по зап. тихий, кроткий, смирный, ручной…» [8. С. 1660]. В говорах вторичного образования исследуемый адъектив не фиксируется.

Несколько значений анализированного прилагательного не относятся к характеристике человека: ‘вкусный, питательный’, ‘роскошный’, ‘немногочисленный, не густой, редко встречающийся’ (о растениях, ягодах): *Есть кистистое, а есть рахманное. Оно такое рассыпистое, редкое, а то есть кистьми.* Ряз. [1. С. 344; 13. С. 487], ‘расхожий, плохой’, ‘пухлый’ (Дон.) [2. С. 455]. В форме *рахманной* употребляется по отношению к одежде ‘пышный, чопорный, раструбистый, нарядный’ (Карел.): *Сарафан-то какой рахманной* [11. С. 356].

В качестве производящей основы можно предположить существительное *рахман*, которое зафиксировано в среднерусских говорах в значениях ‘слабоумный, смирный человек’ (Калуж.) и ‘хулиган, разбойник’ (бран.) (Новг.): *Он бы и убил, рахман такой, как бандит.* Новг. [1. Вып. 34. С. 342; 4. С. 1017]. Значения производящего слова не поясняют наличие у прилагательного *рахманный* семантики внешности человека.

Другие однокорневые диалектные слова также не имеют значений внешности человека, а в основном отражают семантику, связанную с поведением человека или животного (чаще всего ‘тихий, смирный’ и реже – другие значения) как с положительной, так и с отрицательной коннотацией:

1) наречия *рахманно* ‘медленно’ (Тул.), ‘просто’ (Калуж.), ‘необдуманно, опрометчиво’ (Яросл.), ‘богато, роскошно’ (Арх., Яросл., Карел.) [1. С. 342; 11. С. 356; 12. С. 146], ‘широко, щедро, расточительно’ (Ряз.) // ‘много’ (Белоостров.), *рахманёшенько* ‘тихо, тихонько’ (Орл.) [1. С. 342; 7. С. 789];

2) существительные *рахманина* ‘тихий, спокойный, невозмутимый человек (Смол.), ‘добрый, покладистый, гостеприимный человек’ (Брян.), *рахмана* ‘растяпа’ (Сев.-Зап.), ‘добрый человек’ (Сев.-Зап.), *рахманник* ‘добродушный человек, добряк’ (Сев.-Зап.), *рахманюга* ‘тихий, кроткий, спокойный человек’ (Смол.), *рахманность* ‘небрежность, нерадивость, легкомыслие’ (Яросл.) [1. С. 342, 343; 7. С. 789], *рахманство* ‘миролюбие’ (Смол.) [1. С. 345; 7. С. 789], *рахманка* о равнодушной женщине’ (Яросл.), ‘бранное слово’ (Дон.) ‘о бесхозяйственной, беспечной женщине’ (Яросл.) и некоторые другие значения [1. С. 342];

3) глаголы *рахманеть* ‘становиться смирнее, спокойнее (о животном)’ (Смол.), перен. знач. ‘становиться теплее (о погоде), стихать (о ветре)’ (Смол.), *рахманничать* ‘богато, роскошно жить’ (Влад.), ‘вести расточительный, бесхозяйственный образ жизни, роскошествовать’ (Яросл., Моск.) [1. С. 342].

В севернорусских и среднерусских говорах встречается внешне и семантически близкое с *л* в корне прилагательное *рахмальный* (возможно, с диссимиляцией) ‘вялый, медлительный, непроворный, нерасторопный’ (Волог.) [1. С. 341, 342; 10. С. 433], ‘не жадный, не скупой, щедрый’ (Влад.), ‘бесхозяйственный, расточительный’ (Яросл.), ‘небрежный, нерадивый’ (Яросл.), ‘разговорчивый, словоохотливый’ (Вят.) [1. С. 341, 342]. Близки внешне и семантически исследуемому прилагательному существительное *рахмыжа* ‘несообразительный, неловкий, рассеянный человек, растяпа’ [4. С. 1017] и прилагательное *рахенький* ‘слабый, больной’ (Новг.) [Там же].

Чтобы выяснить внутреннюю форму слова *рахманный*, истоки первичной мотивации, возникновение у него семантики внешности человека, обратимся к данным истории русского языка. В современном русском литературном языке слово *рахманный (рахманый)* приводится только в БАС как ‘добродушный, веселый’ (с пометой «областное»): *Когда ему захотелось обнять лесника, покрытого добродушными саксонскими морщинами, он вдруг догадался, что значит по-русски немецкое слово [gemüthliche Sachsen]: саксонцы – рахманый народ. Пришвин. Кащеева цепь.* и как ‘небойкий, нерасторопный’ (контекст XIX в.): *Ведь, он старик добрый. – Конечно, не злой, да такой рахманный, что не приведи господи. Теперь покамест нечего, а вот как работа начнется, так вряд ли она справится. Загоскин. К.П. Мирошев.* [14. С. 1030]. В других современных лексикографических источниках литературного русского языка не отмечается.

В Национальном корпусе русского языка прилагательное встречается в противоположных значениях в одном и том же тексте: ‘праздный, щеголь, гуляка’: *Маменька недоумевала: «рахманный» – завсегда щеголь, гуляка праздный.* Юрий Давыдов. Дорога на Голодай (1992), ‘тихий’: *А дочь полагала, что «рахманный» – завсегда тихоня и недотепа*. Юрий Давыдов. Дорога на Голодай (1992) и как фамилия *Рахманный*: [15].

В словарях русского жаргона анализируемое прилагательное не было зафиксировано, но отмечено производное наречие *рахманно* (угол., одобр.) в значении ‘отлично, прекрасно, превосходно’ [16. С. 505].

Первая фиксация слова *рахманный* в словаре – XIX в. (1847 г.) [14. С. 1030]. В «Словаре церковнославянского и русского языка» лексема *рахманный* отмечена в значении ‘небойкий, нерасторопный’: *Рахманный мужичекъ* [17. С. 59]. В XVIII в. (в «Словаре Академии Российской») исследуемое прилагательное не было зафиксировано.

В XVII в. прилагательное представлено в двух вариантах: *рахманный* и *рохманный* в значении ‘простодушный’ [18. С. 119]. Контекст: *Рохман – entfoldigk.* Пск. разгов., 1, 445. 1607. Под вопросом в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» из того же «Псковского разговорника» (1607 г.) приводится существительное

рахманинъ (рохман-) ‘скромный человек’: *Рохманин – demodich.* Пск. разгов., 1, 445. 1607. В словаре есть примечание: «Если в источнике не ошибочное написание вместо прил. *рохманенъ*» [Там же].

Однокорневые имена собственные отмечаются в русском языке в основном с XVI в.: *Рахман, Рахманин, Рахманой, Рахманович, Рахманинов*, фамилия *Рахманов* чуть раньше – с конца XV в. (1498 г.) [19. С. 359, 746].

В древнерусском языке анализируемое прилагательное не встречается, фиксируется только однокорневое, по всей видимости, существительное *рахмане, рахмани* ‘индийские философы-аскеты, брахманы’: *О прихожении Олѣксандра въ Рахманы… Александр… поиде къ Рахманомъ, не къ борцемъ сущимъ, но к нагомудрецемъ, въ кучахъ и верьтепѣхъ жувущихъ.* Александрия, 84. XV–XII в. [18. С. 119]. А.И. Соболевский приводит слово *врахмане* в том же значении [20. С. 305]. Без *в-* в форме *рахмане* встречается с XIV в. (Василий архиепископ Новгородский в послании о земном рае пишет это слово без *в-*), позднее, в XV–XVII вв., отмечается чаще [20. С. 305; 21. С. 449, 450].

Проследив историю слова *рахманный* в русском языке, отметим, что данное прилагательное фиксируется с начала XVII в. (однокорневые существительные раньше – с древнерусского периода), но интересующие нас значения внешности человека были зафиксированы только в XIX–XX вв.

Поскольку данные истории русского языка по прилагательному *рахманный* и однокорневым образованиям не помогли раскрыть внутреннюю форму исследуемого слова и появление семантики внешности, обратимся к материалу других родственных языков.

В украинском языке наблюдаются прилагательное *рахманний* ‘тихий, смирный; спокойного нрава’: *Рахманний кінь* [22. С. 7; 23. С. 1203; 24. С. 224; 25. С. 32, 33]. Зафиксированы также однокорневые существительные *рахман, рахманин* и *рахмин* ‘житель сказочной страны, праведный христианин’, ‘нищий’ [21. С. 449, 450; 22. С. 7; 25. С. 32, 33], наречие *рахманно,* адъектив *рахманьский* ‘прил. к *рахман*’ [22. С. 7; 23. С. 1203]. В диалектах украинского языка (гуцульские говоры) лексема *рахманний* ‘честный, добродушный, мягкий’ [26. С. 161] и однокорневые *рахманин* ‘очень честный и порядочный человек’, pluralia tantum *рахмане* ‘добрые духи, мнимые люди, которые живут очень далеко’ (мифологическое) [26. С. 161]. Словосочетание *на рахманський великдень* в украинском языке имеет значение ‘в долгий ящик’ [21. С. 449, 450], в гуцульских говорах это словосочетание отмечается как ‘день, который выпадает на четвертую среду после Пасхи’: *Рахмани – то такі люди, що цілий рік постэт, а на Рахманцкий Великдень їх дванаціть за делекими морями ділитци одним йіцем* [26. С. 161, 162].

В белорусском языке слово *рахманны (рахманы)*, как в украинском языке и в западных русских говорах, имеет значение ‘спокойный, незлой, ручной, смирный’ (о животных), ‘кроткий, добродушный, ласковый’ (о людях): *Рахманый хлопецъ. Рахманая скоцина*, ‘тихий, честный’, в форме *рохманы* в говорах в значении ‘вялый, болезненный’ [21. С. 449, 450; 27. С. 153; 28. С. 816; 29. С. 561]. В том же значении зафиксировано старобелорусское слово *рахманый, рохманный* [27. С. 153]. Производные слова также не характеризуют внешность человека, но содержат семантику ‘тихий, смирный, кроткий’: наречие *рахмана* ‘кротко’, ‘смирно’, существительные *рахманина* ‘тихоня’, *рахманька, рахманина, рахманюга* ‘тихий человек’ [29. С. 561] и *рахманасць* ‘кротость, покладистость’ (о человеке), ‘спокойствие, тихий нрав’ (о животном), глагол *рахманець* ‘становиться кротким, покладистым’ (о человеке), ‘становиться ручным, смирным’ (о животном), ‘становиться пасмурнее’ (о погоде) [28. С. 816; 29. С. 561], *рахманицьца* ‘представлять вид кроткого, прикидываться кротким’, ‘делаться пасмурным’ (о погоде) [29. С. 561].

Кроме восточнославянских языков прилагательное отмечается только в польском языке в форме *rochmanny* в тех же значениях, что и в украинском и белорусском языках: ‘домашний, освоенный, прирученный’ (о животном, противоположность ‘дикий’), например, *rochmanne zwierzę* ‘прирученное, домашнее или дикое животное, которое ест с рук’ и ‘послушный, покорный, кроткий’ (о человеке) [27. С. 153; 30. С. 548; 31. С. 28; 32. С. 459], которое было заимствовано из восточнославянских языков [27. С. 153; 32. С. 459]. В польском языке (в том числе в диалектах) встречаются также производные глаголы *rochmannić (rochmanić,* а также *obrochmanić, urochmanić)* и *rochmannieć* ‘приручать, осваивать’ [30. С. 548; 31. С. 28; 32. С. 459] и существительные *rochmanność* ‘кротость’, *rochmanienie* ‘приручение животного’ [30. С. 548; 31. С. 28]. С гласным *а* в корне в польских диалектах встречается существительное *rachman* ‘спокойный, тихий человек’ и производное от него прилагательное *rachmański* в словосочетании *rachmańską Wielkanoc* ‘рахманская пасха (у гуцулов)’, *na rachmańską Wielkanoc zrobić* ‘сделать на рахманскую пасху = никогда не сделать’ [31. С. 28]. В словарях современного польского языка данные лексемы не фиксируются.

Таким образом, анализируемое прилагательное представлено в восточнославянских языках и польском. Оно имеет семантику ‘спокойный, тихий, скромный’, но не характеризует внешность человека.

Относительно происхождения прилагательного *рахманный* в этимологической литературе нет единства. Так, существуют две гипотезы его происхождения.

Первая гипотеза высказывается в этимологических словарях А. Преображенского [33], А. Брюкнера [32], ЕСУМ [25], М. Фасмера [21], в работах А.И. Соболевского [20] и А.Ф. Журавлёва [34]. Согласно этой точке зрения, лексема *рахманный* возводится к заимствованному из греческого языка существительному *рахман* от βράχμανοι, βραχμᾶνες ‘брахманы, брамины, индийские жрецы’ (из др.-инд. *brahman*) [20. С. 305; 21. С. 449, 450; 25. С. 32, 33; 32. С. 459; 33. Т. 2. С. 186; 34. С. 451, 452]. Начальное *в-* от формы *врахмане* отпадает с XIV в. [20. С. 305; 21. С. 449, 450; 33. С. 186]. Слова *рахман, рахманный* были распространены благодаря устным пересказам «Сказания об Александре», «Хождения Зосимы», в которых рассказывается о мифическом народе, рахманах, из индийских браминов (брахманов) изменившихся в блаженный народ, праведных христиан [20. С. 305; 21. С. 449, 450; 33. С. 186; 35. С. 159, 160].

Согласно второй гипотезе [27. С. 153; 36. С. 272], прилагательное *рахманный* является тюркизмом, ср. тур. и татар. *rahman* ‘сострадательный, добродушный’ от араб. *raḥmān* ‘то же’ (со ссылкой на древнеевр. *rachmani* ‘милосердный, милостивый’) [27. С. 153; 32. С. 459; 36. С. 272]. Говоря о происхождении фамилий типа *Рахманинов, Рахманин* и т.п., авторы справочника «Происхождение фамилий» указывают на их возможную связь с мусульманским мужским именем *Рахман* из арабского ‘милосердный’, ср. это слово выступает также в функции имени собственного мужского, но чаще в сочетании со словом в значении ‘раб’ *Абдуррахман* (букв. ‘раб милосердного’) [37]. М. Фасмер характеризует это предположение как «менее убедительное» [21. С. 449, 450].

На наш взгляд, развитие семантики диалектного прилагательного и преобладание значения ‘тихий, скромный, чудной’ прилагательного *рахманный* на южной территории России позволяет скорее высказаться в пользу первой гипотезы (восточнославянские мифы о рахманах, блаженном народе, вероятное развитие значений от ‘чудной, странный, излишне скромный’). Лексема *рахманный*, таким образом, находится в семантической близости к слову *блаженный* [34. С. 451, 452], и, по мнению Преображенского, «…нисколько не удивительно, что слово *врахманъ, рахманъ* стало синонимом чудной, смирный» [33. С. 186].

Анализируя вторую гипотезу о происхождении слова *рахман*, мы обратились к материалу турецкого языка, где слово *Rahman* имеет значение ‘милосердный, сострадательный’ (эпитет Аллаха). Однокорневые слова представляют такую же семантику: *rahmani* ‘божественный’, *rahmet* ‘сострадательние, милосердие; милость (божья); прощение’, *rahim* ‘милостивый, милосердный’ и др. [38. С. 730]. Трудно, на наш взгляд, объяснить разветвленную систему значений русского диалектного прилагательного *рахманный*, исходя из предположения о заимствовании из тюркских языков. Хотя здесь возможна и более поздняя, вторичная контаминация с тюркизмами.

Подводя итоги, отметим следующее:

1. Прилагательное *рахманный* ‘простодушный, скромный’ было впервые зафиксировано в XVII в., но, вероятно, появилось еще в древнерусский период (об этом свидетельствует его восточнославянский ареал распространения и отсутствие в славянских языках других групп, кроме польского). Производящее для *рахманный* существительное *рахман* (*брахмане, врахмане*) появилось еще в древнерусский период как византийское заимствование от βράχμανοι, βραχμᾶνες ‘брахманы, брамины, индийские жрецы’, где начальное *β* передавалось русским согласным *в*.

2. Развитие семантики русского прилагательного *рахманный* могло быть следующим: первичное значение ‘индийский жрец, философ-аскет’ > ‘рахманин, житель сказочной страны, праведник’ > ‘тихий, скромный человек’ > ‘*излишне* скромный человек’ > ‘не такой, как все, отличающийся от других, отклоняющийся от среднестатистического’ (как чрезмерно ‘скромный’, так и чрезмерно ‘веселый, разгульный’, как ‘жадный’, так и ‘щедрый’, как ‘добрый’, так и ‘бездушный’, как ‘крепкий’, так и ‘болезненный’, как ‘хороший’, так и ‘плохой’ и т.д.). Распространение слова устным путем в русских народных говорах способствовало появлению разветвленной системы значений как с положительной, так и с отрицательной коннотацией.

3. Значения внешности человека (параметрическая характеристика ‘толстый, полный’ и эстетическая ‘пышный, красивый’, ‘невидный, невзрачный, неказистый’, ‘пучеглазый’), которые можно в целом представить как оценивающие в той или иной мере отклонение от среднего, также, на наш взгляд, восходят к ‘отличающийся от других, не такой, как все’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1968–2007. Вып. 34.
2. *Большой* толковый словарь донского казачества. М. : ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 608 с.
3. *Словарь* русских донских говоров / авт.-сост. З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная, А.А. Дибров и др. ; отв. ред. В.С. Овчинникова. Ростов, 1975–1976. Т. 3.
4. *Новгородский* областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников ; ред. А.В. Клевцова и Л.Я. Петрова ; авт.-сост. А.В. Клевцова. СПб. : Наука, 2010. 1435 с.
5. *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск : Наука и техника, 1973. 295 с.
6. *Дополнение* к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. 328 с.
7. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. М. : Прогресс – Универсал, 1994. Т. 3.
9. *Опыт* областного великорусского словаря. СПб. : 2-е отделение Академии Наук, 1852. 279 с.
10. *Дилакторский П.А., Левичкин А.И., Мызников С.А.* Словарь областного вологодского наречия по рукописи П.А. Дилакторского 1902 года. М. : Наука, 2006. 677 с.
11. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.
12. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 197 [1] с.
13. *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино) / сост. Г.А. Баринова, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова и др. ; под ред. И.А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969. 612 с.
14. *Словарь* современного русского литературного языка / ред. Л.С. Ковтун, И.Н. Шмелёв. М. ; Л. : Наука, 1948–1965. Т. 12.
15. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru
16. *Большой* словарь русского жаргона 25 000 слов. 7 000 устойчивых сочетаний / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкафедральный сл. каб. им. проф. Б.А. Ларина ; ред. изд. С.М. Снарская, В.М. Мокиенко. СПб. : Норинт, 2000. 716 [3] с.
17. *Словарь* церковно-славянского и русского языка, составленный 2-м отделением Императорской АН. СПб., 1847. Т. 4.
18. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–1999. Вып. 22.

19. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен [с прил.] / подгот. изд. и предисл. Ф.Б. Успенского. М. : Языки славянских культур, 2005. 1032 с.
20. *Соболевский А.И.* Несколько этнографических названий // Труды по истории русского языка. М. : Языки славянских культур, 2006. Т. 2. С. 149–167.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд, стереотип. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. 3.
22. *Словарь* украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / ред. с добавлением собственных материалов Б.Д. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 4.
23. *Великий* тлумачный словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ : Ірпінь: ВТФ: «Перун», 2005. 1728 с.
24. *Русско-украинский* словарь / гл. ред. И.И. Белодед. 2-е изд., испр. Киев : Укр. сов. энциклопедия, 1982–1983. Т. 3.
25. *Етимологічний* словник української мови / укладачи Р.В. Болдирев и др. Київ : Наукова думка, 1982–2006. Т. 5.
26. *Гуцульські* говіркі. Короткий словник / відповідальний редактор Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.
27. *Этымалагічны* слоўнік беларускай мовы. Мінск: Акадэмія навук БССР, Беларуская навука, 1978–2006. Т. 11.
28. *Белорусско-русский* словарь = Беларуска-рускі слоуник / Под ред К.К. Атраховича (Кондрат Крапива). Минск : Белорус. сов. энциклопедия, 1989. Т. 2.
29. *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 756 с.
30. *Дубровский П.П.* Полный словарь польского и русского языка. Часть польско-русская. Варшава, 1901. 869 [3] с.
31. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 5.
32. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974. 805 c.
33. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М. : ГИС, 1959. Т. 2.
34. *Журавлёв А.Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2005. 1004 с.
35. *Левкиевская Е.Е.* Мифы русского народа. М. : Астрель–АСТ, 2000. 526 [2] с.
36. *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch des slavischen sprachen. Wien, 1886. 547 c.
37. *Происхождение* фамилий. URL: http://familii.info/family/t-7.html
38. *Большой* турецко-русский словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний / Баскаков А.Н. и др. 3-е изд., стереотип. М. : Живой язык, 2006. 960 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 марта 2014 г.

RUSSIAN DIALECT ADJECTIVE *RAKHMANNY* IN THE NATIONAL IMAGE OF APPEARANCE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 34-40. DOI: 10.17223/15617793/387/6

Tolstik Svetlana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stolstik@mail.ru

Keywords: diachrony; dialectology; comparative-historical linguistics; borrowing; historical lexicology; etymology.

We investigate the origin of the Russian dialect word *rakhmanny* and history of the meanings of appearance in its semantic structure. *Rakhmanny* adjective describes a person's appearance in the dialects in parametric ('thick') and aesthetic ('beautiful' and 'ugly') aspects. The semantic structure of the adjectives *rakhmanny* widely represents enantiosemy. With a wide distribution area (North Russian, Central Russian, South Russian dialects), this adjective has a variety of other meanings that characterize the person from different sides: 'quiet, calm' and 'cheerful, riotous', 'sluggish, slow' and 'lively, agile', 'bad' and 'good', 'prudent' and 'simple-minded', 'kind' and 'heartless', 'unhealthy' and 'healthy'. The word *rakhmanny* has other, non-antonymous, meanings in dialects that mainly evaluated a person's character, especially behavior, cultural development, attitude to work ('relaxed', 'sly, cunning', 'hospitable', 'generous' 'fearless', 'educated, cultural', etc.). The derivation basis of the adjective is the noun *rakhman*: 'humbled man' (Kaluga), 'bully, robber' (Novgorod). Single rooted dialect words have no meaning of a person's appearance, and mainly reflect the semantics associated with the behavior of a human or an animal (often a 'quiet, gentle'). In order to reveal the inner form of the word, the origins of the primary motivation of the adjective *rakhmanny*, the occurrence of the appearance semantics, the author refers to the historical data of the Russian language. The adjective is fixed from the 17th century in the meaning 'simple-minded'. In the 19th century the Russian literary language has this adjective in the meaning marked as 'non-brisk, inert'. Old Russian recorded a single rooted noun *rakhmane*: 'Indian philosophers, the Brahmins'. Further the material of other Slavic languages is analyzed. The adjective in the main meaning 'peaceable, gentle, calm' is presented in the Ukrainian and the Belarusian languages. As an East Slavic word it is fixed in Polish. The semantics of a person's appearance is not represented in the Slavic material. In the literature on etymology there are two hypotheses on the origin of the word *rakhmanny*. Firstly, words *rakhman* and *rakhmanny* go back to the Greek βράχμανοι, βραχμᾶνες, 'Indian priests' (from Old Indian *brahman*) (A.I. Sobolevsky, M. Vasmer, A.F. Zhuravlev et al.). Secondly, they are characterized as Turkisms, cf. Turkish and Tatar *rahman* 'compassionate, good-natured' (F. Miklošič). The development of the semantics of the adjective *rakhmanny* in Russian dialects and the predominance of the meaning 'quiet, modest' in the southern territory of Russia allows speaking in favor of the first hypothesis. In the conclusion, the development of the semantics of the word *rakhmanny* is given: 'Indian priest, philosopher, ascetic' > 'resident of a fairy tale, the righteous' > 'quiet, modest person'> 'too humble' > 'not like the others, different from the others'. Spreading of the word orally in Russian dialects facilitated the emergence of an extensive system of meanings with both positive and negative connotations. The meanings of a person's appearance (parametric characterization 'thick' and aesthetic – 'beautiful', 'ugly') also estimate the deviation from the average and go back to the 'different from the others' semantics.

REFERENCES

1. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1968-2007. Issue 34.
2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva* [The Great Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST Publ., 2003. 608 p.
3. Ovchinnikova V.S. (ed.) *Slovar' russkikh donskikh govorov* [The Dictionary of Russian Don Dialects]. Rostov, 1975-1976. Vol. 3.
4. Klevtsova A.V., Petrova L.Ya. (eds.) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 1435 p.
5. Rastorguev P.A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoy Bryanshchiny. Materialy dlya istorii slovarnogo sostava govorov* [The Dictionary of Folk Dialects of Western Bryansk. Materials for the history of the dialect vocabulary]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1973. 295 p.
6. *Dopolnenie k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarya* [Supplement to the experience of the regional Great Russian Dictionary]. St. Petersburg, 1858. 328 p.

7. Dobrovol'skiy V.N. *Smolenskiy oblastnoy slovar'* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk, 1914. 1022 p.
8. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Reprint of the 1903-1909 edition. Moscow: Progress – Universal Publ., 1994. Vol. 3.
9. *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya* [Experience of the Great Regional Vocabulary]. St. Petersburg: 2nd Division of the Academy of Sciences Publ., 1852. 279 p.
10. Dilaktorskiy P.A., Levichkin A.I., Myznikov S.A. *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 goda* [The Dictionary of Vologda regional dialect from the manuscript of P.A. Dilaktorskiy of 1902]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 677 p.
11. Durov I.M. *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Pomor Language in Its Domestic and Ethnographic Use]. Petrozavodsk: Karelia Scientific Center of RAS Publ., 2011. 455 p.
12. Podvysotskiy A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Arkhangelsk Dialect in Its Domestic and Ethnographic Use]. St. Petersburg, 1885. 197 [1] s.
13. Ossovetskiy I.A. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino)* [The Dictionary of Modern Russian Folk Dialect (Deulino village)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 612 p.
14. Kovtun L.S., Shmelyov I.N. (eds.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1948–1965. Vol. 12.
15. Russian National Corpus. Available at: http://search.ruscorpora.ru. (In Russian).
16. Snarskaya S.M., Mokienko V.M. (eds.) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov. 7 000 ustoychivykh sochetaniy* [The Great Dictionary of the Russian Slang. 25,000 words. 7,000 set expressions]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 716 p.
17. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy 2-m otdeleniem Imperatorskoy AN* [The Dictionary of Church Slavonic and Russian language, compiled by the 2nd Division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1847. Vol. 1-4.
18. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of Russian of the XI-XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975–1999. Issue 22.
19. Tupikov N.M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [The Dictionary of Ancient Russian Personal Proper Names]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 1032 p.
20. Sobolevskiy A.I. *Neskol'ko etnograficheskikh nazvaniy* [Several ethnographic names]. In:: *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Works on the history of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. Vol. 2, pp. 149-167.
21. Vasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd edition. Moscow: Progress Publ., 1986-1987. Vol. 3.
22. Grinchenko B.D. (ed.) *Slovar' ukrainskogo yazyka, sobrannyy redaktsiey zhurnala "Kievskaya starina"* [The Dictionary of the Ukrainian Language compiled by the editors of Kievskaya Starina journal]. Kyiv, 1907-1909. Vol. 3.
23. Busel V.T. (ed.) *Velykyj tlumachnyj slovnyk suchasnoï ukraïns'koï movy*. Kyïv: Irpin': VTF: "Perun" Publ., 2005. 1728 p. (In Ukrainian).
24. Beloded I.I. (ed,) *Russko-ukrainskiy slovar'* [Russian-Ukrainian Dictionary]. 2nd edition. Kyiv: Ukrainskaya sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982-1983. T. 3.
25. Boldirev R.V. et al. *Etymologichnyj slovnyk ukraïns'koï movy*. Kyiv: Naukova dumka, 1982-2006. Vol. 5. (In Ukrainian).
26. Zakrevs'ka Ja. (ed.) *Gucul's'ki govirki. Korotkyj slovnyk*. Lviv, 1997. 232 p. (In Ukrainian).
27. *Jetymalagichny slownik belaruskaj movy*. Minsk: Akadjemija navuk BSSR, Belaruskaja navuka Publ., 1978–2006. Vol. 11. (In Belarusian).
28. Atrakhovich K.K. (ed.) *Belorussko-russkiy slovar'* [Belarusian-Russian Dictionary]. Minsk: Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. Vol. 2.
29. Nosovich I.I. *Slovar' belorusskogo narechiya* [The Dictionary of the Belarusian Dialect]. St. Petersburg, 1870. 756 p.
30. Dubrovskiy P.P. *Polnyy slovar' pol'skogo i russkogo yazyka. Chast' pol'sko-russkaya* [The Dictionary of the Polish and Russian. Part of the Polish-Russian]. Warsaw, 1901. 869 p.
31. Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. Kraków, 1900-1911. Vol. 5.
32. Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warsaw: Wiedza Powszechna, 1974. 805 p.
33. Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: GIS Publ., 1959. Vol. 2.
34. Zhuravlev A.F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A.N. Afanas'eva "Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on A. Afanasyev's "Poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 1004 p.
35. Levkievskaya E.E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow: Astrel'–AST Publ., 2000. 526 p.
36. Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch des slavischen sprachen*. Wien, 1886. 547 p.
37. Proiskhozhdenie familiy [The origin of surnames]. Available at: http://familii.info/family/t-7.html
38. Baskakov A.N. et al. *Bol'shoy turetsko-russkiy slovar': 200 tys. slov i slovosochetaniy* [The Big Turkish-Russian Dictionary: 200 thousand words and phrases]. 3rd edition. Moscow: Zhivoy yazyk Publ., 2006. 960 p.

Received: 30 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 41–46 DOI: 10.17223/15617793/387/7

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 371.1.07

Е.А. Найман

ОСНОВНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЯ

Исследуются основные зарубежные модели интеграции института высшего образования и региональной экономической системы в условиях экономики знания. Рассматриваются элитарная и диффузная модели (Б. Морган) отношения вуза и региональной системы, основанные на двух различных способах понимания механизмов создания и передачи знания. Анализируется переход от традиционной модели, связанной с дисциплинарной структурой науки, к социально распространенной модели М. Гиббонса, основанной на новых познавательных и социальных принципах передачи научного знания.

Ключевые слова: обучающийся регион; институт высшего образования; экономика знания; региональная экономическая система; культура обучения.

Проблема анализа процесса интеграции институтов высшего образования и региональных систем достаточно сложна и многоаспектна, поскольку исходит из различных уровней (макро- и микро-), а также из теоретической, эмпирической и политической перспектив. Важнейшей точкой методологических рассуждений является роль, которую институт высшего образования должен играть в развитии региональной экономики в эпоху экономики знаний. Все эти проблемы затрагивают вопрос будущего развития системы высшего образования. В Средние века и эпоху Возрождения существовало не так много университетов, но они выступали ключевыми центрами обучения, философии и общественных дискуссий. Сегодня их количество бесчисленно, однако их роль скорее ограничена образовательной функцией, а место в общественной жизни достаточно маргинально. Тем не менее вузы потребляют значительную долю валового национального дохода в большинстве стран. Общество вправе поставить весьма жесткий вопрос: а так ли уж необходимы громадные расходы на высшее образование, и что оно (общество) может получить взамен? Институты высшего образования должны вновь вернуть свое определяющее положение в экономике и общественной сфере. Западные исследователи задаются вопросом: каковы основные направления развития высшего образования в данном контексте?

Существует утверждение, согласно которому институт высшего образования должен способствовать экономическому и социальному развитию страны и принимать активное участие в региональном развитии. В этом аспекте дискуссии строятся вокруг проблемы соотношения вуза и новой системы производства знания. Традиционно университет имел две роли: обучение и исследования. В аспекте регионального экономического развития он приобретает новую роль. В западной методологии выделяют две основные модели, которые объясняют участие вуза в региональном экономическом развитии. Исследователь Б. Морган (2002) называет их «элитарной» и «диффузной».

Элитарная модель свойственна традиционной индустриальной экономике [1. С. 20; 2. С. 403, 404]. Она предполагает, что институты высшего образования выполняют научно-исследовательскую работу, внедряемую впоследствии в деловое сообщество посредством спин-офф компаний и организаций, отвечающих за передачу знаний. Б. Морган утверждал, что подобная практика «просачивания» (trickle-down) слабо способствует инновационному процессу в региональной экономике. Он доказывает, что элитарная модель ущербна по двум причинам. Во-первых, «она недооценивает важность высшего образования в процессе социального воспроизводства и создании навыков наивысшего уровня у рабочей силы. Такое развитие является необходимым условием контроля над процессами постепенных усовершенствований в области технологии и продуктов, что, как правило, является следствием исследований, направленных «снизу вверх» [3. С. 67]. Элитарная модель игнорирует ценность «скучных» форм знания. Во-вторых, данная модель «имела тенденцию переводимости в систему, в которой производство знаний оценивается более высоко, чем его применение… [Элитарная модель] направлена на наиболее престижные формы использования знания – высокопрофильные, высокотехнологичные исследования, сосредоточенные в горстке элитарных центров передового опыта. А это означает, что вклад университетов в создание общественного богатства имеет весьма ограниченные масштабы» [Там же]. Практически элитарная модель превращает вузы, по выражению Моргана, в «соборы в пустыне», т.е. центры передового научно-исследовательского опыта, слабо встроенные в систему региональной экономики.

Главные возражения против элитарной модели состоят в том, что она свойственна постиндустриальной экономике, в то время как экономика сегодняшнего дня превращается в экономику знания, в которой конкурентное преимущество является не просто следствием высокотехнологичного знания, а произрастает из комбинации различных типов знания: высокотехнологичного, технологического, управленческого, организационного, знания рынков и т.д. В связи с этим вузы должны стать игроками многополюсной системы знаний производителей и пользователей вместо того, чтобы сохранять свое иерархическое поло-

жение в верхней части пирамиды знания, не соответствующей реалиям экономики знания.

Для того чтобы описать новую позицию вуза, Морган и вводит «диффузную» модель, имеющую несколько взаимосвязанных направлений, отражающих основные методологические уровни анализа связи вуза и региональной системы. Вузы, по мнению Моргана, должны играть ключевую роль в формировании «социального капитала» региона, т.е. «выступать катализаторами гражданской активности, коллективных действий и сетевых взаимодействий» [3. С. 66]. Кроме того, они должны содействовать социальной интеграции, обеспечивая расширенный доступ к знанию представителям более низких социально-экономических групп» [3. С. 67]. Можно смело утверждать, что место вуза в экономике знания определяется его «встроенностью» в социально-экономический контекст.

В современной ситуации экономического развития вуз должен выступать в роли со-творца знания. В этих условиях методологически важным шагом является создание релевантной парадигмы для понимания процесса производства знания и роли вуза в этом процессе. Другими словами, для того, чтобы определить вклад вуза в процесс регионального экономического развития, необходимо понять реальные механизмы процессов создания и передачи знания. Фактически элитарная и диффузная модели отношения вуза и региональной системы основаны на двух различных моделях создания знания, которые получили отражение в работе профессора научно-технической политики лондонской ассоциации университетов Майкла Гиббонса [Gibbons] и его исследовательской группы.

Гиббонс полагает, что традиционная модель (М1) создания знания связана с дисциплинарной структурой науки, доминирующей в системе управления и организации сегодняшних университетов. Наиболее важная черта дисциплинарной структуры науки состоит в ее специализации. Специализация является наиболее надежным способом продвижения знания как в естественных, так и гуманитарных науках. Организационные императивы специализации имеют определяющий характер для дисциплинарной структуры создания знаний во всем мире. Процесс обучения в университетах также находится под контролем дисциплинарной структуры. Кроме того, данная структура обеспечивает тесную связь образовательной и исследовательской функций вуза.

Дисциплинарная структура выражена через свои исследовательские практики, которые со временем видоизменяют идеи, технологии и методы, рассматриваемые в качестве существенных для той или иной дисциплины. Данная структура определяет: а) круг наиболее важных проблем и субъектов, обязанных эти проблемы решать; б) критерии величины «вклада» в ту или иную область знания, а также степень эффективности исследователей; в) аккредитацию новых университетских факультетов и исследовательских программ, а также критерии их продвижения в академической среде и т.д. Фактически дисциплинарная структура, определяющая образ «правильной» науки, выступает основной моделью создания знания практически во всех университетах мира.

Однако в настоящее время намечается формирование новой модели создания знания (М2), которая, существенно отличаясь от М1, должна изменить образ университетов будущего (М2).

М1 создания знания, включающая целых комплекс идей, методов, ценностей и норм, вырастает из потребности контролировать границы структуры специализации и гарантировать ее соответствие надежной и стабильной научной практике. Образуются довольно стабильные познавательные и социальные нормы, соответствующие созданию и распространению знания. Исследования, придерживающиеся этих норм, считаются «научными», в то время как другим в этом критерии отказано. В этом смысле М2, как противоположная М1, должна избегать традиционных понятий «наука» и «исследователь». Однако это вовсе не означает, что исследователи в рамках М2 должны использовать ненаучные методы. В настоящее время можно наблюдать формирование новой конфигурации познавательных и социальных практик, создающей новый способ создания знания.

Вполне допустимо аналитически выделить ряд свойств, определяющих различия между М1 и М2:

– если в М1 проблемы ставятся и решаются в контексте академических интересов специфического сообщества, то в М2 создание знания определяется прикладным контекстом;

– если М1 – дисциплинарная, то М2 – междисциплинарная;

– если М1 характеризуется относительной однородностью профессиональных навыков, то М2 – гетерогенностью;

– если в организационном аспекте М1 стабильна и иерархична, то М2 отдает предпочтение горизонтальным организационным иерархиям, имеющим временную природу;

– в сравнении с М1 М2 более социально ответственна и рефлексивна;

– М1 и М2 используют различные виды контроля качества. М2 содержит более широкий, краткосрочный и разнородный набор практик, сосредоточенных на проблемах, обусловленных специфическим местным контекстом. Таким образом, по сравнению с М1 М2 имеет более расширенную систему контроля качества [4. С. 3].

М2 обладает принципами, которые существенным образом отличают ее от М1. Такими принципами выступают:

1. *Принцип прикладного контекста создания знания*. В то время как в М1 проблемы ставятся и решаются в соответствии с кодами и практиками данной дисциплины, то в М2 они организуются вокруг возможностей их практического использования. В М1 контекст определяется с точки зрения когнитивных и социальных норм, определяющих научное академическое исследование. Практическая цель зачастую не рассматривается в процессе создания знания. В М2 такая цель становится основополагающей при определении контекста исследования. С самого начала производство знания в М2 фокусируется на прикладном знании. Модель носит «переговорный» характер, т.е. знания производятся только в том случае, если принимаются в

расчет самые широкие интересы его создателей и потребителей. Однако в этом случае нельзя говорить о простой коммерционализации знания, его создании в зависимости от потребностей рынка. Можно сказать лишь о том, что источники, поставляющие знания, становятся все более разнообразными, а спрос на более дифференцированные формы знания продолжает возрастать. Формирование знания в М2 становится «рассеянным» в обществе в гораздо большей степени, чем в М1. В М2 контекст характеризуется более разнообразным набором интеллектуальных и социальных требований, что, безусловно, способствует требованиям подлинно фундаментальных исследований.

2. *Принцип междисциплинарности*. Было бы упрощением говорить о том, что в М2 в команду механически вовлекаются специалисты из различных научных областей. Исследования в М2 руководствуются «консенсусом соответствующих познавательных и социальных практик» [4. С. 4]. Отличие М2 от М1 состоит в том, что консенсус рассматривается в прикладном контексте. Решение проблемы требует интеграции различных средств в рамках определенного действия. Кроме того, консенсус выступает явлением временного порядка. Для того чтобы понять «междисциплинарность» М2, необходимо рассмотреть различные свойства междисциплинарности более подробно. Во-первых, междисциплинарность помогает решить проблему за счет включения в единую рамку различных исследовательских рамок. Эта рамка не создается какой-то одной группой исследователей, а затем применяется другой к определенному контексту, а скорее создается внутри прикладного контекста совместными усилиями. Теоретический консенсус не сводится к механической сумме дисциплинарных частей. Во-вторых, несмотря на то что междисциплинарные решения, несомненно, вносят вклад в познание вообще, они не обязательно вносят вклад в дисциплинарное знание в частности. Междисциплинарное знание способно развивать собственные отличные теоретические структуры, исследовательские методы и практики, создаваемые внутри прикладного контекста. Однако вполне возможно, что дисциплинарное знание не будет способно включить в себя это междисциплинарное знание. В-третьих, знание в М2 в процессе его создания изначально диффузно, поскольку его создатели узнают о результатах этого процесса в момент участия в нем. В этом обнаруживается контраст с процессом передачи знания через институциональные каналы в М1. В то время как в М1 полагаются на сообщения о результатах на конференциях и профессиональных журналах, в М2 исследователи создают знание тогда, когда начинают работать над новой проблемой в новом контексте. Именно поэтому в М2 наибольшее значение приобретают неформальные каналы передачи знания. В-четвертых, междисциплинарность задает динамику способности решения проблем. Новые достижения являются следствием конкретного решения. В этом случае довольно трудно предсказать, каким образом будет развиваться знание за пределами этого изначального контекста. Важнейшей чертой М2 является тесное взаимодействие между производством знания и последовательностью контекстов проблемы.

3. *Принцип гетерогенности и организационного разнообразия.* Поскольку разнородны навыки людей, компетенции и их опыт, то таким же разнородным будет процесс создания знания в М2. Так же как профессиональные навыки и опыт, необходимые для решения проблемы, развиваются с течением времени, видоизменяется и состав команд, призванных их решать. Этот процесс не планируется и не координируется центральными органами управления; этот обновленный способ создания знания является результатом нового режима и порядка возникновения сложных проблем. В отличие от М1, он мало предсказуем. Такой способ характеризуется следующим:

– увеличением числа потенциальных мест, из которых может создаваться знание; в число таких мест включены не только университеты и институты, но и исследовательские центры, государственные учреждения, промышленные лаборатории, консультационные центры в их тесном взаимодействии;

– связью этих мест (организационной, социальной, неформальной) посредством сетевой коммуникации;

– все более тонкой дифференциацией областей исследования, их рекомбинации и реконфигурации; процесс создания знания все дальше отходит от традиционной дисциплинарной активности в новые социальные контексты [4. С. 6].

Все эти аспекты требуют формирования гибких организационных форм. Ключевой чертой этих новых форм является их непостоянный и временный характер. Краткосрочные междисциплинарные рабочие группы исчезают в тот момент, когда проблема становится решенной. Именно поэтому в М2 исследовательские группы в значительно меньшей степени институционализированы, чем в М1, а члены этих команд способны работать над различными проблемами с самыми разными людьми и в разных местах. Коммуникативные модели, формируемые подобным образом, способны сохраняться даже при том, что исследовательские группы недолговечны, а рабочие проблемы имеют преходящий характер. Новые группы и сети будут формироваться исходя из тех же самых коммуникативных паттернов. Создание знания в М2 способно осуществляться в самых разнообразных организационных формах и институтах, таких как многонациональные фирмы, сетевые фирмы, малые высокотехнологичные фирмы, исследовательские университеты, лаборатории и институты в рамках государственных и межгосударственных исследовательских программ.

4. *Принцип социальной ответственности и рефлексивности.* В последнее время создание знания в М2 стимулируется ростом общественного внимания к таким проблемам, как неприкосновенность частной жизни, рождаемости, здоровья, охраны окружающей среды, коммуникации и т.д. Достижения в области науки тем или иным образом могут влиять на общественную осведомленность и заинтересованность, что приводит к росту числа социальных групп, желающих повлиять на результаты исследовательских процессов. Разнородный состав исследовательских групп отражает эту тенденцию, когда ученые из сферы социальных наук работают совместно с юристами, естествоиспытателями, инженерами и бизнесменами. Этого,

собственно, и требует сама природа подобных проблем. Кроме того, требуется высокая степень социальной ответственности при интерпретации и распространении результатов исследований. Важно отметить, что создание знания в М2 приводит к социальному воздействию исследований. Именно поэтому работа в М2 повышает уровень рефлексивности ученых, поскольку значимость научных разработок не ограничивается одной лишь научной и технической стороной вопроса. Фактически это означает, что в рамках М2 без рефлексивной деятельности, т.е. оценки действий с позиции понимания всех вовлеченных сторон, эффективно действовать невозможно. В традиционной модели оценка гуманитарной значимости научных проектов была исключительной прерогативой социальных наук. В новой модели увеличение уровня рефлексивной активности уже изначально заложено в программы исследовательских проектов.

5. *Принцип широты системы контроля качества.* В М2 возникают иные критерии оценки качества, чем в дисциплинарной науке. В М1 качественные показатели вклада, совершенного исследователем, определяются экспертной оценкой. Контролируя процесс создания знания, эксперты выносят оценку качеству вклада ученого в данную отрасль на основании предыдущих вкладов в их дисциплину. Качество и контроль взаимоподтверждаются в процессе вынесения экспертной оценки, что определяет когнитивные и социальные аспекты данного процесса. Когнитивное измерение процесса экспертной оценки основано на «профессиональном контроле над важностью проблем и методов, используемых в работе» [4. С. 8], в то время как социальное измерение определяется исходя из того «кто именно уполномочен проводить данное исследование при решении тех или иных проблем» [4. С. 8]. Процесс экспертной оценки в рамках дисциплинарной науки предоставляет право ученому работать над проблемами, которые рассматриваются как ключевые в процессе продвижения данной научной отрасли. Авторитетное мнение эксперта определяет круг данных проблем. В М2, помимо интеллектуального, включается целый ряд дополнительных критериев оценки качества – социальный, экономический и политический. Возникают проблемы конкурентоспособности данного решения в условиях рынка, рентабельности и социальной уместности. Кроме того, в М2 труднее определить понятие «хорошей» науки, поскольку ее качество зависит от более широкого набора критериев. Эти критерии отражают обширную социальную композицию оценочной системы. Может показаться, что контроль в М2 ослабевает, что может проявиться в более низком качестве работы, поскольку жесткий контроль со стороны дисциплинарных экспертов отсутствует. Однако это не совсем так. Наоборот, в М2 процесс контроля качества опирается на более многообразный спектр экспертных оценок, необходимых для решения проблемы. Результатом этого является более сложная и многомерная матрица качественных оценок.

Все выделенные признаки М2 создания знания тесным образом взаимосвязаны. Необходимо также отметить, что новые нормы, возникающие в М2, соответствуют междисциплинарному знанию, в то время как когнитивные и социальные нормы М1 – дисциплинарному. Определенный баланс между индивидуальным и коллективным обнаруживается в обоих моделях. Однако в М1 акцент ставится на индивидуальной творческой работе, а в М2 – на групповой. Множество различных интересов, сосредоточенных в прикладном контексте решаемых задач, рассматривают индивидуальную работу ученого в качестве элемента процесса, а контроль над качеством осуществляется в широком социальном контексте. В то время как в М1 накопление знаний осуществляется через профессионализацию специализаций, установленных в рамках университетов, в М2 такое накопление происходит за счет воспроизводящейся конфигурации человеческих ресурсов в рамках гибких и переходных организационных форм. Междисциплинарность, неоднородность и организационное многообразие порождают новые адаптивные и контекстуальные формы контроля качества.

Следует отметить, что различные модели создания знания вполне способны взаимодействовать друг с другом. Это происходит, например, в том случае, когда специалисты одной дисциплинарной отрасли науки участвуют в М2 создания знания. В результате этого некоторые исследователи могут принять решение двигаться в направлении междисциплинарных прикладных контекстов развития своей научной работы, в то время как другие могут вернуться в свои родные дисциплинарные границы. И наоборот, некоторые междисциплинарные выходы создания знания способны создать новые инструменты, способные помочь найти новые пути в дисциплинарных науках. Однако такое взаимодействие не превращает одну модель в другую, поскольку они существенным образом отличны. М. Гиббонс полагает, что одним из важнейших социальных предрассудков дисциплинарной науки является мнение о том, что «если дисциплины не будут процветать, то будет ощутима нехватка фундаментальных идей или что основополагающие теоретические знания не могут создаваться и поддерживаться за пределами дисциплинарной структуры» [4. С. 10]. В политических дебатах очень часто высказываются идеи о том, что дисциплинарные науки являются неиссякаемым источником прикладных возможностей в будущем. Однако в настоящее время все чаще теории биомедицины, информатики, наук об окружающей среде развиваются в прикладных контекстах, покидая дисциплинарные границы.

Необходимо отметить, что успех М1 не подвергается сомнению. Она достигла серьезных результатов в профессионализации в социальной сфере, специализации в когнитивной области и институционализации в сфере политической. Однако ключевым моментом рассуждений Гиббонса является положение о том, что процесс создания знания все в меньшей степени замыкается на себя. Уже перестают существовать институты, из которых знание изливается в другие секторы жизни. Создание знания не только в своих теориях и моделях, но и в методах и технологиях, перемещается из академий и университетов в самые разные виды институций. Процесс создания знания приобретает широкое социальное распространение. На фоне этих рассуждений Майкл Гиббонс вводит поня-

тие «социально распространенная система создания знания». Такую систему отличает несколько существенных характеристик: а) происходит увеличение численности мест, в которых выполняется научная исследовательская работа; б) эти места связаны тесным сетевым взаимодействием; в) динамика социально распространенного знания определена потоками знания и изменениями в структуре связи между этими потоками; г) новая модель создания знания обнаруживает гетерогенный, а не гомогенный рост; постоянно возникающие места создания знания создают интеллектуальные точки, в которых нарождаются последующие исследовательские конфигурации и комбинации. Таким образом, «социально распространенная система создания знания» демонстрирует свойства самоорганизующейся системы, в которой плотность коммуникации стремительно возрастает. Подобная система определяет фундаментальные изменения как с точки зрения числа возможных мест создания знания, так и с точки зрения уровня их взаимодействия.

Однако возникает еще один важный вопрос: какие реальные последствия может иметь данная модель создания знания (М2) для институтов высшего образования и для университетов? Ответ на этот вопрос может быть намечен по ряду направлений:

1. *Передовые исследования*. Институты высшего образования сейчас сталкиваются с проблемой: каким образом приспособиться к процессу создания знаний с широким уровнем социальной дистрибуции? Передовые исследования включают расширенное участие различных заинтересованных сторон, вовлекая множество экспертов, которые определены в своей работе интересами конкретных проблем, а не собственными дисциплинарными рамками. Важнейшие интеллектуальные проблемы возникают исходя из прикладного контекста, а ученые мотивированы в них работать. Заинтересованность этими проблемами заставляет ученых покидать университетские стены, трудиться в командах с экспертами из самых различных отраслей знания в различных организационных условиях. Такие ученые должны адаптироваться к различным практикам и быть готовыми принять различные перспективы развития своей карьеры. Однако при этом они вынуждены оставить университеты. Условия выживаемости академических исследователей изменяется: от «опубликовать или погибнуть» к «сотрудничать или погибнуть».

2. *Исследования и обучение.* Университеты в М2 должны быть более открыты широкому сообществу; они должны стать более предпринимательскими в смысле использования своего интеллектуального капитала. В этой новой, более подвижной структуре исследовательской работы знание кодифицируется и передается совершенно отличным способом. Информацию о положении дел относительно конкретного вопроса можно скорее обнаружить не в обычных публикациях – бумажных или электронных – а в коллективной памяти команды, занятой ее решением. Однако эти команды представляют собой переходные группы. Они формируются и распадаются в зависимости от решения тех или иных проблем, а память, содержащая все наработанное, переносится экспертами на новый круг вопросов. Возникает непростой вопрос: поскольку традиционный способ сохранения информации в публикациях в этих случаях мало пригоден, то каким образом это созданное знание может быть переведено на уровень учебных программ и как его транслировать? Каким образом будут в этом случае связаны обучение и исследовательская работа? И как будет выглядеть организационная структура такого университета, который, сохраняя традиционную дисциплинарную модель, пойдет в своей исследовательской работе по пути новой модели создания знания? Если исследования будут возникать и развиваться за пределами дисциплинарных структур, а в контексте прикладном, то каким образом результаты исследований могут быть включены в широкие слои академического сообщества, а затем и новые учебные программы?

3. *Институциональный менеджмент: ядро и периферия.* Университеты, в которых технология обмена становится ключевой ценностью, где имеется большая сеть партнерских отношений, должны иметь отличную организационную структуру. Ранее университеты представляли собой «заводы», в которых работал интеллектуальный капитал. Сотрудники факультета являлись специалистами, работающими в соответствии с исследовательскими практиками, которые были идентифицированы в рамках дисциплинарной структуры. Единицей организации был факультет. Следуя диктату М1, университеты разрабатывали структуру факультетов и вербовали наиболее качественный персонал. Вузы зачастую ощущали себя «владельцами» этого интеллектуального ресурса и за счет него утверждали свою репутацию относительно других университетов. Совершено по-другому действуют механизмы в М2. В прикладном контексте программы исследования формируются и обнаруживают свою привлекательность совершенно иным образом. Исследователи работают в командах над проблемами, которые вовлечены в достаточно сложные социальные процессы и являются относительно переходными. Они движутся в соответствии с диктатом интересующих проблем. Участие в решении этих проблем требует от них идти в ногу с логикой их развития. Как следствие, некоторые наиболее успешные ученые приучают свои учебные заведения присоединяться к самым разнообразным проблемным конфигурациям. В некоторых случаях это может выглядеть как ослабление их лояльности к их вузам и дисциплинам. В этой связи университеты будут вынуждены пересмотреть свои позиции относительно собственного интеллектуального капитала. Вузам необходимо убедиться в своих способностях участия в различных контекстах решения проблем. Им нужно привыкнуть к тому, что они не могут позволить себе удерживать в своих пенатах все человеческие ресурсы и гарантировать им возможность работы в других местах. В этом заключена фундаментальная проблема «социально распространенной системы создания знаний». Модель экономики «общих человеческих ресурсов», вероятнее всего, требует относительно небольшого ядра постоянных штатных сотрудников, существующих совместно с большим количеством периферийных «экспертов», готовых сотрудничать с университетом по разным вопросам. Чтобы добиться этого, университеты должны

практиковать гораздо более широкий спектр трудовых договоров и смириться с тем фактом, что они не могут непосредственно владеть всеми необходимыми им человеческими ресурсами. По-видимому, не всякий сотрудник университета должен быть штатным. Однако здесь возникает много вопросов: как эти «другие» сотрудники будут существовать в университетской среде? Как будет оцениваться их вклад? Чему они должны учить студентов и аспирантов? и т.д. На эти вопросы невозможно ответить, пока не изменится сама природа университетов. Безусловно, университеты, которые становятся исследовательскими, а значит, выбирают М2, должны столкнуться с рядом серьезных внутренних проблем соединения обучения и исследовательской деятельности.

Таким образом, в большинстве своем зарубежные авторы показывают: для того чтобы понять вклад вуза в региональное экономическое развитие, мы должны понять, каким образом реально осуществляются процессы производства знания и его трансляции. В этом смысле модель Гиббонса, во-первых, отвечает основным постулатам экономики знаний, во-вторых – совместима с теориями организационного производства знания как развития [5, 6]. Процесс создания знания – это процесс постоянного взаимодействия между индивидами в командах. М2 – это способ, при котором вуз может внести существенный вклад в региональное развитие и вернуть свои доминирующие позиции в экономической жизни, становясь важнейшим игроком в экономике знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Best M.* The New Competition: Institutions of Industrial Restructuring. Cambridge : Polity Press, 1990.
2. *Dijck J., van and Havekes M.* 'Human Capital Development: Changing Institutional Arrangements' // Changing Business Systems in Europe: An Institutional Approach. Brussels : VUBpress, 1994. P. 403–420.
3. *Morgan B.* 'Higher Education and Regional Economic Development in Wales: An Opportunity for Demonstrating the Efficacy of Devolution in Economic Development' // Regional Studies. 2002. № 36, 1. P. 65–73.
4. *Gibbons M., Limoges, C., Nowotny H., Schwartzmen S., Trow M., Scott P.* The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London : Sage, 1994.
5. *Нонака И., Такеучи Х.* Компания – создатель знания. Зарождение и развитии инноваций в японских фирмах. М., 2011. 384 с.
6. *Krogh G. von, Ichijo K., Nonaka I.* Enabling Knowledge Creation: How to Unlock the Mystery of Tacit Knowledge and Release the Power of Innovation. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 июня 2014 г.

THE MAIN FOREIGN INTEGRATION MODELS OF THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION AND THE REGIONAL SYSTEM IN TERMS OF KNOWLEDGE ECONOMY

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 41-46. DOI: 10.17223/15617793/387/7

Nyman Eugene A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru

Keywords: learning region; institution of higher education; knowledge economy; regional economic system; learning culture.

This article analyzes the main Western models of integration of higher education institutions and regional economic system in the modern knowledge economy. The article considers elitist and diffuse models of relations between universities and regional systems allocated by B. Morgan. The elitist model characterized traditional industrial economy, while today the economy is transformed into a knowledge economy, in which competitive advantage is not simply a consequence of high-tech knowledge, but stems from a combination of different types of knowledge: high-tech, technological, managerial, organizational, knowledge of markets, etc. In this regard, universities should become players of the multipolar system of knowledge instead of retaining their hierarchical position in the top of the pyramid of knowledge. To describe the new position of the university, Western scholars (Morgan) introduced the "diffuse" model in which institutions of higher education must play a key role in the formation of "social capital" of the region and promote social integration by providing greater access to knowledge for representatives of lower socioeconomic groups. Under these conditions, a methodologically important step is to create a relevant paradigm for understanding the process of knowledge production and the role of the university in the process. In order to determine the contribution of the university in the process of regional economic development, it is necessary to understand the real mechanisms of the processes of creation and transfer of knowledge. Elitist and diffuse models of university and regional system relations are based on two different models of knowledge creation set by a British researcher Michael Gibson. Gibbons believes that the traditional model of knowledge creation is linked to the disciplinary structure of science, dominant in the management and organization of today's universities. A new model must replace it, a model characterized by interdisciplinary, heterogeneity, organizational diversity. The model is to be socially responsible and reflective and supposes a greater quality control system. Gibbons calls such a model of creation and transmission of knowledge "socially widespread system of knowledge creation" which demonstrates the properties of a self-organizing system, where the density of communication is increasing rapidly. Such a system defines the fundamental changes both in terms of the possible places of knowledge creation, and from the point of view of their level of interaction. The article notes that the new model defines the place of the university in regional development and is able to return its role of a major player in the system of knowledge economy.

REFERENCES

1. Best M. *The New Competition: Institutions of Industrial Restructuring*. Cambridge: Polity Press, 1990.
2. Dijck J. Van, Havekes M. *Human Capital Development: Changing Institutional Arrangements*. In: *Changing Business Systems in Europe: An Institutional Approach*. Brussels: VUBpress, 1994, pp. 403-420.
3. Morgan B. Higher Education and Regional Economic Development in Wales: An Opportunity for Demonstrating the Efficacy of Devolution in Economic Development. *Regional Studies,* 2002, no. 36, 1, pp. 65-73.
4. Gibbons M., Limoges, C., Nowotny H., Schwartzmen S., Trow M., Scott P. *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies*. London: Sage, 1994.
5. Nonaka I., Takeuchi Kh. *Kompaniya – sozdatel' znaniya. Zarozhdenie i razvitii innovatsiy v yaponskikh firmakh* [Company as a creator of knowledge. The origin and development of innovation in Japanese firms]. Moscow: Olimp-biznes Publ., 2011. 384 p.
6. Krogh G. von, Ichijo K., Nonaka I. *Enabling Knowledge Creation: How to Unlock the Mystery of Tacit Knowledge and Release the Power of Innovation*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Received: 18 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 47–51 DOI: 10.17223/15617793/387/8

УДК 123

Р.В. Пеннер

СВОБОДА «ВТОРОГО ПОЛА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (на материале работы С. де Бовуар)

Рассматривается сравнительно малоизученная проблема – концептуализация свободы женщины в ключевом труде С. де Бовуар «Второй пол». Проблематика женского существования (одна из ключевых в философии С. де Бовуар) изучалась довольно основательно, но исследователи в основном рассматривали ее в контексте идей феминизма. Складывается ошибочное впечатление, что проблема свободы женщины кристаллизовалась в феминистской коннотации. Данная статья призвана разрешить поставленную задачу.

Ключевые слова: свобода; Другой; трансценденция; имманенция; феминизм; «второй пол».

В известной музыкальной композиции Дж. Брауна «This is the men's world» встречаются следующие строки: «Это мир мужчин, это мир мужчин, но он превратиться в ничто, ничто без женщины или девочки…» [1]. Эта песня в лирической форме иллюстрирует проблему взаимоотношений между полами, обострившуюся во второй половине XX столетия. Женщина для мужчины выступает как Другой, но это не «Ты» [2], не друг и не сестра, а тот, «существование которого содержит в себе угрозу, опасность» [3. С. 109], так как этот Другой посягает на *мою*, мужскую свободу. Вышесказанное возможно проецировать и на специфику восприятия проблемы женщиной, ибо согласно тенденциям исторического развития человечества базис отношений в этом мире организуется и реорганизуется по замыслам мужчины, а надстройка и вовсе «создается» его «руками». Таким образом, женщина как «чуждый» Другой оказывается на «обочине» истории, это вечно «голосующий» элемент, кого мужчина (не всегда без удовольствия) подвозит.

Обозначенное выше подводит нас к вопросу: свободна ли современная женщина? Вопрос этот как минимум противоречивый. Противоречие обусловлено размытостью самой дефиниции свободы: согласно демократическому законодательству, фундированному признанием равенства возможностей, разнообразием прав и свобод, женщина есть такой же полноправный гражданин, как и мужчина, и этот постулат не вызывает ни у кого дополнительных вопросов до тех пор, пока он не проникает в праксис человеческой реальности. In praxi перед нами одномоментно обнаруживает свое присутствие проблемное поле, образуемое на пересечениях некоторых линий: во-первых, настроение женщины, в сравнении с мужским, в большей степени подвержено физиологическим циклам, что осложняет совместную с ней работу; но самое главное – начало восхождения по карьерной лестнице у женщины зачастую связано с началом ее супружеской жизни, а это, в свою очередь, усугубляет возможность беременности и, как следствие, декретного отпуска, безусловно, идущего вразрез с коммерческими интересами компании, предоставившей женщине возможность для ее профессионального роста.

Даже обращение к точным статистическим данным излишне для определения того, что лицо современной политической и финансовой элиты не женское. Отсюда можно вывести предварительное заключение, согласно которому свобода женщины закрепилась на декларативном уровне, на основании чего эманация свободы на уровень экзистенциальный представляется невозможной. Исходя из обозначенной точки зрения, интересно обращение к труду французского философа-экзистенциалиста С. де Бовуар, воплотившей многие идеи феминизма.

Актуальность рассмотрения позиции С. де Бовуар в проблеме, раскрывающей специфику существования свободы женщины, фундирована, по крайней мере, тем фактом, что само имя женщины-экзистенциалиста осталось если не на «периферии» экзистенциалистского течения философии, то, безусловно, удалено от обозначившегося в экзистенциализме идеологического центра. Дополнительным фактом к заявленной позиции может выступать то, что «известность» С. де Бовуар в среде философов как минимум уступает популярности, к примеру, Ж.-П. Сартра или А. Камю. А ведь С. де Бовуар является одной из немногих, кто включил проблематику осмысления женского существования в поле философской рефлексии. Центральным трудом С. де Бовуар следует назвать «Второй пол» – книгу, что впервые акцентировала внимание на «распространенности, интенсивности и таинственности истории угнетения женщин» [4. С. 119].

Вслед за Ж.-П. Сартром одна из немногих представительниц экзистенциализма определяла свободу человека исходя из экзистенциалистской трактовки: свобода обнаруживает свое наличие исключительно в акте трансцендирования, при котором *Я*, предопределенное биологическими параметрами и социальными рамками, «выходит за пределы» *самого себя*. Согласно представлениям С. де Бовуар, подобную трансценденцию каждый раз продуцирует мужчина в своем деятельностном акте, занимается ли он наукой, искусством, политикой или военным делом. «Человек обеспечивает повторение Жизни, трансцендируя Жизнь посредством своего Существования, Экзистенции; превосходя самого себя, он создает ценности, которые полностью обесценивают простое повторение. У животных ничем не стесненное разнообразие деятельности самца оказывается совершенно напрасным, потому что у самца нет никакого проекта; когда он не служит виду, все его действия ничего не стоят; самец же человека, служа роду, преображает мир, создает новые инструменты, изобретает и кует будущее» [3. С. 94]. Буквально в двух предложениях С. де Бовуар набрасывает «портрет» мужчины как

креативного начала, вообще креатора, своим созидательным потенциалом подобного Богу. Женщина же, в свою очередь, посвящая жизнь супругу, рождению и воспитанию *его* детей, наоборот, погрязает в своей имманентности. В отличие от мужчины, утверждающего цель своего существования в реализации проективной множественности, смысл жизни женщины раскрывается в ее природе, in praxi в материнской ипостаси, а нормативами, диктуемыми социумом, обеспечивается порядок материнства. И вновь обращаемся к упоминаемой ранее песне: «Мужчины создали электрический свет, чтобы вывести нас (женщин. – *Р.П.*) из темноты» [3].

С. де Бовуар не ограничивается описанием фактов середины XX в., в своем исследовании французский философ представляет ретроспективный анализ проблемы исторического становления женщины, за точку отсчета приняв Античность, что не случайно: и историками, и философами античная Греция принимается за начало и расцвет культуры и цивилизации древнего мира. И этот расцвет, по мнению С. де Бовуар, предопределен как раз мужской активностью: «Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как хозяин, потому что человечество поставило вопрос о сути своего бытия, то есть предпочло жизни смысл жизни; проект мужчины заключается не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы восторжествовать над мгновением и ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила как ценность само существование; она одержала верх над темными силами жизни, а также поработила Природу и Женщину» [Там же. С. 95].

Итак, «женский удел», «доля женщины», согласно философу-экзистенциалисту, «погрязает» в имманентности, т.е. женщина есть то, чем «наградила» ее природа, потому на развитие и совершенствование она как тот, кто a priori не является свободным и ответственным началом, не способна, по крайней мере, в восприятии ее мужчиной. Не случайно во введении ко «Второму полу» С. де Бовуар противопоставляет слова «женщина» и «человек» (последнее – синоним слова «мужчина»). На протяжении столетий женщина воспринимала самое себя на «периферии» человеческого становления, как пчелу в улье, гораздо реже – как самку богомола. Одна из первых, кто пересматривает устоявшиеся нормы, и есть подруга Ж.-П. Сартра. Но что, согласно ее мнению, способно пробудить женщину от «догматического» сна, а, главное, что представляется весьма противоречивым, преобразовать ее лик в глазах чуждого Другого? Ответ С. де Бовуар выстраивает двояко, утверждая реконструкцию несостоятельного образа женщины, создававшегося вплоть до середины XX в. посредством воплощения женщиной заложенного в ней свободного начала в его позитивном и негативном аспектах.

Само обращение к диалектике свободы, разделение ее «тела» на позитивное и негативное, отсылает нас к классическим концепциям Н.А. Бердяева [5] и И. Берлина [6]. Женщина «погрязла в своей имманентности», и ей остается либо восставать против норм, фиксирующих ее социальную неполноценность, либо конструктивно перекраивать общественные отношения. Первый из заявленных вариантов полагается С. де Бовуар за свободу негативную, ибо весь свой «яд» нереализованной энергии она направляет не в «благое» русло (к примеру, на самосозидание), а на «уничижение», как кажется ей самой, своего злейшего Другого, которым зачастую выступает супруг или сын. Позитивную же свободу философ усматривает в открытой борьбе настоящей женщины против сложившихся стереотипов ее восприятия, т.е. постоянное интеллектуальное и духовное развитие самой женщины, в частности, для яростного отстаивания самостоятельной точки зрения. Кажется, что самовоспроизведенный идеал С. де Бовуар всю свою жизнь стремилась воплотить в самой себе: интеллектуалка, мыслитель с мировым именем, та, что не ограничилась рамками «кабинетной» философии, а постоянно устремлялась на «баррикады» мысли и действия (не случайно на знаменитом, историческом фото отображено чаепитие, в котором принимают участие не только Ж.-П. Сартр и Че Гевара, но и сама С. де Бовуар).

Провозгласив идеал – интеллектуализацию женщины, сама С. де Бовуар провоцирует возникновение определенного противоречия. Ключевой ее труд и множество других произведений воссозданы во имя обнаружения счастья, не столько общечеловеческого счастья, сколько конкретного, женского счастья. Но счастье не создается из ниоткуда, согласно народной мудрости, оно «куется» своими же руками. С. де Бовуар отрекается от «несчастья» семейного быта, воспроизводства себя в собственных детях, продуцируя свою жизнь в рамках «свободных» отношений без обязательств (что мы и наблюдаем в ее отношениях с Ж.-П. Сартром) и бездетного существования.

С. де Бовуар утверждает, что девочка с рождения подготавливается к участи материнства: не случайно ее лучшими «друзьями» становятся маленькие куколки и плюшевые игрушки, на которых она как бы проецирует свою «материнскую» заботу; не случайно и то, что, согласно традиционным устоям, именно девочки помогают своим матерям в ведении хозяйства, начиная с уборки собственных игрушек и заканчивая заботой о младших братьях и сестрах. Весьма затруднительно назвать период, когда была проведена демаркационная линия в отношении игр детей различных полов: мальчиков должны привлекать машинки, конструкторы и прототипы военной техники, а девочек – куклы, кукольные домики, чайные сервизы из пластмассы. Согласно психоаналитической традиции, указывающей на то, что именно в детстве зачинается формирование личностного конструкта, возможно выявление положения о том, что с раннего возраста девочке извне (родители, воспитатели, учителя) демонстрируют модель поведения, согласно которой она выступает ответственным лицом за семейный быт (даже в том случае, если этот быт проецируется на кукол). По С. де Бовуар, с самого раннего детства девочку воспитывают как будущую мать и хранительницу очага, и избежать предписанной ей роли она может только посредством открытого протеста, яростного бунта, который, кстати, не всегда способен увенчаться успехом. Но, сообразуясь с реалиями

XXI столетия, представляется весьма опрометчивым утверждение того, что строгая демаркационная линия в отношении методик воспитания и характера используемых игрушек сохранилась до сих пор. В данном случае кажется правомерной отсылка на контент продукта массовой культуры, многосерийный кинофильм «House of Lies», в котором ключевой персонаж Марти (Д. Чидл) воспитывает сына-подростка, с ярко выраженной бисексуальной ориентацией (Д. Леонард, мл.).

Любовь как один из ключевых мотивов романтической тематики с необходимостью должна волновать и затрагивать сердца именно юных особ женского пола. В глазах С. де Бовуар это не случайно, ибо женщина воспринимается социальным целым за существо иррациональное, готовое на проявление чувственности, нежели выявление способности к «холодному» рациональному расчету. Поэтому в видении французской экзистенциалистки первое романтическое чувство, назревающее в душе маленькой женщины, способно привести к двум катастрофическим последствиям: первое из которых – брак, а второе – нежелательная беременность как последствие сексуальной безграмотности девушки. И вновь обращаемся к современному видению поднятых проблем. Сегодня ранняя беременность имеет место быть, однако ее последствия не всегда столь катастрофичны: зачастую новорожденных забирают родители девочки, впоследствии воспитывающие их как своих собственных детей, а не внуков; девочка всегда может отдать ребенка на программу усыновления / удочерения; воспитать самостоятельно; в крайнем случае – решиться на легализованный аборт (кстати, к легализации абортов призывала и сама С. де Бовуар).

Таким образом, мы вышли на два пункта, которые, согласно основоположнице феминистского движения, закрепляют положение женщины в ее иманненции – это деторождение и замужество, которые, безусловно, взаимно переплетены друг с другом. Оба процесса воспринимаются С. де Бовуар весьма негативно: «Человек есть только то, что он делает; возможное не выходит за рамки действительного, сущность не предшествует существованию; в своей чистой субъективности человек не может ничем быть. Его меряют по его поступкам. О крестьянке можно сказать, что она хорошая или плохая работница, об актрисе – что она талантлива или бездарна, но если рассматривать женщину в ее имманентности, о ней абсолютно ничего нельзя сказать, она – вне любой квалификации. В любовных же и супружеских отношениях, во всех отношениях, где женщина – лицо зависимое, где она – другой, ее воспринимают именно в ее имманентности» [3. С. 297]. Здесь и коренится ошибка С. де Бовуар, ошибка эта в абсолютном отрицании традиционного, традиции в понимании, осознании и видении женщины.

Традиционное представление о браке как апогее женского счастья (вспомните строку из известной эстрадной композиции «Женское счастье – был бы милый рядом…») в современных условиях, с неумолимым ростом разводов и заключением брачных контрактных отношений, представляется не всегда правомерным. Однако антонимичная ей конструкция – абсолютное отрицание замужества, провозглашенное С. де Бовуар, – также кажется не более приближенным к истине. Множество философских школ, начиная с Античности, акцентировало свое внимание на актуальном человеческом бытии, не возможном без Другого. Аристотель именует человека животным социальным, уже в самой дефиниции указывая на приобщение его к социальному целому, на необходимость «взаимо-действия» с иными людьми. А Ж. Делез в статье «Мишель Турнье и мир без Другого» указывает на то, что человек без иного человеческого существа даже в сконструированном им самим мире (наподобие «мира» Р. Крузо на необитаемом острове) не способен к «оптимальному» функционированию: «Я гляжу на объект, затем отворачиваюсь, я позволяю ему вновь слиться с фоном, в то время как из того появляется новый объект моего внимания. Если этот новый объект меня не ранит, если он не ударяется в меня с неистовством снаряда (как бывает, когда натыкаешься на что-либо, чего не видел), то потому, что первый объект располагал целой кромкой, где я уже чувствовал предсуществование следующих; целым полем виртуальностей и потенциальностей, которые, как я уже знал, способны актуализироваться. И вот это-то знание или чувство маргинального существования возможно только через Другого» [7. С. 287]. Другой для философа-постмодерниста выступает «защитной кромкой», которая нормализует человеческое существование в реалиях неизвестной, чуждой ему реальности.

Вместе с тем сама С. де Бовуар не отрицает целокупного Другого, но лишь супруга, воспринимаемого ею же самой как врага, подавляющего женское инициативное начало. Озвученный постулат кажется направлением к разрушению традиционного института брака – весьма категоричная позиция, подкрепляемая не более чем разрозненным иллюстрационным материалом. Вот он остов проблемы, на который наталкивается позиция С. де Бовуар: выступив с инициативой демонстрации несостоятельности института брака, мыслитель сама впала в противоречие, не предусматривающее альтернативных точек зрения, – женщина может быть счастлива только будучи «свободной», не «отягощая» отношения со своим партнером институциональными рамками. Непротиворечив тот факт, что свой паспорт великая феминистка «лишними» штампами не «замарала». Но этот безусловный факт порождает вопрос: а была ли С. де Бовуар счастлива, не в своей творческой активности, а в личной жизни? И на этот вопрос однозначного ответа, скорее всего, обнаружить уже невозможно.

Иная категорическая позиция провозглашена С. де Бовуар в отношении деторождения: «Человек обеспечивает повторение Жизни, трансцендируя Жизнь посредством своего Существования, Экзистенции; превосходя самого себя, он создает ценности, которые полностью обесценивают простое повторение… самец человека, служа роду, преображает мир, создает новые инструменты, изобретает и кует будущее. Утверждая себя как полновластного господина, он встречает участие и в самой женщине – ведь она тоже существует, ей тоже свойственна трансцен-

дентность, и проект ее не в повторении раз и навсегда данного, а в выходе за пределы своего “я” к другому будущему; в глубине души она согласна с мужскими притязаниями. Она присоединяется к мужчинам во время праздников, устраиваемых в честь мужских успехов и побед. Ее несчастье в том, что она биологически обречена повторять Жизнь, тогда как и в ее глазах Жизнь не несет в себе своего обоснования, а обоснование это важнее самой жизни» [3. С. 94]. Потенция материнства, по С. де Бовуар, актуализирует «закабаление» женщины в рамках имманенции: она более не свободный человек, устремленный на реализацию собственных проектов, а «тело», дающее жизнь иному, «чуждому» организму.

Проблему человеческого воспроизводства поднимал в своих работах и В.И. Вернадский. Он утверждал несовершенство человеческой природы по причине ограниченности жизни, скоротечности биологических процессов. Именно homo sapiens, а не иной другой живой организм, в результате своей разумной деятельности способен распознать это несовершенство и «устремляется» на его преодоление. Ответ на вечный вопрос человечества о своем бессмертии российский космист наблюдает не в «философском камне» или любой иной алхимически синтезированной структуре, а в женщине-матери.

Обратимся к словам самого мыслителя: «Человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих или когда-либо существовавших», – и далее: «Бессмертие всего сущего – в постоянном возрождении и обновлении» [8]. С де Бовуар как бы «закабаляет» женщину-мать в ее имманентной природе: после рождения ребенка женщина обретает лишь несчастье, что фундировано имманентным переживанием за порожденное чадо. В.И. Вернадский, напротив, в материнстве усматривает трансцендирование конкретной женщины, породившей ребенка, и всего человечества в целом. Безусловно, женщина, приобщившись к таинству материнства, личного бессмертия не приобретает, однако в актуализации заложенной в нее способности к деторождению она привносит в мир не «чуждое» ей самой тело, а нового человека, «воссозданного» из ее генетического материала. Таким образом, представляется вероятным то, что в детородном акте женщина не «погрязает» в своей имманенции, а актуализирует трансценденцию, обретая бессмертие в своих потомках.

Во второй половине XX столетия само проблематичное бытие человека выступало стимулом философской рефлексии: феномен фашизма и актуализация продуктов массовой культуры превратились в «поле имманенции» [9] для исследований мыслителей Франкфуртской школы; проблемы, фундированные эпохой модерна, породили принципиально иной взгляд на мир как на «хаосмос» [10] в работах философов-постмодернистов. В то же самое время мыслители экзистенциалистской ориентации задались вопросом конкретного человеческого существования, одним из ключевых аспектов которого выступает свобода человека. В своих работах С. де Бовуар одной из первых заявила о том, что на декларативном уровне свобода выступает как категория, a priori характеризующая бытие каждого отдельного человеческого существа; применительно же к реалиям современной жизни в рамках осознания и осмысления феномена свободы следует вводить гендерный, расовый, классовый и иные «классификаторы».

В отличие от Ж.-П. Сартра, распознавшего свободу «как право иметь свыше одной пары ботинок и есть в соответствии со своим аппетитом» [11], С. де Бовуар выдвигает иной небезынтересный тезис: когда человек реализует свое право на ботинки и еду, возникают иные потребности, в том числе предполагающие «выход» его за рамки самого себя, непрерывное движение к намеченной цели и последовательную ее реализацию. Проблема в отношении женской свободы проявляется тогда, когда движение к этой цели «заторможено» внешними ограничителями (будь то система воспитания девочки, социальные нормы, упорядочивающие ее бытие, или же сама природа женского организма).

Но вместе с тем, по словам С. де Бовуар, «человек есть только то, что он делает; возможное не выходит за рамки действительного, сущность не предшествует существованию…» [3. С. 297], – т.е. обозначенная самим же мыслителем проблематика «естественных» «балластов» кажется абсолютизированной в отношении реализации не столько абстрактного l’homme, сколько конкретной женщины собственного свободного проекта. Представляется достоверным, что бытие, сконструированное самой С. де Бовуар, являет собой модель свободного бытия человека, более того, модель бытия свободной женщины. В таком случае уместно обращение к Ж.-П. Сартру, категорично заявлявшему, что человек свободен или его нет [12], так как подобный постулат, согласно нашей позиции, применим и в отношении женского бытия: женщина абсолютно свободна, а препятствия, по ее мнению, обрекающие ее на «рабское» имманентное положение, есть лишь способ ее оправдания в несостоятельности реализуемого проекта.

Таким образом, представляется адекватным, что современная женщина способна реализовать в своем бытии свободное начало, которое, кстати, являет собой ее имманентную характеристику. Однако свободное бытие не выступает априорной конструкцией ее существования, ибо обнаруживают свое присутствие естественные внешние ограничители. К этим ограничителям возможно отнесение, например, особенностей женского существования, вытекающих из физиологической природы самой женщины, а также проблем, связанных с поливариативностью ее ролевого бытия: как супруги, матери или работника. При этом каждый феминист XXI в., яростно отстаивающий свободу женщины на «баррикадах» мысли и действия, вне сомнения, есть человек свободный. Поэтому в попытке осмысления проблематики свободы современной женщины не следует впадать в абсолютизацию факторов, которые могут эту свободу ограничить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown J.* This's the men's world. URL: http://plus-music.org/james+brown+-+this+is+a+man's+world (дата обращения: 10.03.2014).
2. *Бубер М.* Два образа веры. М. : АСТ, 1999. 592 с.
3. *Бовуар С.* Второй пол. М. : Прогресс ; СПб. : Алтейя, 1997. Т. 1, 2.
4. *Bauer Nancy.* Must We Read Simone de Beauvoir? // The Legacy of Simone de Beauvoir / Emily R. Grosholz. Oxford University Press, 2006.
5. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М. : АСТ, 2011. 672 с.
6. *Берлин И.* Две концепции свободы. URL: http://kant.narod.ru/berlin.htm (дата обращения: 16.03.2014).
7. *Делез Ж.* Логика смысла. Москва ; Екатеринбург : Раритет ; Деловая книга, 1998. 474 с.
8. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества. URL: http://vernadsky.lib.ru/etexts/archive/Vernadsky_V.I.__Avtotrofnost_Chelovechestva.html (дата обращения: 19.12.2013).
9. *Делез Ж.* Что такое философия? М. : Академический Проект, 2009. 272 с.
10. *Делез Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2010. 895 с.
11. *Сартр Ж.-П.* Почему я отказался от премии. URL: http://slovoidelo.narod.ru/neomarxism/sartre/why.htm (дата обращения: 18.02.2014).
12. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М. : АСТ, 2009. 928 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 сентября 2014 г.

FREEDOM OF THE "SECOND SEX": THE THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS (BASED ON S. DE BEAUVOIR'S RESEARCH)

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 47-51. DOI: 10.17223/15617793/387/8

Penner Regina V. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: penner.r.v@gmail.com

Keywords: freedom; the Other; transcendence; immanence; feminism; the "second sex".

In J. Brown's musical composition "It's a Man's Man's World", we find the following lines: "This is a man's world, a world of men, but it turns into nothing, nothing without a woman or a girl". This song illustrates the problem of relations between the two sexes, exacerbated in the second half of the twentieth century. Woman for man acts as the Other, but it is not "you", neither friend nor brother, this is someone "whose existence contains a threat, a danger", because this infringes my other, masculine freedom. That why it is possible to project the perception of the woman's problem: according to the trends of the historical development of humankind, the basis of the relationship in this world is organized and reorganized in men designs, "created" by his "hands". Thus, the woman as an "alien" Other got on the "roadside" of historical development. S. de Beauvoir claimed the definition of human freedom based on the existentialist interpretation: freedom reveals its presence only in the act of transcendence, in which I, predetermined by biological parameters and the social framework, went beyond the limits of itself. According to S. de Beauvoir's concept, such transcendence each time is produced in man' activity, whether it concerns science, art, politics or military affairs. "Man assures the repetition of Life while transcending Life through Existence [i.e. goal-oriented, meaningful action]: by this transcendence he creates values that deprive pure repetition of all value... Whereas in serving the species, the human male also remodels the face of the earth, he creates new instruments, he invents, he shapes the future". Just these two sentences of S. de Beauvoir's drafts the "portrait" of the man as a creator and his creative potential as godlike. The woman devoting her life to the man as his wife, bearing and upbringing his children, on the contrary, wallows in her immanence. Unlike the man with his purpose of existence in the implementation of projective plurality, the sense of a woman's life is revealed in her nature, in praxi in the mother's incarnation. However, it seems appropriate that the modern woman is able to be free, which, by the way, is an inherent characteristic. But being free is not an a priori way of her existence, for there exist natural external constraints. These constraints are, for example, characteristics of the female existence arising from the physiological nature of the woman, as well as the problems associated with many roles she can perform: as wife, mother or employee. Thus, each feminist in the twenty-first century fiercely defending the freedom of women on the "barricades" of thoughts and actions is an undoubtedly free human. Therefore, in an attempt to understand the problems of freedom of the modern woman one should not fall into absolutization of factors that may limit this freedom.

REFERENCES

1. Brown J. This's a man's world. Available at: http://plus-music.org/james+brown+-+this+is+a+man's+world. (Accessed: 10th March 2014).
2. Buber M. *Dva obraza very* [Two forms of faith]. Moscow: AST Publ., 1999. 592 p.
3. Beauvoir S. *Vtoroy pol* [The second sex]. Translated from French. Moscow: Progress Publ.; St. Petersburg: Alteyya Publ., 1997. Vol. 1, 2.
4. Bauer Nancy. *Must We Read Simone de Beauvoir*? In: Grosholz E.R. (ed.) *The Legacy of Simone de Beauvoir*. Oxford University Press, 2006.
5. Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Moscow: AST Publ., 2011. 672 p.
6. Berlin I. *Dve kontseptsii svobody* [Two concepts of freedom]. Available at: http://kant.narod.ru/berlin.htm. (Accessed: 16th March 2014).
7. Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow; Ekaterinburg: Raritet Publ., Delovaya kniga Publ., 1998. 474 p.
8. Vernadsky V.I. *Avtotrofnost' chelovechestva* [Autotrophy of humanity]. Available at: http://vernadsky.lib.ru/etexts/archive/Vernadsky_V.I.__Avtotrofnost_Chelovechestva.html. (Accessed: 19th December 2013).
9. Deleuze G. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 2009. 272 p.
10. Deleuze G. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2010. 895 p.
11. Sartre J.-P. *Pochemu ya otkazalsya ot premii* [Why I delined the prize]. Translated from French. Available at: http://slovoidelo.narod.ru/neomarxism/sartre/why.htm. (Accessed: 18th February 2014).
12. Sartre J.-P. *Bytie i nichto* [Being and Nothingness]. Translated from French. Moscow: AST Publ., 2009. 928 p.

Received: 03 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 52–60 DOI: 10.17223/15617793/387/9

УДК 111.1

В.В. Петренко, Е.В. Зинченко

К ГЕНЕАЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА: ЦИНИЧЕСКИЙ МОДУС СОЦИАЛЬНОСТИ

Предметом обсуждения стал цинизм в его диффузной форме, то место, которое он занимает в структуре современной социальности. В статье анализируется методическое значение этого понятия для концептуализаций в сфере социальной теории, философии власти, права и субъекта. Особое внимание уделяется вопросам генезиса субъективности. Обосновывается влияние цинического модуса социальности на внутрипсихические механизмы политического выбора и формирование полноценного субъекта властных отношений. Представленная аналитика опирается на генеалогическую методологию исследования.

Ключевые слова: субъективность; диффузный цинизм; П. Слотердайк; властное отношение; психическое.

Перефразируя П. Слотердайка, в мире не осталось ничего простого – даже глупости. По его словам, «таков, вероятно, наиболее печальный из триумфов Просвещения» [1. С. 530]. Избрав в качестве сюжета самой известной своей аналитики *цинизм* как форму сознания и самосознания современной культуры в ее субъективно-личностных и институциональных проявлениях, П. Слотердайк предоставляет этому типу сознания оставаться сколь угодно ложным и несчастным, однако он решительно возражает против превращения его в новый вариант идеологии – во всяком случае в её прежнем привычном измерении. Рационализация этого сознания парадоксальным образом производит эффект критики любых идеологий.

Анализ феномена цинизма и сопутствующих ему психо-, социо- и политических обстоятельств требует принципиально не правового взгляда на происходящее. Так, избирательное законодательство определяет, в каком формате может быть осуществлен реальный избирательный процесс. Однако никакое избирательное право не регулирует субъективные внутрипсихические механизмы выбора, совершаемого индивидом или социальной группой. Думается, определяющее значение здесь имеет другое: это другое распределяет себя, пересекая правовое поле и заново выстраивая конфигурации в сфере социальности. Право, конечно, формирует социальные отношения, создает кристаллическую решетку для их удержания и воспроизводства, но действует оно формальным образом, на поверхности структуры социального. Лишь в редких случаях, косвенно правовая норматика учитывает интенциональную соотнесённость субъекта и тех социальных диспозиций, которые делают его членом сообщества. Вполне вероятно, что подобный анализ пригодится для более эффективного правового регулирования общественных отношений. Ведь психика индивидов не должна помешать ответственному выбору, если мы не хотим ослабить действие правовых механизмов, призванных, например, обеспечить справедливость самого избирательного процесса.

Теоретические интроспекции, избравшие своим предметом политический, да и правовой мир, задействуют сущности, демонстрирующие универсальный характер. Первоочередное, фундаментальное значение таких феноменов, как бытие, мышление, язык, имеет выход в онтологию. Одновременно важен их эпистемологический ресурс. Законное место в вышеобозначенном категориальном ряду занимает понятие «власть». Что касается последней, эмпирически именно оно ближе и понятнее прочих. Привычно думать о власти как о принуждении, которое идет извне и определяет поведение индивида. Как о принуждении, которое сковывает волю, узурпирует нашу естественную свободу, ощутимо давит, ставит в зависимость и переводит в униженное положение. Как о принуждении, которое презирает наши потребности, заставляет нас изменять самим себе во имя чего-то иного, что превосходит либо игнорирует наше собственное желание. Такое выражение власти наиболее понятно и мучительно. И именно оно чаще всего задействовано в политической теории и философии социального анализа, в классических объяснительных схемах, где фигурирует диспозиция господства и подчинения, имеющая в виду масштабные векторы силы в макросоциальном пространстве.

На этом фоне все исследования микрофизики власти отдают предпочтение её генеалогии. В противовес традиционной социально-философской и философско-политической проблематике – от Аристотеля и просветителей до К. Маркса, М. Вебера и современного либерализма в духе Ф.А. фон Хайека – представители генеалогического подхода заявили принципиально новую методологию анализа. В общих чертах – это синтез метафизики и онтологии власти в опоре на Ф. Ницше и гегелевскую «Феноменологию духа», дополненный гуссерлевской идеей интенциональности, а также постфрейдовской аналитикой бессознательного, включая структуралистский и постструктуралистский опыт анализа дискурса.

Тем не менее думать о власти как о порождающем принципе всё еще непривычно. Истолковывать власть как условие *возникновения* самого субъекта подчинения, последующий эффект которого состоял бы в запуске желания подчинения снова и снова, кажется попранием всех добродетелей либерального образа мысли, едва ли не торжеством тоталитаризма, крушением идеала свободы и автономии. При том, что так трактуемая власть не имеет никакого формального представительства, напрямую не соотнесена ни с одной социальной институцией. Структурно она никак не закреплена в поле социального, однако именно она производит возможности самопонимания и действия, в которых субъект артикулирует себя и с которыми зачастую себя ассоциирует. Безусловно, позитивист-

ская – «научная» – онтика не может не усмотреть в таком положении дел нечто демоническое – тем более что метафизика всегда находилась у позитивизма под подозрением. Ведь следствия действующей подобным образом власти воспринимаются как подлинные модусы собственной экзистенции, как собственное «я», как такие когнитивные и поведенческие преференции, которые не имеют альтернатив. В психологии похожая схема описывает бессознательные процессы интроекции / седиментации и идентификации / габитуализации. Фактически, с философской точки зрения, таинство власти в том, что она предшествует субъекту, вменяет ему ту или иную форму самосознания (Дж. Батлер). К этому следует добавить специфическое качество амбивалентности – присущие власти лицевую и «теневую» стороны: распоряжаясь властью, субъект не всегда замечает, как власть распоряжается им. Наиболее наглядно это демонстрирует пример власти публичной.

На лицевой ее стороне расположились всем известные символы и атрибуты – физические и юридические субъекты (индивидуальные или коллективные носители власти, равно как и те, кто в большей или меньшей степени от нее отлучены), институциональные властные образования, политические институты разной степени влияния и обслуживающие их дисциплинарные практики и дискурсы. Всё это имеет свою дислокацию и получает закрепление в макросоциальном пространстве. Всё это гомо- либо гетерогенным способом – в зависимости от типа социальности – связано с экономическим, идеологическим, культурно-историческим устройством социального мира вообще.

С «теневой» стороной власти, косвенным образом, сталкивается исследователь ее природы. А непосредственным – ее носитель. Однако, и это существенно, вовсе не в момент отправления им внешних властных функций. Скорее, в ситуации «приостановки» власти, в режиме неожиданного или вынужденного размышления о ней, «на досуге» (который, как известно, является истоком любого философствования). Здесь особенно важно то обстоятельство, что перед нами лицо, наилучшим образом осведомленное о правилах, на которых зиждется искусство властвования. Другими словами, «теневая» сторона власти будет означать внутреннее знание господствующего субъекта, некую интимную составляющую его размышлений о себе в качестве такового.

Конечно, политика и власть идут рука об руку. Как глобальная технология управления массой политика обладает габитуализирующим воздействием. Устойчивые схемы восприятия и действия делают нас заложниками актуальных политических реалий. Но это ещё не всё: габитуализирующее политическое воздействие в современном мире имеет особую примету – оно не только проникает в сферу субъективности и формирует ее. Политическое определённого формата отправляет в отставку субъекта подчинения. Таким образом, та политика, свидетелями которой мы являемся, оказывается не просто внутри нас. Она вместо нас.

Цинизм публичной власти – это введение ее «теневых» аспектов в саму технологию осуществления такой формы власти. Причем введение осознанное – основанное на специальном знании о том, как власть этого типа приобретается, сохраняется и приумножается – и злонамеренное, поскольку, вопреки заявлениям об общественном благе и справедливости, оно направлено против общественного субъекта. Важно добавить, что «господский» цинизм отчетливо коррелирует с цинизмом «снизу», чтобы, тем самым, не упустить его всеобщность. «Цинизм власти» и «цинизм подданных» работают в едином режиме.

Разумеется, «цинизм подданных» более завуалирован, его сложнее распознать, он почти всегда психопатичен, т.е. скрывает собственную сущность, выдает себя за нечто более безобидное, часто – стоящее в другом ряду. Эта форма цинизма, как правило, внешне неагрессивна. В сфере политического она никак не ассоциируется с циническим выбором или циническим действием. Это, на первый взгляд, ни в коем случае не намеренное совершение зла, подаваемое как деяние во благо. Политический «цинизм подданных» эмпирически и психологически предстает как уклонение, политический квиетизм и эскапизм, как вялость и, зачастую, неспособность к решительным шагам, как своего рода робость и уход в сторону. В качестве аргумента фигурируют тезисы не собственно политического порядка. Скорее пресловутое «стилистическое» – эстетическое либо моральное – расхождение с режимом.

Симптомы цинизма «снизу» весьма богаты. Они обнаруживаются практически сразу, как только мы вскрываем противоречивый характер устройства и функционирования современного сообщества. В особенности сильное напряжение выдает психосоматическая сфера. Несмотря на ценность индивидуальной автономии и даже ее отчетливый культ, индивиды в своей массе демонстрируют все признаки социальной протоплазмы -инертность, отсутствие твердых убеждений, смутное самосознание, низкий уровень ответственности, политическую и нравственную податливость. Амбивалентность современного типа социальности указывает на взаимоисключающие тенденции общего толка – усложнение социального поля и его конфигураций с одновременной унификацией сингулярностей, действующих в границах различных социальных полей. В нашем случае это индивидуализация и эгологизация как вектор современной культуры, истории, социальности. С другой стороны, тенденция, идущая вразрез с атомизацией социальной сферы. Это заметная деперсонализация форм субъективности, снижение уровня символических и политических притязаний, общая апатия. По меткому наблюдению П. Слотердайка, современное общество превратилось в нечто среднее между тюрьмой и хаосом. По схожему поводу Ж. Бодрийар писал, что нынешний обыватель живет в комфортабельном концлагере.

В нашем мире царит видимая непринужденность. Здесь, опять же, задают тон открытость и естественное расслабление. Однако в действительности правит бал нечто прямо противоположное. Современный субъект демонстрирует рост внутреннего контроля и разделяет стратегию «внутренней эмиграции». При том, что ценности открытости и непринужденности для современного индивида – не пустой звук. Он пре-

красно осведомлен о цене на них в мире, где живет. (Замечание О. Уайльда о цинике, всему знающему цену, но не знакомом с ценностью, не утратило своего методического значения.) Убеждение в том, что как раз эти субъективные добродетели – быть непринужденным, открытым, естественным – и находятся в дефиците, делает их столь привлекательными в наших глазах. Мы им невольно симпатизируем, но, как ни парадоксально, не торопимся сделать однозначно своими.

Подобных амбивалентностей множество. Их рост прямо пропорционален нагрузке на психоэмоциональную сферу. Эффект когнитивного диссонанса преследует современного индивида чуть ли не с рождения. Возрастающая сложность мира вокруг нас заставляет разрабатывать технологии адаптации повсеместно. Психология, педагогика, с недавних пор ювенальная юстиция имеют в виду незрелое, ещё не оформившееся сознание. Они всерьез говорят о специальных «наводящих» стратегиях и адаптационных механизмах вхождения ребенка в «совместную с другими» жизнь социума, начиная едва ли не с дошкольных учреждений. Усложнение мира, понимаемое во многом как увеличение числа взаимоисключающих тенденций, имеет своим трансцендентальным условием гетерономию социальной онтологии вообще. Экстраполированный на область онтологии общественного сознания, этот тезис в головах его носителей приобретает вид слабо связанных между собой, опасно спутанных представлений. Образуется явная лакуна понимания того, что происходит вокруг и «на самом деле». Пример детства в этой ситуации особенно показателен.

Феномен раннего псевдовзросления давно тревожит специалистов. Специфическая габитуализация в этой сфере сводится к тому, что с каждым поколением субъект детства всё в более раннем возрасте лишается естественной невинности сознания, становясь, скорее, субъектом спонтанной рефлексивности. Этот доселе неизвестный – псевдовзрослый – субъект действует исходя из двойной мотивации. Ребенок разыгрывает «взрослое отношение», где отчетливо присутствуют следующие составляющие: 1) во-первых, борьба за признание, ставки и интересы в которой выводят ее на уровень настоящей конкурентной борьбы. Фактически перед нами состязательность репутаций, во многом повторяющая современный расклад в поле «взрослой» социальности; 2) во-вторых, граничащее с шантажом манипулирование в рамках собственной возрастной группы. Любопытно, что социальная стратификация при этом оказывается не столь существенна. Чаще речь идет о психическом распределении властных и подчиненных позиций. Аффект, который сопровождает подобное перераспределение власти, напугал бы даже З. Фрейда; 3) в-третьих, нечувствительность к чужому поражению, переходящая в нарциссическое удовольствие. Это превращение происходящего в своего рода игру; дистанцирование и, тем самым, категорическое оправдание любых своих поступков как, в сущности, «несерьезных». Не правда ли, все перечисленные симптомы как нельзя лучше описывают *взрослую* «невротическую личность нашего времени». Тем самым, обладание указанными навыками в раннем и подростковом возрасте гарантирует плавное вхождение во взрослую жизнь, структурным образом организованную точно так же.

Совершенно очевидно, что формирование такого габитуса, как «детского», небезобидно и небезопасно. Признание, завоеванное в ходе конкурентной борьбы и не сбалансированное практическими, объективно-жизненными условиями ответственного сосуществования с другими, быстро обретает черты анархического, субъективно-волевого предприятия. Подобный габитус, введенный в действие, сразу встраивается в нарциссическую мотивацию. Ребенок приобретает несвойственную ему по природе рефлексивно удлиненную память.

Наличие такой памяти угрожает раннему субъекту взросления двояким образом: 1) в случае поражения, переживаемого необычайно остро: его вытеснение способствует формированию травмы, масштаб которой несоизмерим с местом и значением самого экзистенциального события в привычном «детском» измерении; 2) в случае победы, которая сразу принимает очертания сугубо личного достижения, состязательного намерения, увенчавшегося успехом. Всё это накрепко привязывает субъекта к однажды пережитому ощущению триумфа. Само это ощущение с неизбежностью формирует потребность в росте интенсивности подобных переживаний. Субъект оказывается заложником непомерных притязаний, адресованных самому себе. Это тем более опасно, что так рано вступивший в права принцип удовольствия не уравновешен никаким принципом реальности.

Если начало рефлексии – фило- и онтогенетически – это завершение детства, то «взрослое» состояние дел дает представление о всеобщем психосоциальном феномене, включающем рефлексивность как одну из своих фундаментальных, неотъемлемых характеристик. Возвращаясь к теме цинизма, стоит иметь в виду именно этот аспект социальности. Он презентирует субъектов по обе стороны публичной власти. Вопрос о «внутренней форме» социальной механики, об имманентной логике ее развертывания включает сюжет, касающийся интенциональной соотнесенности субъектов господства и подчинения с окружающим социальным пространством. Думается, как раз эти схемы и закономерности деятельности сознания и бессознательного – коллективного и индивидуального – должны интересовать социального теоретика, философа власти и права, социального диагноста.

Моральное обвинение публичной власти в цинизме бесперспективно. Это удалось показать уже Н. Макиавелли. Введение в структуру рассуждения о власти мотива целеполагания автоматически выводит ее из-под удара этики. Поэтому и цинизм, коль скоро мы обнаруживаем его в орбите властных диспозиций, теряет свою однозначно денотативную соотнесенность со сферой морали. То, что этим понятием продолжают пользоваться в качестве оценочной этической категории, отнюдь не значит, что оно не может быть задействовано в альтернативных дискурсивных описаниях и теоретико-объяснительных схемах.

В предложенном горизонте цинизм – подлинно всеобщая форма мысли-поступка-самочувствия. Это

определенный габитус субъективности, находящий свое выражение в неискренности как доминирующем модусе большинства сознательных и бессознательных шагов, инициатором которых выступает субъект социального действия. Последнее должно быть эффективным. Цинический габитус – как всякий другой – призван упорядочить социальное бытие, оформить его в мир-для-индивида, сделать этот мир минимально затратным для него. Габитус, разумеется, – приобретенное, «субъектное» качество. Скорее всего, это качество именно практического разума, апеллирующее к здравому смыслу как структуре, призванной организовать жизненное пространство рациональным, приемлемым для нас образом. Формирование циничесской модели мышления и действия преследует вполне определенные цели. Учитывая их жизненно-утилитарный характер, мы признаем за цинизмом жизнемирный, свободный горизонт смыслополагания. Вообще, игра свободы и не-свободы в циническом модусе мировосприятия и жизнеосуществления – отдельная и интригующая тема.

Если цинизм как внутренняя форма субъекта напрямую связан с его рефлексивной способностью, тогда как структура субъективности в различных социальных полях и применительно к различным социальным группам реагирует на общее требование цинической габитуализации? Ведь позиции тех, кто принадлежит к разным социальным образованиям, выглядят по-разному. И, между прочим, искомое качество рефлексивности присуще им в разной степени. Если, к тому же, цинизм – это структура действия, он наверняка, обладает деформирующим характером. Причем деформации подвержены как результаты, так и субъекты деятельности. Например, в случае публичной власти – вне зависимости от ее видимой локализации – деформирующее воздействие цинической установки коснется в равной мере субъектов господства и подчинения.

Вопрос о цинической габитуальной структуре имеет множество измерений. Как правило, философов занимает трансцендентальное обоснование любой формы всеобщности. Подобный вопрос резонно адресовать и цинизму как приведенной в действие специфической способности к конституированию социального мира-для-субъекта. Постулируя же рефлексивное априори в качестве подлинного основания цинизма, мы вынуждены обратиться к теме самой рефлексивности.

При том, что ее аналитика сталкивается с сопротивлением в описании ее же генезиса. Это и понятно. Проблематика происхождения рефлексии осложнена ее трансцендентальным характером: субъект изначально рефлексивен. Интроспекция, к которой он обращается, быстро обретает черты изнуряющего хождения по кругу, формы рефлексивного вопрошания о себе самом: как выглядит то, что способствует самому видению?; как возникает полагание самого полагания? Разумеется, это продуктивные, чрезвычайно важные, но вполне самостоятельные, специальные темы для обсуждения.

В нашем случае достаточно рассматривать рефлексивность как непременную составляющую современной формы социальности, естественное качество анонимного субъекта, отвечающего всем прочим условиям быть «современным». Социальная теория работает с габитусом такого усредненного индивида – своеобразного социального «мы». Она реконструирует габитуальные предпочтения, равно как и различного рода трансформации и сдвиги, характерные для становления того или иного габитуса – культурного, возрастного, профессионального и пр. Его символическое наполнение позволяет выстроить иерархию габитуализирующих форм мировосприятия и действия. Думается, циническая модель современного образа мысли венчает эту иерархию или, если угодно, фундирует ее. Как раз в этом отношении нельзя сказать, что профессиональный политик всегда более циничен, чем его избиратель; что старшее поколение, «видевшее жизнь», в обязательном порядке циничнее тех, кто идет ему на смену; что профессиональный ученый менее разборчив в средствах для достижения своих целей, чем те, кто далек от науки и имеет слабое представление относительно подлинности научного целеполагания. Универсальный характер цинизма, в нашем понимании, спровоцирован целерациональной, рациоцентристской – по видимости – организацией самого социополитического мира. Это педалируемое, подчеркнутое рацио- и целеполагание в сфере политики и социальности – наследие общефилософского и общекультурного проекта модерна.

Всё вышесказанное приводит нас к очевидному: современная публичная власть сама принимает сложные рефлексивные формы. Этого требует управление массой, которую, в свою очередь, составляют субъекты рефлексии. Власть продолжает подчинять, однако дисциплинарные институты и дисциплинарные практики, имеющие в виду дрессуру *телесных* проявлений подчинения, отступают на второй план. Всё в большей степени власть демонстрирует интерес к психоэмоциональному устройству вверенного ей общественного субъекта и к знанию его о себе самом. Учет того, что всякий индивид обладает таким внутренним знанием, а следовательно, продуцирует внутреннее отношение к тому, что с ним происходит, заставляет власть считаться с подобным рефлексивным удвоением. Власть действует, используя представление о том, чем инспирировано рефлексивное отношение субъектов; за счет чего осуществляется содержательное наполнение этого отношения – знания; наконец, каким образом этим знанием можно управлять.

В изложенной ситуации много примечательного. Естественным бы выглядел тезис, согласно которому субъект рефлексии максимально внимателен к манипуляциям в отношении себя. Однако простое наблюдение убеждает нас в том, что общественный субъект легко программируем и легко направляем. Фактически, мы вынуждены признать: рефлексивность данного образца, оставаясь способностью самосознания, не гарантирует свободы. Похожую форму рефлексивности Ф. Ницше называл ложным сознанием. В нашем случае это сознание оказывается еще и «просвещенным». Другими словами, в противоположность наивному, оно знает о своей ложности. Собственно, это знание и открывает дорогу цинизму.

Для цинического субъекта обозначенный путь полон двусмысленности. Отлучение от инстанции внутренней свободы, о чем он прекрасно осведомлен, имеет неожиданный эффект. Именно последнее обстоятельство мгновенно возвращает ему эту свободу: ведь теперь цинизм ассоциирован с принципиальной амбивалентностью индивида – тот причастен состоянию свободы и несвободы одновременно. Вопрос в том, как переживается такое сознание себя? Как субъект распоряжается знанием собственной амбивалентности? Структура психики цинического субъекта рисует любопытную картину.

Во-первых, следует указать на реактивный характер самого цинизма. Несомненно, что цинизм – это результат властных воздействий, совокупный эффект которых дает о себе знать в виде определенного габитуса. Поверхностное выражение последнего – социальная апатия, усредненность, усиление самоконтроля. Принимая во внимание «просвещенность» цинического сознания, реактивность цинизма есть не что иное, как ответ субъекта на положение дел в нем самом. Отсюда второе важное обстоятельство: амбивалентность экзистенциальной свободы и несвободы переживается в модусе глухого, надежно скрытого от сознания, но не прекращающегося недовольства собой. Здесь берут начало амбивалентности другого рода. Они также имеют выход в область узнаваемой модели цинического габитуса: субъект никак не может выбрать между безответственностью и желанием всё держать под контролем; между подчеркнутым затушевыванием следов собственного присутствия где бы то ни было и навязчивой нарциссической самопрезентацией; между тягой к стабильности и привычным ожиданием катастрофы. Поэтому цинизм – это современная разновидность самоотчуждения. Причем такая его форма, которая обнаруживает все признаки психопатологического симптома в его классическом облике: вытеснение, сопротивление, замещение (вторичная обработка).

Имея в виду, что основная черта психопатологии – маскировка сущности, а цинизм как реактивная структура – всегда неудачная попытка субъекта скрыть правду о себе самом, остается объединить эти посылки. Результатом такого соединения является диффузность цинизма как специфического – вездесущего – феномена. Цинизм, конечно, «в головах», но он находит продолжение в социальных взаимодействиях. Именно здесь, как правило, он небросок, анонимен, замаскирован под особую деликатность. Как раз в поле социальности циник никогда не произносит «нет». Любому «нет» он предпочтет социальные конвенции. П. Слотердайк пишет о нем, как об «антиобщественном типе, который нырнул в толпу, чтобы затеряться» [1. С. 142]. И определяет его как человека, способного сдерживать, к примеру, депрессию работой. Как того, кто трудится по принуждению, понимая, что не так хотел бы прожить собственную жизнь, но кто достаточно пластичен, чтобы смириться с горечью поражения. Циник ощущает себя жертвой, защищаясь внутренней эмиграцией. Он заинтересован в сохранении конвенциональных фасадов, не имея по-настоящему твердых убеждений. Ни во что не вмешиваясь, зная о лучшем, он соглашается делать худшее.

Нельзя не видеть всю опасность подобного умонастроения: знание собственной неудачи, неспособность к сопротивлению, произрастающая из трезвого понимания своего бессилия, оборачиваются самоосуждением, презрением к себе, меланхолией и катастрофилией. Вышеперечисленное проявляет себя двояким способом: 1) либо – в подавляющем большинстве случаев – циническое сознание раз и навсегда разводит и никогда не смешивает формальное знание о том, как следовало бы поступить, и собственно интенциональное переживание текущего момента, трактуя их как строго изолированные полюса, удержание которых на расстоянии гарантирует достигнутый минимум комфорта; 2) либо – отравляющее воздействие столь остро переживаемых свидетельств собственной беспомощности оборачивается агрессией; гнев порождает деструктивность как последний шанс на самотрансформацию в психическом, экзистенциальном и социальном плане.

Таким образом, метафизический источник скрытого катастрофильного комплекса, что, по утверждению П. Слотердайка, зреет в психосоциополитической сфере, – это специфический «недостаток субъективности». Тот ее дефицит, относительно которого Дж. Батлер утверждала, что он «всегда мстит за себя» [2. С. 26]. Рассматривая цинизм как психосоциальную структуру, нельзя обойти вниманием механизмы, когда-то вскрытые Ф. Ницше и З. Фрейдом. Так, Ф. Ницше [4], исследуя генезис рессантимента, указывает на извращение морального характера как следствие «самовыключения» субъективности. Опыт З. Фрейда [5] подсказывает, что ее «приостановка» ведет к психосоматическому расстройству. В том же направлении движется мысль К. Хорни, Р. Салецл, С. Жижека [9] и в целом новейшей психоаналитической традиции: невротический синдром сопутствует феномену самоотчуждения. Прицельно смещая исследовательский интерес в область социальности, Л. Альтюссер и поздний М. Фуко настаивают на существовании не поддающегося социализации психического остатка, предназначение которого – осуществлять самополагание. Систематические атаки на эту область готовят почву для внутренней катастрофы, которая тут же обретает аналог в виде катастрофы социальной.

Обозначив цинизм как психопатологию, коррелирующую с социальным выбором и социальными предпочтениями, мы указали на его диффузный характер. Эта черта цинического сознания и цинического субъекта может быть генетически отслежена. Выше уже отмечалось, что в культурфилософском смысле началом такой формы цинического (как субъективного самополагания и релевантных ему социальных конфигураций) служит Просвещение. По этому поводу П. Слотердайк писал, что диффузный цинизм – незапланированный итог просветительской практики, свидетельство ее краха. Причиной неудачи Просвещения служит наивность его ожиданий и исходных посылок.

Понимая принцип равенства как принцип свободы, просветительский проект разворачивался в противостоянии трем видам зависимостей сознания: 1) зависимости от власти; 2) зависимости от традиций; 3) наконец, зависимости от предрассудков.

Первая – поистине идиллическая – фаза Просвещения базировалась на прекраснодушной вере в то, что индивиды сами по себе жаждут освобождения. По понятным причинам такая простодушная установка практически сразу столкнулась с сопротивлением тогдашних носителей власти и с инерцией некритического отношения к миру вообще. Поэтому не заставила себя ждать стратегия превращения просвещаемого сознания в «клинический случай»: выработку рефлексивных механизмов сопротивления или, как сказал бы Ж. Лакан [8], рождения продуктивного фантазма для разоблачения и перекомбинации закосневшего дискурсивного кода (в нашем случае отражающего расстановку политических сил и шире – сложившихся на тот момент форм социальности). Следует признать, что указанная стратегия сформировалась не сразу и вынужденным образом: мысль о том, что сознание идеологично, что это его конститутивная особенность, что режим заблуждения, в котором оно пребывает, отражает «естественное положение вещей», лишь постепенно становилась условием преобразования исторически «отжившего» типа мышления допросвещенческой эпохи. Это открытие новоевропейского разума, обладая исторической ценностью, для нас демонстрирует системность в описании сознания вообще: и «господское», и «подчиненное» сознание в равной степени склонны замещать «реальность» предпочтениями, не тестируя их на предмет объективной истинности. «Предрассудки разумности» конкретно-исторического образца артикулируют всю меру некритичности и мифологичности любого сознания. Однако лишь новоевропейский способ обращения с горизонтами собственного исторического типа мышления обнаруживает такое приращение рефлексивности, эффекты которого, в действительности, трансформируют и субъекта власти, и субъекта подчинения.

Критическое просветительское вмешательство имело целью рассмотрение и того, и другого. В отношении первого Просвещение поначалу демонстрирует наивный пафос сотрудничества: увещевание, пожелания смягчения нравов, предполагаемое сокращение социальной дистанции и т.д. Тем не менее само появление подобной исторической перспективы воли напугало французский королевский режим. Хотя первоначально критика коснулась безобидных форм проявления власти, велась путем указания на ошибки, заблуждения, предрассудки, привычку мыслить так, а не иначе. Однако в результате власть насторожилась, мобилизовалась и, в конце концов, верно угадала, какого рода орудие противостояния было применено к ней самой. Этим орудием нового господства стала рефлексия. Парадоксальным образом и субъект господства в допросвещенческую эпоху действовал нерефлексивно, он также оставался «естественным», посвоему наивным. (За исключением редких случаев вроде упомянутого «Князя» Н. Макиавелли.) Теперь всё изменилось. Атакованный с неожиданной стороны (со стороны тех, чьей свободной энергией королевский режим распоряжался, «не задумываясь»), субъект власти оказался перед необходимостью также овладеть средствами рефлексии. Конечно, ему это далось легче, чем остальным. (Правда, сама история уже работала против этого субъекта. Историческое время было упущено.)

Как бы то ни было, Просвещение формировало мощные предпосылки самопонимания: индивиды всё в большей степени становились носителями истины о себе и окружающей реальности. В конкуренции за способы интерпретации и реинтерпретации мира просветители и традиционные властные институты вступают в прямую конфронтацию. Не столь важно, насколько отчетливо королевский режим *осознавал,* что само Просвещение также является властным воздействием, попыткой властью пресечь власть. Достаточно сказать, что «настоящий» – физический – властный субъект это прекрасно почувствовал. Борьба аффектов стимулировала и без того естественную рефлексивность образованного правящего слоя. Знание властвующих о самой власти – это то, что просветители поначалу проигнорировали. Техникам просветительской рефлексии, направленным на правящий класс (главным образом, на его разоблачение), последний противопоставил знание, которым всегда владел: 1) на каких правилах строится искусство властвования; 2) знание какого рода является наиболее жизнеспособным в политическом смысле, т.е. что ведет к удержанию и приумножению власти; 3) какой власть должна быть, чтобы поставлять новое знание, способствующее ее упрочиванию; 4) наконец, *как,* в общем виде, выглядит сознание тех, кем управляют.

Однажды приведя власть в состояние рефлексии, Просвещение вынудило ее ассимилировать даже те рефлексивные механизмы просветительской критики, что были пущены в ход против самой власти (после французских событий, по свидетельству Т. Карлейля, Европа была наводнена роялистскими мемуарами и манифестами, где лидеров Французской революции обвиняли – ни много ни мало – в антигуманном отношении к противнику). Главным же оставалось то, что реактивная структура официальной власти проявилась в модусе отчетливого рессантимента. Всё более рефлексивным способом отдавая отчет в собственных действиях, власть пожелала отделить субъектов подчинения от средств рефлексии. (Строго говоря, этому намерению не могут помешать ни социальные революции, ни изменение исторических форм публичных властных институтов, ни всеобщее образование, ни равенство перед законом.)

Фактически, такое начало «возгонки рефлексии» запустило механизмы откровенной состязательности в поле политики. Для отражения рефлексивных атак стороны вынуждены использовать всё новые средства и техники. Это означает, что этажи ложного сознания, надстраивающиеся друг над другом, бесконтрольно растут. Практика взаимного рефлексивного разоблачения и «выведения на чистую воду» в разы усиливает ответную реакцию сопротивления, множит критические выпады и инициирует изощренную критику критики. К настоящему моменту этот регион политической рефлексии прочно оккупирован держателями соответствующего символического капитала в виде целой армии политических экспертов, обозревателей, аналитиков, консультантов, философов и просто «по-

литических мыслителей». Именно так обстоит дело с политиками-профессионалами и обслуживающими эту сферу критическими и академическими дискурсами. Эффект бумеранга, который мы здесь наблюдаем, сам по себе является теоретической проблемой. Но не менее важно, что Просвещение инициировало реакцию иного рода. Это структура, также являющаяся реактивной, также обнаруживающая себя в виде рефлексивного сопротивления, но работающая в противоположном направлении. А именно – в *скрытой* форме противящаяся чужим критическим вмешательствам.

Сознание массы – это то, к чему приложимо усилие и либеральной критики, и «защитных» механизмов власти. Результаты такого двойного воздействия, разумеется, были интроецированы и стали габитусом всех участников.

В том относительно слабом, рефлексивном знании о себе, которым изначально обладают субъекты подчинения – те, кто должен повиноваться и чья лояльность заранее полагается и программируется, – в этом знании они максимально приближены к инстанции формирования эмоции и мотива следующего за ней поступка. Это знание таково, что за ним, как правило, следует молниеносное действие. Реальный субъект власти, конечно, желал бы сохранить такое положение дел в неприкосновенности. Ведь знание об этом знании в субъекте подчинения несет прямую угрозу. Строго говоря, любой анализ – тем более самоанализ подобного знания – сакральное преступление перед властью.

Наивность самого Просвещения склонялась к чаянию того, что результатом критики станет всеобщее просвещенное сознание. Со стороны метафизики эти идеалистические ожидания поддерживал и питал новоевропейский вариант трансцендентализма. Действительно, повсеместное приобщение к рефлексивным техникам самообнаружения – через их простое, регулярное просачивание в область массового сознания и массовых практик повседневности – ведет к возвышению самосознания, росту естественной автономии, к упрочиванию вектора индивидуации в истории новой и новейшей социальности. Однако главным надеждам Просвещения не суждено было сбыться. Просвещению не удалось справиться с политическим самоотчуждением в модусе поверхностности и заблуждения. Оно лишь модифицировало эту форму ложного сознания, произведя на свет некий гибрид – сознание, отчасти переставшее быть наивным, зато обретшее черты рефлексивно-изворотливого, опасно-непрозрачного, в общем, цинического.

Ложность того типа мышления, о котором мы говорим, находит выражение в ряде признаков: 1) в утрате подлинности (последняя понимается как основа мышления развитого и ответственного, как свободное самополагание); 2) в *подмене* подлинных оснований самоконституирования и в нежелании «разбираться» с такой подменой; 3) наконец, в вышеобозначенной амбивалентности, вынуждающей этот тип сознания функционировать на грани распада.

Субъекта, на которого сделало ставку Просвещение, более не существует. (Вполне вероятно, что его не существовало вовсе.) Как бы то ни было, цельность мысли и поступка классического новоевропейского субъекта представляется в высшей степени тщетной. Необходимое в новых обстоятельствах, исторически обусловленное приращение рефлексивности, воздействуя на психическую почву индивидов, делало ее рыхлой и податливой.

К настоящему времени не только теоретическое, но и массовое сознание трудно удивить суждением, что любой факт – лишь сумма политически и идеологически детерминированных интерпретаций. Поле современной политики диффузно в той же мере, что и претензии на власть. Поэтому практики взаимного рефлексивного разоблачения действуют повсеместно. Следует признать, что для субъекта повседневности последнее обстоятельство зачастую – непомерная психоэнергетическая нагрузка.

Современный субъект испытывает непрекращающийся социокультурный прессинг, воспринимаемый как результат кратного усложнения мира, возрастания его гетерогенности, подталкивающего к совершенствованию средств защиты. Новая жизнемирная установка покоится на утраченной вере в естественность чего бы то ни было: изначальная природа чего бы то ни было находится под вопросом; объективность любого рода выглядит подозрительной. Тяжелое обвинение в нравственном и социально-правовом релятивизме стало общим местом той формы морализаторства, что преследует субъекта современности с момента его появления. Для него якобы не осталось ничего устойчивого, прочного: всё пришло в движение и является коррелятом практического интереса. Действительно, где бы ни обнаружил себя современный субъект, он находится в режиме игры (не случайно терминология «игроков» – столь удачная находка не только медийных дискурсов, отслеживающих поля бизнеса или политики, но и академического языка описания, где «игроки» в поле экономики, культуры, образования и, разумеется, институтов власти – теоретически полноценное, узаконенное понятие).

Используя парадигму игры, легко убедиться, что ее агенты действуют отнюдь не хаотичным образом. Во-первых, игра предлагает определенные правила, которые следует принимать в расчет. Во-вторых, и это главное, она предоставляет игрокам известную свободу. Как этой свободой распоряжается циничeский субъект? Имея в виду политический аспект его целеполагания, рискнем предположить: циническая структура психики субординированных субъектов по обе стороны власти делает их *двойными*, *тройными* и т.д. агентами без ясного понимания, на чьей же в действительности они стороне. Сознание homo ludens «от политики» – изощренно, изворотливо, всё равно – профессионально или сколь угодно широко (*диффузно*) – горизонт политического мира, где субъекты борются за власть или стараются от нее уклониться.

Всё вышеизложенное означает, что силы сопротивления ушли глубоко в подполье и носят внутрипсихический характер. Именно это создает условия для феномена, который Ж.-Ф. Лиотар [3] и Ю. Хабермас [7] именуют кризисом легитимации: индивиды отторгают то, чему причастны внутренне; они обнаруживают реакцию самоустранения там, где заявляет о себе дефицит субъективности.

Разумеется, остаются различия в том, как эта реакция организована методически со стороны агента властного и под-властного. На первый взгляд, большая политика с большими ставками, с *настоящими* игроками-профи умело пользуется стратегией внутренней эмиграции, взятой на вооружение субъектом подчинения. (Двойные стандарты, конечно, не объявляются хорошим тоном, их не выставляют напоказ, однако особенно и не скрывают: серьезные заявления все равно никто не принимает всерьез. Пассивность обывателя позволяет вести двойную игру открыто: возражений не последует.)

В то же время «хитрости» цинического разума, его общие для всех дефициты, присущие в равной степени субъекту власти, вынуждают последнего действовать осторожно, быть «политкорректным». (Игрок в поле современной политики, сколь бы циничен в привычном смысле слова он ни был, знает: при любой максимально полной социализации, при любом, в его пользу, программировании наивности, в электорате сохраняется тугоплавкий несоциализируемый остаток. Это неотчуждаемый сгусток психической энергии, дающий выход определенной перспективе воли, а именно – воли индивидов к самоутверждению. Той самой воли, что позволяет массе – после Просвещения – оставаться программируемой, но делает ее не до конца предсказуемой.) В результате субъект власти так же, как и все остальные, практикует «сдерживание» в осуществлении собственной субъективности. Фактически он испытывает в психоэмоциональном отношении те же муки недореализации. Он просто вынужден наращивать стратегии «сознательной консервации наивности», изобретать и пускать в ход всё новые политики контр- и антирефлексии, предназначенные субординированному субъекту подчинения.

Такая гонка на «рефлексивное опережение» предстает изматывающей для обеих сторон: она духовно обескровливает современного субъекта, истощает его жизненные силы. В конечном итоге страдает само поле современной социальности, поскольку оно недополучает энергии индивидов, растраченной на поддержание пустоты – политическая машина, институты власти в большой мере работают вхолостую.

Существует ли возможность коррекции описанного типа сознания? Видимо, пока этот вопрос открыт. Хотя ясно, что только правовые схемы и техники в целях подобной коррекции не работают. Они нерелевантны и малоэффективны. Правовой, да и собственно политический субъект – лишь грань, эффект того исторического модуса мышления, рациональности и перспективы волеизъявления, что для своей трансформации требует особой формы критики не одного сознания, но и общества в целом, его культуры, истории. Есть шанс, что анализ социального субъекта, как и анализ социальности вообще, учитывающий психоэмоциональное априори, может предложить конкретные шаги, выработать позитивные психосоциальные практики, обеспечивающие единство поступка, мысли и самочувствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Слотердайк П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
2. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции / пер. З. Баблояна. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.
3. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
4. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 2.
5. *Фрейд З.* Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М. : Ренессанс, 1992.
6. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996.
7. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2003. 416 с.
8. *Лакан Ж.* Семинары. Книга II: «Я» в теории З. Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / пер. А. Черноглазова. М. : Гнозис ; Логос, 1999.
9. *Zizek S.* Welkome to the Desert of the Real. London ; New York : Verso, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 7 июля 2014 г.

GENEALOGY OF THE POLITICAL SUBJECT: CYNICAL MODUS OF SOCIALITY

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 52-60. DOI: 10.17223/15617793/387/9

Petrenko Valeriya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vptomsk@mail.ru
Zinchenko Eugeniy V. West Siberian Branch of Russian Academy of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: qwe26@mail.ru

Keywords: subjectivity; sociality; cynicism; power; political relations; mentality.

Analysis of the phenomenon of cynicism and accompanying psycho-, socio-political circumstances requires a fundamentally new look at what is happening. Theoretical description, with the political and legal world as its subjects, involves essences that demonstrate a universal character. This categorical series includes a number of phenomena of thinking, language and power. Empirically, it is the concept of power that is closer and clearer than the others. It is habitual to think of power as coercion that comes from outside and determines the behavior of the individual. And often it is involved in political theory and philosophy of sociality. To think about power as a generic principle is still unusual. It is unusual to interpret power as a condition of the subject itself. The difficulty is that power interpreted so has no formal representation, it is not directly correlated with any social institution. Positivist optics sees this state of affairs as something suspicious – for the subject perceives the consequence of this power, structurally unfixed in the field of the social, as authentic modes of self-existence. Another condition of exercise of power is its ambivalence: by managing power, the subject does not always notice how the power manages it, which becomes obvious if to take a look at public authority. Politics and power go hand in hand. As a global technology of mass management politics has a habitualizing effect: "cynicism of the master" and "cynicism of the servants" operate in a single mode. Of course, the latter is more veiled, it is more difficult to recognize. But, most importantly, it is psychopathic. This form of cynicism, surprisingly, is not aggressive outwardly. In the political sphere it is often not associated with a cynical choice or a cynical action. The ambivalence of the modern type of sociality indicates mutually exclusive tendencies of common sense – complication of the social field and its configurations with simultaneous unification of singularities acting within the boundaries of various social fields. The question of the "inner form" of social mechanics involves the plot of the

intentional correlation of subjects of dominance and submission with the surrounding social space. It is these patterns of activity of consciousness and unconsciousness – collective and individual – should be interesting for social theorists and philosophers of power. In the proposed horizon cynicism is a truly universal form of thought – action – being. It is a particular habitus of subjectivity designed to streamline the social being, place it in the world of / for individuals to make this world minimally costly for them. The question of the cynical habitus structure has many dimensions. We postulate the reflexive a priori as a genuine reason to cynicism.

REFERENCES

1. Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Translated from German by A.V. Pertsev Ekaterinburg: Ural University Publ., 2001. 584 p.
2. Butler J. *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii* [The psychic life of p*ower*. *Theories* in *subjection*]. Translated from English by Z. Babloyan. Kharkiv: KhTsGI Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2002. 168 p.
3. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of experimental sociology Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 160 p.
4. Nietzsche F. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols.]. Translated from German. Moscow: Mysl' Publ., 1990. Vol. 2.
5. Freud Z. *Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura* [Psychoanalysis. Religion. Culture.]. Moscow: Renessans Publ., 1992.
6. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal' Publ., 1996.
7. Habermas J. *Filosofskiy diskurs o moderne* [Philosophical discourse on modernity]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir Publ., 2003. 416 p.
8. Lacan J. *Seminary. Kniga II: "Ya" v teorii Z. Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (1954/1955)* [Seminars. Book II: "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis (1954/1955)]. Translated from French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnozis Publ.; Logos Publ., 1999.
9. Zizek S. *Welkome to the Desert of the Real*. London; New York: Verso, 2002.

Received: 07 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 61–68 DOI: 10.17223/15617793/387/10

УДК 111

Е.Б. Хитрук

МАЛЬЧИК VS МУЖЧИНА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ МУЖСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А).

Раскрывается проблема мужской социализации в контексте функционирования в культуре императива «настоящей» или «истинной» маскулинности. Гегемонная маскулинность, эксплицируемая через противопоставление мужских и женских характеристик, осуществляется посредством дистанцирования от фемининного. Следование нормативу настоящей мужественности предполагает наличие определенных техник инициации, которые обеспечивают социально одобряемую трансформацию мальчика в «настоящего» мужчину. Все способы мужской социализации в традиционной культуре, как правило, предполагают большую или меньшую степень физического, морального или сексуального насилия над мальчиками.

Ключевые слова: маскулинность; фемининность; мужская социализация; инициация мальчиков; воинственность; соревновательность; насилие.

– Ты, главное, не бойся никого.
Мне тоже, знаешь, как в жизни попадало.
– А я и не боюсь. Я ему как дал, так он сразу…
Диалог из к/ф «Каток и скрипка»

Короткометражная кинолента «Каток и скрипка» выдающегося режиссера Андрея Тарковского примечательна не только тем, что является дипломной работой гениального художника советской России, в которой уже просматриваются его мастерство и талант, в полной мере воплотившиеся позже в его знаменитых шедеврах «Андрей Рублев», «Зеркало», «Сталкер», «Солярис» и др. Эта картина визуализирует некое фундаментальное для человечества и для российской культуры в частности событие – долгожданной, но по определенным историческим и культурным причинам невозможной или чрезвычайно затруднительной встречи Мальчика и Мужчины, мужественности становящейся и робкой с мужественностью ставшей. Для советской России в той же мере, как и для России современной, тотальная погруженность детей в мир девушек, женщин, бабушек является реальностью настолько же неоспоримой, насколько и трудно осознаваемой, практически трудно эксплицируемой вследствие своей «естественности» и тотальности. Само отсутствие мужчин в тех сферах, которые связаны с воспитанием и социализацией маленького человека, в российских реалиях вполне объяснимо: физический дефицит мужчин в послевоенные годы, малое финансирование и малый престиж данных профессий, в конце концов, истерическая гомофобия, в свете которой искренняя вовлеченность мужчины в процесс воспитания интерпретируется если не однозначно «по-голубому», то, во всяком случае, подозрительно.

Так или иначе то, что Мальчик нуждается в Мужчине для успешной социализации, – тезис очевидный. Однако «Каток и скрипка» открывает еще одно измерение этой встречи: дело в том, что Мужчина тоже нуждается в Мальчике. Возвышенность, искренность, беззащитность юного Саши, неосознаваемое им самим величие его приобщенности к миру искусства посредством игры на скрипке – предмет восхищения для Сергея. От этого часы, проведенные с Сашей, обретают для него такую исключительную ценность, несоизмеримую даже с настойчивым вниманием девушки-коллеги. Сдружившись в течение нескольких часов, Саша и Сергей решают сходить вечером вместе в кино «на Чапаева». Воодушевленный Саша с радостью ожидает встречи. Однако строгая мама, как водится, считает желание Саши мелким капризом и запрещает ему пойти. Картина заканчивается трогательной сценой воображаемого побега Саши: мелькают ступеньки лестницы, асфальт во дворе, душа Мальчика несется навстречу Дружбе, Мечте, Старшему Товарищу… Однако грустная реальность оставляет эту Встречу в ранге несбыточной мечты – Саша остается дома, Сергей идет в кино с сослуживицей.

В этой короткометражной киноленте режиссеру удается раскрыть и стремление человека вообще к взаимопониманию, которое в суровых реалиях жизни «случается» с людьми очень редко, иногда в неожиданных обстоятельствах, как эта встреча мальчика-скрипача и водителя катка. Однако тема взаимопонимания между людьми преломляется здесь в тему взаимопонимания между Мальчиком и Мужчиной, которая в нашей культуре может быть рассмотрена как лейтмотив или болезненный нерв цивилизации.

Мужественность, будучи фундаментальной категорией социального дискурса, представляет собой некоторый норматив социальности – мужественность не дана как факт природы, но задана человеку как подлинная фундаментальная задача, от решения которой зависит жизненный успех и личное счастье людей, причем людей не только мужского пола. Французская исследовательница «мужского вопроса» Элизабет Бадентэр справедливо замечает: «Наша обыденная речь выдает наши сомнения, а порой и тревоги, когда мы говорим о мужественности как о цели и долге. В словосочетании “быть мужчиной” глагол чаще употребляется в повелительном, нежели в изъявительном наклонении. Так часто звучащий призыв “Будь мужчиной!” означает, что это не происходит само собой, что мужественность не так уж, по-видимому, присуща природе мужчины, как это при-

нято считать» [1. С. 11, 12]. Таким образом, мужественность предстает в современной культуре неким императивом, перед лицом которого Мальчик и Мужчина вынуждены доказывать и обосновывать свою принадлежность к мужскому роду, вынуждены бороться с фундаментальной сомнительностью своего социального статуса. «Долг, доказательства, испытания, – продолжает Э. Бадентэр, – эти слова свидетельствуют о том, что для того чтобы стать мужчиной, человеку надлежит выполнить тяжкую работу. Мужественность не дается просто так, она должна созидаться, «вырабатываться». Мужчина, следовательно, представляет собой рукотворный продукт, отличающийся от творения природы, и как таковой он все время подвергается риску быть признанным продуктом с изъяном, подобно браку производства, с дефектом в мужском оснащении» [Там же. С. 13].

Если мужественность задана, не обнаруживается естественно, но созидается искусственно, то что в таком случае значит «быть мужчиной»? Каков онтологический статус и социально значимое содержание категории «мужественность»? Что собой представляет мужская социализация или трудный процесс становления Мужчиной? И какова, наконец, роль в этом становлении той самой заветной встречи Мальчика и Мужчины, о которой упоминалось выше? Все эти вопросы очерчивают то самое поле вопрошания, которое в данной статье автор попытается отчасти преобразовать в поле смыслов и возможных способов разрешения.

«Священная жертва»…

Известный американский социолог Дэвид Гилмор в своем фундаментальном исследовании «Становление мужественности: культурные концепты маскулинности» предпринимает попытку проанализировать и обобщить представления о мужественности и способах ее достижения на материале самых разных культур, существующих в различных уголках земного шара. Концепты маскулинности в Испании, Греции, Восточной и Юго-Западной Африке, Новой Гвинее, Северной Америке, Англии и других странах становятся предметом его пристального исследовательского интереса. Определяя мужественность как «одобряемый обществом способ быть взрослым мужчиной в любой конкретной культуре» [2. С. 10], Д. Гилмор подчеркивает, что эта категория изначально проблематична. «Почему, – постулирует основной вопрос своего исследования автор, – в столь многих регионах люди рассматривают состояние “настоящей” или “истинной” мужественности как ненадежное или опасное, как приз, который должен быть выигран или завоеван в борьбе, и почему столь многие общества выстраивают трудноочерчиваемый и своеобразный образ мужественности с помощью санкций, ритуалов и испытаний мастерства и выдержки» [Там же]. Социально одобряемый способ «быть мужчиной» в большинстве известных культур, таким образом, предполагает, во-первых, четкое разделение на «истинную» и «неистинную» мужественность и, во-вторых, необходимость преодолеть совершенно определенные препятствия на пути обретения признаков «настоящего мужчины». Следовательно, «бытие мужчиной» само собой предполагает «становление мужчиной».

Подобные представления о мужественности и сопряженные с ними «тревоги возмужания» Д. Гилмор обнаруживает «повсюду в мире», хотя и выражены они с разной степенью отчетливости. Однако, по глубокому убеждению автора, эта культурная матрица не является универсальной. Существуют культуры, где мужественность либо не обозначена в качестве значимой социальной категории, либо ее достижение не является проблематичным. Сам Д. Гилмор приводит только два примера таких исключительных сообществ – островитяне Таити и семаи, аборигенный народ Юго-Восточной Азии, ныне проживающий в центральной части полуострова Малакка. На Таити мужчины и женщины в равной степени могут проявлять и агрессию и мягкость, выполняют одинаковые работы как дома, так и в общественной жизни. Таитянский язык не имеет категории рода, нет разграничения на мужские и женские имена. Мужчины не озабочены демонстрацией своей дистанцированности от «немужчин»: «Нет никакого принуждения к проявлению мужественности, никаких требований к мужчинам в каком-либо существенном отношении отличаться от женщин и детей» [Там же. С. 210]. В общем, на основании существующих полевых исследований невозможно сделать вывод о том, что категория мужественности в каком-либо плане является значимой для таитян, «заботит» их. Семаи в отличие от таитян имеют в языке различия между мужским и женским. Данная гендерная дифференциация не связана, однако, с социальной субординацией по признаку пола. В политической жизни женщины представлены наравне с мужчинами, и общий принцип распределения занятий между полами не связан с неизменным «природным предназначением», а зависит скорее от предпочтений того или иного индивида.

Анализируя указанные исключения из жестких правил завоевания мужественности как крайне значимого социального атрибута, Дэвид Гилмор высказывает некоторые важные замечания. Он подчеркивает, что и таитяне и семаи не имеют недостатка в естественных ресурсах, а следовательно, благоприятная экономическая ситуация не провоцирует развитие культа соревновательности, физической силы, воинственности, агрессии, способности к выживанию в тяжелых условиях. А ведь именно эти качества являются необходимыми атрибутами традиционного эталона маскулинности. «Говоря коротко, в этих обществах почти нет основ для формирования идеологии мужественности, побуждающей мужчин действовать под общественным давлением или для защиты социальных границ» [Там же. С. 223]. Однако, хотя в этом контексте взаимосвязь гендерной схематизации с природными условиями существования таитян и семаев очевидна, необходимо воздержаться от выстраивания направления причинности от природы к культуре. Является ли комфортная экономическая ситуация этих народов причиной отсутствия культа мужественности и значимых обрядов «омужествления» или наоборот – этот вопрос Д. Гилмор считает необходимым оставить без ответа.

По всей видимости, эти экзотические племена, не озабоченные «мужественностью» своих мужчин, представляют собой исключение, лишь подчеркивающее общее правило. Озадаченность человечества императивом маскулинности, необходимостью конкурировать и добиваться заветного звания «настоящий мужчина» – атрибут, присущий подавляющему большинству известных народностей. Наличие исключений может быть рассмотрено еще и как аргумент в сторону отрицания так называемой эссенциалистский модели маскулинности, в рамках которой мужественность рассматривается как природный факт, укорененный в бытии и по существу противостоящий фемининности.

Отсутствие универсальности в формулировке маскулинности признает свидетельством культурной обусловленности «мужского» и Д. Гилмор. Коллективность представлений о мужественности в каждой из рассматриваемых им культур, принудительный характер предписаний следования эталону «истинной» мужественности наряду с наличием культур-исключений свидетельствуют о том, что маскулинность не коренится только в физике и психике человека: «Идеал мужественности не чисто психогенетичен по природе, а является также представлением, накладываемым культурой; мужчины же должны стремиться ему соответствовать вне зависимости от того, согласуется ли это с их психологическими предрасположенностями. Иначе говоря, этот идеал не является отражением индивидуальной психологии, а есть часть общей культуры, коллективное представление» [Там же. С. 13]. Однако, так же как в случае с семаями и таитянами, культурная обусловленность гендерной схемы может и должна быть поставлена в соответствие с некой экономической или материальной ситуацией. Везде, где каким-то образом в культуре акцентируется эталон маскулинности и, соответственно, прописываются в большей или меньшей мере жесткие критерии его реализации, исследователь сталкивается также с тремя типами моральных предписаний: «Эта императивная триада появляется в варьирующих пропорциях, но достаточно часто, чтобы предположить, что мужественность – это ответ на особые структурные и психологические дефициты» [Там же. С. 228]. Указанные дефициты автор связывает со спецификой разделения труда, основанного, в свою очередь, на специфическом для каждой культуры распределении природных ресурсов. «Мужчина-зачинатель-защитник-добытчик» – так формулирует триаду маскулинности Д. Гилмор. Ее составляющие, нацеленные на продолжение рода, опеку и прокормление своего потомства, очевидным образом связаны с конкурентоспособностью «настоящего мужчины», который должен быть автономен, собран и целеустремлен в отвоевании и защите своего ареала, что само собой предполагает в жестких условиях окружающей среды проявления как агрессии вообще, так и сексуальной агрессии в частности.

Таким образом, «мы можем рассматривать «истинную» мужественность как поощрение к достойному поведению в социальной борьбе за скудные ресурсы; как кодекс поведения, который служит коллективным интересам и побеждает враждебные ингибиции» [Там же. С. 229]. От успеха этой борьбы зависит существование рода, поэтому опасность проигрыша должна быть сведена к минимуму. Конечно, в этой ситуации огромное значение приобретают обряды инициации мальчиков, приготовляющие их к сложнейшей обязанности продолжения и сохранения своего рода. Примеры подобных обрядов разной степени жесткости давно стали достоянием науки. От воинственных племен «черной» Африки, где мальчиков отрывают от матерей и обрекают на болезненные испытания через публичное обрезание или бичевание, до викторианской Англии, где в нежном возрасте мальчик также должен был покинуть родительский дом для того, чтобы получить образование в школе-интернате, проходя одновременно нелегкую науку подавления со стороны старших товарищей, включавшую также и физическое насилие. В одной только ЮАР, по данным ИТАР-ТАСС, до сих пор ежегодно гибнут около трех десятков мальчиков в процессе инициации, связанной с испытаниями холодом и различными тестами на выживание.

С точки зрения Д. Гилмора, таким образом жестокие обряды «омужествления» обусловлены представлением о «Настоящей Мужественности» и оправданы в той мере, в какой концепт маскулинности продиктован суровостью природных условий и экономической необходимостью. Концепция маскулинности представляет собой не что иное, как адаптацию к среде. И чем тяжелее условия среды, тем четче акцентируется в культуре «истинная» мужественность как необходимый эталон. Иначе говоря, «мужественность – это барьер, который общество возводит против энтропии, врагов в виде людей, сил природы, времени и всех тех человеческих слабостей, которые подвергают группу угрозе» [Там же. С. 232]. Более того, зависимость эталона маскулинности от природной и экономической ситуации позволяет, с точки зрения автора, открыть совершенно неожиданный, даже для первоначальной установки самого Д. Гилмора, аспект содержания категории «маскулинность». Дело в том, что, приступая к анализу столь обширного материала, Д. Гилмор был убежден, что его исследование приведет к переоткрытию расхожего представления о мужественности как о чем-то, что безусловно связано с равнодушием и эгоизмом. Однако на самом деле «материалы этого клише не подтвердили» [Там же. С. 235]. Достижение мужественности связано с определенным отречением от себя. «Настоящий мужчина» – это прежде всего тот, кто, как это ни парадоксально, выбирает путь жертвенности. Как отмечает Д. Гилмор, «...идеологии мужественности всегда включают критерий бескорыстной щедрости, доходящей до жертвенности. Снова и снова мы видим, что “настоящие” мужчины – это те, кто дает больше, чем получает; они служат другим… Мужественность, следовательно, – это, в том числе, концепция кормления, если мы имеем в виду, употребляя этот термин, готовность давать, дарить и помогать» [Там же]. Конечно, это кормление существенно отличается от того, которое атрибутивно приписывается женскому полу, оно более опосредовано, а значит, труднее эксплицируемо. Однако не

менее значимо: мужественность – культурно сконструированный концепт, благодаря которому одна часть общества стремится преодолеть инерционную пассивность человеческого естества и «отдать» свое бытие для охранения и продолжения человеческого рода. «Мужчины питают свое общество, проливая свою кровь, пот и семя, принося домой пищу для ребенка и матери, зачиная детей и умирая, если это необходимо, вдалеке от дома, чтобы обеспечить безопасность своего народа» [Там же. С. 236].

Итак, исследование Д. Гилмора обосновывает следующие важнейшие утверждения: 1. Маскулинность как социальный эталон и императив присуща большинству известных культур, выполняет в этих культурах важную роль, расценивается как труднодостижимая, но необходимая цель. 2. Достижение мужественности происходит через дистанцирование от всего немужественного (женского и детского), как правило, в процессе проводимой взрослыми мужчинами инициации. 3. Наличие и степень агрессивности мужского эталона тесно связаны с благоприятностью природных и экономических условий, в которых функционирует та или иная культура. 4. Норматив мужественности является культурным конструктом, имеющим целью продолжение и сохранение человеческого рода, которые в условиях отсутствия жесткой соревновательности, сексуальной настойчивости, культа физической силы и стойкости являются трудновыполнимыми задачами, о чем свидетельствуют примеры малочисленных народностей семаев и таитян. 5. Императив маскулинности вопреки распространенному представлению развивает в представителях мужского пола не эгоизм и безразличие, но черты бескорыстия, щедрости, жертвенности.

Исследование Д. Гилмора имеет огромное значение для экспликации содержания и социального смысла категории «маскулинность». Выявленная в нем корреляция между природными условиями и прочерченностью эталона маскулинности представляет чрезвычайный интерес. Действительно, взаимосвязь дефицита необходимых экономических ресурсов с культивацией воинственных качеств в обществе кажется очевидной. Также не вызывает сомнений необходимость культурного эталона, направленного на преодоление социальной инертности и стимуляцию значимых для выживания рода качеств. Однако непонятным остается один не замеченный автором, но чрезвычайно значимый момент, а именно: почему призыв к преодолению инертности обращен жестко, безальтернативно, репрессивно только к индивидам мужского пола? Не было бы, в конечном счете, более эффективно для завоевания экономических ресурсов стимулировать к «долгу, доблести и отваге» всех членов человеческого сообщества? Апелляция к меньшей природной агрессивности женского пола или к его репродуктивной задаче, якобы объективно препятствующей выполнению других социально значимых функций, опровергается в процессе самого исследования Д. Гилмора. В таком случае, действительно: «почему»? Ответ на этот вопрос раскрывает еще одно измерение эталона маскулинности: он формулируется посредством дистанцирования от всего женского и женственного. Необъяснимый с точки зрения гипотезы «природных ресурсов» концепт половой биполярности обосновывается, как правило, своей гениальной простотой формулировки – «естественная противоположность полов». Используя понятийный аппарат, предложенный известным американским феминистским философом С. Бем, можно сказать, что андроцентризм как одна из основных характеристик культуры возможен лишь в деятельном симбиозе с гендерной поляризацией и биологическим эссенциализмом. Эти «гендерные линзы» задают самое поле возможности существования и успешного функционирования в культуре императива «настоящей» или «истинной» мужественности. «Дискурсы культуры и общественные институты, – пишет С. Бем, – в которые эти линзы встроены, автоматически помещают женщин и мужчин в различные и неравные жизненные ситуации… В процессе приобщения к культуре индивидуум постепенно внутренне усваивает линзы культуры и тем самым стремится формировать свою личность в соответствии с ними» [3. С. 35]. Таким образом, концепция Д. Гилмора о мужественности как «священной жертве», вынуждающей индивидов мужского пола ценой своей жизни (в прямом и переносном смыслах) обеспечивать «окормление» человеческого рода, предполагает в той же мере и другую жертву. Индивиды женского пола вынуждены отказываться от своего социального потенциала для того, чтобы уступить активную роль в преобразовании общества мужчинам. В итоге если все члены общества оказываются «пожертвованы» (одни во имя «истинной» мужественности, а другие – также во имя нее, только другим способом – уступая арену борьбы), то кто же в таком случае остается в выигрыше? Не является ли императив маскулинности кумиром, «поедающим» в конце концов все и вся?

Проблема возмужания

Вопрошая о целесообразности эталона «истинной» мужественности, трудно при этом даже вообразить себе существование человечества вне этой андроцентричной модели социального бытия. Вместо этого необходимо обратиться к кросскультурному анализу различных практик омужествления, чтобы прояснить вопрос о том, чем же жертвует мальчик в процессе андроцентричной социализации и в чем конкретно выигрывает или проигрывает социум в результате этого процесса.

По убеждению Д. Гилмора, особые ритуалы омужествления имеют место практически во всех известных науке культурах. За редкими исключениями переход от статуса ребенка к статусу мужчины связан с серьезными испытаниями и глубокими потрясениями. Более того, градус жестокости в обрядах инициации не всегда напрямую зависит от степени воинственности того или иного народа. В качестве примеров Д. Гилмор приводит некоторые невоинственные племена бушменов Юго-Западной Африки и тева из Нью-Мексико. Для подростков из племени бушменов мужская инициация связана с необходимостью продемонстрировать соплеменникам навыки одиночной

охоты на крупную антилопу, а в племени тева подростки, чтобы обрести статус мужчины, должны пройти обряд «очищения», в процессе которого они подвергаются «беспощадному бичеванию» [2. С. 24].

У воинственных народов достижение мужественности тем более предполагает прохождение сложных испытаний. Эти испытания представляют собой сражение как с внешними опасностями, так и со своими собственными привязанностями, склонностями, слабостями. Одними из самых ярких примеров подобного «посвящения» являются ритуалы племени Самбия из Новой Гвинеи. Там в возрасте 7–10 лет мальчиков неожиданно отрывают от матерей и отправляют в лес, где в течение трех дней их «секут до крови» [1. С. 119]. Затем находящихся в шоковом состоянии детей оставляют в отдаленном месте на несколько дней или недель, для того чтобы они до конца освободились от привычек нежного детства и материнской опеки и научились выживать самостоятельно. Суровость этих обрядов должна привести к перерождению мальчика, который символически умирает как ребенок и рождается как мужчина. Сами участники подобного действа сознают происходящее как трагедию, доводящую до отчаяния, однако необходимую [Там же].

Одна из особенностей архаической инициации мальчиков связана также с тем, что Элизабет Бадентэр называет «гомосексуальной педагогикой», которая не предназначена для «гомосексуализации» подростков, но представляет собой необходимый этап становления гетеросексуального мужчины. «Гомосексуальная педагогика, – отмечает Э. Бадентэр, – в том виде, в котором она существовала раньше и существует сейчас, – это обретение мужественности через гомосексуальность. Довольно странная для большинства из нас идея, содержащая, тем не менее, скрытую правду» [Там же. С. 129]. Еще в Древней Греции инициация юноши была тесно связана с тем, насколько он привлекателен в глазах взрослого мудрого мужчины. Способен ли он обратить на себя внимание достойного человека, который, вступив в связь с юношей, сможет передать ему свое благородство и возвышенный настрой. Платон же называл такую любовь небесной, поскольку только в союзе с мужчиной мальчик может воспринять мужские свойства, главными из которых являются ум и сила. Этот интимный союз для Древней Греции должен был быть «окрашен» нежными и глубокими чувствами, благоприятствующими совершенствованию человека: «Душу свою на устах я имел, Агафона целуя, Словно стремилась она переселиться в него» [4. С. 314]. Однако не во всех традициях, использующих гомосексуальную педагогику, любовь считается необходимой или допустимой. Так, например, в племенах Самбия и Баруйя техника омужествления вообще не имеет никакого романтического контекста. Юноши в течении нескольких лет до того, как будут признаны мужчинами и получат возможность жениться, обязаны воспринимать мужественность, впитывая мужской аналог материнского молока, сперму (в некоторых случаях кровь [1. С. 134]), которая, в отличие от младенческой пищи, делает из юнцов настоящих мужчин. Постоянные сексуальные контакты между младшими и старшими мальчиками здесь считаются неизбежными в целях передачи «секрета» мужественности, который дает возможность и право во взрослой жизни доминировать над женщинами, не познавшими эту тайну. Гомосоциальность, воплощенная в сексуальных техниках, имеет своей задачей возвышение над женщинами или дистанцирование от них, поскольку только в этом случае (осознавая свое превосходство) мужчина может быть вполне гетеросексуальным, т.е. быть полноправным главой семьи.

Несмотря на многообразие известных техник омужествления, все они имеют некие общие черты. Э. Бадентэр формулирует эту общность в контексте трех фундаментальных этапов мужской инициации.

1. *Я не имею ничего общего с моей матерью*. Первый этап «омужествления» призван вырвать мальчика из естественного состояния его единения с матерью. Будучи младенцем, ребенок независимо от пола проходит медленный и постепенный путь от полного телесного единения с матерью в ее утробе до относительной свободы, осуществляемой тем не менее при ее деятельном участии, любви и поддержке. На протяжении всего этого пути ребенок остается в сфере влияния матери. Это обстоятельство продуцирует поощряемую модель взросления для девочек. Однако мальчик в определенный момент должен оставить эту сферу влияния, чтобы «переродиться» и дистанцироваться от матери. Чем более фундаментальным полагается в той или иной культуре различие мужского и женского, тем резче, травматичнее и драматичнее происходит этот отрыв. «Именно это и является одной из целей посвящения в мужчины: жестоко разорвать любящие материнские объятья» [Там же. С. 119].

2. *Я не имею ничего общего с женщинами и с женским миром*. На данном этапе мальчик должен покинуть женское общество, в котором «мамки» и «няньки» «заражали» его своей женственностью в течение первых лет жизни. Ребенок приобщается к мужскому сообществу. Как отмечает Э. Бадентэр, «эта смена социального и психологического статуса похожа на эмиграцию из одной страны в другую. Причем приемная родина имеет язык, нравы и политику, совершенно противоположные языку, нравам и политике страны происхождения» [Там же. С. 120]. Будь это мужской дом, мужская половина дома, школа-интернат, наставник-ментор, наставник-эраст или сплоченная компания ровесников, мальчик должен испытывать гомосоциальное влияние мужского сообщества в течение длительного времени, до тех пор, пока не настанет время вернуться в мир женщин уже не на правах младенца, но с полной властью мужа и отца семейства. Таким образом, мужская инициация – не кратковременная «церемония», но довольно длительный процесс «переселения» в мужскую страну. Так «в племени Баруйя нужно десять лет сексуальной сегрегации, четыре церемонии, разделенные многими годами, чтобы разлучить мальчика с матерью, оторвать его от мира женщин и подготовить его к новой встрече с женщинами во время свадьбы» [Там же].

3. *Я демонстрирую неопровержимые публичные доказательства своей мужественности*. На этом этапе мальчик проходит ряд испытаний, чаще всего

связанных с физической выносливостью. Он должен публично продемонстрировать презрение к боли и тем самым явственно доказать свое превосходство над слабыми и изнеженными женщинами. «Надрезы кожи, обрезание подростка, надрез пениса, особенно у австралийских аборигенов, порка до крови, нанесение ран на различные части тела. Чтобы стать мужчиной, нужно пролить кровь. Для мальчика – это повод показать всем свою храбрость, иногда невосприимчивость к боли и всегда свое презрение к смерти» [Там же. С. 120, 121]. Посредством этой драматичной демонстрации сущностная трансформация юноши становится явной, осязаемой, очевидной. Бездна, разделяющая мать и с нею и в ней всех женщин, с одной стороны, и молодого мужчину – с другой, преодолена раз и навсегда, к бывшему единству нет и не будет возврата.

Как видим, главное, что приносится в жертву на пути становления мужчины, – единение с женским, и прежде всего, с самым близким, а значит, самым опасным, ставящим под вопрос, нивелирующим – материнским. Квинтэссенция этих архаических ритуалов, дошедших до нас в своей более скрытой и изящной форме, выражается в знаменитой формуле, режущей слух каждого мужчины, к которому она хотя бы гипотетически может быть применена: «маменькин сынок». Мужчина, не сумевший вовремя «порвать» священные узы, мужчина, который не мужчина… Благодаря различным техникам омужествления происходит легитимация истинной маскулинности в качестве необходимой социальной нормы, так называемого императива мужественности. Одновременно с этим легитимируется и поддерживается гендерная поляризация, невидимо разделяющая общество на две фундаментальные и взаимодополняющие сферы. Знаменитый американский романист и публицист Флойд Делл так характеризует данную сегрегацию уже в культуре XX в.: «Когда вы держите женщину в заточении и платите за это арендную плату, то ее отношение к вам незаметно меняется. Исчезает прекрасное волнение демократии, уходит товарищество, поскольку оно возможно только в условиях демократии. У вас больше нет совместной жизни – она распалась на части. Одна половина – готовка, стирка, дети; вторая – работа, политика, бейсбол. Неважно, чья половина хуже. Любая из них оказывается ущербной» [5. С. 412]. Другими словами, посредством многочисленных ритуалов инициации формируется гендерное противостояние, которое, в свою очередь, будучи натурализовано, рассматривается в дальнейшем как эссенциальное основание необходимости подобных ритуалов.

Жесткие ритуалы посвящения в архаических обществах постепенно трансформируются в менее демонстративные (происходящие не на глазах всего общества), но не менее драматичные по существу испытания в культурах Нового времени и современности. Российский социолог Игорь Семенович Кон останавливается на трех значимых примерах подобных инициаций: английская, французская и русская мужские школы.

Классическая английская аристократическая школа, будучи обязательным этапом в становлении благородного англичанина, заключала в себе не только получение знаний, но и жесткие и жестокие уроки насилия и субординации в замкнутом мужском коллективе. Как отмечает И.С. Кон, публичная порка являлась самым приемлемым способом наказания в английских элитных школах, причем подвергались ей не только мальчики в нежном возрасте (8–10 лет), но и вполне развитые юноши (17–18 лет). Можно себе представить, насколько унизительным и трагичным могло быть это испытание для молодого человека. Боль и отчаяние, культивируемые со стороны руководства, дополнялись еще более жестокими способами саморегуляции в мальчишеском коллективе: сексуальное, психическое и физическое насилие со стороны старших по отношению к младшим, сильных по отношению к слабым, успешных по отношению к менее удачливым являлось непременным атрибутом школьной системы. В среде уже зрелых мужчин вспоминать о своих юношеских испытаниях и унижениях было не принято. Более того, сплоченность, возникающая у юношей на фоне этой жесткой практики становления, являлась дополнительным условием охранения «мужского секрета» от мужчин низкого происхождения и, главное, от женщин, на которых необходимость подобного рода испытаний по понятным причинам не распространялась [6. С. 145–167]. Подобная ситуация имела место и во французских коллежах [Там же. С. 167–180]. В дореволюционной России традиция отдавать детей на воспитание в публичные училища возникла в XVIII в. При Екатерине II был разработан педагогический проект, в рамках которого образовались мужские и женские воспитательные училища, где ради «обретения добродетели» детей изолировали от семьи с 5–6 до 18–20 лет. Параллельно развиваются военные училища, где мальчики должны были проводить не менее 15 лет своей жизни. Замкнутая гомосоциальная среда с необходимостью воспроизводила закономерности мужского / мальчишеского коллектива, характерные для более традиционных школ Западной Европы. Полная зависимость от наставников продуцировала непонимание и постоянное противостояние между обучающими и обучаемыми. В среде обучающихся, в свою очередь, существовало четкое разделение на угнетаемых и угнетателей. В этой иерархии насилие над «новенькими», младшими, слабыми было необходимой составляющей коллективного существования. В процессе омужествления, таким образом, каждому мальчику необходимо было пройти через репрессивную машину, которая одних закаляла и настраивала на борьбу и самоутверждение во взрослой жизни, а других подавляла и «одаривала» тяжелыми воспоминаниями на всю оставшуюся жизнь [Там же. С. 181–245].

Таким образом, эталон маскулинности обнаруживает свое влияние в той или иной степени насилия, характерной для различных моделей мужской социализации. При этом сохраняются два главных условия омужествления: 1. Оно происходит в субординированном мужском коллективе (по вертикали – посредством взрослых мужчин, по горизонтали – посредством ровесников). 2. Основной его задачей выступает дистанцирование от всего не мужского, т.е. преимущественно женского.

***

Встреча Мальчика и Мужчины, мальчишеского и мужского является необходимым этапом мужской социализации. Эта таинственная встреча, затрагивающая обнаженный нерв цивилизации, ориентированной на «настоящую мужественность» как эталон человечности, чаще всего связана с болезненным переживанием физического, морального или, в отдельных случаях, сексуального насилия. Эта репрессия императива мужественности, «поедающего на своем пути все и вся», происходит и переживается тем более травматично, чем бóльшая дистанция полагается в той или иной культуре между мужским и женским. И, наоборот, чем более естественным поляризованным полагается гендерное различие, тем более жестокими являются ритуалы посвящения.

Осознавая культурную обусловленность эталона маскулинности, современные исследователи «мужского вопроса» озадачены поиском путей преодоления этого императива в сторону культивирования разнообразных моделей маскулинности, разнообразных маскулинностей, которые могли бы формироваться вне модели жесткого бинарного противостояния мужского и женского и допускали бы большую вариативность в понимании мужского, а значит, и в его становлении. Подобная трансформация могла бы понизить общий градус насилия в культуре, поскольку насилие, как было показано выше, является неотъемлемым условием становления гегемонной маскулинности. И если эта маскулинность является культурно обусловленным идолом андроцентричной цивилизации, то, следовательно, она может и должна быть подвижной.

Мальчик продолжает нуждаться в Мужчине. Возможно ли, чтобы их встреча обогащала, но не травмировала, адаптировала, но не насиловала? Это возможно, если Мужчина, признав условность своей социальной роли, осознает свою собственную нужду в Мальчике, необходимость деятельной эмоциональной вовлеченности в его жизнь. «Каток и скрипка» – пример такой встречи. Эта установка раскрывает совершенно уникальную перспективу так остро стоящей в современном мире проблемы отцовства и не менее острой в нашей стране проблемы мужчины-педагога. «Настало время, – утверждает Элизабет Бадентэр, – чтобы мужчины поняли, что плата за соответствие мужскому идеалу очень высока и что мужественность станет менее опасной для здоровья только тогда, когда ее перестанут рассматривать как противоположность женственности. Необходимо срочно прививать мальчикам другой образец мужественности, в котором есть место признанию уязвимости… Сегодня, вынужденные распрощаться с обликом патриарха, мужчины должны создать нового отца и новую мужественность. Женщины, затаив дыхание, с нежностью наблюдают за этими мутантами» [1. С. 230, 299].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадентэр Э.* Мужская сущность / пер. с фр. И.Ю. Крупичевой, Е.Б. Шевченко. М. : Новости, 1995. 304 с.
2. *Гилмор Дэвид Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности : пер. с англ. ; Ин-т соц. и гендер. политики. М. : РОССПЭН, 2005. 259 с.
3. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
4. *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В.В. Федорина. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. 400 с.
5. *Киммел М.* Гендерное общество : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2006. 464 с.
6. *Кон И.С.* Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2009. 1406 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 июля 2014 г.

BOY VS. MAN: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF MALE SOCIALIZATION

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 61-68. DOI: 10.17223/15617793/387/10

Khitruk Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: masculinity; femininity; male socialization; initiation of boys; militancy; competition; violence.

This article analyzes the problem of male socialization. On the one hand, the content and social meaning of "true" masculinity based on the work of David Gilmore "Formation of masculinity: cultural concepts of masculinity" are explicated. On the other hand, the main elements of the traditional model of the initiation of boys are defined. It is concluded that the concept of masculinity is culturally conditioned and there is a need for its transformation in the modern world in the direction of greater variability, less aggressiveness, less distance from the feminine. D. Gilmore's study substantiates the following important statements: 1. Masculinity as a social standard and imperative is inherent in most cultures, in these cultures it performs an important role, is regarded as an elusive but essential goal. 2. Achieving masculinity is through distancing from all the unmanly (women's and children's) usually carried out in the course of adult male initiation. 3. Availability and degree of aggressiveness of the male standard is closely associated with favorable natural and economic conditions in which a culture operates. 4. Masculinity standard is a cultural construct with an aim of continuation and preservation of the human race. In the absence of fierce competition, sexual insistence, the cult of physical strength and stamina, these problems are difficult to achieve, as evidenced by examples of small nationalities of the Semai and the Tahitians. 5. Masculinity imperative contrary to the popular belief develops the features of selflessness, generosity, sacrifice in male representatives rather than selfishness and indifference. The concept of "authentic" masculinity is conceptualized in androcentric cultures in the context of social standardization, "calling for" male individuals to prove their manhood, achieving and demonstrating certain socially important attributes of masculinity. Thus, since masculinity is not detected in the culture as something natural, but is created by following the imperative of masculinity, it can be argued that one of the main characteristics of the concept of masculinity is becoming a man. Despite the variety of techniques known to become a man, they all share some common features. E. Badenter formulates them in the context of the three fundamental stages of male initiation. 1. I – do not have anything in common with my mother. 2. I – do not have anything to do with women and women's world. 3. I demonstrate overwhelming public evidence

of my masculinity. Thus, the main thing that is sacrificed on the way to becoming a man is a union with women and, above all, with the closest and therefore most dangerous, doubting and leveling – with mothers.

REFERENCES

1. Badenter E. *Muzhskaya sushchnost'* [Men's essence]. Translated from French by I.Yu. Krupicheva, E.B. Shevchenko. Moscow: Novosti Publ., 1995. 304 p.
2. Gilmore D.D. *Stanovlenie muzhestvennosti: kul'turnye kontsepty maskulinnosti* [Formation of masculinity: cultural concepts of masculinity]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. 259 p.
3. Bem S. *Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Lenses of gender: transforming the views on the problem of gender inequality]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004. 336 p.
4. Licht G. *Seksual'naya zhizn' v Drevney Gretsii* [Sexual life in Ancient Greece]. Translated from English. By V.V. Fedorin. Moscow: KRON-PRESS Publ., 1995. 400 p.
5. Kimmel M. *Gendernoe obshchestvo* [Gender society]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2006. 464 p.
6. Kon I.S. *Mal'chik – otets muzhchiny* [Boy – the father of a man]. Moscow: Vremya Publ., 2009. 1406 p.

Received: 26 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 69–74 DOI: 10.17223/15617793/387/11

УДК 371.1.07

И.А. Эннс

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ «ОБУЧАЮЩЕГОСЯ РЕГИОНА»

Анализируются дискуссионные вопросы концепции «обучающегося региона». Концепция «обучающегося региона» тематизируется в контексте «новой экономической географии» («экономики знаний»), а именно таких эволюционных стратегий регионального развития, как промышленные округа, экономические кластеры, инновационные среды и сети. В статье представлен сравнительный анализ и критика данных программ, выявлены их проблемные моменты.

Ключевые слова: общество знания; обучающийся регион; экономика знания; образовательный процесс; философия образования.

Актуализация интереса к проблемам «обучающегося региона» в современном социогуманитарном дискурсе связана с переходом от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. Главным источником и ресурсом развития выступает уже не промышленность, как это было в индустриальную эпоху, а знания и инновации, которые оказывают решающее влияние на все сферы человеческой жизни, что позволяет говорить о возникновении нового типа социальности – «общества знания» – и нового типа экономики – «экономики знания». Знание и способность к обучению становятся необходимым условием существования и фактором конкурентоспособности в «экономике знания». Определяющими тенденциями развития «общества знания» являются, с одной стороны, глобализация, выражающаяся в унификации культурных, социально-экономических, правовых норм и ценностей, мобильности рынка труда и капитала, с другой стороны, индивидуализация, которая, напротив, предполагает стремление к сохранению своей автономии (экономической, политической, религиозной и т.п.) и культурной идентичности как на уровне отдельной личности, так и на уровне регионов и национальных государств. В этой ситуации ключевой темой становится вопрос о стратегиях регионального развития, которые позволят региону эффективным образом вписаться в контекст глобального мира и стать реальным субъектом экономического, политического и культурного действия.

Возрастающее значение знаний и инноваций в эпоху информационных и коммуникационных технологий нашло свое выражение и в области теории экономического развития. В этом отношении большое значение имеют теоретические подходы, которые рассматривают сети, обучающиеся регионы, кластеры и промышленные области как региональные инновационные модели, в основе которых лежит идея пространственной дифференциации: именно пространственная близость выступает основой агломерации и важным фактором экономического развития. Пространственное измерение экономики становится центральным фокусом современных социально-экономических исследований, идея локальной детерминированности социально-экономических процессов явно тематизирована в работах П. Кругмана, с именем которого главным образом связывают возникновение новой экономической географии [1].

Выделенные в рамках новой экономической географии модели инновационного регионального развития делят на две группы: модели, в основе которых лежит идея сетей как новой формы организации производства, и модели, основанные на идее знания как исходного ресурса развития. Конститутивной идеей для моделей первого типа является идея близости. Пространственная и социальная близость между субъектами действия способствует более интенсивному обмену знаниями и предстает как необходимое условие инновационных процессов. К моделям первого типа относят концепции промышленных областей, специализированных экономических кластеров и инновационных сред. Центральная идея для моделей второго типа – это идея «обучающейся экономики», экономики, основанной на знаниях, где экономическая эффективность непосредственно связывается со способностью к обучению, соответственно, особое внимание уделяется созданию как самой инфраструктуры знания, так и социальной и политической инфраструктуры, которая должна обеспечивать поддержку инноваций и обучения на всех уровнях. К моделям второго типа относят концепцию «обучающегося региона». При этом сама концепция возникает как результат эволюции и определенного синтеза моделей первой группы [2], следовательно, анализ концепции «обучающегося региона», выявление проблемных моментов данной концепции предполагают рассмотрение концепции промышленных областей, экономических кластеров и инновационных сред, которые являются ее теоретическими источниками.

Теоретическую основу концепции промышленных областей составляет эволюционная экономическая модель Альфреда Маршалла, а именно его теория промышленной области и идея «промышленной атмосферы». Для Маршалла принципиальным является пространственное измерение промышленного развития (которое как раз и выразилось в понятии промышленной области) и социокультурной обусловленности экономических отношений в промышленных областях (которое концептуализировалось в понятии «промышленной атмосферы»). Понятие промышленной области Маршалла оформилось на основании эмпирических исследований конкретных форм производства, сложившихся в Англии в конце IX в. (производство текстиля и измерительных приборов в Шеффилде и Золингене) [3], отличительными признаками которых являются: во-первых, преобладание малых и средних предприятий как основных форм производства; во-вторых, высокий уровень специализации производства и разделения труда (как в конкретных

сегментах рынка, так и на отдельных этапах производства); в-третьих, производство небольших партий товара (ориентация на индивидуальные спецификации клиента, в отличие от массового производства). Такая «региональная» форма организации экономических отношений способствовала формированию системы постоянного обмена и взаимодействия не только между компаниями, но и между компаниями и поставщиками, компаниями и потребителями и приводила к созданию специализированного регионального рынка труда. Пространственная агломерация специализированных поставщиков товаров и услуг формирует то, что Маршалл называет «промышленной атмосферой» (совокупность опыта, знаний, навыков, технологий, традиций и другие социально-культурные, институциональные факторы, влияющие на процесс производства). Неоспоримыми преимуществами пространственной агломерации и «промышленной атмосферы» являются, с точки зрения Маршалла, способность быстро адаптироваться к изменяющимся потребностям конечного потребителя и, как следствие, высокая конкурентоспособность таких предприятий на рынке. Промышленные области характеризуются высокой степенью интеграции всех экономических субъектов на уровне региона. Увеличение размера компании и объема производства ведет, как показали исследования Маршалла, к уменьшению уровня интеграции на уровне промышленной области. Возникновение массового производства и увеличение вертикальной интеграции привели к фундаментальным изменениям промышленных областей. В качестве современного примера промышленной области можно привести «третью Италию» (область на северо-западе Италии, объединяющая в единую сеть предприятия Генуи, Милана и Турина, характерно доминирование средних компаний, специализирующихся на производстве текстиля, одежды, мебели, керамики, обуви и т.п) [4], экономический успех которой позволяет говорить об актуальности теоретической концепции Маршалла.

К существенным признакам «промышленной области», таким образом, можно отнести следующие: 1) географическая локализация социально-экономических процессов, «промышленная область» – это социально-экономическая единица, локализованная в определенных географических границах; 2) наличие эффективной региональной сети узкоспециализированных мелких и средних предприятий, действующих в одном и том же сегменте рынка; 3) готовность всех региональных субъектов действия к сотрудничеству и взаимному обмену информацией; 4) позитивная бизнес-динамика в регионе, которая выражается в создании новых предприятий; 5) наличие высококвалифицированной рабочей силы, готовой к сотрудничеству; 6) гибкая организация производства на уровне предприятия, открытость к инновациям; 7) наличие политической воли, т.е. местные органы власти, которые активно поддерживают процесс регионального развития; 8) наличие региональной идентичности и культуры, которая задает общий горизонт действия и содействует укреплению уровня доверия между региональными субъектами. Особые требования в контексте промышленной области предъявляются и к предприятиям, которые должны быть не только укоренены в общей среде (региональной культуре), но и быть высокотехнологическими производствами, с высоким уровнем межпроизводственного разделения труда, прямо или косвенно ориентированными на один и тот же рынок, предлагать широкий ассортимент выпускаемой продукции для дифференцированных региональных рынков, быстро реагировать на конъюнктуру потребительского спроса. В конечном итоге «промышленные области» определяются как «локальные системы производства смежных отраслей, которые в результате идентичной ориентации на рынке и своей пространственной близости могут осуществлять общую экономическую политику, т.е. использовать преимущества локализации» [5. С. 189].

Концепция «промышленных областей» сталкивается с рядом проблем. Прежде всего это касается статуса самой концепции «промышленных областей». Что она собой представляет – теоретическую модель, позволяющую объяснять развитие регионов и влиять на региональную и инновационную политику (например, в целях содействия развитию региона), или просто эмпирическое описание наблюдаемых процессов развития в конкретных районах? Критики концепции «промышленных областей» в качестве претензии пеняют на дефицит эмпирических примеров и указывают на тот факт, что во всем мире существует незначительное количество производственных систем, в которых доминирующими являются малые предприятия (такие как, например, третья Италия). Кроме того, в исследовательской литературе представлена масса примеров регионов, позиционированных как промышленные районы, которые в действительности не соответствуют характеристикам промышленных областей. Концепция «промышленных областей» применима для объяснения преимущественно производства нишевых продуктов и соответственно определенных отраслей производства и связанных с ними районов (текстильная промышленность – третья Италия). С точки зрения формы организации производства «промышленные области» являются скорее исключением из правил [6]. Основная проблема концепции «промышленных областей» и, соответственно, главный пункт критики – это применимость (перенос) такого теоретического подхода к другим регионам. Существует целый ряд причин, не позволяющих переносить концепцию «промышленной области» на другие регионы: во-первых, в исследовательской литературе нет адекватного объяснения условий возникновения «промышленных областей», неясно, какие факторы являются определяющими для развития «промышленных областей», напротив, в каждом регионе имеем разные исходные условия, которые предстают как констелляция уникальных событий; во-вторых, отсутствие точного определения понятия локальной ориентации или региональной интеграции, являющегося конститутивным для определения понятия промышленных областей. Не совсем понятно, «промышленная область» как региональная система замкнута и имеет четко очерченные границы или это относительно открытая система с подвижными гра-

ницами. С одной стороны, промышленные области определяются как локальные системы с четкими географическими границами, собственно успех «промышленных областей» объясняется как результат внешней изоляции. Явный недостаток такого понимания «промышленной области» – отсутствие открытости, которая, в сущности, характеризует успешные и конкурентоспособные производственные системы, как следствие – риск стагнации производства и возможность структурного экономического кризиса в промышленных районах. С другой стороны, например, разделение труда, являющееся неотъемлемой характеристикой промышленной области, не ограничивается одной отраслью, а часто предполагает вовлечение широкого спектр различных отраслей, которые могут быть расположены за пределом региона, и, следовательно, предполагает понятие «промышленной области» как производственной системы, относительно замкнутой, с подвижными границами. Таким образом, критерии, предложенные концепцией «промышленных областей» для их идентификации, характеризуют известные конкретные примеры, но с большим трудом позволяют специфицировать ранее неизвестные регионы как «промышленные области».

Критика концепции «промышленных областей» инициировала дальнейшее развитие этой программы, привела к переосмыслению понятия промышленной области в концепции «технологической области» (М. Сторпер) и интерпретации промышленной области как обучающегося региона (Флорида). Основные тенденции развития современной глобальной экономики, по мнению Сторпера, – возрастающая специализация рынка производства и труда и непрерывные технологические изменения – предъявляют новые требования к форме организации производства. «Технологическая область» представлена им как форма организации процесса производства, отвечающая требованиям глобальной экономики, которая ориентирована на технологическое обучение (овладение инновациями и использование их в процессе производства), а формой организации как производства, так и обучения является сеть [7]. Ключевыми для Сторпера становятся понятия технологической инновации и сети, а программа «технологической области» содержательно тесно взаимосвязана с концепцией инновационных сред.

Концепция инновационных сред возникла в середине 80-х гг. прошлого века и связана с исследованиями школы GREMI (европейская группа по изучению инновационной среды), которая определяла среду, прежде всего, как пространственную форму производства. Данная концепция, в отличие от программы «промышленных областей», исходит из идеи инновации, которая интерпретируется как социальное действие. Социальная природа инновации – центральная идея данного подхода. Инновация – это интерактивный процесс обмена имплицитными и эксплицитными знаниями, информацией, в результате которого на рынок выводится новый продукт или улучшается процесс производства. Инновация рассматривается как результат коллективного динамичного процесса обучения различных региональных субъектов, взаимодействие которых приводит к созданию социально-культурной сети. Все это способствует региональной интеграции (созданию межотраслевых связей на уровне региона). Сеть, таким образом, выступает способом существования среды, сеть и среда в концепции «инновационных сред» тесно взаимосвязаны. Среда рассматривается как комплекс, включающий в себя в качестве составных элементов человеческий капитал, систему сложившихся взаимосвязей между субъектами, а также существующий общий культурный, психологический и политический фон. В этом отношении среда непосредственным образом влияет на инновационную деятельность, на ее качество и характер, а значит, инновационный процесс имеет явно выраженное локальное измерение, т.е. является географическим процессом.

Среда возникает в результате взаимодействия, а именно сотрудничества и взаимного обучения преимущественно малых и средних предприятий, рынка труда, политиков и различных социально-культурных учреждений и институтов образования. В инновационную она превращается в том случае, если взаимодействие между субъектами приводит к коллективным процессам обучения и возникновению нового знания и инноваций. Инновационная среда, с точки зрения Л. Шетцель, это «комплексная территориальная система формальных и неформальных сетей, в которых манифестируются системы экономических и технологических взаимосвязей, способная инициировать инновационные процессы» [3]. В качестве примера инновационной среды можно указать на технологический регион Аахен в Германии (высокий уровень развития научно-исследовательских институтов и учебных учреждений, Рейнско-Вестфальский технический институт как центр инноваций) и Бангладор в Индии (своеобразная «силиконовая долина» Индии как результат интеграции филиалов высокотехнологичных зарубежных компаний с местными университетами) [8]. Регион как социально-экономическое пространство имеет решающее значение для инноваций. Пространственная близость усиливает эффективность передачи эксплицитных и, что более важно, имплицитных знаний (навыков, различных ноу-хау), снижает уровень издержек при различного рода трансакциях, способствует укреплению социальных связей и уровня доверия между субъектами в регионе, что приводит к улучшению инвестиционного климата.

К существенным признакам «инновационной среды», таким образом, относят: локальность, т.е инновационная среда – это локальная единица, имеющая четкие географические границы с однородным поведением интегрированных в нее субъектов действия; наличие сетей, т.е. системы взаимодействия между субъектами институализированные в виде формальных, неформальных и социальных сетей; общность цели, сотрудничество субъектов, интегрированные в среду, имеет своей целью развитие инноваций; динамичность знаний, т.е. образовательные процессы, которые расширяют и совершенствуют способности субъекта к инновациям; региональная идентичность, т.е. наличие консенсуса относительно целей экономической политики и путей развития, ценностей, образов будущего и т.п. Именно данные критерии высту-

пают основанием для идентификации региона в качестве инновационной среды.

Проблемы, которые возникают в рамках концепции «инновационных сред», во многом аналогичны проблемам, с которыми столкнулся подход «промышленных областей». Прежде всего, проблематичным является само определение понятия «инновационные среды», а именно предложенные в данном подходе критерии его идентификации. Критерии «инновационных сред» были сформулированы в результате анализа эмпирических исследований школы GREMI, которые не являются репрезентативными, поскольку они рассматривали только высокотехнологические и городские регионы. Это, соответственно, создает проблемы в случае аппликации этих критериев к эмпирическому опыту. Например, критерий локальности вызывает большие затруднения пространственной демаркации инновационной среды. Определить границы среды не всегда удается. Среда всегда локальна, ведь знания географически локализованы, но должна ли среда всегда быть ограничена регионом? Также возникает вопрос о соотношении различных сред, могут ли они, к примеру, накладываться друг на друга? Наличие слишком тесной системы социально-экономических, культурных и административных связей в рамках среды может иметь и негативные последствия. Вовлеченность в региональный контекст может привести к закрытости (эффект Lock-In) и изоляции среды, в то время как в долгосрочной перспективе в условиях экономики знания конкурентоспособность региона определяется способностью региональных субъектов интегрироваться в национальную или глобальную инновационную сеть, умением использовать внешний потенциал для развития инновационной региональной среды. Проблему составляют и квантификация неформальных контактов и их воздействия как на участников сети, так и на саму сеть. Эксплицитное знание, неформальные взаимодействия играют важную роль при конституировании инновационной среды и в то же время с трудом поддаются учету и регистрации.

Так же как и программе промышленных областей, концепции инновационных сред ставят на вид дефицит эмпирических примеров, лишь немногие регионы удовлетворяют описанию, предложенному в данной концепции, и имеют типичные характеристики инновационных сред. Дефицит компаративных исследований инновационных сред делает проблематичным не только прояснение самого феномена инновационной среды, но и определение общих условий их возникновения. Опыт инновационной среды, связанный с определенным географическим регионом, в силу своей уникальности (невозможность кодифицировать эксплицитное знание, неформальные связи) ограничивает возможности ее переноса на другие регионы. Программа инновационных сред в силу этого представляет собой не модель регионального развития, а скорее описание конкретной политики при уже существующей среде.

Концепция «обучающегося региона» возникла в середине 90-х гг. прошлого века на основе таких теоретических концепций региональных форм сотрудничества, как промышленные области, технологические области и инновационные среды и сети. Центральная идея данного подхода – знание и способность к обучению – рассматривается как основной ресурс развития и источник экономического роста региона. Знание, его «способность аккумулироваться в едином социокультурном пространстве… становится главным механизмом агломерации, а обучающийся регион можно охарактеризовать как непрерывный процесс интеграции всех региональных подсистем и институтов на основе взаимного обучения» [2. С. 81]. Ориентация на распространение знания и обучение как фундаментальная характеристика обучающегося региона требует определенных условий для своей реализации. Регион – это, прежде всего, среда с соответствующей инфраструктурой, призванная поддерживать процессы обучения и распространения инноваций. Флорида в качестве необходимых условий, способствующих трансферту знаний, выделяет следующие типы инфраструктуры: производственная инфраструктура (связанные в единую сеть предприятия, производящие товары и услуги), обеспечивающая основанные на доверии отношения производителей, поставщиков и покупателей; рынок труда и социальная инфраструктура, которая обеспечивает предприятия высококвалифицированной рабочей силой, ориентированной на командное взаимодействие, содействует развитию обучения на протяжении всей жизни; материальная и коммуникационная инфраструктура (инфраструктура связи) обеспечивает электронный обмен данными и информацией, коммуникацию региональных субъектов действия друг с другом, своевременную доставку товаров и услуг, а также интеграцию в глобальные сети; финансовая инфраструктура – система распределения капитала, ориентированная на потребности наукоемких предприятий; экономическая система управления производством – писанные и неписанные правила, регулирующие отношения между различными региональными субъектами [9].

Различие между регионами определяется их инфраструктурой. Так, Флорида большое внимание уделяет анализу различия между обучающимся регионом и регионом с массовым производством. Критериями сравнения выступают инфраструктура, способ организации производства и основания конкурентоспособности. Обучающийся регион представляет собой систему производства, базирующуюся на знании, где источником конкурентного преимущества выступают производство и постоянное совершенствование знания, а система производства предполагает синтез инноваций и производства, в отличии от регионов с массовым производством где источником преимущества на рынке являются физический труд и природные ресурсы. Обучающийся регион предполагает не национально, а глобально ориентированную материальную и коммуникационную инфраструктуру, высокий уровень человеческого капитала, сетевую форму организации производства и управления. Наглядный пример дает Германия, где обучающиеся регионы объединены в рамках федеральной программы «Обучающийся город – содействие созданию сетей» и на сегодняшний день насчитывают более 72 регионов [10].

Субъектами обучающегося региона выступают наукоемкие компании из сферы производства и сферы услуг, институты технологической инфраструктуры, главные функции которых заключаются в обеспечении управления и развития знания, организации и поддержке процессов обучения, расширении взаимодействий между фирмами и обеспечении экспертизы. Реализация этих функций является необходимым условием создания и поддержки обучающихся регионов.

Главным предметом дискуссий в рамках данной концепции является аналитический статус самого понятия «обучающийся регион». Встает вопрос о субъекте обучения. Данное понятие предполагает, что уровнем анализа здесь выступает регион. Однако речь идет об экономической эффективности и способе производственной организации компаний, а не региона, происходит идентификация обучающегося региона с обучающимся предприятием, а это значит, что уровнем анализа в концепции выступают предприятия и различные организации, а отнюдь не регион. Регион понимается как среда, поддерживающая обучение и трансферт знаний, следовательно, речь идет не столько об обучающемся регионе, сколько о процессах обучения, которые инициируются на уровне региона и являются аналитическим фокусом данного понятия. Вызывает дискуссию вопрос о размерах обучающихся регионов. Насколько большим может или должен быть обучающийся регион? Должен ли он быть ограничен административными или географическими границами, исторически сложившимися культурными связями? Требуется ли лимитирование количества субъектов, вовлеченных в процесс обучения? Можем ли мы, допустим, говорить об обучающемся регионе, если только две или три компании осуществляют трансферт знаний и технологий, ведь не все компании в равной степени интегрированы в процесс сетевого обучения и в равной степени извлекают из этого выгоду? Понятие «регион» не содержит по этому поводу никаких указаний. Неоднозначную оценку имеет и пространственная близость региональных субъектов. Наряду с неоспоримыми преимуществами (высокая интенсивность трансферта эксплицитных и имплицитных знаний в процессе обучения, создание общей базы знаний) она может стать и источником проблем. Во-первых, регионально обусловленные процессы обучения могут способствовать развитию замкнутости обучающегося сообщества и невосприимчивости к внешним источникам знания и информации. Во-вторых, пространственная близость не исключает значимость экзогенных факторов: компании, ориентированные на мировой рынок, чтобы иметь возможность адекватно реагировать и быстро адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры, должны пользоваться всеми возможными источниками знания, в том числе внешними. Кроме того, в большинстве случаев компании имеют партнеров и за пределами своего региона, т.е. пользуются надрегиональными ресурсами знаний. Пожалуй, самый важный вопрос – возможность применения концепции обучающихся регионов на практике. Неоспоримым преимуществом данного подхода по отношению к рассмотренным выше концепциям является его открытость. Безусловно, не каждый регион удовлетворяет критериям обучающегося региона, но концепция «обучающихся регионов» является действенной стратегией инновационного регионального развития, которая может быть адаптирована к условиям каждого конкретного региона. Кроме того, подход может быть применен также на национальном уровне, как модель развития национальной экономики знания, целью которой является обучающееся сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krugman P., Venables A.J.* The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. MIT Press, 1999. 367 p.
2. *Найман Е.А.* Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 81–91.
3. *Schätzel L.* Wirtschaftsgeographie 1 – Theorie. Schöningh Verlag Paderborn, 2003. S. 230.
4. *Bathelt H.* Regionales Wachstum in vernetzten Strukturen: Konzeptioneller Überblick und kriti-sche Bewertung des Phänomens «Drittes Italien» // Die Erde. 1998. Heft 129. S. 247–271.
5. *Koschatzky K.* Räumliche Aspekte im Innovationsprozess – Ein Beitrag zur neuen Wirtschafts-geographie aus Sicht der Innovationsforschung. LIT-Verlag Münster, 2001. S. 186–208.
6. *Bathelt H., Glücker J.* Wirtschaftsgeographie, Ökonomische Beziehungen in räumlicher Perspektive. (Economic Geography. Economic Relations in Spatial Perspective). 3rd, Completely Restructured Wdition. Stuttgar : UTB-Ulmert, 2011. S. 240.
7. *Storper M.* The regional World: Territorial Development in Global Economy. N.Y. : The Guilford Press, 1997. 361 p.
8. *Fromhold-Eisebith M.* Das „kreative Milieu“ – nur theoretisches Konzept oder Instrument der Regionalentwicklung // Raumforschung und Raumordnung. 1999. Jg. 57, Heft 2/3. S. 168–175.
9. *Florida R.* Toward the Learning Region // Futures. 1995. № 27. P. 527–536.
10. *Hassink R.* Die Bedeutung der lernenden Region für die regionale Innovationsförderund // Geographische Zeitschrift. 1997. Jg. 85, Heft 2+3. S. 159–173.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 23 марта 2014 г.

DISCUSSION QUESTIONS OF THE CONCEPT "LEARNING REGION"

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 69-74. DOI: 10.17223/15617793/387/11

Enns Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irnns609@yandex.ru

Keywords: knowledge society; learning region; economy of knowledge; educational process; philosophy of education.

Actualization of interest in problems of "learning region" in the contemporary socio- humanitarian discourse is associated with the transition from an industrial to a postindustrial information society. The main source and resource of development is no longer the industry as it used to be in the industrial age, but knowledge and innovation which have a decisive influence on all spheres of human life, which suggests the emergence of a new type of sociality, "knowledge society", and a new type of economy, "knowledge economy". Determining trends in the development of "knowledge societies" are, on the one hand, globalization expressed in the unification

of cultural, socio-economic, legal norms and values, market mobility of labor and capital, on the other hand, individualization which, on the contrary, suggests desire to preserve one's autonomy (economic, political, religious, etc.) and cultural identity, both at the individual and at the regional and national state levels. In this situation, the key theme is the question of regional development strategies that enable the region to effectively fit into the context of the global world and become a real subject of economic, political and cultural activities. This article analyzes the controversial questions of the concept "learning region". The concept of the "learning region" is thematised in the context of the "new economic geography" ("knowledge economy"), namely in the evolution of regional development strategies, such as industrial districts, economic clusters, innovative environment and networks. The article presents a comparative analysis and critique of these programs, their problem areas are identified. The models of innovative regional development allocated under the new economic geography are divided into two groups: models based on the idea of networks as a new form of organization of production, and models based on the idea of knowledge as a source resource of development. A constitutive idea for the model of the first type is the idea of proximity. Social and spatial proximity between actors promotes more intensive exchange of knowledge and appears a necessary condition for innovation processes. Models of the first type include concepts of industrial areas, specialized economic clusters and innovative environments. The central idea for models of the second type is the idea of "learning economy", knowledge-based economy, where economic efficiency is directly linked with the ability to learn, respectively, the emphasis is on building both the infrastructure of knowledge and social and political infrastructure that should support innovation and training at all levels. The second type of models includes the concept of the "learning region". At the same time this concept occurs as a result of evolution and certain synthesis of models of the first group.

REFERENCES

1. Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. MIT Press, 1999. 367 p.
2. Nyman E.A. Formation of the concept of "learning region" in western science *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2013, no. 1 (9), pp. 81-91. (In Russian).
3. Schätzel L. *Wirtschaftsgeographie 1 – Theorie*. Schöningh Verlag Paderborn, 2003.
4. Bathelt H. Regionales Wachstum in vernetzten Strukturen: Konzeptioneller Überblick und kriti-sche Bewertung des Phänomens "Drittes Italien". *Die Erde*, 1998, Heft 129, pp. 247-271.
5. Koschatzky K. *Räumliche Aspekte im Innovationsprozess – Ein Beitrag zur neuen Wirtschafts-geographie aus Sicht der Innovationsforschung*. LIT-Verlag Münster, 2001, pp. 186-208.
6. Bathelt H., Glücker J. *Wirtschaftsgeographie, Ökonomische Beziehungen in räumlicher Perspektive*. (Economic Geography. Economic Relations in Spatial Perspective). 3rd, Completely Restructured Edition. Stuttgar: UTB-Ulmert, 2011.
7. Storper M. *The regional World: Territorial Development in Global Economy*. New York: The Guilford Press, 1997. 361 p.
8. Fromhold-Eisebith M. Das "kreative Milieu" – nur theoretisches Konzept oder Instrument der Regionalentwicklung. *Raumforschung und Raumordnung*, 1999, Jg. 57, Heft 2/3, pp. 168-175.
9. Florida R. Toward the Learning Region. *Futures*, 1995, no. 27, pp. 527-536.
10. Hassink R. Die Bedeutung der lernenden Region für die regionale Innovationsförderund. *Geographische Zeitschrift*, 1997, Jg. 85, Heft 2+3, pp. 159-173.

Received: 23 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 75–83 DOI: 10.17223/15617793/387/12

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

С.С. Березовская

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Реконструируется динамический процесс развития Культурного героя. В модусе метафизики он проходит путь от эмпирического типа рациональности (Трикстер) к оформленной теоретичности (Конкистадор). Постметафизическая культурная парадигма представлена преимущественно Трикстером. Полученная типология позволяет выявить инвариантное содержание категории «Культурный герой»: на любом этапе он является объективной идеограммой, воплощающей самые тенденциозные возможности умственной жизни человека.

Ключевые слова: Культурный герой; Трикстер; Конкистадор; Разум; миф; метафизика; постметафизика.

Тезаурус культуры богат разного рода терминами, и среди них можно выделить понятие «Культурный герой» как живое и доказательное свидетельство «второй природы» человека. И действительно, Культурный герой – это неотъемлемый участник искусственных, т.е. теоретических миров. Однако эта теоретичность наращивается и закрепляется за Культурным героем постепенно. В связи с этим отметим, что первоначально Культурный герой реализует себя в сфере мифологии.

Миф, как известно, ещё только учится мыслить рационально, поэтому он работает по преимуществу с эмпирическим материалом, не посягая на сложные теоретические обобщения. «Суть мифологического мышления состоит в том, чтобы выражать себя с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но всё же ограниченного… ибо ничего другого нет под руками. Таким образом, мышление оказывается чем-то вроде интеллектуального бриколажа» [1. С. 127]. Культурный герой в таком случае предстаёт в роли бриколёра – «это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства…» [Там же]. В условиях мифологической ситуации (профанное время и т.д.) Культурный герой совершает акты творения и добычи благ, столь необходимых человечеству; им создаются новые ценности; при его активном посредстве устанавливается и поддерживается миропорядок. Е.М. Мелетинский конкретизирует сферы влияния Культурных героев, отмечая, что они «создают современный рельеф местности, чередование прилива и отлива, времён года, добывают солнце, месяц и звезды, приносят огонь и пресную воду, предназначают в пищу человеку те или иные растения, животных, обучают человека различным приёмам охоты, ремёслам, изобретают орудия труда…» [2. С. 25]. Такого рода событиями насыщены космогонические, этиологические и ряд других мифов (близнечные, например). С учётом изложенного трудно удержаться от предположения, что Культурный герой – это персонаж мифологического нарратива; существо с очень активным социальным инстинктом и выраженной креативностью. При этом отдельные исследователи упоминают о териоморфизме Культурного героя, а также отмечают плутовское начало в нём. Впрочем, все эти «изъяны» по большей части характеризуют именно Культурного героя – Трикстера.

Возникновение Трикстера в традиционной культуре напрямую связано с пробуждением человеческой сознательности. Однако человек ещё блуждает во тьме мышления, вследствие чего не личностное сознание, но именно коллективное бессознательное продуцирует примарные (архетипальные) мыслительные образы, в том числе Трикстера. Данный архетип активно разрабатывается К.-Г. Юнгом, так что вполне можно довольствоваться юнговской трактовкой, гласящей, что «коллективная персонификация, каковую представляет собой Трикстер, является продуктом совокупности индивидуумов и принимается каждым человеком как нечто знакомое» [3. С. 273]. Атмосфера коллегиальности, в которой формируется Трикстер, накладывает на него отпечаток противоречивости. Весьма показательна в этом отношении уже «трикстерная» внешность – как правило, она предполагает взаимоисключающие морфологические признаки. Любопытно, что нуминозная сущность Трикстера приемлет звериный облик – так, например, широко известны трикстеры в обличье Койота, Норки, Кролика и др. При этом уже Юнг обращает внимание и всячески подчёркивает, что Трикстер «не ровня животному ввиду своей чрезвычайной неуклюжести и отсутствия инстинктов» [Там же. С. 347]. Видимо, поэтому герой русского фольклора – Медведь – очень часто наделяется эпитетом «косолапый» (проявление неуклюжести), или же он и вовсе обладает человеческим именем, как, например, Михаил Иванович из сказки «Три медведя» (намёк на отсутствие инстинктуальной программы).

Териаморфные черты в облике Трикстера зачастую синкретически едины с антропоморфными, по крайней мере их комбинация прослеживается в образе египетского Сета, скандинавского Локи и т.д. Это связано с тем, что «пра-логическое мышление является синтетическим по своей сущности… синтезы, из которых оно состоит, не предполагают предварительных анализов» [4. С. 72]. Таким образом, можно сделать вывод о физической неполноценности Трикстера. Его телесность подобна «дикой фантасмагории» [5. С. 198], сам он обращается с ней неумело, подилетантски, как бы дословно воплощая поэтическую строфу О.Э. Мандельштама: «Дано мне тело. Что мне делать с ним?» Это убеждение усиливается, стоит задаться вопросом о половой принадлежности Трикс-

тера. Зачастую его пол невозможно определить, что является своего рода выражением органической эластичности. Достаточно вспомнить скандинавского Локи – обернувшись кобылой, он рождает восьминогого коня Слейпнира. Не менее ярким примером в этом плане служит Вакджункага, который меняет свой пол и вступает в брак с сыном вождя, а непосредственно перед этим «женовидный» Вакджункага трижды беременеет. Стало быть, пол Трикстера ситуативен, причём Трикстер всегда меняет его на выгодных для себя условиях. Более того, половая траверсия обслуживает, по большому счёту, две потребности Трикстера, а именно голод и совокупление. Свидетельств тому немало: так, Ворон повсеместно предстаёт как «великий едок» [Там же]. В статье «Структура сказочного трюка» [6] Е.С. Новик выделяет по меньшей мере восемь уловок, которые использует Ворон для того, чтобы добраться до еды: среди них коварный совет, подстрекательство, раздразнивание, мнимое родство и т.д. Ко всему прочему Ворон подвержен любострастию – у него много жён, что отнюдь не мешает ему совершать блудодейство. Любая женщина на его пути – это объект для соблазна. Однако этот «злой» ёрник заслуживает снисхождения, ведь, по наблюдению фольклориста В.Я. Проппа, «победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка нисколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута» [7. С. 81].

Прозвание Трикстера «шутом» отнюдь не случайно, более того, это один из главных его предикатов. Убедительным примером в этом плане может послужить нордический Трикстер Локи (Лофт). В его арсенале немало смехотворных поступков: это и полёт в соколином оперении, и спор с карликом, разменной монетой в котором становится не что-нибудь, а голова Локи. Озорство Лофта не знает границ – оно небезобидно даже для него самого, не говоря уже о других асах, которые часто не разделяют его весёлости, что вызывает у них желание наказать или даже «убить пересмешника». Представляется возможным вспомнить «Перебранку» на пиру у Эгира, где «непрошеный гость» Локи выступает с едкой сатирой на богов: Один упрекается им в несправедливости, Тор и Браги высмеиваются за трусость, богини Фригг, Фрейя и другие – за распутство и т.д. Вероятно, меньше всего в обличительных речах Локи присутствует нравоучительный пафос. Собственно, его моральный облик также небезупречен (Локи умыкает сокровища у карлика Андвари, убивает Фимафенга и соучаствует в убийстве Бальдра и т.д.). Однако, несмотря на то что на счету Локи имеются в чём-то более тяжкие проступки, нежели у других асов, он дерзостно сталкивает последних. При этом создаётся устойчивое впечатление, будто он получает неподдельное удовольствие от самого процесса «перебранки».

Стараниями Трикстера ритуальный мир пошатнулся, но так ли это плохо? К.-Г. Юнг, виднейший теоретик архетипа Трикстера, высказывает на этот счёт следующие соображения: «...конфликт порождает огонь, огонь аффектов и эмоций, и как всякий другой огонь, он сжигает и одновременно даёт свет» [3. С. 234]. Это позволяет увидеть в учинённой смутьяном Локи «перебранке» особый смысл, заключающийся в символическом обновлении. С помощью «карнавально-перевёртывающего смеха» [8] Локи нивелирует у богов ощущение собственной значимости, ведь «излишне серьёзное отношение к себе – как шлагбаум на пути мага и воина; без его уничтожения невозможно движение вперёд» [9]. Соответственно, Трикстер выступает раздражителем; неподконтрольной, стихийной и всё-таки движущей силой изменений: провоцируя конфликт, он вызывает ответную реакцию, которая может обернуться для культуры созиданием. Однако важно подчеркнуть, что сам Трикстер не ставит перед собой подобных задач – ему чуждо целеполагание. Отсюда другое прозвание Трикстера (помимо «шута») – «дурак». Сам он не слишком противится этому ярлыку. Тот же Вакджункага, сетуя на собственную глупость, воздаёт себе должное словами: «Вот поэтому-то люди и прозвали меня Вакджункага, Глупец!.. И они, конечно же, правы» [5. С. 193].

Неразумие Трикстера отчётливо проявляется в тех ситуациях, когда он выступает с инициативой создания некоего творения. Нужно признать, что продукт творческой (ремесленной) деятельности Трикстера за редким исключением имеет вид порчи. В качестве примера можно привести африканского Обаталу: вылепив из глины первую партию людей, он решает отпраздновать это пальмовым вином. Когда же захмелевший Обатала возвращается к работе, то из-под его дрожащих рук выходят изувеченные фигуры. Этот и другие подобные факты приглашают понять, что Трикстер воплощает собой «не-разум», он, как и вообще древнее мышление, пралогичен. Отсутствие логики можно обнаружить в поведении ребёнка, и Трикстера как раз принято ассоциировать с последним. Подобно ребёнку, «Трикстер творит свой собственный мир, пусть и неумело, то есть больше портит, чем создаёт… он мотивирован на познание и накопление опыта» [10. С. 7]. Трикстер – эмпирик, а если ему и случается решать абстрактные задачи, то он делает это «окольными», нерациональными путями. В то же время вместе с Трикстером и на нём человек учится Разуму, школит его. Неудивительно, что по достижении человеческим сознанием более высокого уровня активизируется принципиально новый тип Культурного героя, которого – по причинам, ещё требующим объяснения, – условимся называть Конкистадором. При этом важно понимать, что Трикстер никуда не исчезает, а просто отходит на второй план, сознавая необходимость рокировки.

Итак, начиная с Античности Культурный герой – Конкистадор – «дизайнерски и конструкторски» создаётся человеческим Разумом. Заметим, что термин «конкистадор» не следует трактовать буквально (завоеватель, покоряющий Новый Свет), хотя в нём определённо содержится аллюзия на воинственность, жажду приключений, наживы и славы у Культурного героя, его гуманные в своей основе стремления. Однако прозвание Культурного героя Конкистадором – это в первую очередь метафорический приём, призванный подчеркнуть властную силу законодательного Разума – его репрезентирует Конкистадор. В отли-

чие от Трикстера, который «наделяет человечество благами бессознательно и не в первую очередь» [5. С. 138], Конкистадор осознанно стремится подарить людям жизнь на лучших началах. Эту установку наглядно иллюстрирует Прометей – поистине гениальный цивилизатор, идущий ради своих протеже на обман самого Зевса. Необходимо признать, что этот пример показателен во многих отношениях: во-первых, он даёт представление об основных мотивах, которыми руководствуется Конкистадор в своей деятельности, – им движет человеколюбие и жажда справедливости. Неслучайно Эсхил вкладывает в уста Прометея следующие слова: «Меры не знал я, смертных любя» [11. С. 26]. В другом месте Прометей говорит о Зевсе, пеняя на его жестокость: «…человечьим племенем // Несчастным пренебрёг он. Истребить людей // Хотел он даже, чтобы новый род растить. // Никто, кроме меня, тому противиться // Не стал. А я посмел…» [Там же. С. 25].

Итак, Конкистадор не робеет перед лицом власти, и такая бескомпромиссность имеет для него самые трагические последствия. В этом смысле мучения, которые вынужден терпеть Прометей, закономерны. Однако Конкистадор тем и отличается от Трикстера, что ему знаком стратегический расчёт, словом, он всегда осознаёт все риски. Что касается Прометея, то он расписывается в своей прозорливости словами: «...прекрасно знал, что делаю // И людям помогая, сам на пытку шёл…» [Там же]. И всё же нельзя не отметить, что акт хищения огня Прометеем выдаёт в нём определённое сходство с Трикстером. Это говорит о том, что образ Трикстера обладает высокой степенью вирулентности. Фигуры Трикстера и Конкистадора соотносятся в мифах несколькими способами: либо у солидного Культурного героя в определённый момент проявляются «трикстерские» повадки (обман, кража и т.п., правда, во имя благородной цели), либо же Трикстер выступает побратимом (дуалом) Конкистадора. В таком случае Конкистадор является положительно серьёзным персонажем, он служит причиной всего правильного и прекрасного, в то время как Трикстеру инкриминируются злые, лишённые смысла поступки. В данной связи на ум снова приходит Прометей – мифологическое предание гласит, что у него есть брат-близнец Эпиметей. Уже имя каждого из братьев нарицательное: так, «Прометей» означает «мыслящий прежде», «предвидящий». Это его своеобразие не может не броситься в глаза: мудрый титан – единственный, кто знает о жребии Зевса, и острая потребность громовержца в этой информации лишь подтверждает тот факт, что мудрость Прометея превосходит зевсову, не говоря уже о «мыслящем после» Эпиметее. Согласно мифу, изложенному софистом Протагором в одноимённом платоновском диалоге, боги приказывают Прометею и Эпиметею довершить творение смертных. Однако скудоумный Эпиметей принимается за дело один и опрометчиво распределяет все способности между животными, в то время как человеческий род остаётся «наг и не обут, без ложа и без оружия» [12. С. 129]. Прометей же, в свою очередь, исправляет оплошность брата, снабжая людей «искрой огнеродной» (Эсхил). Итак, Конкистадор со всей очевидностью выполняет компенсаторные функции по отношению к Трикстеру и всегда включается в цепь событий, завидев беду или опасность, к возникновению которой причастен заведомо неумный Трикстер. По мысли Ю.В. Чернявской, «дело Культурного героя – систематизация, категоризация и сакрализация явлений Универсума с учётом изменений, привнесённых Трикстером» [13. С. 44].

Другой не менее яркий пример кровного побратимства Конкистадора и Трикстера являют скандинавские боги Один и Локи. Первый из них приходится отцом всем асам и людям. Неслучайно по отношению к Одину употребляется кённинг «Всеотец» (Альфёдр). В «Младшей Эдде» об Одине говорится: «...видел он все миры и все дела людские, и была ему ведома суть всего видимого» [14. С. 304]. К сказанному следует добавить, что Один отличается деятельным любомудрием и на пути к знанию не останавливается ни перед чем, даже готов пожертвовать собственной телесностью: в одном случае он отдаёт око великану Мимиру в обмен на возможность утолить жажду знания из источника мудрости; в другом случае Один пронзает себе грудь копьём и пригвождает самого себя к священному ясеню Иггдрасиль. Это мучительное самоистязание в конечном счёте обернётся для Одина мистическим прозрением – перед ним появляются рунические знаки. Собственно, значение данного открытия Один описывает следующим образом: «Стал созревать я // И знанья множить, // расти, процветая; // слово от слова // слово рождало, // дело от дела // дело рождало» [Там же. С. 30]. В дальнейшем Один не только научится чтению, письму и изготовлению рун, но и приобщит к этому искусству всех асов, ванов, альвов, цвергов и людей. Конечно, Одина можно и нужно классифицировать как Конкистадора – в мифах он рисуется храбрым воителем и судьёй, мудрецом и вещуном, просветителем и жертвователем. С ним резко контрастирует Локи – в эддических текстах он наделяется множеством кённингов (среди них «кузнец бед», «коварный ас», «наветчик и обманщик богов» и т.п.). Нетрудно заметить, что в мифологии Локи выглядит лицом второстепенным по сравнению с таким гигантом Мысли, как Один – обычно Локи выступает в роли оператора, исполнителя разного рода дел, не гнушается и «грязной» работы. Более того, всю черновую работу Один как раз делегирует Локи (строительство Асгарда, добыча Брисингамен и т.д.). То есть Конкистадору хватает ума в нужный момент отойти в тень событий, выставив вместо себя «дублёра». По сути, Трикстер проводит своеобразную рекогносцировку на местности, прежде чем в дело вступает Конкистадор. И даже в ситуациях открытой конфронтации с последним Трикстер не иначе как проверяет претензии Конкистадора на Силу и Власть (то самое умаление чувства значимости у Героя).

Таким образом, можно составить адекватное представление о новой тенденции в культуре (античная классика и Средневековье): в это время к слабоумному Трикстеру как бы приставлен степенный Конкистадор. В соответствии с общей логикой развития культуры Трикстер как бы объявляется persona non grata. В то же

время Конкистадор, со свойственной ему мудростью, предпочитает действовать по принципу divide et impera («разделяй и властвуй»). Как правило, Конкистадор участвует в творении Мира или препятствует его порче, а что касается Трикстера, то он по мере своих сил и возможностей тоже участвует в Творении, но делает это неэффективно, что называется, начерно. В отдельных случаях Трикстер откровенно портит только что созданный Конкистадором мир. Впрочем, «изъян и у доброго сыщешь» [Там же. С. 29], ведь тот же Конкистадор подчас действует с бесцеремонностью, достойной Трикстера. Достаточно вспомнить ситуации с похищением огня Прометеем или мёда поэзии – Одином. Тем не менее в первом случае это делается из любви к людям, а во втором – из любви к мудрости. И то и другое по-своему реабилитирует Конкистадора.

Интересно, что «червоточина» в Одине присутствует уже на физическом уровне – «владыка асов “тёмен” на один глаз» [15. С. 25]. Среди других его примет – длинная борода, копьё Гунгнир, золотое кольцо Драупнир и восьминогий конь Слейпнир. Здесь нужно обратить особое внимание на то, что Конкистадор всегда «выступает в ауре причастных его сущности предметов и неотделим от них» [16. С. 138]. Выходит, оружие, одежда, лошади и т.п. – всё это не просто декоративные аксессуары, но вещи, указывающие на прошлые заслуги и будущие свершения Конкистадора. Так, например, среди канонических атрибутов Геракла можно упомянуть плащ из шкуры киферонского льва, лук и стрелы, отравленные ядом лернейской гидры, и т.д. Однако, несмотря на определённые различия в атрибутивном арсенале того или иного Конкистадора, нельзя не заметить некоторую клишированность этого образа. По сравнению с Трикстером, который всегда уникален, Конкистадор – герой «дистиллированный», т.е. практически лишённый индивидуальности. Неслучайно в контексте греческой мифологии сущность Конкистадора, как правило, детерминируется посредством таких качеств, как «красота», «сила», «ловкость», «мужество», «смелость» и т.п. Не останавливаясь на полученных выводах, обратимся к конкретным примерам. В книге Н. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» приводится следующее описание Тесея: «...никто не мог сравниться с ним ни в силе, ни в ловкости, ни в умении владеть оружием… Прекрасен был Тесей: высокий, стройный, с ясным взглядом прекрасных глаз…» [17. С. 89]. О другом не менее ярком герое говорится: «Не было равного Ясону в ловкости, силе, храбрости, а красотой он был равен небожителям» [Там же. С. 104]. Насколько можно судить, внешняя фактура у героев «конкистадорского» типа одна и та же – меняются только имена. Выходит, что вся сложность и непосредственность индивидуального существования сглаживается и как бы исчезает. Здесь сказывается то обстоятельство, что Культурный герой – Конкистадор в греческом мире несёт на себе отпечаток сильного Разума, находя в нём стимул и санкцию. Мир открывается эллинам в Истине, но вместе с тем он неизбежно формализуется, подвергается интеллектуальной редукции, ведь Истина логически красива во многом потому что проста.

Любопытно, что шаблонность Конкистадора проявляется даже в том, что касается его генеалогии – в контексте греческой мифологии это непременно потомок от союза божества и смертного человека (Персей – сын Зевса и Данаи; Ахилл – сын Пелея и Фетиды и т.д.). От божественного родителя Конкистадор наследует «силы необъятные», но, будучи богом лишь наполовину, он чисто по-человечески уязвим (феномен «Ахиллесовой пяты»). По большому счёту, жизнь любого Конкистадора в Античности разворачивается в соответствии с одним и тем же сценарием – он совершает подвиги, «очищает землю и море от чудовищ и зла» [Там же. С. 80], а затем умирает по вине роковой случайности. Последняя кажется мелочью, если принять во внимание силовой потенциал Конкистадора, а также то, что он находится под эгидой богов. Тем не менее Геракл погибает, надев отравленную плащаницу, а доблестный Ясон испускает дух под обломками «Арго». Вероятно, самым серьёзным противником Конкистадора выступает сама Судьба. Вот почему Герой либо наделён даром ясновидения, как Прометей, что также говорит в пользу нарастающей интеллектуализации Культурного героя, либо же на пути Конкистадора встречается некто, открывающий грядущее. Пожалуй, здесь и проявляется истинно героический характер Конкистадора – он не пытается избежать предначертанного, но проявляет резиньяцию. Как бы то ни было, античный Культурный герой пребывает во власти Рока: он относительно инертен (совершая подвиги, Конкистадор, как правило, находится в долгу перед каким-либо богом); его жизнь лишена интриги (никакие превентивные меры не помогают ему избежать предначертанного). Что же касается Средних веков, то здесь «наш» Конкистадор становится гораздо более самостоятельным. Это проявляется в том, что он передвигается в пространстве по своему произволу, попутно испытывая себя и Судьбу. Данный мотив прослеживается в эпической поэме «Беовульф», герой которой по своему почину приходит на помощь данам – он сражается с чудовищным Гренделем и его матерью, и уже находясь в преклонном возрасте, вступает в смертоносную схватку с драконом. Нужно сказать, что «влечение к Смерти» у Конкистадора – это своего рода проявление доверия к Судьбе, которая «от смерти того спасает, кто сам бесстрашен!» [18. С. 54]. Вместе с тем «только со смертью он достигает завершённости и только слава останется после него. Но в этом “только” – всё: слава – главная ценность в героической этике» [16. С. 142]. Предельно ясно высказывается на этот счёт «мудромыслый» Беовульф: «Каждого смертного // ждёт кончина! // Пусть же, кто может, // вживе заслужит // вечную славу! // Ибо для воина // лучшая плата – // память достойная!» [18. С. 60]. Налицо мотив личной выгоды: Конкистадор потому и вступает в конфликт с окружающей действительностью, что по определению честолюбив и к тому же одержим неуёмной жаждой приключений. Несомненно, особое конструктивное значение для понимания этой особенности Конкистадора имеет рыцарский роман, зародившийся в период зрелого Средневековья.

В своём базовом варианте рыцарь, как и эпический герой, довольно зауряден – он обладает стандартным

набором признаков (благородное происхождение, внешняя привлекательность, учтивость и т.д.) и снабжён специальными атрибутами (именной клинок, доспехи и прочее). Однако в отличие от эпического героя, с которым всё время что-то «приключается» (в большинстве случаев независимо от его воли), настоящий рыцарь не только «не станет избегать приключений, которые ему выпадают» [19. С. 110], но, в первую очередь, он ведёт перманентный и вполне осознанный их поиск. Вообще нужно отметить, что именно приключения являются узловыми моментами героической биографии, благодаря им личность Конкистадора обретает видимость объёма. Отправной точкой, своеобразным поводом для приключения становится абстрактная цель, которую рыцарь намечает для себя, а именно отыскать то, чего найти нельзя, или одолеть того, кого одолеть трудно (невозможно). Вместе с тем «законы рыцарского приключения требуют внимания ко всему происходящему» [Там же. С. 145], поэтому по пути к заветной цели шевалье охотно принимается за выполнение других, более «будничных» задач, необходимых для поддержания status quo. Он сражается с себе подобными на турнирах, как легендарный Король Артур, воюет с неверными, как Роланд, истребляет великанов, как Тристан и т.д. В сущности, средневековый Конкистадор преуспевает во всех этих мероприятиях благодаря двум факторам: во-первых, «особая скорость, которая маркируется конём» [20], а во-вторых, исключительное расположение к нему Судьбы. Говоря о первом аспекте, нельзя не отметить, что в отличие от Античности, где Конкистадор прочно идентифицируется с «пешеходом» или мореплавателем, в Средневековье преобладает трактовка Конкистадора в качестве всадника. Впрочем, даже в этом случае Конкистадор на удивление статичен: меняется антураж, на фоне которого он действует, меняются антагонисты, которых он побеждает, но каждый раз, как бы далеко ни уходил Конкистадор, он триумфально возвращается к родным пенатам, к своей Прекрасной Даме, правда, собравшись с силами, рыцарь оставляет семейный очаг и «хорошую, удобную жену» [19] ради очередной авантюры.

Что же касается второго аспекта (благосклонность Судьбы), то он кодируется целым комплексом сюжетов, где Конкистадор обладает преференциями при доступе к значимым социальным ресурсам или получает своевременную помощь, оказавшись в сложной ситуации. Для удобопонятности обратимся к фигуре достославного Короля Артура: он чудесным образом извлекает меч из камня, а впоследствии ему достаётся «рубящий сталь» Эскалибур. Немаловажно и то, что «правой рукой» Артура является Мэрилин – чародей, который помогает ему взойти на престол, а главное, удержаться у власти, он же отбирает для Артура полсотни рыцарей, достойных восседать за Круглым Столом, и, наконец, Мэрилин спасает своего протеже в сражении с королём Пелинором. Собственно, «Король Артур неоднократно убеждался в полезности советов Мэрилина, а посему завёл себе привычку спрашивать его мнения по разнообразным вопросам – в военных и государственных делах, а также во всём, что касается личной жизни» [Там же. С. 57]. Однако, несмотря на то, что Мэрилин даёт Артуру действительно мудрые наставления, сам волшебник признаётся, что у него «в извечной борьбе между умом и чувствами всегда побеждают последние» [Там же. С. 72], что и изобличает в нём Трикстера. На самом деле, в артурианском цикле Мэрилин по большей части рисуется хитрым сладострастным старцем, который радуется всякий раз, когда ему удаётся очередная проделка. Таким образом, и здесь, в рамках высокого Средневековья, можно наблюдать тандем Конкистадор – Трикстер, ведь Мэрилин – это типичный Трикстер, задача которого заключается в комментировании действий Конкистадора (Короля Артура). Выходит, трикстерский мотив может продлиться достаточно долго, и даже высшие уровни цивилизации отмечены его присутствием. На самом деле это говорит об отсутствии единственного типа рациональности, а следовательно, единого способа построения Культурного героя. Всегда существует «вторая линия», а именно линия «подозрения» к Разуму. Таким образом, в первой, генеральной (рациональной) линии формируется Конкистадор, во второй же, где Разум «подозревается», – Трикстер. Однако в Новое время предпринимается «великое заточение неразумия» [21], которое олицетворяет собой Трикстер, что неудивительно, учитывая прокламируемые нововременной культурой установки (вера во всемогущество Разума и абсолютная проницаемость мира для последнего). Только Трикстера невозможно «препарировать» – слишком непредсказуема его натура; это образ случайности, неподконтрольной Разуму. Невместимость Трикстера в новую картину мира объясняется его нерассудительностью и непрактичностью, ведь если его действия и приводят к чему-то разумному, то чаще всего в результате ошибки или же в самый последний момент. Вот почему в Новое время «титульной» фигурой становится Конкистадор – он безраздельно и безальтернативно господствует в культуре.

Конкистадор «второй волны» заметно отличается от своих предтеч (античный и средневековый Конкистадоры). Дело в том, что эскалация мышления провоцирует развитие у Конкистадора обострённого самосознания. Это выражается в том, что, зачастую имея практически всё: образование, богатство, титул, любовь, Конкистадор, как существо непрерывно рефлексирующее и потому требовательное, находит свой образ жизни неудовлетворительным. «Мой ум обладает странной наклонностью размышлять обо всём, что со мной случается, даже о малейших происшествиях, и подыскивать для них своего рода логическое и моральное основание», – отмечает Октав, герой элегического романа «Исповедь сына века» [22. С. 17]. Проблема в том, что рано или поздно Конкистадор констатирует отсутствие в своей жизни логики и морали, как это делает, например, Чайльд-Гарольд: «…в расцвете жизненного мая, // Заговорило пресыщенье в нём, // Болезнь ума и сердце роковая, // И показалось мерзким всё кругом» [23. С. 34]. Как известно, та же участь (разочарование в жизни, утрата интереса к ней) постигает петербургского сибарита Евгения Онегина.

Одинокий и непонятый, Конкистадор принимается за поиск новых стимулов к существованию. Как пра-

вило, он ищет пищу для размышления под небом чужих стран, как Чайльд-Гарольд или Александр Чацкий, либо уединяется в сельской местности, подобно Октаву или Онегину и т.д. Судя по всему, тяга к путешествиям не покидает Конкистадора и в Новое время, правда, теперь его занимают другие вещи, нежели военные кампании. Его воинственность, скорее номинальна, хотя Конкистадор имеет определённый опыт и в этой сфере (служба в армии, дуэли). И всё же в Новое время Конкистадор настроен по большей части пацифистски. Воистину бесчисленны примеры, в которых даёт о себе знать пренебрежение Конкистадора к войне и к славе. Это в корне меняет бытовавшее в Античности и в Средние века представление о Конкистадоре как о разящем, карающем Герое, который в погоне за славой несёт людям «добро с пудовыми кулаками». Определённо, в эпоху Нового времени Конкистадор слагает с себя ряд полномочий и осваивает новые поведенческие модусы. Он отдаёт предпочтение словесным баталиям и по-настоящему проявляет себя именно в них, тем более что к этому располагает его особое красноречие и развитый чтением ум. В таком случае нельзя не упомянуть о начитанности Григория Печорина, который демонстрирует блестящее знание античной мифологии, Священного Писания, русской и зарубежной классики, о чём свидетельствуют многочисленные цитаты из произведений Т. Тассо, Д. Дефо, В. Скотта и т.д. – с их помощью Печорин метко характеризует разные жизненные ситуации.

Разумеется, познания нововременного Конкистадора не ограничиваются одной лишь литературой – как настоящий энциклопедист, он выказывает интерес к наукам. Конкистадор нередко проявляет склонность к философии (Чацкий – «вольтерьянец» и славянофил) или же к естественным наукам (Базаров – доктор, интересующийся химией, экспериментальной физикой, ботаникой), он говорит на многих языках и к тому же, исповедует претенциозные идеи наподобие франкмасонства (Пьер Безухов) или нигилизма (Евгений Базаров). Стало быть, в Новое время Конкистадор заметно преуспевает на интеллектуальном поприще. Он начинает с самопознания, а затем обращается к постижению природы и социума. Успехи Разума западноевропейского Конкистадора закрепляются в социально-утопических проектах, направленных на государственное переустройство или усовершенствование политического режима. Идеи, высказанные Т. Кампанелла, Дж. Вико, А. Сен-Симоном, Н.Г. Чернышевским, суть проекты, построенные конкистадорской рациональной силой и благородством души. Между тем рассудочный энтузиазм Конкистадора, его приверженность сциентизму имеют и негативную сторону. В этом можно убедиться, проследив эволюцию взглядов Конкистадора на Природу, ведь если Чайльд-Гарольд «вписан» в Природу, находит в ней отдохновение, посвящает ей панегирики: «Природа-мать, тебе подобных нет, // ты жизнь творишь, ты создаёшь светила» [23. С. 76], то немногим позже Евгений Базаров демонстрирует чисто потребительское отношение к Природе, противопоставляя себя ей: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [24. С. 53]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что именно в Новое время складываются предпосылки к образованию глубокого всеохватного культурного кризиса, разразившегося «после метафизики». В то же время закономерно признание постклассики в качестве особого интеллектуального мира, а посему вопрос идентификации Культурного героя как субъекта постметафизической реальности стоит достаточно остро.

Переключение с метафизической парадигмы на постметафизику является красноречивым свидетельством логического разлома, вследствие которого «рухнули строительные леса рационалистического утопизма… Открылись бездны иррациональности рационализма и мифологичности разума» [25. С. 153]. Из этих «бездн» хлынули на поверхность «сонмы трикстерят» [13] в диапазоне от барона Мюнхгаузена до капитана Врунгеля, от бравого солдата Швейка до Ходжи Насреддина, от Незнайки до Карлсона. В каждом из этих героев присутствуют определённые качества, которые позволяют увидеть в них «реинкарнированного» мифологического Трикстера. К этим качествам следует отнести приверженность трюкам, комизм, лиминальность и т.д.

Существенно, что комизм, как и прежде, пронизывает всё существо Трикстера, уже одна только внешность которого смехотворна. Анализируя творчество В.М. Шукшина на наличие в нём трикстеров, Н.В. Ковтун приводит следующее описание типичного «советского» Трикстера: «Перед нами ряженый, голову которого, вместо дурацкого колпака, часто украшает шляпа. Кроме шляпы в арсенале ряженых оказываются заграничный костюм, плащ, мундир или шуба, чемодан, символизирующие предназначенность дороге» [26. С. 135]. Следует также обратить внимание на бутафорский характер всех этих вещей (нелепый костюм, мундир с чужого плеча, безразмерная шляпа). Трикстер использует эти предметы в обиходе с тем, чтобы выдать себя за другого, казаться умнее, возможно, ведь та же шляпа долгое время считалась верным признаком интеллигента. Таким образом, Трикстер творит миф о самом себе и всячески его поддерживает. В связи с этим отметим, что биография Трикстера сугубо нарративна. Он весьма вольно обращается с фактами – вырывает их из контекста, выдаёт желаемое за действительное. М.М. Бахтин отмечает в связи с этим, что «плут, шут и дурак создают вокруг себя особые мирки, особые хронотопы… Это лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют» [27. С. 309].

Излюбленным приёмом Трикстера является апелляция к прошлому, которое также изрядно мифологизировано. В прошлом – полёт на пушечном ядре, путешествие по молочному морю на сырный остров и многие другие, явно вымышленные истории, рассказанные Мюнхгаузеном. В свою очередь, имя Трикстера также мифологизировано. Основанием для такого предположения служат разного рода псевдонимы, к которым охотно прибегают трикстеры. В частности, «великий комбинатор» Бендер представляется как Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей (Задунайский). Нужно признать, что тяга

к словесной эквилибристике в принципе характерна для Трикстера, чья способность изрекать остроумные силлогизмы прямо по ходу дела широко известна. Видимо, с этим обстоятельством связаны успехи современного Трикстера в сфере политики. В данном случае ярким примером может послужить Владимир Ильич Ленин. Рассматривая неканоническую лениниану, можно обнаружить немало признаков, которые выдают в вожде мирового пролетариата Трикстера. «Неказистость, рыжеватая бородка, картавость, резкие, порой вычурные жесты и знаменитая вечная кепка уводят образ Ленина больше в сторону рыжего клоуна» [28]. Как известно, Ленин берёт себе псевдоним, на создание которого, по одной из версий, его вдохновила возлюбленная (Елена Розмирович), по другой версии, он образован от названия реки Лены – в любом случае личность Ленина окутана фольклором.

Отдельного внимания заслуживает революционная деятельность Ленина – слово «переворот» (Октябрьский переворот) наиболее точно отражает суть этой деятельности, фиксируя преемственность Ленина в отношении мифологического Трикстера, тяготеющего к «изнаночности», переворачивающего культурные нормы «с ног на голову». Аналогичным образом поступает и Ленин – он подменяет старую, имперскую культуру новой, коммунистической. По сути, теперь Хаос предстаёт порядком. Однако результаты культуртрегерской деятельности Ленина позволяют записать его в ряды неудачливых демиургов – он как бы продолжает «эпиметеевскую» линию в мифологии, о чём свидетельствует недавнее крушение коммунизма. Наконец, нужно обратить внимание на такой нюанс, как язык Ленина: в нём научная серьёзность перемежается с почти площадной бранью. Эту тенденцию усугубляет другой, более современный Трикстер и антикоммунист – Владимир Вольфович Жириновский. Он «ловко примешивает к своему слабо структурированному потоку сознания фрагменты довольно разумных идей и взглядов… дразня откровенных дураков намёками на содержание и эпатируя соображающих ладной бессмыслицей» [29]. При этом речи Жириновского неизменно циничны. Подобный цинизм, с одной стороны, продиктован разочарованием в идеях Просвещения, а с другой – является специфическим средством выживания в изменчивой, энигматической модерности. Однако Жириновский – это «тот циник, который сумел превратить цинизм в самодостаточную игру, заслоняющую прагматику, конкретную выгоду, преследуемую героем» [30]. Ко всему прочему, политическую карьеру Владимир Вольфович сочетает с певческими опусами и участием в различных телешоу (типичное бриколёрство).

В целом действия Жириновского ставят под сомнение традиционно приписываемую политике серьёзность, нешуточность, элитарность, что делает его фигурой лиминальной.

Лиминальные персонажи всегда занимают гибкую, промежуточную позицию, положение «ни там, ни тут». Тот же Жириновский «по должности – жёсткий руководитель, в идеологическом отношении – записной спорщик; для окружающих – реалист, для себя – субъект, превыше всего ставящий наслаждения и удовольствия; по функциям – агент капитала, по намерениям – демократ…» [31. С. 139]. Не менее показательны в этом отношении: Юрий Деточкин (угонщик и благотворитель); Эдвард Сноуден (прилетев в Россию, он обосновывается в транзитной зоне) и др. Ко всему прочему, можно заметить, что Трикстер всегда находится в пути. Идиома «поколение новых кочевников» отчётливо фиксирует его мобильность. При этом стоит обратить внимание на «кривизну» той траектории, по которой двигается Трикстер. «Он всегда ищет в хаосе возможностей свой единственный шанс на необщих путях, а ими обычно оказываются такие пути, которые расцениваются общественным сознанием как неправильные, неэффективные» [32. С. 58]. По-своему убедителен пример Остапа Бендера – чтобы добраться до очередного стула, он заключает брак с Мадам Грицацуевой, и это в очередной раз позволяет засвидетельствовать иррациональность Трикстера. Однако, несмотря на все трикстерские пороки, среди которых цинизм (Фаина Раневская, Владимир Жириновский), непочтительность (анекдотический поручик Ржевский), невоздержанность (Карлсон – в еде, Бендер – в «денежных знаках» и т.д.), инфантилизм (Веничка Ерофеев «изучает» метафизику пьянства), современный Трикстер далеко не аутсайдер. Пожалуй, в этом и состоит главный смыслоразличительный критерий между архаическим Трикстером и модерновым. Прежде Трикстер был гоним за свои проделки, ему приходилось бороться за легитимность своего существования, ждать «урочного часа», но с наступлением посметафизической культуры он получает карт-бланш. Более того, теперь «Трикстер действует не только в поле мифа, но и за его пределами – в той социальной среде, которую использует сам миф» [5. С. 39]. И действительно, Разум в классике работает в соответствии с принципами трансцендентализма – этим объясняется неявленность Культурного героя в реальности – он присутствовал в ней исключительно на уровне абстракции. Однако в условиях современной культуры мы имеем дело с многочисленными эманациями Культурного героя. Именно поэтому в данной части статьи «литературные» трикстеры перемежаются (сознательно и преднамеренно) с трикстерами «из плоти и крови» – это делается для того, чтобы подчеркнуть тотальность Трикстера, его вездесущесть. Разумеется, «конкистадорская» линия также присутствует в современной культуре, но как бы «пунктирно». Налицо трикстерная доминанта, и даже процесс глобализации не в силах выровнять эту диспропорцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М. : Республика, 1994. 382 с.
2. *Мелетинский Е.М.* Культурный герой // Мифы народов мира. М. : Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2.

3. *Юнг К.-Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Москва ; Киев : Порт-Рояль ; Совершенство, 1997. 384 с.
4. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление: коллективные представления в сознании людей и их мистический характер. М. : Красанд, 2012. 337 с.
5. *Радин П.* Трикстер. Исследование мифов северо-американских индейцев. СПб. : Евразия, 1999. 286 с.
6. *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/novik5.htm, свободный.
7. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М. : Лабиринт, 1999. 285 с.
8. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1990. 541 с.
9. *Платов А.В.* Трикстер, или обратная сторона монеты. URL: http://pagan.ru/lib/books/history/0platow/platow08.php, свободный.
10. *Гаврилов Д.А.* Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М. : Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
11. *Эсхил.* Прометей прикованный. М. : Гослитиздат, 1956. 62 с.
12. *Платон.* Диалоги. М. : Академический проект, 2011. 366 с.
13. *Чернявская Ю.В.* Трикстер, или путешествие в хаос // Человек. 2004. № 3. С. 7–52.
14. *Скандинавский* эпос. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 858 с.
15. *Гаврилов Д.А.* Белбог против Чернобога. Один против Одина // Мифы и магия индоевропейцев, альм. 2002. Вып. 10. С. 23–35.
16. *Гуревич А.Я.* «Эдда» и сага // Избранные труды. М. : Традиция, 2009. 469 с.
17. *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. СПб. : Паритет, 2000. 445 с.
18. *Беовульф* // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. : Худ. лит., 1975. 752 с.
19. *Стейнбек Дж.* Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. М. : ЭКСМО, 2010. 512 с.
20. *Михайлин В.* Зверь как смерть. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/14m.html, свободный.
21. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1997. 573 с.
22. *Мюссе А. де.* Исповедь сына века. Калининград : Янтарный сказ, 1997. 272 с.
23. *Байрон Д.Г.* Паломничество Чайльд-Гарольда. Иркутск : Вост.-сиб. книж. изд-во, 1978. 190 с.
24. *Тургенев И.С.* Отцы и дети. М. : Просвещение, 1982. 143 с.
25. *Тульчинский Г.Л.* Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры танатоса: Искусство умирания. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. С. 152–168.
26. *Ковтун Н.В.* Богоборцы, фантазёры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учёба. 2011. № 1. С. 132–153.
27. *Бахтин М.М.* Функции плута, шута, дурака в романе // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. 500 с.
28. *Абрамян Л.* Ленин как Трикстер. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm, свободный.
29. *Дугин А.* Нужен ли России просвещённый национализм. URL: http://med.org.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=1182, свободный.
30. *Липовецкий М.* Трикстер и «закрытое» общество. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html, свободный.
31. *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 517 с.
32. *Топоров В.Н.* Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, 1988. 329 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 30 июля 2014 г.

A CULTURAL HERO: THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 75-83. DOI: 10.17223/15617793/387/12
Berezovskaya Sofya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofber@mail.ru
Keywords: cultural hero; Trickster; Conquistador; Mind; myth; metaphysics; postmetaphysics.

A cultural hero, as a part of artificial (theoretical) worlds, at first realizes itself in mythology as a Trickster. Being a collective personification, Trickster is controversial: a combination of human and animal features (Seth); gender variability (Loki); penchant to excesses (in food, sex, humor). Trickster is often called a "jester", but taunting something Trickster sets in motion the mechanisms of culture renewal. However, he does it unknowingly. From this point of view, Trickster is also a "fool". He impersonates pre-rational kind of thinking, but because of him a man learns the Mind. Conquistador is a new type of a culture hero and he was activated as soon as the human mind reached a higher level of development. Since the time of Antiquity, the human mind, as a designer and engineer, is creating him. Conquistador is smart, strong and handsome (Prometheus). Love for the human beings and a desire for justice are among the main directions of his activity. Adventures and fame are also taking an important place in Conquistador's value system. However, comparing to Trickster, who is always unique, Conquistador has almost no individuality. At the same time, up to the Enlightenment Trickster stays close to Conquistador, which demonstrates the absence of one way of the culture hero creation. There is always "the second line" (the line of "suspicion to the Mind"). Thus, Conquistador is created in the first, major (rational), line. Trickster is created in the second line – where the Mind is suspected. However, in the Enlightenment Trickster is discriminated. Conquistador successfully dominates in the culture. In contrast to forebears he has a different mental life, which is more extensive. Conquistador demonstrates a tendency to philosophy (Alexander Chatsky), speaks many languages, adheres pretentious ideas such as freemasonry (Pierre Bezukhov) or nihilism (Evgeny Bazarov). Different utopian projects of improvement of the state structure or political regime reflect the success of West European Conquistador's mind. Meanwhile, Conquistador's rational enthusiasm provokes the crisis that comes "after metaphysics". The culture hero – Trickster – is again being actualized at this moment. Munchausen, Svejk, Karlsson and other – all these heroes reveal their similarity with the mythological Trickster due to such qualities as humor, cynicism, liminality, irrationality. Notably, the modern Trickster realizes itself not only in the framework of the myth but beyond it (F. Ranevskaya, E. Snowden and V. Zhirinovsky). Herewith, the fact that Trickster exists quite legitimately and therefore totally in the context of metaphysical culture is the main distinctive criterion for the archaic and modern Trickster. Certainly, the "conquistador" line also presents in culture, but tricksters are in majority, and even globalization is unable to change this disproportion.

REFERENCES

1. Lévi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind]. Translated from French by A.B. Ostrovskiy. Moscow: Respublika Publ., 1994. 382 p.
2. Meletinskiy E.M. *Kul'turnyy geroy* [A cultural hero]. In: Tokarev S.Y. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982.
3. Yung C.G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [Soul and myth: six archetypes]. Translated from English by A.A. Yudina Moscow; Kiev: Port-Royal'; Sovershenstvo Publ., 1997. 384 p.
4. Levi-Bryhl L. *Pervobytnoe myshlenie: kollektivnye predstavleniya v soznanii lyudey i ikh misticheskiy kharakter* [Primitive mentality: collective representations in people's minds and their mystical character]. Translated from French by V. Nikol'skiy, A. Kissin. Moscow: Krasand Publ., 2012. 337 p.

5. Radin P. *Trikster. Issledovanie mifov severo-amerikanskikh indeytsev* [The trickster. The study of myths of North American Indians]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 1999. 286 p.
6. Novik E.S. *Struktura skazochnogo tryuka* [The structure of a fabulous stunt]. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/novik5.htm.
7. Propp V.Ya. *Problemy komizma i smekha* [Problems of humor and laughter]. Moscow: Labirint Publ., 1999. 285 p.
8. Bakhtin M.M. *Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 541 p.
9. Platov A.V. *Trikster, ili obratnaya storona monety* [Trickster, or the reverse of the coin]. Available at: http://pagan.ru/lib/books/history/0platow/platow08.php.
10. Gavrilov D.A. *Trikster. Litsedey v evroaziatskom fol'klore* [Trickster. The play-actor in Eurasian folklore]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl' Publ., 2006. 239 p.
11. Aeschylus. *Prometey prikovannyy* [Prometheus bound]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Goslitizdat Publ., 1956. 62 p.
12. Plato. *Dialogi* (Dialogues). Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., 2011. 366 p.
13. Chernyavskaya Yu.V. Trikster, ili puteshestvie v khaos [Trickster, or travel into chaos]. *Chelovek*, 2004, no. 3, pp. 7-52.
14. *Skandinavskiy epos* [The Scandinavian epic]. Translated by M. Steblin-Kamenskiy, O. Smirnitskaya. Moscow: AST: AST MOSKVA Publ., 2008. 858 p.
15. Gavrilov D.A. Belbog protiv Chernoboga. Odin protiv Odina [Belbogs against Chernobog. Odin against Odin]. *Mify i magiya indoevropeytsev*, 2002, issue 10, pp. 23-35.
16. Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Traditsiya Publ., 2009. 469 p.
17. Kun N.A. *Legendy i mify Drevney Gretsii* [Legend and myths of Ancient Greece]. St. Petersburg: Paritet Publ., 2000. 445 p.
18. *Beovul'f* [Beowulf]. In: *Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh* [Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs]. Translated by V. Tikhomirov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 752 p.
19. Steinbeck J. *Legendy o korole Arture i rytsaryakh Kruglogo Stola* [The Acts of King Arthur and His Noble Knights]. Translated from English by T. Minina. Moscow: EKSMO Publ., 2010. 512 p.
20. Mikhaylin V. Zver' kak smert' [A breast like death]. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/14m.html.
21. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of Madness in the Classical Age]. Translated from French by I.K. Staf. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1997. 573 p.
22. Musset A. de. *Ispoved' syna veka* [The confession of a child of the century]. Translated from French by D. Lifshits. Kaliningrad: Yantarnyy skaz Publ., 1997. 272 p.
23. Bayron G.G. *Palomnichestvo Chayl'd-Garol'da* [Childe Harold's Pilgrimage]. Translated from English. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978. 190 p.
24. Turgenev I.S. *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1982. 143 p.
25. Tul'chinskiy G.L. *Zhut' i put', ili Opyt obydennogo filosofstvovaniya* [Horror and way, or everyday experience of philosophizing]. In: Demichev A.V., Uvarov M.S. (eds.) *Figury tanatosa: Iskusstvo umiraniya* [The figures of Thanatos. The art of dying]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 1998, pp. 152-168.
26. Kovtun N.V. Bogobortsy, fantazery i trikstery v pozdnikh rasskazakh V.M. Shukshina [Atheists, visionaries and tricksters in the later stories by V.M. Shukshin]. *Literaturnaya ucheba*, 2011, no. 1, pp. 132-153.
27. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Problems of literature and esthetics: the study of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 500 p.
28. Abramyan L. *Lenin kak Trikster* [Lenin as a Trickster]. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm.
29. Dugin A. *Nuzhen li Rossii prosveshchennyy natsionalizm* [Does Russia need the enlightened nationalism]. Available at: http://med.org.ru/ modules.php?name=News&file=print&sid=1182.
30. Lipovetskiy M. *Trikster i "zakrytoe" obshchestvo* [The trickster and a "closed" society]. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html.
31. Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Translated from German by A. Pertsev. Ekaterinburg: Ural University Publ, 2001. 517 p.
32. Toporov V.N. *Arkhaicheskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [The archaic ritual in folklore and early literature monuments]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 329 p.

Received: 30 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 84–90 DOI: 10.17223/15617793/387/13

УДК 902; 349

Е.В. Ефремова

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Представлен анализ правовой обеспеченности процедуры музеефикации объектов археологического наследия комплексного характера (достопримечательное место, ансамбль) и единичных объектов (памятник) как одной из «форм» сохранения культурного наследия в условиях современного законодательства. Изложено авторское видение процедуры музеефикации одиночных объектов археологического наследия: определены этапы, перечень составляющих компонентов.

Ключевые слова: музеефикация; объект археологического наследия; нормативно-правовые аспекты музеефикации.

Необходимость решения проблем музеефикации объектов археологического наследия приводит к пониманию того, что одной из первоочередных задач становится анализ современных нормативно-правовых условий, позволяющий определить особенности актуальной правовой ситуации применительно к вопросам охраны и сохранения объектов культурного наследия (ОКН) и потенциально возможные действия для решения обозначенных проблем. Исследование нормативно-правовых аспектов музеефикации объектов археологического наследия осложняется тем, что термин «музеефикация» не является юридической категорией. Усугубляет ситуацию отсутствие единства определений понятия «музеефикация» в публикациях (см.: [1–9]). В качестве рабочего определения термина мы предлагаем принять следующее его толкование: музеефикация объекта археологического наследия – это многокомпонентный процесс, сущностью которого являются преобразование объекта археологического наследия в объект музейного показа на месте его исконного бытования и результат этого процесса, предполагающего этапы научного документирования; разработки проектной документации; натурных работ, направленных на реализацию проекта и этап актуализации памятника. Содержание понятия «музеефикация» в целом соответствует мероприятиям сохранения ОКН, предполагаемых «приспособлением объекта культурного наследия для современного использования». По определению ст. 44 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ это «научно-исследовательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях создания условий для современного использования объекта культурного наследия без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны, в том числе реставрация представляющих собой историко-культурную ценность элементов объекта культурного наследия» [10].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ под объектом археологического наследия (понятие введено Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ [11]) понимаются «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Объектами археологического наследия являются в том числе городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои» [Там же]. Вместе с тем объекты археологического наследия могут быть отнесены к таким видам ОКН, как памятники, ансамбли и достопримечательные места на основании ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [Там же]. В силу того что мероприятия по сохранению объектов комплексного характера (достопримечательных мест, ансамблей) и одиночных объектов (памятников), предполагающие их музеефикацию, с юридической точки зрения будут иметь некоторые отличия, рассмотрим более подробно правовые условия для каждой из обозначенных категорий.

Объекты археологического наследия комплексного характера могут быть музеефицированы посредствам организации на их основе музея-заповедника. Для отечественной теории и практики сохранения и актуализации ОКН in situ подобный подход является традиционным. Это находит отражение как в исследованиях 70–80-х гг. XX в. [12–16], так и в работах современного периода [4, 5, 17–26]. По утверждению Н.А. Мальцевой, «именно музеи в полном объеме своих институальных функций способны обеспечивать на высоком научном и методическом уровнях решение вопросов, связанных с охраной, сохранением, изучением и популяризацией недвижимых памятников материальной культуры» [27. С. 45, 46]. Понимание основополагающей роли музеев-заповедников в процессе актуализации ОКН является определяющим вектором при обсуждении проблем сохранения культурного наследия на государственном уровне [28]. В 2006 г. сотрудниками Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева была разработана «Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» [29]. Приложение № 6 стратегии содержит перечень археологических музеев-заповедников, создание которых представляется наиболее целесообразным в настоящее время на территории 28 субъектов федерации, в том числе в Ханты-

Мансийском автономном округе – Югре (далее ХМАО – Югра).

Несмотря на то что термин «музей-заповедник» достаточно давно вошел в обиход, в правовое поле это понятие было введено Федеральным законом от 23 февраля 2011 г. № 19-ФЗ [30], внесшим поправки в Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ [31]. Статья 26.1 последнего раскрывает содержание таких понятий, как «музей-заповедник», «территория музея-заповедника», и уточняет виды деятельности, которые музеи-заповедники имеют право осуществлять. В соответствии с определением федерального закона музей-заповедник – музей, которому в установленном порядке (п. 1 ст. 20 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ [32]) предоставлены земельные участки с расположенными на них достопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам или ансамблями. Иными словами, организация музеев-заповедников становится возможной только в случае возникновения необходимости сохранения и актуализации памятников комплексного характера. Вместе с тем ни Федеральный закон «О музейном фонде…» № 54-ФЗ [31], ни Федеральный закон «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10], как и современное законодательство в целом, не дают определения понятию «историко-культурный заповедник». Пункт 1 ст. 57 последнего лишь указывает на то, что «в отношении достопримечательного места, представляющего собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания, на основании заключения историко-культурной экспертизы может быть принято решение об отнесении данного достопримечательного места к историко-культурным заповедникам» [Там же].

На основании ст. 28 Федерального закона «О музейном фонде…» № 54-ФЗ [31] в Российской Федерации музеи учреждаются в законодательно установленном порядке: в соответствии со ст. 120 Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [33], ст. 41 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09 октября 1992 г. № 3612-I [34], ст. 13 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ [35]. На основании п. 3 ст. 58 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10] порядок организации историко-культурного заповедника федерального значения, его граница и режим его содержания устанавливаются Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа охраны объектов культурного наследия, согласованному с органом государственной власти субъекта Российской Федерации, определенным законом субъекта Российской Федерации, на территории которого располагается данный заповедник. В соответствии с п. 4 указанной статьи порядок организации историко-культурного заповедника регионального значения, его граница и режим его содержания устанавливаются в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, а на основании п. 5 порядок организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения, его граница и режим его содержания устанавливаются органом местного самоуправления по согласованию с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия. В ХМАО – Югре порядок организации историко-культурного заповедника регионального значения, установления его границ и режима содержания утвержден Постановлением Правительства ХМАО – Югры от 19 декабря 2008 г. № 265-п [36][1].

Таким образом, если для комплексных объектов определена одна из форм музеефикации (создание музея-заповедника) и установлен порядок ее организации в пределах субъекта федерации, то применительно к одиночным памятникам археологии подобная форма не определена[2]. Более того, вопрос музеефикации одиночных памятников археологии является одним из наименее разработанных аспектов как отечественной теории музеефикации, так и практики. В условиях действующего российского законодательства полный цикл мероприятий по сохранению одиночного памятника археологии, предполагающих его музеефикацию in situ, выглядит следующим образом.

Этап первый – научное документирование – предполагает сбор сведений о предмете музеефикации – объекте(-ах) археологического наследия, их обработку и анализ: а) проведение архивных изысканий; б) научное обследование территории с целью первичного изучения или получения уточняющих данных о ранее выявленном(-ых) памятнике(-ах) археологии; в) подготовку отчета по результатам научно-исследовательских работ (натурные научно-исследовательские работы и отчет по результатам их проведения должны соответствовать требованиям Положения о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденного постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27 ноября 2013 г. № 85 [39]); г) передачу сведений о выявленном ОКН – объекте археологического наследия в соответствующий орган охраны ОКН[3] (п. 6 ст. 18 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]; в ХМАО – Югре – на основании п. 5.4.4. Положения о Службе государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры, утвержденного Постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 августа 2012 г. № 309-п [40]).

После передачи сведений о выявленном объекте археологического наследия должны быть проведены мероприятия по оценке его технического состояния (в ХМАО – Югре оформлены актом исполнительного органа государственной власти, осуществляющего функции по контролю в сфере историко-культурного наследия) и установлению границ (в ХМАО – Югре оформлены актом установления границы территории объекта археологического наследия и приказом исполнительного органа об утверждении границ объекта); приданию статуса земель историко-культурного назначения землям, находящимся в федеральной соб-

ственности субъекта федерации или муниципальной собственности в границах территории ОКН (пп. 1–3 п. 1 ст. 8; п. 1 ст. 94 и пп. 1 п. 1 ст. 99 Земельного кодекса… № 136-ФЗ [32]) в соответствии с нормами Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ [41] и внесению соответствующих данных в Государственный кадастр недвижимости (пп. 13 ст. 7; п. 1, 2 ст. 15 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ [42]). По их завершении должны быть проведены работы по постановке выявленного ОКН на государственный учет (п. 9 ст. 18 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]; в ХМАО – Югре – на основании п. 5.4.3 Положения о Службе государственной охраны… [40]) и оформлению паспорта ОКН (ст. 21 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10] по форме, утвержденной Приказом Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении формы паспорта объекта культурного наследия» от 11 ноября 2011 г. № 1055 [43]; в ХМАО – Югре – в соответствии с п. 5.4.11 Положения о Службе государственной охраны… [40]).

На основании имеющихся данных должны быть проведены работы, включающие подготовку документации по обоснованию возможности проведения работ по сохранению ОКН с последующим проведением государственной историко-культурной экспертизы в отношении данной проектной документации (пп. «д» п. 4 Положения о государственной историко-культурной экспертизе, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2009 г. № 569 [44]). В том случае, если заключение государственной историко-культурной экспертизы окажется положительным, исполнительным органом должно быть выдано письменное разрешение и задание на проведение работ по сохранению ОКН (п. 1 ст. 45 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]; в ХМАО – Югре – на основании п. 5.4.8 Положения о Службе государственной охраны… [40]).

Этап второй – проектные работы – включает: а) разработку проекта зон охраны ОКН (в соответствии со ст. 34 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10] и Положением «О зонах охраны объекта культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2008 г. № 315 [45]); б) разработку проектной документации на проведение работ по сохранению ОКН в соответствии с реставрационными нормами и правилами (на основании п. 4 ст. 45 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]).

С учетом основ памятникоохранительной деятельности и музейной работы, анализа теоретических и практических аспектов музеефикации, представленных в отечественных исследованиях 1965–2012 гг., проектная документация на проведение работ по сохранению ОКН, предполагающих его музеефикацию, должна определять цели и задачи проекта; содержать информацию по истории исследования территории нахождения объекта; обосновывать необходимость «музеефикации» памятника и ее форму, учитывая местонахождение объекта, его физические характеристики, степень сохранности и доступности, на основании анализа сложившихся в отечественной и зарубежной теории музеефикации подходов в решении подобных вопросов и возможностей, предоставляемых действующим законодательством в сфере охраны культурного наследия в Российской Федерации; определять этапы «музеефикации» и сроки их реализации; содержать разработку архитектурно-ландшафтного решения проектируемой территории и его обоснование (с учетом размещения ограждений, смотровых площадок, информационных щитов и их инженерных решений); включать данные о методах рекультивации ландшафта и создания оптимальных условий естественного восстановления растительного покрова почвенного слоя памятника; содержать расчеты стоимости практических работ каждого из этапов и определять источники финансирования проекта. Проектная документация также должна предполагать проектирование культурно-образовательных программ, в том числе разработку тематико-экспозиционного плана, схем экскурсионных маршрутов, составление ведущих текстов и методических разработок экскурсий, а также содержать фотографические, графические и мультимедийные приложения (модели проектируемой территории).

Завершают второй этап работы по проведению государственной историко-культурной экспертизы в отношении проекта зон охраны музеефицируемой территории (в соответствии с пп. «г» п. 4 Положения о государственной историко-культурной экспертизе… [44]). При наличии положительного заключения экспертизы проект зон охраны, а также проектная документация на проведение работ по сохранению ОКН должны пройти процедуру согласования с исполнительным органом (в ХМАО – Югре – на основании п. 5.4.1 и 5.4.8 Положения о Службе государственной охраны… [40]).

Третий этап составляют *натурные работы, направленные на реализацию мероприятий*, перечень и порядок осуществления которых определяется проектной документацией на проведение работ по сохранению ОКН (за исключением реализации культурно-образовательных программ).

До начала работ третьего этапа или параллельно с ним проводятся мероприятия, предполагающие оформление права пользования ОКН, в том числе заключение договора о передаче ОКН в безвозмездное пользование учреждению, осуществляющему деятельность в сфере культуры (в соответствии со ст. 51 и п. 1 ст. 56 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]) при условии определения предмета охраны и оформления охранного обязательства на ОКН (на основании ст. 48 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]; в ХМАО – Югре – в соответствии с п. 5.4.2 Положения о Службе государственной охраны… [40]) с учетом требований ст. 52 Федерального закона «Об объектах культурного наследия…» № 73-ФЗ [10]. На данной стадии также долж-

ны быть определены балансовая стоимость памятника и стоимость работ по сохранению объекта археологического наследия, подлежащая взысканию в случае нарушения требований его сохранения и использования (ст. 243.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [46]).

Четвертый этап – введение музеефицируемого объекта в социокультурный оборот – предполагает а) осуществление мероприятий, направленных на реализацию культурно-образовательных программ; б) проведение плановых работ по поддержанию надлежащего экспозиционного и технического состояния объекта и инженерных конструкций, расположенных в пределах проектируемой территории.

Таким образом, в условиях недостаточной правовой обеспеченности мероприятий по сохранению объектов археологического наследия с учетом того, что нормы основного отраслевого закона об охране и сохранении объектов культурного наследия в Российской Федерации имеют преимущественно бланкетный характер изложения, особую актуальность приобретает подход, основанный на рассмотрении в тесной взаимосвязи нормативно-правовых и методических аспектов музеефикации одиночных памятников археологии. В свете рассматриваемой проблематики правовые нормы определяют условия и возможные мероприятия по сохранению объектов археологического наследия. Последовательность же их применения может быть установлена лишь с позиции научной методики, основанной на отечественном практическом опыте реализации мероприятий по музеефикации памятников археологии и логики проведения работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отметим, что методика подготовки проектной документации, предполагаемой организацией музеев под открытым небом, представлена во второй части «Методических рекомендаций для подготовки предпроектной документации и проектирования музеев под открытым небом», опубликованных Министерством культуры РСФСР совместно с Республиканским научно-реставрационным объединением «Росреставрация» и Проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (см.: [37]).

[2] Иными словами, мы рассматриваем проблему музеефикации одиночных памятников археологии in situ как обособленное явление и не берем в расчет иные возможности их музеефикации (при наличии). Например, не затрагиваем вопрос музеефикации памятников археологии, располагающихся на территории государственных природных парков, национальных / природных парков, основная задача которых – охрана природных комплексов и территорий [см.: 38].

[3] Исполнительным органом государственной власти автономного округа, осуществляющим функции по контролю в сфере историко-культурного наследия, является Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры (см.: [40]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.П.* Музееведение, музеефикация, культура // Вестник музейной комиссии. М., 1990. Вып. 1. С. 10–19.
2. *Каулен М.Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М. : Этерна, 2012. 432 с.
3 *Каулен М.Е.* Музей-заповедник как единый экспозиционный комплекс (на материале концепции музеефикации территории и памятников музея-заповедника «Коломенское») // На пути к музею XXI в. Музеи-заповедники. М., 1991. С. 164–181.
4. *Медведь А.Н.* Музеефикация памятников археологии. М. : ГНОМ и Д, 2004. 80 с.
5. *Музейное* дело России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М. : ВК, 2010. 676 с.
6. *Музейные* термины. Терминологические проблемы музееведения: сб. науч. тр. М., 1986. 135 с.
7. *Российская* музейная энциклопедия. Т. I : А–М. М. : РИПОЛ классик, 2001. 416 с.
8. *Словарь* актуальных музейных терминов / сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова и др. М. : Наука и культура, 2009. № 5. С. 47–68.
9. *Словарь* музейных терминов и определений / сост. Т.В. Дмитриевская, Е.М. Беспрозванный, М.И. Иванова и др. Челябинск : РИФЕЙ, 2000. 246 с.
10. *Федеральный* закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
11. *Федеральный* закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
12. *Бадер О.Н.* Вопросы учета, охраны и использования археологических памятников // Сообщения НМС по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М. : Знание, 1974. Вып. VII. С. 4–12.
13. *Бадер О.Н.* Музеефикация археологических памятников // Советская археология. М. : Наука, 1978. № 3. С. 138–153.
14. *Булатов Н.М.* Археологические музеи-заповедники в системе музейного строительства в СССР // Труды НИИ культуры. М., 1978. Т. 74. С. 120–126.
15. *Шелов Д.Б.* Экспозиция памятников археологии в условиях городской застройки // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах: материалы Всесоюзн. конф. Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1980. С. 29–31.
16. *Янин В.Л.* Охрана и использование памятников археологии в СССР // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М. : Изд-во НМС Министерства культуры СССР, 1987. С. 5–17.
17. *Бахтина И.К.* Природно-исторический парк «Пехорка» // Археологический фактор в планировочной организации территории: материалы семинара. М. : Изд-во Ин-та Наследия, 1997. С. 75–82.
18. *Бобров В.В.* Использование археологических памятников в системе экомузеев // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1996. С. 100–105.
19. *Кениг А.В.* Состояние и перспективы использования историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 4–12.
20. *Медведь А.Н., Размустова Т.О.* Проблемы сохранения археологического наследия в современной России // Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». М. : Изд-во Ин-та Наследия, 2000. С. 194–199.
21. *Минеева И.М.* Археологическое наследие Южного Урала как уникальный компонент современного социокультурного пространства // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 24. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2008а. № 15 (116). С. 5–9.
22. *Минеева И.М.* Музеефикация археологического наследия на территории музея-заповедника «Ирендык» в Башкортостане: вопросы методологии // Наследие и современность. Альманах Института Наследия. М. : Изд-во Ин-та Наследия, 2006. Вып. 13. С. 132–146.
23. *Минеева И.М.* Музеефикация как фактор интеграции и социокультурной адаптации археологического наследия // Известия Алтайского государственного университета. История. Политология. Барнаул : Изд-во АГУ, 2008б. № 4–5 (60). С. 138–141.

24. *Минеева И.М.* Современный зарубежный и отечественный опыт музеефикации археологических памятников // История науки и техники. М. : Научтехлитиздат, 2007. № 12, спец. вып. № 3. С. 173–176.
25. *Николаева Н.С.* Особенности музеефикации археологических памятников // Музей в современной культуре : сб. науч. тр. СПб. : Изд-во СПбГАК, 1997. Т. 147. С. 204–211.
26. *Степенев В.И.* Проблемы управления земельными отношениями особо охраняемых территорий наследия и пути их решения // Наследие и современность : информ. сб. М. : Изд-во Ин-та Наследия, 2004. Вып. 12. С. 136–158.
27. *Мальцева Н.А.* Музеи и недвижимые памятники материальной культуры // Памятники в изменяющемся мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Рос. ин-та культурологии, 1993. С. 45–49.
28. *Материалы* к докладу «О сохранении объектов культурного наследия народов Российской Федерации» к заседанию Правительства Российской Федерации // Материалы ИКОМОС. Консервация и реставрация. М. : Изд-во РГБ, 2005. 104 с.
29. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М., Штеле О.Е.* Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Наследие и современность : информ. сб. М. : Изд-во Ин-та Наследия, 2006. Вып. 13. С. 4–100.
30. *Федеральный* закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”» от 23 февраля 2011 г. № 19-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
31. *Федеральный* закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
32. *Земельный* кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
33. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
34. *«Основы* законодательства Российской Федерации о культуре» от 09 октября 1992 г. № 3612-1. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
35. *Федеральный* закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
36. *Постановление* Правительства ХМАО – Югры «Об утверждении порядка организации историко-культурного заповедника регионального значения, установления его границ и режима содержания в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 19 декабря 2008 г. № 265-п. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
37. *Методические* рекомендации для подготовки предпроектной документации и проектирования музеев под открытым небом. Ч. II : Методика и последовательность подготовки проектных материалов и проектной документации. М., 1983. 36 с.
38. *Федеральный* закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
39. *Положение* о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. Утверждено Постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27 ноября 2013 г. № 85. URL: http://www.archaeolog.ru
40. *Положение* о Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Утверждено Постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 августа 2012 г. № 309-п. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
41. *Федеральный* закон «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
42. *Федеральный* закон «О государственном кадастре недвижимости» от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
43. *Приказ* Министерства культуры «Об утверждении формы паспорта объекта культурного наследия» от 11 ноября 2011 г. № 1055. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
44. *Положение* о государственной историко-культурной экспертизе. Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2009 г. № 569. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
45. *Положение* о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2008 г. № 315. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
46. *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

СОКРАЩЕНИЯ

АГУ – ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
ИКОМОС – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест
НИИ культуры – Научно-исследовательский институт культуры (ныне – ФГБНИУ «Российский институт культурологии»)
НМС – Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР
РАН – Российская академия наук
РГБ – ФГБУ «Российская государственная библиотека»
СПбГАК – Санкт-Петербургская государственная академия культуры (наименование в период 1993–1999 гг.). Ныне – ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств»
ТГУ – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
ЧелГУ – ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 30 марта 2014 г.

CURRENT LEGISLATION ON MUSEUMIFICATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 84-90. DOI: 10.17223/15617793/387/13

Efremova Elena V. Institute of Northern Development, SB RAS (Tyumen, RF), Historical and Cultural Centre "Barsova Gora" (Surgut, Russian Federation). E-mail: elena_ef_@mail.ru

Keywords: museumification; archaeological heritage object; legal aspects of museumification.

Conservation works on comprehensive archaeological objects (sites, ensembles) and on single objects (monuments) involving museumification have some differences from the legal point of view. The article presents the legal conditions of museumification for each of the designated categories. Museumification of comprehensive archaeological objects could be implemented by the way of

museum-reserve organization. The Federal law № 54-FZ of May 26, 1996 has defined the meanings of terms "museum-reserve", "museum-reserve territory" and has specified the activities that museums-reserves have a right to carry out. Procedure for organization of a cultural and historical reserve, establishment of its boundaries and regime has been approved by the Resolution of the Government of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra № 265-r of December 19, 2008. The form of museumification for complex objects (museum-reserve) has been defined by the Federal law. The order of its organization has been defined by law on the level of the Federation subject. A similar form has not been defined for single objects. The complete cycle of conservation works for a single archaeological object, involving its museumification in situ, includes the following stages under the current legislation in the Russian Federation. The documentation stage includes archival research and survey of the territory with a primary purpose of studying or receiving clarifying information about previously identified object(s) of archeology. The next stage includes assessment of the technical condition of the archaeological object; determination of the boundaries of the object; giving the status of lands of historical and cultural purpose to the lands within the boundaries of the cultural heritage object (hereinafter – CHO) and introduction of the relevant data in the State cadaster of the real estate; CHO's state registration; CHO's passport registration; preparation of documentation, substantiating the necessity of CHO's conservation; issuance of a resolution and assignment to carry out CHO's conservation works by the executive body of the state power. The project works stage includes scientific design of the protected zones project and project documentation on carrying out conservation works. Further, the state historical and cultural expertise of the protected zones project should be done. The protected zones project as well as project documentation on carrying out preservation works should be approved by the executive body of the state power if the conclusion of the expertise will be positive. The stage of registration of right to CHO's use includes the contract to CHO's transfer in gratuitous use for the institution working in the field of culture; determination of the subject of protection; registration of a security obligation for CHO. The carrying value of the archaeological object must be defined at this stage, too. The next independent stage is the stage of full-scale works aimed at implementing activities according to project documentation. The final stage is the stage of archaeological object's introduction in the sociocultural environment.

REFERENCES

1. Alekseev V.P. Muzeevedenie, muzeefikatsiya, kul'tura [Museology, museumification, culture]. *Vestnik muzeynoy komissii*, 1990, issue 1, pp. 10-19.
2. Kaulen M.E. *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museumification of Russian historical and cultural heritage]. Moscow: Eterna Publ., 2012. 432 p.
3 Kaulen M.E. *Muzey-zapovednik kak edinyy ekspozitsionnyy kompleks (na materiale kontseptsii muzeefikatsii territorii i pamyatnikov muzeya-zapovednika "Kolomenskoe")* [The memorial estate as a single exhibition complex (based on the concept of museumification of territory and monuments of the Memorial Estate "Kolomenskoye")]. In: Nikishin N.A., Sevan O.G. (eds.) *Na puti k muzeyu XXI v. Muzei-zapovedniki* [On the way to the 21st-century museum. Conservation areas]. Moscow: The Research Institute of Culture Publ., 1991, pp. 164-181.
4. Medved' A.N. *Muzeefikatsiya pamyatnikov arkheologii* [Museumification of archaeological monuments]. Moscow: GNOM i D Publ., 2004. 80 p.
5. Kaulen M.E., Kossova I.M., Sundieva A.A. *Muzeynoe delo Rossii* [Museology in Russia]. Moscow: VK Publ., 2010. 676 p.
6. Shumnaya T.G. *Muzeynye terminy. Terminologicheskie problemy muzeevedeniya* [Museums terms. Terminological problems of museology]. Moscow: The Central Museum of the USSR Revolution Publ., 1986. 135 p.
7. Sundieva A.A., Yanin V.L. (eds.) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya*. T. I: A–M [The Russian Museum Encyclopedia. Vol. I: A-M]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2001. 416 p.
8. Kaulen M.E., Sundieva A.A., Chuvilova I.V. et al. Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov [A Glossary of Museum Terms]. *Nauka i kul'tura*, 2009, no. 5, pp. 47-68.
9. Dmitrievskaya T.V., Besprozvannyy E.M., Ivanova M.I. et al. *Slovar' muzeynykh terminov i opredeleniy* [Glossary of Museum Terms and Definitions]. Chelyabinsk: RIFEY Publ., 2000. 246 p.
10. The Federal Law On Cultural Heritage (historical and cultural monuments) of the Russian Federation of June 25, 2002 № 73-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148669/. (In Russian).
11. The Federal Law On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with regard to the suppression of illicit activities in the field of archeology of July 23, 2013 № 245-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149696. (In Russian).
12. Bader O.N. *Voprosy ucheta, okhrany i ispol'zovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov* [Problems of accounting, protection and use of archaeological sites]. In: *Soobshcheniya NMS po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR. Voprosy okhrany, klassifikatsii i ispol'zovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov* [Reports of the Research and Methodological Council for Protection of Cultural Monuments of the USSR Ministry of Culture. Problems of protection, classification and use of archaeological sites]. Moscow: Znanie Publ., 1974. Issue VII, pp. 4-12.
13. Bader O.N. Muzeefikatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov [Museumification of archaeological sites]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1978, no. 3, pp. 138-153.
14. Bulatov N.M. Arkheologicheskie muzei-zapovedniki v sisteme muzeynogo stroitel'stva v SSSR [Archaeological open-air museums in the USSR museum construction system]. *Trudy NII kul'tury*, 1978, vol. 74, pp. 120-126.
15. Shelov D.B. [Display of archaeological monuments in urban areas]. *Problemy okhrany pamyatnikov arkheologii v naselennykh mestakh: materialy Vsesoyuzn. konf. Erevan* [Problems of archaeological sites in populated areas. Proc. of the All-Russian Conference]. Erevan: Erevan University Publ., 1980, pp. 29-31. (In Russian).
16. Yanin V.L. *Okhrana i ispol'zovanie pamyatnikov arkheologii v SSSR* [Protection and use of archaeological sites in the USSR]. In: Borisova V.V., Yanin V.L. (eds.) *Metodicheskie osnovy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii* [Methodology of the protection and use of archaeological monuments]. Moscow: Research and Methodology Council of the USSR ministry of culture Publ., 1987, pp. 5-17.
17. Bakhtina I.K. *Prirodno-istoricheskiy park "Pekhorka"* [The Natural-Historical park "Pekhorka"]. In: Gusev S.V. (ed.) *Arkheologicheskiy faktor v planirovochnoy organizatsii territorii* [The archaeological factor in the planning area organization]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 1997, pp. 75-82.
18. Bobrov V.V. *Ispol'zovanie arkheologicheskikh pamyatnikov v sisteme ekomuzeev* [The use of archaeological sites in ecomuseums]. In: *Problemy okhrany i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Sibiri* [Problems of protection and use of Siberian historical and cultural heritage]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1996, pp. 100-105.
19. Kenig A.V. *Sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga* [The status and prospects of the use of historical and cultural heritage of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. In: Yakovlev Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University Publ., 2004. Issue 2, pp. 4-12.
20. Medved' A.N., Razmustova T.O. *Problemy sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya v sovremennoy Rossii* [Problems of preservation of the archaeological heritage in modern Russia]. In: *Ekologiya kul'tury: Al'manakh Instituta Naslediya "Territoriya"* [Environmental culture: The Almanac "Territory" of the Heritage Institute]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2000, pp. 194-199.

21. Mineeva I.M. Arkheologicheskoe nasledie Yuzhnogo Urala kak unikal'nyy komponent sovremennogo sotsiokul'turnogo prostranstva [Archaeological heritage of the Southern Urals as a unique component of a modern cultural space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2008a, no. 15 (116), pp. 5-9.
22. Mineeva I.M. *Muzeefikatsiya arkheologicheskogo naslediya na territorii muzeya-zapovednika "Irendyk" v Bashkortostane: voprosy metodologii* [Museumification of archaeological heritage on the territory of "Irendyk" museum in Bashkortostan: methodological issues]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modernity]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2006. Issue 13, pp. 132-146.
23. Mineeva I.M. Muzeum as factor of integration and social-cultural adaptation of archaeological heritage. Izvestiya *Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya – The News of Altai State University. History. Political Science*, 2008b, no. 4-5 (60), pp. 138-141. (In Russian).
24. Mineeva I.M. Sovremennyy zarubezhnyy i otechestvennyy opyt muzeefikatsii arkheologicheskikh pamyatnikov [Modern foreign and domestic experience of museumification of archaeological sites]. *Istoriya nauki i tekhniki – History of Science and Engineering*, 2007, no. 12. Issue 3, pp. 173-176.
25. Nikolaeva N.S. *Osobennosti muzeefikatsii arkheologicheskikh pamyatnikov* [Specifics of museumification of archaeological sites]. In: Sergeeva N.I. (ed.) *Muzey v sovremennoy kul'ture* [The museum in modern culture]. St. Petersburg: SPbGAK Publ., 1997. T. 147. S. 204–211.
26. Stepenev V.I. *Problemy upravleniya zemel'nymi otnosheniyami osobo okhranyaemykh territoriy naslediya i puti ikh resheniya* [Problems of land relations for protected areas and their solution]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modernity]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2004. Issue 12, pp. 136-158.
27. Mal'tseva N.A. [Museums and immovable monuments of material culture]. *Pamyatniki v izmenyayushchemsya mire: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Monuments in a Changing World. Proc. of the International Scientific-Practical Conference]. Moscow: Russian Institute for Cultural Research Publ., 1993, pp. 45-49. (In Russian).
28. *Materialy k dokladu "O sokhranenii ob"ektov kul'turnogo naslediya narodov Rossiyskoy Federatsii" k zasedaniyu Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Materials for the report "On the preservation of cultural heritage of the peoples of the Russian Federation" to the Government meeting]. In: *Materialy IKOMOS. Konservatsiya i restavratsiya* [Materials of ICOMOS. Preservation and restoration]. Moscow: RSL Publ., 2005. 104 p.
29. Vedenin Yu.A., Shul'gin P.M., Shtele O.E. *Gosudarstvennaya strategiya formirovaniya sistemy dostoprimechatel'nykh mest, istoriko-kul'turnykh zapovednikov i muzeev-zapovednikov v Rossiyskoy Federatsii* [State strategy formation of places of interest, historical and cultural reserves and conservation areas in the Russian Federation]. *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modernity]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2006. Issue 13, pp. 4-100.
30. The Federal Law On Amendments to the Federal Law About the Museum Fund of the Russian Federation and museums in the Russian Federation, of February 23, 2011 № 19-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=110917. (In Russian).
31. The Federal Law On the Museum Fund of the Russian Federation and museums in the Russian Federation of May 26, 1996 № 54-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=110957. (In Russian).
32. The Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 № 136-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166104. (In Russian).
33. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) November 30, 1994 № 51-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162742. (In Russian).
34. The Basic Law of the Russian Federation on culture of October 9, 1992 № 3612-1. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166125. (In Russian).
35. The Federal law On Noncommercial Organizations of January 12, 1996 № 7-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166130. (In Russian).
36. Resolution of the Government KhMAO – Yugra On approval of the procedure for organizing historical and cultural reserve of regional importance, establishing its borders and detention regime in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra of December 19, 2008 № 265-p. Available at: http://base.garant.ru/18932738/. (In Russian).
37. *Metodicheskie rekomendatsii dlya podgotovki predproektnoy dokumentatsii i proektirovaniya muzeev pod otkrytym nebom. Ch. II: Metodika i posledovatel'nost' podgotovki proektnykh materialov i proektnoy dokumentatsii* [Guidelines for the preparation of project documentation and design of open-air museums. Part II: Methodology and sequence of preparation of project materials and project documentation]. Moscow, 1983. 36 p.
38. The Federal Law On Specially Protected Natural Areas of March 14, 1995 № 33-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160134. (In Russian).
39. The Regulation on archaeological fieldwork (archaeological excavations) and scientific reports. Approved by the Resolution of the Bureau of the RAS Department of History and Philology on November 27, 2013 № 85. Available at: http://www.archaeolog.ru. (In Russian).
40. The Statute of the Office of Cultural Heritage Protection of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra. Approved by the Resolution of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra, August 30, 2012 № 309-p. Available at: Consultant Plus database. (In Russian).
41. The Federal Law On the transfer of land or land plots from one category to another, of December 21, 2004 № 172-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=147262. (In Russian).
42. The Federal Law On the State Real Estate Cadastre, of July 24, 2007 № 221-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166038. (In Russian).
43. The Order of the Ministry of Culture On Approval of the passport of a cultural heritage of November 11, 2011 № 1055. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123014. (In Russian).
44. Regulations on the State of historical and cultural examination. Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of July 15, 2009 № 569. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=134855. (In Russian).
45. Regulation on the protection of areas of cultural heritage (monuments of history and culture) of the Russian Federation. Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation on April 26, 2008 № 315. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=114492. (In Russian).
46. The Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 № 63-FZ. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162812. (In Russian).

Received: 30 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 91–97 DOI: 10.17223/15617793/387/14

УДК 39(571)

Н.В. Лукина

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ХАНТОВ В КОЛЛЕКЦИЯХ КУНСТКАМЕРЫ: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00263 «Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири».

Статья посвящена коллекциям Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН, отражающим культурное наследие хантов. Коллекции поступили в 1880–1978 гг., их число – 40, количество хантыйских предметов – 1 640. Вместе с иллюстративным материалом они дают информацию о хозяйственных занятиях, средствах передвижения, постройках, утвари, одежде, играх и игрушках, предметах искусства и культа. Кроме общего анализа коллекций, более детально рассмотрены орудия, инвентарь, материалы и готовые изделия, относящиеся к основным занятиям: рыболовству, охоте, оленеводству, собирательству, домашним промыслам.

Ключевые слова: Кунсткамера; хантыйские коллекции; культурное наследие; предметы и орудия хозяйства.

В 2014 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ) Российской академии наук отмечает свой трёхсотлетний юбилей. О связях музея с Сибирью говорит тот факт, что уже через два года после его создания, в 1716 г., сибирский губернатор М.П. Гагарин преподнёс Петру I собрание сибирских археологических находок [1. С. 71]. На сайте музея имеется статья о сибирских коллекциях [2]. Опубликован каталог родственного хантам народа – манси, подготовленный Е.Г. Фёдоровой [3].

Культурное наследие – это часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся потомкам как нечто ценное и почитаемое. В этнографическом аспекте воплощением культурного наследия является этническая культура.

Задача предлагаемой статьи – определить степень представительности культурного наследия хантов в коллекциях МАЭ, их содержательность, информативность.

Ханты расселялись на обширной территории Обь-Иртышского бассейна. По языковому и этнокультурному признаку они составляют сложную картину. Приведём первый уровень их деления на следующие группы: южные ханты (Иртыш с притоками Демьянка и Конда), восточные ханты (Обь с притоками Васюган, Вах, Аган, Тромъёган, Юган, Пим, Салым), северные ханты (Обь с притоками Назым, Казым, Куноват, Сыня, Собь). Характерной чертой культуры хантыйского этноса является наличие в ней локальных, иногда довольно существенных отличий.

Согласно описям МАЭ первая этнографическая коллекция по интересующему нас народу поступила в 1880 г., а последняя – в 1978 г. Всего в фондах этого старейшего музея России хранится 40 коллекций, отражающих разные стороны культуры и быта хантов на протяжении целого столетия. Перечень этих коллекций: № 106, 210, 268, 298, 349, 376, 500, 534, 581, 584, 592, 859, 883, 1145, 1152, 2228, 2383, 2416, 2427, 2716, 2928, 3248, 3269, 4345, 4376, 5093, 5111, 5160, 5415, 5531, 5532, 5541, 5542, 5708, 5816, 5823, 5970, 6730, 6735, 7013.

Территория сборов обозначена в описях иногда очень широко (например, Тобольская губерния, Томская губерния); иногда – более локализовано (например, Нарымский край, Приуральский район); иногда названа локальная группа, например прииртышские обрусевшие, сургутские, казымские, обдорские ханты и т.д.

Для указания этнической принадлежности коллекций в описях и на самих предметах использовано как старое название народа – «остяки», так и современное – «ханты». Впервые название «ханты» появляется в 1937 г. в описи коллекции № 5531 (собиратель В.Н. Чернецов). Относительно названия «остяки» нужно иметь в виду, что в своё время оно относилось не только к хантам, но также к селькупам и кетам. Кроме того, в некоторых коллекциях присутствуют предметы и других соседних народов – тунгусов / эвенков, вогулов / манси, самоедов / ненцев, зырян (№ 376, 859, 2 228, 3 248, 5 531). В таких случаях выявлению именно хантыйских предметов помогали уточняющие сведения самих собирателей и определения сотрудников музея, внесённые в описи. Так, например, в коллекции № 859, собранной среди остяков, вогулов, самоедов Тобольской губернии, принадлежность предметов к остякам / хантам определена составителем дополнительной описи – Н.Ф. Прытковой, известным специалистом по культуре хантов.

Общее число собраний, включающих хантыйские предметы – 40, в них находится 1 915 экспонатов. Из них 35 коллекций (1 640 предметов) обозначены как принадлежащие остякам / хантам, и 5 коллекций (275 предметов) имеют смешанную этническую принадлежность, т.е. собраны у разных народов.

Назовём наиболее ценные коллекции, учитывая разные аспекты: время сбора, количество и разнообразие экспонатов, их уникальность и т.д. Самая первая коллекция (№ 106) поступила в 1880 г. от И.С. Полякова, место сборов – «долина р. Оби». Уникальность коллекции С.К. Патканова, поступившей в 1897−1900 гг. (№ 581, р. Конда), заключается в том, что она даёт представление о той части культурного наследия, которая вскоре после сборов почти полностью исчезла, а именно о вышитой одежде и украшениях. Коллекция № 592 выделяется тем, что её собиратель – иностранец, «магистр Сирелиус из Гельсингфорса». Этот финский исследователь провёл две экспедиции к остякам / хантам в 1898–1900 гг. [4], и

одним из результатов экспедиций стало пополнение фондов Кунсткамеры. Коллекция № 2 383 (1914 г., р. Казым) вызывает к себе особое внимание потому, что её собиратель И.Н. Шухов – всего лишь студент, но ему удалось наиболее полно, по сравнению с другими собирателями, отразить духовную культуру хантов – музыкальные инструменты, культ медведя, шаманство, обряд погребения. Собиратель И.М. Мягков интересен тем, что сформировал две весьма представительные коллекции (362 предмета) среди одной и той же группы хантов (1932 г., № 5093, 5111, р. Васюган). Коллекция В. Адрианова примечательна своим составом – это инвентарь хантыйских погребений в районе г. Салехард (1936 г., № 5542). Самые богатые сборы – 453 предмета – среди разных групп хантов принадлежат Н.Ф. Прытковой (1936–1951 гг., № 5541, 5823, 5970).

Сравнительный анализ территориального распределения и численного состава хантыйских коллекций МАЭ показывает, что в них наиболее полно отражено культурное наследие двух северных групп: нижнеобской (402 предмета) и казымской-берёзовской (309 пред-метов) и одной восточной – васюганской (362 предмета). Многие локальные группы представлены очень слабо, а о некоторых из них трудно судить в связи с неясной информацией о месте сбора той или иной коллекции.

В качестве примера содержания чисто хантыйских коллекций приведу перечень наименований предметов из двух описей, имеющих примерно одинаковое количество номеров. Первая коллекция относится к васюганской группе восточных хантов, вторая – к нижнеобской группе северных хантов. Перечень излагается в том же порядке, что и в описях; при этом наименования, повторяющиеся в описях под разными номерами, в нашем списке даются только один раз – при первом упоминании.

В коллекцию № 5 111 (219 номеров) входят: куженька орнаментированная и крышка, заплечный кузов, берестяная полоса ажурная, туесок, корневатик, ножны берестяные, стружка для вытирания рук, солонка долблёная, чашка долблёная, ступа, пороховница, расчёска для травы, застёжка для кузова, держатель лосиных сухожилий, костяное напрясло, бочка, полотнище из бересты, черкан, стрела шаманская, нарта, люлька деревянная, люлька берестяная, лук простой, стрела, лук клеёный, посох лыжный, мотыга, черпалка для льда и рыбы, копьё на медведя, насторожка к самострелу, мешочек для чая, ложка для рыбы, игрушка – олень, фигурка духа из металла, шаманский сосуд, наконечник стрелы, музыкальный инструмент – костяная пластинка, расчёска для лосиных сухожилий, петля для лисиц, петля для зайца, куженька с женским последом, украшение в косы, бисерное украшение, полог от комаров, гнилушки для люльки, трафарет для рукавиц, ведро берестяное, культовое изображение собаки, ложка деревянная, нож в ножнах, фигурка животного – игрушка, скребок для шкур – костяной и деревянный, выкройки для обуви, мерка натяжения ловушки, распялка для шкурки, бич для вспугивания белок, игла для вязания сетей, сети, слопец, украшение на шубу, музыкальный инструмент – домбра, лук игрушечный, культовое изображение лося, хвост и лапы лисицы, куженька для жертвы духам, дух – фигурка рыбы из дерева, череп и кости медведя, острога, копьё, кости оленьи – игрушки, сито для ореха, календарь деревянный, предмет без названия, ложе самострела.

В коллекцию № 5 541 (230 номеров) входят: ложка разливательная, черпак, кузовок, коробка для рукоделия, туес, корытце, чашка, блюдо, выбивалка снега, решето, разгребалка для углей, табакерка, нож металлический, шило, пояс мужской, сверло лучковое, молоток, доска для кройки, инструмент для обработки шкур, доска для чистки рыбы, доска для выделки шкур, крючок для осетров, колотушка глушить рыбу, нож костяной, приспособление для плетения сети, поплавок, доска для калданного лова, сачок для льда, черкан, наконечник стрелы, щиток для руки при стрельбе из лука, ружьё, приспособление для плетения арканов, упряжь оленя, колодка для сдерживания бега оленя, ошейник оленя, посох лыжный, лыжи, нарта, лодка-калданка, весло, орудие для выгребания рыбы из верши, орудие для промывания калданной сети, орудие для раздвигания осоки, пластинка для определения размера ячей сети, сеть, женская обувь, детская обувь, женская шуба, детская малица, головной платок, ложные косы, сумка для рукоделия, сумка для хранения одежды, сумочка для кукол, кукла, элементы кукольной одежды, люлька-игрушка, опахало-веер, сухожилия оленя, трава для циновок, стружка для вытирания, подстилка из травы, циновка, кора тала для циновки, берестяное полотнище для чума, игра-стрелка, свёрток бересты, люлька деревянная, подстилка в люльку, детское одеяло, подушка, пояс собачьей упряжи, мешок из кожи налима, колодка для шитья бродней, столик для еды, чашка для кукол, бубен шаманский, полено для рубки мяса на культовом месте, ветвь берёзы со священного места, череп жертвенного оленя, имитация одежды женщины-самоубийцы, чум роженицы, часть оленьей упряжи, нагрудник детский.

Автор статьи знакомилась с материалами МАЭ в 1971, 1977 и 2014 гг. Были изучены более 30 коллекционных описей, кроме того, часть предметов осмотрена и описана непосредственно в фондах. Изучены также ранние коллекции иллюстративного фонда, содержащие материалы по культуре хантов: И-123, И-376, И-786, И-789, И-886, И-889, И-890, И-936, И-937, И-1098, И-1158, И-1159, И-1160, И-1357, И-2421. На фотоснимках можно видеть, чего вообще не бывает в предметных коллекциях, например постройки. Они содержат информацию не только о предметах, но и об их использовании, например об установке охотничьей ловушки, о способах ношения ножа или платка, об игре на музыкальных инструментах и т.п.

Результаты изучения 1970-х гг. были частично использованы автором в публикациях на разные темы, из них одна посвящена специально коллекциям, собранным на территории современной Томской области [5]. В решении задач предлагаемой статьи большую роль сыграли полевые материалы автора, собранные в 1969–1990 гг. практически среди всех групп хантов и опубликованные в многотомной серии [6].

Первым этапом работы над темой статьи была систематизация музейного материала. Как видно из приведённого выше перечня предметов двух коллекций, в описях они даны беспорядочно, и это – обычная картина для всех коллекций (за редким исключением). В основу нашей классификации положено принятое в этнографической литературе деление традиционной культуры на основные компоненты. Применительно к изучаемому этносу выделены следующие классы предметов и, соответственно, разделы нашего исследования. 1. Орудия и инвентарь хозяйственных занятий. 2. Средства передвижения. 3. Постройки. 4. Утварь. 5. Одежда. 6. Игры и игрушки. 7. Предметы искусства. 8. Предметы культа.

В связи с большим объёмом имеющейся информации исследование пришлось разделить на две части. В предлагаемой статье, во-первых, излагается общая характеристика коллекций и другие вводные вопросы; во-вторых, рассматриваются орудия труда, инструменты и разный инвентарь, относящийся к хозяйственным занятиям хантов. В последующей статье будут рассмотрены остальные компоненты традиционной культуры.

1. Орудия и инвентарь хозяйственных занятий. Главными занятиями хантов были рыболовство, охота, оленеводство, серьёзным подспорьем выступало и собирательство. Проживание в лесной и лесотундровой зоне и характер хозяйственной деятельности определяют основной набор природных материалов, используемых при создании традиционных предметов культуры и быта – различные части дерева, трава и шкуры животных.

1.1. Рыболовство. Рыба была основным пищевым продуктом у большинства хантыйского населения, и для её добычи использовались многообразные орудия и приспособления. Они включали ловушки запорного лова, сетевые снасти, крючковые снасти и колющие орудия. Основные виды рыболовных орудий у хантов были предназначены для запорного рыболовства, однако в коллекциях МАЭ они представлены довольно скромно, всего несколькими моделями ловушек и их частей: морда (коллекции № 106-17, 859-112, 113), рукав и жерло к нему (859-110, 111). Небогат в МАЭ и набор сетевых снастей: это ставные и плавные сети-калданы для лова с лодки (376-54, 592-46, 5111-174, 5541-127, 128, 129), модель невода (5160-4). Детали сетевых снастей: грузила из камня и оленьего рога, из челюсти моржа и зуба мамонта (106-18, 592-47–50, 1152-10, 6730-5), поплавки из дерева (5541-77, 78).

Крючковые снасти для добычи рыбы таковы: деревянный крючок с бородкой из кости оленя, прикреплённой кедровым корнем (2383-62, 63), жерлица с леской из сарги или корня кедра и деревянным крючком (592-43, 44), дорожка – железная уда, обвязанная куском красного сукна (592-45) и перемёт (376-55).

Имеются в коллекциях МАЭ и колющие орудия, редко встречаемые в современном быту хантов: наконечник стрелы для добычи щук (5111-168) и острога, состоящая из деревянной рукояти и кованого металлического наконечника с шестью зубьями, переплетёнными пеньковой верёвочкой (5111-195).

К подсобному инвентарю, используемому при лове рыбы, относятся: железный крючок с деревянной рукоятью для вытаскивания осетров (5541-46), деревянная колотушка с тамгой для глушения крупной рыбы при калданном лове (5541-47–50), доска для калданного лова (5541-79, 80), сачок с деревянной рукоятью и сеткой из прутьев или верёвок для черпания льда и рыбы (5111-114, 5541-81, 82), палка с поперечной доской для выгребания рыбы из ловушки верши (5541-121), палка с отростками для промывания калданной сети (5541-122), похожее на весло орудие для раздвигания осоки при установке верши (5541-123). Условно отнесём сюда также молоток для пробивания отверстий в грузилах и калданных камнях – железный, заострённый с обоих концов, с деревянной рукоятью (5541-37).

1.2. Охота. Хантам были известны пассивные и активные способы охоты. При пассивном способе охотник устанавливает ловушку и затем проверяет её, а при активном способе орудие находится в руках человека. Снаряды пассивной охоты делятся на падающие (слопцы и кулёмки), зажимные (черканы и кляпцы), ставные луки-самострелы и петли; орудия активной охоты включают ручной лук и копьё (рогатина). В МАЭ имеются орудия, предназначенные для обоих способов добычи зверей и птиц.

Орудия пассивной охоты: слопец (5111-175), кулема на зайца (376-16), кляпец (106-5, 376-17) и модели указанных ловушек (106-29, 30, 31, 859-105, 108, 109), черканы на мелких пушных зверей – горностая, соболя, колонка (106-32, 268-8, 376-15, 859-106, 107, 2383-50, 5111-95–98, 5160-9, 5141-88–90), петли на уток, лисицу, зайца (592-42, 5111-131, 5111-180, 204–208); ставные луки-самострелы на крупного зверя – медведя, волка, лисицу (376-18, 19, 52, 859-97–99, 5111-104, 5541-87) и их детали – ложе (106-16, 1152-21–23, 5111-216), мерка высоты настораживания лука (268-13, 859-99), мерка натяжения (5111-116, 167), железный привод для натягивания (106-10). Имеется фотоснимок с настороженным луком-самострелом (И-123, ф. 77).

Приведём краткие сведения по некоторым ловушкам и их деталям в хантыйских коллекциях МАЭ. Черкан состоит из небольшого лука и развилки с ударной частью, они скреплены ивовым лубом, тетива из пеньковой верёвки. Петля на зайца: длинная веревочка, к ней привязана короткая круглая палочка с косым срезом на одном конце, на срезе сделан желобок. Мерка для определения высоты настораживания лука-самострела на того или иного зверя: круглая палочка с зарубками для прицела, расширяющаяся книзу.

Орудия активной охоты: ручной лук (106-12, 268-13, 376-20, 592-28, 1152-14, 5111-103, 5111-109, 5111-110), копьё (рогатина) на медведя (376-22, 5111-115, 196). Ручные луки двух видов – простой (изогнутая палка с тетивой) и сложный. Пример описания сложного лука: клеёный из пластин черемухового, березового и кремлёвой части кедрового или соснового дерева; концы лука – из черемухового дерева; на концах лука и в середине с внутренней стороны наклеены тонкие деревянные пластины, поверх них лук в этих участках обмотан саргой, весь лук оклеивается тонкой берестой.

Для самострелов и ручных луков предназначено много разнообразных стрел, приведём краткое описание некоторых их них. Стрела деревянная с полой и продырявленной головкой, издающей свист во время полёта; употребляется для вспугивания птиц, летящих вереницей (106-9); стрела с металлическим вилкообразным наконечником – на утку (592-30−33, 859-95, 96, 2383-51); стрела деревянная с утолщённым концом – на белку (268-13/2, 859-94, 2383-55); стрела с трёхгранным оперением и металлическим вилообразным наконечником – на лисицу (268-13/3, 859-100, 101, 2383-54); стрела на выдру с наконечником в виде гарпуна, к которому прикреплена верёвка (859-102); стрела с плоским треугольным наконечником, концы которого оттянуты – на оленя или лося (592-34, 36); стрела с копьеобразным наконечником – на медведя (859-104); стрелы разного назначения (106-8, 592-35, 1152-20, 24-33, 2383-52, 53, 56−58, 5111-105−108, 117, 125, 214, 215); наконечники стрел (5111-126, 5160-10, 5541-91).

В МАЭ имеется также подсобный инвентарь и предметы снаряжения охотника. Принадлежности лучника: колчан для стрел из грубой шерстяной ткани, который носили за плечами (2383-60); щиток – выпуклая пластинка из кости с просверленными отверстиями и вдетыми в них ремешками, надеваемая при стрельбе из лука на кисть руки для защиты от удара тетивы (376-25, 592-37, 859-93, 2383-61, 5541-92). Подсобный инвентарь: лапа лисы и выдры для отпечатывания следов (592-40, 41), бич для вспугивания белок – палка с просверленным на конце отверстием, в которое вдета витая верёвка, заканчивающаяся свитым конским волосом (5111-172), чучело утки (6375-17). К снаряжению охотника с ружьём относятся: пороховница и мерка для пороха из кости (859-91, 5111-50, 5160-11), пистонница (6730-1), ремень-натруска с кожаной дробовницей, меркой для пороха, мешочком для патронов и пистонов, иглой для пробивания пистонов и др. (2383-49, 5823-1).

1.3. Оленеводство. Оленеводческий инвентарь представлен деревянным боталом на шею оленя (592-27), деревянным ошейником петлеобразной формы с раздвоением на конце – для подвешивания колодок (5541-103), деревянными колодками в виде доски или куска дерева, сужающегося к одному концу (5541-98−101), деревянной колодкой на переднюю ногу оленя, с тамгой (2383-66); все колодки служили для сдерживания бега оленя и различались в зависимости от вида оленя – взрослого или маленького, быка или важенки.

1.4. Собирательство. Для сбора наиболее важного для хантов растительного сырья – ягод использовались разнообразные вместилища, но они относятся к утвари и здесь не рассматриваются. Орудия и приспособления собирательства в коллекциях МАЭ – это модель деревянного колота для сбивания кедровых шишек, состоящего из рукояти и деревянной чурки в качестве била (859-114), деревянный валёк с пилообразными зарубками для шелушения шишек (859-115), решето для просеивания ореха (859-117, 5111-198). Сюда же условно отнесём и единственное орудие земледелия – мотыгу из ствола и корня можжевельника, с естественным изгибом на конце (5111-113).

1.5. Домашнее производство. В этом разделе рассматриваются инструменты и приспособления для производства всего комплекса бытующих у хантов вещей, используемые при этом материалы и заготовки из них, а также некоторые готовые изделия.

К универсальным орудиям труда относятся ножи. В МАЭ имеются хантыйские ножи разного назначения, зачастую они находятся в комплекте с ножнами. Нож мужской для выделки нарт, узкий, с костяной рукоятью и ножны, выдолбленные из одного куска дерева (5541-30); женский нож с острым концом – для кройки шкур и сукна (5541-32, 33), женский нож из лопаточной кости оленя – для чистки рыбы (592-17, 5541-52−56); нож стальной с изогнутым концом – для отрезания рыбы у рта (5541-31). О некоторых ножах с ножнами есть только частичная информация: мужской нож (859-13), женский узкий нож в деревянных ножнах (859-20), фабричный кухонный нож в деревянных ножнах (5111-162), нож в берестяных ножнах (5111-162) ножны деревянные (268-7) и берестяные (2383-40, 5111-42, 43).

Инструментами, используемыми при изготовлении изделий из древесины и коры, в коллекциях МАЭ являются свёрла, струги, тёсла и др. Сверло лучковое состоит из рукояти в виде изогнутого лучка и круглого деревянного черенка с железным лезвием на нижнем конце и полой трубкой, надетой на верхний конец, сверло вращают с помощью ремешков, продетых в рукоять и лучок (268-1, 5541-36); коловорот (859-69). Струг для обработки крупных изделий – лодок, досок и другого – состоит из железной согнутой дугообразной пластины, концы которой вбиты в деревянную колодку с двумя ручками (286-6, 859-67, 2383-41); струг для жердей имеет вид деревянной выпуклой пластинки с прорезом в середине, куда вставляется строгающий нож (592-18, 859-68). Тесло для выдалбливания внутренности лодки-долблёнки – железная рабочая часть с загнутыми внутрь стенками, насаженная на Г-образный выступ деревянной рукояти (859-66, 2383-42). Шило с костяной рукояткой служило для накалывания орнамента на бересте и в других целях (859-134, 5541-34); штамп из оленьего рога для нанесения узоров на бересте (592-19).

В хантыйских коллекциях Кунсткамеры имеются также разные материалы в виде частей дерева (наросты, кора, ветки, корни) и изделия из них. Это куски трута из сухой берёзовой губы, расколоченной и сваренной в воде с добавлением таловой золы – для добывания огня (859-49); чага для приготовления напитка (859-44); нарост на берёзе и лиственничная кора, из которых готовят краску в виде отвара с примесью таловой коры (859-46, 47); таловая кора для выплетания узора на циновке (5541-196); сарга – тонкие пластины из черёмухового прута (859-71, 73); расщепленный кедровый корень и верёвка из него (850-72, 74); таловое лыко и верёвка из него (859-75, 79, 5160-2); ремни из луба лиственницы (106-33); таловая и берёзовая стружка в качестве гигроскопического материала (106-2, 859-50, 5111-46, 144, 5160-3, 5541-91, 201−203); свёрток бересты (5541-209).

К обработке и использованию травы относятся следующие предметы: пучок расчесанной и свернутой

травы, служащей в качестве стельки (5093-33, 36); расческа для травы (859-70, 5111-51, 179); высушенная осока для изготовления циновок (106-1, 5093-36, 5541-189−200, 5823-43); лента, сплетённая вручную из пучков осоки – часть циновки (5541-194, 195, 5823-44, 45); косточка для расщепления стеблей крапивы на волокна (592-23); стебли, куделя и волокна крапивы – для изготовления ниток (859-80, 81, 106-3); веретено с напряслом из коры осокоря – для прядения крапивных нитей (859-83); стержень веретена (106-6); напрясла к веретену из камня, кости, глины, меди (106-7, 592-24, 5111-77−90, 178, 203); кручёные нитки из крапивы (859-82); образец холста из крапивы (106-4); корень растения кас для пищи (859-45).

Шкуры, их обработка и изделия из них представлены в хантыйских коллекциях МАЭ так: лапки белки для шитья шуб (5093-29); шкурки гагары для изготовления одежды (5093-55); части оленьих шкур, идущие на одежду (859-25–28); распялка для шкурок мелких пушных зверей в виде деревянной пластины (5111-169–171, 5823-75, 76); орудие из рога оленя в форме лопатки – для удаления мездры и разминания шкуры (5111-65) и сцена обработки шкуры дикого оленя этим инструментом (И-123, ф. 66); инструмент для удаления мездры со шкур и камусов оленя в виде деревянной палки-рукояти с прорезью на середине, в которую вставлена тонкая железная заточенная пластинка (2823-43, 5541-39–42); инструмент для разминания шкуры – деревянная дугообразная основа с прорезом во внутренней стороне выгиба, куда вставлена железная отточенная полоса с насечками (5111-176); разные скребки для шкур (6375-7, 8); снаряд для проминки ремней (592-22); ремень из кожи морских животных (5160-1, 15).

Заготовки и приспособления для шитья: пучок необработанных сухожилий лося (5093-70); сухожилия оленя и нити из них, используемые при шитье изделий из шкур и бересты (376-23, 5541-188); расчёска для лосиных сухожилий при изготовлении нитей (5111-129, 130); держатели сухожильных нитей: в виде косточки из предплечья крупных птиц (859-64, 5160-8) либо в форме фигурных орнаментированных пластинок с прорезями для закрепления нитей (5111-54–76, 217–219); игольник из ткани, двухслойный, верхняя сторона украшена аппликацией (2383-38, 5093-65); выкройки из бересты для рукавиц и обуви (5111-146, 166); деревянная колодка для шитья бродней (5541-215, 216); формы для литья оловянных бляшек из осокоря и куска кирпича с вырезанными контурами узора, рядом с которыми находится желобок для вливания олова; бляшки используются в шейных украшениях и нашиваются на халаты, кафтаны (859-136, 5823-50).

К предметам домашнего производства в хантыйских коллекциях Кунсткамеры относятся также приспособления для плетения: дощечка, служащая меркой для счёта при вязке сетей (592-53); деревянная пластинка для определения размера ячей сети (5541-125, 126, 231); игла / уток для вязания сетей (5111-173); прибор для прикрепления начального ряда сети (5541-57); часть прибора для изготовления верёвок для сети – деревянная палочка, расширяющаяся на концах, где вставлено по поперечному колышку (5541-124); приспособление для плетения арканов: пять деревянных шпулек, у которых один конец с прямоугольным утолщением, а другой плоский, расширен и заострён, на нём – отверстия, через которые проходят полоски кожи (5541-94).

К числу предметов домашнего производства условно отнесём деревянный безмен (106-19) и деревянный календарь в виде четырёхгранной палочки с зарубками на гранях (5111-209).

Результаты проведённого анализа позволяют дать определённые ответы на поставленную задачу – выявить степень представительности культурного наследия народа в хантыйских коллекциях МАЭ, их содержательности и информативности. Учитывая, что исследование темы разделено на две части (статьи), в предлагаемой статье выводы касаются только рассмотренных здесь вопросов: во-первых, анализа коллекций в целом, во-вторых, характеристики предметов, относящихся к хозяйственным занятиям хантов.

1. Коллекции отражают культурное наследие хантов почти за столетний период (1880–1978).

2. Точная этническая или этнолокальная привязка коллекций либо отдельных предметов иногда затруднена из-за неясных сведений в описях. Можно считать, что из 40 собраний, включающих хантыйские предметы, 35 являются чисто хантыйскими, в них находится 1 640 экспонатов.

3. Степень представленности культурных объектов неодинакова для разных групп хантов: наиболее полно отражены нижнеобская, казымско-берёзовская и васюганская группы; слабо представлены или вообще не упоминаются в описях ханты Демьянки, Ваха, Агана, Тромъёгана, Югана, Пима, Салыма, Назыма, Куновата, Сыни, Соби.

4. Для выяснения того, в какой мере коллекции МАЭ отражают культурное наследие хантов, нужно наиболее значительные из них сравнить с описаниями народного быта приблизительно того же времени, что и коллекции. Этому условию более всего соответствуют материалы по васюганским хантам. В 1898 г. их быт описан У.Т. Сирелиусом в экспедиционном дневнике, при публикации которого издатели дополнили записи большим количеством иллюстраций тех предметов, которые Сирелиус привёз с Васюгана в Финляндию [4]. В 1932 г. здесь собраны две крупные этнографические коллекции, хранящиеся в МАЭ (№ 5093, 5111).

5. Систематизация предметов и иллюстраций, выполненная автором статьи, позволила выделить в хантыйских коллекциях следующие культурные блоки: хозяйственные занятия, средства передвижения, постройки, утварь, одежда, игры и игрушки, искусство, культы. Они в достаточной мере отражают культурное наследие народа в целом, однако картина будет выглядеть далеко неоднозначной при анализе каждого из указанных блоков, а также при их наложении на локальные группы хантов.

Выше были изложены выводы, относящиеся к общей характеристике хантыйских коллекций в МАЭ. Далее приводятся результаты анализа одного из культурных блоков – орудий и инвентаря хозяйственных занятий[1].

6. К рыболовству относятся ловушки запорного лова, сетевые снасти, крючковые снасти, колющие орудия и подсобный инвентарь; к охоте – орудия пассивных и активных способов добычи животных, стрелы и подсобный инвентарь; содержание оленей представлено предметами для сдерживания их бега; собирательство отражено в орудиях и приспособлениях для заготовки кедрового ореха; к домашним промыслам относятся универсальные орудия и специализированные инструменты для обработки дерева, травы, шкур и сухожилий, а также для шитья и плетения.

7. Представленность, информативность экспонатов МАЭ неодинаковы по отношению к разным видам занятий. Слабее всего представлен предметный ряд по рыболовству, в нём отсутствуют многие виды ловушек и снастей, известные у хантов (например, верша, котец, гимга, важан и др.). Достаточно представительны материалы по охоте. Предметов, связанных с оленеводством и собирательством, в МАЭ немного, но и в быту хантов этот перечень небогат. Наиболее содержательным и информативным является предметный ряд, относящийся к домашнему производству.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Информация о предметах этого блока и их использовании в быту хантов приводится многими авторами по личным наблюдениям; кроме указанных выше [4, 6] − И.С. Поляковым [7], Б. Шостаковичем [8], А. Алквистом [9], С.К. Паткановым [10], У.Т. Сирелиусом [11, 12], А.А. Дуниным-Горкавичем [13], М.Б. Шатиловым [14], К. Вилкуной [15], В.М. Кулемзиным, Н.В. Лукиной [16] и др. Обобщающий труд о рыболовстве и охоте хантов и манси принадлежит Е.Г. Фёдоровой [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Основные* этапы формирования коллекций Кунсткамеры. URL: http://ras.ru/kunstkamera/a52eaaa0-dba2-49a0-8588-f29f15ac65d9.aspx?hidetoc=0 (дата обращения: 20.04.2014).
2. *Коллекции* по культуре и быту народов Сибири. URL: http://www.kunstkamera.ru (дата обращения: 22.05.2014).
3. *Фёдорова Е.Г.* Манси в фондах МАЭ: Каталог коллекций // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2−3. С. 252−264.
4. *Sirelius U.T.* Reise zu den Ostjaken. Helsinki, 1983. 342 s.
5. *Лукина Н.В.* Коллекции Кунсткамеры по народам Севера Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова : материалы и итоги полевых исследований : сб. ст. Томск : Ветер, 2012. Т. 17. С. 227–239.
6. *Лукина Н.В.* Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии: Т. 1 : Васюган. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 336 с.; Т. 2 : Средняя Обь. Вах. Кн. 1. Томск : Изд-во ТГУ, 2005. 352 с.; Кн. 2. Томск ; Екатеринбург : Изд-во ТГУ ; Баско, 2006. 256 с.; Т. 3 : Юган. Томск : Изд-во ТГПУ, 2009−2010. 296 с.; Т. 4 : Аган. Пим. Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. 331 с.; Т. 5 : Конда. Тромъёган. Лямин. Казым. Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. 399 с.; Т. 6 : Нижняя Обь. Сыня. Собь. Полярный Урал. Томск : Изд-во ТГПУ, 2010. 291 с.
7. *Поляков И.С.* Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1877. Т. 30. 187 с.
8. *Шостакович Б.* Промыслы Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. 1882. Кн. 6.
9. *Ahlguist Aug.* Unter Wogulen und Ostjaken. Reiseberichte und Mitteilungen // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingsfors, 1885. T. 14. S. 135–307.
10. *Патканов С.К.* «По Демьянке» (Бытовой и экономический очерк) // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Омск. 1894. Кн. 16, вып. 2, 3.
11. *Sirelius U.T.* Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906. 486 s.
12. *Сирелиус У.Т.* Домашние ремёсла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1907. Вып. 16. С. 41–69.
13. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. 140 с.
14. *Шатилов М.Б.* Ваховские остяки. Этнографические очерки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. 4. 174 с.
15. *Vilkuna K.* Über die ob-ugrischen und samojedischen Pfeile und Köcher // Mémories de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors-Helsinki, 1950. Vol. 98.
16. *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Томск : Изд-во ТГУ, 1977. 225 с.
17. *Фёдорова Е.Г.* Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб. : Европейский дом, 2000. 367 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 11 сентября 2014 г.

CULTURAL HERITAGE OF THE KHANTY IN KUNSTKAMMER COLLECTIONS: ECONOMIC ACTIVITY

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 91-97. DOI: 10.17223/15617793/387/14

Lukina Nadezhda V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lunv@mail.ru

Keywords: Kunstkammer; the Khanty collection; cultural heritage; tools.

The article is devoted to the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer), Russian Academy of Sciences, reflecting the cultural heritage of one of the peoples of Siberia – the Khanty (former name – the Ostyaks). The Khanty settled the vast area of the Ob-Irtysh basin. The presence of local, sometimes quite significant differences is an attribute of their culture. The total number of the Kunstkammer collections containing Khanty items is 40, 35 of them are designated as belonging to the Ostyaks / Khanty. There are 1640 depository items in the whole. The author worked with materials of Kunstkammer in 1971, 1977 and 2014. She has researched more than 30 collector's inventories, moreover, some of the items were inspected and described directly in the funds. Also 16 early collections of the illustrative fund were studied. Information obtained was systematized on the following topics: economic activity, vehicles, buildings, utensils, clothes, toys and games, art and religion items. The comparative analysis of the collections and their territorial connection shows that they reflect the cultural heritage of the Lower Ob, Kazym-Berezovo and Vasyugan groups to the fullest extent. It is difficult to understand the territorial connection of the other groups of museum exhibits due to unclear information of the place where these items were collected. Apart from a general analysis of the museum collections, in the second part of the article the author discusses tools, equipment, materials and finished products relating to basic activities: fishing, hunting, herding, collecting, home crafts in more details (the other cultural blocks will be discussed in the next article). The trap fisheries for locks, network gear, longlines, stitching tools and ancillary equipment are for fishing; guns for passive and active methods of catching animals, arrows, and ancillary equipment are for hunting. Reindeer herding is presented by the objects for controlling

their run (deer transport is not considered here, it is included in the block "vehicle"). Gathering is reflected in the instruments and devices for the harvesting of pine nuts. Versatile and specialized tools for working wood, herbs, skins and tendons as well as things for sewing and weaving are classified as homemade crafts. Representativeness and self-descriptiveness of the MAE exhibits varies in relation to different types of activities. The least number of items is about fishery, it lacks many of the traps and gear known by the Khanty. Personable enough are materials on hunting. There are not many items related to reindeer herding and gathering in the museum, but this list is not rich in the life of the Khanty, too. The most comprehensive and informative set of items belongs to home production.

REFERENCES

1. *Osnovnye etapy formirovaniya kollektsiy Kunstkamery* [The main stages of formation of the Kunstkammer collections]. Available at: http://ras.ru/kunstkamera/a52eaaa0-dba2-49a0-8588-f29f15ac65d9. aspx?hidetoc=0. (Accessed: 20th April 2014).
2. *Kollektsii po kul'ture i bytu narodov Sibiri* [Collections of culture and way of life of Siberian peoples]. Available at: http://www.kunstkamera.ru. (Accessed: 22th May 2014).
3. Fedorova E.G. *Mansi v fondakh MAE: Katalog kollektsiy* [The Mansi in MAE funds: the catalogue of collectionsCatalog collections]. In: *Kur'er Petrovskoy Kunstkamery* [The Messenger of Peter's Kunstkamera]. St. Petersburg, 1995. Issue 2−3, pp. 252-264.
4. Sirelius U.T. *Reise zu den Ostjaken*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura Publ., 1983. 342 p.
5. Lukina N.V. [The Kunstkamera collections on indigenous peoples of Tomsk region]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. M.B. Shatilova: materialy i itogi polevykh issledovaniy* [Proc. of Tomsk Regional museum of Local Lore]. Tomsk: Veter Publ., 2012. Vol. 17, pp. 227-239. (In Russian).
6. Lukina N.V. *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii*. V 6 t. [Khanty from Vasyugan'e to the Arctic Circle. Sources of Ethnography. In 6 vols.]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2004 – 2010.
7. Polyakov I.S. Pis'ma i otchety o puteshestvii v dolinu r. Obi [Letters and reports on travel to the valley of the Ob]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*, 1877, vol. 30, 187 p.
8. Shostakovich B. Promysly Narymskogo kraya [Crafts in Narym]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya RGO*, 1882, Book 6.
9. Ahlguist Aug. Unter Wogulen und Ostjaken. Reiseberichte und Mitteilungen. *Acta Societatis Scientiarum Fennicae*, 1885, vol. 14, pp. 135-307.
10. Patkanov S.K. "Po Dem'yanke" (Bytovoy i ekonomicheskiy ocherk) [Along Dem'yanka (A household and economic survey)]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya RGO*, Omsk, 1894. Book 16, issues 2, 3.
11. Sirelius U.T. *Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern*. Helsingfors, 1906. 486 p.
12. Sirelius U.T. Domashnie remesla ostyakov i vogulov [The homemade crafts of the Ostyaks and Voguls]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*, 1907, issue 16, pp. 41-69.
13. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy Sever* [Tobolsk North]. Tobolsk, 1911. Vol. 3, 140 p.
14. Shatilov M.B. [The Ostyaks of the Vakha]. *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proc. of Tomsk Regional Museum]. Tomsk, 1931. Vol. 4, 174 p.
15. Vilkuna K. Über die ob-ugrischen und samojedischen Pfeile und Köcher. *Mémories de la Société Finno-Ougrienne*, 1950. Vol. 98.
16. Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX v. Etnograficheskie ocherki* [The Khanty of Vasyugan and the Vakha in the late 19th – early 20th centuries. Ethnographic essays]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1977. 225 p.
17. Fedorova E.G. *Rybolovy i okhotniki basseyna Obi: problemy formirovaniya kul'tury khantov i mansi* [Fishermen and hunters in the Ob basin: problems of building a culture of the Khanty and Mansi]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2000. 367 p.

Received: 11 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 98–104 DOI: 10.17223/15617793/387/15

УДК 39

А.Ю. Майничева, Е.И. Глухих

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ НОВЫХ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В СИБИРИ КАК ХРАНИТЕЛЕЙ ТРАДИЦИЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА (на примере г. Кодинска Красноярского края)

Рассматриваются перспективы формирования нового музея деревянного зодчества под открытым небом в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края. На пути формирования нового музея стоит немало трудностей, однако существуют и позитивные стороны, например, наличие свободного земельного участка, достаточного для размещения музейного комплекса локального типа, соответствие ландшафта историко-культурным условиям, наличие вывезенных из зоны затопления недвижимых памятников деревянного зодчества и этнографических экспонатов.

Ключевые слова: музеи под открытым небом; этнография; традиционные постройки; русские; Приангарье.

Музеи издавна являются одной из форм сохранения и использования культурного наследия прошлого. Современное музейное пространство Сибири охватывает разнообразные виды музеев, имеющие различные концепции, тематику коллекций, формы подачи экспозиции, количество экспонатов и пр. Долгое время эти учреждения были лишь собирателями, накопителями и распространителями информации. За последние десятилетия существенно изменился статичный и консервативный музейный мир. Музей вошел в рыночное пространство, став органичной частью культурной, экономической и политической жизни местных сообществ. Немалую долю среди прочих составляют музеи под открытым небом. В Сибири функционирует несколько десятков таких музеев. В историко-культурном отношении большой ценностью обладают собрания, в которых представлены постройки, выполненные в традициях деревянного зодчества. С выходом Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ» и «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» вопрос о развитии уже существующих и создании новых музеев под открытым небом приобретает особую актуальность. Данная статья посвящена перспективам формирования музея деревянного зодчества под открытым небом в г. Кодинске Кежемского района Красноярского края (работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН 33. «Традиции и инновации в истории и культуре» 2012–2014 гг. Направление 3. Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре).

Музеи под открытым небом в мире существуют с конца XVIII в., но в Советском Союзе пик интереса к созданию таких музеев пришелся на 1960–1970-е гг., поскольку их посчитали адекватной формой сохранения памятников деревянного зодчества, вывезенных из зон затопления водохранилищами строящихся гидроэлектростанций. Так, в Сибири, например, созданы Иркутский этнографический музей «Тальцы» (Иркутская обл.), Архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня» (г. Братск), Историко-архитектурный музей ИИФиФ СОАН СССР (Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения СССР (г. Новосибирск). В 1990-е гг. в России отмечался новый всплеск интереса к музеям под открытым небом и историко-архитектурным музеям-заповедникам, инициированный ростом национального самосознания, поисками «своих корней» и «национального пути развития». Так появились концепции и было начато формирование Этнографического музея-заповедника «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск), Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская писаница» (г. Кеиерово) и др. В регионах продолжают разрабатываться программы создания системы музеев-заповедников. Например, от Иркутского региона были предложены археологические заповедники «Глазковский некрополь» в Иркутске и «Шишкинские писаницы» на Верхней Лене, историко-архитектурные комплексы: историко-мемориальная зона «Декабристы в Иркутске» и музей-усадьба В.П. Сукачева, уникальный архитектурно-природный и инженерный комплекс «Кругобайкальская железная дорога» [1. С. 229]. Как правило, экспонатами сибирских музеев под открытым небом являются памятники истории, архитектуры и этнографии XVII–XIX вв., а также памятники древнейшего прошлого и природные объекты. Современной тенденцией в подходе к формированию экспозиции музеев под открытым небом является переход от показа отдельных уникальных построек к воссозданию целостных архитектурно-этнографических комплексов в форме экомузеев [2. С. 7–13; 3. С. 8–19; 4. С. 24–148; 5. С. 139–143; 6].

Важно отметить, что форма музея под открытым небом в большой степени действенна, когда невозможно сохранить недвижимый объект культурного наследия in situ. Подобная ситуация сложилась в настоящее время в Нижнем Приангарье в связи со строительством Богучанской ГЭС и предстоящим затоплением искусственным водохранилищем многих русских старожильческих поселений Кежемского района Красноярского края. Для сохранения элементов культуры ангарцев сотрудниками районного муниципального учреждения культуры Кежемский историко-этнографический музей им. Ю.С. Кулаковой инициативно была создана концепция музея деревянного зодчества под открытым небом, основной задачей которого является показ материальной и духовной культуры населения Приангарья, что сделает музей привлекательным для посетителей и позволит стать крупным очагом культуры. Рукопись концепции (38 с., ил.) хранится в Кежемском историко-

этнографическом музее им. Ю.С. Кулаковой. В целях оказания методической помощи в регионе работал Сибирский этнографический отряд (нач. отряда д-р ист. наук А.Ю. Майничева), собранные материалы использованы в статье.

Авторы концепции при создании музея намерены решить ряд задач. Во-первых, сформировать историко-культурную и архитектурно-этнографическую среду, для чего требуется реставрация сохранившихся и реконструкция утраченных элементов строительной культуры Приангарья с последующей их музеефикацией. Во-вторых, создать инфраструктуру по обслуживанию туристического потока в г. Кодинске. В-третьих, обеспечить организацию рекреационной зоны, предназначенной для проведения массовых гуляний, ярмарок и активного отдыха жителей и гостей города.

Рассмотрим возможности для выполнения указанных задач.

Расположение музея выбрано в новом районном центре г. Кодинске, административном преемнике с. Кежма, которое будет затоплено. Кодинск (до 1989 г. пос. Кодинская Заимка), который находится вблизи от строящейся Богучанской ГЭС и в 735 км от г. Красноярска, был основан как поселок строителей и в настоящее время приобрел статус города. Он застроен современными благоустроенными многоэтажными жилыми домами, школами, детскими садами, учреждениями культуры и здравоохранения. По данным администрации Кежемского района, население города составляет более 15 000 чел. Кодинск имеет круглогодичное сообщение с краевым центром Красноярском и с населенными пунктами Иркутской области. Географическое положение Кодинска может быить выгодным для экономического освоения ресурсов Нижнего Приангарья. Это одно из немногих крупных поселений региона с развитой современной инфраструктурой. Неудивительно, что музей предложено разместить в непосредственной близости от города, в живописной лесистой местности на его окраине. Территория будущего музея сейчас не застроена, расчищается от сорного леса, там прокладываются грунтовые дороги. Ландшафт включает часть планируемого искусственного водохранилища, что важно для воссоздания естественных условий, так как все русские поселения региона основывались вблизи водоемов.

Одной из серьезных проблем при создании музея является отсутствие профессиональных этнографических исследований культуры русских ангарцев, живших в поселениях Кежемского района. Однако существуют краеведческие описания, музейные сборы и архитектурные характеристики построек, составленные в 1970-х гг. в результате обследований при планировании каскада гидроэлектростанций на р. Ангаре. Кроме того, в последние годы там работал Сибирский этнографический отряд ИАЭТ СО РАН (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук) (нач. отряда А.Ю. Майничева), в результате его деятельности часть построек была разобрана и вывезена для музея из зоны затопления. Большое количество материала собрано археологическими отрядами, что позволяет дополнить экспозиционную часть музея реконструкциями городищ и стоянок древних людей. В настоящее время концепцией это не предусмотрено, она ориентирована лишь на русское население, и хронологические рамки охватывают лишь XIX–XX вв. Думается, что отнесение временных рамок в более отдаленное прошлое позволило бы расширить экспозицию и информационно обогатить музей.

В настоящее время вывезенные из затопляемых поселений постройки в разобранном виде складированы на охраняемой площадке под открытым небом в отдельные штабели, прикрытые рубероидом и иным изолирующим материалом. Имеются информационные таблички с указанием типа постройки, бывшего владельца и адреса его прежнего месторасположения.

Одним из наиболее интересных объектов является церковь (часовня?) из д. Мозговая (с. Верхняя Кежма). Она уже становилась объектом изучения специалистов, однако опубликованная информация о ней крайне скудна, практически она состоит из фотографий разных лет в местных изданиях (см., например, [7]). Материалы отчетов по исследованиям архитекторов, готовивших данные по вывозу зданий для музеев под открытым небом, остались неизданными. Вместе с тем, согласно стратегии по сохранению культурного наследия в зоне затопления Богучанской ГЭС, в которой были обозначены объекты историко-архитектурного наследия, принятые к выносу в соответствии с техническим проектом 1976 г., наряду с прочими объектами указаны барабаны и маковки часовни из д. Мозговая. На учете в комитете по охране объектов культурного наследия администрации Красноярского края находится часовня из с. В. Кежма [8]. Все это говорит о значимости ее как недвижимого объекта культурного наследия, который требует пристального внимания и изучения.

Деревянная церковь была расположена на северо-восточной окраине деревни, на открытом высоком берегу Ангары. Она была ориентирована традиционно – алтарной частью на восток и входом на запад. К моменту исследований, использованных в документе, здание было заброшено, не огорожено и подвержено постоянному разрушению людьми, животными и атмосферными явлениями в виде снега, дождя и ветра. Церковь значительно пострадала: полностью отсутствует звонница с входным крыльцом на западном фасаде; нет полов, оконных и дверных заполнений, иконостаса, обшивки фасадов; разрушено навершие с главкой храмовой части; в полуразрушенном состоянии находится северная пристройка. Вместе с тем удалось установить основные характеристики здания. Фундаменты церкви были свайные – деревянные «стулья» в диаметре до 50 см, частично просевшие в восточной части. Стены храмовой части и пристройки рублены из бревен хвойных пород диаметром 30–36 см, вязка углов «в обло с остатком» 15–20 см. Внутренняя поверхность бревен стесана без скругления углов. Алтарь был рублен из бруса толщиной 16,5 см и шириной 34–35 см, вязка углов «в лапу». На внутренней поверхности стен видны следы побелки. Снаружи храмовая часть церкви и пристройка были

обшиты тесом, о чем свидетельствуют остатки каркасных брусков и обломок доски обшивки на южном фасаде, а также следы врубок на торцах перевязки венцов. Следов обшивки алтарной части обнаружено не было. На западном фасаде зафиксированы врубки от конструкций звонницы.

Между храмовой частью и помещением пристройки сплошной стены нет, а выступающая от потолка балка опирается на две колонны из бруса квадратного сечения. Перекрытие выполнено из полубревен с четвертью по балкам матицам, причем над храмовой частью сохранилось полностью. Засыпка перекрытия землей толщиной до 8 см. В юго-западном углу перекрытия имеется квадратное отверстие размером 54×56 см, предположительно – лаз на чердак, так как церковь была холодная и печей не имела. Перекрытия алтарной части и северной пристройки не сохранились. На наружных стенах по нижнему венцу имеется вырубка в виде полочки для опоры половых плах. В алтарной части по внутренней стене виден след пола по линии побелки. Частично сохранилась низкая и широкая шатровая кровля над храмовой частью, тесовое покрытие сильно обветшало, повреждено мхом. Коньковые угловые элементы отсутствуют. Стропила сечением 12×22 см выполнены из полубревен, обрешетка сечением 11×15 см – из четверти бревна. Подстропильная конструкция выполнена из бревен диаметром 28–30 см, центральной опорой шести стропил шатра служит столб диаметром 30 см, который является и основным конструктивным элементом храмового навершия с главкой. Кровля над алтарной частью – шатровая подобных же пропорций. Тесовое покрытие сильно обветшало, повреждено мхом и отсутствует на четверти площади. Стропила сечением 11×16 см выполнены из четверти бревна. Обрешетка из брусков сечением 6×7 см. Подстропильные балки две. Одна выполняет роль связки южной и северной стен и наружными выпусками держит карниз. Другая держит столб, который является опорой всех четырех стропил, коньковой балки и конструктивным несущим элементом алтарной башенки с главкой. Кровля над северной пристройкой – односкатная. Тесовое покрытие утрачено наполовину, сильно обветшало и поражено мхом. Завершение храмовой части из восьмигранной башенки с главкой утрачено почти полностью. Остался только столб основания и цокольные бруски. Навершие с главкой алтарной части сохранилось, но с большими утратами. Сохранились четыре кружала главки из восьми. На восьмигранном оголовке столба видны остатки кровельного металла. Декоративное убранство церкви, кроме главок храмовой и алтарной частей, было представлено профилированной обшивкой наружных карнизов и профилированного потолочного карниза храмовой части. Все крепления деталей кровли, башенок, главок, карнизов, обшивки выполнялись коваными гвоздями.

Из д. Паново было перевезено несколько жилых домов. Один из них стоял в усадьбе по ул. Комсомольская, 18, в центре деревни. Усадьба выходила главным фасадом на улицу. Ворота двухстворчатые с калиткой. Вход в избу был через сени со двора. Деревянное крыльцо крыто навесом на столбах. Дом пятистенный. Стены рублены из хвойных пород диаметром 30–35 см, вязка углов «в обло с остатком» 27–30 см. Пазы бревен сруба проконопачены мхом. Декоративное убранство дома представлено оформлением десятью окнами с резными наличниками, украшенными элементами пропильной резьбы. Сохранились подлинные оконные рамы, дверные колоды и полотна.

В той же деревне по адресу пер. Партизанский, 5 располагался еще один интересный дом, который удалось вывезти в Кодинск. Фундаменты дома – свайные, деревянные «стулья». Стены рублены из бревен хвойных пород диаметром 28–32 см, вязка углов «в обло с остатком» длиной 25–28 см. Внутренняя поверхность стен избы стесана без закругления углов. Пазы бревен срубов проконопачены мхом. Дом освещался тремя окнами на южном (уличном) фасаде и тремя на западном фасаде. Изнутри стены были оштукатурены и побелены известью. Частично оставшиеся перегородки в избе – каркасные с заполнением фигурными филенками. Дверей в перегородках нет. Внутреннее пространство дома было разделено на три помещения перегородками от печи. Вокруг печи имелся проход. За печью, у северной стены, находился лаз в подполье. Глинобитная печь была побелена известью. С дворовой стороны к сеням пристроено крыльцо из тесаных полубревен с навесом на столбах, крытое тесом. Перекрытие избы выполнено из полубревен с четвертью по балкам матицам с утеплением земляной засыпкой. Потолки побелены известью. Перекрытие над сенями выполнено из полубревен без земляной засыпки, с опиранием на наружные стены и среднюю балку. Крайняя плаха перекрытия, расположенная около восточной стены избы, утрачена. Полы в доме сделаны из плах в полбревна, уложенных по балкам. Полы покрашены коричневой масляной краской. Сохранилась подлинная двускатная «самцовая» кровля по слегам, крытая драньем, с охлупнем. Слеги кровли избы были выполнены из обтесанных полубревен, а слеги кровли сеней – из кругляка диаметром 22–24 см. Декоративное убранство дома представлено оформлением шести уличных окон наличниками с элементами пропильной резьбы и ставнями с односторонней фигурной филенкой. Подзор карниза восточного фасада украшен резными причелинами, состоящими из двух досок с напуском. Нижняя доска порезана прямоугольной зубчатой ступенькой, а верхняя – треугольным зубом и профилирована в плоскости. Сохранились подлинные оконные рамы и дверные полотна с коваными навесами.

Всего было вывезено и складировано 15 построек – жилых домов и амбаров. Однако лишь две из них входят в список, указанный в концепции музея, следовательно, для тринадцати построек не существует полноценного архитектурно-этнографического описания, которое позволило бы восстановить сооружения на территории музея. Осмотр имеющихся построек показал, что состояние конструкций по большей части удовлетворительное, имеются отдельные намокания в связи с тем, что на бревнах был оставлен прокладочный утеплительный мох. Обнаружены следы гниения древесины, появившиеся в период эксплуата-

ции построек. Наиболее пострадало навершие церкви из д. Мозговая: кружала, обшивка частично отсутствуют, деревянные детали покрыты лишайником, трухлявы. Имеется частичная маркировка бревен срубов масляной краской, сделанная по стандартной схеме: номер стены – арабскими цифрами, номер бревна – римскими (3IV, 3V). Маркировка большинства бревен, зарисовки и чертежи построек с маркировочными отметками отсутствуют. Имеются фотографии построек, однако трудно судить об их достаточности для проведения восстановительных работ.

В перечне концепции музея указано еще несколько традиционных крестьянских деревянных построек, для которых составлено архитектурно-этнографическое описание. Таковы амбары и дом из с. Кежма.

Амбар из усадьбы, стоявшей по ул. Гагарина, 188, с. Кежма, построен в начале XX в. и располагался в глубине застройки. Его главный фасад был развернут на восточную сторону. Тип строения, к которому относится амбар, был распространен на территории Нижнего Приангарья. Это одноэтажный двухкамерный амбар-пятистенок с залобником и галереей на резных столбах. Ранее в амбаре находилась северная камера с ледником. Фундаменты амбара – свайные, деревянные «стулья». Стены срублены из бревен хвойных пород диаметром 20–22 см, вязка углов «в обло с остатком». Внутренняя плоскость венцов с подтесом от углов. Перекрытие выполнено в полбревна с четвертью. Засыпка на чердаке не сделана. Полы из плах в полбревна с четвертью. Кровля двускатная, «самцовая» из дранья по слегам, с охлупнем. Декоративное убранство амбара представлено двумя резными столбами, которые поддерживают вынос кровли (залобник) на главном фасаде, и лобовыми досками подзора (причелинами) с пропильной резьбой в виде полукружев на южном фасаде. Дверь в амбар – деревянная, щитовая на шпонках из плах с четвертью. Навесы кованые. Сохранились подлинные ручка и замковые петли.

В с. Кежма, в усадьбе по ул. Советская, 59, находился двухэтажный амбар, построенный в начале XX в. Усадьба располагалась в центре села по улице, проходящей по краю крутого спуска к реке Ангаре. Фасадом она была ориентирована на юг с видом на Ангару. Амбар стоял в углу усадьбы, своим южным фасадом он был обращен на улицу. Между амбаром и жилым домом располагались ворота с калиткой. Тип строения, к которому относился амбар, распространен на территории Кежемского района. Это двухэтажный четырехкамерный амбар-пятистенок с залобником и галереями на резных столбах по первому и второму этажам, с ледником в северной камере и с двускатной тесовой кровлей по слегам. Фундаменты амбара – свайные, деревянные «стулья». Стены рублены из бревен хвойных пород диаметром 22–25 см, вязка углов «в обло с остатком». Стены второго этажа выполнены из полубревен, плоской стороной вовнутрь амбара. Внутренняя перегородка второго этажа амбара сложена также из полубревен. В камерах первого этажа на внутренней поверхности стен остались врубки от бывших перегородок сусеков. Перекрытие первого этажа южного отсека сделано из плах толщиной 8–10 см, уложенных с опорой на наружные стены и балку по центру помещения. Полы первого этажа в южном отсеке выполнены из полубревен. Сохранилась подлинная двускатная кровля – «самцовая» по слегам, крытая «драньем», с охлупнем. В северном отсеке первого этажа находился люк в ледник. Декоративные детали амбара представлены резными столбами на галерее западного фасада, поддерживающими по второму этажу вынос кровли (залобника) и резными причелинами на южном фасаде. Галереи шли по первому и второму этажам. Сохранилась лишь одна подлинная дверь амбара, которая установлена в проеме первого этажа западного фасада южного отсека. У трех остальных подлинных дверных проемах полотна утрачены.

Жилой дом по улице Гагарина, 42, из с. Кежма, располагался в центре поселения. Южным фасадом дом ориентирован на дорогу и на реку Ангару. Тип дома типичен для Нижнего Приангарья. Венцы сруба дома составляли единое целое с сенями. Внутреннее пространство избы разделено на три помещения тремя перегородками. Первоначально перегородка за печью к дворовой части сруба, отсутствовала и вокруг печи был проход. В этом проходе расположен люк спуска в подполье. Печь, видимо, была переложена, но осталась на старом месте. Вход в избу через сени находится со двора. Деревянное крыльцо крыто навесом на столбах. Заподлицо с восточным фасадом к жилищу пристроен сарай к дворовому (северному) фасаду. Перед уличным (северным) фасадом находится палисадник, огороженный штакетником. Фундаменты дома – свайные, деревянные «стулья». Стены срублены из бревен хвойных пород диаметром 28–32 см, вязка углов «в обло с остатком» 23–28 см. Внутренняя поверхность стен избы стесана без закругления углов, а поверхность стен сеней – с закруглением углов. Пазы бревен срубов проконопачены мхом. Изба освещается тремя окнами на восточном фасаде и двумя на северном уличном фасаде. На южном дворовом фасаде прорублено новое окно для кухни. Сени освещены одним окном на южном фасаде. Стена избы и западная стена сеней связаны между собой с уличного и дворового фасадов балкой затяжкой по второму и третьему сверху венцам. Изнутри стены оштукатурены и забелены известью. Стены сеней частично обшиты листами сухой штукатурки и забелены известью. Для проветривания подпольного пространства сделаны продухи. Перегородки в избе – каркасные с заполнением фигаррейными филенками, окрашены масляной краской. С дворовой стороны к сеням приделано крыльцо из тесаных полубревен с навесом на столбах, крытое тесом.

Перекрытие избы выполнено из полубревен с четвертью по балкам-матицам с утеплением земляной засыпкой. Потолки побелены известью. Перекрытие над сенями выполнено из полубревен без земляной засыпки, с опиранием на наружные стены и среднюю балку. Потолок сеней подшит листами сухой штукатурки. Полы в доме сделаны из плах в полбревна, уложенных по балкам, и окрашены коричневой масляной краской. За печью, у северной стены, находится лаз в подполье. Кровля – подлинная двускатная «сам-

цовая» по слегам, крытая «драньем», с охлупнем. Часть тесовых плах над избой и сенями выполнена из полубревен с затеской к концам и в середине. Слеги кровли избы сделаны из обтесанных полубревен, а слеги кровли сеней – из кругляка диаметром 22–24 см. В центре избы находилась печь, выложенная из кирпича прямо на половых плахах. Декоративное убранство дома представлено оформлением пяти уличных окон наличниками с элементами пропильной резьбы и ставнями с односторонней фигаррейной филенкой. Окна на улицу и двери оформлены фигурной лобовой доской. Оконные рамы и дверные полотна на кованых навесах, сохранились подлинные.

К вывозу из с. Паново была намечена еще одна усадьба, находившаяся на ул. Комсомольской, 20. Тип, к которому относится изба, типична для Нижнего Приангарья. Южным фасадом дом выходит на дорогу и реку Ангару, а северным – во двор. В усадьбе сохранились дом, ворота и амбар. В плане изба представляет собой прямоугольник, размеры которого соответствуют длине «ходового» бревна (5–8 м). Дом рублен из кондовой лиственницы. С северной стороны к избе прирублены сени без крыльца. Стены сеней и избы сложены из гладко отесанных бревен. Ворота – двухстворчатые, с калиткой, симметричной композиции. Перекрыты двухскатной крышей. Амбар расположен в глубине усадьбы, главным фасадом развернут на восточную сторону. Тип строения, к которому относится амбар, типичен для региона – одноэтажный двухкамерный амбар – пятистенок с залобником и галереей на резных столбах, с ледником, двускатной тесовой кровлей по слегам. Пятистенный дом имел поперечную рубленую стену, разделявшую внутреннее помещение на части. Изнутри стены оштукатурены и забелены известью. Перекрытие избы выполнено из полубревен с четвертью по балкам-матицам с утеплением земляной засыпкой. Перекрытие над сенями выполнено из полубревен без земляной засыпки, с опиранием на наружные стены и среднюю балку. Полы в доме сделаны из плах вполбревна, уложенных по балкам. Полы окрашены коричневой масляной краской. За печью находился лаз в подполье. Кровля двухскатная, тесовая. Изба освещалась четырьмя окнами на южном уличном фасаде, двумя – на западном фасаде и двумя – на восточном. Окна имеют простые наличники. Столбы ворот выполнены из цельных бревен диаметром до 38 см. В рабочей зоне сечение столбов прямоугольное с четвертями. Фундаменты амбара свайные, деревянные «стулья». Перекрытие выполнено с полбревна с четвертью. Засыпки на чердаке нет. Полы сделаны из плах в полбревна с четвертью. Кровля двускатная, сделана из дранья по слегам с охлупнем. Декоративное убранство амбара представлено двумя резными столбами, которые поддерживают вынос кровли на главном фасаде и лобовыми досками подзора. Дверь в амбар деревянная, щитовая на шпонках из плах с четвертью. Навесы кованые. Сохранились подлинные ручка и замковые петли.

Достаточно полные описания построек, которые не удалось вывезти из зоны затопления, несомненно, помогут в восстановлении перемещенных зданий, так как представляют типичные постройки, а также в дальнейшем послужат основой для строительства на территории музея новоделов. Кроме того, и вывезенные постройки, и описания амбаров и изб необходимы как материал для сохранения сведений по строительным традициям. Чтобы обеспечить сохранность конструкций и дать возможность проведения проектных и восстановительных работ, рекомендуется составить по каждому объекту историческую справку с приложением иллюстративного материала (зарисовок, чертежей, фотографий разных лет и пр.), соотнести имеющиеся фотоматериалы со складированными конструкциями, а также провести инвентаризацию элементов и деталей, промаркировать их. Затем создать эскизные чертежи построек с указанием маркировки конструкций, выполнить черновую сборку срубов построек; использовать имеющееся навершие церкви в качестве образца для реконструкции здания в новом материале, сохранить оригинальные конструкции навершия как музейный экспонат (после проведения защитных и консервационных мероприятий); провести консультацию с реставраторами деревянных конструкций по вопросу обеспечения сохранности элементов и деталей и создания программы консервации и огнебиозащиты на месте их хранения, а также привлечь для уточнения датировок специалистов по дендрохронологии.

Авторы концепции в основном следуют традиционной модели функционирования музеев, включающей документирование, образование, воспитание, организацию свободного времени. В рамках данной модели мало учитываются запросы посетителя, которые могут быть не только познавательными и культурными, но и самыми прозаичными и обыденными. Сейчас значимым элементом музейного менеджмента стал маркетинг, т.е. исследование потребительского вкуса, ответ на спрос и создание новых запросов. Поскольку удовлетворенность посетителей зависит не только от качества экспозиций и экскурсий, необходимо уделять внимание наличию в музеях кафе и ресторанов, магазинов музейной продукции и прочей инфраструктуры, необходимой для отдыха и развлечения. Музеи из хранилищ объектов искусства или предметов прошлого стали все более превращаться в культурные центры широкого профиля (например, Дом-музей Волконских в Иркутске, краеведческий музей в пос. Усть-Ордынское Иркутской обл.). Начиная с 1990-х гг. «храмы муз» – музеи – заняли свое место в ряду других культурных индустрий, призванных способствовать созданию идентичностей и стилей жизни у потребителей. В этом новом качестве «индустрии» музеи встали перед необходимостью производить новые культурные продукты, успешно продавать их и оценивать свою деятельность в терминах экономической эффективности.

Востребованность музея как социального института тесно связана с необходимостью повышения исторической культуры населения. Тут на помощь должна прийти музейная педагогика с новыми формами работы с юными посетителями музеев, с учетом особенностей их восприятия и интересов. Особое внимание требуется уделять креативным формам деятельности, театрализованным представлениям, вовлекающим

детей в совместное творчество. Требуется принять одну из актуальных идей развития территории через культуру и, соответственно, необходимость построения культурной политики на уровне города и региона. Идея развития городов через культуру подразумевает, что именно на музеи ложится большая нагрузка – не только по обеспечению собственного существования и «культурно-досуговому» обслуживанию местного населения и туристов, но и по созданию «брендов», запоминающихся проектов и акций, которые содействовали бы коммуникации с другими учреждениями культуры и привлекали внимание к региону. Создание имиджа своей территории, региона – одна из функций музеев, и наиболее успешные менеджерские стратегии, как правило, способствуют ее выполнению.

Сейчас наряду с существующим «историческим нигилизмом» набирает силу тенденция эстетизации прошлого, растет интерес к народным праздникам и ремеслам, к историческим и культурным особенностям региона. В связи с этим музеи должны включать в свою деятельность работу творческих мастерских, проводить выставки работ современных мастеров, организовывать праздники, приуроченные к традиционному календарю, во время проведения которых выступают фольклорные коллективы, действуют ярмарки и мастер-классы по пропаганде народных ремесел. Большое значение здесь имеют музеи под открытым небом как особые учреждения культуры, обладающие значительными площадками для проведения народных гуляний, помещениями для мероприятий. Они предоставляют возможность человеку погрузиться в природную и исторически значимую природную среду. Такие музеи, как «Тальцы» Иркутского региона, Этнографический музей народов Забайкалья (г. Улан-Удэ), Историко-этнографический музей в Шушенском под Красноярском, «Томская писаница» (г. Кемерово), накопили и активно передают опыт по презентации народной культуры «в действии».

Региональные музеи создают своеобразную «мозаику» памятей. В настоящее время на новом этапе наблюдается своего рода «возвращение к истокам». Культурное наследие становится ресурсом для разворачивания экономических и политических стратегий.

Формирование нового музея под открытым небом в г. Кодинске, задуманного быть хранителем традиций деревянного зодчества региона, встречается с трудностями, среди которых отмечаются отсутствие программы финансирования и инвесторов, недостаточность научной базы, продуманной концепции и бизнес-плана. Вместе с тем существуют и позитивные стороны, например наличие свободного земельного участка, достаточного для размещения музейного комплекса локального типа, соответствие ландшафта историко-культурным условиям, наличие недвижимых памятников деревянного зодчества и этнографических экспонатов, интерес и востребованность жителями города и региона современного историко-культурного пространства в форме архитектурно-этнографического музея под открытым небом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шахеров В.П.* Проблемы сохранения историко-культурного наследия Иркутского региона на современном этапе // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов Всерос. конф. Томск : Том. гос. ун-т, 2007. С. 229, 230.
2. *Афанасьев А.Г.* Экомузей «Чолкой» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М. : ИЭА РАН, 1994. С. 7–13.
3. *Гнедовский М.Б.* Тайны под открытым небом: Музей в Варьегане // Мир музея. 1994. № 3. С. 8–19.
4. *Кимеев В.М.* Экомузей «Тазгол» в Горной Шории // Шорский сборник: этноэкология и туризм в Горной Шории. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1998. С. 24–148.
5. *Экологические* проблемы развития музеев-заповедников. М., 2006. 228 с.
6. *Шагжина З.А.* Концепция экомузея «Тункинская долина» // Историческое, культурное и природное наследие: состояние, проблемы, трансляция. Улан-Удэ : Вост.-Сиб. гос. академия культуры и искусств, 1996. Вып. 1. С. 139–143.
7. *Страницы* истории земли Кежемской. Кодинск : Бизнеспрессинформ, 2007. 264 с.
8. *Красноярский* рабочий. 2010. 9 ноября.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 23 июля 2014 г.

PROBLEMS OF ESTABLISHING OF NEW OPEN-AIR MUSEUMS IN SIBERIA AS CUSTODIANS OF THE TRADITIONS OF WOODEN ARCHITECTURE (BY EXAMPLE OF KODINSK TOWN OF KRASNOYARSK REGION)

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 98-104. DOI: 10.17223/15617793/387/15

Mainicheva Anna Yu., Glukhikh Ekaterina I. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: annmaini@gmail.com

Keywords: open-air museums; ethnography; traditional buildings; Russian; Angara Region.

Museums are a form of preservation of the cultural heritage of the past. Open-air museums are a considerable part in the amount of other museums. Buildings made in the tradition of wooden architecture have a significant historical and cultural value. This article focuses on the prospects of forming of a new open-air museum of wooden architecture in Kodinsk city (Kezhemskiy District of Krasnoyarsk Region). In the Soviet Union, the peak of interest in the creation of open-air museums came in the 1960-1970s. The 1990s in Russia celebrated a new surge of interest in open-air museums, historical and architectural museums initiated by the growth of national consciousness, the search for "roots" and "national path of development". The shape of the open-air museum is effective to a large extent when it is impossible to keep real estate asset of cultural heritage in situ. Nowadays a similar situation is observed in the Lower Angara region in connection with the construction of hydropower stations and the upcoming flooding of many Russian old settlements of Kezhemskiy District of Krasnoyarsk Region by the Boguchan artificial reservoir. To preserve the culture elements of Russian Angara dwellers the concept of a new museum of wooden architecture was created. The location of the museum is chosen in Kodinsk, a successor to the former administrative center Kezhma which will be flooded. The geographical location is favorable for

the economic development of the resources of the Lower Angara. This is one of the few large settlements in the region with a developed modern infrastructure. It is offered to place the museum in the immediate vicinity of the city, in a picturesque wooded area on its outskirts. The existing fairly complete description of the buildings that could not be taken out of the flooded area will undoubtedly help in the restoration of buildings at the new location, as they present typical constructions and in the future they will be the basis for the construction of the museum remakes. In addition, removed buildings and the description of the barns and cottages are needed as a material to store information on building traditions. Formation of the open-air museum, conceived as the custodian of the traditions of wooden architecture in the region, faces such difficulties as the lack of funding and investors, of scientific basis, absence of an elaborated concept and business plan. However, there are positive aspects such as the availability of free land sufficient to accommodate a museum complex of the local type, compliance with the landscape of historical and cultural conditions, the presence of wooden architecture monuments and ethnographic items removed from the flooded area, city residents' demand of the modern historical-cultural space in the form of an architectural-ethnographic open-air museum.

REFERENCES

1. Shakherov V.P. [Problems of historical and cultural heritage preservation in Irkutsk region at the present stage]. *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i okhrany kul'turnogo naslediya pri realizatsii proektov i programm razvitiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: sb. materialov Vseros. konf.* [Problems of conservation, use and protection of cultural heritage in the implementation of development programs and projects in Siberia and the Far East. Proc. of the All-Russian Conference]. Tomsk: Tomsk State University, 2007, pp. 229-230. (In Russian).
2. Afanas'ev A.G. *Ekomuzey "Cholkoy"* [The eco-museum "Cholkoy"]. In: Funk D.A. (ed.) *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongol peoples of Southern Siberia and adjacent territories]. Moscow: IEA RAN Publ., 1994, pp. 7-13.
3. Gnedovskiy M.B. Tayny pod otkrytym nebom: Muzey v Var'egane [Secrets of the open-air museum in Varegan]. *Mir muzeya*, 1994, no. 3, pp. 8-19.
4. Kimeev V.M. *Ekomuzey "Tazgol" v Gornoy Shorii* [The eco-museum "Tazgol" in Mountain Shoria]. In: Shatilov N.I. (ed.) *Shorskiy sbornik: etnoekologiya i turizm v Gornoy Shorii* [The Shor Collection: etnoekologiya and tourism in Mountain Shoria]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1998, pp. 24-148.
5. *Ekologicheskie problemy razvitiya muzeev-zapovednikov* [Environmental problems of conservation areas]. Moscow, 2006. 228 p.
6. Shagzhina Z.A. *Kontseptsiya ekomuzeya "Tunkinskaya dolina"* [The concept of the ecomuseum "Tunkinskaya Valley"]. In: *Istoricheskoe, kul'turnoe i prirodnoe nasledie: sostoyanie, problemy, translyatsiya* [Historical, cultural and natural heritage: the status, problems and translation]. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Art Publ., 1996. Issue 1, pp. 139-143.
7. Shurasev V.M., Baranova M.V., Chugunova E.A. *Stranitsy istorii zemli Kezhemskoy* [The pages of the history of Kezhemskaya]. Kodinsk: Biznes-pressinform Publ., 2007. 264 p.
8. *Krasnoyarskiy rabochiy*, 2010, 29th November.

Received: 23 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 105–113 DOI: 10.17223/15617793/387/16

УДК 130.2

Р.Ю. Порозов

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья подготовлена по теме «Модель визуализации текстов культуры: анализ и интерпретация» (в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 14.740.11.1117).

Рассматриваются теоретические и методологические аспекты моделирования в рамках культурологического дискурса. Определены критерии, которые необходимы для существования модели как таковой. Феномен модели выступает в качестве оппозиции копии. Автор выделяет общенаучные типы моделей и представляет собственную модель визуализации текстов культуры. В качестве уровней, на которых функционирует обозначенная автором модель, определены: дистрибутивный, операционный и трансформационный.

Ключевые слова: модель; моделирование; визуализация; текст культуры; теория культуры.

В вышедшем в 2009 г. «Новом частотном словаре русской лексики» под редакцией О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова среди имен существительных русского языка термин «модель» занимает 293-е место по количеству словоупотреблений. В общем частотном списке, который включает все части речи (существительные, глаголы, наречия и предикаты, местоимения, числительные, служебные части речи) – 766-е место. Также в словаре отмечается показатель «ipm» (instances per million words), который характеризует количество употреблений конкретного термина на миллион слов в современном русском языке. В случае со словом «модель» этот показатель равен 153,5 [1].

Термин «модель» происходит от латинского «modulus», которое имеет следующие значения:

1) мера;

2) такт, ритм, мелодия;

3) технический и архитектурный термин, характеризующий масштаб соразмерности. Пример подобного употребления термина мы находим, в частности, у Витрувия (I в. до н.э.): «Ибо не все возможно произвести одним и тем же способом, но одни вещи, сделанные по образцу небольшой модели, действуют одинаково и в большом размере, а для других не может быть модели...» [2].

Общий смысл термина, исходя из этимологических оснований, сводится к следующему: «моделью» называют, во-первых, идеальный образец чего-либо; во-вторых, этот образец может адекватно представлять оригинал. Лингвистический статус термина, особенности его функционирования в языке позволяют рассмотреть феноменологические аспекты моделирования в культурологии.

Понятия «модель» и «копия» нередко рассматриваются как равнозначные. Однако сущностное значение данных понятий раскрывается при *соотнесённости* с тем, что оправдывает их существование в этом мире, т.е. оригиналом. В этом смысле современные коннотации понятия «копия» носят, пожалуй, негативный оттенок; «модель» – в устойчивом ассоциативном смысле – имеет положительное значение. Конечно, копия (как явление) может быть технически отлично исполнена, но отношение к ней будет выражено следующей фразой: «Это хорошая копия, но все же копия оригинала». Копия по отношению к оригиналу всегда вторична; она *следует* за оригиналом и не может без него существовать. Онтологический смысл существования копии – это попытка абсолютной замены оригинала, оспаривание его бытия.

Модель, в свою очередь, с оригиналом связывает иной характер отношений. Модель, во-первых, позволяет воспроизводить явление или объект заново в аутентичном виде, т.е. с сохранением всех свойств первоисточника. В данном случае модель выполняет функцию образца или шаблона. Во-вторых, манипуляции, проводимые с моделью, равнозначны тем, что мы осуществляли бы в отношении оригинала. Таким образом, модель выступает в качестве адекватной и равнозначной замены оригинала. Однако согласимся, что практические аналогичные черты мы отчасти относим и на счет копии. Ключевая особенность модели, в соответствии с которой данный феномен существует в обществе, – это возможность познать и понять мир. Копия, кажется, для этого не самый лучший вариант! Действительно, копия важна во множестве, тогда как модель – в своей исключительности. Само происхождение термина «копия» подтверждает тезис о «приоритете множества» (лат. coopia – запас, фонд, средства, множество, богатство, изобилие). Однако не стоит, как нам кажется, воспринимать феномен копирования как маргинальный процесс культуры. Можно привести множество примеров того, когда оно служило причиной культурного и технического прогресса. Петровские преобразования, начавшись с копирования европейской культуры, позволили России стать одной из мировых держав.

Говоря о феноменологической составляющей модели, следует определить критерии, которые необходимы для ее существования как таковой. Мы выделяем следующие значимые и универсальные позиции, которые являются общими для моделей в различных типах научного знания:

• *Критерий идеализации* – ментальное конструирование процесса или явления в соответствии с имеющимся образом в реальности. Английский астроном Уильям Гершель (1738–1822) заметил, что ученому, который изучает небо, не имеет смысла наблюдать за изменениями звездных систем на протяжении миллиардов лет, поскольку само небо представляет его взгляду образцы всех возрастов. Аналогичным образом моделирование имеет в своем начале прецедент или основу, которые служат «точкой отсчета»; это то, что в философской логике принято называть «посылкой».

• *Критерий формализованности* – представленность ментального процесса в виде логически оформленной системы. Модель, вне зависимости от области ее применения, должна иметь материальную выраженность. Кроме того, непременными и формальными условиями моделирования являются взаимодействия трех сторон – субъекта («автора»), объекта («аспекта реальности»), модели («результата взаимодействия автора и аспекта реальности»). Моделирование – это не «размышления – ради – размышлений», а четко поставленная цель, которая требует формализованных процедур и инструментария.

• *Критерий наглядности* продиктован прежде всего тем обстоятельством, что модель должна быть операбельной, т.е. с ней должно проводить конкретные действия. Следствием данного критерия является последующая практическая применимость построенной модели для объяснения фактов реальности либо их предсказуемости. Конечно, данная позиция ставится под сомнение самой спецификой и структурой гуманитаристики в XXI в., когда принцип предсказуемости научного знания ставится под сомнение.

• *Критерий соразмерности* призван отразить, но не обязательно фактически, временны*е* и пространственные отношения между элементами модели либо место самой модели в пространственно-временном континууме.

Мы не можем пройти мимо вопроса о причинах использования приема моделирования в научной практике, в частности гуманитарной. Основная причина использования приема моделирования заключается в необходимости продуцировать научное знание. Однако продуцирование научного знания с использованием приема модели – это процесс, который может осуществляться различными способами. И в данном случае мы отмечаем несколько базовых типов моделей, которые позволяют решить поставленные научные задачи. Очевидно, что предлагаемый набор моделей не исчерпывается теми, которые предлагается рассмотреть. Типология основана прежде всего на научных целях и задачах, которые будут решаться в процессе моделирования. Нам кажется, что рассматриваемые типы научных моделей могут быть использованы как в естественных науках, так и в социально-гуманитарных. Итак, мы выделяем следующие типы общенаучных моделей.

1. *Компонентный тип модели.* Данный тип, исходя из названия, призван представить элементы моделируемого процесса или явления. Модель этого типа выражает зависимость между элементами моделируемого явления и наличие иерархии между ними. Яркими примерами предложенного типа в естественных науках являются модели Солнечной системы, ДНК, земного шара; в социально-гуманитарных науках такой тип представлен, в частности, моделями бессознательного З. Фрейда, Ж. Лакана (которых мы относим, скорее, к отраслевой – социальной – психологии), моделью общественного устройства К. Маркса, дуалистической концепцией этноса Ю. Бромлея. Главный вопрос, который непременно заставит исследователя обратить внимание на данный тип модели, будет сформулирован следующим образом: что составляет целое? Возможно, кто-нибудь отметит, что данный тип модели является самым простым и очевидным. С этим трудно не согласиться. Однако продуцирование научного знания зачастую начинается с элементарных наблюдений и вопросов.

2. *Эволюционный тип модели*. Эволюционный тип модели описывает процесс постепенного развития описываемого процесса либо внешнюю / внутреннюю изменчивость состояния феномена. Если возвратимся к вопросу, который оправдывает существование данного типа модели, то он будет выражен такой фразой: каким образом изменяется феномен в пространстве и времени? В качестве примеров эволюционных моделей, помимо очевидных концепций в классическом эволюционизме, в социально-гуманитарной традиции можно назвать теорию социокультурной динамики П. Сорокина, теорию культуры О. Шпенглера, теорию развития цивилизаций А. Тойнби. В приведенных теориях можно отметить общую черту – развитие социокультурной системы через изменчивость. По сути, эволюционный тип представляет собой последовательное сопоставление нескольких моделей-этапов, через которые проходит описываемый объект. Однако в данном случае важен не этап, взятый в отдельности, а именно цепочка, отражающая изменчивость. Действительно, эволюция оценивается исключительно в сравнении; в противном случае мы имеем дело с другим типом модели и отвечаем, соответственно, на другой вопрос. Пример теории канадского социолога М. Маклюэна показателен. По мнению этого исследователя, изменчивость коммуникативных систем отражает эволюцию культуры. Деление социального и культурного процесса на этапы производится на том основании, что в определенный период отмечаются структурные изменения в процессе коммуникации – на смену одному типу коммуникации (например, фонетическому) приходит другой (в частности, письменный).

3. *Структурно-функциональный тип модели*. Тип научной модели описывает явление как сложносоставную систему, стабильность которой обеспечивается за счет функциональности элементов, входящих в нее. Вопрос, который наиболее точно объясняет цель использования данного типа, может быть сформулирован следующим образом: что обеспечивает устойчивость системы? Отличие структурно-функционального типа научной модели от компонентного заключается в том, как мы смотрим на объект моделирования, вернее, под каким углом. В первом случае в процессе моделирования мы погружаем свой взгляд внутрь объекта; всё, что мы видим, представляет собой замкнутую систему координат. Во втором случае (компонентный тип научной модели) процесс моделирования ставит исследователя в позицию стороннего наблюдателя («с высоты птичьего полета»), который механически описывает и номинально фиксирует комплекс элементов, представленных в изучаемом объекте. Структурно-функциональный тип модели представлен, кроме концепций общества Г. Спенсера, Т. Парсонса, например, в теории общественного взаимодействия Э. Дюркгейма и А. Рэд-клифф-Брауна, теории культуры Б. Малиновского.

Естественно, что в «чистом виде» указанные типы моделей встречаются крайне редко. Концепцию бессознательного З. Фрейда также можно рассмотреть как пример структурно-функциональной модели, когда каждый уровень психики человека, находясь во взаимодополнении с другими, выполняет конкретную функцию в общей системе. Сверх-Я выполняет функцию морали, Я – функцию посредника между человеком и объективной реальностью через процесс индивидуального восприятия, Оно функционирует как механизм, устроенный в соответствии с принципом удовольствия. С другой стороны, данная теория может быть представлена в качестве компонентного типа научной модели. Мы регистрируем отдельные элементы («уровни») в системе («бессознательном»), отмечаем их положение относительно друг друга. Но акцентирование внимания на определенном типе модели способствует решению частной научной проблемы.

В культурологическом дискурсе моделирование приобретает дополнительные свойства, которые необходимо отметить. Культурология прирастает знанием отличным от естественных и технических наук способом. Приращение знания в последних осуществляется путем *аддитивности* и *иерархичности*. Аддитивность (лат. *additio* – прибавление, присовокупление) в данном случае – это некоторая совокупность научного знания, которое получается путем синтеза эмпирических данных. Технические и естественные науки возникают из двух потребностей – утилитарного освоения мира и объяснения законов природы. Эти потребности успешно реализуются путем экспериментального (т.е. опытного) подтверждения; достоверность знания верифицируется путем сопоставления с другими данными. Иерархичность подразумевает поступательное развитие знания; переход от одной парадигмы научного знания возможен только тогда, когда текущая картина не может быть описана прежними методами. Например, история физики примечательна в этом отношении: последние триста лет ее развития вплоть до настоящего времени представляют собой закономерную и последовательную смену парадигм – классической механики, электродинамики и квантовой теории.

Продуцирование научного знания в культурологии происходит через критическое осмысление человеком (как индивидуумом, так и общественным существом) событий и явлений, с которыми он сталкивается. Культурологическое познание зачастую выступало как противовес естественнонаучному; культура – это оппозиция природе (заметим, не всегда конфликтная, но качественно иная). Если естественнонаучная традиция в качестве первопричины определяет природу в ее самодостаточности, то культурологическая старается увидеть во всем «руку человека». При этом естественнонаучное познание можно охарактеризовать как герметичное, т.е. такое, которое имеет определенные методологические ограничения. Конечно, не стоит подвергать сомнению факт, что в истории технических и естественных наук существует множество примеров творчества и инсайта (пример гениального физика Гейзенберга показателен в этом случае). Культурологическое знание обладает атрибутами отрытой системы, для которой характерна междисциплинарность – общегуманитарная и общенаучная. По-видимому, эта черта культурологии послужила причиной множества обвинений в ее сторону. Например, об отсутствии собственного научного поля. Наше представление о научном поле культурологии и особенностях работы в нем созвучно идеям Макса Вебера – так называемой «понимающей социологии». Примечательна международная традиция обозначения этой научной школы. В немецком языке эпитет «Verstehende», переводимый как «понимание», также имеет значение «находить общий язык»; в английском языке в качестве эквивалента дефиниции «понимающая социология» используют словосочетания «Interpretative Sociology» («интерпретативная социология») и «Empathic Sociology» («эмпатическая социология»). Общий вывод и постулат «науки о культуре», реализующей идеи М. Вебера, – реальность может быть понята, если исследователь попытается понять мотивы тех или иных действий, которые совершает человек. Категория «мотив», несмотря на идеальный характер ее существования, в культурологии определяется через конкретные материальные и объективно представленные формы культуры – артефакты и феномены. Итак, культурология нами принимается как дисциплина, которая принимает установки понимающей социологии.

Вопрос, который мы неоднократно задавали сами себе, – зачем культурологу необходимо моделирование? Мы видим как минимум два объяснения данного вопроса (кроме того, что мы отметили необходимость продуцирования научного знания). Во-первых, как любая другая наука, культурология должна доносить свои знания не только до специалистов, но и до широкой аудитории. Использование моделей – это, по большому счету, пропаганда (в положительном смысле этого слова) культурологического знания. Во-вторых, прием моделирования – это ревностная попытка культурологии самоутвердиться среди других наук, доказать свою состоятельность и жизнеспособность. Действительно, до определенного момента культурология воспринималась как частный вариант философского знания; это мнение распространено и в настоящее время. Да, мы придерживаемся позиции, что философия для культурологии выступает в качестве материнской науки. Однако моделирование (в его узкой научной данности) позволило дисциплинам разойтись: каждая из них – философия и культурология – под «моделью» понимала специфическую операцию. Разницу между моделированием в философии и моделированием в культурологии мы понимаем через оппозицию «имплицитное vs. эксплицитное». Философия использует прием моделирования для решения универсальных проблем в области познания, бытия, аксиологии и пр. Эти проблемы носят имплицитный, вневременной и общечеловеческий характер. Культурология, в свою очередь, изучает формы выраженности человеческой деятельности. Данные формы могут иметь материальную или идейную выраженность. Соответственно, моделирование в культурологии имеет целью объяснить, каким образом эти формы получают свою выраженность; немаловажную роль в этом объяснении играет контекст (временной и

пространственный), в который погружены изучаемые формы. Рассмотрим пример, который поясняет разницу между моделированием в философии и культурологии. В качестве объекта мы предлагаем обратиться к феномену тела. Классическая философская модель тела, предложенная Аристотелем, представлена в трактате «О душе». Философ определяет два вида тел – «одни наделены жизнью, другие – нет» [3. С. 394]. Живые тела обладают качествами питания, роста и упадка; данные качества происходят из самих тел, а не обусловлены причинами, лежащими вне их границ. Аристотель постулирует идею, что тело и душа представляют собой единство целого в какой-либо живой сущности. Тело – это субстрат и материя, которые определяют возможности живой сущности. Душа – форма действования сущности (так называемая энтелехия), обладающей жизнью. Далее Аристотель приводит аналогию с глазом человека, говоря, что «если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма (глаз же есть материя зрения); с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный глаз» [Там же. С. 395]. Данная концепция не теряет своей актуальности на протяжении нескольких тысячелетий, поскольку затрагивает фундаментальные основы человеческого бытия. Культурологическая модель тела будет рассматривать, в частности, изменчивость репрезентаций тела человека, его телесности. Изменчивость объясняется как результат социальных, экономических или культурных процессов, происходящих в обществе. При этом культурологическая модель акцентирует внимание именно на коллективных (частотных, массовых) аспектах репрезентаций тела как формы выраженности деятельности человека. Показательно в данном случае масштабное исследование «приключений тела» в культуре Средних веков, проведенное Ж. Ле Гоффом. Для этого исследователя тело – это объект метаморфоз; «у тела есть своя история» [4. С. 7]. Тело человека представляется исследователю в качестве лакмусовой бумажки, которое эксплицитно представляет, с одной стороны, отношение человека к самому телу, с другой – динамику общественных процессов и взаимоотношений (человек – человек, человек – Бог, человек – общество, человек – природа).

На этапе планирования моделирование в культурологии сталкивается с серьезными препятствиями. Препятствия, которые моделирование в культурологии пытается преодолеть, заключаются в особой организации описываемого явления. Культурологическое моделирование имеет дело, прежде всего, с органическими явлениями, которые можно характеризовать как «проблемы со многими переменными». Такая номинация была предложена Людвигом фон Берталанфом (1901–1972), который пытался выйти из методологического тупика, порожденного структурой классической науки. «Последняя занималась главным образом проблемами с двумя переменными (линейными причинными рядами, одной причиной и одним следствием) или в лучшем случае проблемами с несколькими переменными. Классическим примером этого служит механика» [5. С. 25, 26]. Таким образом, разница между культурологическим моделированием и моделированием, которое инициировано классической наукой, следует различать как оппозицию «органика – техника». Чтобы понять специфику двух познавательных установок – культурологической и естественнонаучной, – рассмотрим отношение последних к металлу. Для химиков металл – это вещество, которое обладает рядом конкретных свойств; эти свойства являются неизменными и не зависят ни от исторической данности, ни от культурной традиции, в рамках которой вещество продуцируется. История овладения металлом в естественных науках – это цепочка последовательных открытий, которые были подтверждены опытным путем. В гуманитарной традиции статус металла представлен, в частности:

- в сакральной и мифологической истории. Металл – это «подарок богов» или «камень с неба», т.е. нечто такое, что не может быть произведено простым смертным. В фольклористике и традиционной культуре не раз отмечался особый статус личности, которая имеет право или возможности *работы* с металлом (греческий герой Беллерофонт, который, по одной из версий греческой мифологии, убил Химеру, бросив в пасть свинцовый слиток; великан Талос, который был сделан из бронзы для охраны острова Крит). Так, кузнец является не только специалистом по металлу, но и магом, святым или богом (греческий Гефест, английский святой Дунстан – покровитель кузнецов и ювелиров, японский бог-кузнец Амацумара, который при помощи зеркала выманивал богиню Аматэрасу и др.);
- в лингвистической антропологии номинация отражает, каким именно образом конкретная национальная культура познакомилась с металлом. В греческом языке «μέταλλον» – копь, жила, шахта. В китайском языке один из терминов, переводимый на русский как металл –五金 – буквально означает пять металлов. Здесь подразумеваются следующие металлы: серебро, золото, железо, медь, олово, знакомство с которыми, видимо, и позволило человеку сформулировать понятие данного вещества. Кроме того, данные металлы играют наибольшую роль в жизни человека, становятся основным материалом в производстве. В английском языке *iron* (рус. «железо») происходит по одной из версий от др.-англ. *eosen* – «кишки, внутренности» (букв. «внутренности земли») [6. С. 181].

Итак, в культурологии научное знание предстает в результате аксиологической и нормативной рефлексии человека в отношении событий или фактов, с которыми он сталкивается. Следовательно, одна из важнейших целей моделирования в культурологии – объяснить, как эти события или факты формируются и какова роль человека в их контексте:

– какие факторы влияют на тот или иной процесс, тенденцию в культуре;

– кто или что являются агентами этих процессов или тенденций;

– каков характер отношений между элементами моделируемой системы.

Моделирование как культурологическая процедура должна также восприниматься в качестве *экспертной оценки*. Здесь позволим себе сделать небольшое отступление. Однажды нам необходимо было узнать,

как по-английски следует писать «культуролог». В российской гуманитаристике известен «казус» – несмотря на то, что термин «культурология» предложил американский антрополог Лесли Уйат (Leslie White), в западных университетах дисциплина под таким названием отсутствует. В Новом большом русско-английском словаре «культуролог» переводится как *culture expert* [7]. Заметим, что объект и предмет культурологии в англосаксонской традиции стали «проблемами» других наук – теории и истории искусства, социальной и культурной антропологии, философии, литературоведения. Наш скромный опыт позволяет, с определенными оговорками, найти более или менее близкие эквиваленты российской «культурологии» в западной (англоязычной) науке – *Humanities* («гуманитарные науки»), *Cultural Studies* («исследования культуры»).

Культуролог – это специалист, который представляет экспертное заключение относительно процессов, происходящих в культуре. Экспертная оценка может касаться как исторических форм культуры, так и современных. Культурологическая экспертиза, несмотря на то что она является относительно молодым типом гуманитарной практики, обладает значительным эвристическим потенциалом. Мы встречались с мнением, что культурологическая экспертиза не может существовать, поскольку само понятие «культура» многозначно, допускает множество трактовок. Автор этих строк слышал следующую инвективу: «культурологическая экспертиза – это всего лишь новое модное словосочетание для того, что уже изучается другими гуманитарными науками». Что касается невозможности существования культурологической экспертизы в силу множества трактовок понятия «культура», то культуролог должен изначально формализовать процедуру экспертизы: определить объект и предмет экспертизы, обозначить используемые методы и приемы, описать последовательность осуществляемых действий. Итогом культурологической экспертизы, так же как и в классических типах (искусствоведческой, лингвистической), является мотивировочное заключение специалиста, который проводил данную процедуру. Мы также не согласны с тем, что культурологический дискурс предлагает такой вид экспертизы, который не может считаться самостоятельным.

Культурологическая экспертиза обусловлена вполне конкретными научными запросами – понять, что происходит в культуре или отдельных ее сегментах. И, очевидно, процедура культурологической экспертизы должна базироваться на концепции «критического мышления». В этом смысле квинтэссенция культурологической экспертизы выражена М. Хоркхаймером и Т. Адорно: «Критическое мышление, не останавливающееся даже перед критикой прогресса, обязано сегодня встать на сторону остатков свободы, тенденций движения к реальной гуманности, даже если на фоне величественного хода истории они и выглядят беспомощными» [8. С. 7]. Основная наша боязнь и тревоги, с которыми мы связываем процедуру культурологической экспертизы, кроется в возможных идеологических и политических подтекстах, которыми может руководствоваться специалист (как, например, в случае с «новым учением о языке», доминировавшим в СССР в 1930–1950 гг.). То есть мы хотим сказать, что культурологическая экспертиза не должна подменяться идеологической, политической или другой конъектурной оценкой того, что происходит в культуре. Это удел других дискурсов, но не культурологического.

В рамках данной работы мы попытаемся представить нашу модель визуализации текстов культуры. Данная модель стала результатом культурологической экспертизы (вернее, ее попыткой) тех процессов, которые происходят в современном обществе. Оговоримся, что наши рассуждения носят скорее общетеоретический и теоретико-культурологический характер.

Традиционно модели, описывающие процесс генезиса и трансляции текстов культуры, строятся на основе теории коммуникации Шеннона – Уивера, предложенной в середине XX в. Однако у данной модели существует два недостатка, которые не позволяют использовать ее в культурологическом дискурсе. Во-первых, линейность и однонаправленность процесса коммуникации от адресанта к адресату, что противоречит логике развития культуры. Отечественный философ и культуролог В.С. Библер отмечал: «Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [9. С. 289]. Во-вторых, передаваемая информация носит «чистый» и абстрактный характер, т.е. не детерминирована социокультурными реалиями.

Когда мы говорим о визуализации, мы имеем в виду, во-первых, динамический процесс. Во-вторых, визуализация понимается нами как репрезентация определенных трендов в культуре. Мы сознательно вводим понятие «тренд в культуре», хотя ранее позволяли себе использовать другие – «тенденция», «процесс», «событие», «факт» и пр. Приносим свои извинения за подобную неразборчивость. Понятием «тренд в культуре» мы пытаемся обозначить такие явления, которые первоначально спорадически проявляются в культурном пространстве, но в дальнейшем занимают в нем доминирующее положение. Конечно, тренд – явление относительно недолговечное; порождаемые им тексты со времен могут исключаться из культурного пространства (или функционировать в статусе «маргинального») либо становятся нормативными. Визуализация – это то, что культура *сообщает о себе как об актуальном посредством визуальных кодов.*

В процессе визуализации мы выделяем три уровня, которые, как мы думаем, позволяют понять, каким образом определенные тренды утверждают себя, входя в пространство культуры. Данную модель можно условно назвать эволюционной, поскольку она представляет визуализации в качестве процесса, постепенно трансформирующего культурное пространство. Тогда возникает вопрос: что же может выступать в качестве критерия или меры эволюции? Критерием эволюции является система так называемых новообразований – новых элементов и форм, которые способствуют распространению и закреплению визуальной информации в культурном пространстве. Но что следует признать «новым», а также «новым» по от-

ношению к чему? Ответим на эти вопросы. Мы называем новыми такие элементы, формы, технологии, которые ранее не использовались для распространения и закрепления визуальной информации в культурном пространстве. Зачастую граница между этапами культурно-исторического процесса носит во многом условный характер. Осознание этой границы исследователем происходит постепенно, но в какой-то момент количество новообразований достигает критической массы (за счет частотности, повторяемости).

Наиболее интересным с исследовательской точки зрения представляется диахронный анализ новообразований в процессе визуализации определенного социокультурного феномена. Приведем пример. Личный автомобиль в современном мегаполисе перестал быть исключительно средством передвижения. Он также является и способом самовыражения. Автолюбитель также использует пространство авто для демонстрации своего вкуса, отношения к жизни. На протяжении многих лет в качестве основного «модного» языка использовался английский; абсолютное большинство надписей и наклеек на авто были выполнены на этом языке. Одно из немногих объяснений, которые мы находим этому, может быть выражено следующей логической цепочкой – «английский язык = процветающий Запад = модно». Но в последние несколько лет (возможно, два или три года) автор этих строк наблюдает значительное количество автомобилей, на которые нанесены выражения с использованием японских и (больше) китайских иероглифов. Мы не поленились и начали своеобразную фотоохоту, собрав коллекцию данных выражений. Сообщим только некоторые из увиденных: «生命线» («источник жизни»): «舞娘» (возможные варианты: «танцор», «танцовщица»). Но главное во всем этом следующее – какие трансформации в культурном пространстве современного российского мегаполиса происходят, что приводит к использованию новых визуальных кодов. Конечно, происходящее можно объяснить чисто эстетическими мотивами – экзотической иероглификой, красивыми знаками, которые пугают своей непонятностью. С другой стороны, Япония и Китай уже прочно ассоциируются в качестве экономических держав, соответственно, «их письмо» – это своеобразная конвенция того, что дальневосточные страны могут продуцировать тексты столь же статусные, сколь англоязычные. Не исключены и другие объяснения. Однако остается нерешенной следующая проблема: оценка этих новообразований, т.е. насколько они способствуют прогрессу культуры и вообще отражают прогресс. К сожалению, данная проблема не может быть нами решена. Единственное, что мы можем, – это сказать, что время и последующие поколения рассудят, насколько прогрессивными являются текущие социокультурные трансформации и их визуальная репрезентация.

Итак, наша модель визуализации представляет собой совокупность уровней, на каждом из которых мы находим данные новообразования.

1. *Дистрибутивный уровень* – уровень распределения визуальной информации в культурном пространстве. Попытаемся описать данный уровень и элементы, которые определяют его специфику. С одной стороны, данный уровень обеспечивает «вход» визуальной информации в культурное пространство. И в этом случае мы отмечаем новые техники и технологии, которые становятся каналом распространения визуальной информации. Так, 5 августа 2013 г. в российской газете «Ведомости» была напечатана статья, заголовок которой можно признать революционным: «Телезрители поменяли экраны». В статье говорится, что взрослые жители США «проводят в среднем 5 часов 9 минут в день в Интернете и других цифровых средах», а перед экраном телевизора проводят до 4 часов 31 минуты [10]. Этого события следовало бы ожидать. По уровню продаж мобильные гаджеты уже несколько лет успешно конкурируют с теми, которые принято называть «классическими», т.е. стационарными телевизорами, компьютерами. Нельзя не отметить также появление новых типов «площадок» для просмотра видеопродукции (кино, клипов, анимации) – интернет-кинотеатров, которые позволяют зрителю не ждать любимого фильма несколько часов (как в случае с телевизионной сеткой вещания) или несколько минут (чтобы вставить диск в проигрыватель), а путем нескольких кликов получить желаемое. Данные изменения, казалось бы, отражающие лишь поведенческие или вкусовые предпочтения, перераспределяют поток визуальной информации, делают ее более доступной для человека.

Помимо включения визуальной информации в культурное пространство, необходимо обратить внимание на характер ее дистрибуции. Мы имеем в виду лимитированность распространения такой информации определенными рамками, их подвижностью и изменчивостью. Данные рамки могут быть заданы темами, которые не могут быть визуализированы в контексте конкретной социокультурной системы. Известно, что в исламе существует запрет на изображение живых существ. Однако это, в свою очередь, позволило развиться в изобразительном искусстве системе аллегорий и метафор. В христианстве Иуда – единственный из апостолов, который изображается в профиль, поскольку визуальный контакт верующего с его изображением не сулит ничего хорошего для первого. Такое ограничение («по темам») объяснимо для традиционных культур, но встречается и в модернизированных. В средствах массовой информации Европы существуют гласные и негласные запреты на публикацию материалов, которые отражают гендерное неравенство. Ограничение визуальной информации может быть обусловлено также и конкретными социокультурными институтами и нормативными системами (религией, модой, политикой). В западной цивилизации, например, постепенно набирают силу запреты и ограничения на демонстрацию религиозной атрибутики в общественном пространстве (в учебных заведениях, на работе). В Иране традиционный европейский элемент мужской моды – галстук – практически невозможно встретить в костюме официальных политиков или общественных деятелей. Рамки дистрибуции в первом случае (западная цивилизация) и во втором случае (Иран) должны быть рассмотрены с разных позиций, каждая из которых имеет право быть понятыми. Западная цивилизация придерживается куль-

турной политики, основанной если не на элиминировании религии из общественной жизни, то на снижении ее социально-критической функции в современных реалиях. В Исламской Республике Иран этос в моде визуально репрезентирует самодостаточность автохтонной культурной традиции, подчеркивает ее независимость от европейской.

Итак, рассматриваемый уровень визуализации представляет исследовательский потенциал для культурологии как минимум в двух отношениях. Во-первых, описывает факторы, влияющие на вхождение визуальной информации в культурное пространство. Во-вторых, отражает и подтверждает логику распространения визуальной информации в социокультурной системе.

2. Второй из выделяемых нами уровней – *операционный* – представляет характер действий по управлению визуальной информацией в культурном пространстве. Причиной выделения данного уровня послужила попытка ответить на два взаимосвязанных вопроса: кто инициирует эти действия и какими средствами руководствуется? Поставленные вопросы отсылают нас к проблеме взаимоотношений между обществом и индивидом, вернее, к тому, кто из них является субъектом культуры. С точки зрения вариантов таковых взаимоотношений возможны следующие случаи:

• Общество регламентирует и управляет визуальной информацией в социокультурной системе. Система культурных экспертов инициируется социальными и культурными институтами, например государством. Например, в Советской России, начиная с 1920-х гг., государство стало основной движущей силой, которая объединила творческую интеллигенцию, в том числе занимавшуюся визуальными искусствами, в профессиональные союзы: Союз архитекторов, Союз художников, Всекохудожник (Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства). Деятельность этих общественных организаций всецело находилось в ведении Народного комиссариата просвещения, а позднее – Министерства культуры СССР. Говорить о том, что взаимоотношения по типу «государство – индивид» должно обязательно носить дискриминационный характер по отношению к последнему, – это уплощение и упрощение ситуации. Но частная инициатива канализировалась политикой государства в области культуры. Интересный пример мы находим в журнале «Советское фото» за 1926 г. (орфография оставлена без изменений): «Фото-любительство в прежние, предреволюционные времена большей частью уходило в сторону “художественного портрета” и “художественного” ландшафта… Перед фото-любителем нашего времени нужно поставить вполне конкретную задачу: отображение действительности, зарисовка людей, типов и быта необ`ятного Совета Советских Республик» [11. С. 211]. Творческие союзы можно рассматривать в качестве новообразования, которое свидетельствует об эволюции социокультурной системы, в данном случае советского государства.

• Признание индивида как автономной по отношению к обществу действующей силы. В данном случае индивидуализация рассматривается не как отрицание социальности (т.е. способности образовывать социальные связи). Здесь, скорее, говорится о социальности, которая пытается выстраивать четкие границы между общественным и приватным. Желание современного человека создать свой приватный мир угадывается в стремительно возросшем интересе к визуальным технологиям. Их использование – это форма эскапизма и решения проблемы «человек – общество». Пафос современных визуальных произведений отражает индивидуальные (пускай стереотипные) предпочтения. Демонстрация визуальными средствами своей частной жизни свидетельствует, на наш взгляд, как раз о ситуации неприятия в современных культурных условиях приоритета общественного регулирования. В данном случае новообразованиями можно считать такие действия и операции, которые оспаривают возможность приоритета общества и его контроля над индивидом.

Итак, операционный уровень данной модели визуализации призван описать действия, которые субъект культуры производит с визуальной информацией. Действия рассматриваются в качестве новообразования в случае, если вступают в противоречие с теми, что предпринимались ранее в аналогичных социокультурных обстоятельствах (т.е. цель относительно общая, но действия для ее достижения различные). Естественно, в дальнейшем необходимо более внимательное изучение данного уровня визуализации, поскольку, к сожалению, за рамками исследования остаются проблемы философского и идеологического оснований, которые лежат в основе операционного уровня процесса визуализации.

3. Третий уровень – *трансформационный*. Трансформации в культуре и визуализация имеют амбивалентные связи. С одной стороны, визуализация инициирует трансформации в культуре. С другой, визуализация – это результат трансформаций, которые происходят в культуре. Мы рассматриваем процесс визуализации именно как репрезентацию трансформаций, которые имеют место в конкретной социокультурной системе. Какие новообразования, свидетельствующие о трансформациях, мы отмечаем в социокультурной системе? Главным новообразованием мы считаем трансформацию социокультурной системы в логике рационализации. Таким образом, возвращаясь к визуализации, рассматриваемый уровень данного процесса отражает трансформацию социокультурной системы в сторону ее рационализации. Ю. Хабермас отметил, что понимание рациональности трактуется предельно широко. Однако человек принимает в качестве «рационального» конкретные стандарты, которые «рассматриваются как обязательные для всех участников коммуникации» [12. С. 51]. Стандартом рационального мы принимаем факт снятия противоречий, которые развиваются в конкретной социокультурной системе или ее компонентах. Приведем пример современной России. Визуализация отражает трансформацию, к несчастью, только отдельных компонентов российской социокультурной системы – технико-технологических. По уровню развития данного компонента современная Россия демонстрирует высокие показатели. В соответствии с данными Федеральной

службы государственной статистики, около 48% жителей страны имеют доступ к мобильному широкополосному Интернету [13]. И динамика роста показывает, что население России положительно принимает данные технологии: визуальное культуротворчество, досуговые практики активно перемещаются в виртуальное пространство. Однако контрапунктом выступают результаты опроса, которые были проведены Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 17 марта 2013 г. 1 600 респондентам был задан вопрос: «По Вашему мнению, в каком состоянии находится сегодня в нашей стране культура?» Респондентам было предложено выбрать только один вариант ответа – «в хорошем», «удовлетворительном» или «плохом», а также «затрудняюсь ответить». «В хорошем» ответили 12% опрашиваемых, «в удовлетворительном» – 46%, «в плохом» – 38%, «затрудняюсь ответить» – 4% [14]. К опросу, естественно, есть некоторые замечания, а именно – что подразумевается под культурой. С большой долей вероятности предположим стереотипный ответ на данный вопрос у большинства из россиян – либо система культурных учреждений (театры, музеи, библиотеки), либо нормативные отношения между людьми (привычки, манеры, обычаи и пр.). Итак, современное российское общество трансформируется внешне, но внутренние противоречия остаются неразрешенными; рационализация затрагивает только технологический аспект социокультурной системы.

Таким образом, трансформационный уровень визуализации можно рассматривать, метафорически выражаясь, как эхо изменений в культурном пространстве. Роль новообразований на данном уровне играют такие тренды, которые призваны рационализировать культурное пространство во внешнем плане и внутреннем.

Следует ответственно признать, что представленная модель визуализации носит рабочий характер. Мы признаем все ее недостатки, особенно те, что касаются ее чрезмерной обобщенности, а также возможной умозрительности выводов. Несмотря на это, мы осознаем и принимаем основную задачу, которую она решает: объяснять процессы и явления в культуре. Культурологическая модель оспаривает идею, что визуализация – это «акт чистого отражения действительности». Данный процесс и его формализация в виде модели должны способствовать продуцированию экспертного «знания о культуре».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009.
2. *Витрувий.* Об архитектуре. Кн. X, глава XVI, 5 / пер. Ф.А. Петровского М. : Академия архитектуры, 1936.
3. *Аристотель.* Сочинение : в 4 т. М., 1976. Т. 1. 550 с.
4. *Ле Гофф Ж.* История тела в Средние века / пер. с фр. Е.М. Лебедевой. М. : Текст, 2008. 189 с.
5. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем : сб. переводов / общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М. : Прогресс, 1969.
6. *Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь английского языка. М., 1999. 416 с.
7. *Новый* большой русско-английский словарь. 110 тыс. слов и словосочетаний. М. : Русский язык-Медиа, 2004.
8. *Хоркхаймер М., Адорно. Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. 312 с.
9. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Полигиадаг, 1990. 413 с.
10. *Телезрители* поменяли экраны // Ведомости: ежедневная деловая газета. 2013. 5 августа. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/502991/telezriteli-pomenyali-ekrany
11. *Задачи* нашего фото-любительства // Советское фото. 1926. № 8.
12. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. ; под ред. Д.В. Скляднева. СПб. : Наука, 2001.
13. *Федеральная* служба государственной статистики. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/ (дата обращения: 13.07.2013).
14. *Всероссийский* центр изучения общественного мнения. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62515&date=17.03.2013 (дата обращения: 01.08.2013).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 15 июня 2014 г.

MODELING AS A CULTUROLOGICAL ISSUE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 105-113. DOI: 10.17223/15617793/387/16

Porozov Roman Yu. Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: r.porozov@yandex.ru

Keywords: model; modeling; visualization; text of culture; theory of culture.

The term "model" comes from the Latin "modulus" which has the following meanings: measure, beat, rhythm, melody, technical and architectural term used to describe the scale of proportionality. The linguistic status of the term, especially its functioning in language, allows us to consider the phenomenological aspects of modeling in cultural studies. We distinguish concepts that are often regarded as equivalent – "model" and "copy". The ontological existence of "copy" is an attempt to replace the original and dispute its presence. The model, first of all, allows reproducing the phenomenon or the object in an authentic form, i.e. saving all properties of the original source. Secondly, manipulations carried out with the model are equivalent to what we would carry out in respect of the original. Thus, the model serves as an adequate equivalent of the original. Speaking of the phenomenological component of the model, we define criteria necessary for its existence *per se*. We highlight the following significant and universal criteria: idealization, formalization, visualization, proportionality. The main reason for the use of modeling is the need to produce scientific knowledge. However, production of scientific knowledge is a process which can be carried out in various ways. And in this case, we note a few basic types of models that allow us to solve scientific problems: component, evolutionary, structural and functional. Modeling should also be regarded as an expert procedure. The cultural expertise is formed due to very specific scientific inquiries – to understand what is going on in the culture or in its individual segments. We are firmly convinced that the culturological expertise procedure should be based on the concept of "critical thinking". In this work we present our visualization model of the texts of culture. This model was

the result of a culturological expertise or, rather, an attempt to understand the modern culture. When we talk about visualization, we, first, have a dynamic process in mind. Second, we understand visualization as the representation of certain trends in culture. We distinguish three levels in our model, which, as we think, allow to understand how certain trends assert themselves and enter into the cultural space. The model can be described as evolutionary, as it describes visualization as a process of gradual transformation of the cultural space. We single out three levels at which the model functions: distributional, operational, and transformational.

REFERENCES

1. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [The Frequency Dictionary of Modern Russian (on the materials of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2009.
2. Vitruvius. *Ob arkhitekture*. Kn. X, glava XVI, 5 [On architecture. Book 10, Chapter 16, 5]. Translated from Latin by F.A. Petrovskogo. Moscow: Architecture Academy Publ., 1936.
3. Aristotle. *Sochinenie: v 4 t.* [Works. In 4 vols.]. Translated from Greek by A.I. Dovatur. Moscow, 1976. Vol. 1, 550 p.
4. Le Goff J. *Istoriya tela v Srednie veka* [History of the body in the Middle Ages]. Translated from French by E.M. Lebedeva. Moscow: Tekst Publ., 2008. 189 p.
5. Bertalanffy L. fon. *Obshchaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor* [The general theory of systems – a critical review]. In: Sadovskiy V.N., Yudin E.G. *Issledovaniya po obshchey teorii sistem* [The research on general theory of systems]. Moscow: Progress Publ., 1969.
6. Makovskiy M.M. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' angliyskogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the English language]. Moscow: Dialog Publ., 1999. 416 p.
7. Ermolovich D.I., Krasavina T.M. *Novyy bol'shoy russko-angliyskiy slovar'. 110 tys. slov i slovosochetaniy* [The New Comprehensive Russian-English Dictionary. 110 thousand words and phrases]. Moscow: Russkiy yazyk-Media Publ., 2004. 1098 p.
8. Horkheimer M., Adorno. T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragment* [The dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments]. Translated from German by M. Kuznetsova. Moscow; St. Petersburg: Medium; Yuventa Publ., 1997. 312 p.
9. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From epistemology to the logic of culture. Two philosophical introductions into the twenty-first century]. Moscow: Poligiadag Publ., 1990. 413 p.
10. Telezriteli pomenyali ekrany [The TV-viewers change screens]. *Vedomosti: ezhednevnaya delovaya gazeta*, 2013, 5th August. Available at: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/ 502991/telezriteli-pomenyali-ekrany.
11. Zadachi nashego foto-lyubitel'stva [The objectives of our photo-amateurs]. *Sovetskoe foto*, 1926, no. 8.
12. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001.
13. Federal State Statistics Service. Monitoring of the development of the information society in the Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/. (Accessed: 13th July 2013). (In Russian).
14. All-Russian Public Opinion Research Center. Available at: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62515&date=17.03.2013. (Accessed: 1st August 2013). (In Russian).

Received: 15 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 114–120 DOI: 10.17223/15617793/387/17

ИСТОРИЯ

УДК 94(57): 332.025.13

А.Г. Дианов

СОЗДАНИЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СИБИРИ

Анализируется процесс постепенного объединения органов партийного и государственного контроля. Выделены этапы этого процесса. На первом этапе (март 1923 – апрель 1924 г.) с инициативой об объединении выступали губернские отделения рабоче-крестьянской инспекции. Второй этап начинается в апреле 1924 г. и заканчивается в феврале 1925 г. Происходит объединение краевых и губернских партийных и советских контрольных органов. В результате объединения рабоче-крестьянская инспекция была поставлена под непосредственный контроль партии. Основной задачей реорганизованных контрольных органов стало совершенствование государственного аппарата. Перед ними была поставлена задача: помочь партийному и советскому руководству сделать аппарат эффективным, простым и дешёвым.

Ключевые слова: Сибирь; рабоче-крестьянская инспекция; контрольная комиссия РКП(б); объединение.

В настоящее время все острее встает вопрос о действенном контроле над расходованием бюджетных средств. Возрастает интерес к историческому опыту в данной сфере. В начале 20-х гг. основным контрольным органом Советского государства была рабоче-крестьянская инспекция (РКИ). Функции ее были широкими и разнообразными. Она должна была контролировать выполнение законов и распоряжений правительства, осуществлять постоянное наблюдение за целесообразностью проведения всех хозяйственных операций, деятельностью организаций и предприятий, проверять результативность работы всех органов советской власти, обучать рабочих и крестьян приемам управления государством. Параллельно с РКИ в стране действовали контрольные комиссии (КК) – органы партийного контроля. В задачи контрольных комиссий «входит борьба с вкрадывающимся в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии, с распространением неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов ее слухов и инсинуаций и других подобных сведений, нарушающих единство и авторитет партии» [1. С. 224].

В работе автор поставил задачу на основе опубликованных и архивных источников показать процесс создания объединенных органов партийно-государственного контроля в Сибири. Данная проблема рассматривалась сибирскими историками в плане деятельности партийных организаций в этом направлении. Работы были опубликованы в середине 60-х – начале 80-х гг. [2–5]. Учитывая специфику общественно-политической жизни в этот период, некоторые аспекты данной проблемы не могли быть рассмотрены.

Вопрос о необходимости реорганизации РКИ стал подниматься в начале нэпа. Осенью 1921 г. в стране разворачивается дискуссия о месте РКИ в системе государственной власти и методах ее работы. Она вносила элементы дезорганизации в деятельность рабоче-крестьянской инспекции. Губернские отделения РКИ хотели знать, что с ними будет и как вести работу, центр давал противоречивые указания и откладывал созыв Всероссийского съезда РКИ [6. С. 11].

Споры о месте РКИ в системе государственной власти и методах её работы были в основном завершены с выходом работ В.И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше да лучше», опубликованных в январе – марте 1923 г. Руководство страны положило в основу реорганизации РКИ идеи, изложенные в этих работах. В них В.И. Ленин определил новые стержневые задачи, которые должна была решать рабоче-крестьянская инспекция. Отчасти те предложения, которые выдвигались в ходе дискуссии, как в центре, так и на местах, соответствовали ленинским предложениям. Основным направлением деятельности рабоче-крестьянской инспекции стала работа по усовершенствованию государственного аппарата [7. С. 15]. По частным вопросам – о количестве членов президиума ЦКК и о методах взаимосвязи ЦКК и НК РКИ – споры продолжались [6. С. 11]. В проекте реорганизации, который с февраля 1923 г. по поручению ЦК РКП(б) разрабатывала комиссия под руководством Ф.Э. Дзержинского, вопрос об объединении местных партийных и советских органов не рассматривался [8. С. 45]. В подготовленных комиссией тезисах были сформулированы задачи, методы и формы работы реорганизованных ЦКК и НК РКИ. Тезисы с дополнениями, внесенными 30 марта 1923 г. на пленуме ЦК РКП(б), были опубликованы в «Правде» 13 апреля 1923 г. [9].

В Сибири сотрудники рабоче-крестьянских инспекций знали о предстоящей реорганизации, и их волновал вопрос, к каким последствиям лично для них приведет ее осуществление. Руководство губернских отделений интересовала информация о штатах и методах работы. Рядовые сотрудники думали прежде всего о том, насколько прочным является их положение на службе, будут ли они соответствовать требованиям, предъявляемым к работникам реорганизованной РКИ, не пора ли им искать другую работу. Обстановка неопределенности оказывала отрицательное влияние на работу сибирских инспекций. Руководителями сибирского областного отделения (СибРКИ) в феврале – марте 1923 г. было отправлено в НК РКИ

несколько запросов с просьбой дать информацию о предстоящем объединении РКИ и партийных контрольных комиссий в губерниях.

В ответ на эти запросы в начале апреля 1923 г. заместитель наркома РКИ В.А. Аванесов направил секретное письмо временно исполняющему обязанности уполномоченного НК РКИ по Сибири И.А. Итунину. В нём осуждались местные РКИ, которые, не получив указаний из центра о реорганизации, приступили к ее проведению по собственной инициативе. В письме сообщалось, что реорганизация местных отделений РКИ и контрольных комиссий РКП(б), в результате которой будет происходить их объединение, преждевременна. Вопрос о сроках и порядке объединения местных органов РКИ и КК будет решаться на XII съезде РКП(б). Руководству местных РКИ в связи с этим необходимо в ближайшее время не проводить практических мероприятий по реорганизации. Особое внимание в письме обращалось на то, что в ходе дискуссии о местных органах РКИ на совещании в середине марта 1923 г. большинство членов коллегии РКИ высказалось за сохранение их как низовых органов НК РКИ. Сторонники передачи функций рабоче-крестьянской инспекции местным губисполкомам оказались в меньшинстве. Поэтому сотрудники местных отделений РКИ не должны волноваться – те, кто справляется с обязанностями, без работы не останутся. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции предложил привлечь к обсуждению вопроса о роли и функциях местных органов РКИ не только ответственных работников РКИ, но и руководителей хозяйственных и административных органов и сделать это до проведения местных партийных конференций [10. Д. 52. Л. 10, 11].

В принятых в марте 1923 г. коллегией НК РКИ тезисах о РКИ местные органы РКИ не упоминались потому, что окончательное решение об их сохранении должен был принять XII съезд партии. К тому же руководство наркомата РКИ считало, что первоначально необходимо получить опыт совместной работы ЦКК и НК РКИ. Затем на его основе определить, в каких формах и в каком виде будет проводиться реорганизация местных органов РКИ в плане сближения их с местными партийными органами и регулярной связи с губернскими контрольными комиссиями (ГубКК). На основе информации, полученной от В.А. Аванесова, И.А. Итунин направляет секретный циркуляр руководителям губернских инспекций. Ознакомив их в общих чертах с информацией, полученной из Москвы, он обращает внимание на то, что затянувшееся разрешение вопроса о реорганизации может привести к неправильной оценке намечающихся преобразований. В связи с этим возможно снижение темпов ревизионной работы. Поэтому необходимо «четко проводить линию прежней работы, опираясь на то, что она не будет кардинально изменена в ближайшее время, а органы РКИ, в связи с усилением их членами ЦКК, будут значительно более авторитетны и прочны. Во что бы то ни стало, сохраняйте свой аппарат и ведите его работу по прежнему руслу, не допуская расхлябанности в ожидании ликвидации или коренного изменения в методах практической работы» [10. Д. 52. Л. 15].

На проходившем с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезде РКП(б) было принято решение о реорганизации центральных аппаратов РКИ и ЦКК. В резолюции оговаривалось, что на местные органы ЦКК и РКИ реорганизация не распространяется. Съездом было поручено ЦКК и РКИ «в месячный срок разработать и внести в ЦК на утверждение проект о работе местных органов РКИ и ГубКК, которые до разрешения этого вопроса в указанном порядке работают на прежних основаниях» [1. С. 448, 449]. Осторожность в отношении реорганизации местных органов РКИ была вызвана отсутствием опыта работы по-новому. Предполагалось, что сначала необходимо опробовать принципы взаимоотношений, формы и методы взаимосвязи ЦКК и НК РКИ, а затем распространить их на местные организации [11. Д. 4. Л. 5, 5 об.].

Трудовые коллективы местных организаций РКИ ожидали, что после окончания съезда к ним поступят инструкции о проведении подготовительных мероприятий для осуществления реорганизации. Однако из центра по этому вопросу информации не было. Руководители губернских рабоче-крестьянских инспекций обратились за разъяснениями в СибРКИ. В конце мая И.А. Итунин направляет в НК РКИ запрос, в котором отмечает, что в связи с неопределенностью в вопросе реорганизации местных РКИ значительная часть работников этих учреждений крайне обеспокоена своим будущим. Он просит дать указание о том, какие шаги следует предпринять для подготовки к реорганизации и какие изменения в направления и методы работы внести. В начале июня на его запрос из НК РКИ приходит ответ, в котором сообщалось, что в настоящее время проходит реорганизация центральных органов (ЦКК и НК РКИ). Местные организации должны вести свою работу, как это было запланировано до начала реорганизации. В НК РКИ СССР создана специальная комиссия, которая готовит проект новой схемы и структуры местных РКИ. По окончании ее работы будет принято решение о порядке, принципах и направлении реорганизации местных РКИ [10. Д. 52. Л. 16, 16 об.].

Первые указания о реорганизации, которые местные инспекции получили в августе 1923 г., были связаны с изменением численности сотрудников. По директивам НК РКИ был резко сокращен штат губернских РКИ – на 75% – и изменена их структура: вместо трех отделов они должны были состоять из двух – ревизионного и управления делами. Что же касается перехода к новым формам и методам работы, то он должен был проводиться в строго индивидуальном порядке лишь при наличии соответствующих сил и возможностей и только с разрешения ЦКК-РКИ [12. С. 27; 13. С. 127]. Между тем ряд местных РКИ, центральных и южных регионов РСФСР, не дожидаясь инструкций из центра, начинает устанавливать связь с парторганизациями. В одних губерниях РКИ отчитывались перед губкомом в своей деятельности и получали от него общие указания. В других ГубКК направляли своих членов для работы в РКИ. В ряде губерний заведующие ГубРКИ включались в состав ГубКК. В нескольких губерниях все важные мероприятия РКИ согласовывались с ГубКК [14. Д. 35.

Л. 101]. В местных органах РКИ Сибири также начинается движение по сближению с ГубКК. Заведующие Иркутской ГубРКИ С.В. Огнетов, Новониколаевской – О.Я. Один были введены в состав ГубКК. Это облегчало им координацию с руководством ГубКК работы возглавляемых ими инспекций. В Алтайской губернии для координации работы ГубРКИ и ГубКК по рекомендации губкома РКП(б) председатель ГубКК Ф.Д. Ильиных в ноябре 1923 г. был назначен на должность заместителя заведующего ГубРКИ на условиях совместительства [2. С. 45; 10. Д. 89. Л. 1 об.].

Сближение ГубРКИ и ГубКК, проходившее вопреки указаниям из центра, вызвало отрицательную реакцию руководства ЦКК и НК РКИ. 26 октября 1923 г. губернским РКИ и губернским КК было направлено совместное частное письмо «О взаимоотношениях ГубРКИ и ГубКК», подписанное председателем ЦКК и наркомом РКИ. В письме сообщалось, что обсуждение вопроса об изменении функций местных контрольных комиссий пленумом ЦКК отложено. Обращалось внимание на то, что некоторые контрольные комиссии без санкции ЦКК делегировали своих членов для совместной работы в РКИ, причем в ряде случаев члены КК осуществляют ревизионно-инспекционную работу, не имея соответствующей подготовки и помимо аппарата РКИ. Делегированные в РКИ члены контрольных комиссий должны совместно с руководителями местных органов РКИ осуществлять общее руководство всей работой РКИ, поручая выполнение ревизий и обследований профессиональному аппарату РКИ [14. Д. 316. Л. 31].

Организационное и функциональное сближение органов партийного и советского контроля в Сибири ускорилось после принятия 21 декабря 1923 г. постановления Сиббюро ЦК РКП(б). В нем отмечалось, что полное слияние контрольных комиссий и рабоче-крестьянской инспекции в Сибири преждевременно. В данный момент необходимо объединить их усилия в решении задач по улучшению государственного аппарата. Для решения этой задачи и постепенного организационного сближения необходимо следующее: а) введение заведующего ГубРКИ при выборах в состав ГубКК; б) пополнение РКИ коммунистами; в) периодические доклады о работе РКИ на заседаниях ГубКК; г) направление недостаточно загруженных работой в ГубКК сотрудников для участия в ревизионной деятельности в ГубРКИ [4. С. 212; 15. Д. 1383. Л. 3]. Одной из причин медленного объединения ГубРКИ и ГубКК в Сибири было стремление местных властей до объединения произвести изменения в составе аппарата контрольных комиссий: увеличить численный состав ГубКК, избрать в эти органы коммунистов, обладающих не только большим партийным стажем и авторитетом (что было до 1923 г. основными условиями), но и знающих госаппарат и научную организацию труда.

В начале января 1924 г. в сибирские ГубРКИ поступили материалы к Всесоюзному совещанию руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий «О связи местных органов РКИ с местными контрольными комиссиями». Совещание должно было состояться во второй половине января. В материалах содержались положения, созвучные с постановлением Сиббюро ЦК РКП(б) от 21 декабря 1923 г. В середине января сибирские инспекции, не создавая совместную коллегию с контрольными комиссиями, приняли решение о более тесных взаимоотношениях с ними. Для знакомства членов КК с работой РКИ было решено два раза в месяц проводить совместные заседания администрации РКИ с прикрепленными представителями ГубКК. Во время нахождения заведующего ГубРКИ в командировке его должен был замещать один из членов губернской контрольной комиссии. Реализация материалов, полученных в ходе ревизий, должна была осуществляться только после согласования с ГубКК [10. Д. 141. Л. 1; Д. 192. Л. 134; 16. Д. 66. Л. 24; 17. Д. 101. Л. 773]. К началу 1924 г. реорганизация центрального аппарата РКИ, в основе которой лежало изменение задач и организационное слияние с ЦКК, в основном завершилось [18. С. 15]. В этот период руководство объединенного контрольного органа считало, что обьединение ГубРКИ и ГубКК преждевременно.

Первой директивой центра, фактически разрешающей сближение ГубРКИ и ГубКК, можно считать резолюцию «О контрольных комиссиях». Она была принята на совместном заседании Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума ЦКК РКП(б) и подтверждена 18 января 1924 г. на XIII конференции РКП(б). В ней подчеркивалось, что «помимо ЦКК, вопросами государственного аппарата должны заняться и контрольные комиссии на местах, в губерниях и областях... таким образом, вопрос о расширении функций местных контрольных комиссий должен быть поставлен на очередь дня» [1. С. 504; 19. С. 56]. В данном постановлении речь идет не об организационном сближении КК-РКИ, а о расширении функций контрольных комиссий. Таким образом, эта резолюция фактически предусматривала, что перед объединением ГубКК и ГубРКИ члены контрольных комиссий должны получить определенные навыки работы по совершенствованию государственного аппарата, чтобы после объединения они могли осуществлять общее руководство работой РКИ. На Всесоюзном совещании руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий, состоявшемся в феврале 1924 г., была отмечена слабая связь центра с местными органами РКИ. В принятом на совещании постановлении предлагалось до объединения ГубРКИ и ГубКК осуществить мероприятия по их сближению. Большинство из предлагаемых мероприятий сибирские инспекции уже провели в январе 1924 г. [10. Д. 141. Л. 37, 435, 436].

Важным этапом на пути объединения органов РКИ и КК в Сибири было Всесибирское совещание работников РКИ и КК, проходившее с 20 по 25 марта 1924 г. На совещании было принято решение о переходе к составлению общих планов работы органов рабоче-крестьянской инспекции и контрольных комиссий. В ходе совещания 24 марта 1924 г. состоялось заседание фракции РКП(б), на котором выступил секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) С.В. Косиор. В своем выступлении он отметил: «В Сибири полное слияние преждевременно, нет оснований проводить слияние немедленно. На предстоящих губернских партийных

конференциях контрольные комиссии большого состава избирать не следует – вместо трех сотрудников, работающих в настоящее время, избрать пять человек, из которых 2–3 послать на работу в РКИ» [10. Д. 84. Л. 10]. Большинство присутствующих поддержало С.В. Косиора. С противоположной позицией выступил заведующий Омской ГубРКИ И.Д. Маслов. Он считал, что слияние нужно произвести немедленно и выражаться оно должно в совмещении одним лицом должностей председателя ГубКК и заведующего РКИ. Заведующий Новониколаевской РКИ О.Я. Один полагал, что при решении этого вопроса в губерниях возможен разный подход. Общей директивы можно не давать, объединение производить по мере готовности к нему губернских организаций РКИ и КК. В постановлении, принятом на заседании фракции, предлагалось не спешить со слиянием органов КК и РКИ в Сибири, провести подготовительную работу, избрать в КК пять человек и из них троих использовать исключительно на работе в РКИ [10. Д. 84. Л. 10, 10 об.].

25 марта 1924 г. при подведении итогов Всесибирского совещания по настоянию руководства Сиббюро ЦК РКП(б) и СибРКИ было принято решение не спешить со слиянием губернских контрольных комиссий и ГубРКИ [16. Д. 73. Л. 264]. Между тем на местах стремление к объединению партийных и советских контрольных органов усиливалось. На прошедших в начале апреля 1924 г. в Иркутске и Томске губернских партийных конференциях были приняты решения, противоречащие позиции не только руководства Сибирской областной РКИ, но и секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) С.В. Косиора. На конференциях был избран новый состав контрольных комиссий, которому было поручено в кратчайшие сроки провести окончательное объединение контрольных комиссий и рабоче-крестьянских инспекций. Председатели ГубКК были рекомендованы на должности заведующих губернскими РКИ, в Иркутской губернии губернскую контрольную комиссию и ГубРКИ возглавил С.В. Огнетов, в Томской – Э.Я. Матч [5. С. 88, 89; 10. Д. 182. Л. 124; Д. 191. Л. 170; Д. 203. Л. 83; Д. 206. Л. 70]. Решения, принятые на губернских партийных конференциях в Томске и Иркутске, запустили механизм окончательного объединения губернских советских и партийных контрольных органов. Они были своеобразным водоразделом между первым этапом реорганизации (март 1923 г. – апрель 1924 г.) и вторым (апрель 1924 г. – февраль 1925 г.). На первом этапе инициаторами объединения выступали руководители губернских властных и контрольных органов. На этом этапе управление уполномоченного НК РКИ по Сибири не смогло поставить под свой контроль данный процесс, поскольку было вынуждено следовать директивам центра.

После объединения контрольных органов в Иркутской и Томской губерниях руководство Сиббюро ЦК РКП(б) было вынуждено принять постановление (от 30 апреля 1924 г.), в котором рекомендовалось сосредоточить руководство губернскими контрольными комиссиями и рабоче-крестьянской инспекцией в одних руках [10. Д. 96. Л. 149]. Принимая постановление, партийное руководство Сибири возглавило движение за окончательное объединение губернских контрольных органов. Почему этого не было сделано раньше? Руководство Сиббюро и Сибирской краевой РКИ ожидало по данному вопросу решения XIII съезда, который был намечен на 23 мая 1924 г. Решение об окончательном объединении местных органов рабоче-крестьянской инспекции и контрольных комиссий было принято на XIII съезде ВКП(б), проходившем 23–31 мая 1924 г. В резолюции «О контрольных комиссиях» констатировалось, что «...вполне созрела необходимость и имеются достаточные условия для реорганизации местных контрольных комиссий и РКИ на основании постановлений XII съезда партии о ЦКК и РКИ» [20. С. 58]. Особенность реорганизации контрольных органов в Сибири состояла в том, что реорганизация губернских контрольных органов началась раньше, чем краевых. Это было связано с тем, что решение о создании краевой контрольной комиссии РКП(б) (СибкрайКК РКП(б) или СибКК) было принято в марте 1924 г. Сибирская краевая контрольная комиссия была избрана на проходившей с 8 по 11 мая 1924 г. сибирской партийной конференции, а ее председатель Н.П. Ростопчин и его заместитель Я.М. Банкович были избраны 25 июня 1924 г. на пленуме СибкрайКК [10. Д. 138. Л. 56; Д. 194. Л. 5, 25; 21. С. 4].

На прошедших в мае – июле 1924 г. партийных конференциях в Новониколаевской, Омской, Енисейской губерниях были приняты решения об объединении партийных и государственных органов и о совмещении должностей председателя ГубКК и заведующего РКИ. На Алтае процесс объединения завершился позднее. 15 июля 1924 г. на пленуме ГубКК было принято решение о создании объединенного президиума ГубКК и ГубРКИ, который должен был рассматривать программы обследований, отчеты о проделанной работе, давать заключения по проведенным РКИ работам. Совмещение должностей председателя президиума ГубКК и заведующего РКИ произошло на Алтае 5 августа 1924 г. [10. Д. 137. Л. 74; Д. 191. Л. 2; Д. 203. Л. 33, 71, 72; Д. 291. Л. 119]. Объединение губернских контрольных комиссий и рабоче-крестьянской инспекции привело к значительным кадровым изменениям в составе заведующих ГубРКИ. Во всех губерниях, кроме Иркутской, появились новые заведующие ГубРКИ.

Реорганизация краевых контрольных органов в Сибири затянулась до осени 1924 г. В мае 1924 г. сибирская краевая партийная конференция избрала контрольную комиссию в составе 15 членов и 3 кандидатов. Пленум СибкрайКК состоялся 25 июня 1924 г. Такой длительный срок понадобился для согласования кандидатуры будущего уполномоченного НК РКИ по Сибири и его заместителя с НК РКИ РСФСР. На пленуме был избран президиум в составе 5 человек, партколлегия – 3 человека, партследователи – 4 человека. Треть состава контрольной комиссии (3 члена и 3 кандидата) были оставлены на тех рабочих местах, которые они занимали до избрания. Они должны были выполнять поручения руководства контрольной комиссии без отрыва от производства. Избранные председателями СибкрайКК Н.П. Ростопшин и Я.М. Банкович одновременно рекомендовались

уполномоченным и заместителем уполномоченного НК РКИ РСФСР по Сибири [10. Д. 138. Л. 56; Д. 194. Л. 5, 25; 22. Д. 60. Л. 8]. Фактически Сибирская контрольная комиссия приступила к работе в начале августа. Люди, избранные в краевую контрольную комиссию, в том числе в президиум и партколлегию, работали в разных городах. Им было необходимо сдать дела, использовать отпуск, решить проблемы с переездом.

В начале августа 1924 г., когда президиум СибкрайКК приступил к работе в полном составе, встал вопрос о разграничении полномочий между контрольной комиссией и рабоче-крестьянской инспекцией. Решение по этому вопросу было принято президиумом СибкрайКК 14 августа 1924 г. Согласно этому решению президиум утверждал календарные планы работ органов РКИ, результаты плановых ревизий и обследований, давал разрешение на проведение внеплановых ревизий. Утверждал из числа сотрудников заведующих отделами, старших инспекторов, консультантов и инспекторов. Предварительному рассмотрению из числа организационных вопросов СибРКИ подлежали следующие; определение взаимоотношений ГубКК и ГубРКИ, структура РКИ, формы взаимоотношений с профсоюзами, создание межведомственных комиссий. Все другие вопросы выносились на рассмотрение президиума контрольной комиссии по инициативе уполномоченного НК РКИ РСФСР по Сибири [10. Д. 137. Л. 60 об.; 16. Д. 73. Л. 268; 22. Д. 1. Л. 7]. При слиянии ГубКК и ГубРКИ произошло объединение секретариатов ГубКК и ГубРКИ, была создана единая информационная служба и единое секретное делопроизводство [10. Д. 194. Л. 2].

В ходе обсуждения на президиуме СибкрайКК вопросов, относящихся к компетенции РКИ, выяснилось, что часть материалов инспекционных обследований поступали в президиум недостаточно подготовленными. Принятие решения откладывалось до их доработки и повторного обсуждения на президиуме. Было принято решение об организации при оперативном отделе РКИ ревизионного совещания. Оно рассматривало и согласовывало с ведомствами все материалы инспекционных обследований перед их поступлением на рассмотрение президиума СибкрайКК. Вскоре возникла необходимость освободить президиум СибкрайКК от участия в разборе вопросов, связанных с повседневной деятельностью РКИ. Для решения этой задачи 27 декабря 1924 г. была создана коллегия СибРКИ. Она рассматривала проблемы текущего административного характера и результативность ревизионных обследований. Важнейшие ревизионные обследования повторно рассматривались на президиуме СибкрайКК. Ревизионное совещание было ликвидировано [10. Д. 194. Л. 2, 25; 22. Д. 1. Л. 8, 9; Д. 60. Л. 8].

Реорганизация, связанная с объединением контрольных комиссий и рабоче-крестьянских инспекций, завершилась в Сибири в начале осени 1924 г. На местах к этому времени произошло объединение технических аппаратов контрольных комиссий и рабоче-крестьянских инспекций. Объединенные органы стали работать в одном помещении. Приступил к работе и объединенный контрольный орган в Сибирском центре. Единообразия организационных форм руководства в губернских контрольных органах не было. В Енисейской губернии непосредственное руководство рабоче-крестьянской инспекцией осуществляла коллегия РКИ, в остальных – заведующий РКИ. Только в начале февраля 1925 г. на основе решения II пленума Сибирской контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции (декабрь 1924 г.) коллегии РКИ были созданы во всех губерниях [5. С. 91; 10. Д. 191. Л. 170; 22. Д. 60. Л. 8, 9]. В декабре 1924 г. на II пленуме СибкрайКК и РКИ были подведены итоги объединения. Многие делегаты в своих выступлениях отмечали, что неурядицы, связанные с реорганизацией РКИ, привели к сбоям в работе. Делегаты также отмечали, что у рабоче-крестьянской инспекции нет достаточного авторитета. Выступивший на пленуме секретарь Крайкома РКП(б) С.В. Косиор заметил, что «объединенные органы работают 6–7 месяцев, за этот срок нельзя требовать отчетливой работы. …Настроение паники надо изжить. …Авторитет нужно зарабатывать путем практической работы» [22. Д. 2. Л. 29].

Таким образом, в феврале 1925 г. закончился второй этап объединения. К марту 1925 г. система руководства объединенными органами партийно-государственного контроля в сибирских губерниях была следующей: персональный состав губернских контрольных комиссий избирался на губернских партийных конференциях, проходивших один раз в год. Между губернскими партийными конференциями высшим руководящим органом являлся пленум контрольной комиссии. Постоянно действующим органом был президиум контрольной комиссии, решения которого были обязательны для сотрудников контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции. Текущей работой по партийным вопросам руководила партийная коллегия, по советским – коллегия РКИ. Председатель контрольной комиссии и одновременно заведующий рабоче-крестьянской инспекцией председательствовал на пленуме и в президиуме контрольной комиссии. Он также возглавлял коллегию РКИ и принимал оперативные решения по текущим и кадровым вопросам.

Реорганизация, в основе которой лежало организационное объединение партийного и государственного контроля, завершилась. Рабоче-крестьянская инспекция была поставлена под непосредственный контроль партии. Произошло сокращение аппарата рабоче-крестьянской инспекции, сократились ее функции. Основной задачей реорганизованных контрольных органов стало совершенствование государственного аппарата. Перед ними была поставлена задача помочь партийному и советскому руководству сделать аппарат эффективным, простым и дешевым. Объединенные контрольные органы сыграли значительную роль в развернувшихся вскоре чистках партийного и государственного аппарата. Началась подготовка к новой реорганизации административных органов (в том числе и контрольных), в основе которой было изменение административно-территориального деления Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 14 т. М. : Политиздат, 1970. Т. 2. 543 с.
2. *Анашкин А.П.* Ленинский план реорганизации рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление на Алтае (1923–1924 гг.) // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. Вып. 6. С. 42–52.
3. *Анашкин А.П., Кузнецов М.С.* Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.). Томск, 1982. 208 с.
4. *Горестов М.А.* Ленинский план реорганизации Рабкрина и деятельность партийных организаций Сибири за его осуществление в 1923–1925 гг. // В.И. Ленин и социально-экономические преобразования Сибири за 50 лет Советской власти : тезисы докладов. Красноярск : Красноярское кн. изд-во, 1967. С. 207–211.
5. *Прокопенко А.В*. Подготовка и проведение реорганизации РКИ в Иркутской губернии на основе ленинских принципов (с 1923 – 1926 гг.) // Вопросы истории и методики преподавания истории в школе. Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во, 1966. С. 85–104.
6. *Дианов А.Г.* Создание объединенных органов партийно-государственного контроля. Часть 1 // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 11–13.
7. *Дианов А.Г*. Преодоление кризиса в рабоче-крестьянской инспекции в период становления нэпа // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 12–15.
8. *Поташев Ф.И.* Обсуждение предложений В.И. Ленина об объединении ЦКК и РКИ в период подготовки и на XII съезде партии // Октябрь, 1965: тезисы докладов и статей к научной конференции Ростовской высшей партийной школы. Ростов : Ростовское книжное издательство, 1965. С. 44–46.
9. *Правда.* 1923. 13 апреля.
10. *Государственный* архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-288. Оп. 1.
11. *Российский* государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-613. Оп. 4.
12. *Куйбышев В.В*. Задачи ЦКК и РКИ. М., 1924. 120 с.
13. *Иконников С.Н*. Организация и деятельность РКИ в 1920–1925 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 215 с.
14. *Государственный* архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 4.
15. *Государственный* архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. П-2. Оп. 1.
16. *Государственный* исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-460. Оп. 1.
17. *Центр* документации новейшей истории Томской области. (ЦДНИТО). Ф. П-1. Оп. 1
18. *Дианов А.Г.* Создание объединенных органов партийно-государственного контроля. Ч. 1 // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 12–15.
19. *ЦКК-РКИ* в основных постановлениях партии. М. ; Л., 1927. 130 с.
20. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 14 т. М. : Политиздат, 1970. Т. 3. 552 с.
21. *Резолюция* 1-й Сибирской краевой конференции РКП(б) (8–11 мая 1924 г.). Новониколаевск : Изд-во краевого комитета РКП(б), 1924. 80 с.
22. ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 декабря 2013 г.

ESTABLISHMENT OF JOINT PARTY-STATE CONTROL BODIES IN SIBERIA

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 114-120. DOI: 10.17223/15617793/387/17

Dianov Aleksey G. The Siberian Automobile and Road-Building Academy (Omsk, Russian Federation). E-mail: dianov_60@mail.ru

Keywords: Siberia; the Workers ' and Peasants ' Inspection; Control Commission of the RCP(b); unification.

The article analyzes the gradual unification of the party and state control bodies in the regional (territorial) center and provinces. The stages of this process are defined as follows. At the first stage (March 1923 – April 1924) the idea of unification was initiated by provincial divisions of Workers' and Peasants' Inspections. The Siberian center which followed the instructions of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection disapproved these initiatives. However, the convergence of provincial Workers' and Peasants' Inspections (WPI) and provincial Control Commissions of the RCP(b) took place. For example, in the Altai Province in order to coordinate the work of the provincial division of the WPI with the provincial Control Commission of the RCP(b) its Chairman held the appointment of the Deputy Head of the provincial WPI. In December 1923 the senior party officials of Siberia authorized the gradual organizational and functional convergence of the party and state control. The first stage was completed with the decision about the final unification of the provincial bodies of the council and party control which was adopted at the provincial party conferences held in early April 1924 in Tomsk and Irkutsk. The second stage started in April 1924 and finished in February 1925. The unification of the regional and provincial party and council control bodies took place. By the autumn of 1924 the unification of the state machinery, Control Commissions and Workers' and Peasants' Inspection was completed in the provinces. Joint bodies started sharing the place of work. The joint Control body started to work in the Siberian center. In the course of unification significant changes among the head staff of provincial WPI occurred. In all provinces except Irkutsk new heads of provincial WPI were appointed. In 1925 the uniformity of the provincial Control body's leadership was established. The process of reorganization, a fundamental point of which was the organizational integration of the party and state control, was completed. With the help of this unification the Workers' and Peasants' Inspection was put under the direct control of the party. The main aim of the reorganization of the Control bodies was the improvement of the state machinery. They were supposed to help the party and council authorities to make the state machinery more effective, simple and inexpensive. The joint Control bodies played a considerable role in the process of party and state personnel being purged soon afterwards.

REFERENCES

1. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK*: v 14 t. [The CPSU in resolutions and decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenary sessions: in 14 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., 1970. Vol. 2, 543 p.
2. Anashkin A.P. *Leninskiy plan reorganizatsii raboche-krest'yanskoy inspektsii i ego osushchestvlenie na Altae (1923–1924 gg.)* [Lenin's plan for the reorganization of the Workers 'and Peasants' Inspection and its implementation in the Altai (1923-1924)]. In: *Sbornik rabot aspirantov kafedry istorii KPSS* [Collected works of post-graduate students of the Department of the CPSU History]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1970. Issue 6, pp. 42-52.

3. Anashkin A.P., Kuznetsov M.S. *Stanovlenie i razvitie partiyno-gosudarstvennogo kontrolya v Zapadnoy Sibiri (1920–1929 gg.)* [Formation and development of the party-state control in Western Siberia (1920-1929)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1982. 208 p.
4. Gorestov M.A. [Lenin's plan for the reorganization of the WPI and activity of party organizations in Siberia for its implementation during 1923-1925]. *V.I. Lenin i sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya Sibiri za 50 let Sovetskoy vlasti: tezisy dokladov* [V.I. Lenin and the socio-economic transformation of Siberia for 50 years of Soviet power: abstracts]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publ., 1967, pp. 207-211. (In Russian).
5. Prokopenko A.V. *Podgotovka i provedenie reorganizatsii RKI v Irkutskoy gubernii na osnove leninskikh printsipov (s 1923 – 1926 gg.)* [Preparation and implementation of the Workers' and Peasants' Inspectorate reorganization in Irkutsk region on the basis of the Leninist principles (from 1923–1926)]. In: Uvarov P.A. (ed.) *Voprosy istorii i metodiki prepodavaniya istorii v shkole* [Problems of history and methodology of teaching history in schools]. Irkutsk: East Siberian Book Publ., 1966, pp. 85-104.
6. Dianov A.G. The establishment of joint party and state control bodies. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2013., no. 3 (119), pp. 11-13. (In Russian).
7. Dianov A.G. Overcoming the crisis by the Workers' and Peasants' Inspectorate during NEP (new economical policy) period. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2009, no. 3 (78), pp. 12-15. (In Russian).
8. Potashev F.I. Discussing V.I. [Lenin's proposals concerning the merger of the Central Control Comission and the Workers' and Peasants' Inspectorate during preparation and at the 12th Congress of the Party]. *Oktyabr', 1965: tezisy dokladov i statey k nauchnoy konferentsii Rostovskoy vysshey partiynoy shkoly* [October 1965: abstracts and papers to the Conference of the Rostov Higher Party School]. Rostov: Rostov Book Publ., 1965, pp. 44-46. (In Russian).
9. *Pravda*, 1923, 13th April.
10. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-288. List 1. (In Russian).
11. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund P-613. List 4. (In Russian).
12. Kuybyshev V.V. *Zadachi TsKK i RKI* [The objectives of the Central Control Commission and the Workers' and Peasants' Inspectorate]. Moscow, 1924. 120 p.
13. Ikonnikov S.N. *Organizatsiya i deyatel'nost' RKI v 1920–1925 gg.* [Organization and operation of the Workers' and Peasants' Inspectorate in 1920-1925]. Moscow: USSR AS Publ., 1960. 215 p.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-374. List 4. (In Russian).
15. The State Archive of Contemporary History of Irkutsk region (GANIIO). Fund P-2. List 1. (In Russian).
16. The State Historical Archives of the Omsk region (GIAOO). Fund R-460. List 1. (In Russian).
17. The Documentation Centre of the Modern History of Tomsk region (TsDNITO). Fund P-1. List 1. (In Russian).
18. Dianov A.G. The establishment of joint party and state control bodies. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2013, no. 4 (121), pp. 12-15. (In Russian).
19. *TsKK-RKI v osnovnykh postanovleniyakh partii* [The Central Control Comission and the Workers' and Peasants' Inspectorate in in major decisions of the Party]. Moscow; Leningrad, 1927. 130 p.
20. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK*: v 14 t. [The CPSU in resolutions and decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenary sessions: in 14 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., 1970. Vol. 3, 552 p.
21. *Rezolyutsiya 1-y Sibirskoy kraevoy konferentsii RKP(b) (8–11 maya 1924 g.)* [The resolution of the 1st Siberian Territorial Conference of the RCP (Bolsheviki) (8-11 May 1924)]. Novonikolaevsk: RCP(B) Territorial Publ., 1924. 80 p.
22. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-6. List 1. (In Russian).

Received: 25 December 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 121–126 DOI: 10.17223/15617793/387/18

УДК 930.1

Е.С. Кирсанова

ОБРАЗ Т.Н. ГРАНОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

На основе анализа взглядов двух крупнейших представителей русского историзма XIX–XX вв. Б.Н. Чичерина и В.И. Герье на творчество Т.Н. Грановского освещается вопрос о вкладе историка в развитие русской исторической науки, подчеркиваются некоторые характерные черты историко-теоретических взглядов ученого, без учета которых невозможно понять сущность и значение деятельности Т.Н. Грановского.

Ключевые слова: философия; историческая наука; естествознание; идеализм; религия; этика; историзм.

В историографической литературе начала XXI в. в рамках оживления интереса к творчеству Тимофея Николаевича Грановского в связи с юбилейными датами (в 2005 г. исполнилось 150 лет со дня смерти историка, в прошедшем 2013 г. отмечалось 200-летие со дня его рождения) наряду с признанием его заслуг перед отечественной исторической наукой прослеживается воспроизведение старой дилеммы: Грановский – самостоятельный мыслитель, ученый или талантливый педагог, просветитель, популяризатор уже сформулированных и высказанных ранее другими мыслителями идей [1, 2]. Эта дилемма, сложившаяся едва ли не сразу же после смерти Грановского, опиралась на проявившееся еще при жизни историка неоднозначное отношение к его творчеству и общественной деятельности.

Поэтому, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных исследованию творчества Т.Н. Грановского, нельзя не согласиться с мыслью Б.Н. Чичерина о том, что «даже при самом искреннем желании отдать ему должную справедливость многое в нем остается непонятным...» [3. С. 2] и что эта мысль остается актуальной и спустя более ста лет с момента ее высказывания. Эта непонятость, обозначившаяся уже в XIX столетии, проявляется не только в противоречивых оценках научного вклада Грановского, в факте признания или непризнания его самостоятельным ученым или же только просветителем и талантливым популяризатором европейской исторической науки, а также и в оценке его историко-теоретических воззрений. И дело не в том, что противоречивой, мятущейся была личность историка. Напротив, все пишущие о нем отмечают гармоничность, уравновешенность его натуры. Дело, очевидно, в самих исследователях, в том, с какими целями и задачами они приступают к изучению творчества Грановского.

Исследователи досоветского, советского и постсоветского времени практически единодушны в том, что представители разных научных направлений и общественно-политических лагерей старались доказать свою связь и преемственность с его идеями, «вычитывая» в его текстах и поступках то, что резонировало с их собственными представлениями об исторической науке, политическом развитии России, о роли и месте России в мире. Так, например, либералы видели в нем предтечу либерализма, демократически настроенные исследователи, а затем и советские историки подчеркивали в творчестве Грановского демократические, материалистические тенденции что нашло выражение в сформировавшейся устойчивой, сохранившейся до настоящего времени традиции видеть в творчестве Грановского конца 40-х – начала 50-х гг. XIX в. «поворот» к позитивизму» [4–6]. Причем эти характеристики высказывались в то время, когда системного исследования творчества Т.Н. Грановского не было осуществлено, как нет и поныне, несмотря на ряд серьезных работ об отдельных сторонах его творчества. К тому же осмысление «его вклада в теорию исторического процесса» является «едва ли не маргинальной» линией в изучении творчества Т.Н. Грановского [7. С. 35].

В этой связи, думается, стоит присмотреться еще к одному варианту интерпретации творческого и жизненного пути историка, который пока еще не являлся предметом исследовательского интереса, что и позволит посмотреть на его творчество под отличающимся от обозначенных выше подходов углом зрения.

Содержанием этих интерпретаций, предпринятых уже во второй половине XIX в. и в начале XX в., был анализ творчества Грановского, в котором идеализм историка и его интерес к жизни духа в истории народов и личности рассматривались не как нечто, что с необходимостью должно быть преодолено и преодолевалось в ходе прогрессивной эволюции взглядов историка к материалистическому мировоззрению, но как самостоятельная сознательная позиция, сложившаяся в процессе освоения им философии и истории, позиция, которую он отстаивал в том числе и в полемике с друзьями, не разделявшими его взглядов. К тому же в ходе этого анализа решалась и другая задача – «опровергнуть ложные суждения прежде, чем они могли установиться» [8. С. 425]. Этот анализ содержится в работах учеников Грановского, считавших себя продолжателями традиций, заложенных учителем в науке и общественной деятельности. Речь будет идти прежде всего о Владимире Ивановиче Герье (1837–1919) и Борисе Николаевиче Чичерине (1828–1904), выдающихся представителях русского идеалистического историзма. Выводы, к которым эти исследователи приходят в своих оценках творчества Грановского, могут внести существенный вклад в продолжающийся «спор о Грановском».

При этом надо отметить, что каждый из них имел собственную историю общения с Грановским. Если В.И. Герье едва успел застать профессора на кафедре Московского университета, прослушав лишь несколько лекций, на основании чего современники скептически оценивали его заявления об ученичестве, то Б.Н. Чичерин, в поступлении которого в университет Грановский принимал самое деятельное участие (он давал частные уроки будущему студенту), – признанный и один из

самых талантливых, по словам самого Грановского, его учеников, находился в длительных дружеских отношениях с ним. И Чичерин, и Герье посвятили свои первые значительные научные труды памяти учителя [9]. Проблема «Грановский как ученый и педагог» в зависимости от того, как решают ее историки, неизбежно ставит и другую проблему: «Кого и чему он научил?», и будучи решенной в отрицательном смысле, вызывает вопросы уже о времени зарождения исторической науки в России, ее статусе, профессионализме историков первой половины XIX столетия и, наконец, вопрос о формировании традиций в русской исторической науке. Неслучайно по этому поводу в историографической литературе обозначилась полемика

Обращение названных ученых к творчеству Грановского не исчерпывается юбилеями историка, но проходит как некая константа собственного жизненного пути каждого из них и их творчества. Чичерин, по признанию исследователей его творчества, вдохновлялся образом Грановского всю жизнь. Так, издавая свое главное философское произведение «Наука и религия» (1879), он находит нужным сделать посвящение А.В. Станкевичу, другу и автору биографии Грановского, изданной в 1869 г., «во имя дорогих нам воспоминаний», таким образом, хотя бы и косвенно, но в очередной раз, отдавая дань памяти учителю. Герье откликается на эту биографию обстоятельной рецензией в том же 1869 г., где, помимо высокой оценки этого произведения, намечает контуры создания собственной биографии Грановского, что было реализовано ученым в 1914 г.

Анализируя творчество Грановского, оба исследователя опирались на собственные впечатления (метод включенного наблюдения), анализ текстов Грановского (диссертации историка, опубликованные к тому времени курсы его лекций, переписка, историографические работы) и на историографические исследования о нем, с авторами которых они то солидаризировались, то (и чаще) полемизировали. Таким образом, начинает оформляться академическая традиция в осмыслении творчества Грановского.

Работая в разных жанрах (Герье создает интеллектуальную биографию Грановского, Чичерин пишет статью о философско-исторических воззрениях Грановского, говорит о нем в мемуарах), они, по существу, едины в стремлении, выражаясь словами Чичерина, «восстановить истинное его значение… как мыслителя и научного деятеля» [3. С. 2]. Обращает на себя внимание определенный параллелизм в оценках и выводах, к которым приходят эти исследователи, что не отменяет ни самостоятельности, ни своеобразия исследовательской манеры каждого из них. Философский очерк Чичерина и историческое исследование Герье, дополняя друг друга, способствуют возникновению целостного образа ученого, педагога и общественного деятеля в глазах читателя.

Стоит подчеркнуть, что важным условием «восстановления» истинного значения Грановского является, по мнению и Чичерина, и Герье, необходимость обращения к социокультурному контексту как своего времени, так и времени, в которое жил и творил Грановский. Для понимания же эпохи 40-х гг. XIX в. важным является обладание философским образованием, которого у многих из тех, кто говорил и писал о Грановском в конце века, учитывая упадок философии в России в это время, не было. Это обстоятельство подмечает Б.Н. Чичерин, откликаясь на работу Ветринского о Грановском, и видит в нем главный недостаток его работы – автор не проявил философского образования, а без него «нет возможности правильно оценить ту умственную атмосферу, из которой вышел Грановский и которая наложила печать на всю его деятельность» [Там же. С. 3].

Убеждение в тесной связи между философией и историей было характерно для 40-х гг. XIX в.: «Гегель кружил всем головы», – вспоминал С.М. Соловьев [10. С. 268], и Грановский, как он признавался в письме к другу, чувствовал «необходимость философии». Как отмечает Чичерин, именно «…серьезное изучение философии дало ему ту ширину мысли, ту возвышенность взглядов, без которых нет истинного понимания истории… Только человек, продолжает он, получивший серьезное философское образование, способен оценить идеи, руководящие историческим развитием человечества, постигнуть их преемственность и связь, а равно их значение для общественной жизни. Самое понятие о развитии только при этом свете получает свой истинный смысл. История перестает быть случайной игрой событий или фаталистическим произведением механических сил; она становится раскрытием человеческого духа во всей его многосторонности и глубине» [3. С. 3].

Кроме того, философское образование спасало Грановского от чрезмерного увлечения какой-то одной из философских доктрин, «от односторонности», и сообщало его взглядам критичность и самостоятельность в суждениях о событиях интеллектуальной и общественной жизни, «мой скептицизм» – как называл эту черту сам Грановский, который отмечали и его друзья. Герье, солидаризируясь с идеями, высказанными Чичериным, утверждает, что «интерес Грановского к философской стороне своего предмета сохранялся у него до конца жизни и выражался в общих введениях, которые он обычно предпосылал каждому курсу». Ему особенно запомнилась одна лекция (и это была последняя в жизни Грановского лекция, подчеркивает он), «...которая заключала в себе необыкновенно живую прочувствованную характеристику Гердера… Так объяснить значение Гердера могла только родственная ему натура» [8. С. 431].

Однако, подчеркивает Герье, от философии истории как независимой от истории области знания и от ее метода логических умозаключений, сложившихся без учета реальных исторических событий и навязываемых исторической науке, Грановский решительно отказывается. Здесь надо сказать, что, отталкиваясь от факта отказа от философии истории, о чем Грановский заявляет в университетской речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852 г.), историографы видят решительный поворот к позитивизму, а точнее, к необходимости использовать методы естествознания в исторической науке, чтобы приходить к таким же точным результатам. Однако Герье так не считал. Он, констатируя эволюцию во взглядах историка, анализирует тексты Грановского, выявляет «философскую подоплеку» в его работах и приходит к выводу, что Грановский, оставаясь, по мысли Чичерина,

«истинным историком, соединявшим философское образование с обширной ученостью», демонстрирует свою философию истории, которая «утрачивает… отвлеченный метафизический характер», приданный ей Гегелем, «и вступает в область этики, становится могущественным и влиятельным ее органом» [11. С. 66]. В чем суть этой философски и исторически обоснованной этики становится ясно из дальнейших рассуждений Герье. Грановский отказывается от того мнения, которого он прежде держался под влиянием Гегеля, что история никогда и никому не приносит практической пользы, что ни один народ не воспользовался ее уроками: «Я сам говорил то же… А между тем всякий день современной истории доказывает могущество и влияние уроков истории. В этом теперь мое твердое убеждение» [Там же]. История раскрывает деятельность человеческого духа и дает нравственную силу, чего не могут сделать науки естественные, и это делает ее великой наукой, а историк обязан быть глашатаем тех нравственных законов и уроков, которые открывает история.

Эта мысль, по убеждению Герье, «становится, так сказать, осью, около которой вращаются все мысли нашего историка, – директивой, которую он дает своим слушателям». Сказать, чтобы философия истории, развиваемая Грановским, этим самым вступала на совершенно новый путь, нельзя. Уже до Гегеля, у Гердера, она шла по этому пути. Уже Гердер выставлял как цель истории человечества достижение им полной человечности (Humanität). Грановский сам сделался миссионером этой этики. Она проявлялась у него иногда в поучениях, но чаще всего в эмоциональных выступлениях, в его умении воздействовать на своих юных слушателей не только словом, но и своим примером. Онтологическим основанием этики Грановского выступает его религиозность, которая исследователями либо игнорируется, либо ей не придают должного внимания. Для Чичерина же и для Герье этот факт очень важен, так как, опираясь на него, они решительно отстаивают идеализм Грановского и неприятие им материализма.

По мнению Чичерина, Грановскому были свойственны «те глубочайшие стремления, которые связывают его с верховным источником всякой жизни и всякого блага» [3. С. 6]. Именно это обстоятельство, как представляется, и сообщало ту «глубину и возвышенность», «гуманность» историческому миросозерцанию Грановского, о которых пишут его современники. Этих качеств не могут понять люди 90-х гг. XIX в., они, в лице Ветринского в данном случае, считают их «неопределенными», «расплывчатыми», «романтическими», хотя и желают понять свой предмет исследования, относятся к нему с любовью и сочувствием. Тем не менее именно обладание этими качествами «и делало его способным быть историком, для которого первое условие состоит в сочувственном понимании всех сторон человеческого духа, и в особенности тех, которые играют такую выдающуюся роль, как религия» [3. С. 10]. Оба историка солидарны в том, что, вопреки мнению Ветринского, религиозность Грановского не была ни проявлением его пассивности, ни результатом внешнего внушения.

Герье аргументирует эти рассуждения следующими соображениями, приводя примеры из жизни Грановского, из его общения с друзьями и близкими людьми. «Человек, который так глубоко верил в разумность мироздания и в силу духа, – пишет он, – не мог отрицать его там, где вера в него всего важнее для человека, в индивидуальном бытии» [8. С. 437]. Именно спор о бессмертии души и непризнании его Герценом послужил толчком к окончанию его дружбы с Грановским. «Грановский заявил, что лично бессмертие ему необходимо и просил никогда не говорить с ним об этом. Они поняли это как начало разрыва». Комментируя этот широко известный историографам факт, Герье считает, что он имеет гораздо большее значение для русской жизни, чем просто окончание «одной дружбы», а знаменует «...собою новый раскол в русском обществе, раскол более глубокий, чем распря между “славянофилами” и “западниками”». Мы присутствуем при возникновении новых течений русской жизни в сторону идеализма, который олицетворял собой Грановский, и материализма, которому отдался Герцен…» [11. С. 50].

Кроме внутренней потребности, вера в бессмертие поддерживалась у Грановского, по словам Герье, примером людей, которых он особенно уважал. «Для меня, – говорил Грановский своему будущему биографу, – относительно подобных вопросов важны мнения замечательных людей. Для меня это отдельные огоньки, из которых в будущем загорятся новые верования для человечества. Я знаю, в настоящее время человечество будто успокоилось на счет подобных вопросов, но ведь это ничего не значит: оно успокаивалось уже не раз» [Там же. С. 42]. Религиозность Грановского выражалась, наконец, и в том, что ему было не по душе всякое резкое отрицание или глумление над религиозными убеждениями других. Грановский проявляет это чувство в своих университетских курсах и распространяет его даже на отрицателей языческой религии.

Рассуждения Герье и факты, приводимые им, важные для характеристики личности Грановского сами по себе, надо учитывать, исходят из той роли, которую Герье отводил и философии, и религии в выработке исторического метода, находящегося, по его мнению, в тесной взаимосвязи с мировоззрением ученого. Взгляды В.И. Герье на значение философии и религии для историка, органически встроенные в его понимание природы исторической науки, ее специфики и значения личности исследователя в процессе исторического исследования, в частности, в ходе таких процедур, как понимание источника, интерпретация его, связаны с его убеждением в том, что истина в исторической науке имеет нравственные основания и она может быть доступна только ученому, обладающему мировоззрением, проникнутым духом вневременных *нравственных ценностей*. Изучение философии и религии Герье считал самым надежным способом овладения этими ценностями [12. С. 293–298]. Личная же религиозность, по его мнению, являясь основанием нравственности, не может быть помехой в высказывании новых идей, совершении открытий и в то же время способна удерживать исследователей от крайних выводов, могущих вытекать из их открытий; это может быть своеобразный религиозный такт, как, например, у Декарта, или трезвая практическая религиозность Ньютона. Поэтому и религиозность Грановского, выступая у него проявлением именно идеализма, не умаляла его достоинств как ученого.

Отношение Грановского к естественным наукам и понимание их роли в развитии науки исторической также вызывают противоречивые оценки исследователей, о чем шла речь выше. Они основываются на известной университетской речи Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852 г.). По мнению же Чичерина, Грановский относился и к естественным наукам с точки зрения историка. Ценя их достижения, он видел в них прежде всего вспомогательное средство для истории. «И действительно, – пишет Чичерин, – изумительные успехи естествознания в новейшее время ровно ничего не дали для истории, что и неудивительно, так как к истории неприложимы ни математика, ни опытные изыскания. Самые методы и способы исследования тут совершенно иные... область ее совершенно другая» [3. С. 6, 7], ибо история есть царство духа, который носит в себе неведомые материалистически-механическому миросозерцанию мерила и цели. Чрезмерное же увлечение естественными науками может повредить историку, так как ведет к «материалистическому реализму», на почве которого «нет ни понимания истории, ни нравственных начал, ни даже признания человеческой свободы, которая отрицается во имя всеобщего детерминизма». Для Грановского же «...свобода воли была неотъемлемой и неискоренимой принадлежностью человеческой души, а свобода воли составляет источник всякой свободы, на ней основываются все истинно человеческие отношения: внутренняя свобода составляет условие всякой нравственности» [Там же. С. 8–12]. Грановский видел в свободе первое и необходимое условие всякого разумного общежития, и всякой науки, и всякого просвещения. Без ее признания, добавлял Чичерин, нет причины, «почему бы с человеком не позволено было обращаться, как с вьючным скотом». Следовательно, Грановский не мог допустить подчинения истории чисто механическим процессам, этому препятствовали его идеализм, человечность и либерализм.

Герье, рассматривая вопрос об отношении Грановского к естественным наукам и понимании историком их роли в развитии исторической науки, обращает внимание на то, что, говоря о необходимости для исторической науки выхода на обширное поприще естественных наук, Грановский, «...как будто для того, чтобы предостеречь свою аудиторию от неверного толкования этих слов, т.е. от смешения истории с естественными науками, в этой же речи упрекает Монтескье за то, что он доводил мысль о влиянии географических условий, климата… на судьбу народов до такой крайности, что принес ей в жертву самостоятельную деятельность духа» [11. С. 61]. «В этом все дело!», – торжествующе восклицает Герье. Грановский не отказывается от признания в истории «самостоятельной деятельности духа» и в этой связи формулирует свой взгляд на историю в следующих словах: «У истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой – независимые от него, данные природою условия его деятельности». С этой точки зрения он требовал для истории нового метода, который «должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии» [Там же; 13. С. 26]. Надо отметить, что задача, которую поставил перед историками Грановский в 1852 г., решением которой занималось не одно поколение ученых, не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Продолжая рассуждения Чичерина о свободе и либерализме, Герье подчеркивает, что любовь к свободе не затемнила в глазах Грановского значения власти для целей общественной судьбы человека. Герье, который ко времени написания биографии Грановского пережил опыт первой русской революции 1905 г., сопровождающее ее насилие, «самоограничение» русского самодержавия, зарождение политических партий в России и продолжающуюся борьбу партий, но уже за власть, по его убеждению, а не ради идей свободы, считает необходимым обратить внимание на отношение Грановского к монархической идее. Размышляя об этом, Герье опирается на научную работу Грановского «Аббат Сугерий», мысли историка о монархии в его «Записке к учебнику всеобщей истории», письма. Таким образом, им выстраивается позиция Грановского в понимании исторической роли монархии как результат серьезной работы, которую он проводил и в своей преподавательской деятельности, и высказывал ее в общении с учениками, а не как на некий дипломатический реверанс в сторону власти.

Вот на что обращает внимание Герье в первую очередь. В то самое время, когда во Франции происходила попытка заменить вековую монархию республикой, Грановский изучал по древней хронике монастыря св. Дионисия, как аббат этого монастыря, Сугерий, положил начало французской монархии и ее торжеству над феодальной анархией. Этот труд, очевидно, имел влияние на русского историка, потому что спустя несколько лет при составлении программы учебника по всеобщей истории Грановский указывает на то, что монархическая форма правления в историческом развитии оценена и объяснена неудовлетворительно. Причем в этом отношении грешат как писатели либеральной школы, так и составители учебников, враждебных либерализму. В большей их части, продолжает историк, не видно живого и глубокого понимания монархического начала… Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; а между тем, оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе, и дело науки и преподавания показать, что русское самодержавие много отличается от тех форм, в которые монархическая идея облекалась в других странах. При этом подчеркивается и своеобразие проявления монархического начала в истории России: «Между тем как развитие западных народов совершалось во многих отношениях не только независимо от монархического начала, но даже наперекор ему, у нас самодержавие наложило свою печать на все важные явления русской жизни…» [13. С. 591]. Такое признание великой исторической роли монархии в России со стороны Грановского и глубоко верная характеристика ее должны, как считает Герье, служить ключом к важному вопросу об отношении Грановского к увлечению современной ему демократической пропагандой.

Герье акцентирует внимание на идеях Грановского, высказанных им еще до революции 1848 г., в 1847 г., в полемической статье против романтического культа массы со стороны славянофилов. Тогда Грановский писал: «Массы, как природа, бессмысленно жестоки или

бессмысленно добродушны. Они коснеют под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом *разложении масс мыслью* заключается процесс истории» [13. С. 445]. *Задача* истории – нравственная, просвещенная, независимая от роковых определений *личность* и сообразное требованиям такой личности общество.

Историк не оставляет без внимания и вопрос о научном значении работ Грановского. Речь идет о его докторской диссертации «Аббат Сугерий»: «В ней из груды фактов добывается творческая политическая мысль, обессмертившая Сугерия, – государственное единство под управлением монарха вместо феодальной анархии» [11. С. 22–24]. Следующая важная мысль, которую обосновывает Грановский в своем исследовании, заключается, по мнению Герье, в том что «королевская власть выступает как высшая общественная власть, призванная поддерживать в пользу всех и против всех справедливость и порядок», и дальше изображает эволюцию монархического, государственного начала в союзе с национальным. «Таким образом, у читателя воочию вырастает при Лудовике VI Капетингская монархия и с нею и в ней образуется французская национальность. Это, – заключает Герье, – в противовес недоброжелательным и недобросовестным критикам труда Грановского, – ученое исследование, которое не только важный вклад в современную ему науку, но надолго сохранит свое классическое значение» [Там же]. Следует добавить, что у этого первого в отечественной медиевистике сочинения заметна и основательная источниковедческая база сочинения, серьезная критика источников, историографические работы, с авторами которых Грановский спорит, усматривая в качестве недостатков слабое использование ими источников и необоснованность выводов. Это современные Грановскому французские ученые Тьерри, Гизо, историки XVII в. Так что трудно не согласиться с выводом биографа Грановского, не нарушая принципов историзма, об образцовости и значительности этого сочинения.

На основании анализа работ В.И. Герье и Б.Н. Чичерина, посвященных творчеству Т.Н. Грановского, можно говорить об одной из первых реконструкций гносеологической и философско-исторической концепции Грановского, основой которой является историзм. Как явление он присущ, прежде всего, немецкой исторической мысли конца XVIII в. и составляет содержание одной из величайших, по словам Ф. Мейнеке, духовных революций, пережитых европейской мыслью. Этой интеллектуальной революцией оказались захвачены и российские историки XIX в., заграничные командировки которых создавали возможность индивидуального вхождения в интеллектуальное пространство Западной Европы, усвоения новейших достижений западноевропейской науки в области истории, в результате чего происходило изменение их собственных мыслей. Характерной чертой этого образа мыслей была твердая уверенность в том, что исторический процесс представляет собой закономерную, обусловленную развитием национального самосознания преемственность различных стадий в жизни народов, выражающуюся в постепенном совершенствовании их общественно-политических институтов. «Закономерность» понималась ими и как индивидуальная обусловленность исторических событий предыдущими и, в философско-историческом смысле, как наличие в развитии человечества определенной направленности (идея исторического прогресса как нравственного совершенствования человечества, идея, за приверженность которой мировоззрение данного направления в европейской историографии позже получило название «идеалистический историзм»). Подчеркнем, что при этом речь совсем не шла о «законах», неумолимо детерминирующих ход истории любого народа, о которых в 1860–1870-е гг. заговорили сторонники позитивизма, а затем в 1880–1890-е гг. – марксизма. Задачи исторической науки виделись представителями идеалистического историзма в реконструкции истории народов как закономерной эволюции исторических индивидуальностей и раскрытии связей национальных историй с общим процессом нравственного совершенствования человечества. Подобные мысли и идеи отчетливо выражены в историческом мировоззрении Грановского, что и было эксплицировано его учениками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свешников А.В.* Миф о Грановском. Попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2006. С. 69–81.
2. *Лаптева Л.П.* В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 47–60.
3. *Чичерин Б.Н.* Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 1–13.
4. *Виппер Р.* Общественно-исторические взгляды Грановского // Мир божий. 1905. Ноябрь. С. 186–187.
5. *Гутнова Е.В., Асиновская С.А.* Грановский как историк // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.
6. *Левандовский А.А.* Время Грановского. М., 1990.
7. *Мягков Г.П.* Всеобщая история Т.Н. Грановского: научные и идейные горизонты // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2006. С. 29–42.
8. *Герье В.И.* Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 424–440.
9. *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165–185.
10. *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, если можно и для других // С.М. Соловьев. Избранные труды. Записки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 440 с.
11. *Герье В.И.* Т.Н. Грановский: В память 100-летнего юбилея его рождения. М., 1914. 74 с.
12. *Кирсанова Е.С.* Проблема сущности религии и философии и их значение для историка в осмыслении В.И. Герье // История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2008. С. 287–298.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 января 2014 г.

THE IMAGE OF T.N. GRANOVSKY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND PART OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 121-126. DOI: 10.17223/15617793/387/18

Kirsanova Ekaterina S. Seversk Technological Institute of the National Research Nuclear University "MEPhI" (Seversk, Russian Federation). E-mail: zavkir@mail.ru

Keywords: philosophy; history; science; idealism; religion; ethics; historicism.

In spite of the significant number of publications devoted to the study of creativity of T.N. Granovsky, B.N.Chicherin's thought that "even the most sincere desire to give him necessary justice, much in him remains incomprehensible..." still remains relevant after more than a hundred years since it was expressed. This incomprehensibility observed already in the 19th century resulted in conflicting assessments of the scientific contribution of Granovsky as well as in the assessment of his theoretical and historical views. However, it should be noted that already in the second half of the 19th and early 20th centuries attempts were made to analyze Granovsky's creativity, in which his idealism and his interest to the life of the spirit in the history of peoples and individuals was examined not as something that must necessarily be subdued and is subdued in the course of the progressive evolution of views of the historian on the materialistic ideology, but as a self-conscious position which was the essence of his world outlook. This analysis is part of the works of well-known representatives of Russian historiography, the methodological basis of which was idealistic historicism. This concerns V.I. Geríe and B.N. Chicherin who saw T.H Granovsky their teacher and mentor. The analysis of these works allows speaking about one of the first reconstructions of the philosophical-historical and gnoseological conception of Granovsky, the basis of which is idealistic historicism. As a phenomenon it is inherent first of all to the German historical thought from the end of the 18th century and is the content of one of the greatest, according to F. Meinecke, spiritual revolutions the European thought experienced. Russian historians of the 19th century were caught by this intellectual revolution, their trips abroad created an opportunity for individual occurrences in the intellectual space of Western Europe, for mastering the latest achievements of Western European science in the field of history. Its traces are clearly expressed in the historical outlook of Granovsky, which was explicated by his followers.

REFERENCES

1. Sveshnikov A.V. *Mif o Granovskom. Popytka diskursivnogo analiza* [The myth of Granovsky. An attempt of discourse analysis]. In: Repina L.P. (ed.) *Timofey Nikolaevich Granovskiy. Ideya vseobshchey istorii. Stat'i. Teksty* [Timofey Nikolayevich Granovsky. The idea of universal history. Articles. Texts]. Moscow: IVI RAN Publ., 2006, pp. 69-81.
2. Lapteva L.P. V.I. Ger'e i ego otsenka sovremennykh universitetov Germanii [Guerrier and his evaluation of modern German universities]. *Dialog so vremenem – Dialogue with the time*, 2013, no. 43, pp. 47-60.
3. Chicherin B.N. Neskol'ko slov o filosofsko-istoricheskikh vozzreniyakh Granovskogo [A few words about the philosophical and historical views of Granovsky]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1897. Book 36, pp. 1-13.
4. Vipper R. Obshchestvenno-istoricheskie vzglyady Granovskogo [Socio-historical views of Granovsky]. *Mir bozhiy*, 1905, November, pp. 186-187.
5. Gutnova E.V., Asinovskaya S.A. *Granovskiy kak istorik* [Granovsky as a historian]. In: Granovskiy T.N. *Lektsii po istorii srednevekov'ya* [Lectures on the History of the Middle Ages]. Moscow, 1986.
6. Levandovskiy A.A. *Vremya Granovskogo* [The time of Granovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1990. 302 p.
7. Myagkov G.P. *Vseobshchaya istoriya T.N. Granovskogo: nauchnye i ideynye gorizonty* [Universal history of T.N. Granovsky: scientific and ideological horizons]. In: Repina L.P. (ed.) *Timofey Nikolaevich Granovskiy. Ideya vseobshchey istorii. Stat'i. Teksty* [Timofey Nikolayevich Granovsky. The idea of universal history. Articles. Texts]. Moscow: IVI RAN Publ., 2006, pp. 29-42.
8. Guerrier V.I. T.N. Granovskiy v biograficheskom ocherke A. Stankevicha [Granovsky in a biographical sketch by A. Stankevich]. *Vestnik Evropy*, 1869, no. 5, pp. 424-440.
9. Ivanova T.N., Myagkov G.P. The school of Vladimir I. Guerrier: its main characteristics and its place within Russian academic space. *Dialog so vremenem – Dialogue with the time*, 2013, no. 44, pp. 165-185. (In Russian).
10. Soloviev S.M. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 440 p.
11. Guerrier V.I. *T.N. Granovskiy: V pamyat' 100-letnego yubileya ego rozhdeniya* [T.N. Granovsky: In commemoration of the 100th anniversary of his birth]. Moscow, 1914. 74 p.
12. Kirsanova E.S. *Problema sushchnosti religii i filosofii i ikh znachenie dlya istorika v osmyslenii V.I. Ger'e* [The essence of religion and philosophy, and their value to the historian in understanding of V.I. Guerrier]. In: Repina L.P. (ed.) *Istoriya idey i vospitanie istoriey. Vladimir Ivanovich Ger'e* [The history of ideas and education. Vladimir Ivanovich Guerrier]. Moscow: IVI RAN Publ., 2008, pp. 287-298.

Received: 15 January 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 127–136 DOI: 10.17223/15617793/387/19

УДК 94(47)(571.1/.5)

Г.Ю. Колева

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ: КАЗАКИ «ЛИТОВСКОГО СПИСКА»

Рассматривается категория служилых людей Сибири «казаки литовского списка»; предлагается авторская трактовка происхождения этого понятия; определяются временные рамки существования явления; показывается первоначальное отличие «казаков литовского списка» от «литвы», «литвинов», конных казаков; выделяются основные сферы деятельности «казаков литовского списка»; подчеркивается их роль в освоении Сибири. Уделено внимание появлению иноземного контингента в составе служилых людей России.

Ключевые слова: служилые люди; казаки; иноземцы; литва; литовский список казаков.

В изучении истории Сибири существенное место занимают процессы заселения, складывания населения в целом, как и отдельных его категорий, среди которых – служилое сословие, появившееся на этой территории с ее присоединением к Российскому государству. Служилые люди как «лица, состоявшие на военно-административной службе» [1. С. 47] составили ядро населения, стали определять многие процессы в развитии региона.

Ко времени включения Сибири в состав русского государства в России на протяжении XVI в. формировалось сословие служилых людей, набиралось из детей боярских, с одновременным «прибором» на службу «добрых и конных казаков» [2. С. 93, 108, 111–113]. О последних Н.М. Карамзин писал как о людях «неутомимых в ратном деле», «природных конниках и наездниках» и связывал их появление с территорией Дона [3. С. 632]. Казачество получило значительное распространение в Южной Руси, в 1363 г. присоединенной литовским князем Ольгердом вместе с Киевом к Великому княжеству Литовскому, где под давлением польско-литовской шляхты, под влиянием угрозы насильственного «окатоличивания» и вытеснения русской речи стимулировалось превращение его в массовое явление, распространившееся и на приграничные районы Северо-Восточной Руси. По мнению В.А. Волкова, привлечение казачества на русскую государеву службу было обусловлено стремлением «унять казачьи разбои и использовать их военный опыт для борьбы с татарской угрозой» [4]. Первое упоминание о «приборе» на московскую службу донских казаков В.А. Волков относит к 40-м гг. XVI в. [Там же]. Казачество стало составной частью русских вооруженных сил, и уже в московском войске времен Ливонской войны, включавшем конницу (75 тыс. дворян, детей боярских и их людей), была и пехота из 20 тыс. стрельцов и казаков [2. С. 118]. В последующем казачество было подчинено двум приказам – Стрелецкому и Казачьему. По «Сметному списку 139 г.» (1621 г.) в ведении Стрелецкого приказа числилось 19 540 казаков и стрельцов, в Казачьем приказе – 1 694 казака. Дворян и детей боярских состояло на службе 5 364 человека [5].

Наряду с детьми боярскими, казаками, стрельцами в разрядных записях среди служилых людей фигурировали «иноземцы» («литва», «немец», «черкасы» и т.д.) [6. С. 244, 312], подчиненные Иноземному приказу. На 1621 г. насчитывалось 1 608 иноземцев «старого и нового выезда». «Старого выезда иноземцы» подразделялись на «кормовых», что «живут в разных городах» (312 человек), и «поместных» (414 человек). «Нового выезда иноземцы» определялись как «отпущенные из Москвы в города на житье» [5].

Появление иноземцев («литвы») на русской службе следует связывать со второй половиной XV в., когда, с одной стороны, в литовских землях стало возрастать влияние католичества, подталкивавшее к переходу знати на службу к московскому князю [7. С. 145, 180], с другой, начавшиеся с 1470 г. пограничные конфликты Московского и Литовского княжеств [8. С. 22, 35], сопровождавшиеся присоединением к растущей Великороссии земель Великого княжества Литовского (городов Вязьма, Брянск, Путивль, Торопец, Дорогобуж, Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород Северский). К 1503 г. граница с Литвой устанавливалась в 50 км от Киева [7. С. 215]. «Земские люди черные, – пишет Ю.Г. Алексеев, – приводились к целованию на великого князя, князья и паны признавали себя вассалами русского государства» [Там же. С. 180]. Столкновения с Ливонией, русско-шведская война 1495–1497 гг. [Там же. С. 185–187], а затем и Ливонская война XVI в., военные столкновения с Польшей привели к увеличению числа так называемых «немцев».

Литовские и немецкие люди в составе русских вооруженных сил в количестве 2 000 человек появились в эпоху Василия III, стали включаться в состав русского аппарата управления. Исследователь М.М. Бенецианов считает, что выходцы с территории Литовского государства под названием «литва дворовая» вошли в состав «государева двора» в 1530–1540-х гг., что отразила и составленная в 1550-е гг. «Дворовая тетрадь» [9].

Рост числа иноземцев на русской службе обусловил возникновение в Замоскворечье между Полянкой и Якиманкой особой слободы, получившей название «Иноземная» [10. С. 287]. В условиях Ливонской войны количество пленных возрастало, часть из них была поселена в Москве близ устья Яузы, на правом берегу, однако новая «Немецкая слобода» в 1578 г. подверглась опричному погрому, ее обитатели «разбежались» [11].

Особенно возросло число представителей иноземного элемента на русской земле в период Смутного времени и в процессе ликвидации его последствий. «После взятия Кремля, – писал Н.В. Берх, – полковников и ротмистров польского народу и все воинство за приставы раздаша, а иных воин в окрестные города разослали, смерти их по обещанию не предано» [12. С. 62].

Т. Бохун утверждает, что Дмитрий Пожарский после взятия Москвы стал отправлять «пленников в провинцию», в том числе на север России, где они часто соединялись с казаками (Белоозеро, Каргополь, Вологда, Устюг Великий, Соль Вычегодская) [13]. Таким образом, формирование служилого сословия изначально оказалось тесно связано с иноземным контингентом, который мог находиться как в ведении Иноземного приказа, так и неучтенно в разных частях государства, в том числе находить себе пристанище и в казачьей среде.

В начале правления Романовых, согласно «Разрядным книгам», постоянно ставились задачи «выискивать», «промышлять литовских людей», которые первоначально действовали как остатки отрядов Смутного времени, затем появлялись в рамках новых походов королевича Владислава [6. С. 219, 238, 242], для этого направлялись «на литовских людей» отряды русских воевод, с участием и самой «литвы с литовскими ротмистрами» и «немецких поместных» [Там же. С. 242]. В это же время прослеживается число ссылаемых в Сибирь иноземцев. По данным В.А. Александрова, в 1619 г. в Сибирь было выслано 75 человек «литовских людей», в 1620 г. – 50 [14. С. 100]. Обратим внимание на то, что, несмотря на основную активность в период Смутного времени прежде всего Польши и выходцев с «коронных» земель, понятие «литовские люди» имело в широкое распространение. Отношение к выходцам из польско-литовского государства время от времени менялось: в 1618 г. власть требовала «литовских людей вешать по тем дорогам, откуда кто пришел» [6. С. 250], а в 1621 г. «Разрядные книги» сообщали, что «по результатам переговоров с Польшей и Литвой всех польских и литовских “полоняников” попустили» [Там же. С. 616].

Казачество, как и иноземный контингент, изначально стало играть важную роль в составе служилых людей в Сибири, которые до начала XVIII в. подразделялись на дворян, детей боярских, стрельцов, казаков пеших и конных, объединенных «постоянной и бессрочной службой», «доколе в силах», «за определенное денежное и хлебное жалованье [15. С. 4]. Иноземцы в Сибири фигурировали в документах под названиями «поляки», «немец», «немчины», «литва», «литва тобольских уроженцев», «черкасы», «ссылочные черкасы», «литовские выходцы», «литовских выходцев пахолки», казаки «литовского списка». Во второй половине XVII в. разнородный иноземный элемент, в котором наиболее часто упоминалась «литва», объединялся под общим понятием «литовского списка казаки». В вопросе происхождения иноземного элемента в составе служилых людей Сибири среди исследователей прослеживается практически полное единодушие, сводящееся к тому, что они «как правило, были, военнопленными» [16. С. 4, 5], в Сибирь попадали не добровольно.

Нельзя не заметить, что источники начала XVII в. очень конкретны в проведении различий в иноземном контингенте, различая «поляков», «немчин», «черкас», «литву», «литвин» и казаков «литовского списка». Первые упоминания об иноземцах в Сибири отразили источники 1593 и 1598 гг. В «Наказе князю Андрею Елецкому с товарищи, отправленному в Сибирь для постройки города Тара» 1593 г. указаны «50 казаков польских», литва и черкасы Тобольска и Тюмени [17]. В «Отписке царю Тарского воеводы Андрея Воейкова о поражении Сибирского царя Кучума на берегу Оби, о взятии в плен жен и детей» от 4 сентября 1598 г. среди служилых людей указана «литва» Тары, Тобольска, Тюмени [18. С. 1]. В составе посольства для сопровождения Кучума и его семейства в Москву есть «литва и немец» Тары (Христофор Зеленовский, Иван Павлов, Кузьма Родионов, Яков Шелковский, Иван Еремеев, Лукаш Индриков), «литва» Тобольска (Иван Залеской, Остап Петров), тюменский «литвин» Никита Барзобогатый [Там же. С. 6]. Называется и сопровождающий «литвина» Якуба Григорьева, служившего Кучуму 10 лет, «тобольский литвин Павел Аршинский» [Там же]. Таким образом, «литва», «литвины», «немец» есть в Сибири уже в конце XVI в., а некий «литвин» Якуб Григорьев перешел на службу к Кучуму за 10 лет до 1598 г., т.е. в 1588 г.

Согласно «Сметному списку 139 г.» (1621 г.) «литва» и «черкасы» были уже в Пелыме, Таре, Березове, Мангазее, Сургуте, Кузнецке, Тобольске, Томске, Тюмени [5]. Исследователь XIX в. К.Б. Газенвинкель, анализируя разрядные книги XVII в., приводя данные по категориям служилых людей г. Тобольска, указывал на «немец», «конную литву» и «черкас», новокрещенных конных [19. С. 62, 63], численность которых на 1625, 1636 гг. по Тобольскому разряду определял в 146–168 человек [18. С. 66, 67], отмечал, что в Березове, Пелыме, в Сургуте, в Мангазее «литва» служила в пехоте [Там же. С. 75, 76]. Иноземцев на службе было достаточно много и в понизовых городах (Урало-Волжский регион), но только в Сибири возникло особое явление – казаки «литовского списка». Определимся первоначально с понятиями «литва», «литвин» и с тем, можно ли их считать синонимами. Исследователи, касавшиеся проблем казачества Сибири, понятие «литва» определяли по-разному. Н.И. Никитин считал, что «литва» была представлена главным образом белорусами [20. С. 79]. Н.Н. Оглобин также придерживался мнения, что «литва» – это белорусы, при этом оговаривался, что в XVII в. «под “литвой” разумели не одних только белорусов, но и литовцев в собственном смысле, а также “поляков, черкас, латышей, и других подданных Польского государства, поверстанных в службу, образовавших в городах особую группу служилых людей под общим названием “литвы” или “литовского списка казаков”» [Там же. С. 1], А.С. Зуев к «литве» относил поляков, литовцев, белорусов [1. С. 48]. По мнению С.Г. Филя, понятия «литва» и «литвин» выступают синонимами, а «литвин» – это «любой житель огромных пространств Великого княжества Литовского» [15. С. 16].

Как же исследователи определяли, что же такое «литовский список» казаков, который постепенно стал объединять весь иноземный контингент Сибири? Н.И. Никитин связывал с «литовским списком казаков» всех, кто оседал в Сибири [20. С. 79]. Согласно подходам А.С. Зуева «наличие значительного числа иноземцев позволило к концу первой четверти XVII в. создать в гарнизоне “литовские” и “черкасские” спис-

ки» [1. С. 48]. Н.Н. Оглобин также полагал, что подданные Польского государства, поверстанные в службу, объединялись в городах в особую группу служилых людей под общим названием «литвы» или «литовского списка казаков» [20. С. 1]. Таким образом, в понимании Н.И. Никитина, казаки «литовского списка» – это «литва», осевшая на жительство в Сибири, у А.С. Зуева – подразделение в составе гарнизона, у Н.Н. Оглоблина – понятия «литва» и «казаки литовского списка» отождествляются [21. С. 2]. Авторы работы «История казачества Азиатской России» «литовский список» казаков практически отождествляли с «литвой», связывая его комплектование с выходцами (добровольными или военнопленными) из Речи Посполитой («не обязательно поляками или литовцами в этническом смысле») [22. С. 142]. С.Г. Филь [23] соотносит это явление с представителями «малоимущей польской шляхты с земель Великого княжества Литовского, защищавшими рубежи объединенного польского государства». В российском войске, по мнению С.Г. Филя, «они оказывались, попадая в плен или нанимаясь на службу» [16. С. 16].

Однако нельзя не заметить отличия, имеющиеся в ранних источниках по Сибири, «литвы», «литвинов» и казаков «литовского списка», что прослеживается уже по Дозорной книге 1624 г. г. Тобольска, которая свидетельствует о том, что служили «иноземцы» «с детьми боярскими», «в роте у ротмистра», «в казаках», «в стрельцах и пеших казаках» [24. С. 27]. Обращаясь к фамилиям тех, кто назван «литвинами» в Дозорной книге 1624 г. (Григорий Черново, Дружинка Кулагин, Онтон Дубровинский, Лавр Тимофеев, Ондрюшка Попков, Ивашка Чернатцкой, Михаил Хоткин, Дмитрий Ядровский, Томилка Шевеля, Ивашка Любимской, Лавринка Ондреев, Ян Врублевский, Петрушка Матусов, Матюшка Коломылец, Томоска Григоровский, Дениска и Денис Рачковские, Иван, Семейка, Пронька Черкашенины, Филимон Лящина, Ярофейка Васильев, Гришка Яковлев), видим, что они носят как соответствующие Южной и Юго-Западной Руси фамилии, так и фамилии русского звучания. Написание имен свидетельствует о наличии в составе «литвин» лиц знатного и не знатного происхождения. «Иноземцы» в Тобольске по Дозорной книге 1624 г.: Самсон Наватский, Ярофей Заболоцкий, Ян Ржитцкий, Петр Сабанский, Матвей Филька, при отсутствии суффикса -ка в написании имен собственных могут рассматриваться как имеющие родовитость, то же касается и «немчин»: Савы Француженина, Анцы Яковлева, Анцы Алфова [Там же. С. 6–10]. В Дозорной книге 1624 г. названы и служившие в категории «дети боярские», среди которых, несомненно, были те, кто мог быть отнесен к «литве» или «иноземцам»: Максим Егонский, Офонасий и Дмитрий Черкасовы, Богдан Аршинский, Павел Хмелевский. Упоминание в указанном источнике вдовы сына боярского Марии Вишневской свидетельствует о том, что в составе детей боярских был и Вишневский, имя которого не известно.

Казаки «литовского списка» на 1624 г. в Тобольске есть, но они немногочисленны, их в городе всего четыре человека: Ивашка Астраханец, Степанка Скорняк, Алешка Мурзин, Офонька Федоров [Там же]. Их этническую принадлежность по приставкам к имени, более напоминающим прозвища, определить трудно, но несомненно, что имеем дело с восприятием их как простолюдинов, о чем свидетельствует и суффикс -ка в имени. Жили казаки «литовского списка» в начале 1620-х гг. и под Тобольском, так, в частности, согласно Дозорной книге 1623 г. в деревне на «речке Мостовой», землю имели «литовского списка казаки» «Меркушка и Данилка» Крушинские, их владения составляли «пашни паханные луговые и дубровные середние земли в трех месте двенадцеть чети», «перелогу лесом поросль десять чети в поле», «лесного места дубровы пят десятин», сенных покосов за речкою Мостовою в лугу триста копен» [25. Л. 85]. В отличие от казаков «литовского списка», живущих в Тобольске, братья Крушинские за службу получили землю, которая стала определяться в последующем как владельческая деревня братьев Крушинских. Соотносится фамилия «Крушинские» с польской гербовой шляхтой [26]. Расположение деревни братьев Крушинских в цепочке владельческих деревень от Кучумовой Сибири до Ермаковой перекопи [27. С. 187], несомненно, свидетельствует о том, что появление Крушинских следует связывать с самыми первыми служилыми людьми Сибири, потому что именно относительно владельческих деревень, расположенных на этом участке, сохранилась легенда о раздаче земель лично Ермаком [28. С. 289], и исключить участие «литвы» в составе ермаковой дружины нельзя. Среди хозяев 74 владельческих деревень, имеющихся под Тобольском в самом начале XVII в. и зафиксированных Дозорной книгой 1623 г., 28 деревень служилых людей польско-литовского или иноземного происхождения [Там же].

Источники разделяли конных казаков и казаков «литовского списка». И если сравнить с земельными наделами, полученными совсем рядом конными казаками, владения казаков «литовского списка» Крушинских значительно крупнее [25. Л. 84 об.], что свидетельствует о том, что в иерархии служилых людей они занимали более высокое положение, чем конные казаки. Соглашаясь с исследователями, которые появление «литвы» на пространствах Сибири связывали уже с походом Ермака [16. С. 4], обратим внимание на то, что в г. Тобольске казаки «литовского списка» есть уже в начале 1620-х гг., а по «Книгам разрядным» понятие «литовский список» казаков датируется впервые 1628 г. Это касается Пелыма, Тары, Томска, где обозначены 104 человека «литовского списку казаков», при этом в Таре – 73 человека, в Томске – 27 человек, в Пелыме – 4 [29. С. 62]. В Тобольске до 1629 г. по «Книгам разрядным» казаки «литовского списка» не называются, при этом в категории «дети боярские» есть поляки (10 человек), «немец» (3 человека), названы 84 человека конной «литвы» и конных черкас, 2 – «немец»; в пеших казаках: 1 – литвин, 5 – «черкас» и 2 – «немец», 2 человека «литовских выходцев» – в стрельцах [24. С. 62]. На следующий год казаки «литовского списка» обозначены в Тобольске и Тюмени, в каждом городе – по 22 человека [29. С. 116]. При этом «Разрядная книга» выделяет «литву

и черкас конных», их в Тобольске 63 человека, «литву тобольских уроженцев» – 28 человек, 3 – «немец», и отдельно называет 22 – «литовского списка казаков». Среди конных казаков числится один «литвин» [29. С. 199]. В Тюмени на 1631 г. – 22 казака «литовского списка», кроме них – 55 конных казаков, в числе которых 2 человека (из 5 – в Тюмени) «литвы тюменских уроженцев», да 1 «немчин». Список по г. Тобольску 1633 г. зафиксировал, что всего «литвы», «черкас», «немец», «литовского списка казаков» 128 человек, при этом последних уже 30 человек» [24. С. 26]. Таким образом, источники различали конных казаков, «немец», «литву», «черкас» и «литовского списка» казаков.

Появление сообщений в государевых разрядах о казаках «литовского списка» связано только с Сибирью и происходит на фоне постановки задач по выявлению «нетчиков», проведению смотров, составлению списков, правда, тех, кого нужно было собрать к Туле. При этом давались поручения по составлению списков: провести смотры, записывать тех, «кто в службу поспели», и «велети быти им на государевой службе», «выявить нетчиков». «Нетчики» – по всему те, кто отлынивал от службы. Указывалось, что в списке должно быть отражено: «кто каков конен и оружен», «сколько за кем поместья и вотчин», «что за кем в полку людей будет», «записать в список» и «руку приложить» [29. С. 78]. Таким образом, появление в «Разрядных книгах» «литовского списка казаков» в Сибири первоначально относилось к трем городам – Пелыму, Таре, Томску – и по времени совпадало с работой по выявлению «нетчиков» и «на службу поспевших».

На наш взгляд, «литва» – это более раннее по времени явление, и связано его появление с «верстанием» выходцев с территории Польско-Литовского государства на русскую службу. Казаки «литовского списка» по времени возникновения несколько более позднее явление, но со второй половины XVII в. охватывающее практически весь иноземный элемент в составе военно-служилых людей Сибири, а с учетом высоких окладов «литовский список» превратился в престижное место службы, замещаемое пленными шляхтичами, а также теми, кто обладал особыми знаниями в области военного дела и кто происходил из служилых династий Сибири, относящихся к самому раннему появлению на этой территории. Источники, различая «литву», «немец», «черкасов», проводя различия между ними, исходили из русского понимания мест их выхода, при этом «литва» и казаки «литовского списка» – явления различные, как и конная «литва» – не казаки «литовского списка». Отдельно обозначена и «литва», родившаяся в Тобольске. Определять, как считает С.Г. Филь, «литву» только как «шляхтичей» [16. С. 15], учитывая данные Дозорной книги 1624 г., трудно.

Таким образом, «литва» – выходцы с территории Польско-Литовского государства, но при этом разного социального уровня, с учетом фамилий – и разной этнической принадлежности. Почему же требовалось от «литвы» отделять «литовского списка» казаков, которые были «литвой», но какого-то особого списка? Источники XVI в., как и XVII в., нигде не содержат разъяснений относительно «литвы», «литвинов», «немец», как и казаков «литовского списка», как бы исходя из очевидной понятности явлений. Поиск ответов на эти вопросы следует, как нам представляется, искать в истории Польско-Литовского государства. Исследователь истории Великого княжества Литовского В.В. Новосельский указывает, что в состав населения Литвы вошли восточные славяне центральных и западных княжеств Руси (белорусы), литовские племена (аукштайты, жемайты), а также прусские ятвяги, но в отличие от литовцев «кривичские славяне, дреговичи, часть радимичей» назывались «литвинами» [20. С. 5, 6]. Таким образом, «литвины» по отношению к «литве» – явление более узкое, и именно их и стоит отождествлять с белорусами последующего времени, тогда как «литва» понятие более широкое. Так же ситуация обстоит и с понятием «черкасы», относительно которого исследователи сходятся в том, что это малороссы, или украинцы. Однако «черкасы», как еще считал Н.М. Карамзин, – «козаки» с Дона, а «город “Черкаск” или Козачий», «ибо то и другое знаменовало одно» [3. С. 632].

Относительно казаков «литовского списка» ответ также кроется в истории Польско-Литовского государства, где можно найти возникновение в 1570-е гг. реестрового казачества. Слово «реестр» буквально и есть «список». Польский автор М. Бобржинский писал, что польское правительство решило «создать на самой Руси элемент, способный и сильный к деятельной обороне», тем более что такой элемент «создавался там понемногу уже издавна, с начала XVI столетия» в «виде козаков», которых он определял как «смелые банды авантюристов, искавших себе прокормления… в разбойничьих походах…» [31. С. 122]. В казачество «стремилось и бежало из Польши и Руси угнетенное шляхтою крестьянство… беспокойные души из среды шляхетской молодежи, и люди… от возмездия правосудия». Решено было «организовать и эксплуатировать этот элемент для государства» [Там же]. С. Баторий стал «употреблять в своих войнах козаков» [Там же. С. 124]. В регулярном польском войске на втором месте после польского рыцарства (польских панов, гусар), стояла «храбрая конница казаков», затем шла артиллерия, пехота из немцев и венгров [Там же]. В то же время в Великом княжестве Литовском ведущую роль в вооруженных силах играла шляхта. Казаки времен Речи Посполитой находились в пределах Южной Руси, делились на реестровых и «вольных». Относительно последних было принято решение «преследовать и обращать в крестьянство» [Там же. С. 190]. Казаков считали живущими за пределами Речи Посполитой [Там же], а жителей Южной Руси, которая от Великого княжества Литовского была передана Польше, называли «русинами» [Там же. С. 198], поэтому они для русского государства вполне могли выступать, как по-прежнему часть «литвы», учитывая, что эта территория с 1363 г. входила в состав Великого княжества Литовского, хотя во второй половине XVI в. Киевский повет был передан Польше. И нам представляется, что казаки «литовского списка» – это вынужденно или добровольно

перешедшие на русскую службу, возможно, плененные или, возможно, выявленные в числе тех, кто находился на территории русского государства, – реестровые казаки с территории Польского – Литовского государства, в военном отношении более опытные, что в тех условиях требовалось прежде всего в Сибири.

Первоначально, согласно источникам, представителей «литовского списка» казаков в Сибири просто единицы, что вполне согласуется с тем, что возникшее при Сигизмунде Августе II в 1572 г. реестровое казачество исчислялось первоначально всего числом в 300 казаков [32. С. 577]. Набирали в «реестр» зажиточных крестьян королевских имений и мелких украинских шляхтичей, наделяли правами, обязанностями, среди которых – отражение набегов татар, участие в войнах, полицейских акциях, подавлении выступлений крестьян и вольных казаков. Таким образом, они должны были обладать хорошими военными навыками, поэтому и могли приобретать особую значимость и в силу этого выделяться в особую категорию. Пришедший к власти Стефан Баторий первоначально распустил реестровое войско, что также могло привести часть из них на русскую службу. Однако уже в 1578 г. последовало возрождение реестрового казачества, увеличение численности казаков до 600 человек. И все последующие годы тенденция роста реестрового казачества сохранялась: в 1583 г. – до 800 человек, в 1590 г. – 1 000, в 1625 г. – 6 000 казаков [33]. Руководящие должности в рядах реестрового казачества стали принадлежать польской шляхте, что вполне соответствует тому факту, который прослеживается по Дозорной книге 1624 г. по г. Тобольску, в которой казаки «литовского списка» с польской фамилией Крушинские наделены землей в силу того, что их статус и служба представляли большую значимость, а в г. Тобольске живущие казаки «литовского списка» с фамилиями русскими, украинскими землей не наделены и по всему просто получали оклады. Центры реестрового казачества были в Киевском воеводстве. Реестровых казаков приравняли к безгербовой шляхте, что вполне согласуется с фактами массового причисления шляхты к казакам «литовского списка». В 1667 г. реестровое казачество в Польше было отменено [Там же], в то же самое время – во второй половине XVII в. – в Сибири понятие «литовского списка казаки» стало очень широким и объединяло всех, кто корнями был связан с происхождением не русским.

Обращает на себя внимание тот факт, что «литовский список» казаков вбирал людей в военном отношении наиболее опытных. Так, в 1661 г. при поступлении большой партии иноземцев (поляков, «литвы», «немец») тобольский воевода И.А. Хилков по правительственному распоряжению разделял их в разные служебные разряды, при этом в тобольские казаки «литовского списка» первым отбирается специалист «гранатного дела» Якушка Иванов [34]. В это время казаки «литовского списка» имеются, кроме Тобольска и Тюмени, в Таре, Томске, Кузнецком, Енисейском, Красноярском, Якутском, Илимском острогах. По распределению воеводы И.А. Хилкова в Тобольске в «литовский список» попали 4 человека, в Тару направились 5, в Томск и Кузнецк – по 15, в Красноярск – 3, Илимск – 5, Якутск – 8, а вот в Енисейск – 27 человек, что в общей сложности составило 82 человека [Там же]. Как считает Н.И. Никитин, тобольский воевода И.А. Хилков попытался в начале 1660-х гг. создать за Уралом войско иноземного строя [20. С. 79, 80], видимо, в связи с этим в Тобольске, Таре, Тюмени появляются рейтарские подразделения общей численностью 358 человек, в Тобольске создается полк в 495 драгун (драгунские полки в России появляются с 1631 г. и означают пехотинцев, посаженных на лошадей). Согласно «Сметному списку» 1678 г. в Тобольске 1 879 человек служилых людей, в том числе: стрельцов – 464, пеших казаков – 631, литвы, конных казаков и новокрещенных – 254. Отдельно выделены дети боярские и недоросли [24. С. 32].

Шляхта направлялась преимущественно в «литовский список», однако при этом следовала строгая, только тому времени понятная дифференциация шляхтичей: «витебский шляхтич» Ян Янушковский распределяется в категорию «детей боярских». В Тобольске в «литовском списке» оказывались в основном семейные, в источниках указано наличие жены, детей, дворовых людей, а холостые следовали в более отдаленные территории. В «литовский список» г. Тобольска определен и иноземец Федорлинг. Часть шляхты попадала в конные казаки, часть – в рейтары, «немцы шведской земли» определяются в пешие казаки Тобольска. Драгуны и «челядники» распределялись в пешие казаки, ротмистры – в «дети боярские». Шляхтичи Хриштоп Дайнаров, Михайло Добочинский, Павел Юшковский, Микулай Малиновский вместе с «челядниками» Степаном Новицким, Ондреем Шебовским, Яном Рачицким, Иваном Есинским, Казимером Моржой направляются в далекую Мангазею, где «литовского списка» казаков не было [34].

Подробные списки служилых людей столичного города Тобольска, в том числе и казаков, как и казаков «литовского списка», находим в «Книге 1696 года», которая содержит их государевы оклады. В ней указаны конкретные имена и фамилии разных категорий казачества Тобольска. Нельзя не обратить внимание на то, что список казаков открывается «литовским списком казаков», что отражает их особое место и роль в составе казачества. Перечисление окладов казачества начинается с казаков «литовского списка», оклады которых являются более высокими. Численность рядового состава казаков «литовского списка» составляет 144 человека, 2 человека представляют командный состав – поручик и прапорщик [24. С. 48, 49]. Список казаков «литовского списка» пополнялся и теми, кто относился к служилым людям, восходящим к первопоселенцам этой территории: Лосевы, Волковы, Волоховы, Измайловы, Сергеевы, Выходцевы.

В Тюмени в конце XVII в. имеется рота «литовского списка» казаков, которую возглавлял Петр Олтуфьев, в его роте – Пелымские (3 чел.), Черкашенины (3 чел.), Кондрашка Дубровка, Федка Галячинин, Андрюшка Чирок, Алешка Семилада, Федька Вязмин, Петрушка Драгун и др. [35. С. 123]. Данные о казаках «литовского списка» г. Тюмени за 1700 г. включают тех, кто преимущественно носил фамилии русского звучания: Киншиных, Щетининых, Вязминых, Тол-

мачевых, Черкашениных, а также есть Дундошкин, Ожегин, Заворухин, Перевалов, Нелаев, Котельников и т.д. [35. С. 58, 59]. Г.Е. Катанаев считал, что «настоящие фамилии и имена (иноземцев) переиначивались на русский манер», «...и Ян Березуцкий становился Яковом Березовским, Иозиф Кобылянский – Осипом Кобылиным, Иван Найда – Ванькой Найдиным, Грицко Таран – Гришкой Тарановым...», «...у них появлялись фамилии Поляновы, Панковы, Литвиновы, малороссы часто превращались в Черкасовых, Хохловых, Подольских...» [15. С. 3].

Если обратить внимание на те оговорки, которые делаются по ходу списка «Книги 1696 г.», можно сделать вывод, что численность казаков «литовского списка» г. Тобольска была устоявшейся, и только в связи с выбытием казака его место замещалось. Причины выбытия, отмеченные в списке: смерть («умре»), «убит в Даурском походе», нахождение «в Даурах». На место убывшего «верстан в казаки» кто-либо из ближайших родственников, чаще всего брат или сын, или просто «казачий сын» [24. С. 49]. Есть и такие варианты выбытия из списка: «отставлен по челобитью», «за пьянством на службе не бывает» [Там же]. Несмотря на то что имеем дело с перечнем казаков «литовского списка», многие фамилии имеют русскоязычное произношение, но есть и несколько близких к украинским – Кривой, Юрьево, часть фамилий напоминают литовско-польское происхождение: Крушинский (3 чел.), Кроянский, Постепенский, Суницкий, Юхновский, Ореховский, Новицкий, Чернацкий (2 чел.), Рублевский (2 чел.), Залеский (3 чел.), Байкаловский (2 чел.), Кобылинский, Скоржицкий, Черницкий, т.е. всего 20 человек. В «литовском списке» также Ондрюшка Волошанин, скорей всего выходец с территории Молдавии, а Герасимко и Ивашко Анцыны, судя по всему, потомки «немчины» Анцы [Там же. С. 47, 48]. Относительно некого Сеньки Борисова указано, что он калмык, как и Федько Кондратьев [Там же. С. 47–49].

После перечня «казаков литовского списка» г. Тобольска следует список рейтаров в 54 человека. Рейтары» – буквально «всадники», которые использовали крупнокалиберное оружие, «стреляли прямо с коня», в Европе представляли вид кавалерии, появившийся в XVI в., вместе с кирасирскими и драгунскими полками вместо тяжеловооруженной рыцарской конницы [36. С. 605]. В списке рейтаров г. Тобольска также отмечается значительное число фамилий польско-литовского звучания, встречавшихся и в перечне казаков «литовского списка»: Крушинские (2 чел.), Кроянский, Поступинский, Байкаловские (2 чел.), Суницкий, Юхновский, Ореховский, Новицкий, Чернацкие (3 чел.), Рублевские (2 чел.), Залеские (2 чел.), Кобылинский, Жульжевский, Сарборский, Любимской, Грицкой, Волский, Голубовский, Фальковский, Ранчковский, Скоржицкий, Григоровский [24. С. 47–50]. Относительно рейтарских подразделений в Сибири Н.И. Никитин замечал, что «рейтарские и драгунские полки не оправдали своего предназначения», «для сражения с кочевниками более всего подходил бой “по-казацки”, опыт показал, что «рейтар татарина догнать в поле строем не может» [20. С. 80]. Наряду с тем, что прослеживается значительное сходство фамилий в списке рейтаров и казаков «литовского списка» (см. таблицу), отмечается и сходство фамилий конных казаков и казаков «литовского списка», что является показателем службы представителей одного служилого рода в разных подразделениях сибирских «войск».

Сходство фамилий казаков «литовского списка» и конных казаков (г. Тобольск)

Казаки литовского списка	Конные казаки
Волков	Волков
Байкаловский	Байкаловский
Завьялов	Завьялов
Серебренников	Серебренников
Сергеев	Сергеев
Полуянов	Полуянов
Ушаров	Ушаров
Михайлов	Михайлов
Горохов	Горохов
Лосев	Лосев
Кривой	Кривой
Измайлов	Измайлов
Корнилов	Корнилов
Выходцев	Выходцев
Шипицын	Шипицын
Юрьево	Юрьев
Лавринов	Лавринов
Харчевников	Харчевников
Кривоносов	Кривоносов
Мисайлов	Мисайлов
Чичагов	Чичагов
Белевцев	Белевцев

Примечание. Составлено на основе данных «Книги 1696 г.» [24. С. 47–50].

Связывать исчезновение казаков «литовского списка» необходимо с первой четвертью XVIII в., когда служилые люди «старых служб» переживали весьма сложный период. Указом от 19 февраля 1711 г. устанавливалось, что «в губерниях быть гарнизонным армиям», образовывались 43 гарнизонных полка, в Сибирской губернии – численностью в 3 000 человек [37. С. 590, 615]. Ударом по военно-служилому сословию Сибири становилось и определение законом от 16 января 1712 г. № 2467 (ст. 2, п. 24) «первенства» в шляхетстве офицерства [Там же. С. 779], доступ в которое для сибирских служилых людей, с учетом выполняемой ими службы, был практически закрыт. Относительно тех, кто «не в офицерах, или без отъезда, в других делах привязаны», было определено «тем как рекрут, так и подати всякие давать» [Там же. С. 779], что означало их фактическое приравнивание к к податному сословию. По «Плакату о сборе подушных денег» от 24 июня 1724 г. сибирские служилые люди были превращены в государственных крестьян. Сразу после смерти Петра 20 апреля 1725 г. Сенат обратился с запросами ведомостей о состоящих на службе казаках. Составлены штаты 1725 г., которые не предусматривали деления казаков на списки [22. Т. 1. С. 144]. Однако еще некоторое время деление на пеших и конных казаков сохранялось для Томска, Новокузнецка [Там же]. В это же самое время прекращается упоминание «литвы». С.Г. Филь последнее упоминание «литвы», «литвин» в источниках относит к 1704, 1717 гг. Во второй четверти XVIII в. такая этническая принадлежность уже не обозначалась [Там же].

Казаки «литовского списка», как и «литва» вообще, сыграли важную роль в истории Сибири. Выделим ряд направлений их влияния на историю региона.

1. Становились основателями сибирских служилых династий [38. С. 289]. Казаки «литовского списка», выполнявшие сложные государственные поручения, имевшие хороший военный опыт, грамотные, продвигались по службе нередко более успешно, верстались в высшее звено служебной иерархии в Сибири – в «дети боярские» [39], от которых в последующем, как считает исследователь М.М. Громыко, вели происхождение большинство сибирских дворян [40. С. 354].

2. Играли важную роль в освоении края, являясь владельцами деревень, направлялись на службу в разные вновь созданные остроги. «Колонизационная деятельность служилого населения была значительна» [41. С. 169].

3. Выполняли наряду с детьми боярскими самые сложные виды «государевой» службы, в большей степени связанной с «отъезжими службами», являвшимися наиболее обременительными и опасными [20. С. 82]: участвовали в окончательном разгроме Кучумовичей [16. С. 16]; направлялись на противодействие калмыкам, киргизам [18. С. 19]; несли службу «в калмыцких улусах»; осуществляли защиту слобод от набегов; в источниках указывается направление казаков «литовского списка» «для обереганья воинских людей» в Шадринскую слободу, Курьинскую слободу, в походы на «Улутовы горы и вверх по Тоболу реке», «на Уральские горы», «в Томский острог» и т.д. [35. С. 117, 120–125]; сопровождали сборщиков ясака: посылались «в ясашные волости для высылки всяких ясашных людей с ясаком»; отправлялись «на Ямыш-озеро по соль», что считалось насколько важным, настолько же опасным предприятием [35. С. 117–125]; казаки «литовского списка» Тобольска наиболее часто сопровождали посольства в Даурию: в списках казаков этого служебного разряда часто имеется приписка «в Даурах». В 1670 г. в посольстве в Дауры участвовал Данила Аршинский, в 1675 г. с посольством Н.Г. Спафария в Китай направлены казаки «литовского списка» г. Тобольска «Митька Крушинский и его двоюродный брат Микифорка Офонасьев» [42]. В 1692–1695 гг. с посольствами Китай также из Тобольска направляются провожатые; выполняли наиболее опасные поручения. В «Полном собрании законов Российской империи» в Сенатском указе от 12 июля 1764 г. о запрете «бугрования» в местах Зюнгарских кладбищ сообщается о событиях 2 сентября 1727 г. когда в Ямышевскую крепость отправлен был поручик Иван Крушинский с командой солдат и служилых людей «для присмотра неприятельских лошадей казачьей орды», и во время этой вылазки Крушинский «за неприятельскими людьми ходили и отбили их русских полоняников трех человек, которых их казачья орда взяла в полон на степи с бугрования, да 14 лошадей русских и барабинских, и за ними гнались судки и настичь не могли» [43. С. 832]. Среди поручений, которые выполняли казаки «литовского списка», С.Г. Филь отмечает сопровождение посольств в Москву, участие в экспедициях на Тунгуску (1620-е гг.), на Чукотку (1740-е гг.), проведение переписей населения [16. С. 18, 19, 21].

4. Иноземный элемент в целом, как и казаки «литовского списка», внес существенный вклад в формирование населения региона. Относительно тех, кто прибыл в Сибирь в середине и второй половине XVII в. А.С. Зуев утверждал, что «подавляющее большинство из них в последующем из Тобольска убыло» [1. С. 49]. А вот Г.Е. Катанаев считал, что иноземцы «раз попавши в казаки, обыкновенно в казаках оставались со всем потомством» [15. С. 3], близок к этому мнению и С.Г. Филь, считающий, что «многие оставались на постоянное жительство, обзаводились семьями, а их потомки верстались в службу», «занимали видные административные должности» [16. С. 18].

Подтверждением того, что «литвины», «литва», в том числе и казаки «литовского списка», участвовали в формировании населения Западной Сибири, является перечень населения сибирских городов. Так, уже в XVIII в. Тобольск отличался значительным числом фамилий польско-литовского происхождения: Рублевские, Венгерские, Булатовские, Барышевские, Низовские, Коровенские, Ивановские, Жульжевские, Широковские, Кукарский, Любимские, Долговские, Курдюмские, Широковские, Плясовские, Пеньевские, Чернавские, Островские, Долговские, Гусевские, Кобылинские, Пелымские, Руженские, Крушинские, Луговские, Желтовские, Манастрыские, Шуленские, Черновские и т.д. А также: Вюха, Кобыла, Клюка, Кропива, Дурной, Каргапол, Нутро, Кстенин, Русак, Падера, Дула, Горячка, Пиленок, Резвой, Широкий, Удалой, Хромой. Есть такие как Бахмат, Шмит, Бонг, Жаков, Соин, Фронстрремель. В городе было много Выходцевых, проживали Иноземцевы, Черкашенины, Волошанины и т.д. [24. С. 125–144].

Прослеженные судьбы ряда служилых родов из числа казаков «литовского списка» г. Тобольска свидетельствуют о том, что на протяжении XVII–XX вв. выходцы из казаков «литовского списка» проживали в г. Тобольске, под Тобольском. Службу несли в казачестве в XIX в. не многие, из бывшего списка казаков «литовского списка» находим только Любимских, Анцыных, Волковых, Лавриновых, Волошаниных, Ушаровых [44]. Численное увеличение родов, соотносимых с казаками «литовского списка», прослеживается в разных показателях. Так, Крушинские в начале XX в. жили под Тобольском, но в деревне Полуяновой, утратив к тому времени свою деревню [45. Л. 1], численно увеличившись за все три века всего до 19 человек. В то же время некогда связанные с казаками «литовского списка» Волковы проживали в деревне Волковой, некогда являвшейся их владельческой, насчитывали более 300 человек [46. Л. 150–152]. Значительная часть потомков казаков «литовского списка» отмечается в таких крупных поселениях, как село Абалак, Преображенское, в самом городе Тобольске [Там же. Л. 12–14, 133, 150, 151]. Обращает внимание на себя особенность брачных отношений, чаще всего между исторически взаимосвязанными селами и слободами или исторически долговременными служилыми родами, в частности у Волковых и Крушинских, что позволяло сохраняться типичному славянскому облику представителей родов.

Казаки «литовского списка» как категория служилых людей Сибири просуществовали с начала XVII в. до начала XVIII в., составляя важное звено сибирского войска, следующее в служилой иерархии вслед за детьми боярскими. Наделяясь высокими денежными окладами, «литовского списка» казаки были связаны с наиболее сложными видами «отъезжих служб», участвовали в колонизации и освоении края, формировании системы управления территорией, сохраняясь во времени, вошли в состав населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зуев А.С.* Казачье сердце Сибири // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. Тобольск : Изд-й отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. С. 47–61.
2. *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. 330 с.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 8, гл. IV. Продолжение государствования Иоанна IV. 1552 г. М. : Эксмо, 2008. 1024 с.
4. *Волков В.А.* Казаки (конец XV – I половина XVII вв.). URL: http://www.portal-slovo.ru/history/3587.php
5. *Сметный* список 139 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokomenty
6. *Книги* разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб. : В тип-фии II-го отд-ния Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1855. Т. 1. 718 с.
7. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск : Наука, 1991. 240 с.
8. *Темушев В.Н.* Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494 гг. М. : Квадрига, 2013. 240 с.
9. *Бенецианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей русского государства в конце XV – середине XVI в. URL: http://www.dissercat.com
10. *Большая* советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 10. 591 с.
11. *Иноземные* слободы. URL: http://www.rusinz.ru
12. *Берх Н.В.* Систематические списки боярам, окольничим и думным дворянам с 1468 г. до уничтожения сих чинов / сост. предисл. Василий Берх. СПб. : Печ. в тип. Х. Гинце, 1833. 66 с.
13. *Бохун Т.* История польского гарнизона в Москве (1610–1612 гг.). URL: http://www.historie.ru/2012/01bohun-01-2012-htm
14. *Александров В.А.* «Войско» – организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94–113.
15. *Западно-Сибирское* служилое казачество и его роль в обследовании и занятии районов Сибири и Средней Азии / сост. Г.Е. Катанаев. СПб. : Типография В.А. Тихонова, 1908. Вып. 1. 115 с.
16. *Филь С.Г.* Казаки «литовского списка» в истории Сибири XVI – первой трети XVIII столетий // Филь С.Г. Гуманитарные арабески о польском и русском наследии. Тюмень : Вектор Бук, 2010. С. 4–34.
17. *Акты* исторические. 1593–1594 гг. URL: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1590-1599/akty_istoricheskie_1593 g
18. *Акты* исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией : в 5 т. СПБ. : Тип-фия II-го отд-ния Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Т. 2 : 1598–1613 гг. 482 с.
19. *Газенвинкель К.Б.* Книги Разрядные в официальных их списках как материалы для истории Сибири XVII в. Казань : Типография императорского ун-та, 1842. 79 с.
20. *Никитин Н.И.* Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. URL: annales.info. С. 77–83.
21. *Оглобин Н.Н.* Заговор «томской литвы» 1634 г. Киев : Типография Г.Т. Горчак-Новицкого, 1894. 15 с.
22. *История* казачества Азиатской России : в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Т. 1 : XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург : УРО РАН, 1995. 316 с.
23. *Филь С.Г.* Казаки «литовского списка» в Сибири XVI – начале XVIII столетий // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. Тобольск : Изд-ский отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. С. 209–215.
24. *Тобольск.* Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : Типография Волчанинова, 1885. 163 с.
25. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. «Книги». Д. 3.
26. *Гербы* польской шляхты; Побог (герб), Правдзиц (герб). URL: http//ru.wikipedia.org/wiki/%DO%AO%DO%B5%B9%01%82%DO %BO%01%80%
27. *Колева Г.Ю.* Первые поселенцы Сибирского края // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские Родословные чтения : материалы Всесрос. науч.-практ. конф, 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Баикиной ; отв. ред. Г.Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. С. 184–190.
28. *Колева Г.Ю.* Судьбы владельческих деревень близ Тобольска служилых людей первой волны (XVII–XIX вв.) // Тобольск научный–2013 : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 25–26 октября 2013 г. Тобольск : Тобольская типография, 2013. С. 287–292.
29. *Книги* разрядные по официальным спискам изданная по высочайшему соизволению II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб. : Типография Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. 718 с.
30. *Новосельский В.В.* История Великого княжества Литовского от рождения до Люблинской унии (1236–1569 гг.) или 333 года борьбы за возвышение и выживание: Великий князь Миндовг (1236–1263 гг.). Минск : Элайдо, 2012. 308 с.
31. *Бобржинский М.* Очерк истории Польши : в 2 т. СПб. : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1891. Т. 2. 348 с.
32. *Реестровое* казачество // Большая Советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1975. Т. 21. 640 с.
33. *Реестровое* казачество. URL: ru.wikipedia.org/wiki wiki/%DO%AO%DO%B5%DO%B5%D1%80%DO %BE%DO%B2
34. *Сибирский* казак. URL: http:// ka-z-ak.ru/index.php?option
35. *Тюмень* в XVII столетии: собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII столетии», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начал XVIII в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : Мандр и К°, 2004. 200 с.
36. *Рейтары* // Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1975. Т. 21. 640 с.
37. *Полное* собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. IV : 1700–1712 гг. СПб. : Типография II-го отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 881 с.
38. *Колева Г.Ю.* Отголоски эпохи сибирского «взятья»: Волковы из деревни Волкова у озера Волково // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С. 57–66.
39. *Роспись* тобольских служилых людей 1661 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 663. Л. 210, 223. URL: http://foriem.vgd.ru/602/35294/330. htm)
40. *Громыко М.М.* К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма) : сб. ст. памяти чл.-кор. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М. : Наука, 1973. С. 350–363.
41. *Россия.* Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 1–19 / под ред. А.П. Семенова. СПб. : Изд-во А.Ф. Девреина, 1899–1919. Т. 16 : Западная Сибирь (Тобольская и Тюменская губернии). 591 с.
42. *Роспись*, составленная в Тобольском приказной избе тобольских служилых людей, посланных с посольством Н.Г. Спафария в Китай. URL: http:// vostlit.info/Texts/rus.15/Spaphrij

43. *Полное* собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1. Т. XVI. (28 июня 1762–1764 гг.). СПб. : Типография II отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.
44. *Государственный* архив Тюменской области, Тобольский филиал (ГАТО ТФ). Ф. И-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 31. 32. 235. 241. 258, 267.
45. ГАТО ТФ. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 203.
46. ГАТО ТФ. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 287.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июля 2014 г.

SERVICE CLASS PEOPLE OF SIBERIA: COSSACKS OF THE "LITHUANIAN LIST"

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 127-136. DOI: 10.17223/15617793/387/19

Koleva Galina Yu. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: service class people; cossacks; foreigners; Lithuania; cossacks of Lithuanian List.

This paper presents a review of the category of service class people of Siberia which is named "Cossacks of the Lithuanian List". The author's point of view on the concept of the origin of this definition is also presented along with defining the time period for this phenomenon. The original differences among the "Cossacks of the Lithuanian List" and other semantically similar definitions such as "Lithuania", "Litvins" and horse Cossacks. The main activity areas of the "Cossacks of the Lithuanian List" are highlighted. Their role in the development of Siberia is shown and emphasized. Also the issue of emergence of foreign troops in the service class people of Russia is discussed. As a part of military men a prominent place in Siberia belonged to the foreign contingent. Originally foreigners appeared under the title: "Lithuania", "Litvin", "Poles", "Circassians", "German", "Lithuanian List" Cossacks. Cossacks of the "Lithuanian List " entered the structure of the service class of Siberia, making a separate servitor rank following the boyar children and scribes in the service class hierarchy. This category opened the Cossack ranks in Siberia. This phenomenon existed in the 17th – early 18th centuries. Early papers on the history of Siberia leveled "Lithuania", "Litvin", "Poles","Circassians", "German", "Lithuanian List" Cossacks, yet noted differences between them, as well as between the Cossacks of the "Lithuanian List" and mounted Cossacks. Analyzing the sources, surnames of people from these categories, it can be concluded that in most cases the use of terms denoting foreign contingent in documents came from the Russian understanding of their origin. According to the documents the Cossacks of the "Lithuanian List", along with servicemen Yurt Tatars, were sent to perform the most complex military operations, so they had special military experience, which can be traced in the fact that this category of servicemen was replenished by people with distinctive military knowledge. The author suggests that the Cossacks of the "Lithuanian List" initially and until the middle of the 17th century were those prisoners of war, or volunteers for the Russian service, who were the so-called Registered Cossacks on the territory of the Polish- Lithuanian state. The Cossacks of the "Lithuanian List" played an important role in the history of Siberia, performed the most complicated outer service. They became the founders of the Siberian servitor dynasties, were more often promoted, referred to the senior official hierarchy in Siberia – the boyar children, the ancestors of most of the Siberian nobles. The foreign contingent participated in the colonization and development of the region, establishing a system of management of the territory, with time they became part of the region's population.

REFERENCES

1. Zuev A.C. *Kazach'e serdtse Sibiri* [The Cossack heart of Siberia]. In: Loshchits Yu. (ed.) *Tobol'sk i vsya Sibir'. Sibirskoe kazach'e voysko* [Tobolsk and the whole of Siberia. Siberian Cossacks]. Tobolsk: TROBF "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2011, pp. 47-61.
2. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. *Gosudarevy sluzhilye lyudi: Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva* [Sovereign's service people. The origins of the Russian nobility]. St. Petersburg, 1898. 330 p.
3. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. 8, gl. IV. Prodolzhenie gosudarstvovaniya Ioanna IV. 1552 g.* [The history of the Russian state. Vol. 8, Pt. IV. Further reign of Ioann IV. 1552]. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 1024 p.
4. Volkov V.A. *Kazaki (konets XV – I polovina XVII vv.)* [The Cossacks (late 15th – early 17th century)]. Available at: http://www.portal-slovo.ru/history/3587.php.
5. *Smetnyy spisok 139 g.* [The cost account of the year 139]. Available at: http://www.vostlit.info/Tekhts/Dokomenty.
6. *Knigi razryadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam izdannye s vysochayshego soizvoleniya II-m otdeleniem Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii* [Class books published by the 2nd branch of His Imperial Majesty's Office according to official lists from the Highest permission]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Office Tipography, 1855. Vol. 1, 718 p.
7. Alekseev Yu.G. *Gosudar' vseya Rusi* [Tsar of All Russia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 240 p.
8. Temushev V.N. *Pervaya moskovsko-litovskaya pogranichnaya voyna 1486–1494 gg.* [The first Moscow-Lithuanian border war 1486-1494]. Moscow: Kvadriga Publ., 2013. 240 p.
9. Benetsianov M.M. *Gosudarev dvor i territorial'nye korporatsii sluzhilykh lyudey russkogo gosudarstva v kontse XV – seredine XVI v.* [The monarchic court and territorial corporations of service men of the Russian state in the late 15th - middle 16th centuries]. Available at: http://www.dissercat.com.
10. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972. Vol. 10, 591 p.
11. *Inozemnye slobody* [Foreign settlements]. Available at: http://www.rusinz.ru.
12. Berkh N.V. *Sistematicheskie spiski boyaram, okol'nichim i dumnym dvoryanam s 1468 g. do unichtozheniya sikh chinov* [Systematic lists of boyars, courtiers and Duma nobles from 1468 to the time when these ranks were abolished]. St. Petersburg: Kh. Gintse Publ., 1833. 66 p.
13. Bokhun T. *Istoriya pol'skogo garnizona v Moskve (1610–1612 gg.)* [History of the Polish garrison in Moscow (1610-1612)]. Available at: http://www.historie.ru/2012/01bohun-01-2012-htm.
14. Aleksandrov V.A. "Voysko" – organizatsiya sibirskikh sluzhilykh lyudey XVII v. [The "Battalion" as the organization of the Siberian military men in XVII.]. *Istoriya SSSR*, 1988, no 3, pp. 94-113.
15. *Zapadno-Sibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii rayonov Sibiri i Sredney Azii* [West Siberian Cossacks and their role in the survey and occupation of Siberia and Central Asia]. St. Petersburg: V.A. Tikhonov Publ., 1908. Issue 1, 115 p.
16. Fil' S.G. Fil' S.G. *Gumanitarnye arabeski o pol'skom i russkom nasledii* [Humanities arabesques of Polish and Russian heritage]. Tyumen: Vektor Buk Publ., 2010, pp. 4-34.
17. *Akty istoricheskie. 1593–1594 gg.* [Historical Acts. 1593–1594]. Available at: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1590-1599/akty_istoricheskie_1593 g.
18. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey: v 5 t.* [Historical acts, collected and published by the Archeological Commission: in 5 vols.]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Office Tipography, 1841. Vol. 2: 1598-1613. 482 p.
19. Gazenvinkel' K.B. *Knigi Razryadnye v ofitsial'nykh ikh spiskakh kak materialy dlya istorii Sibiri XVII v.* [Class Books in official lists as the materials for the history of Siberia in the 17th century]. Kazan: Imperial University Publ., 1842. 79 p.

20. Nikitin N.I. Pervyy vek kazachestva Sibiri [The first century of the Cossacks in Siberia]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*, 1994, no. 1, pp. 77-83.
21. Oglobin N.N. *Zagovor «tomskoy litvy» 1634 g.* [The conspiracy of "Tomsk Lithuania" in 1634]. Kiev: G.T. Gorchak-Novitskiy Publ., 1894. 15 p.
22. Alekseev V.V. (ed.) *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii: v 3 t.* [History of the Cossacks of Asiatic Russia: in 3 vols.]. Ekaterinburg: URO RAN Publ., 1995. 316 p.
23. Fil' S.G. *Kazaki «litovskogo spiska» v Sibiri XVI – nachale XVIII stoletiy* [The Cossacks of the "Lithuanian list" in Siberia in the 16th – early 18th centuries]. In: Loshchits Yu. (ed.) *Tobol'sk i vsya Sibir'. Sibirskoe kazach'e voysko* [Tobolsk and the whole of Siberia. Siberian Cossacks]. Tobolsk: TROBF "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2011, pp. 209-215.
24. *Tobol'sk. Materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy* [Tobolsk. Materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow: Volchaninov Publ., 1885. 163 p.
25. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214 (Siberian Department). List 1. File 3. (In Russian).
26. Gerby pol'skoy shlyakhty; Pobog (gerb), Pravdzits (gerb) [The coats of arms of the Polish nobility; Pobog (coat of arms), Pravdzits (coat of arms)]. Available at: http//ru.wikipedia.org/wiki/%DO%AO%DO%B5%V9%01%82%DO %BO%01%80%.
27. Koleva G.Yu. [The first settlers of the Siberian region]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskie Rodoslovnye chteniya: materialy Vsesrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of historical memory preservation. The 10th Tyumen Genealogic Reading. Proc. of the All-Russian Scientific Conference]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2013, pp. 184-190. (In Russian).
28. Koleva G.Yu. [The destiny of possessory villages near Tobolsk of the first wave service men (the 17th-19th centuries)]. *Tobol'sk nauchnyy–2013: materialy X Vserossiyskoy nauch.-praktich. konf.* [Tobolsk Research 2013: Proc. of the 10th All-Russian Scientific-Practical Conference]. Tobol'sk: Tyumen Publishing House, 2013, pp. 287-292. (In Russian).
29. *Knigi razryadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam izdannye s vysochayshego soizvoleniya II-m otdeleniem Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii* [Class books published by the 2nd branch of His Imperial Majesty's Office according to official lists from the Highest permission]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Office Tipography, 1855. Vol. 1, 718 p.
30. Novosel'skiy V.V. *Istoriya Velikogo knyazhestva Litovskogo ot rozhdeniya do Lyublinskoy unii (1236–1569 gg.) ili 333 goda bor'by za vozvyshenie i vyzhivanie: Velikiy knyaz' Mindovg (1236–1263 gg.)* [History of the Grand Duchy of Lithuania from birth to the Union of Lublin (1236-1569) or 333-year struggle for the elevation and survival of Grand Duke Mindaugas (1236-1263)]. Minsk: Elaydo Publ., 2012. 308 p.
31. Bobrzhinskiy M. *Ocherk istorii Pol'shi: v 2 t.* [An essay on the history of Poland: in 2 vols.]. St. Petersburg: L.F. Panteleev Publ., 1891. Vol. 2, 348 p.
32. *Reestrovoe kazachestvo* [Registered Cossacks]. In: *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975. Vol. 21, 640 p.
33. *Reestrovoe kazachestvo* [Registered Cossacks]. Available at: ru.wikipedia.org/wiki wiki/%DO%AO%DO%B5%DO%V5%D1%80%DO %BE%DO%B2.
34. *Sibirskiy kazak* [Siberian Cossack].Available at: http:// ka-z-ak.ru/index.php?option
35. *Tyumen' v XVII stoletii: sobranie materialov dlya istorii goroda s "Vvedeniem" i zaklyuchitel'noy stat'ey priv.-dots. P.M. Golovacheva: "Sostav naseleniya i ekonomicheskiy byt Tyumeni v XVII stoletii", s prilozheniem plana starinnoy Tyumeni i 2 vidov Blagoveshchenskogo sobora nachal XVIII v.* [Tyumen in the 17th century: collection of materials for the history of the city with the "Introduction" and the final article by Private-Docent P.M. Golovachev: "The composition of the population and the economic life of Tyumen in the 17th century", with the plan of the old Tyumen and 2 pictures of the Annunciation Cathedral of the early 18th century]. Tyumen: Mandr i Kº Publ., 2004. 200 p.
36. *Reytary* [Reiters]. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975. Vol. 21, 640 p.
37. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. T. IV: 1700–1712 gg.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. Vol. IV: 1700-1712]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Chancellery Typography, 1830. 881 p.
38. Koleva G.Yu. Otgoloski epokhi sibirskogo «vzyat'ya»: Volkovy iz derevni Volkova u ozera Volkovo [The echoes of the era of Siberian "take": the Volkovs of Volkovo village near the lake Volkovo]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*, 2014, no. 2, pp. 57-66.
39. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 3. Art. 663. L. 210, 223. Available at: http://foriem.vgd.ru/602/35294/330.htm).
40. Gromyko M.M. *K kharakteristike sibirskogo dvoryanstva XVIII v.* [On the characterization of the Siberian nobility of the 18th century]. In: *Russkoe naselenie Pomor'ya i Sibiri (period feodalizma)* [Russian population of Pomorye and Siberia (the feudal period)]. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 350-363.
41. Semenov A.P. (ed.) Rossiya. *Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey. T. 1–19* [Complete geographical description of our Motherland: Reading and road book for the Russian people. Vols. 1-19]. St. Petersburg: A.F. Devrein Publ., 1899–1919. Vol. 16, 591 p.
42. *Rospis', sostavlennaya v Tobol'skom prikaznoy izbe tobol'skikh sluzhilykh lyudey, poslannykh s posol'stvom N.G. Spafariya v Kitay* [The list of Tobolsk service people from the embassy of N.G. Spafarija in China, made in Tobolsk mandative hut]. Available at: http:// vostlit.info/Texts/rus.15/Spaphrij.
43. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. Sobranie 1. T. XVI. (28 iyunya 1762 – 1764 gg.)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. Collection 1. Vol. 16. (June 28, 1762–1764)]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Chancellery Typography, 1830. 1016 p.
44. The State Archives of Tyumen Region, Tobolsk branch (GATO TF). Fund I-472. List 1. File 2. L. 31. 32. 235. 241. 258, 267. (In Russian).
45. The State Archives of Tyumen Region, Tobolsk branch (GATO TF). Fund I-417. List 2. File 203. (In Russian).
46. The State Archives of Tyumen Region, Tobolsk branch (GATO TF). Fund I-154. List 8. File 287. (In Russian).

Received: 09 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 137–146 DOI: 10.17223/15617793/387/20

УДК 654.16

В.В. Миркин

СОВЕТСКАЯ РАДИОСВЯЗЬ В X–XI ПЯТИЛЕТКАХ

Рассматривается техническая модернизация советской радиосвязи и радиовещания в годы X и XI пятилеток. Главными направлениями являлись включение радиосвязи в структуру ЕАСС, дальнейшее совершенствование систем эфирного и проводного вещания, использование в радиотехнике последних достижений полупроводниковой электроники и интегральной технологии. В теории радиоприёма начали применяться методы цифровой обработки сигналов.

Ключевые слова: радиопередающая и радиоприёмная техника; проводное и эфирное радиовещание.

Развитие передающих сетей радиовещания в СССР прошло несколько этапов. На каждом из них проблема решалась комплексно с учётом возможностей отечественной промышленности, уровня развития средств электросвязи и электрификации страны, а также других объективных условий.

Многонациональный состав населения страны и большая территория обслуживания потребовали особого подхода к планированию сетей радиовещания, отличающегося от мировой практики. Так, в 1920–1930-х гг. было принято решение о пропорциональном развитии эфирных и проводных средств радиосвязи; при этом ограниченный возможностями промышленности и уровнем электрификации страны выпуск радиоприёмников компенсировался массовым производством громкоговорителей для сетей проводного вещания. Возросшие мощности радиопромышленности и ускорение электрификации страны позволили в 1950-х гг. развернуть сети вещания на метровых волнах с частотной модуляцией (МВ ЧМ). Совмещение передающих средств этих сетей давало значительную экономию и обеспечивало примерно одинаковые зоны обслуживания.

На первых этапах развития радиовещания предпочтение было отдано диапазону километровых волн, обеспечивавшему примерно равное качество обслуживания в дневное и ночное время. В то же время для внутрисоюзного вещания использовались и декаметровые волны, благодаря чему приём центральных передач обеспечивался на большей части территории страны. Поскольку передающие радиовещательные станции строились с единичной мощностью, заметно превышавшей мощности, принятые в других странах, советская радиоэлектронная промышленность сохраняла приоритет в области создания мощного радиопередающего оборудования.

Лишь в начале 1960-х гг. сложились условия для развития синхронных сетей вещания на гектометровых волнах с передатчиками мощностью в единицы и десятки киловатт, а также для постепенного отказа от использования декаметровых волн для внутрисоюзного вещания вследствие низкого качества приёма программ.

Развитие сетей МВ ЧМ вещания на первом этапе велось на базе местных программ, и лишь с началом широкого строительства радиорелейных (1960-е гг.) и спутниковых (1970-е гг.) линий началось формирование единой сети центральных, республиканских и областных радиопрограмм.

Сложившиеся передающие сети к началу 1980-х гг. обеспечивали охват всей территории СССР радиовещанием. Парки приёмных устройств эфирного и проводного радиовещания превышали 80 млн единиц каждый. Это означало, что фактически каждая семья, проживавшая в зоне обслуживания, имела радиоприёмник, установку проводного вещания.

Радиальное построение передающих сетей радио- и телевизионного вещания позволяло обеспечить повсеместное распространение центральных программ с учётом временных поясов. Территория СССР охватывала условно 10 часовых поясов. Считалось приемлемым транслировать одну и ту же программу не более чем в два часовых пояса одновременно, при этом разность времени для радиослушателя не превышала 1 ч. В связи с этим территория страны с востока на запад была условно разделена на пять зон вещания: часовые пояса +8 и +9 ч относительно московского времени, принятого за 0 ч – зона А, +6 и +7 ч – зона Б, +4 и +5 ч – зона В, +2 и +3 ч – зона Г, 0 и +1 ч – зона М. Так как Москва находится в западной части страны, транслируемые по зонам центральные программы формировались с опережением по времени – вначале для зоны А, затем для зоны Б и т.д. [1. С. 19].

Республиканские, областные (краевые) программы распределялись в пределах соответствующего административного субъекта, а также использовались для обмена между разными городами страны. На уровне районов распределялись и местные программы радиовещания.

Экономичное построение радиосетей обеспечивалось единой автоматизированной сетью связи страны (ЕАСС) путём организации на ней практически всех каналов подачи программ. При этом рационально использовались каналы подачи программ, организованные по наземным и спутниковым системам передачи, что позволяло с высоким качеством передавать центральные программы по всей стране. Для распределения программ по наземным каналам использовались дуплексные стволы радиорелейных линий.

Большая протяжённость каналов подачи программ, прежде всего центральных, внедрение цветного телевидения и стереофонического радиовещания, а также необходимость охвата ими вновь осваиваемых малонаселённых и труднодоступных районов страны потребовали ускоренного развития спутниковых линий связи. Последовательно создавались распределительные спутниковые системы «Орбита», «Экран», «Москва» и «Орбита-РВ», практически решившие задачу распределения центральных программ (подробнее см.: [2. С. 109–114]). Уместно отметить бесспорный приоритет советских специалистов в области

космической техники, радиоэлектроники и связи того времени; в других странах это перспективное направление начало осваиваться на десять и более лет позже [1. С. 22, 23].

Следует подчеркнуть, что распределение программ радио- и телевизионного вещания, так же как и другой симплексной информации (например, фотокопий центральных газет), в принципе отличалось от телефонного и телеграфного обмена с зонами страны, так как подавляющую часть общего междугородного обмена любого пункта составляла местная, зоновая нагрузка. Это определяло высокую экономическую эффективность *распределительных спутниковых систем* и целесообразность их широкого внедрения.

Одновременно с развитием и совершенствованием таких систем продолжалась работа по повышению качества передачи программ в каналах, организованных и на наземных линиях ЕАСС. В перспективе предполагалась организация цифровых трактов, в первую очередь для передачи программ радиовещания, а также дальнейшее развитие местных радиорелейных линий для подачи программ на телевизионные передатчики малой мощности.

Перспективность дальнейшего развития МВ ЧМ радиовещания, а также синхронных сетей передатчиков гектометровых волн мощностью в единицы и десятки киловатт в X пятилетке не вызывала сомнения для относительно густонаселённых районов страны: прежде всего для расширения зоны высококачественного приёма моно- и стереофонических передач, а также для обслуживания большого количества портативных и автомобильных радиоприёмников. В то же время, учитывая большие пространства Севера и Сибири, продолжалось строительство мощных передатчиков диапазона километровых волн, несмотря на известные ограничения качества приёма транслируемых ими программ.

Рост числа одновременно работавших в мире передающих устройств и соответственно всё большая загрузка стандартных радиовещательных диапазонов подтверждали объективную необходимость дальнейшего развития и совершенствования систем проводного радиовещания (ПВ). В 1970-е гг. около четверти миллиона населённых пунктов страны (в которых проживало более 97% населения) имели сети ПВ, однако лишь несколько тысяч населённых пунктов было обеспечено многопрограммным ПВ.

Поскольку возможности увеличения числа программ и повышения качества их передачи до уровня, необходимого для стереовещания, при имевшихся технических средствах проводного вещания были ограничены, представлялось перспективным создание комбинированных сетей ПВ с использованием абонентских телефонных линий. К началу X пятилетки на сетях ПВ функционировало около 57 млн абонентских точек, а их годовой прирост превышал 3 млн [3. С. 6].

Радиопередающие устройства. В 1970-е гг. были достигнуты ощутимые успехи в развитии радиопередающей техники. Были увеличены мощность передатчиков и расширен их рабочий диапазон. Помимо этого, повышалась оперативность управления благодаря увеличению степени автоматизации и использованию устройств вычислительной техники непосредственно в передатчиках. Качество передачи информационных сигналов, параметры излучаемых передающими станциями радиосигналов с точки зрения обеспечения электромагнитной совместимости различных средств и систем последовательно улучшались. Существенный прогресс наблюдался также в схемных и конструктивных решениях (например, использование твердотельных приборов), благодаря чему была значительно снижена материалоёмкость и трудоёмкость их изготовления.

Увеличение мощности передатчиков, создание сети коротковолновых станций, внедрение УКВ ЧМ вещания, а также другие технические нововведения позволили успешно решить основную задачу – охватить центральным вещанием бóльшую часть населения страны.

В 1970-е гг. был разработан ряд мощных радиовещательных передатчиков, обладавших высокими электрическими показателями и стабильностью частоты, а также высоким коэффициентом полезного действия: для дециметровых и средних волн – мощностью 150 и 2×500 кВт, в коротковолновом диапазоне – мощностью 500 и 250 кВт. Обслуживание передатчиков являлось полностью автоматизированным [4. С. 46].

Сеть радиовещательных станций, работавших на метровых волнах, в 1970-х гг. оснащалась преимущественно двухпрограммной телеуправляемой радиовещательной станцией типа «Дождь-2». Выходная мощность одной программы составляла 4 кВт. Для повышения устойчивости работы каждый передатчик был выполнен из двух блоков мощностью по 2 кВт.

Для улучшения слышимости радиовещательных передач на длинных и средних волнах эксплуатировались синхронные сети вещания. В них работал средневолновый передатчик мощностью 5 кВт.

Во вновь разрабатываемых передатчиках мощность доводилась до 1 500–2 000 кВт в одном блоке, а промышленный КПД до 70%; удельная площадь при установке оборудования не превышала 0,25–0,3 кв. м/кВт [Там же]. Таким образом, в технике мощных радиовещательных АМ (амплитудная модуляция) передатчиков километрового, гектометрового и декаметрового (т.е. НЧ, СЧ и ВЧ) диапазонов, как и ранее, основное внимание уделялось дальнейшему повышению КПД и надёжности, совершенствованию способов модуляции, сокращению площади, занимаемой оборудованием, использованию новой элементной базы.

Большое внимание в конце 1970-х гг. уделялось развитию на средних волнах стереофонического радиовещания с АМ, поскольку здесь обеспечивались хорошие электроакустические показатели в большем радиусе обслуживания, чем в системах метровых волн с ЧМ.

Следует отметить, что тенденции к повышению мощности радиовещательных передатчиков к началу 1980-х гг. заметно ослабели вследствие более сложных технических проблем и увеличения затрат на эксплуатацию по сравнению с затратами на создание передатчиков. По тогдашним меркам радиовещание, например, на СЧ должно было обеспечиваться сетью

синхронных по частоте станций небольшой мощности (около 5 кВт), передающих одну общую программу. При этом должна была гарантироваться долговременная относительная фазовая стабильность всей совокупности станций.

Одним из путей повышения эффективности радиопередающих устройств вообще и вещательных передатчиков с АМ в частности являлось дальнейшее совершенствование элементной базы, в первую очередь приборов для усиления мощности: генераторных ламп и транзисторов. В этой связи важнейшей задачей являлось улучшение их технических характеристик при одновременном достижении необходимого уровня мощности. Простейший путь увеличения мощности – увеличение габаритов – по ряду очевидных причин не мог использоваться беспредельно, а улучшение удельных показателей, позволявших увеличить мощность без существенного роста габаритов, было связано с многочисленными техническими и технологическими трудностями. Систематический поиск новых решений в этой области проходил по пути внедрения новых материалов для электродов генераторных ламп, интенсификации их охлаждения, усовершенствования конструкции и т.д. [5. С. 49].

Другим примером важности элементной базы в совершенствовании радиовещательных передатчиков являлось внедрение микроэлектронной и волоконно-оптической техники в аппаратуру автоматического управления и контроля параметров, систему диагностики с использованием ЭВМ, что обеспечивало более высокую степень автоматизации и, соответственно, надёжную работу без постоянного присутствия обслуживающего персонала.

Следует отметить совершенствование схемно-конструктивных решений на основе унификации радиовещательных АМ передатчиков различной мощности и диапазонов, ещё более широкое внедрение крупноблочных конструкций, упрощавших монтаж оборудования на радиоцентрах. Для облегчения указанной унификации в ГОСТ 13924–80 отечественная шкала номинальных мощностей передатчиков НЧ – СЧ и ВЧ диапазонов была выбрана (с учётом реально достижимого КПД усилителей мощности этих диапазонов) таким образом, чтобы обеспечить возможность применения однотипных модуляционных устройств, источников электропитания и аппаратуры охлаждения в передатчиках всех диапазонов [Там же. С. 50].

Для передатчиков местного ЧМ вещания на метровых волнах тенденции развития оставались неизменными с середины 1970-х гг. Среди них – повышение стабильности средней частоты (за счёт перехода на синтезаторное устройство), повышение промышленного КПД (в СССР благодаря применению бигармонического режима в выходном каскаде), некоторое улучшение электроакустических показателей, широкое распространение стереофонии и внедрение (но в меньших масштабах, чем декларировалось) квадрофонии, переход к аппаратуре на полупроводниках и микросхемах (при выходной мощности до 3–4 кВт выпускались целиком транзисторные передатчики) и т.д.

В конце 1970-х гг. были предприняты попытки организовать местное МВ вещание цифровыми методами. Предполагалось тем самым увеличить число передаваемых программ в данном участке радиочастотного спектра, снизить уровень линейных и нелинейных искажений, улучшить качество стереофонии, существенно уменьшить необходимую мощность передатчиков и т.п. Однако, учитывая использование населением исключительно аналоговых радиоприёмников, это оказалось возможным реализовать лишь в специально выделенном для такого вещания дополнительном поддиапазоне. Помимо того, были серьёзные опасения в том, что многолучевое распространение затруднит приём вещания цифровыми методами (без применения специальных устройств) в движущихся транспортных средствах, а также на пересечённой местности.

В 1975–1985 гг. нарастающими темпами продолжалось производство ранее разработанных декаметровых автоматизированных передатчиков мощностью 1, 5, 15 и 100 кВт, и тем самым был практически завершён перевод всей системы стационарной декаметровой связи страны на однополосную работу (с многоканальным уплотнением боковых полос). В конце этого периода было разработано новое поколение передатчиков мощностью 5 и 20 кВт с ещё более высокой степенью автоматизации и обеспечением всех современных норм МККР и государственных стандартов. Эти передатчики, построенные по традиционной схеме линейного усиления мощности сигнала, сформированного возбудителем, гарантировали более высокие оперативность и качество информации, энергетические показатели и надёжность.

Для рассматриваемого периода были характерны резкий рост объёма передаваемой информации и, как уже указывалось, обострение проблемы электромагнитной совместимости. В свою очередь это обусловило расширение диапазона ряда передающих устройств до 1,5–30 МГц и необходимость работы в режиме частых перестроек по частоте. Одним из путей решения таких задач явилось создание широкополосных передающих устройств: ламповых (построенных по принципу усилителей с распределённым усилением) и полностью транзисторных (построенных по принципу сложения мощности отдельных широкополосных модулей).

Для создания полностью транзисторных связных передатчиков декаметрового диапазона потребовалось решение проблем, связанных в первую очередь с разработкой высококачественных полупроводниковых усилителей для широкого диапазона частот и других специальных радиоэлементов (кабелей с малым волновым сопротивлением, широкополосных мощных резисторов, малоиндуктивных конденсаторов, специальных ферритов и др.).

Одной из характерных черт развития радиотехники являлось всё более широкое применение в передающей (и приёмной) аппаратуре *синтезаторов частот*. Синтезатор частот – устройство для генерации электрических гармонических колебаний с помощью линейных повторений (умножением, суммированием, разностью) на основе одного или нескольких опорных генераторов. Синтезаторы частот служат источниками стабильных (по частоте) колебаний в радиоприёмни-

ках, радиопередатчиках, частотомерах, испытательных генераторах сигналов и других устройствах, в которых требуется настройка на разные частоты в широком диапазоне и высокая стабильность выбранной частоты. Это было продиктовано необходимостью более экономичного использования радиочастотного диапазона, а также совершенствования методов передачи и приёма информации с целью повышения помехозащищённости и эффективности каналов связи в условиях высокой плотности загрузки диапазона, стремлением к созданию комплексов необслуживаемой аппаратуры. Наиболее часто синтезаторы частоты применялись в системах магистральной радиосвязи. В этих системах они в значительной мере определяли такие важнейшие параметры аппаратуры, как шаг сетки частот, перекрываемый диапазон частот, стабильность частоты, скорость перестройки, уровень внутри- и внеполосных излучений передающих устройств (подробнее см.: [6. С. 3–5]).

Комплексное решение проблемы электромагнитной совместимости радиосредств, повышение помехоустойчивости радиосистем от воздействия индустриальных, станционных и других помех обусловили необходимость передачи сообщений с частотно-временной дискретизацией сигнала по определённой программе.

Радиоприёмные устройства. Постоянно растущие требования ко всем параметрам радиотехнических систем и к качеству бытовых приёмников обусловили интенсивное качественное развитие радиоприёмной техники – исторически первой отрасли радиотехники. Тенденции развития, научно-технические проблемы в этой области были чрезвычайно многообразны, поскольку в разных частотных диапазонах и в различных радиотехнических системах существенно отличались используемые виды модуляции и элементная база, физическая природа и уровень помех, условия распространения радиоволн и конструкции основных узлов аппаратуры. В развитии радиоприёмной техники в течение 1975–1985 гг. сохранились сложившиеся в течение многих лет направления. Это, прежде всего, освоение всё более высокочастотных диапазонов, повышение чувствительности, помехоустойчивости и помехозащищённости радиоприёмников.

В течение X пятилетки был обеспечен устойчивый приём первой центральной радиовещательной программы на всей территории СССР и второй программы – на территории с большей частью населения страны. При этом число радиоприёмных точек с 1975 по 1980 г. выросло со 106 до 129 млн, к 1984 г. – до 153 млн (из них 37 млн функционировало на селе) [7. С. 199; 8. С. 215].

Для развития радиотехнических систем любого назначения важнейшей оставалась проблема приёма информации в условиях усложнявшейся электромагнитной обстановки. Её решение было связано с разработкой методов борьбы с помехами, исследованиями и разработками в области частотной фильтрации. Растущие требования к стабильности, быстродействию, точности и надёжности радиоприёмной аппаратуры диктовали необходимость совершенствования методов управления ею: велись широкие поиски новых схемотехнических и конструктивных решений в области автоматического и дистанционного управления. Оба эти направления развития были тесно взаимосвязаны с постоянным совершенствованием элементной базы, которое, с одной стороны, выражалось во всё более широком (частотном и функциональном) использовании интегральных микросхем, а с другой – в построении блоков приёмников на основе новых физических явлений и полупроводниковых приборов.

Продолжала развиваться теория радиоприёма, прежде всего, оптимальные методы радиоприёма, а также методы *цифровой обработки сигналов*. В наибольшей степени цифровые методы обработки получили развитие в радиолокационных системах; помимо того, они начинали использоваться в приёмниках систем связи, телевизионных приёмниках. Разработка устройств цифровой обработки сигналов для радиовещательных приёмников прежде всего позволяла существенно повысить качество воспроизведения.

Следует отметить, что интенсивное развитие цифровых методов передачи сообщений, открывавших принципиально новые возможности, в значительной мере было обусловлено достижениями общей теории связи, практическим освоением новых диапазонов частот (в частности, оптического), совершенствованием техники ЭВМ и, конечно, достижениями микроэлектроники.

Среди достоинств цифровых методов передачи сообщений выделялись следующие: малая зависимость качества передачи от расстояния между пользователями; гибкость организации обмена сообщениями, обусловленная простотой коммутации сигналов и возможностью её совмещения с процессом выделения каналов; высокая эффективность вторичного разделения цифровых каналов связи, что позволяло организовать большое число низкоскоростных каналов телеуправления и телесигнализации; повышенная помехоустойчивость передачи, позволявшая успешно решать проблему электромагнитной совместимости радиоэлектронных комплексов (подробнее см.: [9. С. 139–147]).

В рассматриваемый период в радиоприёмную аппаратуру связи и вещания интенсивно внедрялись *цифровые методы управления*. Управление приёмником, которое в моделях старого типа осуществлялось главным образом ручкой плавной настройки и ручкой (или тастатурой) переключателя диапазонов, в новых моделях становилось сенсорным, напоминавшим управление электронным калькулятором. Ценное свойство цифрового управления состояло в сравнительной простоте дублирования тастатуры, располагавшейся на лицевой панели, дистанционным управлением (ДУ). Для этой цели применялись цифровые устройства беспроводного ДУ, использующие инфракрасное излучение.

Ярким примером замены аналоговых цепей и процессов цифровыми являлось развитие системы поисковой автоматической настройки приёмников. Также в 1980-е гг. в вещательные приёмники были перенесены методы стабилизации частот, синтеза частот, цифровой настройки и цифровой индикации частот, первоначально разработанные и внедрённые в приём-

ных устройствах магистральной радиосвязи декаметрового диапазона.

Примером реализации характернейших достижений того времени являлся первый отечественный всеволновый тюнер «Адажио», рассчитанный на высокое качество воспроизведения звука. Он содержал синтезатор частот, электронное запоминающее устройство на 15 фиксированных настроек, тастатуру для цифровой настройки и автоматической настройки на выбранные станции, буквенно-цифровой дисплей [10. С. 68].

Как уже отмечалось, основой технического развития приёмников, приведшего к значительным изменениям их конструкций и характеристик, явилось быстрое совершенствование элементной базы и прежде всего успехи полупроводниковой электроники и интегральной технологии. Применение *интегральных схем* (*ИС*) в значительной степени упростило конструирование приёмников, улучшило технологичность сборки, что в конечном счёте удешевило и повысило надёжность аппаратуры. Однако главное преимущество применения ИС состояло в том, что при конструктивных и технологических упрощениях оно позволило в значительной степени усложнить схему приёмника, чтобы повысить его качественные показатели (подробнее об использовании интегральных схем см.: [11. С. 17]).

Под влиянием достижений микроэлектроники постепенно отпадали ограничения схемотехнической сложности для творческой мысли и инициативы разработчиков массовой радиоприёмной аппараты. Если на начальном этапе радиовещательный приёмник, содержавший два-три десятка транзисторов, представлялся чрезмерно сложным для массового производства и применения, то для выпускавшихся в конце 1970-х гг. устройств типичными были такие количественные характеристики, как 10–15 ИС (их число сокращалось по мере возрастания степени интеграции), 70–80 дискретных транзисторов и 50–70 диодов разных типов и назначения; при этом число транзисторов в ИС достигало уже сотен и даже тысяч.

Логическим продолжением и развитием тенденции более широкого внедрения цифровых методов обработки сигналов и управления приёмниками на базе дискретной микросхемотехники являлось расширявшееся применение *микропроцессоров*.

Другая тенденция развития элементной базы радиоприёмных устройств была связана с разработками компонентов и узлов, построенными на новых физических явлениях или схемотехнических принципах. К ним относились цепи с зарядовой связью, оптроны, акустооптические устройства, многофункциональные элементы на поверхностных акустических волнах (подробнее см.: [10. С. 72]), генераторные и преобразовательные диоды СВЧ и др. Широкое внедрение этих радиокомпонентов и узлов оказало большое влияние на схемотехнические и конструктивные решения при разработке приёмной аппаратуры.

Вместе с тем реальное положение дел в области радиоприёмной техники массового пользования существенно отличалось от передовых исследований и разработок. Ассортимент и качество выпускавшейся в 1970-е гг. потребительской радиоаппаратуры были всё ещё далеки от удовлетворения спроса радиолюбителей и населения. Потребителю предлагалось слишком большое количество моделей радиоаппаратуры третьего и четвёртого классов, мало чем отличавшихся друг от друга. Например, в 1976 г. выпускалось 34 модели магнитофонов и только одна из них – первого класса (её доля в общем объёме производства составляла всего 0,2%). Из 28 моделей переносных радиоприёмников лишь одна модель была высшего класса (0,01% от общего объёма производства) и одна модель – первого класса (2%) [12. С. 25]. Увеличение спроса покупателей на аппаратуру первого и высшего классов недостаточно учитывалось при планировании выпуска радиопродукции.

В анкетировании, проведённом журналом «Радио» осенью 1974 г. [13. С. 30–32], радиолюбители указывали на необходимость существенного совершенствований проводного радиовещания, которое было наиболее простым в эксплуатации и отличалось продолжительностью и систематичностью передач. Целый ряд районов страны, оборудованный трёхпрограммными трансляционными точками ПВ, не осуществлял продажу аналогичных трёхпрограммных громкоговорителей для приёма передач. При этом доля таких устройств в общем объёме производства составляла всего 2%. В то же время в большом количестве (свыше 20 моделей) выпускались однопрограммные громкоговорители третьего класса, которые являлись позавчерашним днём радиотехники и по своим акустическим данным, как справедливо отмечали радиолюбители, недалеко ушли от своего довоенного «дедушки» – репродуктора в виде картонной тарелки.

Данные опроса показывали большой спрос на стереофоническую аппаратуру, преимущества которой с точки зрения качества воспроизведения звука неоспоримы. Однако имевшийся ассортимент отечественной стереофонической аппаратуры не только не удовлетворял потребителей, но и вызывал их справедливые нарекания. Среди «слабых мест» можно отметить: использование в аппаратуре высшего и первого классов комплектующих более низких классов, производственные дефекты из-за неквалифицированной сборки и монтажа, отсутствие дистанционного управления и систем шумоподавления, неудовлетворительное качество магнитных аудионосителей, отсутствие блочных вариантов радиоаппаратуры, её громоздкость и др. [12. С. 26, 27].

Нерешённой проблемой оставалась *унификация* бытовой радиоаппаратуры. Одинаковые по своим эксплуатационным показателям радиоизделия, изготовленные на разных заводах страны, зачастую собирались из «своих» собственных деталей. Такое положение дел затрудняло снабжение магазинов и мастерских запасными частями и деталями, неоправданно затягивало ремонт. Нередко оптовые базы вынуждены были браковать целые партии изделий, поступавших с радиозаводов. Отдельные марки аппаратуры часто выходили из строя и подвергались ремонту даже в период гарантийного срока.

Много нареканий со стороны потребителей вызывало и бытовое обслуживание. Основу парка радио-

измерительной аппаратуры на ремонтных предприятиях составляли измерительные приборы, выпущенные в 1950–1960-е гг. и требовавшие замены на новые – с большей точностью и меньшими габаритами. Особенно актуально это было для стереофонической техники.

Проводное вещание. В середине 1970-х гг. в стране действовало около 33 тыс. радиотрансляционных узлов, сети проводного вещания охватывали населённые пункты, в которых проживало более 97% населения страны. Услугами данного вида вещания пользовалось не менее 200 млн человек. Общая протяжённость сетей ПВ составляла порядка 2 млн км, к ним было подключено около 65 млн радиоточек, а мощность, питавшая сеть усилительных станций и подстанции, исчислялась несколькими десятками тысяч киловатт [4. С. 50; 14. С. 18].

Экономичность проводной радиофикации и простота установки радиотрансляционной точки обеспечили проводному вещанию большую популярность. На смену устаревшей, несовершенной аппаратуре в 1970-е гг. пришла мощная усилительная техника. Для радиофикации крупных городов были созданы автоматизированные трёхсменные проводные вещательные системы. Внедрялись дистанционно управляемые усилительные и трансформаторные подстанции и дистанционный контроль. Новым в развитии техники проводного вещания в 1970-е гг. явилось *многопрограммное вещание*.

Городские сети ПВ. К середине 1970-х гг. на *трёхпрограммное вещание* (*ТПВ*) были переведены радиотрансляционные сети более чем в 500 городах страны (всего порядка 25 млн радиоточек и 2 млн громкоговорителей). Увеличение числа передаваемых программ существенно повышало привлекательность, популяризировало ПВ [15. С. 23]. Однако системы ПВ не располагали собственными источниками программ, и их создание не входило в функции предприятий ПВ (что хорошо отражалось в применявшемся ранее термине «трансляционные сети»). Поэтому на тогдашнем этапе развития ПВ увеличение числа программ нельзя было закладывать в качестве основы для разработок конкретной радиоаппаратуры. К тому же в действовавших сетях ТПВ устройства обработки магистральных и распределительных фидеров, необходимые для организации каналов II и III программ, вносили значительное затухание в широком диапазоне частот – от 15–16 кГц и выше – и создавали опасность взаимного влияния вновь организуемых каналов и существующих [16. С. 66].

Затруднения, связанные с большим затуханием сигналов, предлагалось компенсировать введением в состав аппаратуры удалённых трансформаторных подстанций (УТП) усилителей II и III программ. Усилитель можно было использовать и для передачи местной информации. С целью повышения надёжности работы протяжённых сельских фидеров предусматривался автоматический контроль состояния фидера и УТП, что позволяло не только сократить время обнаружения повреждений, но и выявить причины повреждений и своевременно их устранить.

Отдельной проблемой являлась необходимость создания абонентских громкоговорителей (АГ) с высокими акустическими показателями. Существовавшие АГ в лучшем случае могли быть отнесены лишь к III классу качества. Их внешний вид, отделка оставляли желать лучшего. Поэтому на повестке дня стоял вопрос выпуска наряду с дешёвыми, массовыми типами громкоговорителей более качественных моделей с хорошей акустикой, имевших современные формы.

Несмотря на относительно небольшой процент реальных точек ТПВ (т.е. абонентов, имевших трёхпрограммные громкоговорители), эффект его внедрения был очевиден, а целесообразность не вызывала сомнения. Благодаря выбору оптимальных технических способов реализации ТПВ удалось сохранить рентабельность сетей без увеличения абонентской платы.

Направления развития и совершенствования ПВ определялись структурой тракта, основными элементами которого являлись устройства: подачи программ к станциям и подстанциям; станций и подстанций; сетевые; оконечные абонентские. При этом в ходе разработки теории сетей ПВ (воздушных и кабельных (подземных)), методов их инженерного расчёта и проектирования не представлялось возможным воспользоваться аналогичными разработками, выполненными ранее для сетей связи, так как сети ПВ по своим параметрам и режимам работы значительно от них отличались.

В связи с высокочастотным уплотнением сетей ПВ для организации по ним трёхпрограммного вещания возник ряд специфических проблем: необходимо было исследовать вопросы их помехозащищённости, определить влияние на них полей излучения, разработать методы и элементы ВЧ обработки данных сетей и настройки каналов уплотнения и др.

В городах для подачи программ к станциям и подстанциям ПВ использовались местные телефонные сети, в сельской местности к ним добавлялись и радиовещательные станции. И в том и в другом случаях осложняющим обстоятельством являлось низкое качество организуемых каналов подачи программ, а также недостаточное их количество. Несмотря на большой прогресс ПВ за все годы его существования, внедрение современных систем и оборудования, этот участок тракта ПВ оставался «узким» местом, главным образом вследствие большой территории его покрытия.

Сельские сети ПВ. В отличие от городских сетей, характеризовавшихся высокой степенью унификации, сельские сети ПВ были многообразны по структуре и различны по функциональным возможностям, качеству работы, технической оснащённости, плотности абонентских точек и т.д. Разнообразие сельских сетей было обусловлено как географическими и экономическими условиями, так и разнотипностью технических средств, различием возможностей их применения. Вследствие этого было крайне затруднительно создать единую систему и соответствующую аппаратуру сельского вещания [16. С. 67].

Тем не менее наряду с разработкой и внедрением полностью автоматизированных систем ПВ в городах велась также большая работа по автоматизации сельских радиоузлов. Для этого был разработан соответствующий комплекс аппаратуры: датчик сигналов телеуправления (ДТУ), который позволял не только дистанционно включать и выключать радиоузлы, но и

переключать их с основной программы на передаваемую по каналу уплотнения (местную или резервную). Кроме того, в рамках сельских радиосистем использовались: аппаратура уплотнения УКВ вещательного передатчика по каналам вещания (УКВ-Н), двухканальный приёмник УКВ вещания, автоматизированное усилительное транзисторное устройство проводного вещания 500 Вт ТУПВ-0,25×2 (а также его преемник – ТУПВ-0,5×2 мощностью 1 кВт), аппаратура контроля и резервного управления (АКРУ) сельскими радиоузлами из районных центров по телефонным каналам и др. [4. С. 50, 51]. Внедрение этой аппаратуры позволило значительно сократить количество обслуживающего персонала на радиоузлах, улучшить узлообразование, уменьшить объём линейных сооружений и повысить качество радиовещания.

В середине 1970-х гг. рентабельность городских и сельских систем ПВ обнаружила тенденцию к снижению. Падение рентабельности городского ПВ было обусловлено увеличением на 8–10% стоимости основных фондов и ростом примерно на 5% эксплуатационных расходов вследствие внедрения ТПВ как дополнительного сервиса, а также увеличением стоимости линейных сооружений из-за постоянно растущего количества кабельных вставок (что диктовалось тенденциями тогдашнего градостроительства) и др. [17. С. 70].

Решение указанной проблемы проходило по нескольким направлениям. Во-первых, совершенствовались технические средства ТПВ путём максимальной транзисторизации станционного оборудования и внедрения современных средств автоматизации. В частности, создавались более совершенные передающие устройства ТПВ, системы телеуправления, телеконтроля, телесигнализации (ТУ-ТК-ТС), измерительной техники, линейных ВЧ устройств и др.

Следующим направлением являлось внедрение новых систем ПВ, основанных на двухзвенных кабельных сетях и совмещении станционных объектов и линий ПВ с гражданскими сооружениями, а частично с техническими средствами ГТС. Такая система позволяла иметь ряд преимуществ перед существовавшей, а именно позволяла сократить объем линейных сооружений на 15–30% за счёт отказа от применения дорогого третьего звена системы; применить кабельные распределительные фидерные линии – более дешёвые и качественные, чем воздушные, – требовавшие меньших трудовых затрат на их обслуживание. В двухзвенных системах использовалось менее мощное, малогабаритное транзисторное усилительное оборудование – более экономичное и безопасное в эксплуатации, – а также сокращались до минимума линейные ВЧ устройства, препятствовавшие полному использованию частотных полос системы для её доуплотнения каналами вещания или каналами другого назначения. Такое доуплотнение сетей ПВ средствами телеавтоматики, предназначенными для нужд других отраслей народного хозяйства, несомненно, давало повышение эффективности использования фондов и рентабельности ПВ [Там же. С. 70, 71].

Узлообразование сети ПВ, полностью совпадавшее с узлообразованием на ГТС, давало апробированное мировой практикой оптимальное построение сетей (минимум расхода кабеля), облегчало задачи оптимизации сети каналов подачи программ и сигналов телеуправления и телеконтроля на базе высокочастотных систем телефонной связи, а также позволяло создать единую систему энергообеспечения городских средств связи и вещания.

На селе падение рентабельности было обусловлено принятием на баланс Министерства связи колхозных радиоузлов. Тем самым предполагалось улучшить качество их работы благодаря более квалифицированному техническому обслуживанию. Однако это повлекло за собой рост основных фондов сельских систем ПВ – особенно интенсивный в тех случаях, когда производилось необоснованное технико-экономическим расчётом укрупнение радиоузлов за счёт ликвидации мелких и подсоединения их нагрузки к соседним, более крупным радиоузлам посредством чрезмерно длинных и дорогих фидерных линий. К тому же большой штат дежурного персонала на станциях и подстанциях поглощал более 50% всех эксплуатационных расходов. В целом история развития сельского ПВ наглядно показала, что укрупнение радиоузлов являлось целесообразным лишь до появления эффективных средств их автоматизации.

Ситуация усугублялась повсеместной установкой станционного оборудования значительно большей мощности, чем требовалось: ТУ-1 или ТУ-1,25 вместо ТУПВ-0,25×2. Такие системы зачастую работали на сетях с нагрузкой 300–1 000 точек без перспективы существенного её увеличения. Бурный процесс укрупнения сельских населённых пунктов и снижения при этом удельного расхода мощности на одну точку шёл параллельно со снижением общей численности сельского населения. При этом стоимость автоматизированного оборудования ТУ-1 (и ТУ-1,25), так же как и эксплуатационные расходы, была вдвое выше, чем у ТУПВ-0,25×2 [17. С. 70].

Внедрение систем ТПВ в сельской местности мыслилось ради передачи второй программы: третий ВЧ канал предполагалось оборудовать устройствами системы диспетчерского оповещения (СДО) для сдачи его в аренду колхозам и совхозам [18. С. 26]. СДО являлась гармоничным дополнением системы внутрипроизводственной связи (ВПС), базировавшейся на использовании сельских телефонных сетей [19. С. 12; 20. С. 18]. Из системы ВПС оставалось лишь исключить несвойственные ей функции (и оборудование) поисковой и директорской связи и сохранить передачу той дуплексной информации, которая предназначалась для ограниченного круга лиц и передавалась сигналами малого уровня, свойственными системам телефонирования.

Исходя из вышеизложенных соображений, главным направлением развития сельского вещания, рекомендуемым авторами разработок в области ПВ [21. С. 14–17], являлось *разукрупнение сельских радиоузлов* на базе строительства малых радиоузлов, получавших программу и управлявшихся по каналам УКВ-ЧМ вещания. Цель этого мероприятия, а также ожидаемый эффект от его реализации заключались в повышении рентабельности сельских узлов.

Возможности применения аппаратуры, управляемой по каналам УКВ-ЧМ, ограничивались зонами уверенного приёма сигналов УКВ-ЧМ. Указанные зоны занимали незначительную площадь на территории СССР, однако на них была расположена большая часть станций ПВ [22. С. 26, 27]. Поэтому данное направление развития сельского ПВ хотя и признавалось основным, но, по сути, было недостаточным для комплексного решения проблемы развития технических средств в необходимых масштабах. В качестве средства выполнения задачи развития ПВ на территориях с малой плотностью населения в X пятилетке предлагалось, в частности, создание автономных радиоузлов с программным управлением и совмещённых систем кабельного телевидения и проводного вещания (КТ-ПВ) [16. С. 67, 68].

Целесообразность создания новых сельских узлов, в особенности в удалённых районах, определялась возможностью обеспечения их каналами подачи программ и сигналов телеуправления. В местах с развитыми сетями связи (телефонной в городах, УКВ-ЧМ в зонах больших городов) эти вопросы успешно решались путём организации таких каналов по действовавшим сетям связи. Однако в населённых пунктах, удалённых от крупных промышленных центров, возможности организации каналов и систем телеуправления были крайне ограничены [Там же. С. 68].

Радиосвязь в сельской местности являлась важнейшим средством передачи информации при управлении сельскохозяйственным производством. В середине 1970-х гг. в сельском хозяйстве страны эксплуатировалось более 150 тыс. радиостанций. Основная их масса была сосредоточена на внутрипроизводственных радиосетях (ВПРС) колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий. В отдельных случаях использовались также внутрирайонные и внутриобластные диспетчерские радиосети [23. С. 4].

Характерной особенностью ВПРС на селе являлась большая плотность размещения радиостанций при ограниченном числе рабочих частот. Например, при наличии в области (крае) 20–25 районов, в каждом из которых находилось 15–20 крупных хозяйств, могло потребоваться от 300 до 500 самостоятельных сетей ВПРС, объединявших до 3–4 тыс. радиостанций. Количество же рабочих частот, выделявшихся на область, обычно не превышало 25–30. Это заставляло выделять одни и те же частоты нескольким хозяйствам, что было допустимо лишь при определённом территориальном расположении радиостанций, чёткой организации их работы и соблюдении волновой дисциплины [Там же].

Специфичные условия сельскохозяйственного производства определяли довольно жёсткие требования к организации радиосетей, выбору аппаратуры и радиочастот, правильному их распределению. Вместе с тем при организации радиосвязи в колхозе или совхозе зачастую игнорировалась необходимость совместно с областными или краевыми органами Государственной инспекции электросвязи разработать схему будущей радиосети. Также недостаточно использовались рекомендации и указания по построению радиосетей и их эксплуатации, разработанные типовые решения применительно к внутрипроизводственной и диспетчерской связи, в том числе радиосвязи в колхозах и совхозах.

Производственную радиосвязь было принято строить по радиальному либо радиально-кустовому принципу, иными словами, – по однозвенной или двух-, трёхзвенной схеме, исходя из структуры управления, расположения объектов, их функциональной взаимосвязи.

В случае однозвенной радиальной сети центральной радиостанции (ЦРС) были подчинены непосредственно все периферийные, имевшие с ней прямую связь. На всех радиостанциях использовалась одна рабочая частота. Предусматривалась также поперечная связь между периферийными стационарными, мобильными и временными объектами радиосети. Такая схема являлась наиболее распространённой и была вполне рациональна для небольших сельских радиосетей. Обычно однозвенные радиосети, вне зависимости от производственной взаимосвязи и размещения объектов, оснащались однотипными УКВ радиостанциями мощностью 8–10 Вт. При этом все радиоабоненты были объединены одним общим трактом радиосвязи [Там же. С. 5].

Для крупных хозяйств, особенно межхозяйственных объединений, больше подходил двух-, трёхзвенный принцип построения сети. При этом система несколько усложнялась, но вместе с тем обеспечивалось лучшее функциональное взаимодействие периферийных радиостанций и исключались помехи для работы радиостанций основной сети.

В двухзвенной схеме центральная радиостанция на главной частоте была связана с узловыми радиостанциями, находившимися, например, в отделениях колхоза. Последние, в свою очередь, на вспомогательной частоте образовывали кустовые, локализованные сети, радиостанции которых внутри куста имели прямые каналы взаимной связи, а на общую сеть или к другому кусту могли выходить только через узловые пункты при непосредственном участии оператора узла в передаче информации.

При создании радиосети необходимо было учитывать, что основой производственной и диспетчерской связи являлась всё-таки телефонная связь, которой следовало охватывать все основные производственные объекты центральной усадьбы хозяйства, отделения, фермы и др. Радиосредства же использовались, главным образом для управления работой машинно-тракторного парка и транспортных средств, для связи с удалёнными, труднодоступными и временными объектами, куда была невозможна или экономически нецелесообразна прокладка телефонных линий. Особенно эффективным являлось комплексное использование радио и телефонных средств связи, создание сквозных радиотелефонных трактов с помощью диспетчерских коммутаторов.

В сельских производственных и диспетчерских радиосетях применялись, как правило, ультракоротковолновые радиостанции. Лишь там, где на УКВ из-за удалённости объектов и характера местности обеспечить связь было невозможно, использовались короткие волны. Радиостанции (типа РТС-А2-ЧМ,

РТП-А2-ЧМ, РТН-2-ЧМ и др., подробнее см.: [23. С. 4, 5]), применявшиеся в сельском хозяйстве, являлись, как правило, симплексными, одноканальными с фиксированной рабочей частотой, работавшими в телефонном режиме.

Эффективность сельской радиосвязи во многом зависела от того, как были налажены эксплуатация и ремонт радиоаппаратуры. Следует отметить, что большой процент радиостанций, приобретенных колхозами, бездействовал. О таких «молчащих» станциях, как правило, вспоминали в период напряжённых весенне-летних работ и во время уборки урожая.

Как показывал опыт сельских связистов, в областях и краях было целесообразно иметь специализированную техническую службу, включавшую базовую радиомастерскую и группы технического обслуживания в районах. Такая служба брала на себя заботы по установке и наладке новых радиостанций, обеспечивала по договорам с хозяйствами их техническое обслуживание, подготовку к посевной кампании, уборке урожая, производила ремонт радиостанций в базовой радиомастерской. В результате отпадала необходимость каждому хозяйству иметь свои подразделения для обслуживания и ремонта радиостанций.

В период X–XI пятилеток в стране была создана мощная техническая база проводного и эфирного радиовещания, в том числе и по производству необходимого комплекса оборудования, реализован ряд оригинальных экономичных решений, учитывавших специфику обслуживания населения СССР различными видами информации. Однако для повышения эффективности использования созданной в стране разветвлённой сети городского и сельского ПВ ещё предстояло типизировать принимаемые в хозяйстве ПВ технические решения – как при создании и внедрении новой аппаратуры и оборудования, так и при организации её эксплуатации, – внести коррективы в действовавшие технологические документы с целью снижения трудоёмкости в отрасли, а также ликвидировать создавшийся разрыв между качеством трактов ПВ и качеством выпускавшихся промышленностью громкоговорителей.

Развитие советской радиосвязи в эти годы характеризовалось прежде всего существенными качественными сдвигами как в улучшении параметров и характеристик приёмных и передающих устройств, так и в усовершенствовании их схемотехники и элементной базы. Этот качественный сдвиг наложил отпечаток на развитие многих радиоэлектронных систем – связи, радиолокации, радионавигации, теле- и радиовещания. Применение сложных сигналов и соответствующих устройств их обработки в приёмниках позволило значительно повысить качество работы систем, реализовать недостижимые ранее характеристики и параметры.

Вместе с тем первоочередными задачами на вторую половину 1980-х гг. оставались по-прежнему недосягаемый «охват вещанием всего населения страны», а также увеличение числа и повышение качества приёма программ радио- и телевизионного вещания в каждом населённом пункте на территории СССР. При выборе направлений решения этих задач декларировалась необходимость учёта сложившейся технической базы, экономики строительства новых и реконструкции действующих объектов с точки зрения снижения капитальных затрат, сокращения энергопотребления и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шамшин В.А.* Передающие сети радио- и телевизионного вещания // 90 лет радио : сб. статей / под ред. А.Д. Фортушенко, В.Л. Быкова. М. : Радио и связь, 1985. С. 18–29.
2. *Фортушенко А.Д., Быков В.Л.* Спутниковые системы связи и телевизионного вещания // 90 лет радио : сб. статей / под ред. А.Д. Фортушенко, В.Л. Быкова. М. : Радио и связь, 1985. С. 105–118.
3. *Шануренко В.И.* Развитие проводного вещания // Радио. 1976. № 1. С. 6–7.
4. *Резников М.Р.* Радио и телевидение вчера, сегодня, завтра. М. : Связь, 1977. 96 с.
5. *Воробьев А.А., Лебедев-Карманов А.И. и др.* Радиопередающие устройства // 90 лет радио : сб. ст. / под ред. А.Д. Фортушенко, В.Л. Быкова. М. : Радио и связь, 1985. С. 44–62.
6. *Рыжков А.В., Попов В.Н.* Синтезаторы частот в технике радиосвязи. М. : Радио и связь, 1991. 264 с.
7. *Народное* хозяйство РСФСР в 1980 году. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1981. 406 с.
8. *Народное* хозяйство РСФСР в 1984 году. Статистический ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1985. 407 с.
9. *Венедиктов М.Д., Дмитриев В.П.* Цифровые системы передачи сообщений // 90 лет радио : сб. статей / под ред. А.Д. Фортушенко, В.Л. Быкова. М. : Радио и связь, 1985. С. 139–147.
10. *Сифоров В.И., Фомин Н.Н., Комаров И.В.* Радиоприёмные устройства // 90 лет радио : сб. статей / под ред. А.Д. Фортушенко, В.Л. Быкова. М. : Радио и связь, 1985. С. 63–75.
11. *Григорьева Н., Гриф А.* Микроэлектроника и радиолюбитель // Радио. 1977. № 4. С. 17–19.
12. *Лобко А., Баранов С.* Бытовая радиоаппаратура: что хочет покупатель? // Радио. 1976. № 8. С. 25–27.
13. *Бытовая* радиоаппаратура: какой ей быть? // Радио. 1974. № 10. С. 30–32.
14. *Шамшин И.А.* Проводное вещание в СССР // Электросвязь. 1977. № 12. С. 18–22.
15. *Шамшин И.А.* О генеральной перспективе развития проводного вещания в СССР // Электросвязь. 1975. № 2. С. 22–25.
16. *Барановский Б.К.* Пути совершенствования проводного вещания в городе и на селе // Электросвязь. 1975. № 6. С. 66–69.
17. *Шануренко В.И.* Как повысить рентабельность сетей ПВ // Электросвязь. 1975. № 6. С. 69–72.
18. *Шануренко В.И.* СТПВ и её возможности // Вестник связи. 1973. № 4. С. 26.
19. *Кучерявый Е.И., Павловский И.Е.* Принципы организации электросвязи в сельской местности // Электросвязь. 1972. № 4. С. 10–14.
20. *Кузнецов И.М.* Проблемы связи для диспетчерского управления сельскохозяйственным производством // Электросвязь. 1972. № 4. С. 15–22.
21. *Шануренко В.И.* Основные направления развития сельского проводного вещания // Электросвязь. 1971. № 9. С. 14–17.
22. *Добровольский Е.Е.* Основные направления научно-технического прогресса радиосвязи, радиовещания и телевидения. М. : Связь, 1974. 56 с.
23. *Вебер Ю.* Сельская радиосвязь: её нужды и заботы // Радио. 1976. № 11. С. 4, 5, 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 мая 2014 г.

SOVIET RADIO COMMUNICATION IN X-XI FIVE-YEAR PLANS

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 137-146. DOI: 10.17223/15617793/387/20

Mirkin Vladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vcv@nm.ru

Keywords: radio transmitter and receiver appliances; broadcasting and wired radio.

Development of the transmission network broadcasting in the USSR went through several stages. At each stage the problem was solved comprehensively taking into account the possibilities of the domestic industry, the level of telecommunications development and electrification of the country as well as other objective conditions. The existing transmission network by the beginning of the 1980s provided broadcasting coverage of the entire territory of the USSR. The number of receivers and wired radio broadcasting exceeded 80 million units each. This meant that virtually every family living in the service area had a radio, a wire-broadcasting unit. In the 1970s significant success was achieved in the development of radio transmission equipment. Transmitter power was increased and its operating range was expanded. In addition, the efficiency of management by increasing the degree of automation and the use of computer devices directly into the transmitter was raised. The quality of information signals transmission, the parameters of signals emitted by radio transmitting stations in terms of electromagnetic compatibility of different tools and systems consistently improved. Considerable progress was also observed in the circuit design and construction solutions (e.g., the use of solid-state devices), so the consumption of materials and labor on their manufacture were significantly reduced. The constantly increasing requirements to all parameters of radio systems and the quality of household receivers caused intensive qualitative development of radio receiving equipment – the historically first branch of Radio Engineering. Development trends, scientific and technical problems in this area were extremely varied, since in different frequency bands and different radio systems there were significantly different types of modulation used, the component, the physical nature and the level of interference, radio conditions, and the basic units of construction equipment. In the development of the radio receiving equipment in 1975-1985, there preserved directions established for many years. This, above all, is the development of increasingly high ranges, increased sensitivity and noise immunity. During the X-XI Five-Year Plan, the country established a powerful technical base of wire and radio broadcasting, including the production of the necessary equipment, implemented a number of original cost-effective solutions, tailored services to the population of the USSR with different kinds of information.

REFERENCES

1. Shamshin V.A. *Peredayushchie seti radio- i televizionnogo veshchaniya* [Transmission networks of radio and television broadcasting]. In: Fortushenko A.D., Bykov V.L. (eds.). *90 let radio* [The 90 years of radio]. Moscow: Radio i svyaz' Publ., 1985, pp. 18-29.
2. Fortushenko A.D., Bykov V.L. *Sputnikovye sistemy svyazi i televizionnogo veshchaniya* [Satellite communication systems and television broadcasting]. In: Fortushenko A.D., Bykov V.L. (eds.). *90 let radio* [The 90 years of radio]. Moscow: Radio i svyaz' Publ., 1985, pp. 105-118.
3. Shanurenko V.I. Razvitie provodnogo veshchaniya [Development of wire broadcasting]. *Radio*, 1976, no. 1, pp. 6-7.
4. Reznikov M.R. *Radio i televidenie vchera, segodnya, zavtra* [Radio and television yesterday, today and tomorrow]. Moscow: Svyaz' Publ., 1977. 96 p.
5. Vorob'ev A.A., Lebedev-Karmanov A.I. et al. *Radioperedayushchie ustroystva* [Wireless devices]. In: Fortushenko A.D., Bykov V.L. (eds.). *90 let radio* [The 90 years of radio]. Moscow: Radio i svyaz' Publ., 1985, pp. 44-62.
6. Ryzhkov A.V., Popov V.N. *Sintezatory chastot v tekhnike radiosvyazi* [Frequency synthesizers in radio technology]. Moscow: Radio i svyaz' Publ., 1991. 264 p.
7. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1980 godu. Statisticheskiy ezhegodnik* [The Economy of the RSFSR in 1980. Statistical Yearbook]. Moscow: Statistika Publ., 1981. 406 p.
8. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1984 godu. Statisticheskiy ezhegodnik* [The Economy of the RSFSR in 1984. Statistical Yearbook]. Moscow: Finansy i statistika Publ, 1985. 407 p.
9. Venediktov M.D., Dmitriev V.P. *Tsifrovye sistemy peredachi soobshcheniy* [Digital messaging system]. In: Fortushenko A.D., Bykov V.L. (eds.). *90 let radio* [The 90 years of radio]. Moscow: Radio i svyaz' Publ., 1985, pp. 139-147.
10. Siforov V.I., Fomin N.N., Komarov I.V. *Radiopriemnye ustroystva* [Radio receivers]. In: Fortushenko A.D., Bykov V.L. (eds.). *90 let radio* [The 90 years of radio]. Moscow: Radio i svyaz' Publ., 1985, pp. 63–75.
11. Grigor'eva N., Grif A. Mikroelektronika i radiolyubitel' [Microelectronics and radio amateur]. *Radio*, 1977, no. 4, pp. 17-19.
12. Lobko A., Baranov S. Bytovaya radioapparatura: chto khochet pokupatel'? [Household radios: what do customers want?]. *Radio*, 1976, no. 8, pp. 25-27.
13. Bytovaya radioapparatura: kakoy ey byt'? [The household radio: what will it be like?]. *Radio*, 1974, no. 10, pp. 30-32.
14. Shamshin I.A. Provodnoe veshchanie v SSSR [Wired broadcasting in the USSR]. *Elektrosvyaz'*, 1977, no. 12, pp. 18-22.
15. Shamshin I.A. O general'noy perspektive razvitiya provodnogo veshchaniya v SSSR [On the general perspective of the wire broadcasting in the USSR]. *Elektrosvyaz'*, 1975, no. 2, pp. 22-25.
16. Baranovskiy B.K. Puti sovershenstvovaniya provodnogo veshchaniya v gorode i na sele [Ways of improving the wire broadcasting in urban and rural areas]. *Elektrosvyaz'*, 1975, no. 6, pp. 66-69.
17. Shanurenko V.I. Kak povysit' rentabel'nost' setey PV [How to improve the cost and benefits of PV]. *Elektrosvyaz'*, 1975, no. 6, pp. 69-72.
18. Shanurenko V.I. STPV i ee vozmozhnosti [STPV and its possible connection]. *Vestnik svyazi*, 1973, no. 4, p. 26.
19. Kucheryavyy E.I., Pavlovskiy I.E. Printsipy organizatsii elektrosvyazi v sel'skoy mestnosti [Principles of organization of telecommunications in rural areas]. *Elektrosvyaz'*, 1972, no. 4, pp. 10-14.
20. Kuznetsov I.M. Problemy svyazi dlya dispetcherskogo upravleniya sel'skokhozyaystvennym proizvodstvom [Communication problems for supervisory control of agricultural production]. *Elektrosvyaz'*, 1972, no. 4, pp. 15-22.
21. Shanurenko V.I. Osnovnye napravleniya razvitiya sel'skogo provodnogo veshchaniya [The main directions of development of rural wired broadcasting]. *Elektrosvyaz'*, 1971, no. 9, pp. 14-17.
22. Dobrovol'skiy E.E. *Osnovnye napravleniya nauchno-tekhnicheskogo progressa radiosvyazi, radioveshchaniya i televideniya* [The main directions of scientific and technical progress radio communication, broadcasting and television]. Moscow: Svyaz' Publ., 1974. 56 p.
23. Veber Yu. Sel'skaya radiosvyaz': ee nuzhdy i zaboty [Rural Radio: its needs and concerns]. *Radio*, 1976, no. 11, pp. 4, 5, 8.

Received: 06 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 147–149 DOI: 10.17223/15617793/387/21

УДК 796.342(47) 091

С.В. Нечаев

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЕННИСА В ИРКУТСКОМ РЕГИОНЕ В 1920-е гг.

Рассмотрен исторический процесс эволюции взглядов и подходов к неизвестному классово и культурно враждебному явлению, каким являлся теннис, и его трансформации в новых социально-политических условиях, обусловленных Октябрьской революцией 1917 г. и становлением советской власти в Сибири. Показаны становление и распад лаун-тенниса, являющегося традиционным элементом раннебуржуазного сибирского общества, и его возрождение в условиях советской системы в процессе культурного строительства.

Ключевые слова: иркутский спорт; теннис; лаун-теннис; политика; физическая культура.

Теннис за свою историческую практику стал социальным и культурным феноменом, имеющим наибольшую зависимость от политических факторов. В разные периоды своей истории он переживал взлеты и падения, расширяя и сужая ареал распространения, испытывая на себе превратности российской истории. Являясь не просто культурным, но и, в значительной мере, политическим феноменом, теннис и его судьба являются частью политической истории страны. Но на сегодня эта часть представляет собой «белое пятно». В данной статье на примере сибирской региональной практики сделана попытка пролить свет на эти малоизвестные страницы истории. Эмпирическим путем теннис был внедрен в российскую раннебуржуазную и аристократическую действительность. Одноликость досуговой деятельности, отсутствие многообразия спортивных и физических занятий, а также влияние западной культуры на российское общество способствовали быстрой адаптации лаун-тенниса среди населения Российской империи.

Общероссийская трансформация тенниса предопределила его внедрение и в спортивную практику сибирского регионального социума, которая была синхронна с его развитием в глобальном пространстве. Так, заметка в газете «Голос Сибири» стала первым официальным упоминанием об иркутском теннисе, где указано: «25 мая 1913 года образовался кружок лиц для игры в лаун-теннис, для чего было арендовано место близ музея» [1. С. 7].

На этапе становления в лаун-теннисе наметилась тенденция объединения и консолидации усилий любителей, организаторов и спортивных деятелей в стройную систему. Примером такой активности стало регулярное проведение теннисных мероприятий. Постепенно среди иркутян игра стала настолько популярной и почитаемой, что лаун-теннис культивировался большинством спортивных обществ. События 1917 г. навсегда изменили страну, ее социальную и политическую жизнь. Октябрьская революция, провозгласившая власть рабочих и крестьян, поставила перед трудящимися задачу защищать идеалы большевиков, строить социалистическое государство. Большевистское руководство страны сочло необходимым обеспечить здоровую, работоспособную смену, которая могла бы подготовиться к труду и обороне.

В значительной степени решение этих задача на себя взяла советская система физической культуры. Отрицая принципы физкультуры и спорта в западноевропейских государств, советское правительство предполагало создать иные направления в развитии физической культуры. Вместе с тем в правительстве страны отсутствовало единое мнение о содержании и методах по физкультурной работе. Приверженцы медицинского направления исходили из того, что эксплуатация и нездоровый образ жизни ослабили организм трудящихся. Учитывая влияние трудностей производственной деятельности, они считали, что дополнительные нагрузки, связанные с выполнением физических упражнений, занятием спортом, вредны для здоровья рабочих.

Наряду с футболом, боксом, тяжелой атлетикой, борьбой, гимнастикой на снарядах учесть отрицания и запрета настигла лаун-теннис, поскольку игра попадала в категорию слишком нагрузочных занятий. Лаун-теннис был игровым видом спорта, несмотря на то что он любительский, требующим физической подготовки и выносливости. Согласно порядку физического воспитания и действующим в то время нормам, рекомендовалось заниматься только гигиенической и лечебной гимнастикой, содержащей упражнения с незначительной физической нагрузкой. Кроме того, многовековая история тенниса берет начало в европейских странах, в связи с чем игра воспринималась пережитком буржуазного общества, что сформировало предвзятое отношение к данному виду спорта.

Место лаун-тенниса заняла «трудовая гимнастика» как подражательная форма рабочих движений (пиление, загребание угля, строгание и т.п.). При таких условиях в годы становления советской власти теннисная жизнь в Иркутской губернии практически прекратила свое существование. Такое положение дел в области физической культуры и спорта в регионе сохранялось до 1920 г., когда наступил переломный момент не только в теннисе, но и во всей спортивной жизни страны. В 1920 г. ВЦИК СССР принял постановление о создании Высшего совета физической культуры (ВСФК) при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете и его соответствующих низовых органах на местах [2. С. 131]. Этот год стал отправной точкой становления массовой физической культуры. Физическая культура как неотъемлемая часть общеполитического культурного воспитания и образования, оздоровления масс была включена в общий план деятельности профсоюзов, РЛКСМ, Красной армии, школ и т.д. Поэтому она не должна была обособляться и в организационном отношении в какие-либо самостоятельные спортивно-гимнастические объединения, что неизбежно привело бы к отходу от

основной политико-просветительской работы и к отрыву занимающихся физической культурой масс от основных общественных организаций.

Теперь физкультурная деятельность была направлена на решение таких задач, как обеспечение политического руководства физкультурным движением, не допуская его отрыва от массовых, профессиональных и политических организаций; придание физкультурному движению массового характера с вовлечением в него не только трудящихся, но и крестьян; принятие мер к выделению в местные советы физкультуры ответственных представителей ведомств и организаций и недопущение замены их техническими сотрудниками. В этот период был заложен фундамент развития тенниса, ставшего одним из элементов физкультуры, который приобрел государственный статус. В 1923 г. спортивные кружки г. Иркутска, культивировавшие, в том числе, лаун-теннис, были ликвидированы как не отвечающие задачам объединения молодежи на классовой основе, а их имущество и помещения были переданы в распоряжение советских органов власти.

Вместо частной кружковой работы был создан Совет по физической культуры при Иркутском губисполкоме. Совет являлся единственным в губернии руководящим органом в деле развития физической культуры, объединяющим и координирующим деятельность всех ведомств в этой области. Все физкультурные организации региона подчинялись губсовету физической культуры (ГСФК) в научном, методическом и организационном отношениях. Он учреждал все физкультурные организации и имел право распускать их в случае несоответствия деятельности поставленным задачам. Однако вновь созданный орган не имел ни элементарных навыков, ни специалистов в области спорта. Переход к мирному строительству после Гражданской войны выявил огромный недостаток в квалифицированных кадрах для создания государственного аппарата, управления народным хозяйством, собственно физкультурой. Была провозглашена политика привлечения интеллигенции к сотрудничеству в советском духе и замены кадров специалистами. Несмотря на идеологическую позицию советской власти, новая система развития физической культуры была вынуждена опираться на бывшие кадры частных спортивных кружков. Поэтому бывшие члены кружков, занимающиеся лаун-теннисом, такие как Михалкин, Федорова, Дьячкова и другие, продолжали участвовать в развитии иркутского тенниса [3. Д. 24. Л. 200].

В регионе работа по преодолению кризиса в теннисе началась в 1923 г., который стал рубежом в иркутском спорте, сопровождающимся открытием стадиона имени Шиханова (ныне стадион «Труд»). С этого момента единственная теннисная площадка города стала принадлежать стадиону как часть спортивной инфраструктуры [Там же. Д. 48. Л. 64]. Теперь все спортивные мероприятия, а также хозяйственная деятельность секции тенниса были подчинены новому советскому руководству. Продолжилась работа совета физической культуры при Губернском исполнительном комитете. В структуре нового совета были созданы две коллегии: организационная и методико-пропагандистская. При организационной коллегии находился технический комитет, непосредственно направлявший работу по видам спорта.

В этот период активно предпринимались попытки адаптации тенниса к новым политическим условиям. ГСФК была создана техническая секция, которая учредила секцию подвижных игр. Согласно его отчету от 1925 г. в Иркутске при секции подвижных игр была создана теннисная группа, которая забронировала теннисную площадку на стадионе Совета (ныне стадион «Труд») [Там же. Д. 8. Л. 12]. Впоследствии были предприняты попытки по организационной работе теннисной секции. 16 июля 1925 г. технической секцией были утверждены правила пользования теннисной площадкой Губернского совета физической культуры и спорта [Там же. Д. 116. Л. 2]. Согласно установленным правилам спортсмены делились на две категории: члены кружка, которые пользовались площадкой бесплатно, при условии самостоятельного ее ремонта, и частные лица, для которых была установлена стоимость аренды, составлявшая либо 2 руб. за весь летний сезон, либо 20 коп. за час игры. Согласно примечанию к данному положению руководство площадкой и ее использование находились в руках Теннисного бюро, организованного при секции подвижных игр. Все распоряжения и поручения по эксплуатации и сдаче в аренду теннисной площадки были возложены на Б. Тен [Там же].

Таким образом, был установлен порядок организации и управления теннисом посредством набора в группы и секции, а также определена структура, назначены ответственные лица за работу данных форм организации спортивной работы. Теперь многие иркутяне, независимо от социального статуса и возможностей, могли заниматься теннисом. Однако к середине 1920-х гг., несмотря на все попытки советского руководства сделать теннис массовым явлением, игра не получила широкой популярности среди сибиряков. Из отчета 1925 г. ГСФК следует: «С наступлением летнего сезона для лучшей постановки привитых игр тенниса при секции игр была организована теннисная группа из числа игроков в теннис. Нужно сказать, что особой работы этой группы в деле популяризации тенниса не было. Актив занимался только игрой между собой, остальное его мало интересовало. Произведен ряд товарищеских встреч с игроками датской команды, а также розыгрыши первенств города Иркутска по мужской игре, которое было взято красногвардейцем т. Аристовым, показавшим хороший результат. Парное первенство было взято красногвардейцами Аристовым и Колосовым. В последнее время теннисная группа была распущена» [Там же. Д. 8. Л. 21].

В теннис играло незначительное количество советских функционеров, а существовавший прежний круг спортсменов, состоящий преимущественно из творческой интеллигенции, иностранных подданных и других лиц, распался. Свойственные игре аристократизм и благородство, а также ее индивидуальность, красота и традиции были чуждыми для рабочего класса. Поэтому пролетарское сознание большинства трудящихся не воспринимало игру, она вызывала

негодование и отрицание. В советской исторической науке справедливо использовался термин «культурная революция». Ее содержанием были утверждение социалистической идеологии в качестве мировоззренческой основы советских граждан и широкая демократизация общественной жизни. Такой подход новой власти привел к социокультурному расколу. Большевики следовали теории «двух культур», существующих в каждой национальной культуре; выделяли, с одной стороны, «буржуазную», «помещичью», с другой – «пролетарскую» культуру [4. С. 451]. При таком подходе объявлялась «непримиримая борьба», что ставило основной задачей искоренение непролетарских ее частей. Этот путь был отмечен не только несомненными достижениями, но и значительными потерями. Турбулентность новой социально-политической ситуации предопределила устойчивое классовое отторжение советским обществом буржуазных ценностей, в результате чего подход к лаун-теннису кардинально изменил свою окраску и тот долгое время находился под запретом.

Тем не менее в силу обстоятельств советская система культурного строительства изменила подход к теннису как составной части утонченной, европеизированной культуры элит, он был признан одним из компонентов физической культуры, приносящих пользу для здоровья и способствующих эффективному труду, поэтому вошел в реорганизованную систему как базовый спортивный элемент. Следствием таких процессов стали повышение интереса к теннису среди населения, открытие первых теннисных секций, проведение ряда городских, областных турниров и первенств и др. Однако иркутские теннисисты так и не стали активными спортивным сообществом, в теннисной среде нарастали факторы, оказавшие негативное воздействие на интенсивность развития тенниса в регионе, в том числе отсутствие специалистов и тренеров, сезонность игры, дефицит и дороговизна спортивного инвентаря и т.п. И как результат в рассматриваемый период, несмотря на поощрительную политику органов власти, объективные и субъективные обстоятельства жизни, иркутский теннис так и не стал массовым явлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голос* Сибири. 1913. № 37.
2. *История* физической культуры и спорта / отв. ред. В.В. Столбова. М., 1983. 310 с.
3. *Государственный* архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. р-294. Оп. 1.
4. *Милов Л.В., Барсенков А.С., Вдовин А.И., Воронкова С.В.* История России XX – начала XXI в. : учеб. пособие. М., 2006. 960 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2014 г.

FEATURES OF TENNIS RECOVERY IN IRKUTSK REGION IN 1920S

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 147-149. DOI: 10.17223/15617793/387/21

Nechaev Stanislav V. Irkutsk Region Tennis Federation, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irktennis@gmail.com

Keywords: Irkutsk sport; tennis; lawn tennis; politics; physical culture.

Tennis, as a social and cultural phenomenon, always has been dependent on political factors. In different periods of tennis history, it has experienced times of growth and prosperity, expulsion and decline. Today, this part of country's political history is not investigated and requires a substantial research, especially in complex of socio-political turmoil (upheavals) caused by establishment of Soviet power, by example of the Siberian region practices. Social and cultural development of the country, the social movement of the Russian intelligentsia to improve their physical condition as well as fundamental changes in the economic, political and social processes in the beginning of the 20th century were the main prerequisites for genesis of such an alien element of the privileged culture as lawn tennis, in Siberians' consciousness and everyday life. Pan-Russian tennis transformation predetermined its penetration into the sports habits of Siberian regional society, synchronously with tennis development on a global scale. Reproducing the way of the already established system of lawn tennis in the late 19th – early 20th centuries at the global and domestic levels, the game gained signs of sustainability and regularity in the Siberian region. Moreover, tennis development occurred on the ascending scale: there was a gradual increase in the number of amateur tennis players; the game was supported by most of the leading sports clubs. The things were in a worse shape during the Soviet period, especially during the formation of the Soviet Union, when there was a radical change in the spiritual life of society. On the background of the All-Russian trends expressed in the "*irreconcilable*" struggle with the bourgeois class and the aristocracy, the power of the Soviets offered a strong resistance to the ruling regime, which was expressed in dramatic perturbations of elements of the former regime, one of which became lawn tennis. With time tennis went on its own way of development and was adapted to the new socio-political conditions. Blurring of the class boundaries made physical culture and sport accessible to the general population. However Irkutsk tennis players did not become active sporting community, there was an increase in the processes in the tennis environment which had a negative impact on the development of tennis in the region. Lack of specialists and trainers, seasonality, scarcity and high cost of sports equipment, etc. adversely affected the development of the game in the region. As a result, despite the government policy in the game promoting and the objective and subjective circumstances, tennis did not become a mass phenomenon in Irkutsk region.

REFERENCES

1. *Golos Sibiri*, 1913, no. 37.
2. Stolbova V.V. (ed.) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of Physical Education and Sport]. Moscow, 1983. 310 p.
3. The State Archive of Contemporary History of the Irkutsk region (GANIIO). Fund r-294. List 1. (In Russian).
4. Milov L.V., Barsenkov A.S., Vdovin A.I., Voronkova S.V. *Istoriya Rossii XX – nachala XXI v.* [History of Russia in the 20th – early 21st century]. Moscow, 2006. 960 p.

Received: 06 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 150–153 DOI: 10.17223/15617793/387/22

УДК 94(470)

М.Г. Тарасов

ЕНИСЕЙСКИЕ КАЗАКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Статья написана при поддержке РГНФ, проект №13-II-24005.

Рассматривается участие енисейских казаков в Первой мировой войне и енисейских казаков-фронтовиков в революционных событиях 1917 г. Основное внимание уделяется добровольцам из числа казаков, участвовавших в боевых действиях на Западном фронте. Изучается процесс изменения отношения власти к енисейскому казачеству, на начальном этапе войны рассматриваемом как тыловые полицейские силы, позднее, под влиянием массового добровольческого движения, – как реальная боевая сила.

Ключевые слова: енисейское казачество; Первая мировая война; Сибирь; боевые действия; добровольцы; Февральская революция; Октябрьская революция.

Казачество России изначально было прежде всего военным сообществом, позднее ставшим особым военным сословием. Не исключение здесь и енисейское казачество. С начала XVIII в. енисейские казаки практически не участвовали в войнах, которые вела Россия, тем не менее это не изменило мировоззренческих основ их существования. В полной мере это проявилось в начале XX в., когда Россия оказалась вовлечена последовательно в два масштабных военных конфликта – русско-японскую и Первую мировую войны. Настоящая статья представляет собой попытку дать общий обзор участия енисейских казаков в Первой мировой войне – конфликте, предопределившем будущее России на долгое время.

С исчезновением внешней угрозы России непосредственно у границ Приенисейской Сибири местное казачество постепенно трансформировалось прежде всего в полицейскую силу. С 1871 г. в мирное время енисейцы имели на службе Красноярскую казачью сотню, в военное – Красноярский казачий дивизион и три станичные дружины. Последние обычно направлялись в Усинский пограничный округ (1900, 1904, 1914 г.). По положению от 4 апреля 1904 г. в военное время сотня енисейских казаков развёртывалась в трёхсотенный Красноярский казачий дивизион, в котором должно было числиться 482 казака при 14 офицерах и чиновниках [1. С. 329; 2. С. 144]. В Русско-японскую войну енисейские казаки выставили на фронт только 12 рядовых казаков при одном офицере, которые несли службу по охране штаба 4-го Сибирского корпуса и, очевидно, штаба 1-го Армейского корпуса и непосредственно в боевых действиях не участвовали [2. С. 138]. 10 июля 1910 г. вышло положение об Иркутском и Красноярском казачьих дивизионах, согласно которому енисейские казаки, так же как и иркутские и якутские казаки, должны были служить 3 года на действительной службе – с 20 до 23 лет; до 30 лет казаки находились на льготе (высокая степень мобилизационной готовности); до 38 лет – в разряде внутренних служащих. Таким образом, общий срок службы составлял 18 лет. С 38 до 48 лет казаки числились в ополчении и выходили на службу в мирное время только в качестве добровольцев [Там же. С. 129].

Во время Первой мировой войны отмобилизованный енисейский казачий дивизион был передан в распоряжение МВД и нёс полицейские функции в губернии. В то же время в годы Первой мировой войны процент призванных на воинскую службу у енисейских казаков выглядит достаточно высоким (на фоне остальных казачьих войск России). Енисейских казаков, призванных на службу, было 6%, в Забайкальском казачьем войске – только 5,5% (при общей численности казаков в 7,2%) [3. С. 154]. Всего к 1917 г. на военную службу было призвано около 300 казаков-енисейцев, не считая тех, кто самовольно бежал на фронт [Там же. С. 24].

Первоначально на фронт енисейских казаков не отправляли и даже препятствовали их добровольному уходу в воюющие части [4. С. 1]. Однако практически с самых первых дней войны казаки-енисейцы разными путями стремились попасть на фронт. В самом начале войны подобные случаи были единичными, однако уже в 1915 г. нелегальный уход енисейских казаков на фронт принял массовый характер. По информации иркутского историка Г.И. Романова, зачастую казаки бежали на фронт массово, «иногда целыми подразделениями, вместе с лошадьми и снаряжением» [5. С. 267]. Если изначально казаков-добровольцев отлавливали и отправляли обратно домой, то уже в 1915 г., когда основные бои Первой мировой пришлись на Восточный фронт и Русская армия потеряла значительное число людей убитыми, ранеными и пленными, отношение к «беглецам-добровольцам», которых ранее, за оставление своих частей в Сибири, приравнивали к дезертирам, значительно изменилось. «Беглецам» гораздо легче стало попасть на службу во фронтовые части. Об этом стало известно в Енисейской губернии, количество «беглецов» на фронт значительно увеличилось. В частности, в октябре 1915 г. в 1-й Аргунский казачий полк наряду с пополнением из числа уссурийских казаков прибыло и 11 казаков енисейских: Афанасий Ермолаев, Даниил Карганалов, Марк, Федот, Корпий Козьмины, Константин Лалетин, Пётр Мазицкий, Иван и Ермолай Песеговы, Иннокентий Скобеев и Иннокентий Спиридонов. Прибывшие доложили, что «бежали на войну». Хотя командир Красноярского дивизиона есаул Могилёв предпринял попытку вернуть казаков к их прежнему месту службы в Енисейскую губернию, командир 1-го Аргунского казачьего полка полковник Шильников, при поддержке командующего 1-й Забайкальской казачьей бригады и командующего 4-й армией, смог добиться того, что казаки остались в

составе полка [5. С. 267]. Подобные случаи были не единичны. По некоторым сведениям, около 70 енисейских казаков воевали на разных фронтах Первой мировой войны, отправившись туда самостоятельно [6. Л. 21]. Бежавшие на фронт енисейские казаки предпринимали меры конспирации для того, чтобы не быть возвращёнными в Сибирь. Зачастую они сообщали о себе, что они казаки других казачьих сообществ – Сибирского казачьего войска, Уссурийского и т.п. Подобные уловки обычно раскрывались, но к этому времени «беглецы» обычно уже зачислялись на службу во фронтовые подразделения. Таких «беглецов» обычно с радостью принимали во фронтовых казачьих частях. К 1916 г. Красноярский казачий дивизион оставили около 100 казаков, бежавших на фронт [5. С. 268].

Самовольный уход на фронт енисейских казаков был настолько заметен, что даже вызвал приезд в Красноярск командующего Иркутского военного округа генерал-лейтенанта Эверта. Генерал Эверт и начальник штаба округа генерал-майор Л.Л. Илляшевич выступили с ходатайством перед Военным министром о разрешении енисейским и иркутским казакам-добровольцам отправиться на фронт. Ходатайство было поддержано начальником 2-й стрелковой запасной бригады генерал-лейтенантом Лашкевичем, которому подчинялись все казачьи части. Главное управление Генерального штаба Русской армии разрешило енисейским и иркутским казакам-добровольцам переходить на службу во фронтовые части. После этого от красноярского дивизиона на фронт вызвались поехать, по разным данным, 110–120 казаков, от иркутского – 71–90 [5. С. 268; 7. С. 157].

Енисейцы и иркутяне должны были пополнить 4-ю и 5-ю сотни Уссурийского казачьего полка. В январе 1916 г. началась отправка казаков-добровольцев из числа енисейцев и иркутян на фронт [2. С. 146–149]. Все они находились под командой сотника Фереферова. Если ранее бежавшие на войну казаки-енисейцы попадали в разные части, то отправившиеся с официального разрешения властей две сотни енисейских и иркутских казаков в полном составе, не разделяя, направили на пополнение в Уссурийскую казачью дивизию. Дивизия состояла под командой генерал-майора А.М. Крымова и дислоцировалась в Лифляндской губернии в г. Вольмар, что неподалеку от г. Венден (Цесис) [7. С. 157].

О высоком патриотическом порыве енисейских казаков говорит тот факт, что перед отправкой на фронт они послали Николаю II телеграмму с благодарностью за разрешение отправиться на фронт, которое называли «великим праздником». В ответной телеграмме император написал, что «искренне благодарит казаков и желает им полного успеха» [5. С. 270, 271].

Прибывшие на фронт енисейцы в мае 1916 г. в составе Уссурийской дивизии участвовали в обороне побережья Рижского залива, где предполагалась высадка немецкого десанта. В июне 1916 г. Уссурийскую казачью дивизию перебросили в Карпаты под г. Черновцы. Здесь енисейские казаки в составе дивизии приняли участие в рейде по тылам австро-венгерской армии. В тяжёлых природных условиях, в горной и болотистой местности казаки дивизии, в том числе енисейцы, смогли нанести австрийцам значительный урон. Было уничтожено много солдат и офицеров противника, захвачены пленные, оружие, включая несколько артиллерийских орудий. Только неожиданный приказ генерала Лечицкого – командующего 11-й армии, в состав которой входила Уссурийская казачья дивизия, не позволил продолжить успешно начатый рейд [7. С. 158, 159]. Следует отметить, что в боях в Карпатах енисейские казаки понесли значительные потери (Г.У. Юшков приводит цифру в 100 человек) [Там же. С. 158].

Необходимо упомянуть, что кроме строевых частей, енисейские казаки, бежавшие на фронт, поступали на службу и в партизанские отряды, которые часто создавались на фронтах. По данным Г.И. Романова, около 10–15 енисейских и иркутских казаков служили именно в таких формированиях [5. С. 267].

Следует отметить, что енисейские и иркутские казаки, отправляясь на фронт, не выходили полностью из ведомства Министерства внутренних дел, а считались пребывающими на фронте в длительной командировке. Следствием этого стало то, что льгот и пенсий, как военнослужащие-фронтовики, они не получали. Казакам, тем не менее, выдали положенное фронтовикам пособие в размере 75 рублей на человека, но все эти деньги они передали в Военный фонд [6. Л. 1, 8, 9, 21]. Так как енисейские казаки состояли в ведомстве Министерства внутренних дел, то уходя на войну, т.е. переходя в ведение Военного министерства «де-факто», казаки лишались материальной поддержки. В случае гибели казака его семья не могла получить продовольственного пайка и денежного пособия от Министерства внутренних дел, так как, самовольно уходя на фронт, казак выходил из ведения министерства [Там же. Л. 21].

Февральская революция застала енисейских казаков, служивших в Уссурийской казачьей дивизии близ Кишинёва в местечке Волуй-Воды. Здесь енисейцев выделили в особую сотню. Енисейская казачья сотня, считавшаяся особо надёжной и не поддерживавшей революционных настроений, образовала конвой генерала П.Н. Краснова, командира 3-го Конного корпуса, в состав которого входила в это время Уссурийская дивизия. Ввиду отсутствия собственных казаков-офицеров в состав сотни в это время были включены хорунжие Розанов и Тялшинский, позднее проявившие себя как активные участники Гражданской войны в Сибири [8. С. 143, 144].

Для енисейского казачества в 1917 г. был характерен высокий патриотический подъём, не свойственный армии в тот период. Так, в телеграмме от 14 июня 1917 г. от имени всех казаков Красноярского дивизиона командир дивизиона подъесаул Каргополов потребовал немедленной отправки своего подразделения на фронт. Однако в ответ на это Каргополов 21 июня 1917 г. был снят с должности командира дивизиона, видимо, за излишний патриотизм, и один (!) отправлен в действующую армию. На его место был назначен А.А. Сотников, который, очевидно, воспринимался как человек более лояльный новой власти, так как был членом партии эсеров [2. С. 152].

Енисейские казаки, как и большинство казачества России, не приняли Октябрьскую революцию. В конце октября – начале ноября 1917 г. в Киеве, а затем в Новочеркасске прошёл Общефронтовой казачий съезд, на котором была принята резолюция, где казаки заявляли о непризнании Советского правительства [3. С. 41, 42]. Сотня казаков-енисейцев под командованием есаула Петра Фёдоровича Коршунова, которая с августа 1917 г. являлась конвоем командира 3-го конного корпуса генерала П.Н. Краснова, приняла деятельное участие в «мятеже Керенского – Краснова» и в конце октября 1917 г. участвовала в наступлении на захваченный большевиками Петроград [2. С. 154]. П.Н. Краснов лично высоко ценил енисейцев «как элемент надёжный, не революционизированный» [8. С. 143, 144]. После поражения восстания воинские подразделения, участвовавшие в «мятеже», были демобилизованы, и енисейские казаки вернулись в Красноярск.

Оценивая участие енисейских казаков в Первой мировой войне, нельзя не отметить, что оно имеет несоизмеримо большее моральное значение, чем практическое. Одно из самых малочисленных казачьих обществ России, не имевшее собственного обученного офицерства и длительное время, по воле властей, не участвовавшее в полноценных боевых действиях, продемонстрировало в ходе войны верность Отечеству и неодолимое стремление служить его благу с оружием в руках. Несколько сотен енисейских казаков, принявших непосредственное участие в сражениях Первой мировой войны, показали себя в боях и политических катаклизмах настоящими казаками, для которых интересы Родины значат больше, чем личное благополучие. Такой же высокий патриотический подъём был характерен и для енисейских казаков, остававшихся Сибири. События Гражданской войны, в ходе которой енисейские казаки как один выступили на защиту исторической России, служат этому безусловным доказательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Казачьи* войска. По апрель 1912 года: Справочная книжка Императорской главной квартиры / сост.: В.Х. Хазин, ред. В.К. Шенка. СПб. : Б. и., 1912. 462 с. Репринт. изд. Б. м. : А/О «Дорваль», 1992. 471 с.
2. *Романов Г.И.* Казачье население Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.) : дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1996. 174 с.
3. *История* казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. Т. 3. 1995. 268 с.
4. *Вестник* енисейского казачества. Красноярск, 1917. 21 авг. № 3.
5. *Романов Г.И., Новиков П.А.* Иркутское казачество (вторая половина XVII – начало XX вв.). Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009. 352 с.
6. *Российский* государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1468 (Штаб Иркутского военного округа). Оп. 2. Д. 521.
7. *Казаки* енисейцы в Германскую войну (По запискам сотника Г.У. Юшкова) // Енисейские казаки. Харбин : Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы, 1940. С. 157–164.
8. *Тялшинский А.Н.* Воспоминания // Енисейские казаки / сост. Н.Н. Князев. Харбин : Издание енисейской зарубежной казачьей станицы, 1940. С. 139–141.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 июня 2014 г.

THE YENISEI COSSACKS IN THE FIRST WORLD WAR

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 150-153. DOI: 10.17223/15617793/387/22

Tarasov M.G. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mihell@ngs.ru

Keywords: Yenisei Cossacks; the First World War; Siberia; military operations; volunteers; the February Revolution; the October Revolution.

This article examines the Yenisei Cossacks' participation in the First World War. The Yenisei Cossacks, rather small in number at the beginning of the 20th century, were considered by leaders of the country only as a constabulary force for the territory of the Yenisei government at the outbreak of the First World War. However, the great patriotic upsurge among the Yenisei Cossacks caused many Cossack volunteers to go to the fronts of the First World War on their own without permission of the top brass. The article presents the evolution of government attitude towards the Yenisei Cossacks, from rear police forces to real combatant forces, influenced by voluntary mass movement. In the first period of the War the attitude towards an unauthorized going to the front was negative. But long since 1915 when the Russian Army began to incur considerable losses, the Yenisei Cossacks met with fewer difficulties upon entering on service in warring units. About 120 Yenisei Cossack volunteers were sent to the West front in an organized way at the beginning of the year 1916. The Yenisei Cossacks for the most part joined the services in the Ussuriisk Cossack Division and participated as its members in defense of the coast of the Gulf of Riga and then in the fighting in the Carpathians. Besides, the Yenisei Cossacks were participants of guerrilla bands which were created by command of the Russian Army in the enemy's rear. Therefore, despite their multiplicity the Yenisei Cossacks demonstrated patriotic awareness in the First World War. That was reflected in the relatively large number of the Yenisei Cossacks who took part in military actions. The Yenisei Cossacks went to the front as volunteers although they and their families had no right to benefits, which servicemen officially drafted into the army were supposed to get. The participation of the Yenisei Cossacks-war veterans in the events of the Revolution of 1917 is also considered in the article. The Yenisei Cossacks at the front and in the rear found themselves on the side of the forces which stood for a continuation of the Russian participation in the First World War, and confronted actively the radical revolutionaries' attempts of the conquest of power. The Yenisei Cossack squadron was a personal guard of P.N. Krasnov and took part in the overthrow of the Bolshevik power in Petrograd in November 1917. In Siberia at the end of 1917 the Yenisei Cossacks made an attempt to depose the Bolshevik power in Krasnoyarsk. High patriotic self-consciousness of the Yenisei Cossacks which forced them to go to the fronts of the First World War as volunteers in the years of the Civil War brings them in ranks of the Russian Army under the command of Admiral A.V. Kolchak.

REFERENCES

1. Shenk V.K. (ed.) Kazach'i voyska. Po aprel' 1912 goda [Cossack troops. By April 1912]. St. Petersburg, 1912. 462 p.
2. Romanov G.I. *Kazach'e naselenie Vostochnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)*: dis. kand. ist. nauk [Cossack population of Eastern Siberia (late 19th – early 20th century). History Cand. Diss.]. Irkutsk, 1996. 174 p.
3. Alekseev V.V. (ed.) *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii: v 3-kh t.* [History of the Cossacks of Asiatic Russia: in 3 vols.]. Ekaterinburg: URO RAN Publ., 1995. Vol. 3, 1995, 268 p.
4. Vestnik eniseyskogo kazachestva [Bulletin of the Yenisei Cossacks]. *Krasnoyarsk*, 1917, 21st August, no. 3.
5. Romanov G.I., Novikov P.A. *Irkutskoe kazachestvo (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.)* [Irkutsk Cossacks (second half of the 17th – early 20th century)]. Irkutsk: OOO NPF "Zemlya Irkutskaya" Publ., 2009. 352 p.
6. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1468. List 2. File 521. (In Russian).
7. *Kazaki eniseytsy v Germanskuyu voynu (Po zapiskam sotnika G.U. Yushkova)* [The Yenisei Cossacks in the German war (on the notes of G.U. Yushkov)]. In: *Eniseyskie kazaki* [Yenisei Cossacks]. Kharbin: Yenisei Foreign Cossack Village Publ., 1940, pp. 157-164.
8. Tyalshinskiy A.N. *Vospominaniya* [Memories]. In: *Eniseyskie kazaki* [Yenisei Cossacks]. Kharbin: Yenisei Foreign Cossack Village Publ., 1940, pp. 139-141.

Received: 15 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 154–159 DOI: 10.17223/15617793/387/23

ПРАВО

УДК 343.953

Т.А. Алексеева, Р.Л. Ахмедшин, О.А. Попова

ФОРМАЛИЗАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ДАННЫХ: МЕХАНИЗМ ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В РЕЗУЛЬТАТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируется механизм отражения личностных особенностей личности преступника в следах преступления. Основной идеей выступает положение о существовании трех различных алгоритмов отражения трех уровней личности. Каждый уровень личности, отражающийся в следах преступления, связан с определенной сферой проявления психического.

Ключевые слова: механизм отражения; следы преступления; личность преступника; почерк; походка; мимика; речь; поведение.

В криминалистическую науку, начиная со второй половины XX в., активно интегрируются знания о личности преступника. Основная целевая ориентированность данного заимствования заключается в решении проблемы моделирования личности преступника посредством анализа его преступной деятельности, получившей отражение в следах преступления. На современном этапе развития криминалистики общие вопросы, касающиеся целей, задач и методов моделирования личности преступника по следам преступления, в общем решены, проблемным остается вопрос механизма отражения индивидуально-психологи-ческих особенностей личности преступника в следах преступления.

Представляется, что природа и содержание исследований механизма рассматриваемого отражения несколько сложнее, чем казалось на этапе начальных криминалистических исследований. Не существует единой универсальной формулы «следы преступления – личность преступника», так как идентификационная значимость различных психических составляющих личности не одинакова, прежде всего, в силу различной природы этих составляющих. Из криминалистически ценных уровней поведения нами выделены двигательный (почерк, походка), коммуникативный (речь, мимика) и организационный (организация пространства и выбор моделей поведения). Отличие между ними заключается, в первую очередь, в возможности волевого контроля проявления названных элементов во вне. Отметим, что приоритетно двигательный уровень связан с психическими процессами, коммуникативный – с психическими процессами, состояниями и свойствами, а организационный – с психическими свойствами.

Двигательная активность опирается на двигательные навыки, имеющие невысокую вариативность. Коммуникативная активность базируется на достаточно жестком диапазоне возможных моделей реагирования. Для поведенческой деятельности характерна типовая модель, предполагающая привычные формы реагирования, хотя и не исключающая формы непривычные.

Выделяемые структуры проанализируем через призму факторов стабильности, контролируемости, ситуационности, исследуемости (формализации) [1. С. 118–122].

Двигательный уровень отражения личностных особенностей в следах преступления. При всем разнообразии двигательных актов человека криминалистику интересует только несколько двигательных навыков, что обусловлено предметом данной науки. В первую очередь исследования ученых-криминалистов направлены на изучение почерка, походки и жестикуляции. Это достаточно сложные по механизму формирования и реализации навыки, формируются длительно, поэтому и устанавливаемые на их основе закономерности наиболее стабильны и могут быть рассмотрены с позиции «база». Их высокая информационная ценность для криминалистики проявляется в возможности проведения на основе выявленных корреляций экспертных исследований с категорическим (положительным или отрицательным) выводом. Рассмотрим указанный уровень проявления личностных особенностей по четырем выделенным ранее параметрам.

Стабильность отражения особенностей личности в ее движениях обусловлена природой формирования и проявления навыков – базы всех двигательных актов.

Появление каждого нового навыка строится на постоянном выполнении сходных упражнений. Сами упражнения и их результаты при этом различны. Со временем они могут как улучшаться, так и оставаться без изменений, а иногда даже и ухудшаться. Решающее значение для выработки нового навыка оказывает не количество повторяющихся движений, а их психологическое содержание, момент подкрепления – достижение некоторого полезного именно для данного человека результата [2. С. 65]. При этом успешные движения, оправдавшие себя способы регуляции постепенно отбираются и закрепляются, а неудачные подавляются и отсеиваются. Тем самым ищется оптимальная «формула» движения именно для определенного человека и формируется уникальная база двигательного уровня отражения личностных особенностей в следах преступления.

Процесс перехода от внешнего реального действия к внутреннему (идеальному) объясняет, почему проявление личностных особенностей можно считать постоянным при выполнении движений. Так, сначала человек выполняет определенное действие с предметом (реальным или идеальным), которое является

внешним. Затем действие интериоризируется, «срастается» с субъектом и становится подлинно внутренним, психическим. Именно поэтому происходящую внешнюю деятельность нужно воспринимать как определяемую психикой человека: она осуществляется на основе внутренней программы, реализация которой происходит на базе такого процесса, как экстериоризация. Таким образом, можно говорить о выполнении движений каждым своеобразно и целесообразно его субъективным состояниям и свойствам.

Контроль над проявлением своих особенностей в рассматриваемых двигательных актах практически отсутствует с момента автоматизации движения, поэтому с данного периода становится возможным более достоверное изучение личностных особенностей. Объясняется это тем, что в организации сложных движений, согласно исследованиям Н.А. Бернштейна [3], участвуют сразу несколько уровней. Тот, на котором строится данное движение, называется ведущим, остальные – нижележащие уровни. В сознании представлены только те компоненты движения, которые строятся на ведущем уровне; работа нижележащих уровней, как правило, не осознается [4. С. 142, 143]. Фактически человека интересует конечная цель каждого из движений: написать определенный текст, пройти определенный отрезок пути, завершив его в определенной точке; выразить свою позицию при общении или, наоборот, попытаться ее скрыть. Как это будет реализовываться – это не осознаваемые элементы, реализуемые на нижележащих уровнях. Таким образом, техника выполнения каждого автоматизированного движения становится вторична и не контролируется человеком.

Говоря о ситуационности проявления двигательных навыков, следует отметить, что психические свойства – это наиболее статические свойства характера, поэтому личностные особенности лица, несомненно, являются стабильными. База черт характера и двигательных актов подвержена изменениям только в определенных, конкретных ситуациях и, как правило, на незначительное время (до момента устранения препятствий).

Для понимания вариационности проявления сформированной базы двигательных актов необходимо обратиться к психическим процессам, обусловливающим их постоянную реализацию. Учитывая такие признаки психических процессов, как кратковременность и повторяемость, можно выделить 4 типовые группы функционирования двигательного уровня отражения личностных особенностей в следах преступления в целом:

1) кратковременная реализация двигательного акта в привычных условиях. База движения проявляется полностью без коррекции. Происходит минимальное расходование энергии, поэтому для человека это наиболее оптимальная формула;

2) кратковременная реализация двигательного акта в измененных условиях. Несмотря на небольшой временной промежуток, воздействие «новых» условий является значительным, выходящим за основу базы движения. Происходит вариационность проявления движения;

3) длительная реализация двигательного акта в привычных условиях. Более сложные виды навыков зачастую требуют большего времени для их осуществления. Достижение необходимого при этом результата возможно только при длящемся процессе. Если человек постоянно тренируется и может длительно осуществлять комплекс задуманных движений, то для него эта ситуация привычна. Изменений базы двигательного актов не происходит, но требуется большее количество энергии в рамках как его формирования, так и реализации;

4) длительная реализация двигательного акта в измененных условиях. В данном случае человек не имеет опыта постоянных упражнений, не может осуществлять двигательный акт одинаково на всем его протяжении. К тому же на него оказывают воздействие различного рода непривычные факторы. В отличие от предыдущих типовых групп, здесь изменение базы двигательного акта и затрачивание количества энергии максимально.

Таким образом, типовые группы позволяют рассмотреть причины появления ситуационности в сформированной базе двигательных актов [5. С. 60]. Все они, хотя и временно, но видоизменяют движения, следовательно, при их наличии необходимо вносить коррективы в установленные учеными корреляции отражения особенностей личности в двигательных актах.

Закон отражения явлений позволяет наблюдать и впоследствии анализировать проявления каждого в окружающем мире. **Исследуемость (формализация)** личностной информации при осуществлении движений также базируется на законе существования явлений и процессов. Изучение личности в этом случае происходит это за счет образования материальных и нематериальных следов – основного предмета познания в криминалистике. В почерке, походке, жестикуляции проявляется весь объем психологических свойств лица, поэтому почерковедение, трасология, габитология уже традиционно являются составной частью криминалистической техники. Для исследования в криминалистике каждый объект должен обладать свойством измеряемости. Только в этом случае возможна эмпирическая проверка получаемой информации. Измеряемость в почерке осуществляется за счет использования системы общих и частных признаков почерка. В случае, когда нас интересует походка, то необходимо обратиться к элементам дорожки следов ног. Общей основой изучения для походки и жестов являются функциональные признаки внешности. Последние отображаются как в сознании лица (идеальные следы), так и фото-, видеосъёмке (материальные следы).

Коммуникативный уровень отражения личностных особенностей в следах преступления. Процесс обмена информацией (коммуникация) может проходить двумя способами: вербальным и невербальным, поэтому в коммуникативный уровень мы включили устную речь и мимику. Устная речь и мимика дополняют друг друга и рассматриваются как проявление одного уровня в механизме отображения личностных особенностей.

В структуре устной речи можно выделить три элемента: вокальность – выражается в силе голоса через громкость; тональность – определяет эмоциональную насыщенность речи; содержательность – передает осознаваемую и неосознаваемую смысловую нагрузку [6. С. 167–170].

Коммуникативный уровень, основываясь на психических процессах, состояниях и свойствах, включает в себя базу (вокальность), диапазон (тональность) и типовую модель (содержательность). Таким образом, чтобы избежать пересечений с двигательным и организационным уровнем поведения, коммуникативный уровень будет рассмотрен только в объеме тональности.

Центральным понятием, лежащим в основе коммуникативного уровня, является диапазон, которому в большей степени соответствует устная речь и в меньшей – мимика. Диапазон – это строго ограниченное проявление моделей реагирования в нормальном состоянии. В отличие от базы, имеющей небольшую вариативность, диапазон основан на модели поведения, за рамки которой человек не способен выйти. Границы диапазона, в пределах которых может происходить варьирование психических состояний, неодинаковы у разных людей, но всегда ограничены. Строгие рамки диапазона объясняются свойством психики находиться в состоянии максимального комфорта, любое отклонение от нормы требует затраты дополнительных сил и истощения, в то время как психика стремится вернуться к привычному состоянию покоя.

Эмоциональность, выраженная в особенностях тональности речи, предполагает наличие вариативности, но в то же время имеет строгие рамки, ограниченные границами диапазона. Представляется, что диапазональные изменения речи в нормальном состоянии – это тот эмоциональный промежуток, за который человек не может выйти. Особенность диапазона состоит в том, что он предполагает наличие выбора, но в установленных границах. Наиболее широко свойства диапазона проявляются в таком элементе устной речи, как тональность.

Фактор стабильности предусматривает структуру и постоянное, повторяющееся проявление признаков изучаемого объекта. Диапазон на коммуникативном уровне как граница, в пределах которой возможно варьирование особенностей речи, является проявлением фактора стабильности.

В структуру тональности входят следующие элементы: интонация, речевые паузы и уровень тона голоса. Тональность и ее элементы содержат под собой психологическую основу, зависят от типа нервной системы и связаны с психическими состояниями.

Интонация – это частотные изменения голоса (повышение и понижение тона голоса). Ограничение диапазоном позволяет выделить равномерную и неравномерную интонацию. Равномерная интонация предполагает незначительные плавные изменения громкости голоса, неравномерная определяется значительными, частыми изменениями громкости голоса. Эмоциональность как качество личности предполагает постоянство, поэтому выражается в равномерной интонации. Малая эмоциональность с силу компенсации недостающего качества проявляется в неравномерной интонации. В нормальном состоянии человек, которому свойственна равномерная интонация, не сможет выйти за ее пределы, говорить с неравномерной интонацией, и наоборот.

Речевые паузы – это остановки голоса, разделяющие речевой поток на логические или эмоционально-смысловые части. Можно выделить короткие, средние и долгие речевые паузы. Паузы тесно связаны с темпом речи: быстрый темп характеризуется короткими паузами, медленный темп – долгими.

Уровень тона голоса – это интервал между доступным человеку самым низким и самым высоким голосом. Если для речи человека характерны как высокие, так и низкие тона, то можно говорить о высоком уровне тона его голоса, многотональности и эмоциональности речи. Если человеку доступна одна тональность (высокая или низкая), то можно утверждать, что уровень тона его голоса низкий, речь малоэмоциональна и монотональна. Базирование коммуникативного уровня на диапазоне как возможной модели реагирования наиболее ярко прослеживается при определении особенностей уровня тона голоса (как непосредственного проявления эмоциональности).

Говоря об эмоциональности, можно выделить степень и силу проявления эмоций. Сила – это показатель испытываемых эмоций самим человеком внутри себя, переживание определенных чувств. Степень – это проявление эмоций во вне, в окружающий мир, посредством устной речи и мимики. Психическое состояние человека оказывает непосредственное влияние на силу эмоций, которая на коммуникативном уровне выражается в степени эмоций. Однако величина силы эмоций не всегда прямо пропорциональна степени.

Проблема состоит в том, что диапазон эмоционального состояния не одинаков у всех людей. Испытывая сильное эмоциональное напряжение, некоторые типы личности могут контролировать проявление своих эмоций. Учитывая признаки психического состояния – статичность и кратковременность, выделим три типовых группы диапазона проявления эмоциональности.

1. Низкая сила и низкая степень эмоций. Данная группа свойственна алоэмоциональным типам, характеризуется равномерной интонацией, слабо выраженной мимикой, неменяющимся выражением лица. Самый ограниченный диапазон проявления эмоциональности.

2. Высокая сила эмоций и низкая степень эмоций. Эмоциональное состояние, так или иначе, должно выразиться, контроль и подавление одного явления сказывается на проявлении другого, поэтому эмоции выразятся либо в изменениях тональности, либо в мимике.

3. Высокая сила и высокая степень эмоций. Самый широкий диапазон проявления эмоций как в устной речи, так и в мимике, характеризующийся высокой степенью вариативности.

4. Низкая сила и высокая степень эмоций. Указанная группа представляется наиболее редкой, так как в данном случае имеет место искусственное увеличение проявление эмоций, что в нормальном состоянии человеку не свойственно. Такое поведение может быть обосновано нестандартной ситуацией либо психологическими особенностями лица.

Учитывая то, что диапазон является теми рамками, за которые человек не может выйти в нормальном состоянии, можно предположить, что каждому типу личности соответствует определенный уровень эмоциональности (в зависимости от принадлежности к рассмотренным выше группам).

Контролируемость на коммуникативном уровне проявляется в сознательном стремлении личности изменить

присущие ей свойства и особенности, изменить рамки диапазона. Попытка выйти за пределы своего диапазона приводит к увеличению усилий за контролем своего состояния, а следовательно, большей энергозатратности. Так как организм стремится к состоянию покоя, к привычному состоянию, то чем сильнее контроль, тем быстрее человек устанет и возвращается в рамки своего диапазона и проявления типовых личностных особенностей.

Если говорить об эмоциональности, то возможны два варианта проявления контроля: стремление увеличить силу эмоций и, наоборот, уменьшить. Говорить о контролируемости степени эмоций представляется нецелесообразным, так как контроль в основном связан с целью сокрытия истинного эмоционального состояния. Увеличение силы эмоций приводит к стремлению нарушить модель поведения, ограниченную диапазоном, что выражается в дополнительной затрате как физических, так и психологических возможностей организма, который по истечению некоторого времени вернется в рамки привычного для него диапазона. При уменьшении силы эмоций человеку необходимо будет компенсировать этот недостаток, что с течением времени выразится в появлении свойственных ему особенностей тональности и мимики, в рамках диапазона возможной модели реагирования.

Важно отметить, что осознанный контроль тональности может выражаться только в контролируемости одного элемента: интонации, речевых пауз или уровня тона голоса. Невозможно контролировать сразу несколько элементов, так как это приведет к увеличению энергозатратности и стрессу. В то же время даже контроль одного элемента невозможен в течение длительного времени, в силу стремления психики к комфортному состоянию.

Следующим фактором, влияющим на отображение личностных особенностей, является ситуационность. Ситуация влияет на психическое состояние личности, которое, проходя через призму особенностей личности, выражается, в частности, в тональности речи и мимике. Несмотря на кажущееся разнообразие ситуаций, диапазональные изменения на коммуникативном уровне также строго ограничены. По сути, все ситуации, с которыми сталкивается человек, можно разделить либо по степени привычности: привычные и непривычные, либо по степени эмоционального напряжения: нормальные (обычные) и стрессовые. Для каждого указанного вида ситуации существует определенный диапазон, за рамки которого человек неспособен выйти в силу ограниченности вариантов психического состояния. Представляется, что для непривычных и стрессовых ситуаций диапазон проявления тональных особенностей шире, но это не исключает строгую модель реагирования. Кроме того, при повторении той или иной ситуации возрастает степень адаптации, в результате чего пропадает необходимость искать новые способы реагирования, что приводит к варьированию коммуникативных свойств личности в рамках диапазона.

Исследуемость как критерий рассматриваемого нами механизма заключается в возможности познать то или иное явление и раскрывается на коммуникативном уровне в том, что каждый из элементов тональности подлежит измерению.

Интонация подразделяется на равномерную и неравномерную и измеряется в герцах (Гц). Речевые паузы определяются как короткие, средние и длинные и измеряются в секундах. Уровень тона голоса определяется как высокий – низкий. Все указанные элементы тональности могут быть измерены с помощью компьютерной программы, воспроизводящей аудиозаписи (QuickAudio, Adobe Audition), и изображены графически.

В силу вариативности диапазон представляет собой основу для деятельности специалиста. Свойства диапазона – вариативность в рамках строгой модели поведения – позволяют сделать вывод о психическом состоянии лица в конкретной ситуации на уровне специальных познаний.

Организационный уровень отражения личностных особенностей в следах преступления. При всем многообразии вариантов *modus vivendi* человек не склонен к излишне высокой инвариантности поведения. Гомеостатическая составляющая психики предопределяет существование привычного, наиболее оптимального для конкретного человека образа действия, привычного тактического алгоритма выбора из типовых вариантов. Понимание природы типичности выбора нашло подтверждение в разработанной еще в 80-х гг. прошлого века методики построения психологического профиля неизвестного преступника. Напомним, что данная методика базируется на утверждении, что в стрессовой ситуации (ситуации преступления) человек склонен к выбору варианта не из всего диапазона возможностей, а только из наиболее привычного, т.е. склонен к типовой модели поведенческого реагирования. Типовая модель поведения – крайне значимый феномен для криминалистической науки, так как существование данного феномена позволяет обосновать научность идеи идентификации личностных свойств, прежде всего психологических свойств по следам преступления.

В сфере анализа организационно-поведенческого отражения личности преступника в первую очередь усилия ученых-криминалистов направлены на организацию пространства и времени в системе «событие преступления» и неосознанный выбор преступником модели поведения. Эти достаточно сложные по формированию и реализации механизмы формируются и трансформируются в течение жизни человека, поэтому и устанавливаемые на их основе закономерности имеют высокую информационную ценность для криминалистики. Рассмотрим указанный уровень проявления личностных особенностей по четырем выделенным ранее параметрам.

Стабильность отражения особенностей личности в ее поведении обусловлена природой формирования и проявления психологических свойств личности – типовой поведенческой модели.

Существование человека по природе своей подчиняется законам гомеостаза, т.е. детерминируется необходимостью уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего психофизиологического равновесия. Подкрепление, которое человек получает извне, уменьшает силу начального побудительного фактора; подкрепление, соответствующее побудительному фактору, нивелирует необходимость орга-

низма в дополнении. Современный уровень развития человека объясняется заложенным стремлением к равновесию, вытекающим из реализованной возможности сохранять состояние внутреннего равновесия путем снижения напряжения побудительного мотива.

Типовая поведенческая модель, таким образом, выступает формой достижения гомеостаза на уровне сложно организованной деятельности – поведения. Стабильность типовой поведенческой модели – один из защитных механизмов, предохраняющий нашу психику от переутомления. Тенденцию к гетеростатическому поведению, которая в определенной степени тоже свойственна человеку, мы рассмотрим ниже, раскрывая содержание фактора ситуационности.

Контроль над проявлением вовне типовой поведенческой модели существует, однако напомним – любой контроль за стереотипизированной деятельностью значительно понижает её эффективность, разрушая механизм деятельностной автоматизации. Без сомнения, в деятельности человека проявляется осознанный волевой контроль в сфере целеполагания и задач его достижения, однако способы достижения цели осознаются в гораздо меньшей степени. Составляющие *modus operandi*, теоретически подлежащие осмыслению, человеком не осознаются, либо их осознание рационализировано, т.е. обусловлено ложной аргументацией с целью избежания излишней энергозатраты, и проявляется в 4 формах:

1. Факт готовящегося убийства преступник в большинстве случаев (действуя с прямым умыслом) осознает. Комплекс причин, из-за которых необходимо совершить данное убийство, также в большей степени осознан. Отметим, что косвенный умысел – это случай неосознанного стремления к убийству.

2. Выбор орудия преступления осмыслен, но комплекс причин, из-за которого этот выбор произошел, неосознаваем или рационализирован.

3. Выбор алгоритма нанесения повреждений, области поражения и ряд иных факторов волевому осмыслению не подлежит. Как преступление будет реализовываться – это не осознаваемые элементы, реализуемые на нижележащих уровнях. Таким образом, техника выполнения каждого автоматизированного движения становится вторична и не контролируется человеком. Однако в силу отсутствия автоматизма, характерного для почерка, объяснение причин этой техники лежит в сфере типовой модели поведения, вытекающей из совокупности личности – уникальной или психотипологической.

Говоря о ситуационности проявления двигательных навыков, следует отметить, что психические свойства – это наиболее статические свойства характера, поэтому личностные особенности лица, несомненно, являются стабильными. Типовая модель поведения как отражение основной совокупности психологических свойств, без сомнения, теоретически может трансформироваться при изменении привычных условий, как и в случае ранее рассмотренных изменений динамического стереотипа. Отметим, что вероятность деформации типовой модели поведения в изменившихся условиях гораздо меньше, чем в привычных для человека. В чем причина такого, казалось бы, парадоксального утверждения? Нам видится причина в том, что при ситуационных изменениях внешних условий, находясь в стрессовом состоянии, психика тяготеет к отработанным, стереотипным моделям поведения (как наиболее проверенным). В случае с проявлениями на уровне почерка ситуация прямо противоположна именно из-за низкого потенциала изменяемости свойственного динамическому стереотипу как типовой форме стереотипизации движений.

Для понимания вариационности проявления типовой модели поведения необходимо обратиться к психическим свойствам как факторам, обусловливающим их постоянную реализацию. Учитывая такие признаки психических свойств, как естественность и долговременность, можно выделить 4 типовые группы функционирования двигательного уровня в целом:

1) естественная психотипологическая особенность в привычных условиях. Модель поведения выражена незначительной вариативностью. Происходит допустимо незначительное расходование энергии, поэтому для человека это наиболее экономичная формула;

2) естественная психотипологическая особенность в измененных условиях. Модель поведения выражена минимальной вариативностью, что было аргументировано ранее. Наблюдается минимальное расходование энергии, поэтому для человека это наиболее эффективная формула;

3) социализированные на уровне малых (семья, друзья) групп свойства личности. Без сомнения, помимо психотипологических характеристик, для личности характерны и поведенческие модели социализированного уровня, однако их проявление носит преимущественно демонстрационный характер, иерархически это уровень более низкий (по сравнению с психотипологическими свойствами). Конечно, если человек постоянно находится под воздействием этносоциальных факторов, то типовая модель поведения его может измениться. Отметим, что последнее характерно для достаточно замкнутых социальных групп, хотя без сомнения может быть стимулировано также и инфантильностью личности либо его конформно-возрастной незрелостью;

4) социализированные на уровне больших (этнос, культура) групп свойства личности. Отличие от предыдущей типовой группы заключается в плохо прогнозируемой степени вариативности типовой модели поведения. Именно на данном уровне человек проявляется как предельно индивидуальная формация, что крайне затрудняет моделирование его поведения как на уровне прогнозирования, так и на уровне идентификации. Позитивным для криминалистики является то, что данный уровень крайне энергозатратен и проявляется достаточно редко, в том числе и преступной сфере.

Таким образом, выделенные группы позволяют рассмотреть степень проявления ситуационного фактора в сформированной модели поведения личности. Все они потенциально, но могут внести изменения в типовую модель поведения преступника, следовательно, при их анализе необходимо вносить коррективы в установленные учеными корреляции отражения особенностей личности в типовой модели её поведения.

Закон отражения явлений позволяет наблюдать и впоследствии анализировать проявления каждого в

окружающем мире. Исследуемость (формализация) личностной информации при выборе оптимальной модели поведения также базируется на этом законе существования явлений и свойств. Изучение личности в этом случае происходит за счет образования материальных и нематериальных следов – основного предмета познания в криминалистике. При выборе наиболее оптимального способа использования пространства, времени, ресурсов проявляется значительный объем психологических свойств лица, поэтому криминалистический анализ поведения преступника по следам преступления активно интегрируется составной частью криминалистической методики. Для исследования в криминалистике каждый объект должен обладать свойством измеряемости или, по крайней мере, свойством оценки, только в этом случае возможна эмпирическая проверка получаемой информации. Измеряемость на уровне оценки организационно-поведенческого уровня проявлений типовой поведенческой модели осуществляется за счет использования системы выявленных закономерностей в сфере использования преступником пространства, времени, ресурсов в процессе совершения преступления, которые отображаются как на уровне идеальных, так и на уровне материальных следов.

Типовая модель поведения, характерная для организационного уровня отражения личностных особенностей в следах преступления, хотя и не обладает в той же степени идентификационными свойствами, как составляющие двигательного и коммуникативного уровня, но как минимум может служить экспресс-методикой анализа следов преступления, имеющей значение для оперативно-розыскной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмедшин Р.Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
2. *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность человек. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.
3. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М., 1947.
4. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 1988.
5. *Попова О.А.* Диагностика типа мыслительных задач исполнителя рукописи / под науч. ред. д-ра юрид. наук Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2013.
6. *Алексеева Т.А.* Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2014 г.

FORMALIZATION OF FORENSICALLY RELEVANT DATA: THE MECHANISM OF REFLECTION OF PERSONALITY CHARACTERISTICS IN THE PERFORMANCE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 154-159. DOI: 10.17223/15617793/387/23

Alekseeva Tatiana A., Akhmedshin Ramil L., Popova Olesia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru, raist@sibmail.com, popova-rap@yandex.ru

Keywords: reflection; traces of a crime; offender's personality; style; gait; facial expressions; speech; behavior.

At the present stage of development of science it is obvious that each person has its own individual motor, speech and behavior features. The learning process does not differ from the total and originally does not prescribe anything individual. Why, then, under the same conditions on the initial path the levels that reflect personality characteristics in crime traces have a number of features allowing to distinguish one person from another, carry out identification, and solve a number of diagnostic problems? To answer this question it is necessary to define a set of reasons providing for individuality and consider the possibility of accurate identification of patterns. Only in this case we can talk about the scientific nature of the ongoing research. If present, the knowledge gained can be applied in practice in the investigation and detection of crime, when the personality of the perpetrator as a set of unique parameters becomes the object of study. The very ability to reflect psycho-physiological characteristics of the individual is based primarily on the effect on the human of subjective (internal) factors. At the same time it is recognized that the objective (external) factors, though indirectly, are also expressed. For the most efficient review of patterns in the article we examine three levels of personality traits outward reflection including crime traces: motor (handwriting, gait, gestures), communicative (speech, facial expressions) and organizational (organization of space and the choice of behavior). Criminology is not so much interested in the theoretical aspect of these levels, but in the practical one, so their consideration will be built on forensically important parameters that allow to prove the validity of the application of the revealed patterns. These parameters are: stability, controllability, situationality, investigatability (formalization). The levels presented in this paper primarily differ in the possibility of voluntary control of personal features reflection. It will be minimum at the motor level of personal features reflection in crime traces, and maximum – at the organizational. We also note that the motor level is associated with mental processes, communicative – with mental processes, states and properties, and organizational – with mental properties. Each level considered is based on its conceptual apparatus. Thus, physical activity is based on the "base" that allows exploring the nature of the skills to understand the stability of their manifestations. Communicative activity is based on a rigid "range" of possible models of response that implies a certain variability. Behavioral activity is characterized by a "standard model" that implies the usual forms of response, although does not exclude unusual ones.

REFERENCES

1. Akhmedshin R.L. *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika*. Dis. d-ra yurid. nauk [Forensic characterization of the offender. Law Dr. Diss.]. Tomsk, 2006.
2. Simonov P.V. *Vysshaya nervnaya deyatel'nost' cheloveka. Motivatsionno-emotsional'nye aspekty* [Higher nervous activity of the person. Motivational and emotional aspects]. Moscow: Nauka Publ., 1975.
3. Bernshteyn N.A. *O postroenii dvizheniy* [On the construction of movements]. Moscow: Medgiz Publ., 1947. 254 p.
4. Gippenreyter Yu.B. *Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu. Kurs lektsiy* [Introduction to general psychology. A course of lectures]. Moscow: MSU Publ., 1988.
5. Popova O.A. *Diagnostika tipa myslitel'nykh zadach ispolnitelya rukopisi* [Diagnosis of the type of mental tasks of a manuscript artist]. Tomsk: TSU Publ., 2013. 152 p.
6. Alekseeva T.A. The criminalistic structure of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 167-170. (In Russian).

Received: 06 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 160–163 DOI: 10.17223/15617793/387/24

УДК 339.5

К.С. Исабеков

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Рассматриваются особенности сотрудничества международных организаций по выработке миграционной политики в Кыргызской Республике. Анализируются деятельность международных организаций и ответственных лиц по управлению миграционными потоками и их правовое регулирование, а также миграционная политика Кыргызской Республики по совершенствованию законодательной базы в сфере миграции, защиты прав граждан, работающих за рубежом, и упорядочение привлечения рабочей силы, предотвращение и пресечение случаев незаконного вывоза и торговли людьми в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: Кыргызская Республика; миграция; УК КР.

В настоящее время значительное число учреждений и организаций, прежде всего ООН, а также региональных группировок занимаются проблемами, связанными с миграцией населения и трудовых ресурсов. Комиссия ООН по народонаселению располагает соответствующим фондом, часть которого используется на субсидирование национальных программ в области миграции населения. Деятельность Международной организации труда (МОТ) в качестве одной из целей предусматривает регулирование миграции населения. Ряд международных договоров, принятых ВОЗ, содержит специальные нормы, которые касаются физического состояния трудящихся-мигрантов.

В конвенциях ЮНЕСКО имеются положения, касающиеся трудящихся-мигрантов и членов их семей. Возрастает роль Международной организации по миграции (МОМ), целью которой является обеспечение упорядоченной и плановой международной миграции, ее организация, обмен опытом и информацией по указанным вопросам [1. С. 155]. Со всеми этими органами сотрудничает и Кыргызстан, являясь членом ООН и других международных организаций.

Кыргызская Республика (далее КР) сотрудничает с Управлением Верхового Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и другими организациями по делам беженцев, выступающими от имени УВКБ ООН, и оказывает им содействие в выполнении обязанностей за соблюдением и применением международных актов, касающихся беженцев.

Основная нагрузка ложится на Министерство иностранных дел, которая ведет непосредственную работу через представительства КР за рубежом [2].

В этом плане роль посольства и консульской службы в вопросах миграции населения очень значительна. Они играют большую роль в защите прав и интересов кыргызских граждан за рубежом в процессе трудовой и иной деятельности. Правительственная поддержка в странах назначения осуществляется через атташе по вопросам труда. Назначение атташе регулируется ст. 7–11 Венской конвенции 1961 г. о дипломатических отношениях. Атташе, являясь представителями своих департаментов или министерств, работают в качестве дипломатов под управлением главы миссии. Согласно Венской конвенции атташе и их семьи пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетом.

Атташе по вопросам труда является членом дипломатической миссии, назначается министерством или департаментом труда и отвечает за установление отношений в области труда между его страной и страной проживания. В обязанности атташе по вопросам труда входят:

– защита зарубежных рабочих, находящихся под юрисдикцией его дипломатической миссии;

– принятие мер по исследованию и определению возможностей трудоустройства;

– поддержка разработки политики в области труда;

– содействие установлению хороших отношений в области труда со страной проживания.

Глава миссии несет общую ответственность за развитие уже налаженных отношений, а консульская служба отвечает за защиту своих граждан в стране проживания. Атташе по вопросам труда обладает полномочиями, которые за счет сотрудничества с другими сотрудниками консульства и дипломатами позволяют защищать граждан в области занятости в рамках юрисдикции дипломатической миссии.

Первоочередной задачей атташе по вопросам труда является защита трудовых и личных прав мигранта, включая:

– поддержку его прав и достоинства как личности и как работника;

– обеспечение гарантии того, что он не подвергается эксплуатации и дискриминации;

– предоставление поддержки по всем вопросам, касающимся его контракта или занятости;

– удостоверение, что сроки и условия контракта по трудоустройству работника соответствуют законам и правилам страны проживания, а контракт является законным и справедливым;

– поддержку трудящимся-мигрантам в получении полагающихся им выплат или пособий независимо от того, должны ли они быть выплачены работодателем, вербовщиком, агентством занятости или правительством страны проживания из средств, предназначенных для этой цели;

– обеспечение защиты недокументированных мигрантов – жертв торговли людьми или незаконного вывоза – и упрощение их репатриации;

– обеспечение защиты прав и благосостояния трудящихся мигрантов-женщин, внимание к их нуждам и защита их от правонарушения и эксплуатации сексуального характера;

– предоставление консультации или информации трудовым мигрантам для решения проблем, связанных с их трудоустройством, или в случаях, когда эти проблемы отражаются на их работе.

Атташе по вопросам труда служит агентом не только для защиты прав трудящихся-мигрантов, но и по поиску и развитию эффективных возможностей занятости для соотечественников.

Задачи атташе в этой области следующие:

– постоянное проведение исследований тенденций рынка руда в рамках его обязанностей;

– сбор и анализ информации о ситуации в сфере занятости и других сопутствующих факторов;

– непрерывная организация тренингов или курсов повышения квалификации для членов сообщества трудящихся-мигрантов, которые входят в рамки его обязанностей;

– удостоверение специальной доверенности, подписанной работодателями принимающей страны, в которой утверждается, что их компании существуют и функционируют в стране на законных основаниях и др. [3].

Миссия МОМ КР, хотя она и не является членом системы ООН, принимает участие в заседаниях представителей агентств ООН в Кыргызстане, в работе тематических групп, в конференциях и других мероприятиях, проводимых в Кыргызстане под эгидой ООН. Основой для такого партнерства служит целый ряд программ и проектов, реализуемых МОМ в Кыргызстане в тесном сотрудничестве с рядом агентств системы ООН, аккредитованных в республике.

В сферу обязанностей регионального представительства МОМ, расположенного в Москве, входит осуществление деятельности в Кыргызстане. Все остальные агентства системы ООН осуществляют свою деятельность в республике из своих головных офисов через постоянного координатора ООН в Кыргызстане.

МОМ была создана в 1951 г. и является ведущей межправительственной организацией в сфере миграции. В нее входит 116 государств, она имеет свыше 1 400 активных проектов. Деятельность МОМ посвящена поощрению гуманной упорядоченной миграции для всеобщего блага. Она обеспечивает услуги и консультации правительствам и мигрантам и поощряет международное сотрудничество по вопросам миграции.

МОМ работает в четырех широких областях управления миграцией:

– миграция и развитие;

– упрощение миграции;

– регулирование миграции;

– вынужденная миграция.

Комплексная деятельность включает поощрение развития международного законодательства, политические дебаты и наставления, защиту прав и здоровья мигрантов, а также гендерные аспекты миграции. Трудовая миграция является важной комплексной проблемой.

Целью МОМ в области трудовой миграции является содействие разработке политических и практических решений, которые могут по отдельности и совместно принести пользу заинтересованным правительствам, мигрантам и организациям путем:

– обеспечения служб эффективной защиты и поддержки трудовых мигрантов и их семей;

– стимулирования экономического и социального развития;

– поощрения легальных форм мобильности рабочей силы как альтернативы нерегулярной миграции.

Своим глобальным присутствием в странах эмиграции и иммиграции МОМ вносит порядок в действие механизмов трудовой миграции с обеих сторон, что уравновешивает различные интересы.

Программа МОМ в области трудовой миграции включает:

– наращивание потенциала правительств;

– предотъездную ориентацию мигрантов, рост уровня информированности и предоставление информации;

– содействие заключению двусторонних договоренностей в области труда и реализации программ трудовой миграции.

В ноябре 2000 г. на 80-й сессии МОМ Кыргызстан был единогласно признан полноправным членом МОМ. Со времени своего образования МОМ КР работает в тех областях, где ее опыт может быть незамедлительно применен и наиболее полезен: миграционная политика, законодательство, трудовая миграция и т.д.

На встрече 9 ноября 2009 г. в Бишкеке Кыргызстан и МОМ договорились: совместно оказывать помощь трудовым мигрантам, а также о кооперации действий в области оказания помощи жертвам торговли людьми – гражданам Кыргызстана, находящимся за рубежом, договорились о совершенствовании нормативно-правовой и международно-договорной базы в сфере миграции, а также систематизации миграционного потока из Афганистана и других стран.

Кыргызстан является членом МОТ с 1992 г. Предметом деятельности МОТ в Кыргызстане являются защита трудящихся-мигрантов и улучшение условий их труда. 92-я сессия Международной конференции труда в июне 2004 г. единогласно приняла документ «Резолюция и выводы по вопросу справедливого обращения с трудовыми мигрантами в глобальной экономике». В решении отмечено, что мандат МОТ в сфере труда, а также компетентность и уникальная трехсторонняя структура организации возлагают на нее особую ответственность по отношению к трудящимся-мигрантам. МОТ может играть центральную роль в продвижении политики максимизации рисков трудовой миграции.

Сотрудничество Кыргызстана со специализированными органами в области миграции имеет очень много преимуществ, что облегчает ведение миграционной государственной политики.

Указом Президента КР от 21 апреля 2001 г. в целях дальнейшего предотвращения и пресечения случаев незаконного вывоза и торговлей людьми в КР была утверждена Программа мер по борьбе с незаконным вывозом и торговлей людьми в КР на 2002–2005 гг. Итоги предпринятых мер по предотвращению торговли людьми в 2002–2003 гг. способствовали перемещению Кыргызстана из группы стран третьего уровня в группу стран второго уровня. Большим событием для КР стало принятие 15 декабря 2000 г. «Закона о ратификации КР Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности» [4] и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, от 15 октября 2000 г., дополняюще-

го Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, а также Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15 декабря 2000 г., дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности № 74.

Внутринациональным правом Кыргызской Республики предусмотрена ответственность за торговлю людьми [5. Ст. 124]; организацию нерегулярной миграции [5. Ст. 204-1]; неоднократное нарушение правил привлечения и использования в КР иностранной рабочей силы [5. Ст. 204-2], незаконное пересечение государственной границы [5. Ст. 346]. Тем самым правоохранительные органы получили реальный инструмент для уголовного преследования лиц, занимающихся торговлей людьми.

В принятом Законе КР «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми» от 17 марта 2005 г. № 5 закреплены термины и определения в соответствии с требованиями международных документов, подписанных Кыргызстаном (вербовка, жертва торговли людьми, принудительный труд, рабство, торговля людьми, торговец людьми, убежище)[1] [6]. В целях исключения возможности использования трудовых мигрантов в качестве объектов эксплуатации 13 января 2006 г. Президентом КР был подписан Закон Кыргызской Республики «О внешней трудовой миграции», который устанавливает порядок выезда граждан КР для трудоустройства за границу, привлечения иностранной рабочей силы в КР, определяет правовые нормы защиты и регламентирует порядок осуществления деятельности трудящихся мигрантов [7]. Этот закон является логическим дополнением ряда основных законов КР в сфере миграции, создающих правовые рамки для эффективной реализации государственной миграционной политики Кыргызской Республики, а также для обеспечения социальной защиты трудящихся мигрантов, легализации их статуса, защиты основных прав человека применительно к этой уязвимой категории лиц. Установлены контакты с международными организациями по вопросам сотрудничества в области борьбы с торговлей людьми.

В мае 2006 г. подписан Меморандум о сотрудничестве между государственным комитетом Кыргызской Республики по миграции и занятости (ныне Министерство труда, занятости и миграции) и Международной организацией по миграции по борьбе с торговлей людьми. В рамках реализации данного Меморандума проводится широкомасштабная информационно-разъяснительная кампания по всей республике в целях повышения осведомленности населения по всем аспектам миграции, в том числе предупреждения и предотвращения торговли людьми. Совместно с международными организациями ведется постоянная работа по оказанию помощи в возвращении и реинтеграции жертв торговли людьми. В целях предотвращения и пресечения торговли людьми осуществляется постоянный контроль за деятельностью туристических фирм, брачных агентств и других организаций, которые заняты деятельностью по посредничеству в трудоустройстве граждан КР за рубежом.

Таким образом, приоритетными направлениями деятельности государственной миграционной политики являются дальнейшее совершенствование законодательной базы в сфере миграции, защита прав граждан Кыргызстана, работающих за рубежом, цивилизованное вхождение Кыргызской Республики в международный рынок труда, упорядочение привлечения иностранной рабочей силы, борьба с незаконной миграцией, торговлей людьми, работа с беженцами, интеграция этнических кыргызов, возвратившихся на историческую родину, оптимизация миграционных процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В Кыргызстане в настоящее время введен официальный термин «торговля людьми», но наряду с этим в современной терминологии используется понятие «трафик». Оба термина могут применяться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Руководство* по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, МОМ, МОТ. Вена, Австрия, 2006. 155 с.
2. *Арабаев Ч.И., Абакирова А.М.* Государственно-правовое регулирование миграционных процессов в Кыргызской Республике. Бишкек : Просвещение, 2004.
3. *Практическое* пособие для сотрудников структурных и территориальных подразделений Государственного комитета по миграции и занятости: Фонд содействия и поддержки правовых и экономических реформ в Кыргызстане. Ош, 2007.
4. *Закон* КР «О ратификации КР Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности» от 15 декабря 2000 г., «ТОКТОМ Юрист Про». Бишкек, 2000.
5. *Уголовный* кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 69 (в ред. от 15 декабря 2004 года № 19) // Информационно-правовая система «ТОКТОМ Юрист Про». Бишкек, 2013.
6. *Закон* КР «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми» от 17 марта 2005 г. № 55. «ТОКТОМ Юрист Про». Бишкек, 2005.
7. *Закон* КР «О внешней миграции» от 13 января 2006 г. // Ведомости Жогорку Кенеша КР. 2006. № 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 октября 2013 г.

MIGRATION CONTROL BY INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 160-163. DOI: 10.17223/15617793/387/24

Isabekov Kubanychbek S. Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: isabekov_k@mail.ru

Keywords: Kyrgyz Republic; migration; Criminal Code of Kyrgyz Republic.

Every country has the right to define goals and objectives of migration policy by developing a set of measures regulating migration, where a necessary condition is to follow certain legal norms and international standards contained in documents of international organizations. Ratifying international conventions regulating migration process, countries recognize the priority of the international law over the national one. It is important both for the country's integration into the global community, and for the migrants, whose rights considerably increase abroad and require protection. Currently a number of institutions, primarily the UN and some regional groups, are involved in issues of migration and labor sources. In addition to UN, migration is regulated by specialized organizations, such as ILO, IOM, UNHCR and others, including relevant authorities of the Kyrgyz Republic (KR). The ILO work as one of its objectives provides for regulating migration. A number of international treaties adopted by WHO contain special norms on physical health of migrant workers. The ILO objectives in Kyrgyzstan include protecting labor migrants and improving their work conditions. ILO plays a central role in promoting the policy of minimal risks for labor migrants. The role of the IOM is also increasing. It is aimed at ensuring ordered and planned international migration, its organization, exchange of experience and information on these questions, facilitating political and practical decisions which can benefit interested governments, migrants and organizations. KR cooperates with the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) and other refugee organizations acting on behalf of the UNHCR, and contributes to their activities on compliance and implementation of international instruments related to refugees. Main work is fulfilled by the Ministry of Foreign Affairs, working directly with KR representations abroad (embassies, consular services, Labor Attaché and others) and the Ministry of Labor, Employment and Migration. In May 2006 Memorandum on Cooperation between the State Committee of KR on Migration and Employment and the International Organization on Migration and Counteraction to Human Trafficking was signed on this regard. Within the framework of this memorandum, large-scale awareness campaign is organized across the country to raise awareness of all aspects of migration. In this way, since independence Kyrgyzstan ratified almost all international instruments addressing migration issues. According to international standards and to the extent possible, the national law was brought into conformity with these norms. Kyrgyzstan's cooperation with organizations specialized in migration defined priorities of the state migration policy, civilized entrance of KR in the international labor market ordering foreign labor, fights against illegal migration, human trafficking, work with refugees, integration of the ethnic Kyrgyz returning to their homeland and optimization of migration processes.

REFERENCES

1. Organization for Security and Co-operation in Europe. *Handbook on establishing effective labour migration policies in countries of origin and destination*. Vienna, Austria, 2006. 155 p. (In Russian).
2. Arabaev Ch.I., Abakirova A.M. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie migratsionnykh protsessov v Kyrgyzskoy Respublike* [State-legal regulation of migration processes in the Kyrgyz Republic]. Bishkek: Prosveshchenie Publ., 2004.
3. *Prakticheskoe posobie dlya sotrudnikov strukturnykh i territorial'nykh podrazdeleniy Gosudarstvennogo komiteta po migratsii i zanyatosti: Fond sodeystviya i podderzhki pravovykh i ekonomicheskikh reform v Kyrgyzstane* [A practical guide for staff of structural and territorial subdivisions of the State Committee on Migration and Employment: The Foundation for Assistance and support legal and economic reforms in Kyrgyzstan]. Osh, 2007.
4. KR Law of 15th December 2000 "On KR ratification of the UN Convention against Transnational Organized Crime". Bishkek: TOKTOM Yurist Pro Publ., 2000. (In Russian).
5. The Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 1st October 1997 no. 69 (ed. Of 15th December 2004 no. 19). Bishkek: TOKTOM Yurist Pro Publ., 2013. (In Russian).
6. KR Law "On Preventing and Combating Trafficking of Human Beings" of 17th March 2005 no. 55. Bishkek: TOKTOM Yurist Pro Publ., 2005. (In Russian).
7. Zakon KR "O vneshney migratsii" ot 13 yanvarya 2006 g. [KR Law "On External Migration" of 13th January 2006]. *Vedomosti Zhogorku Kenesha KR,* 2006, no. 2.

Received: 18 October 2013

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 164–169 DOI: 10.17223/15617793/387/25

УДК 343

Е.С. Мазур, И.В. Иванов

О ВОЗМОЖНЫХ ОШИБКАХ В ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЯХ

По результатам анализа существующих в юридической и судебно-медицинской литературе мнений о возможных ошибках в экспертных заключениях установлено, что систематизация экспертных ошибок должна производиться с учетом источника их происхождения и законов формальной логики. Предложен новый подход к классификации ошибок в экспертных заключениях, при котором учтены ранее высказанные в специальной литературе мнения по данному вопросу.

Ключевые слова: судебная экспертиза; эксперт; заключение эксперта; экспертная ошибка; судебно-медицинская экспертиза; судебно-бухгалтерская экспертиза.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ одним из доказательств в уголовном судопроизводстве является заключение эксперта, которое содержит информацию о фактах, полученных посредством применения специальных знаний. Заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). При этом проведение экспертизы представляет собой особые и сложные действия, которые самостоятельно не могут осуществить ни лица, участвующие в деле на стороне обвинения или защиты, ни суд. Достоверные данные в рассматриваемом случае могут быть получены только особым субъектом – экспертом. Оценка же доказательств осуществляется в соответствии с правилами, зафиксированными в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, где указано, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [1].

Кроме этого, в соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» [2] к заключению эксперта предъявляются дополнительные требования. Так, эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме, а заключение эксперта основывается на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Несмотря на имеющиеся требования, предъявляемые к заключению эксперта, последний не застрахован от ошибок. К экспертным ошибкам в криминалистической литературе принято относить не соответствующие объективной действительности суждения эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения [3. С. 157]. Добросовестное заблуждение в действиях или рассуждениях участников процесса экспертного исследования может повлечь формулирование выводов, не соответствующих действительности [4. С. 475]. Таким образом, допущенные экспертом ошибки ставят под сомнение доказательственную силу заключения либо вовсе делают заключение эксперта недопустимым доказательством.

В юридической литературе ошибки в экспертных заключениях рассматриваются сквозь призму различных классификаций, построенных с учетом общих требований, предъявляемых к заключению эксперта. За основу классификаций, как правило, берут различные критерии [5. С. 33, 34; 6. С. 36–38]. Вместе с тем ни один из ранее предложенных подходов не позволяет комплексно подойти к вопросу о природе ошибок эксперта и всесторонне ее исследовать. На современном этапе отмечается необходимость в обобщении накопленного научного опыта и систематизации имеющихся данных по этому вопросу.

Целью проведенного нами исследования явились комплексное изучение природы экспертных ошибок и разработка на этой основе базовых теоретических положений о природе возможных ошибок в заключениях эксперта.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– изучить сложившиеся в отечественной теории судебных экспертиз классификации и положения об экспертных ошибках;

– выстроить собственный комплексный подход к пониманию природы возможных ошибок в экспертных заключениях, принимая во внимание классификации экспертных ошибок с учетом источников их происхождения и соблюдения экспертами законов формальной логики.

При проведении исследования были использованы общенаучные и специальные методы познания, в частности системно-структурный анализ, наблюдение, описание, метод формальной логики – анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия, обобщение, гипотеза.

Материалом для исследования послужила научная и специальная литература по криминалистике, судебной медицине и судебной бухгалтерии. Была проанализирована опубликованная практика оценки ошибок в заключениях эксперта.

Классификации ошибок в экспертных заключениях предусматривают их подразделение на классы (группы) и виды.

К первой группе относят экспертные ошибки, связанные с прямыми нарушениями требований, предъявляемых законодательством к оформлению заключения эксперта, изложенных в ст. 204 УПК РФ [7. С. 1]. В данной статье отражена форма заключения эксперта и перечислены сведения, которые обязательно должны быть указаны в нем. Так, заключение эксперта состоит из трех частей:

– вводной;
– исследовательской (описательной);
– заключительной.

К числу обязательных к указанию в экспертном заключении сведений относятся:

– дата, время и место производства судебной экспертизы;
– основания производства судебной экспертизы;
– должностное лицо, назначившее судебную экспертизу;
– сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и / или ученое звание, занимаемая должность; сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
– вопросы, поставленные перед экспертом;
– объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;
– данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
– содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;
– выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

В качестве примера типичной ошибки рассматриваемой группы можно привести то обстоятельство, что некоторыми экспертами указываются неверно время и место проведения экспертизы. Так, в качестве места выполнения экспертизы упоминается само экспертное учреждение (ЭКЦ МВД, ЛСЭ Минюста), а не его конкретное подразделение (лаборатория, отдел, отделение). Такие ошибки происходят, в частности, при оформлении результатов экспертизы трупа: местом проведения указывается Бюро судебно-медицинской экспертизы вместо секционного зала отделения экспертизы (исследования) трупов, а время исчисляется с момента оформления заключения. Другим примером может послужить указание в заключении неверных сведений о стаже работы эксперта (на практике судебно-медицинской экспертизы встречаются случаи указания общего стажа вместо судебно-медицинского), что является немаловажным фактором для дальнейшей оценки компетенции эксперта.

Ко второй группе экспертных ошибок ряд авторов относит три класса:

– процессуальные;
– гносеологические;
– деятельностные [8. С. 9–16; 9. С. 213–218].

Процессуальные экспертные ошибки заключаются в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры экспертного исследования.

К их числу относятся:

– выход эксперта за пределы своей компетенции, в частности вторжение его в сферу вопросов права;
– выражение экспертной инициативы в не предусмотренных законом формах, обоснование выводов не результатами выполненного исследования, а материалами дела;
– самостоятельное собирание материалов и объектов экспертизы;
– принятие поручения на производство экспертизы и материалов от неуполномоченных лиц;
– несоблюдение процессуальных требований к заключению эксперта (в том числе отсутствие в заключении необходимых по закону реквизитов).

Ошибки процессуального характера могут явиться следствием некритического отношения к формулировке или сущности экспертного задания либо неверных действий руководителя экспертного учреждения. Среди таких ошибок нередки случаи выхода эксперта за пределы своей компетенции. Так, при исследовании объекта на предмет принадлежности его к огнестрельному оружию при производстве судебно-баллистической экспертизы для подтверждения своих доводов эксперт не только цитирует Федеральный закон «Об оружии» [10], но и приводит собственную его оценку. В других случаях нормативный правовой акт цитируется в тексте заключения неточно, в том числе в выгодном для эксперта контексте. Кроме того, примером выхода за пределы компетенции при установлении рода смерти (убийство, самоубийство или несчастный случай) может послужить самостоятельное получение экспертом лабораторного подразделения Бюро судебно-медицинской экспертизы копии заключения экспертизы трупа.

Гносеологические экспертные ошибки коренятся в сложностях экспертного познания. Поскольку познание может быть как содержательным, так и оценочным, постольку ошибки могут быть допущены экспертом как при познании сущности, свойств и признаков исследуемых объектов, так и при оценке содержательного познания, итогов экспертного исследования, их интерпретации.

Гносеологические ошибки можно подразделить:

– на логические;
– фактические (предметные).

Логические ошибки связаны с нарушением в содержательных мыслительных актах законов и правил логики, а также с некорректным применением логических приемов и операций. Наиболее типичные логические ошибки чаще всего заключаются в виде подмены понятий. Нередко это проявляется в том, что при употреблении двумя разными экспертами сходных формулировок, употребляемых в научной среде, может наблюдаться взаимное несоответствие формулировок по содержанию. Так, один эксперт рассматривает моделирование, диагностирование и идентификацию как процесс, а другой – как метод. Аналогичная ситуация может возникнуть с подменой узкоспециализированных понятий. Например, при составлении судебно-медицинского диагноза «алкогольная кардиомиопатия» подменяется понятием «хронический алкоголизм». Практике судебно-бухгалтерской экспертизы известны случаи подмены понятий при исследовании таких позиций отчета о финансовых результатах экономического субъекта, как «валовая прибыль» и «прибыль от продаж».

Фактические (или предметные) ошибки выступают следствием искаженного представления об отношениях между предметами объективного мира. При этом предметные ошибки, которые относятся к содержанию конкретного умозаключения, могут быть замечены только компетентным субъектом, т.е. лицом, знакомым с предметом соответствующей судебной экс-

пертизы. Это, в частности, связано с практикой назначения комплексной физико-химической и баллистической экспертизы для идентификации огнестрельного оружия по следам (след от бойка и частицы пороха определенного состава) на стреляной гильзе. В результате исследований эксперты по каждому виду исследований приходят только к вероятностному выводу. Однако в синтезирующей части заключения эксперты объединяют свои данные и на основании этого формируют вывод в категоричной форме.

Деятельностные экспертные ошибки связаны с практическим осуществлением экспертом операций и процедур, заключающихся в активном воздействии на объекты исследования. Ошибки в действиях (деятельностные, операционные) связаны с осуществляемыми субъектом деятельности операциями и процедурами в процессе расследования, экспертного исследования или судебного разбирательства уголовных дел. Эти ошибки заключаются в нарушении предписаний последовательности данных процедур, в отступлении от методики их осуществления, в неправильном использовании средств деятельности или использовании негодных средств и т. п. [11. С. 90, 91]. Такие ошибки могут иметь место при проведении различных видов судебных экспертиз и нередко обусловливаются отступлениями от правил эксплуатации сложных технических устройств и приборов или с их неисправным функционированием.

К третьей группе экспертных ошибок относят:

– ошибки исследования;

– ошибки рассуждения [12. С. 117–119].

При этом *ошибки исследования* подразделяются:

– на технические;

– тактические;

– ошибки восприятия.

Технические ошибки, по мнению отдельных ученых [12. С. 117–119], возникают, когда при производстве судебной экспертизы исследование сопровождается некоторыми манипуляциями с объектом, осуществляемыми по установленным методикам. Неправильное использование методик (техническая ошибка) может привести к неверным результатам. Например, при судебно-медицинской экспертизе трупа эксперт, не соблюдающий необходимые меры осторожности, может оставить на трупе новые повреждения, которые затем могут быть приняты за прижизненные. При исследовании вещественных доказательств эксперт ошибочно может использовать ненадлежащие по своим свойствам либо непроверенные, некачественные реактивы, нарушить установленные количественные пропорции между реактивами и оптимальным временем течения реакций и т.д. Такие ошибки иногда иначе называют инструментальными, поскольку они бывают обусловлены несовершенством измерительных или рабочих инструментов, неточностью их установки в рабочем положении. Также к числу технических ошибок относятся существенные ошибки в тексте заключения эксперта, объяснимые случайными допущенными при наборе опечатками либо появлением данных из текста ранее произведенной и оформленной экспертизы, который был теперь использован в качестве шаблона для нового экспертного заключения. Именно ошибки такого рода (опечатки, описки и т.п.) мы в дальнейшем будем называть техническими, в то время как несоблюдение мер осторожности, неправильная эксплуатация экспертного оборудования и сходные с ними ошибки относятся, на наш взгляд, к числу деятельностных ошибок, отмеченных во второй группе.

Тактические ошибки состоят в том, что эксперт выбирает не самую рациональную для данного случая методику исследования. Это может выражаться в выборе неверной последовательности осуществления определенных этапов исследования, в неоправданной модификации известной стандартной методики, избыточности действий в отношении ряда представленных на экспертизу объектов и т.д. Так, при большом объеме первичной документации, представленной на судебно-бухгалтерскую экспертизу, эксперт опирается на те документы, которые содержат некоторую информацию, имеющую прямое отношение к фактам хозяйственной жизни экономического субъекта, ставшим объектом расследования. Избыточность действий эксперта по установлению иных данных об экономической деятельности организации может войти в противоречие с избранной тактикой производства экспертных действий.

Ошибки восприятия заключаются в неправильном восприятии экспертом цвета, запаха, плотности объекта и иных чувственно воспринимаемых характеристик исследуемых объектов. Например, если судебно-медицинский эксперт не обнаружил, что трупные пятна имеют несколько необычный цвет или необычный оттенок, либо не ощутил, что от органов трупа исходит посторонний запах и потому не взял материал на дополнительные исследования, это может привести к ошибке в определении причины смерти. Ошибки восприятия могут зависеть не только от внимательности эксперта, его психофизиологических особенностей (состояния зрения, обоняния, слуха, осязания, вкуса), но и от воздействия неблагоприятных внешних условий (освещенности, чистоты воздуха в помещении, температуры среды и т.д.).

Ошибки исследования относятся к числу наиболее трудно выявляемых. Среди них тактические ошибки можно выявить путем анализа исследовательской части заключения и сравнения его с описанием экспертных методик. Большинство технических ошибок и ошибок восприятия могут быть установлены лишь по итогам комплексной оценки доказательств. Исправление таких ошибок без производства повторной экспертизы, как правило, невозможно.

Ошибки рассуждения не менее разнообразны, чем ошибки исследования. Суть их заключается в неправильной трактовке объективных данных, полученных при исследовании. Причины такой неправильной трактовки различны. В ряде случаев они связаны с личностью эксперта, уровнем его подготовки и чаще встречаются у экспертов с небольшим опытом работы, невысоким уровнем квалификации. Условно эти ошибки можно назвать субъективными.

Субъективные ошибки рассуждения в экспертных заключениях могут быть следствием нарушений правил и законов логики, неумения эксперта логично

мыслить, быть последовательным в своих суждениях. Иногда неправильная оценка выявленных в процессе исследования объективных данных находится в прямой зависимости от особенностей способа мышления эксперта, при котором некоторое явление рассматривается данным субъектом изолированно, само по себе, без учета его связей с другими явлениями.

В отдельных случаях неправильные экспертные выводы обусловлены не субъективными качествами эксперта, а недостаточным уровнем развития науки на данный период (наличие спорных, нерешенных вопросов, противоположных точек зрения и т.п.) либо наличием пробелов или противоречий в действующих нормативных документах. Последнее характерно для судебно-бухгалтерских экспертиз в связи с наличием нескольких уровней документального регулирования отечественного бухгалтерского учета (стандарты и рекомендации). Экспертные ошибки, обусловленные такого рода факторами, также называются объективными ошибками рассуждения.

Выявление ошибок рассуждения, на наш взгляд, не представляет особых трудностей. Субъективные ошибки выявляются с помощью принципов и правил формальной логики, которые, в свою очередь, представляют собой базовые сведения, приобретаемые специалистами юридического профиля еще на стадии получения профессионального образования. Установить наличие в выводах эксперта объективных ошибок, как правило, позволяет консультативная помощь специалиста.

К четвертой группе экспертных ошибок приверженцы законов формальной логики относят логические ошибки [13. С. 6–8]. Ввиду особой роли правил формальной логики для научного познания и осуществления практических экспертных исследований, согласимся с необходимостью выделения логических ошибок в самостоятельную группу, объединяющую несколько их видов. Так, В.С. Мельников применительно к судебно-медицинской экспертизе выделяет следующие ошибки эксперта в заключениях: отождествление различных понятий, противопоставление тождественных понятий, подмена понятий, «мнимое следование».

К наиболее частым типичным ошибкам этого класса упомянутый автор относит отождествление различных понятий и подмену понятий. Примером отождествления различных понятий может быть ситуация, когда в ходе исследования трупа выявляются признаки гнойного менингита и закрытой черепно-мозговой травмы с переломом костей носа и сотрясением головного мозга. При таких условиях суждение эксперта о том, что смерть наступила вследствие закрытой черепно-мозговой травмы с развитием гнойного воспаления оболочек, является ошибочным, поскольку эксперт отождествил (при обозначении причины смерти) две различные нозологические единицы со своими причинами (механическая энергия и микроорганизмы). Их наличие, а также взаимное соответствие по времени фактов их проявления не являются достаточными основаниями для определения патогенетического характера связи между ними. Что касается подмены понятий, то суть ошибки состоит в том, что вместо данного понятия и под видом его эксперт употребляет другое. Например: «…причиной скоропостижной смерти гр. К. явились необратимые болезненные изменения сердечной мышцы – кровоизлияния в сердечную мышцу вследствие сосудистой недостаточности (инфаркт миокарда) при наличии перерождения сердечной мышцы…» В данном случае понятие «инфаркт миокарда» подменено другим, не равнозначным ему понятием «кровоизлияние в сердечную мышцу».

Итак, представленные выше группы экспертных ошибок весьма разнообразны: формальные, созданные с учетом процессуальных, гносеологических или деятельностных признаков, либо только основанные на несоблюдении процессуальных требований к заключению эксперта, или связанные с особенностями познавательной деятельности эксперта, логические. Ни одна из групп в полной мере не отражает весь комплекс необходимых для комплексного анализа характеристик ошибочных суждений эксперта, а значит, не вполне соответствует задаче всесторонней профилактики экспертных ошибок. В связи с этим нами предпринята попытка создания комплексного подхода к данной проблеме с учетом потребностей экспертной практики.

Возможные ошибки в экспертных заключениях имеют множество видов, объединенных в классы, формирующие, в свою очередь, четыре группы:

Первая группа – экспертные ошибки, основанные на требованиях, предъявляемых законодательством к оформлению заключения эксперта.

Вторая группа – экспертные ошибки, включающие три класса:

1) процессуальные;

2) гносеологические;

3) деятельностные.

В свою очередь, класс процессуальных ошибок делится на семь видов:

– нарушение экспертом процессуального режима и процедуры производства экспертизы;

– выход эксперта за пределы своей компетенции;

– выражение экспертной инициативы в не предусмотренных законом формах;

– самостоятельное собирание материалов и объектов экспертизы;

– обоснование выводов материалами дела, а не результатами исследования;

– осуществление несанкционированных судом (следователем) контактов с заинтересованными лицами;

– принятие поручения на производство экспертизы и материалов от неуполномоченных лиц.

Класс гносеологических ошибок включает один вид экспертных ошибок:

– фактические (предметные).

Класс деятельностных ошибок включает двенадцать видов:

– отсутствие (неприменение) разработанной и апробированной методики;

– несовершенство используемой экспертной методики;

– применение ошибочно рекомендованных методов;

– применение методов, находящихся в стадии экспериментальной разработки;

– применение неисправного оборудования;

– использование методов и приборов, не обладающих достаточной чувствительностью или разрешающей способностью;

– использование для измерений физических величин приборов, не относящихся к числу сертифицированных средств измерений;

– применение не поверенных средств измерений и эталонов;

– использование неаттестованных методик измерений физических величин;

– использование не соответствующих экспертным задачам математических моделей и компьютерных программ;

– применение нелицензионных программ для ЭВМ;

– отсутствие (неиспользование) всей полноты данных, характеризующих идентификационную и диагностическую значимость признаков, устойчивость их отображений в следах.

Третья группа включает два класса экспертных ошибок:

1) ошибки исследования;

2) ошибки рассуждения;

К классу ошибок исследования относятся три вида:

– технические;

– тактические;

– ошибки восприятия.

К классу ошибок рассуждения относятся два вида:

– субъективные;

– объективные.

Четвертая группа – это класс логических ошибок. В этот класс входят восемь видов:

– отождествление различных понятий;

– противопоставление тождественных понятий;

– «мнимое следование»;

– подмена понятий;

– подмена тезисов (эксперты в заключениях отвечают не на поставленный вопрос);

– довод к человеку (эксперты вместо доказательства выдвинутого положения, например, о правильности или неправильности диагностики, апеллируют к личным качествам определенного лица);

– чрезмерное доказательство (указание экспертом на некоторое положение, истинное в определенных пределах, как на истинное и в более широких пределах, например, утверждение, что всякое повреждение сердца без оказания своевременной специализированной хирургической помощи смертельно);

– противоречие в признаках (эксперт приписывает предмету или явлению признак, им не присущий. Например, когда эксперт при ответе на вопрос о правильности лечения дает положительное заключение о проведенном лечении, но далее утверждает, что необходимо было назначить другие препараты).

Дополнительно к указанным четырем основным группам обозначим еще две:

Пятая группа – комбинированные экспертные ошибки – сочетание ошибок различных классов и / или видов одной группы (например, наличие в заключении эксперта тактических и технических ошибок одновременно) либо разных групп (например, присутствие процессуальной ошибки в вводной части заключения эксперта и логической ошибки в исследовательской части).

Шестая группа – атипичные ошибки в экспертных заключениях – ошибки, которые не могут быть отнесены ни к одной из других групп.

Таким образом, путем анализа криминалистической и судебно-экспертной литературы нами сделана попытка представить общие основания формирования экспертных ошибок. Установлено, что ошибки в экспертных заключениях могут иметь различную природу и в связи с этим зависят от многих факторов. Среди них особое место занимают логические ошибки. Понимание, правильное толкование и использование в повседневной практической работе законов формальной логики наряду с другими теоретическими познаниями и практическими навыками позволят эксперту избежать ошибок при формулировании выводов (например, при составлении судебно-медицинского диагноза), приблизят его к установлению истины в каждом конкретном случае проведения экспертизы, а также повысят роль заключения эксперта как одного из видов доказательств в уголовном судопроизводстве.

Дальнейшее исследование природы экспертных ошибок позволит системно подойти к проблеме выработки комплекса мер, направленных на обеспечение качества заключения эксперта как доказательства в уголовном процессе. В частности, это позволяет перейти к следующему этапу систематизации – учету ошибок в заключениях эксперта в зависимости от вида экспертиз.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014). URL: http://www.consultant.ru
2. *Федеральный* закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru
3. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М. : Бек, 1997. 342 с.
4. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза: Курс общей теории. М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. 480 с.
5. *Аубакирова А.А.* Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 45 с.
6. *Клевно В.А.* Понятие и классификация экспертных ошибок // Судебно-медицинская экспертиза. 2012. № 2. С. 36–38.
7. *Автономная* некоммерческая организация «Судебная экспертиза» // Заключение эксперта: требования к оформлению и типичные ошибки. URL: http://sud-exp.ru/stat10.html (дата обращения: 12.07.2014).
8. *Аубакирова А.А.* Процессуальные, гносеологические и деятельностные ошибки эксперта // Судебная экспертиза. Волгоград : ВА МВД России, 2011. № 4 (28). С. 9–16.
9. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М. : Проспект, 2010. 464 с.
10. *Федеральный* закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об оружии». URL: http://www.consultant.ru

11. *Посохина И.В.* К вопросу о классификации судебных ошибок // Криминалист. 2011. № 1 (8). С. 89–95.
12. *Маслов А.В., Прониченко Е.И., Теньков А.А.* Экспертные ошибки // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск, 2012. № 12. С. 117–119.
13. *Мельников В.С.* Законы формальной логики в работе судебно-медицинского эксперта // Судебно-медицинская экспертиза экспертиза. 1988. № 3. С. 6–8.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 сентября 2014 г.

ON POSSIBLE MISTAKES IN EXPERT FINDINGS

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 164-169. DOI: 10.17223/15617793/387/25
Mazur Ekaterina S., Ivanov Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eksm2@mail.ru, iiv500@mail.ru
Keywords: forensic examination; expert; expert findings; expert error; forensic medical examination; forensic audit.

According to Item 3, Part 2, Article 74 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation one of the evidence in criminal procedure is expert finding which contains the information about the facts obtained with the help of some special knowledge. Expert findings are written examinations and conclusions on the questions which were asked either by the investigating person or by the parties to a case (Part 1, Article 80 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). Examination includes special and complicated acts which cannot be performed either by people involved in prosecution and defense or by court. The only person to find reliable data is the expert. The evaluation of evidence shall be done according to the rules of Part 1, Article 88 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation which states that any evidence is to be evaluated from the point of view of its relevancy, admissibility and reliability and all collected evidence – from the point of view of its sufficiency for the investigation of the criminal case. Moreover, according to Article 8 of the Federal Law "On state forensic activity" there are additional requirements to expert's findings. An expert shall conduct research without prejudice, on strict scientific and practical basis within a relevant specialty, comprehensively and in its entirety. Expert's findings shall be based on the provisions which ensure the possibility to control the substantiality and reliability of the conclusions according to the generally accepted scientific and practical data. Despite the existing requirements to expert findings, nobody is perfect. Expert malpractice is his/her misjudgments or bona fide ignorance. These errors decrease the evidential force of the findings or make them inadmissible. The above errors can be analyzed by means of different classifications taking into account general requirements to expert findings. Different criteria form the basis of any classification. But not any approach proposed before can serve as an integrated one and allow us to treat the problem of expert malpractice in details. Now there is a need to sum up the scientific experience and systematize all the information on this problem. The purpose of our research was to develop some basic theoretical provisions connected with the nature of possible expert malpractice. To do this it was necessary: to study classifications for forensic examinations and provisions about expert errors existing in Russia; to develop our own integrated approach to the understanding of the nature of possible expert errors on the basis of their classifications taking into account the sources of their origin and the observance of the laws of formal logic by experts. To conduct the research the authors used both general and special methods of cognition and, in particular, a structured system analysis, surveillance, description, the method of formal logic – analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, analogy, generalization and hypothesis. They studied scientific and special literature on criminalistics and forensic examinations and analyzed the practice of evaluating expert malpractice. The classification of errors in experts' examinations implies their division into classes (groups) and types. Thus, some common characteristics of the formation of expert malpractice have been revealed on the basis of the analysis of literature on criminalistics and forensic medical literature. It has been established that errors in expert findings depend on many factors. The laws of formal logic are among the instruments that enable an expert to avoid errors when making his/her conclusions. Further research of the nature of expert malpractice will help to develop a complex of measures to ensure the quality of expert findings as evidence in the course of criminal procedure.

REFERENCES

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18th December 2001 № 174-FZ (as amended on 21st July 2014) (amended and supplemented, entered into force on 06th August 2014). Available at: http://www.consultant.ru. (In Russian).
2. The Federal Law of 31st May 2001 № 73-FZ (as amended on 25th November 2013) "On the state forensic activities in the Russian Federation". Available at: http://www.consultant.ru. (In Russian).
3. Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic Encyclopedia]. Moscow: Bek, 1997. 342 p.
4. Aver'yanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza: Kurs obshchey teorii* [Forensics: a course of the general theory]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2014. 480 p.
5. Aubakirova A.A. *Sledstvennye i ekspertnye oshibki pri formirovanii vnutrennego ubezhdeniya*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [Investigative and expert errors in the formation of inner conviction. Abstract of Law Dr. Diss.]. Chelyabinsk, 2010. 45 p.
6. Klevno V.A. The notion and classification of expert malpractice. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza – Forensic Medical Expertise*, 2012, no. 2, pp. 36-38. (In Russian).
7. Autonomous Nonprofit Organization "Forensics". Expert opinion: the requirements for registration and common errors. Available at: http://sud-exp.ru/stat10.html. (Accessed: 12th July 2014). (In Russian).
8. Aubakirova A.A. Procedural, gnoseological and operational errors of the expert. *Sudebnaya ekspertiza*, 2011, no. 4 (28), pp. 9-16. (In Russian).
9. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza* [Handbook of judges: forensics]. Moscow: Prospekt Publ., 2010. 464 p.
10. Federal Law of 13th December 1996 № 150-FZ (as amended on 21st July 2014) "On Weapons". Available at: http://www.consultant.ru. (In Russian).
11. Posokhina I.V. K voprosu o klassifikatsii sudebnykh oshibok [On the classification of judicial errors]. *Kriminalist*, 2011, no. 1 (8), pp. 89-95.
12. Maslov A.V., Pronichenko E.I., Ten'kov A.A. Ekspertnye oshibki [Expert errors]. *Izbrannye voprosy sudebno-meditsinskoy ekspertizy*, 2012, no 12, pp. 117-119.
13. Mel'nikov V.S. Zakony formal'noy logiki v rabote sudebno-meditsinskogo eksperta [Laws of formal logic in the work of the forensic expert]. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza – Forensic Medical Expertise*, 1988, no. 3, pp. 6-8.

Received: 12 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 170–174 DOI: 10.17223/15617793/387/26

УДК 34.03

А.С. Морозов

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК СРЕДСТВО ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются достоинства и недостатки традиционных средств исправления осужденных, проводится анализ целесообразности участия осужденных в деятельности религиозных организаций; освещается специфика взаимодействия правовых, субкультурных, религиозных регуляторов поведения осужденного. Делается вывод о необходимости формирования у осужденных социально-активного поведения, связанного с внутренним убеждением, что достижимо посредством их участия в религиозной жизни.

Ключевые слова: правомерность; норма права; лишение свободы; церковь; верующий; субкультура.

Параллельно существующие системы государственного и религиозного регулирования общественных отношений могут действовать как в едином, так и в противоположных направлениях, формируя религиозно-нравственные установки личности, способствующие совершению общественно-полезных правомерных поступков либо развивающие иные, деструктивные для общества, но предписываемые религиозными нормами модели поведения. Особый интерес в этой связи вызывает вопрос влияния религиозных норм поведения на формирование правовых установок лиц, отбывающих уголовные наказания в Российской Федерации, что вызвано низким уровнем правосознания и правовой культуры рассматриваемой категории лиц, высокой степенью их мотивации на совершение действий противоправной направленности.

Специфика осуществления исправительного воздействия в отношении осужденных связана с наличием системы криминальной стратификации, действием в их среде криминальной субкультуры. Процесс перевоспитания осужденных организуется в неблагоприятной среде, поскольку осужденный, как лицо, представляющее общественную опасность и запущенное в социально-нравственном отношении, помещается в среду, характеризующуюся такими же антисоциальными признаками [1. С. 12]. Действительно, пенитенциарный социум оказывает существенное влияние на формирование правовых установок поведения личности. Как отмечал В. Франкл, узник фашистского лагеря «...не свободен от условий, но свободен занять позицию по отношению к ним. От него в пределах его ограничений зависит, сдается ли он, уступит ли он условиям» [2. С. 6].

В зависимости от степени своей значимости в уголовном мире, своего авторитета осужденные подразделяются на множество категорий, каждая из которых обладает особым статусом, комплексом прав и обязанностей. Переход из одной социальной группы в другую существенно затруднен, в большинстве случаев возможен лишь «сверху вниз» за совершение поступков, недопустимых правилами поведения, установленными криминальным сообществом, например за сотрудничество с администрацией исправительного учреждения. В этой связи осуществление правового воспитания осужденных вступает в противоречие с внутригрупповыми правилами поведения, действующими в среде осужденных. Сотрудничество с администрацией исправительного учреждения автоматически понижает социальный статус осужденного. Активное правомерное поведение осужденного, выгодное администрации (предупреждение о совершении правонарушений другими осужденными), является крайне невыгодным для него самого. Такое поведение расценивается как противоправное по отношению к правилам поведения, действующим в криминальном мире, за что предусматривается соответствующая ответственность со стороны других осужденных.

Иные, субъективные проблемы религиозного воспитания осужденных связаны с наличием системы их криминальной стратификации. В отличие от сотрудничества с администрацией исправительного учреждения, что является поведением, противоречащим криминальным нормам поведения, участие в деятельности религиозных организаций признается поведением допустимым, даже желательным. Об этом свидетельствует и религиозная направленность субкультурной уголовной атрибутики, выражающаяся в нательном изображении предметов культа (кресты, купола), исполнении песен на религиозную тематику.

Возвращаясь к рассмотренной выше классификации осужденных на лиц с высоким, средним и низким криминальным социальным статусом, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Переход осужденных из одной страты в другую связан с совершением поступков, нарушающих правила поведения, установленные в криминальной среде. Эти нарушения могут носить как формальный, так и неформальный характер, т.е. могут выражаться в сотрудничестве с администрацией учреждения, передаче информации о готовящихся правонарушениях и т.п., или в формальном, зачастую неумышленном использовании вещей представителей низших групп заключенных, контакте с ними и т.п. В этой связи лица с низким криминальным социальным статусом могут избегать участия в религиозной жизни по причине боязни наступления в отношении них ответственности со стороны других осужденных за выполнение ими религиозных обрядов. Так, они могут опасаться взять благословение, не решаясь целовать руку у священника, предполагая, что их за это накажут обычные заключенные [3. С. 83, 84]. Таким образом, опосредованный контакт осужденного через представителя религиозной организации с лицом, обладающим низшим статусом в криминальной среде, может негативно отразиться на его личном положении в обществе заключенных.

Процесс формирования правовых установок личности в отношении лиц, отбывающих уголовные

наказания в виде лишения свободы, осложняется необходимостью ликвидации отрицательной мотивации и лишь последующим формированием мотивов поведения правомерного. Ю.В. Гербеев [4. С. 121, 122] писал по этому поводу, что процессу перевоспитания осужденных, формированию устойчивых нравственных основ их поведения мешает устойчивый негативный стереотип поведения в преступной среде, порой преобладающий над человеческими убеждениями и чувствами. Особенность положения осужденных заключается в том, что совершение противоправных поступков для них в подавляющем большинстве случаев является привычным, обыденным. Таким образом, воспитательная функция права, действующая в отношении граждан, ведущих себя правомерно и неправомерно, имеет несколько различные цели: применительно к первым – формирование правомерного поведения более высокого порядка (из конформистского, маргинального – привычное или социально активное), по отношению к последним – формирование правомерного поведения хотя бы минимального уровня (из неправомерного – конформистское или маргинальное). В этой связи даже социально бесполезное, но соответствующее предписаниям норм права поведение осужденных, может служить высоким показателем динамики их исправления.

В настоящее время средства исправления, предусмотренные уголовно-исполнительным законом, преимущественно носят принудительный характер, вызывая тем самым сопротивление со стороны осужденных. При отсутствии аппарата принуждения на свободе существенно снижается возможность возложения ответственности за совершенное правонарушение, что влечет трансформацию правомерного маргинального поведения в поведение неправомерное. В стенах исправительного учреждения, в отношении осужденного действует мощный аппарат принуждения, направленный на сдерживание внешнего проявления его преступной активности, благодаря чему достигается относительно стабильный уровень соблюдения осужденными норм права. Однако такой положительный эффект в подавляющем большинстве случаев является результатом внешнего, а не внутреннего регулирования поведения осужденного, в связи с чем в большей степени характеризует продуктивность работы администрации учреждения, чем самих лиц, отбывающих наказание. В связи с этим он не может в полной мере характеризовать личность человека, определять степень его исправления.

После освобождения от отбывания наказания, вне исправительного учреждения существенно снижается контроль за поведением осужденного, а следовательно, и его страх ответственности перед наказанием. Зачастую после освобождения от отбывания наказания граждане попадают в криминогенную среду лиц, ведущих противоправный образ жизни, соглашательство с которым неизбежно приводит к формированию у них противоправной модели поведения. Оба эти обстоятельства обусловливают высокую степень риска перехода от маргинального и конформистского поведения к поведению противоправному. Можно сделать вывод, что отсутствие пенитенциарного рецидива не всегда может в полной мере свидетельствовать об исправлении осужденного и гарантировать его правомерное поведение после отбытия наказания. Исправление не должно охватывать исключительно пенитенциарную сферу жизнедеятельности осужденного и проявляться лишь в недопущении пенитенциарного рецидива. Исправление осужденного должно заключаться в создании прочных, устойчивых мотивов несовершения им преступления после отбытия наказания, вне зависимости от возможности наступления ответственности за его совершение. Требуется формировать у осужденных социально-активную модель правомерного поведения, основанную на внутренней убежденности лица в недопустимости совершения преступления. Иллюстративным в данном случае представляется следующий пример положительного воздействия религиозных норм на формирование правомерного поведения личности: человек, находящийся более двух лет в федеральном розыске за подделку ценных бумаг, уверовал в Бога, после чего решил покаяться и сообщил свой адрес правоохранительным органам. По сообщению управления внутренних дел, в письме послушник сообщил, что узнал о розыске случайно, после чего принял решение понести наказание за прошлые грехи. Свою вину он полностью признал [5. С. 4].

Принуждение как средство формирования у осужденных правомерного поведения в большинстве своем ориентировано на создание базового уровня поведенческой активности, связанного с воздержанием от совершения преступлений из страха наступления негативной юридической ответственности. Мотивы маргинального и конформистского поведения осужденных, связанные со страхом применения в отношении них наказаний либо соглашательством с поведением окружающих, трудно отнести к прочным, фундаментальным основам, препятствующим совершению противоправных деяний в дальнейшем. Они могут быть продуктивны в условиях пенитенциарного контроля и надзора со стороны администрации учреждения, исполняющего наказание, но перестают действовать после освобождения от отбывания наказания.

В диссертационном исследовании А.А. Синичкин [6] указывал, что отмечается снижение уровня пенитенциарного рецидива, в то время как среди лиц, условно-досрочно освободившихся из мест лишения свободы, наблюдается обратная динамика: резко увеличивается доля преступлений, совершенных данными лицами в период неотбытой части наказания. В подтверждение сказанному выше следует обратить внимание на данные статистики за январь – декабрь 2013 г., согласно которым почти половина преступлений (613 779, что составляет 49,6%) совершена лицами, ранее совершавшими преступления. В некоторых регионах этот показатель существенно превышает общероссийский. Так, например, в Кемеровской области он составил 64,7% [7].

В отличие от сотрудничества с администрацией исправительного учреждения, сотрудничество с представителями религиозных организаций не является предосудительным в криминальном мире. Религия является связующим звеном между криминальной и

правовой культурой лиц, находящихся в исправительных учреждениях.

По мнению Н.И. Вишневской [8], решающим направлением в борьбе с преступностью должны быть рост правовой культуры и правосознания граждан, активная деятельность социальных педагогов, специалистов по работе с осужденными. Это должны быть не надзиратели, а специально подготовленные люди, сочетающие в себе, отчасти, знания психологии, педагогики, юриспруденции и медицины [9]. Известнейший русский религиозный мыслитель В.С. Соловьев писал об этом следующее: «Первое и самое важное условие есть, конечно, то, чтобы во главе пенитенциарных учреждений стояли люди, способные к такой высокой и трудной задаче – лучшие из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием» [10. С. 405].

Особенность криминальной субкультуры обусловливают нюансы восприятия осужденными осуществляемых в отношении них мер воспитательного воздействия. Так, например, в отношениях с представителями администрации исправительного учреждения у осужденных возникает психологический барьер, препятствующий продуктивной реализации воспитательного процесса. Заместитель начальника колонии строгого режима г. Павловска отмечает: «...ведь и я говорю осужденным о том же: что нельзя преступать закон и так далее, но почему-то они батюшку иначе слушают…» [11. С. 20].

Традиционные средства исправления воспринимаются осужденными негативно, так как носят принудительный характер, религия же, в отличие от них, выступает буфером между осужденными и администрацией, религиозные идеи свойственны осужденным, положительно на них влияют [6]. Отмечается, что духовно-нравственная работа Церкви существенно дополняет, если не заменяет собой всю воспитательную службу учреждений, так как священнослужители и их помощники уделяют этому вопросу больше времени, чем администрация [3. С. 116, 117].

По мнению Т.И. Помыткиной [12. С. 5], ресоциализация и возвращение преступников к правомерному образу жизни немыслимы без духовно-нравственного перерождения их личности, осуществляемого при значительном влиянии религии в целом и религиозных организаций в частности. Религия, по верному замечанию автора, помогает человеку переосмыслить его жизненный путь и выработать законопослушность. В колониях верующие заключенные чаще, чем неверующие, смиряются со сроком наказания, стараются вести более мирную жизнь с окружающими заключенными и администрацией, добросовестно работают, не нарушая как правил распорядка колонии, так и внутренних тюремных правил [13]. Среди опрошенных осужденных, независимо от конфессиональной принадлежности или отсутствия таковой, 83% считают, что деятельность представителей религиозных конфессий положительно сказывается на морально-психологическом климате в учреждении исполнения наказания [14. С. 120].

Несмотря на провозглашение принципа свободы вероисповедания, следует избирательно подходить к вопросу допущения различного рода псевдорелигиозных организаций, сект к работе по исправлению осужденных, так как деятельность многих из подобных организаций может привести к диаметрально противоположным последствиям. В этой связи А.В. Тонконогов [14. С. 82–88] писал, что учеными-пенитенциаристами было отмечено отрицательное влияние некоторых из подобных организаций на жизнедеятельность осужденных: практиковались коллективные пляски с самобичеванием, пророчествами, в результате которых осужденные впадали в состояние религиозного экстаза, теряя контроль над своими действиями. Криминальная форма сектантства зачастую проявляется в том, что адепты вопреки морально-этическим, нравственным и юридическим нормам совершают как мелкие правонарушения, так и преступления различной степени тяжести. Некоторые адепты сект (в том числе сатанистских) оказавшись в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжают совершать ритуальные действия, предусмотренные соответствующими псевдорелигиозными нормами.

Таким образом, одинаковый подход ко всем религиозным конфессиям при решении вопроса о возможности их работы с осужденными представляется недопустимым.

Именно в условиях лишения свободы человек обращается к религии. Участие осужденных в деятельности религиозных организаций, в отличие от других, формально закрепленных средств исправления, имеет качественно иную мотивацию, не связанную с возможностью применения методов поощрения или принуждения со стороны администрации учреждения. Осужденные, принимающие участие в деятельности религиозных организаций исправительных учреждений, в большинстве своем руководствуются искренним желанием приобщения к христианским, исламским, буддистским и иным религиозным ценностям. Участие осужденных в деятельности религиозных организаций как средство формирования правомерного поведения не связано с применением насильственных мер принуждения, а следовательно, воспринимается осужденными положительно, на добровольной основе.

Деятельность религиозных организаций по исправлению осужденных, формированию у них основ правомерного поведения оказывает существенное положительное влияние на реализацию целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. В результате взаимодействия религиозных организаций с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы у осужденных закладываются основы религиозной и правовой культуры, формируются устойчивые мотивы воздержания от совершения правонарушений как в период содержания в местах лишения свободы, так и после освобождения от отбывания наказания. Наряду с иными, предусмотренными законом средствами исправления деятельность религиозных организаций гармонично развивает и дополняет воспитательную работу педагогов и психологов, положительно отражается на процессах трудового и школьного образования, благоприятствует соблюдению осужденными требований режима от-

бывания наказания, является ненормативным, но действенным средством исправления осужденных, формирования у них фундаментальных основ правомерного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шмаров И.В.* Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М. : Юрид. лит., 1971. 136 с.
2. *Дорошенко И.С., Панова О.Б., Фетисова Н.Е.* Формирование эмпатийного поведения у осужденных за насильственные преступления: Практические рекомендации. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2012. 66 с.
3. *Ходыкин И.* Миссионерское служение в местах лишения свободы : дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001. 184 с.
4. *Педагогика* и политико-воспитательная работа с осужденными : учеб. пособие / В.И. Акумов, Ю.В. Гербеев, В.Е. Гмурман, А.П. Евграфов и др. ; науч. ред. Ю.В. Гербеев. Рязань : Изд-во РВШ МВД РФ, 1985. 359 с.
5. *Преступление* и наказание // Миръ всемъ. 2007. № 8/56.
6. *Синичкин А.А.* Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : дис. … канд. юрид. наук. Чебоксары : Чебоксар. кооперат. ин-т Моск. ун-та потреб. кооперации, 2003. 260 с.
7. *Состояние* преступности в России за январь – декабрь 2013 года // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/stat
8. *Вишневская Н.И.* Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики: уголовно-исполнительный аспект: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. 181 с.
9. *Миненко П.В.* Исправление осужденных за преступления против общественной безопасности в целях предупреждения специального рецидива : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д : Краснодар. ун-т МВД России, 2009. 233 с.
10. *Соловьев В.С.* Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012. 656 с.
11. *Подъемщикова О.* Священник идет в заложники // Преступление и наказание. 1998. № 7.
12. *Помыткина Т.И.* Общественные организации и уголовно-исполнительная система России: историчность и перспективы сотрудничества : учеб. пособие. Новокузнецк : ФГОУ ВПО Кузбас. ин-т ФСИН России, 2010. 196 с.
13. *Роль* представителей Русской Православной Церкви в исправлении осужденных. URL: http://www.курская-епархия.рф/znamenskie_chteniay/2010/pdf/4/4_40.pdf
14. *Тонконогов А.В.* Пенитенциарная секталогия : учеб.-практ. пособие. М. : НИИ УИС Минюста России, 2004. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июня 2014 г.

RELIGIOUS BEHAVIOR OF CONVICTS AS A MEANS OF THEIR CORRECTION

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 170-174. DOI: 10.17223/15617793/387/26

Morozov Alexey S. Kuzbass Institute of Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: morozovlalex@yandex.ru

Keywords: legitimacy; rule of law; imprisonment; church; believer; subculture.

Peculiarity of prisoners' correction is connected with the system of criminal stratification and norms of criminal subculture that exist in their environment: committing illegal acts for them is habitual, ordinary. Traditional means of correction are connected with the formation of non-criminal behavior on the verge of legitimacy and criminality – marginal or conformist lawful behavior. On the one hand, achievement of such objectives is a parameter of positive dynamics of the development of a person, on the other hand, it is a weak guarantee of the further lawful way of life of the prisoner after release. It is connected with the fact that outside of a penal institution there are no deterrents which do not allow the marginal behavior to transform into the illegal one, which causes a high level of post-penal recidivism. Correction should not cover exclusively the penal sphere of activity of the prisoner and be shown only in preventing penal recidivism. Correction of prisoners should consist in creation of strong, stable motives for not committing a crime after release, irrespectively from the chance of responsibility for its committing. It is required to shape the prisoner's socially-active model of the lawful behavior based on the internal conviction of the person in the inadmissibility of committing a crime. Thus, it is necessary to consider the fact that the motivation of behavior of prisoners with its external positivism can have a marginal, not socially-active character. Traditional means of correction are perceived negatively by prisoners because they have a forced character, religion acts as a buffer between prisoners and the administration, religious ideas are common for prisoners and influence them positively. Spiritual and moral work of the Church essentially supplements, if not replaces the educational service of penal institutions, for clergymen and their assistants give this question of more time than the administration does. Unlike cooperation with the administration of a penal institution, cooperation with representatives of religious organizations is not reprehensible in the criminal world. Religion is a connecting link between the criminal and legal cultures of prisoners. Unlike traditional means of correction (educational work, socially useful work, general education, vocational training and professional influence), participation of the convicted prisoner in the activity of religious organizations is directed on the formation of internal psychological orientations preventing further crimes not for the fear of responsibility, but from the comprehension of inadmissibility of such actions. This influence is directed on the formation of a socially-active lawful behavior described by the most advanced stage of the positive motivation of the person.

REFERENCES

1. Shmarov I.V. *Preduprezhdenie prestupleniy sredi osvobozhdennykh ot nakazaniya* [Prevention of crime among released from punishmen]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971. 136 p.
2. Doroshenko I.S., Panova O.B., Fetisova N.E. *Formirovanie empatiynogo povedeniya u osuzhdennykh za nasil'stvennye prestupleniya: Prakticheskie rekomendatsii* [Formation of empathy behavior of prisoners convicted for violent crimes: practical recommendations]. Vologda: VIPE FSIN Rossii Publ., 2012. 66 p.
3. Khodykin I. *Missionerskoe sluzhenie v mestakh lisheniya svobody*. Dis. kand. Bogosloviya [Missionary service in prisons. Theology Cand. Diss.]. Sergiev Posad, 2001. 184 p.
4. Gerbeev Yu.V. (ed.) *Pedagogika i politiko-vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi* [Pedagogy and political-educational work with convicts]. Ryazan: Izd-vo RVSh MVD RF Publ., 1985. 359 p.
5. Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment]. *Mir" vsem"*, 2007, no. 8/56.
6. Sinichkin A.A. *Otsenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody*. Dis. kand. yurid. nauk [Assessment of the degree of convicts' correction. Law Cand. Diss.]. Cheboksary, 2003. 260 p.

7. The official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. The state of crimes in Russia in January-December 2013. Available at: http://genproc.gov.ru/stat.
8. Vishnevskaya N.I. *Ispravlenie osuzhdennykh k lisheniyu svobody: voprosy teorii i praktiki: ugolovno-ispolnitel'nyy aspekt*. Dis. kand. yurid. nauk [Correction of the sentenced to imprisonment: theory and practice: criminal executive aspect. Law Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2006. 181 p.
9. Minenko P.V. *Ispravlenie osuzhdennykh za prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti v tselyakh preduprezhdeniya spetsial'nogo retsidiva*. Dis. kand. yurid. nauk [Correction of the convicted for crimes against public security in order to prevent special relapse. Law Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 233 p.
10. Solovyev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ.; Algoritm Publ., 2012. 656 p.
11. Pod"emshchikova O. Svyashchennik idet v zalozhniki [Priest goes hostage]. *Prestuplenie i nakazanie*, 1998, no. 7.
12. Pomytkina T.I. *Obshchestvennye organizatsii i ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: istorichnost' i perspektivy sotrudnichestva* [NGOs and the criminal-executive system of Russia: historicity and prospects for cooperation]. Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut FSIN Rossii Publ., 2010. 196 p.
13. The role of the representatives of the Russian Orthodox Church in the correction of convicts. Available at: http://www.kurskaya-eparkhiya.rf/znamenskie_chteniay/2010/pdf/4/4_40.pdf. (In Russian).
14. Tonkonogov A.V. *Penitentsiarnaya sektalogiya* [Penitentiary sectology]. Moscow: NII UIS Minyusta Rossii Publ., 2004. 120 p.

Received: 24 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 175–179 DOI: 10.17223/15617793/387/27

УДК 342.537

О.А. Фомичева

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА РОССИИ

Исследуются содержание и сущность назначения правовой экспертизы, осуществляемой в Правовом управлении Аппарата Государственной Думы. Проводится анализ норм Регламента по применению механизма правовой экспертизы законопроектов. Формулируются выводы о нецелесообразности существующего способа регламентации механизма правовой экспертизы законотворческого процесса, протекающего в парламенте России. Предлагается исключить императивный характер проведения правовых экспертиз в Правовом управлении.

Ключевые слова: законодательный процесс; Государственная Дума; правовая экспертиза законопроектов; Регламент Государственной Думы.

Депутатский состав парламента и разнородность уровня и направления их квалификации позволяют утвердительно заявлять о том, что законотворческий процесс Российской Федерации как федерального, так и регионального уровня законодательной власти является результатом психологического и политического восприятия депутатами законопроекта. Влияние психологических аспектов на законы подтверждается учеными в сфере психологии [1. С. 30]. Поэтому деятельность специалистов, ориентированных на различные виды экспертиз, осуществляемых в рамках законотворческого процесса, является важным фактором качества закона.

Идея принятия общефедерального акта о регламентации правил юридической техники в законотворческом процессе является очень актуальной. На современном этапе процедуры регламентации законотворческого процесса основной проблемой стадии экспертного анализа остается отсутствие четкого механизма регулирования процедур техники процесса экспертного заключения. Вместе с тем правила, определяющие процесс прохождения законодательных актов в парламенте Российской Федерации, должны быть оптимально проработанными.

Нормативным источником законотворческого процесса является Регламент Государственной Думы [2]. Процедура квалифицированной проработки законопроекта, которая включает экспертизы, не находит закрепления принципов единообразного механизма применения парламентом. Вместе с тем экспертизы по законопроектам носят регулярный характер. Экспертизы законопроектов носят как обязательный, так и факультативный характер [3. С. 15].

Важным вопросом являются механизм осуществления экспертиз и степень влияния экспертизы на дальнейшее прохождение законотворческой инициативы до стадии окончательного принятия закона. Таким образом, необходимо определить влияние мнения квалифицированных специалистов на «судьбу» законотворческого процесса в целом.

Регламент Государственной Думы Российской Федерации содержит положения об обязательном проведении правовой экспертизы законопроектов, при этом прописываются результаты действий Правового управления Аппарата Государственной Думы. Это означает, что основная нагрузка по оценке внесенного законопроекта возлагается на этот государственный орган. В качестве факультативных экспертиз регламент Государственной Думы Российской Федерации устанавливает научное заключение специалистов, экспертизу Общественной палаты, лингвистическую экспертизу (ст. 112 Регламента). Регламент разграничивает правовую и лингвистическую экспертизы как две разновидности: первая обязательная, вторая – факультативная. Вместе с тем грань между правовой и лингвистической экспертизой в Регламенте размыта. По смыслу ст. 112 Регламента Государственной Думы Правовое управление Аппарата Государственной Думы на основании результатов правовой экспертизы законопроекта должно подготовить заключение на законопроект вне зависимости от наличия или отсутствия по законопроекту замечаний правового и лингвистического характера [4. С. 233].

Особое место в законодательном процессе в Государственной Думе Российской Федерации занимает правовая экспертиза, которая проводится Правовым управлением Аппарата Государственной Думы. Экспертная работа Правового управления Аппарата Государственной Думы «сопровождает» практически весь законодательный процесс, проходящий в Государственной Думе Российской Федерации.

Экспертизы на предмет соответствия законопроекта действующим нормам законодательства Правовым управлением Аппарата Государственной Думы осуществляются на всех стадиях законодательного процесса. За время прохождения стадий законотворческого процесса один и тот же законопроект подвергается неоднократной экспертной оценке со стороны Правового управления Аппарата Государственной Думы. Анализ норм Регламента Государственной Думы Российской Федерации позволяет определить понятие «Правовая экспертиза Правового управления».

Во-первых, правовая экспертиза – это обязательная форма к осуществлению законодательного процесса к первому, второму и третьему чтениям. Регламент палаты строго указывает на необходимость производства правовой экспертизы. В частности, вводится запрет на одобрение законопроекта на стадии первого (п. 8 ст. 119), второго (п. 13 ст. 123) или третьего чтений (п. 2 ст. 124), если нет заключения Правового управления Аппарата Государственной Думы, отражающего результаты правовой, юридико-технической и лингвистической экспертиз.

Во-вторых, правовая экспертиза является механизмом обеспечения правовых консультаций по про-

хождению законотворческого процесса. Регламент содержит положения, согласно которым экспертная работа на стадиях проработки законопроекта осуществляется совместно с ответственным комитетом.

В-третьих, правовая экспертиза – это первоначальный этап в решении вопроса о первичном принятии к рассмотрению законопроекта. Первоначально экспертиза представляет собой ответ на вопрос соответствия проекта пределам норм Конституции Российской Федерации и логическому построению с точки зрения права (противоречий внутри законопроекта). Эта процедура и предопределяет факт дальнейшей жизни законопроекта.

В-четвертых, правовая экспертиза является своеобразным механизмом, обеспечивающим прохождение законопроекта на всех стадиях законотворческого процесса в ходе проработки законопроекта. Экспертиза осуществляется Правовым управлением Аппарата Государственной Думы после принятия законопроекта в первом или втором чтениях. Проводится независимая экспертиза поправок на соответствие Конституции Российской Федерации и федеральным конституционным законам.

Регламент Государственной Думы определяет условия к назначению правовой экспертизы, проводимой Правовым управлением Аппарата Государственной Думы. Следует отметить, что Регламент не в достаточной мере четко формулирует механизм применения условий обязательного осуществления правовой экспертизы. Так, указывается обязательное наличие заключения Правового управления Аппарата Государственной Думы на законопроект для последующего рассмотрения Государственной Думой (п. «е» ст. 122). В то же время ответственному комитету предоставляется право на осуществление такого рода экспертизы (п. 1, 6 ст. 121). Это означает, что процедура осуществления правовых экспертиз Правовым управлением Аппарата Государственной Думы приобретает форму императивного соблюдения процедуры их применения на всех этапах и стадиях законодательного процесса даже при условии вариантного поведения участников законодательного процесса.

Регламент устанавливает инициаторов экспертиз, проводимых Правовым управлением Аппарата Государственной Думы: ответственный комитет и Совет Государственной Думы (п. 2 ст. 112). На этапе проработки законопроекта инициатором правовых экспертиз является ответственный комитет (ст. 121, 124). Совет Государственной Думы наделен правом по назначению правовой экспертизы законопроекта, но Регламент не определяет условия к назначению экспертиз проектов законов этим органом. По своему статусу Совет Государственной Думы является контролирующим органом, обеспечивающим соблюдение порядка осуществления законодательного процесса. Поэтому предполагается, что экспертизы могут быть назначены Советом Государственной Думы в случае несоблюдения ответственным комитетом процедуры назначения экспертизы по законопроекту.

Нормы Регламента не содержат четкого формулирования прав инициаторов проведения правовой экспертизы в Правовом управлении Аппарата Государственной Думы. Общие основы осуществления правовой экспертизы содержатся в ст. 112 Регламента. Вместе с тем нормы регламента указывают и на других участников, уполномоченных обращаться к назначению экспертизы в Правовом управлении Аппарата Государственной Думы.

Во-первых, комитет или комиссия вправе привлекать к своей работе экспертов Правового управления Аппарата Государственной Думы и других экспертов, а также принять решение о проведении независимой экспертизы законопроектов (ч. 2 ст. 27). Такое полномочие объясняется работой всех депутатов над законопроектами, находящимися на рассмотрении в Государственной Думе. Таким образом, законопроект может подвергаться дополнительной экспертизе в Правовом управлении Аппарата Государственной Думы любым другим, не ответственным по законопроекту комитетом.

Во-вторых, на этапе регистрации законопроекта и определения необходимости рассмотрения законопроекта Государственной Думой инициатором правовой экспертизы установлен профильный комитет (ст. 107). При этом в Регламенте нет положения о том, что именно профильный комитет впоследствии определяется в качестве ответственного для дальнейшей работы с законопроектом.

В-третьих, лицом, обладающим правом к назначению правовой экспертизы в Правовом управлении Аппарата Государственной Думы, регламентом наделяется сопредседатель специальной комиссии: на стадии согласования принятого законопроекта между Государственной Думой и Советом Федерации до подписания заключительного протокола и сопоставительной таблицы федерального закона (ст. 135).

Итак, деятельность Правового управления Аппарата Государственной Думы по своему назначению можно назвать текущей регулярной работой по «сопровождению» законопроекта и законотворческой деятельности в сфере правового обеспечения. Экспертное заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы может быть охарактеризовано как непрерывная консультация депутатов Государственной Думы правового характера. Таким образом, работа Правового управления Аппарата Государственной Думы призвана обеспечить восполнение пробела уровня квалификации депутатов в правовой сфере познания.

Справедливо мнение о том, что экспертиза носит индивидуальный характер и каждый эксперт выступает с заключением от своего имени; очевидно, что на его мнение могут влиять различные факторы: принадлежность к той или иной научной школе, собственные убеждения и т.д. [5. С. 204]. Таким образом, слишком насыщенное воздействие мнения Правового управления Аппарата Государственной Думы (экспертное заключение – это именно мнение квалифицированного специалиста) может негативно воздействовать и на депутатов, и на законотворческий процесс. Поэтому предлагается исключить элемент «сопровождения» законотворческого процесса мнением Правового управления Аппарата Государственной Думы. Необходимо определить баланс между императивным ме-

тодом использования экспертного заключения и обеспечением правового сопровождения законопроектов в виде «консультаций».

При комитетах Государственной Думы создаются и успешно работают экспертные консультативные советы. В структуру комитета входят консультанты, советники, экспертные советы. Так, экспертный совет функционирует в комитете Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции. В функции экспертного совета входит:

– осуществление научно-правовой экспертизы законопроектов, находящихся на рассмотрении в Комитете;

– анализ эффективности применения законодательства по вопросам, отнесенным к ведению Комитета, подготовка научно обоснованных законодательных предложений по его совершенствованию, в том числе на основе зарубежного опыта;

– осуществление экспертной оценки на предмет коррупциогенности отдельных норм и положений законопроектов, находящихся на рассмотрении в Комитете;

– подготовка предложений по определению приоритетов законопроектной работы Комитета;

– информирование членов Комитета о последних достижениях науки и техники в сфере безопасности и связанных с ними перспективах законодательной деятельности;

– оказание содействия в подготовке и проведении парламентских слушаний, «круглых столов», конференций, совещаний и других мероприятий в Государственной Думе по вопросам, отнесенным к ведению Комитета;

– участие в издательской деятельности Комитета [6].

Экспертные советы со схожими компетенциями созданы и во многих других комитетах Государственной Думы. В некоторых комитетах создается единый экспертный совет:

– Экспертный совет по вопросам собственности, действующий в комитете Государственной Думы по вопросам собственности (состав совета – 127 членов);

– Экспертный совет Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (состав совета не определен);

– Экспертный совет Комитета Государственной Думы по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству (состав совета – 47 членов);

– Высший экологический совет Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии (состав совета не определен);

– Экспертный совет Комитета Государственной Думы по транспорту;

– Экспертный совет Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления (состав совета 50 членов).

В комитетах Государственной Думы действуют одновременно несколько советов:

– экспертные советы Комитета Государственной Думы по земельным отношениям и строительству: совет по градостроительной деятельности (состав совета – 53 члена), совет по земельным отношениям (состав совета – 62 члена), совет по дорожному хозяйству и логической инфраструктуре (состав совета – 51 член), совет по вопросам деятельности саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, проектирования и строительства (состав совета – 57 членов), совет по вопросам производства строительных материалов, машин и оборудования для строительства (состав совета – 39 членов);

– экспертные советы Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи: совет по информационным технологиям (IT) (состав совета – 28 членов), совет по связи и телекоммуникациям (состав совета – 23 члена), совет по телевидению (состав совета – 19 членов), совет по радиовещанию (состав совета – 19 членов), совет по периодическим печатным изданиям и информационным агентствам (состав совета – 9 членов), совет по рекламе в средствах массовой информации (состав совета – 6 членов), совет по Интернету и развитию электронной демократии (состав совета – 41 член), совет по почтовой связи (состав совета – 2 члена), совет по блогосфере (состав совета – 16 членов), совет по киберспорту и индустрии развивающих игр (состав совета – 4 члена);

– экспертные советы Комитета Государственной Думы по культуре: совет по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации (состав совета – 34 члена); совет по вопросам архитектуры и сохранению архитектурного наследия (состав совета – 37 членов); совет по защите авторских и смежных прав (состав совета – 31 член); совет по правовой культуре (состав совета не определен);

– экспертные советы при Комитете Государственной Думы по промышленности: совет по инновационному развитию автомобильной промышленности и спецтехники: совет по законодательному обеспечению модернизации промышленности и развитию элементной базы, производству стратегических материалов и содействию ВТС; совет по развитию предприятий оборонно-промышленного комплекса; совет по авиационно-космическому комплексу; совет по техническому регулированию и стандартизации; совет по законодательному обеспечению модернизации и развития металлургической и горнорудной промышленности; совет по развитию технологической базы российского машиностроения и станкостроения; совет по развитию биотехнологий, совет по фармацевтической и медицинской промышленности; совет по глубокой переработке зерна и альтернативным видам топлива; совет по вопросам лесного комплекса;

– экспертные советы при Комитете Государственной Думы по финансовому рынку: совет по законодательству о банковской деятельности и аудите (состав совета – 35 членов); совет по законодательству о страховании (состав совета – 49 членов); совет по инвестиционному законодательству (состав совета – 58 членов); совет по небанковским финансово-кредитным организациям, микрофинансированию и кредитной кооперации (состав совета – 42 члена); совет по негосударственным пенсионным фондам и инвестированию средств пенсионных накоплений (состав совета – 38 членов); совет по юридическим ли-

цам публичного права, осуществляющим деятельность в финансовой сфере (состав совета 19 членов);

– экспертные советы при Комитете Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству: совет по вопросам предпринимательства, инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса и институтов развития; совет по вопросам государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей продукции и пива; совет по вопросам развития социального предпринимательства; совет по антимонопольной, ценовой и тарифной политике; совет по законодательству в сфере туризма; совет по вопросам инновационного развития; совет по общественному контролю за соблюдением требований федерального законодательства в сфере государственных закупок; совет по доступному жилью; совет по развитию юридически значимого электронного документооборота и применению электронно-цифровой подписи; совет по вопросам несостоятельности (банкротства); совет по развитию ювелирной отрасли в Российской Федерации; совет по государственно-частному партнерству в сфере инфраструктурного развития; совет по вопросам регулирования рекламной деятельности; совет по вопросам защиты интеллектуальных прав; совет по экономической политике и взаимодействию России, ЕврАзЭС и ВТО в сфере АПК; совет по экономике социального развития и миграционной политике; совет по экономической политике, стратегическому планированию и инвестициям; совет по внутреннему и въездному туризму; совет по развитию взаимных инвестиций России и Иберийских стран; совет по вопросам экономического развития Республики Крым и города Севастополь;

– экспертный совет при Комитете Государственной Думы по энергетике в составе секций: по совершенствованию Федерального закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (состав совета – 81 член); по вопросам законодательного и нормативно-правового регулирования, тарифной и ценовой политики, бюджетного финансирования электроэнергетики, включая комбинированную выработку тепловой и электрической энергии, стимулирование использования возобновляемых источников энергии, импортозамещение в электротехнической промышленности (состав совета – 68 членов); по вопросам законодательного обеспечения использования атомной энергии (состав совета – 39 членов); по вопросам законодательного регулирования деятельности в области газовой промышленности (состав совета – 42 члена); по вопросам малой энергетики (состав совета 37 членов); по вопросам законодательного регулирования международной энергетической деятельности (состав совета – 82 члена); по вопросам законодательного регулирования в области неуглеродной энергетики и вопросам совместного ведения с Комитетом Государственной Думы по транспорту и Комитетом Государственной Думы по строительству и земельным отношениям (состав совета – 7 членов); по вопросам законодательного регулирования деятельности в области нефтяной промышленности (состав совета – 77 членов); по вопросам региональной энергетической политики (состав совета – 10 членов); по вопросам законодательного регулирования деятельности в области угольной промышленности (состав совета – 26 членов); по вопросам законодательного обеспечения энергосбережения, повышения энергетической эффективности и развития энергосберегающих технологий (состав совета – 19 членов).

Таким образом, структура и состав комитетов Государственной Думы позволяет исключить обязательное применение положений Регламента Государственной Думы и не применять работу Правового управления Администрации Государственной Думы в сфере предоставления правовых услуг по «сопровождению» законопроекта. Видится перспективным осуществить регламентацию преимущественного диспозитивного способа регулирования правил по участию экспертов Правового управления в работе ответственного комитета в законотворческой деятельности. Для обеспечения контроля соблюдения процедуры правовой экспертизы Регламент определил орган – Совет Государственный Думы. Именно этот орган определен в качестве инициатора правовой экспертизы.

Механизм регламентации правовых экспертиз в Государственной Думе сопровождается рядом нерешенных проблем. Ряд норм, регламентирующих порядок осуществления правовой экспертизы, требует детальной проработки. Предлагается пересмотреть порядок и условия проведения правовых экспертиз законопроектов в Государственной Думе, закрепляющих императивный характер их осуществления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кибак И.А.* Психология законотворчества: проблемы и пути развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 2. С. 28–33.
2. *Регламент* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Принят постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II-ГД (ред. 21 марта 2014 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.
3. *Стародубцева И.А.* Экспертиза нормативных правовых актов как способ предотвращения коллизий: особенности правового регулирования в субъектах Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 14–19.
4. *Ивлиев Г.П., Ковалев О.И.* Комментарий к отдельным статьям Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / под отв. ред. Г.П. Ивлиева, О.И. Ковалева. М. : Издание Государственной Думы, 2003. 568 с.
5. *Кукушкин М.И.* К вопросу об экспертной оценке законопроектов в субъектах Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 202–204.
6. *Решение* комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции от 20.04.2012 «Об утверждении Положения об Экспертном совете Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции». URL: http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/site.xp/051057049124054056051.html (дата обращения: 25.07.2014).

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 сентября 2014 г.

ON THE REGULATION OF LEGAL EXAMINATION IN LEGISLATIVE ACTIVITY OF THE PARLIAMENT OF RUSSIA

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 175-179. DOI: 10.17223/15617793/387/27

Fomicheva Olga A. Orenburg State Institute of Management (Orenburg, Russian Federation). E-mail: olga-fomicheva@mail.ru

Keywords: legislative process; State Duma; legal examination of bills; Regulations of the State Duma.

Modern legal framework for the content of skill level to the State Duma calls for the involvement of experts in the legislative process. Therefore, the current rules provide support of legal examination for the regulation of the legislative process. The current model of regulation of legal examination carried out in the Legal Department of the State Duma of the Russian Federation will require adequate consideration. In the current study, the author proposed to consider the regulation mechanism of the legal examination of the legislative process in the State Duma of the Russian Federation. The author's use of specifically legal research methods allowed formulating the definition and nature of legal examination carried out by the Legal Department of the State Duma. This study allowed identifying the purpose of legal examination, the initiators and the rules of examination. At the present stage of development of procedural law in the legislative process of the State Duma Regulation remains the primary source of governing in detail the legislative process in the Lower House of the Parliament. The author's work on the study of norms of the Regulation of the State Duma of the Russian Federation has identified shortcomings in establishing procedures for the appointment and conducting legal examination with the legal control of the State Duma. The author recognizes the legal examination procedure inappropriate and irrelevant. As a result, the author's detailed study of the rules of the State Duma Regulation concludes that the activities of the responsible committee on the legal assessment of bills must comply with the work of the Legal Department of the State Duma. Regulation of the State Duma contains mandatory directives for the implementation of legal examination at all stages of the elaboration of the draft law. However, the author's study of the contemporary composition and structure of the State Duma allows affirming that the committees have skilled professionals in various fields of knowledge. The author formulated a proposal to revise the regulation on participation procedures of the Legal Department of the State Duma in the legislative process. The study shows that the activities of the State Duma committees include the necessary components for effective work on the legal assessment of bills. The author proposes to fix in the regulation the principle that allows balancing the imperative participation of the Legal Department of the State Duma in the responsible committee's activities. A transition to the dispositive method of regulating the relations of legal examinations between the initiator of the bill in the face of the Executive Committee and the executor in the face of the Legal Department of the State Duma.

REFERENCES

1. Kibak I.A. Psikhologiya zakonotvorchestva: problemy i puti razvitiya [Psychology of lawmaking: problems and ways of development]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2012, no. 2, pp. 28-33.
2. Regulation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Adopted by a resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of January 22, 1998 № 2134-II-DG (eds. March 21, 2014). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 7. Art. 801. (In Russian).
3. Starodubtseva I.A. Ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sposob predotvrashcheniya kolliziy: osobennosti pravovogo regulirovaniya v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii [Examination of normative legal acts as a way to prevent conflicts: peculiarities of legal regulation in the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2012, no. 9, pp. 14-19.
4. Ivliev G.P., Kovalev O.I. *Kommentariy k otdel'nym stat'yam Reglamenta Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to certain articles of the Regulation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoy Dumy Publ., 2003. 568 p.
5. Kukushkin M.I. On the question of expert assessment of draft laws in the subjects of the Russian Federation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*, 2012, no. 6, pp. 202-204. (In Russian).
6. Decision of the State Duma Committee for Security and Anti-Corruption of 20th April 2012 "On approval of the Regulation on the Council of Experts of the State Duma Committee for Security and Anti-Corruption.". Available at: http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/site.xp/051057049124054056051.html. (Accessed: 25th July 2014). (In Russian).

Received: 06 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 180–186 DOI: 10.17223/15617793/387/28

ЭКОНОМИКА

УДК 336.1; 336.6

Я.И. Никонова

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Эффективность современных экономических систем определяется способностью создавать, хранить, внедрять новшества. Прирост ВВП и увеличение производительности труда в развитых странах обеспечиваются в основном за счет выпуска и реализации наукоемкой продукции и услуг. Россия, несмотря на наличие очевидных преимуществ (научно-технический потенциал, квалифицированные кадры, значительная научная база), находится лишь на начальных этапах перехода к новой парадигме развития, что объясняется, прежде всего, внутренними проблемами функционирования инновационной среды. В целях реализации стратегии инновационного развития России необходимо повысить качество работы национальных финансовых институтов и обеспечить эффективность целевого перераспределения денежных капиталов посредством разработки новых финансовых механизмов. Как показывает мировой опыт, одним из эффективных методов экономического стимулирования инновационной деятельности является государственно-частное партнерство в сфере науки и инновационной деятельности. В статье рассматриваются формы государственно-частного партнерства и его особенности как инструмента финансирования стратегии инновационного развития России.

Ключевые слова: стратегия инновационного развития России; финансирование; государственно-частное партнерство.

В настоящее время, когда в России формируется экономика, основанная на генерации, распространении и использовании знаний, динамику экономического роста, уровень конкурентоспособности территорий в национальном и мировом масштабе, степень обеспечения национальной безопасности стали определять достижения в области науки и технологий. В последние годы в развитых странах мира до 75% прироста ВВП образуется именно благодаря инновациям. За последние 15 лет численность работников инновационной сферы в США и Западной Европе увеличилась в 2 раза, в Юго-Восточной Азии – в 4 раза. В Европейском союзе доля инновационно-активных промышленных предприятий составляет более 50%. Генерация новых идей, воплощаемых в высоких технологиях, инновациях, сегодня во многом определяет качество социально-экономического развития стран и уровень благосостояния их граждан. От уровня инновационной активности, положения страны на мировом рынке наукоемкой продукции непосредственно зависит и её национальная безопасность.

Всемерное развитие инноваций в последние десятилетия стало для ведущих западных стран одним из главных национальных приоритетов. Об этом свидетельствует, прежде всего, быстрый рост объемов их инвестиций в инновационную сферу (рис. 1) [1].

Большая часть (65–70%) всех затрат на инновации в предпринимательском секторе приходилась в последние годы в развитых странах на шесть отраслей: производство машин и оборудования, электронную промышленность, фармацевтику и биотехнологии, автомобилестроение, производство программного обеспечения и IT-услуг, выпуск медицинского оборудования [2]. При этом среди крупнейших государств лишь в США, Франции и, в меньшей степени, Японии инвестиции в исследования и разработки носили диверсифицированный характер, направляясь в широкий круг отраслей. В других ведущих странах расходы на инновации концентрировались в 2–3 приоритетных секторах, например, в Германии – в автомобилестроении, а также производстве машин и оборудования, в Великобритании – в фармацевтике и биотехнологиях [3].

Россия, несмотря на наличие очевидных преимуществ (научно-технический потенциал, квалифицированные кадры, значительная научная база), находится лишь на начальных этапах перехода к новой парадигме развития, что объясняется прежде всего внутренними проблемами функционирования инновационной среды.

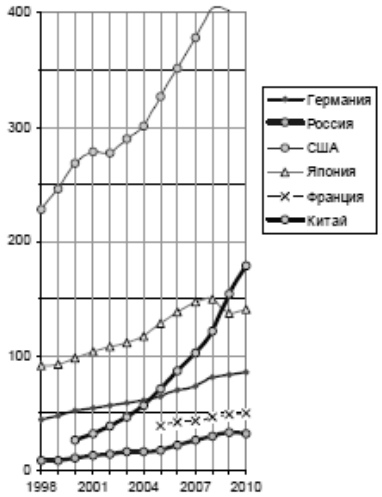


Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки в России и некоторых развитых странах (в расчете по паритету покупательной способности национальных валют; млрд долл. США)

Анализ официальной статистики показывает, что уровень инновационности отечественной экономики отстает от показателей развитых стран: доля затрат на исследования и разработки ВВП мала; у предприятий отсутствуют возможности для полноценного финансирования исследований и инвестиций; инновационные товары составляют небольшую долю в объемах экспорта и внутренних продаж; низкими темпами обновляется оборудование; ограничено

применение информационных технологий в проектировании и управлении производственными процессами, недостаточно развиты механизмы коммерциализации НИОКР [4].

В отличие от ряда стран (в том числе БРИК), конкурентоспособность России в кризисный период снизилась. Основная проблема, как показывают исследования, – серьезные дисбалансы в финансовой системе, вызванные глобальными потрясениями. В частности, в стране слабо развиты законодательная, финансовая, научно-техническая, кадровая и институциональная базы инновационного роста (табл. 1) [5].

Таблица 1

Рейтинговые оценки конкурентоспособности отдельных стран и России (методика ВЭФ)

Страна	Рейтинг страны по индексу GCI (всего исследуются 134 страны)	Балльная оценка GCI* (максимальный показатель – 7 баллов)	Рейтинг страны по субиндексу «инновационные факторы»	Балльная оценка субиндекса «инновационные факторы»
Швейцария	1	5,60	3	5,68
США	2	5,59	1	5,71
Сингапур	3	5,55	10	5,15
Швеция	4	5,51	4	5,53
Дания	5	5,46	7	5,28
Финляндия	6	5,43	6	5,47
Германия	7	5,37	5	5,47
Япония	8	5,37	2	5,70
Канада	9	5,33	12	4,96
Нидерланды	10	5,32	9	5,17
Россия	63	4,15	73	3,47

* GCI – глобальный индекс конкурентоспособности.

Безусловно, продолжение такого курса крайне опасно для страны с позиций дальнейшего экономического и технологического отставания России от зоны развитого мира, активно вступающего в стадию постиндустриального развития.

Инновационная деятельность в развитых странах опирается на мощную ресурсную базу, характеризующуюся многообразием источников, механизмов и инструментов инвестирования. Ключевая роль в финансировании исследований и разработок на Западе в настоящее время принадлежит частному бизнесу (рис. 2) [3].

В финансировании инноваций в развитых странах активное участие принимают как крупные корпорации, так и малый и средний бизнес. При этом наиболее высока доля малых предприятий в совокупных расходах бизнеса на исследования и разработки, как правило, в небольших государствах. Так, на компании с числом сотрудников менее 250 человек во второй половине 2000-х гг. в Греции приходилось 53% инвестиций в инновации, в Норвегии – 52%, Ирландии – 47%. В то же время в крупных странах вклад малых предприятий в финансирование новых разработок не столь велик.

Рис. 2. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования в развитых странах во второй половине 2000-х гг., %. Составлено по данным ОЭСР

В частности, в США он составлял около 15%, в Германии – 9%, Японии – 8%. В этих государствах основными инвесторами в исследования и разработки выступают ведущие национальные концерны, в первую очередь автомобилестроительные и фармацевтические, ежегодные вложения которых в инновации могут достигать сегодня 8–10 млрд долл. (табл. 2) [3].

Таблица 2

Компании – мировые лидеры по объему финансирования исследований и разработок в 2009 г., млрд долл.

Компания	Сектор	Страна	Инвестиции
Toyota Motor	Автомобилестроение	Япония	9 703
Roche	Фармацевтика	Швейцария	9 177
Microsoft	Программное обеспечение	США	8 706
Volkswagen	Автомобилестроение	Германия	8 300
Pfizer	Фармацевтика	США	7 747
Novartis	Фармацевтика	Швейцария	7 391
Nokia	Телекоммуникации	Финляндия	7 163
Johnson&Johnson	Фармацевтика	США	6 980
Samsung Electronics	Электроника	Республика Корея	6 465
Sanofi-Aventis	Фармацевтика	Франция	6 550
Siemens	Оборудование и электроника	Германия	6 138
General Motors	Автомобилестроение	США	6 062
Honda Motor	Автомобилестроение	Япония	6 044
Daimler	Автомобилестроение	Германия	5 969
GlaxoSmithKline	Фармацевтика	Великобритания	5 855

Наряду с бизнесом важное значение в финансировании инноваций на Западе традиционно принадлежит государству. Его относительный вклад в финансирование внутренних затрат на исследования и разработки, хотя и заметно сократился в большинстве развитых стран в последние годы (рис. 3), остается еще достаточно высоким, составляя в 2008 г. в среднем около 28% их общих расходов на инновации (для сравнения, в 1990 г. он превышал 35%) [6].

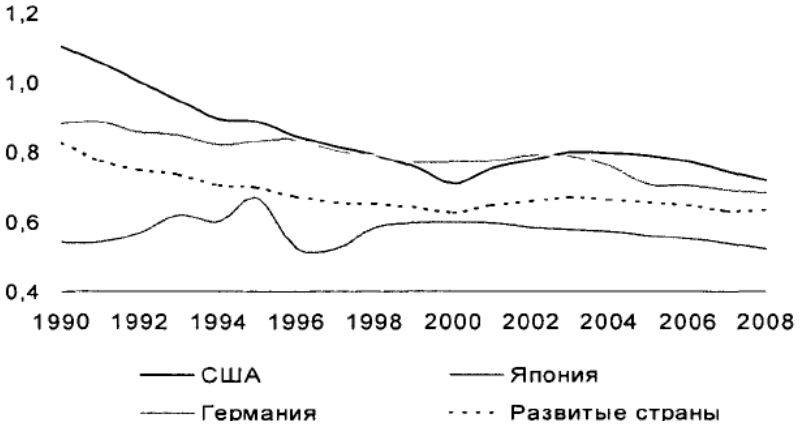


Рис. 3. Расходы государства на финансирование исследований и разработок в развитых странах в 1990–2008 гг., % ВВП. Составлено по данным ОЭСР

В структуре источников финансирования затрат на исследования и разработки во многих развитых странах в последние годы все большее значение приобретают иностранные инвестиции, что отражает происходящую глобализацию этой сферы. Так, в Великобритании в 2007 г. за счет внешних вложений было профинансировано почти 18% общего объема национальных расходов на науку, в странах ЕС – в среднем 9%. Исключение составляют США и Япония, где зарубежный капитал в инновационном секторе практически не присутствует [7].

В настоящее время в большинстве ведущих развитых стран сформированы эффективные национальные системы финансирования инноваций, обеспечивающие высокую доступность инвестиционных ресурсов для всех субъектов инновационной деятельности, включая компании, исследовательские организации, университеты. Благодаря масштабным инвестициям в фундаментальные и прикладные исследования и разработки в развитых странах сегодня формируется принципиально новый, нередко называемый постиндустриальным, тип «экономики знаний», основанный на широкой интеллектуализации производственных процессов и непрерывном совершенствовании подходов в области управления.

В условиях перехода экономики на инновационный путь развития инновационная стратегия должна занять принципиально новое место во всей системе государственного регулирования. Она уже не может представлять собой некий обособленный фрагмент в стратегии социально-экономического развития, а становится в центр системы государственного регулирования и пронизывает собой все ее аспекты. Она должна быть акцентирована на стимулировании трансфера знаний, в частности приобретающего форму трансфера технологий. В целях реализации стратегии инновационного развития России необходимо повысить качество работы национальных финансовых институтов и обеспечить эффективность целевого перераспределения денежных капиталов посредством разработки новых финансовых механизмов.

Под финансовым механизмом можно понимать систему управления финансовыми отношениями хозяйствующих субъектов через финансовые рычаги с помощью финансовых методов и к его элементам относить: финансовые отношения; финансовые рычаги; финансовые методы; правовое, информационное и методическое обеспечение процесса управления [8].

Финансовые методы и финансовые рычаги представляют собой функциональную управляющую подсистему, или научно-практический инструментарий механизма, а организационно-технологическое, нормативно-правовое, информационно-аналитическое обеспечение представляет собой обеспечивающую подсистему механизма.

В настоящее время основными источниками финансирования инновационной деятельности в РФ являются:

− бюджетные средства – финансирование фундаментальных исследований, прикладных разработок в приоритетных направлениях и организации производства для выполнения государственных функций;

− внебюджетные средства – финансирование опытно-конструкторских разработок, высокотехнологичных проектов, организация массового производства;

− собственные средства предприятий – финансирование собственных НИОКР, закупки технологий, организация производства;

− средства иностранных инвесторов и международных финансовых организаций – финансирование международных проектов в научно-технологической сфере [9].

В консолидированном бюджете России затраты на научные исследования и научно-технический прогресс составляют всего 1,3% от общих расходов. Объем внутренних затрат на исследования и разработки в РФ в 20,5 раза ниже, чем в США, и в 7,3 раза меньше, чем в Японии. В расчете на душу населения величина расходов на науку в РФ на порядок уступает США и в 11,3 раза – Швеции. И это при том, что в развитых странах в общем объеме расходов на науку доля бюджетных средств составляет не более 25–50%, а в

России бюджетные средства до сих пор являются основным источником финансирования научной сферы.

Важную роль в развитии инновационных процессов играют финансовые институты, которые формируются как с участием государства, так и с участием частного бизнеса.

Термин «государственно-частное партнерство» (ГЧП; Public-Private Partnership, PPP) появился в начале 1980-х гг. для характеристики особых отношений между государством и частным сектором. Как правило, эти отношения складывались и развивались в сфере производственной и социальной инфраструктуры. Это касалось автомобильных и железных дорог, аэропортов, морских портов, энергетических сетей, коммунального хозяйства, телекоммуникаций, объектов образования, здравоохранения и культуры. Характерно, что возникновение такого рода отношений стало следствием общего курса на либерализацию и сокращение государственного участия в экономике.

За рубежом, несмотря на общую точку зрения по поводу предмета ГЧП, также нет общепринятого толкования этого явления хозяйственной жизни. В разных странах даются свои определения. В США, например, ГЧП понимается как закрепленное в договорной форме соглашение между государством и частной компанией, позволяющее последней определенным образом участвовать в государственной собственности в большей степени по сравнению с существующей практикой. Такое соглашение обычно предполагает наличие контракта соответствующего правительственного агентства с частной компанией, предметом которого выступает реконструкция, строительство объекта государственной собственности и / или его эксплуатация, управление и т.п. Основные права собственности в отношении данного объекта не изменяются, государство даже после передачи объекта частной компании остается его собственником. Термин ГЧП определяет широкий спектр отношений в диапазоне от относительно простых контрактов, по которым частная компания принимает на себя определенные риски и соглашается на систему штрафных санкций, до комплексных, технически сложных проектов, включающих строительство, модернизацию, эксплуатацию объектов и управление ими [10].

В ЕС в последние годы вышло довольно много документов, которые затрагивают вопросы ГЧП [11]. В Зеленой книге «Государственно-частное партнерство и законодательство Сообщества по государственным контрактам и концессиям» говорится, что «термин «государственно-частное партнерство» не определен на уровне Сообщества. В общем плане под ним понимаются формы кооперации между общественными властями и бизнесом, которые служат цели обеспечения финансирования, строительства, модернизации, управления, эксплуатации инфраструктуры или оказания услуг [12].

В настоящее время государственно-частное партнерство понимается, как правило, в двух смыслах [13]. В теоретическом контексте это система отношений государства и бизнеса в договорной (контрактной) форме, которая широко используется в качестве инструмента национального, международного, регионального, городского, муниципального экономического и социального развития и планирования. С практической точки зрения, это конкретные проекты, реализуемые различными государственными органами и бизнесом совместно или только частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности.

В научной литературе выделяют ряд родовых признаков ГЧП, наличие которых обязательно в каждом реализуемом проекте и позволяет отличать этот механизм от других форм взаимодействия государства и бизнеса [13]. Прежде всего, предметом ГЧП выступает государственная и муниципальная собственность, а также услуги, оказываемые государством, муниципальными органами власти и бюджетными организациями. Далее партнерство оформляется специальным договором (соглашением, контрактом) между государством и участниками со стороны частного сектора. Кроме того, можно выделить обязательное условие ГЧП – соинвестирование государством и частными компаниями и разделение рисков между всеми участниками проекта. В отдельных случаях проект может финансироваться исключительно частным сектором. Наконец, проект ГЧП действует в течение фиксированного, закрепленного договором срока. По его завершении объект либо передается государству, либо партнерство может быть продолжено на основе нового договора. Таким образом, проекты государственно-частного партнерства – это особый вид сотрудничества государственного и частного секторов в рамках реализации экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления.

Формы ГЧП могут быть самыми разнообразными. В зарубежной и отечественной экономической литературе можно найти множество классификаций разновидностей, форм, типов и видов партнерства государства и бизнеса в хозяйственной сфере. В качестве критериев обычно используются правоотношения собственности (владение, пользование, распоряжение), степень зависимости от государства, в первую очередь в вопросах финансирования и разделения рисков, и другие параметры. Наиболее обоснованной и широко используемой в мировой практике стала классификация проектов ГЧП, разработанная Всемирным банком. Согласно ей выделяются четыре категории ГЧП:

1) контракты на управление и арендные договоры (*management and lease contracts*);

2) концессии (*concession*);

3) проекты, предполагающие новое строительство «под ключ» (*greenfield projects*);

4) частичная приватизация активов (*divestiture*) [14].

Из рассмотренных типов ГЧП в Российском законодательстве пока закреплены лишь три (BOT, BTO, BOO) [15]. Тем не менее, по данным на 2013 г., 64 региона страны (77% от всех субъектов РФ) участвуют в 322 проектах ГЧП [16]. При этом регионы областью применения механизмов ГЧП считают не только инфраструктурные проекты, но и проекты любой отрасли, так как их реализация способна обеспечить рост экономики, создать дополнительные рабочие места, увеличить налоговые поступления в бюджет.

Самыми масштабными по объемам капитальных вложений являются проекты ГЧП в области транспортной инфраструктуры. В основном они реализуются при строительстве автомобильных дорог. Тем не менее есть редкие примеры сотрудничества государства и бизнеса в сфере железнодорожного строительства. Уникальным проектом ГЧП стала станция метро «Мякинино», построенная по инициативе ЗАО «Крокус», вложившего в проект 600 млн руб. Это оказалось выгодно всем сторонам сделки: и Московскому метрополитену, и инвестору, обеспечившему приток клиентов в торговый центр, расположенный рядом с метро, и Московской области, на территории которой расположилась станция (в шаговой доступности от метро расположены Дом правительства Московской области, Московский областной суд и другие административные здания).

По программе развития транспортной системы Москвы до 2020 г. планируется построить почти 150 км новых линий метро. Возможно, при реализации этих планов будет использован частный капитал, как в случае с метро «Мякинино». Однако следует отметить, что участие бизнеса в таких проектах – скорее исключение, чем правило. И вряд ли ситуация изменится: необходимо слишком уникальное сочетание условий, чтобы подобный проект был реализован. К примеру, только лишь увеличением стоимости квартир в девелоперских проектах частных инвесторов не привлечь, а возможность дать им право взимать плату за проезд представляется делом очень отдаленной перспективы.

Примером ГЧП по строительству железной дороги является создание ветки Кызыл–Курагино в Туве. «Тувинская инвестиционная корпорация» построит за свой счет дорогу, соединяющую Элегестское месторождение коксующегося каменного угля. Государство же будет гарантировать кредиты или облигационные займы. Как и в случае с метро «Мякинино», в этом проекте совпали уникальные условия: разработка угольного месторождения окупит затраты на строительство дороги. Если бы не близость Транссибирской магистрали и не величина разведанных запасов угля (более 800 млрд т), вряд ли бы нашелся частный инвестор, готовый вложиться в проект. К тому же строительство железной дороги – это огромные капитальные вложения, длинный период окупаемости и далеко не всегда возможность чисто коммерческого использования.

Стоит отдельно сказать о перспективах ГЧП в сфере авиаперевозок. Успешно реализованный проект реконструкции аэропорта «Пулково» в Санкт-Петербурге стал пилотным в данной сфере. Учитывая, что износ основных фондов большинства аэропортов составляет от 40 до 80%, в ближайшие годы можно ожидать новых проектов ГЧП по их реконструкции. Этот вывод подтверждается и готовностью государства софинансировать такие проекты: в 2013–2015 гг. на реконструкцию аэропортов планируется потратить 172,5 млрд руб. (немногим меньше, чем за предыдущие 13 лет).

Однако перспективы ГЧП куда более масштабны в автомобильном транспорте. У всех на слуху проекты строительства новых и реконструкции старых федеральных дорог, расходящихся от Москвы. На присоединенных к столице территориях планируется проложить транспортную хорду «Солнцево–Бутово–Видное», строительство которой намеревается профинансировать девелопер MD Group. Внутри МКАД правительство Москвы предлагает бизнесу поучаствовать в строительстве платных дублеров Кутузовского проспекта.

Ни один проект ГЧП не может быть реализован без понятной для частного инвестора выгоды. В случае с хордой в Новой Москве улучшение транспортной доступности возводимого девелопером микрорайона приведет к повышению стоимости недвижимости. Внутри МКАД, где крупных площадок осталось мало и где плотность транспортной инфраструктуры выше, подобный проект вряд ли будет возможен. В «старой» Москве далеко не всегда возможно введение платы за проезд на автомобильной дороге. Поэтому платные дублеры Кутузовского проспекта, вероятно, останутся одними из немногих подобных проектов. На территории Новой Москвы дорога к девелоперскому проекту вполне сможет привлечь частное финансирование. Представляется также, что такой формат развития сети автомобильных дорог на присоединенных территориях будет основным.

Один из интересных проектов уже в сфере социального обеспечения – строительство сети частных домов престарелых, развиваемой Senior Group. К 2015 г. планируется довести количество заведений с 5 до 25, часть из них будут открыты по программе государственно-частного партнерства. Главными регионами реализации проекта станут Московская область и Бурятия. В настоящее время уже есть определенные договоренности с инвесторами по московскому региону, и ожидается только решение конкурсной комиссии. В Бурятии вопрос с инвесторами еще не решен, но есть поддержка местных чиновников. Инвестиции в строительство домов престарелых в Московской области оцениваются в 1 млрд руб., а сроки сдачи первого объекта, обустроенного в рамках ГЧП, намечены на 2014 г.

Пожалуй, наиболее известный проект ГЧП в системе здравоохранения – сделка сети клиник «Медси», подконтрольной АФК «Система», с правительством Москвы. В 2012 г. в обмен на 25% акций объединенной компании правительство Москвы передало «Медси» 5 поликлиник, 3 стационара и 3 санатория (активы ГУП «Медицинский центр управления делами мэра и правительства Москвы»). К участию в сделке был приглашен также американский инвестиционный фонд ApaxPartners, специализирующийся на медицинских активах, и РФПИ, которые совместными усилиями вложат порядка 6 млрд долл. в развитие сети. Доли участников распределятся следующим образом: половину получит АФК «Система», четверть – правительство Москвы, по одной восьмой – ApaxPartners и РФПИ.

Другим примером сотрудничества бизнеса и власти в области медицины также является частный перинатальный центр в Казани, который в 2012 г. по соглашению с мэрией города открыла российско-финская ком-

пания ОАО «АВА-Петер» (SPV – «АВА-Казань»). Со стороны города в проект была передана больница (стоимость – около 100 млн руб.), а частный партнер вкладывался деньгами (41,2 млн руб.) и опытом [15].

На основе ГЧП сейчас развивается несколько сетей гемодиализных центров в регионах РФ. Эта сфера здравоохранения наряду с перинатальной медициной особо привлекательна для частных инвесторов. Объясняется это относительной простотой организации таких центров и их сервисным уклоном по сравнению с полноценными больницами: частный сервис всегда был лучше государственного.

В настоящее время правительство Москвы проводит road show по крупнейшим городам мира с целью привлечь внимание к проектам ГЧП. Помимо платного дублера Кутузовского проспекта, презентуется проект реконструкции 63-й городской клинической больницы. Высокий уровень жизни и платежеспособный спрос на качественное медицинское обслуживание делают проекты ГЧП в московском здравоохранении привлекательными для частных инвесторов. Московская медицина, безусловно, будет показательной сферой развития ГЧП.

Основные направления ГЧП в инновационной сфере – участие государства в развитии системы венчурного финансирования; государственно-частное финансирование различных программ инновационной направленности, государственный заказ на исследования и разработки; государственное содействие становлению институтов современного рынка инноваций, центров трансфера технологий, патентования и защиты прав собственников интеллектуального продукта. Это направление ГЧП также опирается на богатый международный опыт, который должен быть востребован в России в связи с неудовлетворительными темпами и масштабами инновационных процессов в ее экономике.

Для реализации проектов государственно-частного партнерства требуется использование разнообразных форм и методов частного и государственного финансирования. С одной стороны, государство должно предоставлять целевое финансирование на создание отдельных наиболее важных объектов инфраструктурного хозяйства. С другой стороны, ему необходимо максимально стимулировать частные инвестиции посредством предоставления финансовых гарантий. Для частного капитала существуют различные финансовые инструменты, включая банковское кредитование и синдикацию (в случае предоставления крупных кредитов), прямое инвестирование и выпуск ценных бумаг. Наконец, для проектов рекомендуется привлечение международных финансовых институтов, обладающих значительными ресурсами и имеющих опыт реализации подобного рода проектов, а также способных повысить привлекательность проекта и тем самым привлечь новых инвесторов, в том числе зарубежных.

Отметим, что в России в настоящее время уже активно создаются так называемые институты развития – Инвестиционный и Венчурный фонды и Банк (Корпорация) развития РФ. Их цель – поддержка, стимулирование и непосредственное инвестирование государственных средств в важнейшие инвестиционные проекты России, в том числе на принципах государственно-частного финансирования.

Инвестиционный фонд, наполняемый и за счет средств Стабилизационного фонда РФ, начал функционировать в 2006 г., обеспечивая вложение государственных инвестиций в наиболее важные экономические сферы. Инвестиционный фонд в настоящее время отбирает проекты двух типов: транспортные и проекты промышленного развития территорий и освоения новых месторождений полезных ископаемых. Доля федерального финансирования в них составляет от 13 до 60% [17].

Работа подобных государственных инвестиционных фондов способна приносить существенную экономическую и политическую выгоду только в случае финансирования проектов, направленных на повышение производительности труда, создание благоприятных условий для дальнейших частных инвестиций в экономику и промышленность, развития в первую очередь базовых отраслей экономики – транспортной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, некоторых сфер энергетики и т.д. [18].

Для кардинального улучшения ситуации с развитием в нашей стране ГЧП в инновационной сфере предстоит большая работа, которая должна выполняться органами государственной власти. Учитывая мировую практику и недостаточный опыт российских органов государственного и местного управления в использовании форм и механизмов ГЧП, в России в ближайшее время потребуется усовершенствование концессионного законодательства и устранения имеющихся бюджетных ограничений по финансовым схемам ГЧП.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Россия* и страны мира. 2012 : стат. сб. М., 2012.
2. *Business* enterprise intramural expenditure on R&D by industry // SourceOECD Science and Technology Statistics. Vol. 2009/1. Paris : OECD, 2010.
3. *Никонова Я.И.* Мировой опыт финансирования государственной инновационной стратегии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 151–157.
4. *Никонова Я.И.* Современные тенденции формирования стратегии инновационного развития экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 117–122.
5. *Данные* ВЭФ: Global Competitiveness Report 2009–2010. World Economic Forum, 2009. URL : http://www.gcr.weforum.org
6. *OECD* Science, Technology and Industry Outlook 2010. Paris : OECD, 2010. P. 31, 32.
7. *Финансирование* инновационного развития. Сравнительный обзор опыта стран ЕЭК ООН в области финансирования предприятий на ранних этапах развития. Женева : ЕЭК ООН, 2007. С. 8.
8. *Никонова Я.И., Казаков В.В.* Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
9. *Казаков В.В.* Организационно-финансовый механизм формирования и реализации инновационной политики экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 157–164.
10. *Report* to Congress on Public-Private Partnerships. Wash., 2004. P. 10.

11. *Green* Paper on Services of General Interest. Brussels, COM(2003) 270. 21.05.2003: European Parliament Resolution on the Green Paper on Services of General Interest. Brussels. 14.01.2004 (T5-0018/2004).
12. *Green* Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions. Brussels, 30.04.2004. P. 3.
13. *Варнавский В.* Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 9. С. 41–50.
14. URL: http://ppi.worldbank.org/resources/ppi_methodology.aspx
15. *Гагарин П.А., Двинянин Е.А.* Государственно-частное партнерство как инструмент реализации масштабных проектов. Аналитическое исследование. 14 марта 2013 г. URL: http://www.webcitation.org/6FclsScjo (дата обращения: 13.03.2014).
16. *Инфраструктура* и ГЧП в России. URL: http://www.pppi.ru (дата обращения: 13.03.2014).
17. *Бадалов А.Л.* Частно-государственное партнерство в реализации инвестиционных проектов // ЭКО. 2008. № 6. С. 129–141.
18. *Ивасенко А.Г., Никонова Я.И.* Мировая экономика : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 640 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 августа 2014 г.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A TOOL FOR FUNDING FOR THE STRATEGY OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 180-186. DOI: 10.17223/15617793/387/28

Nikonova Yana I. Novosibirsk Branch of Moscow Institute of Entrepreneurship and Law (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ya_shka@ngs.ru

Keywords: strategy of innovative development of Russia; financing; public-private partnership.

At a time when Russia is an economy based on the generation, dissemination and application of knowledge, dynamic economic growth, the level of competitiveness in the national and global level, the degree of national security have become defining achievements in science and technology. GDP growth and an increase in productivity in developed countries is mainly due to the production and sale of high technology products and services. Russia, despite the obvious advantages (technical and scientific potential, highly qualified personnel, a significant scientific base) is only in the initial stages of the transition to a new development paradigm that is due, above all, to the internal problems of the innovation environment. In order to implement the strategy of innovative development of Russia it is crucial to improve the quality of the work of national financial institutions and ensure the effectiveness of the trust money redistribution through the development of new financial arrangements. As world experience shows, one of the most effective methods of economic innovation is a public-private partnership (PPP) in the field of science and innovation. At present, public-private partnership is understood, as a rule, in two senses. In the theoretical context it is a system of relations between the State and business in contract form which is widely used as a tool for national, international, regional, city, municipal economic and social development and planning. From the practical point of view, it is specific projects implemented by various government bodies and business together or by private companies only at sites of the State and municipal property. Main directions of PPP in the innovation sphere are participation of the State in the development of venture capital financing; public-private financing of various programs, innovative orientation of the State order for research and development; public promotion of institutions of the modern market innovation, centers for technology transfer, patenting and protection of the rights of intellectual product owners. This PPP also relies on a rich international experience which must be claimed in Russia in connection with the unsatisfactory rate and extent of innovation in the economy.

REFERENCES

1. Russia and the countries of the world. 2012: a collection of statistics. Moscow, 2012. (In Russian).
2. Business enterprise intramural expenditure on R&D by industry. SourceOECD Science and Technology Statistics. Vol. 2009/1. Paris: OECD, 2010.
3. Nikonova Ya.I. Modern tendencies of forming the strategy of innovative development of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 373, pp. 151-157. (In Russian).
4. Nikonova Ya.I. Modern tendencies of economic systems innovative development strategy formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 367, pp. 117-122. (In Russian).
5. Global Competitiveness Report 2009–2010. World Economic Forum, 2009. Available at: http://www.gcr.weforum.org.
6. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2010. Paris: OECD, 2010, pp. 31-32.
7. Financing Innovative Development. A comparative review of the experiences of UNECE countries in the area of financing of early-stage development. Geneva: UNECE, 2007. (In Russian).
8. Nikonova Ya.I., Kazakov V.V. Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 127-133.
9. Kazakov V.V. Organizational-financial mechanism of formation and realization of innovation policy of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 363, pp. 157-164.
10. Report to Congress on Public-Private Partnerships. Washington, 2004.
11. Green Paper on Services of General Interest. Brussels, COM(2003) 270. 21.05.2003: European Parliament Resolution on the Green Paper on Services of General Interest. Brussels. 14.01.2004 (T5-0018/2004).
12. Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions. Brussels, 30.04.2004.
13. Varnavskiy V. Public-Private Partnership: Some Issues of Theory and Practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2011, no. 9, pp. 41-50. (In Russian).
14. Available at: http://ppi.worldbank.org/resources/ppi_methodology.aspx.
15. Gagarin P.A., Dvinyanin E.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak instrument realizatsii masshtabnykh proektov. Analiticheskoe issledovanie. 14 marta 2013 g.* [Public-private partnerships as a tool for implementing large-scale projects. Analytical study. March 14, 2013]. Available at: http://www.webcitation.org/6FclsScjo. (Accessed: 13th March 2014).
16. Infrastructure and PPP in Russia. Available at: http://www.pppi.ru. (Accessed: 13th March 2014). (In Russian).
17. Badalov A.L. Public-private partnership in the implementation of investment projects. *EKO*, 2008, no. 6, pp. 129-141. (In Russian).
18. Ivasenko A.G., Nikonova Ya.I. *Mirovaya ekonomika* [The World Economy]. Moscow: KNORUS Publ., 2010. 640 p.

Received: 12 August 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 187–193 DOI: 10.17223/15617793/387/29

УДК 336

В.Е. Проскуро

РОЛЬ МАРКЕТИНГА В ФИНАНСОВОМ СТРАТЕГИРОВАНИИ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНСИОННОГО ФОНДА

Рассматривается применение маркетинга в формировании и реализации финансовой стратегии пенсионных фондов. Особенность статьи заключается в наличии практических примеров и их критического осмысления. Предложен сравнительный анализ в табличной форме значимых отечественных НПФ по признакам, отражающим позиционирование фонда, рассматриваются состояние пенсионного рынка России, действия его участников. Значительное внимание уделено статистической информации, относящейся к пенсионному сектору.

Ключевые слова: маркетинг; стратегия; тактика; пенсионный фонд; пенсионный рынок; корпорация; бренд.

В современных экономических условиях организации в своей деятельности ориентированы, главным образом, на положительные финансовые результаты. При верховенстве получения прибыли в «дереве целей» не менее важным является выполнение задач, которые прямо не обусловливают прибыльность, но опосредованно способствуют оптимизации деятельности организации, становлению фундамента для ее развития.

В частности, приоритетной задачей управления большинства коммерческих организаций являются привлечение клиентов и укрепление связей с партнерами. Для формирования клиентской базы и доверительных отношений сотрудничества организациям (в случае, если они ориентированы на долгосрочный жизненный цикл) необходимо сформировать положительный образ, включающий корректную линию поведения на рынке и сопутствующие внешние атрибуты. Иными словами, немалый прирост рыночной капитализации обеспечивает заработанный «гудвилл». Соответствующим разделом экономики, в рамках реализации принципов которого организация формирует свой главный нематериальный актив, является маркетинг.

Ориентация организаций на рентабельность и эффективность своей деятельности обусловливает необходимость рассмотрения маркетинга в структуре финансового стратегирования организации.

С момента первого появления в экономической литературе в начале XIX в. было предложено более 200 определений маркетинга. Классическое определение дано Ф. Котлером: маркетинг – это вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена. По мнению Американской ассоциации маркетинга, маркетинг представляет собой процесс планирования и воплощения замысла, ценообразования, продвижения и реализации идей, товаров и услуг посредством обмена, удовлетворяющего цели отдельных лиц и организаций. А. Панкрухин, в свою очередь, называет маркетинг «рыночной философией, стратегией и тактикой мышления и действия субъектов рыночных отношений…» [1].

Маркетинговая тактика ориентирована, в первую очередь, на конъюнктурные факторы формирования рыночного спроса, на текущую номенклатуру товаров фирмы. Тактика маркетинга должна обеспечивать активную деятельность компании и стимулировать каждого сотрудника к эффективной работе [2].

Маркетинговая стратегия определяется как долгосрочное согласование возможностей фирмы с ситуацией на рынке, соотнесение внутренней и внешней сред деятельности. Инструментами реализации маркетинговых мероприятий на стратегическом уровне являются: совершенствование организационной структуры фирмы, организация проникновения на новые товарные рынки, разработка и введение на рынок нового товара, свертывание деловой активности и уход с неприбыльных рынков, проникновение на новые рынки посредством создания совместных предприятий, кооперация с опытными фирмами [Там же].

В свою очередь, финансовая стратегия определяется, в частности, как генеральный план действий предприятия, охватывающий формирование финансов и их планирование для обеспечения финансовой стабильности и включающий: 1) планирование, учет, анализ и контроль финансового состояния; 2) оптимизацию основных и оборотных средств; 3) распределение прибыли.

К задачам финансовой стратегии относятся: определение способов успешного использования финансовых возможностей, осуществление перспективных финансовых взаимоотношений предприятия, финансирование операционной и инвестиционной деятельности, изучение возможностей вероятных конкурентов, разработка и осуществление мероприятий по обеспечению финансовой устойчивости [3].

И. Бланк [4. С. 10] схематично обобщает «стратегический набор» предприятия (рис. 1). Из данной схемы следует, что финансовая стратегия является главенствующей в общем наборе функциональных стратегий.

Рис. 1. Место финансовой стратегии в стратегическом наборе предприятия

Таким образом, финансовая стратегия расценивается в теории управления как центральное понятие, ставится во главу угла при рассмотрении планирования деятельности предприятия.

Тем не менее в зарубежной литературе в развитии предприятия как одна из ведущих рассматривается стратегия маркетинга. Труды авторов данного направления (Ф. Котлер, М. Портер, Дж. Траут, Т. Левит и др.) установили значимость маркетинга в западной экономической системе. Кроме того, многие маркетологи зачастую приравнивают стратегию маркетинга к стратегическому плану развития организации [5].

В отечественной науке маркетинг является относительно слабо проработанной отраслью. Но с начала 1990-х гг. она приобрела особое значение в условиях перехода к рыночной системе хозяйствования. Поэтому анализ роли и значения маркетинга актуален, в первую очередь, для деятельности относительно молодых для России институтов – негосударственных пенсионных фондов (НПФ), получивших развитие благодаря активной деятельности государства и самих НПФ по вовлечению граждан в управление посткарьерным будущим. Кроме того, вопрос эффективности пенсионных фондов имеет в России особое значение ввиду сложной демографической ситуации, а также текущего реформирования пенсионной системы с целью ее оптимизации.

Исходя из того что эффективность реализации принципов маркетинга напрямую зависит от адекватной постановки соответствующих задач, рассмотрение места маркетинга в структуре стратегий негосударственного пенсионного фонда становится средством поиска эффективных путей их развития.

Итак, для пенсионных фондов характерна основная задача маркетинга – продвижение своего продукта на рынке, коим в обобщенном виде является материальная обеспеченность, финансовая свобода после окончания трудовой деятельности.

В 1994 г. поднимается вопрос внешнего представления идеи негосударственных пенсионных фондов на начальном этапе привлечения клиентов. Под идеологией НПФ подразумевается набор основных тезисов и идей, используемых НПФ при проведении PR-кампании, рекламы и маркетинга. При этом рассматривается несколько направлений деятельности: а) отношения НПФ с государственными органами и структурами; б) взаимоотношения работодателя с НПФ; в) отношения граждан (физических лиц) с НПФ.

Е. Якушев выдвигает тезис о том, что «совместное создание и использование общего мифа, сказки, набора смыслов и понятий, логических построений, рекламных идей всеми пенсионными фондами в той части рекламной компании, которая касается внедрения идеи дополнительного пенсионного обеспечения в массовое сознание, позволяет более эффективно организовать пропагандистскую компанию <…> фонда» [6].

К настоящему времени НПФ является институтом, образ которого закреплен в сознании россиянина как реальная альтернатива государству в собственном пенсионном обеспечении, один из элементов личного долгосрочного накопления. При этом цели и задачи действующих и новых пенсионных фондов существенно разнятся. Для первых важнее долгосрочная стабильность, сохранение клиентской базы, положительная динамика финансовых показателей. Для вторых первостепенное значение имеет объем средств, переданных учредителями. Если их объем незначителен, то для закрепления в выбранном сегменте рынка могут потребоваться серьезные усилия руководства, включающие, в том числе, рекламные кампании.

В 2013 г. в связи с грядущими изменениями в пенсионном законодательстве российские НПФ провели масштабные программы с целью привлечения средств «молчунов». По словам президента НПФ Сбербанка Г. Морозовой, «во второй половине 2013 г. количество переводов в негосударственный сектор возросло до рекордных показателей», а по итогам 2013 г. клиентская база НПФ оценивается в 27 млн человек. Наиболее агрессивные игроки предлагали свои услуги в магазинах федеральных ритейлеров: «Евросеть» (НПФ электроэнергетики), «Связной» (многолетний партнер НПФ «КИТ Финанс»). Большинство фондов привлекали накопления через банковские сети, в том числе родственные (НПФ «ВТБ», НПФ Сбербанка). По информации от менеджера одного из фондов, ажиотаж на рынке привел к росту комиссионных вознаграждений для агентов с 1 500 руб. в 2011 г. до 5 000 руб. в 2013 г. По мнению председателя правления НПФ «Первый национальный» В. Плотникова, главным преимуществом накопительной компоненты для клиентов является наследуемость пенсионных накоплений по сравнению с неопределенностью расчетов страховой части пенсии в баллах [7].

Результатами гонки НПФ за клиентами явился беспрецедентный рост объема пенсионных накоплений и пенсионных резервов. За 3-й квартал 2013 г. пенсионные резервы НПФ увеличились на 5% – до 801 млрд руб., пенсионные накопления приумножились почти в 1,5 раза – до 986 млрд руб. (объем средств пенсионных накоплений в управлении «Внешэкономбанка», государственного пенсионного управляющего, по состоянию на 30.09.2013 г. оценивается в 1,8 трлн руб.). Таким образом, к октябрю 2013 г. частные пенсионные фонды собрали почти 2 трлн руб. активов, а обязательное пенсионное страхование в пенсионных фондах впервые опередило по объемам корпоративные пенсионные программы [Там же].

Столь серьезный прирост средств в управлении в значительной мере обусловлен нацеленной работой секторов связей с общественностью НПФ. Другими словами, положительная динамика рассмотренных показателей является результатом действенных мероприятий, имеющих целью массовое привлечение клиентов, что является частью реализации маркетинговой стратегии.

Проведем сравнение крупнейших отечественных НПФ по выбранным признакам (таблица).

По итогам сравнительного анализа получены следующие выводы.

1. Большинство фондов создано с 1993 по 1997 г. В свою очередь, НПФ «Нефтегарант», НПФ «Транснефть», НПФ «РГС», НПФ «ВТБ», НПФ «КИТ Финанс» созданы в 2000 г. и позднее. Момент создания фонда отражает последовательное развитие пенсионной сферы

в России. Фонды, созданные в первой волне, функционировали в условиях большей неопределенности (в отдельных случаях – без действующего закона «О негосударственных пенсионных фондах»). После 2000 г. ситуация в экономике России стабилизировалась.

2. За исключением НПФ «Райффайзен», все фонды имеют по меньшей мере один из присвоенных рейтингов надежности от агентств «Эксперт РА» и «НРА». Данная отличительная особенность выступает частью образа устойчивого фонда. Акцентируя внимание на данном образе, НПФ «Сургутнефтегаз» располагает фразу «Наивысший рейтинг надежности “А++”» на официальном сайте, включая ее в эмблему вместе с фирменным наименованием.

Основные параметры отечественных НПФ, входящих в топ-20 по объему собственного имущества, по состоянию на 30.09.2013 г.

Название фонда, эмблема, год создания, корпоративный цвет	Ключевые фразы	Сведения о контролирующих фонд лицах	Рейтинги («Эксперт РА» / НРА)
ГАЗФОНД НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕНСИОННЫЙ ФОНД Корпоративный цвет – синий. Год создания – 1994	«Надежный фундамент Вашего будущего»; «Достаток в старости – продление молодости» (Чарльз Лэм); «Будущее приобретается в настоящем» (Сэмюэль Джонсон)	Учредители: ОАО «Газпром»; «Газпромбанк» (Открытое акционерное общество); ООО «Газпром добыча Уренгой»; ООО «Газпром добыча Ямбург»; ООО «Газпром трансгаз Саратов»	А++ / –
НПФ БЛАГОСОСТОЯНИЕ Корпоративный цвет – зеленый. Год создания – 1996	«Уверенность в будущем в любом возрасте»; «Государство удваивает взнос»; «Пусть накопления растут»; «Две пенсии – всегда лучше»	Учредители: ОАО «Российские железные дороги»; Общественная организация «Российский профессиональный союз железнодорожников и транспортных строителей» и др.	А++ / ААА
Лукойл-Гарант Негосударственный пенсионный фонд Корпоративные цвета: серый, малиновый. Год создания – 1994	«Успей сделать выбор»; «Лукойл – Гарант № 1 в России»	Учредители: ОАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»; ОАО «Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития»; ОАО «Чековый инвестиционный фонд «ЛУКойл-Фонд»; ОАО Акционерный банк «Империал»; Международное объединение профсоюзных организаций; ОАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»; ООО «Компания Билд»; Закрытое акционерное общество «Флимс Инжиниринг»; ОАО «Прессинвест-1»; ООО «В.А. Инвест»; «Риенко Инвестментс Лимитед» (Rienco Investments Limited); ОАО «ЛК Лизинг»	А++ / ААА
ПЕНСИОННЫЙ ФОНД ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ Корпоративный цвет – бронзовый. Год создания – 1994	«Жить легко! Когда уверен в будущем»; «Сделай шаг в нужном направлении – выбери свой пенсионный фонд»	Учредители: ОАО «ФСК ЕЭС»; ОАО «МРСК Северо-Запада»; ОАО «МРСК Юга»; ОАО «МРСК Центра»; ОАО «МРСК Центра и Приволжья»; ОАО «МРСК Северного Кавказа»; ОАО «Кубаньэнерго»; ОАО «Ленэнерго»; ОАО «МРСК Волги». Всего в состав учредителей входят 80 предприятий различных отраслей экономики	А++ / ААА
НПФ СБЕРБАНК Негосударственный пенсионный фонд Корпоративный цвет – зеленый. Год создания – 1995	«Останься собой»	Учредители: ОАО «Сбербанк России»	А++ / ААА
НАСЛЕДИЕ негосударственный пенсионный фонд Корпоративные цвета: светло-оранжевый, синий. Год создания – 1993	«20 лет деятельности»	13.12.1993 г. НПФ «Интеррос-Достоинство» первым получил лицензию. В августе 1996 г. к Фонду был присоединен Корпоративный НПФ «Норильский никель». 29.08.2013 г. НПФ «Норильский никель» был переименован в НПФ «Наследие». 29.08.2013 г. – ребрендинг: НПФ «Норильский никель» получил текущее название. Компания Ильи Щербовича United Capital Partners приобрела Фонд за 85 млн долл. (2,7 млрд руб.), т.е. менее чем 5% от активов (по проспекту к еврооблигациям ГМК «Норильский никель»)	– / АА
РОСГОССТРАХ ПЕНСИЯ Корпоративный цвет – малиновый. Год создания – 2002	«Получите 100% доход от государства!»; «Обеспечьте себе достойную пенсию сегодня!»; «Достойная пенсия в ваших руках!»	Учредители: ОАО «Росгосстрах»	– / –
ВТБ ПЕНСИОННЫЙ ФОНД Корпоративные цвета: синий, голубой, светло-голубой. Год создания – 2004	«От простых шагов к широким возможностям»	Учредители: ОАО Банк ВТБ	А+ / АА+

Название фонда, эмблема, год создания, корпоративный цвет	Ключевые фразы	Сведения о контролирующих фонд лицах	Рейтинги («Эксперт РА» / НРА)
КИТФинанс Пенсионный фонд Корпоративный цвет – розовый. Год создания – 2002	«Стать клиентом»	Учредители: «КИТ Финанс Пенсионный администратор» (ООО). ОАО «РЖД» участвует в формировании Совета НПФ «Благосостояние», и его представители осуществляют стратегическое управление деятельностью фонда. В свою очередь, председатель Совета НПФ «Кит Финанс» является Исполнительным директором НПФ «БЛАГОСОСТОЯНИЕ» и участвует в определении приоритетных направлений научной деятельности КИТ Финанс НПФ	A++ / AA
Транснефть Негосударственный пенсионный фонд «Транснефть» Корпоративный цвет – синий. Год создания – 2000	«Завтра начинается сегодня»; «Жизнь не стоит на месте, и каждый из нас должен понимать, что его будущее находится в его руках… и уже сегодня он в силах позаботиться о нём»	Учредители: ОАО «АК «Транснефть»	A++ / AAA
Промагрофонд Негосударственный Пенсионный Фонд Корпоративный цвет – оранжевый. Год создания – 1994	«Стабильность»; «Один из крупнейших НПФ России»; «Наивысшая степень надежности»; «НПФ “Промагрофонд”» – рядом с вами»	Учредители: ОАО «Михайловский ГОК»; ОАО «Стойленский горно-обогатительный комбинат»; Агропромышленная корпорация «Стойленская Нива»; ООО «Пенсионные технологии»	A+ / –
СтальФонд Негосударственный пенсионный фонд Корпоративный цвет – темно-синий. Год создания – 1996	«Надежность (15 лет на рынке)»; «Доходность (цель – сохранить и прирастить капитал»); «Сотрудничество (стать финансовым консультантом)»	Учредители: Профсоюзный комитет ОАО «Северсталь»; Департамент труда и социального развития Администрации Вологодской области; Комитет по управлению имуществом мэрии г. Череповца. В 2013 г. контроль над НПФ «СтальФонд» получила частная холдинговая компания O1 Group (ранее НПФ «СтальФонд» был подконтролен холдингу «Северсталь»)	A+ / AA
Ренессанс® Life & Pensions Корпоративные цвета: болотный, сиреневый. Год создания – 1994	«Инвестируйте с НПФ “Ренессанс Жизнь и Пенсии”!»	Ранее – НПФ «Альтернатива». В 2013 г. структуры Анатолия Мотылева, владельца «Глобэкс-банка», приобрели контроль над НПФ «Ренессанс Жизнь и пенсии« через приобретение ООО «Администратор “Ренессанс Жизнь и пенсии”»	A+ / –
Негосударственный пенсионный фонд Сургутнефтегаз Наивысший рейтинг надежности A++ Корпоративные цвета: красный, синий, голубой. Год создания – 1995	«Наивысший рейтинг надежности»	Учредители: ОАО «Сургутнефтегаз»; ООО «КИНЕФ»; ООО «Псковнефтепродукт»	A++ / –
нефте гарант Негосударственный пенсионный фонд Корпоративные цвета: черный, светло-оранжевый. Год создания – 2000	«Стать клиентом»	Учредители: ОАО «Нефтяная компания «Роснефть» (99,5%); ООО «Страховая компания «Нефтеполис» (0,5%)	A+ / AA–
Большой пенсионный фонд БПФ Корпоративный цвет – зеленый. Год создания – 1995	«Бережливый, Стабильный, Прозрачный, Большой, Надежный»	Относится к группе компаний «РЕНОВА» (вместе с компаниями «РусАЛ», «КЭС-холдинг» и др.)	A++ / –
Ханты-Мансийск Негосударственный пенсионный Корпоративные цвета: зеленый, синий. Год создания – 1995	«Входит в десятку крупнейших негосударственных пенсионных фондов России»	Учредители: Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югра в лице департамента государственной собственности	A / –
Национальный негосударственный пенсионный фонд Корпоративный цвет – синий. Год создания – 1997	«Хотите найти лучший путь? – Ориентируйтесь на нас»; «Не хочешь быть как все? Вступи в программу софинансирования, и твое будущее будет выгодно отличаться от всех остальных»	Учредители: ОАО «Татнефть»; ОАО Банк ЗЕНИТ; ОАО «Казаньоргсинтез»; ОАО «Нижнекамскнефтехим»; ОАО «Татэнерго»; ЗАО ИФК «Солид»	A++ / –

Название фонда, эмблема, год создания, корпоративный цвет	Ключевые фразы	Сведения о контролирующих фонд лицах	Рейтинги («Эксперт РА» / НРА)
Корпоративные цвета: серый, зеленый. Год создания – 1996	«Базовый фонд работников отрасли связи»	Учредители: ОАО «Инвестиционная компания связи»; ОАО «РОСТЕЛЕКОМ»; ОАО «ТЕЛЕКОМИНВЕСТ»; ОАО «РТК-ЛИЗИНГ»; ЗАО «КФП – ФИНАНС»; ЗАО «ГАММА – КАПИТАЛ»	A++ / AAA
Корпоративные цвета: желтый, черный. Год создания – 1996	«Создай свое будущее»	Учредители: ЗАО «Райффайзенбанк» – дочерний банк австрийской банковской группы «Райффайзен»	A++ / AA

Примечание. Составлено автором на основе [8–10], официальные сайты негосударственных пенсионных фондов.

3. Практически для всей исследуемой совокупности фондов характерны какие-либо идентифицирующие цветовые гаммы (например, для НПФ «Сбербанка» это зеленый цвет, для НПФ «КИТ Финанс» – розовый).

4. На официальных сайтах сравниваемых фондов, кроме НПФ «КИТ Финанс» и НПФ «Нефтегарант», расположены слоганы, девизы, ключевые слова, совмещаемые с иллюстрациями и гиперссылками. Стандартные ссылки без «фирменных» фраз, направляющие посетителя к процессу заключения договора с фондом, присутствуют лишь у НПФ «КИТ Финанс» и НПФ «Нефтегарант».

Основное назначение «фирменных» фраз и иллюстраций – создание образа фонда, что позволяет ему приобрести уникальность на пенсионном рынке. Исходя из того что бренды, созданные корпорациями, являющимися изначальными учредителями НПФ, успели укорениться в сознании потребителя, для привлечения клиентов своего сектора зачастую используется образ собственника фонда.

Фондами, в частности, применяются следующие приемы:

– прямое совпадение. Например, НПФ «Сургутнефтегаз», НПФ «Райффайзен», НПФ «ВТБ» однозначно ассоциируются с соответствующими корпорациями. Сокращенное название НПФ «РГС» для привлечения потребителя относительно слабое, поскольку принадлежность к группе компаний сразу не устанавливается;

– использование символики. Символ бренда «РЖД» у НПФ «Благосостояние» имеет высокую степень узнаваемости. НПФ «Сбербанка» использует символ главного учредителя наряду с прямым на него указанием;

– косвенные образы. Так, НПФ «Нефтегарант» и НПФ «Стальфонд» не предоставляют возможности опознать учредителя по наименованию. Такие названия скорее ориентированы на ассоциирование с надежностью нефтяной и металлургической отраслей соответственно;

– самостоятельное позиционирование. Может использоваться при многочисленном составе учредителей (НПФ «Национальный», «Промагрофонд», «Телеком Союз»). Для НПФ «Большой», несмотря на принадлежность к крупной группе компаний, характерно не зависимое от нее брендирование.

При этом фонды комбинируют перечисленные способы, исходя из наиболее приемлемого соотношения в зависимости от выбранного позиционирования.

Отметим, что проведенное сравнение наглядно иллюстрирует важность первичной ориентации пенсионных фондов посредством воплощения конкурентных преимуществ в процесс формирования наиболее оптимальной финансовой стратегии. В частности, использование узнаваемых брендов позволяет снизить риски провала рекламной кампании, уменьшить издержки на этапе создания образа фонда, повысить эффективность финансовой стратегии в целом. Формирование образа фонда, а также успешное осуществление ребрендинга (как в случае с НПФ «Наследие») непосредственным образом зависят от эффективности реализации маркетингового плана.

Для формирования и реализации финансовой стратегии НПФ важен также и вторичный этап. Сделки на пенсионном рынке отражают, с одной стороны, эффективность маркетинга НПФ, с другой – формирование гудвилла пенсионных фондов и фактическую оценку стоимости бренда.

На сегодня на повестке дня стоит вопрос о надежности и прозрачности НПФ отечественного пенсионного рынка. До прохождения процедуры акционирования и подготовки отчетности по международным стандартам поступление в НПФ новых объемов пенсионных накоплений в 2014 г. приостановлено. Безусловно, прозрачность структуры собственников институтов стратегически важного пенсионного сектора находится в сфере приоритетов государства. Однако отметим, что повышение интереса государства к организационно-правовым формам пенсионных фондов, по нашему мнению, связано также с повышением инвестиционной привлекательности по сравнению с периодом начала их деятельности в России. НПФ из сугубо кэптивных учреждений, осуществляющих пенсионное обеспечение исключительно персонала компаний-учредителей и связанных с ними организаций, трансформировались в рыночные институты, что значительно усилило интерес инвесторов к пенсионному бизнесу.

По словам С. Стукалова, особенность сделок по приобретению НПФ заключается в том, что «пенсионный фонд по своему правовому статусу – некоммерческая организация, поэтому его купля-продажа

законодательством не предусмотрена». Переход прав собственности происходит через смену органов управления (совета фонда), в который вводятся представители стороны покупателя [11].

Председатель совета Европейского пенсионного фонда Е. Якушев выделяет три основных схемы смены собственников НПФ [11]:

1. Увеличение вклада учредителей за счет появления в совете фонда нового лица, приравнивающегося по правам к учредителям. При этом его представители в совете начинают контролировать максимальное количество долей и голосов, а старые собственники выходят из бизнеса.

2. Переуступка по договоренности доли старого учредителя фонда покупателю. В этом случае сделка никак юридически не оформляется и отсутствует задокументированный взаиморасчет. Согласно протоколу заседания совета фонда формируется новый состав членов совета, представляющий интересы нового владельца. Ранее подобный протокол позволял новому учредителю вносить изменения в устав фонда и ЕГРЮЛ, совершать другие действия легитимного владельца. Однако в последние годы такие условия стали рискованными, так как регистрационные органы перестали менять в ЕГРЮЛ первоначальных учредителей фонда. С учетом комплексного характера сделок с НПФ, длительного срока реализации их условий (возврат реинвестиций старыми учредителями может занять больше года) имеет место риск возникновения спора по сделке.

3. Приобретение фонда через покупку контролирующей его компании (например, общества с ограниченной ответственностью, формирующего состав совета фонда). По мнению Е. Якушева, именно такая операция является наиболее прозрачной и наименее рисковой, поскольку в данном случае осуществляется легальный расчет путем купли-продажи. Кроме того, такой формат был рекомендован международными юристами. По данной схеме ЗАО «Райффайзенбанк» приобрел НПФ «Доброе дело», британская Aviva – «Фонд трудовых накоплений», а Generali PPF получила контроль над НПФ «Гарант».

Существует также пример создания иностранной компанией нового фонда: голландская ING Group в 2002 г. учредила НПФ. Весной 2009 г., после кризиса, ING отказалась от пенсионного бизнеса в России, передав права на НПФ «ИНГ» в пользу Aviva.

Наиболее привлекательным для инвестиций, по мнению С. Стукалова, считается сектор топ-30 по чистым активам среди отечественных фондов. Интерес к сделке может возникнуть как у покупателя в связи с перспективностью вложений, так и у продавца вследствие высокого уровня затрат. Так, продажа фонда «Промрегионсвязь», по словам участников рынка, была обусловлена критическим уровнем расходов для прежнего учредителя в период кризиса. «Совокупные издержки ОАО “Промсвязьбанк” на содержание большой региональной сети “Промрегионсвязи” составляли $ 1 млн в месяц» [11].

Одним из наиболее активных консолидаторов на российском рынке является НПФ «Первый национальный» (входит в группу «Русские фонды»). С 1997 по 2011 г. «Первый национальный» присоединил 14 небольших и средних региональных фондов. С крупным фондом «Социальная защита старости» (основной учредитель – Магнитогорский металлургический комбинат) «Первый национальный» работает в рамках альянса. По оценке В. Плотникова, рост активов фонда за счет консолидационных сделок составил 20% (на 30.09.2013 г. «Первый национальный» входит в топ-25 отечественного сектора по чистым активам).

Примером фонда, который специалисты считают созданным с перспективой продажи, является НПФ «КИТ Финанс». Специалисты ожидают, что структуры ОАО «РЖД» могут передать контроль над фондом лицам, близким к группе компаний «Алор». Сумма сделки оценивается в 5,6 млрд руб. Опираясь на слова представителя крупного НПФ, можно сделать вывод, что одним из признаков близости продажи фонда являются существенные темпы роста количества его участников и, соответственно, объема собственных средств. Для НПФ «КИТ Финанс» данный критерий подтверждается: с 2010 г. он входит в число лидеров по привлечению новых клиентов [12].

Таким образом, в условиях ужесточения отечественного законодательства, регулирующего работу с пенсионными ресурсами, существует вероятность того, что пенсионный фонд остается единицей регионального масштаба либо выкупается крупной корпорацией (обычно уже имеющей в своем распоряжении пенсионный фонд). Согласно выводам С. Стукалова, цена сделки по выкупу прав на НПФ зависит от объема его активов. Минимальная цена по сделкам, реализованным на российском рынке, составляет 3% от активов фонда. «В 2008–2009 гг., когда рынок пенсионного страхования был на подъеме, цена достигала 6–8% активов, а большие рыночные фонды продавались до 20% от устойчивых активов» [11]. Средняя оценка для пенсионного фонда – 10% активов [12].

Немаловажное значение для стоимости фонда при продаже имеет сформированная фондом «прибавочная стоимость», особенно с учетом малой доли средств имущества для обеспечения уставной деятельности (ИОУД) большинства фондов в сравнении с привлеченными средствами (пенсионные резервы и пенсионные накопления).

«С позиции оперативного управления деятельностью хозяйствующего субъекта и стратегии его развития оценка и прогнозирование денежных потоков имеют для него первостепенное значение. <…> В стратегическом аспекте основа получения денежного притока – это успешная, рентабельная деятельность хозяйствующего субъекта» [13. С. 456]. Поэтому отметим, что для пенсионного фонда существует необходимость не только привлечь средства участников, но и, создав устойчивый бренд, сохранить эти средства в управлении, для чего требуется корректное позиционирование фонда на рынке, что в значительной степени обеспечивается эффективным использованием маркетинга.

Резюмируем. Значимость маркетинговой стратегии обусловлена обеспечением информационных связей с внешней средой, носящих как стратегический, так и тактический характер. Поэтому непосредственная реализация маркетинга зачастую неразрывно связана с иными структурными элементами управления организацией. Однако, по нашему мнению, не совсем верно

помещать маркетинг на центральное место среди элементов корпоративной стратегии компании, в частности, пенсионного фонда – института, формально не ставящего целью получение прибыли, но по сути стремящегося к достижению максимально возможных финансовых результатов. Скорее, роль маркетинга сводится к важнейшему первичному этапу формирования финансовой стратегии при создании пенсионного фонда либо ее корректировки в соответствии с ребрендингом, сопутствующим смене собственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркетинг.* URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Маркетинг (дата обращения: 15.12.2013).
2. *Государственный* маркетинг как важный фактор совершенствования механизма управления социально-экономическими процессами в обществе. URL: http://dis.ru/library/540/25546 (дата обращения: 20.11.2013).
3. *Горицкая Н.Г.* Финансовая стратегия // Финансовый директор. 2005. № 11. С. 74–79.
4. *Бланк И.А.* Финансовая стратегия предприятия. М. : Ника-Центр, 2006. 520 с.
5. *Функциональные* стратегии развития предприятия. URL: http://venec.ulstu.ru/lib/disk/2012/ep/content/file91.htm (дата обращения: 10.11.2013).
6. *Концепция* идеологии НПФ. URL: http://pensionreform.ru/pr_ideologia (дата обращения: 17.03.2014).
7. *Как* накопить на пенсию по новым правилам. URL: http://npf.investfunds.ru/news/38271 (дата обращения: 29.01.2014).
8. *Рейтинг* надежности НПФ (НРА). URL: http://www.pensiamarket.ru/Ranking.aspx?rank=NRA&type=npf (дата обращения: 02.02.2014).
9. *Рейтинг* надежности НПФ (Эксперт РА). URL: http://www.pensiamarket.ru/Ranking.aspx?rank=RA&type=npf (дата обращения: 15.01.2014).
10. *Вторая* жизнь пенсий Реннесанса. URL: http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=2259365 (дата обращения: 21.03.2014).
11. *Ведомости*. Собиратели пенсий. URL: http://www.europf.com/europf-news-2011-04-13 (дата обращения: 21.03.2014).
12. *«Алор»* получит контроль над НПФ «КИТ Финанс». URL: http://1prime.ru/companies/20140219/778403637.html (дата обращения: 21.03.2014).
13. *Ковалев В.В.* Финансовый менеджмент: теория и практика. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. 1024 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 9 мая 2014 г.

THE ROLE OF MARKETING IN NON-STATE PENSION FUND FINANCIAL STRATEGIZING

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 187-193. DOI: 10.17223/15617793/387/29

Proskuro Vladislav E. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: proskuro@yandex.ru

Keywords: marketing; strategy; tactics; pension fund; pension market; corporation; brand.

The urgency of nongovernmental pension fund's financial strategy considering is connected with the incompleteness in reforming of the national pension system. Questions of pensionary age increasing and substitution factor reducing determine the importance of successful pension institution functioning. The latter, in its turn, depends on the efficiency of the financial strategy developed by the fund. A number of scientists investigated various aspects of pension system functioning and development: G.R. Comans, E. Whitehouse, S.V. Brovchak, M. Borisenko, E.Sh. Gontmakher, N.Y. Gorjunov, R.M. Nureyev, E.M. Chetyrkin and others. Strategical financial management is discussed in the works of I. Ansoff, J.K. Van Horne, P. Vigor, P.F. Drucker, G. Day, R. Kaplan, D. Norton, M. Porter, A.J. Strickland, F. Taylor, L. Abalkin, V.B. Akulov, M.M. Alekseev, I.A. Blanc, V.V. Kovalev and others. The theoretical basis proves that practical examples need more attention for real activity of the pension sector. Critical analysis and synthesis of information related to the pension market looks perspective if practiced by pension funds. Conclusions are important based on statistics, attendant financial information, financial results of pension funds, published reports, current legislation and perspective of its reforming, and, at last, domestic and foreign sectors comparison. All this is essential for practice and may be useful if considered and realized by managers. The article discusses the role of marketing in matters relating to financial strategizing in a nongovernmental pension fund. In the first part the author shows a theoretical preamble devoted to describing scientific views on marketing and financial strategies and their correlation. This views are based on the scientific information from thematic articles. The following part illustrates the pension sector development scale in the Russian Federation, confirming the importance of marketing activities to attract consumers. In the next section the author compares the largest domestic private non-state pension fund, determines images created by funds. Comparison data are summarized by the author in the scale, and supported by analytical resumes. After the scale there are data of market transactions in the pension sector. The scientific novelty of this article includes using a comparative analysis of the existing non-state pension funds to identify competitive advantages of market participants in generating and realization of a marketing strategy.

REFERENCES

1. Marketing. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Marketing. (Accessed: 15th December 2013). (In Russian).
2. State marketing as an important factor in improving the mechanism of socio-economic processes in the society. Available at: http://dis.ru/library/540/25546/. (Accessed: 20th November 2013). (In Russian).
3. Goritskaya N.G. Finansovaya strategiya [Financial strategy]. *Finansovyy direktor*, 2005, no. 11, pp. 74-79.
4. Blank I.A. *Finansovaya strategiya predpriyatiya* [The financial strategy of the enterprise]. Moscow: Nika-Tsentr Publ., 2006. 520 p.
5. Functional development strategy. Available at: http://venec.ulstu.ru/lib/disk/2012/ep/content/file91.htm. (Accessed: 10th November 2013). (In Russian).
6. The concept of nongovernmental pension fund ideology. Available at: http://pensionreform.ru/pr_ideologia. (Accessed: 17th March 2014). (In Russian).
7. How to save for retirement under the new rules. Available at: http://npf.investfunds.ru/news/38271. (Accessed: 29th January 2014). (In Russian).
8. Reliability rating of nongovernmental pension funds. Available at: http://www.pensiamarket.ru/Ranking.aspx?rank=NRA&type=npf. (Accessed: 02nd February 2014). (In Russian).
9. Reliability rating of nongovernmental pension funds. (RA Expert). Available at: http://www.pensiamarket.ru/Ranking.aspx?rank=RA&type=npf. (Accessed: 15th January 2014). (In Russian).
10. The second life of pensions of the Renaissance. Available at: http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=2259365. (Accessed: 21st March 2014). (In Russian).
11. Vedomosti. Gatherers of pensions. Available at: http://www.europf.com/europf-news-2011-04-13. (Accessed: 21.03.2014). (In Russian).
12. "Alor" to gain control of "KIT Finans" nongovernmental pension fund. Available at: http://1prime.ru/companies/20140219/778403637.html. (Accessed: 21st March 2014). (In Russian).
13. Kovalev V.V. *Finansovyy menedzhment: teoriya i praktika* [Financial management: theory and practice]. 2nd edition. Moscow: Prospekt Publ., 2009. 1024 p.

Received: 09 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 194–202 DOI: 10.17223/15617793/387/30

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 378.016

Д.В. Викторов

ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ФАКТОР ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В период экономических, политических, культурных изменений в сфере образования неизменными остаются высокие требования общества к личностным качествам и профессиональным компетенциям выпускников различных типов учебных заведений. Сегодня высшая школа перешла на многоуровневую систему подготовки бакалавров и магистров, предполагающую и решение вопросов поддержания, укрепления и восстановления здоровья будущих профессионалов. Фактор здоровья также играет прогрессивную роль в успешном выполнении учащейся молодёжью всех требований обучения: различные отклонения в здоровье являются препятствием для достижения успехов в образовании, объём учебных нагрузок легче переносят учащиеся с более крепким здоровьем, у них же эффективнее происходит восстановление работоспособности к очередному учебному дню, а высокий уровень физической подготовленности помогает экономично справиться с психоэмоциональными и энергетическими затратами в экзаменационный и зачётный периоды.

Ключевые слова: студенты; здоровье; ценности; физкультурное образование; здоровьесбережение.

В настоящее время постоянно возрастающая техногенная нагрузка на окружающую среду превратила значительную часть территории нашей страны в зону повышенного экологического риска. Особенно это касается Уральского региона, где в ряде городов и районов последствия экологических катастроф приобретают катастрофический характер и пагубно сказываются на здоровье населения. Все в большей степени снижается функция контроля государства за условиями труда и состоянием экологии. Если же учесть еще и влияние вредных веществ, находящихся в почве, некачественную питьевую воду, электромагнитные излучения и загрязнения, то становятся понятно, что здоровье как основной показатель отражает способность человечества наиболее эффективно осуществлять свои социальные и биологические функции в определенных условиях конкретного региона.

В соответствии с документами законодательной и нормативной базы – Законом РФ «Об образовании» и Типовыми положениями об образовательных учреждениях – здоровье выступает как мера качества жизни людей и конечный результат государственной политики: возможность для граждан относиться к своему здоровью как к непреходящей ценности, основе продления здорового рода, сохранения и укрепления трудового потенциала, повышения эффективности подготовки конкурентоспособного специалиста.

Анализ педагогической и методической литературы показывает, что в современной теории и методике оздоровления организма человека имеется хорошая научная база и продолжается научно-теоретическая и экспериментальная разработка и апробация различных моделей укрепления здоровья учащихся [2].

Вопрос здоровья и способов его поддержания освещался в исследованиях В.И. Загвязинского, П.И. Пидкасистого, Т.И. Шамовой. Формирование готовности студентов вузов к здоровьесбережению в профессиональной деятельности рассматривают М.В. Антропова, С.М. Громбах, Г.К. Зайцев, С.Г. Сериков и другие авторы в качестве принципиально важного условия сохранения и укрепления здоровья учащихся.

Вместе с тем следует отметить, что усилия, прилагаемые образовательными учреждениями в направлении организации образовательного процесса, определяющего здоровье как цель, объект и результат деятельности физической культуры учащихся, недостаточно эффективны, о чём свидетельствует, во-первых, всплеск негативных факторов, приводящих к разрушению саморегуляции физиологических систем человека либо к его гибели (В.В. Худолей), во-вторых, снижение уровня двигательной активности учащихся (И.И. Малозёмова), в-третьих, отсутствие стремления к здоровому образу жизни (Л.И. Алёшина), недостаточная инновационная деятельность в сфере физкультурно-оздоровительных занятий (И.Б. Губанцева).

Мы можем констатировать, что существующее в настоящее время традиционное образование, массовая педагогическая практика ориентированы преимущественно не на формирование физической культуры личности, а на достижение нормативного уровня физических кондиций учащихся, где программно заданная цель зачастую не имеет для молодых людей личностной значимости, поскольку в практике традиционного просвещения мир реальных объектов нередко подменяется готовыми понятиями и другими идеализированными продуктами познания, полученными не учениками, а специалистами, учеными. При этом в большей степени происходит формирование условной личностной значимости здорового образа жизни, а не развитие способов самовыражения средствами физической культуры, что обусловливается достаточно авторитарной позицией преподавателя.

Можно выделить один из приоритетных путей обучения и воспитания студенческой молодёжи, ведущих к усвоению и практическому использованию знаний и умений по сохранению и укреплению здоровья, отмечаемый педагогическими тенденциями как отечественного, так и зарубежного образования. В качестве стратегической основы в нем выступает подготовка специалистов, умеющих применять полученные знания и умения в области физической культуры на практике для здоровьесбережения организма, со-

здания безопасных, комфортных условий обитания, адаптации к опасностям и снижения их значимости, роста защищённости жизни человека.

Инструментальным обеспечением более осмысленного, целенаправленного, в наибольшей мере соответствующего индивидуальным особенностям и возможностям каждого учащегося использования средств физической культуры выступает здоровьесбережение, предполагающее: воспитание через организацию и руководство разнообразными видами физкультурно-оздоровительной деятельности и оздоровительных технологий, отказ от диктаторских приемов побуждения к занятиям физической культурой, получение учащимися удовлетворения от занятий, ориентацию на радостную перспективу, поддержку развивающейся личности.

Исследование здоровьесбережения актуально не только с научной точки зрения, но и с позиции практического использования полученных результатов, которые могут:

- явиться основой для разработки концепции формирования здорового образа жизни населения, учитываться при разработке оздоровительных программ, направленных на укрепление организма юношей и девушек;
- выступать как буфер между высокими требованиями общества к личностным качествам здоровья и физической подготовленности выпускников и недостаточным вниманием государства, руководителей ведомств и образовательных учреждений к проблемам осуществления физкультурного образования;
- создавать благоприятные условия для паритета между общественными усилиями образовательных учреждений по сохранению здоровья и недооценкой студентами роли собственной деятельности в области физической культуры для поддержания здоровья;
- быть полезны в многочисленных исследованиях вопросов поиска причин снижения здоровья студенческой молодёжи, в анализе условий формирования у молодых людей здорового образа жизни, личной безопасности, при выявлении особенностей занятий физкультурно-оздоровительной деятельностью и в собственно здоровьесберегающих исследованиях, в области создания необходимой теоретической (научно-теоретической) базы;
- максимально сгладить рассогласования между традиционными представлениями о закономерностях оздоровления личности, развитием физического состояния, творческого потенциала учащегося и появляющимися в науке и практике физической культуры новыми теориями, концепциями, инновационными технологиями, моделями, вариативными образовательными программами, требующими усиления внимания к личностно-ориентированным основам.

Совокупность выявленных реалий позволяет заключить, что в настоящее время еще не создано концепции целостного физкультурного образования, учитывающей особенности деятельности специалиста в области физической культуры на основе здоровьесберегающих компетенций студенческой молодёжи в региональной практике учебных заведений.

Специфика работы такого специалиста требует от него не только двигательных способностей, но и овладения совокупностью знаний и умений, сформированных физической культурой и практическим опытом, способностью их применять, что приводит к изменению представлений о здоровом образе жизни, внедрению результатов обучения в практику повседневной деятельности. При этом базовой должна быть здоровьесберегающая компетентность: интегральное качество физкультурного образования, выражающее практическую ориентированность личности на базе сформированных физической культурой знаний и умений в направлении сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественного здоровья, формирования здорового образа жизни, проявляющееся в общей способности и готовности к здоровьесберегающей деятельности, основанной на интеграции теоретических знаний и практического опыта.

В нынешних условиях подготовки специалистов необходимо не просто дать конкретные профессиональные знания, а заложить основу здоровьесбережения – действий в структуре учебной деятельности личности, способствующих решению профессиональных, социальных и индивидуальных задач посредством реализации знаний и использования умений оздоровления организма, формируемых с помощью средств физической культуры. Однако простое увеличение объемов информации, подлежащей усвоению, не может гарантировать главного – формирования здоровья как динамической характеристики процесса жизнедеятельности человека, определяющей способность организма наращивать, сохранять, поддерживать, укреплять соответствующий возрасту уровень жизнеобеспечивающих систем; высокую умственную и физическую работоспособность; компенсаторные, защитные, регуляторные механизмы; гармоничное физическое развитие; приспособление организма (адаптацию) к новым условиям.

По нашему мнению, актуальной проблемой подготовки студенческой молодёжи является поиск и разработка программы физкультурного образования – концепции развития системы высшего профессионального образования, позволяющей эффективно реализовывать оздоровительный, воспитательный и образовательный потенциал физического воспитания, предоставляя новые возможности для всестороннего культурного развития личности студента.

Исходя из диалектического понимания, здоровье относится к числу понятий, которые не могут быть однозначно определены, поскольку его постоянное осмысление, переоценка приводят к становлению нового знания, к формированию более целостного взгляда на феномен человека. Тем более что отношение человека к своему здоровью корректировалось вместе с ростом цивилизованности, культуры, сменой способов производства, естественнонаучной картины мира.

Анализ теоретических подходов к изучению категории «здоровье», позволяет нам сделать следующий вывод: различия в представлениях чаще всего связаны с принципами, методами и способами оздоровления организма человека на различных исторических этапах. Учитывая, что организм человека является многокомпонентной сложноорганизованной системой, его здоровье не может характеризоваться каким-либо

одним признаком и является многомерным понятием, и поэтому в систему воспитания и обучения должно войти всё, что необходимо человеку для развития здоровой личности [3].

В силу этого здоровье должно определять возможности выполнения основных функций человека, учитывая тот факт, что человек есть живая система, в основе которой лежат физическое, духовное, природное и социальное, наследственные и приобретённые начала [1].

Нормирующие факторы культуры, детерминируя формирование стереотипов обыденного массового сознания, выступают в качестве скрытых, глубинных механизмов регуляции оздоровительной практики людей. Эти социальные регуляторы постепенно интериоризируются – встраиваются в структуру конкретной личности, а особенно учащейся молодёжи в процессе ее образования и воспитания.

Студенческая молодежь составляет особую возрастную социально-демографическую группу, объединенную определенными возрастными рамками, характеризующуюся собственными психофизиологическими особенностями, которые относятся к периоду физического, физиологического, психического и социального созревания, особенностями поведения и специфическими условиями жизни и обучения. Студенческая молодежь является частью молодежного социума и представляет собой специфическую группу, члены которой, обладая социальными признаками разных общностей, различаются по материальным возможностям, ценностным ориентациям, образу, стилю жизни и отношению к собственному здоровью [6].

Первоначально на уровне человека как родового существа формировалась установка на необходимость каким-то образом влиять на здоровье в целях приспособления человека к окружающей среде. В дальнейшем осознание частью населения того, что, особым способом организуя собственную жизнь, можно уменьшить вероятность возникновения каких-либо болезней и, как следствие, сохранить здоровье, привело к становлению первоначального опыта систематизации гигиенических знаний и зарождения общественной гигиены и санитарии, в котором методы сохранения здоровья развивались в рамках свободных от религиозных догматов условий и носили глубоко светский характер.

Далее произошедшее оформление современных государств с присущими им национальными особенностями и различиями религиозно-мистической направленности мысли, но единообразием подходов к здоровью позволило формам и методам по его сбережению основаться в религиозно-философских течениях, близких по своим этическим ориентирам и психологическому складу современному человеку. Осознанная потребность оздоровления, базируясь на здоровьесберегающих идеях самобытных культур, перестаёт быть только религиозной, дополняется разработками антропоцентристских основ здоровья и идеями гармонии естественного развития человека, что позволило разделить образование на ступени и создать основы научной педагогики.

Физическая культура сформировалась как социально детерминированная область общей культуры человека, представляющая собой качественное, системное, динамическое ее состояние, характеризующееся определенным уровнем знаний и способностей, мотивационно-ценностных ориентаций, приобретенных в результате воспитания и самовоспитания и интегрированных в практической жизнедеятельности, физическом и психофизическом здоровье на базе медицинского опыта индивидуальной и общественной профилактики заболеваний, эффективных программ и методов охраны здоровья населения.

Физическое воспитание – неотъемлемый элемент физической культуры, и рассмотрение его в рамках внедрение достижений различных учебных заведений и специально организованного педагогического воздействия позволило определить проблему оздоровления как отдельной личности, так и всего общества в целом как особую задачу образования [8].

В процессе уточнения рабочего понятийного аппарата установлено, что предметной областью дисциплины здоровьесбережения является область взаимодействия физической культуры и системы образования как относительно самостоятельных сторон культуры.

В соответствии с этим здоровье рассматривается как сложный феномен, характеризующийся наличием обусловливаемых свойств, посредством которых организм человека обеспечивает сохранение постоянства внутренней среды по отношению к внешней. Показано также, что востребованная обществом сторона физической культуры, интегрируясь с образованием, сохраняет и улучшает функции и свойства здоровья, необходимые для качественных функциональных, физиологических, ценностных характеристик человека, путём взаимодействия и взаимоотношения вовлечённых оздоровительных мероприятий. Результатом этой интеграции явилось современное физическое воспитание.

На данном этапе развития образования физическая культура характеризуется уже широко распространённым опытом выработки индивидуальной и общественной стратегий овладения знаниями, умениями оздоровления, ориентацией на здоровый образ жизни, нетрадиционными подходами к пониманию проблемы, а также ведущим информационно-методическим обеспечением. Это позволяет реализовать дидактический принцип активности, выстроить логическую систему формирования потребностей, определить стратегию профилактико-оздоровительных работ, тем самым воплотить в жизнь социокультурный опыт, затрагивающий различные аспекты отношения человека к своему здоровью.

Понятие «здоровьесбережение» означает деятельность личности посредством реализации знаний и использования умений оздоровления организма, формируемых с помощью средств физической культуры. Являясь составной частью здоровья, здоровьесбережение проявляется во всех видах жизнедеятельности человека, специально организованных для полноценно здоровой жизни на каждом этапе его возрастного развития.

Здоровьесберегающая компетентность представляет собой перманентный процесс трансформации основных сторон физического воспитания и самовоспитания (содержательной, процессуальной, результа-

тивной) и их компонентов, выражающий практическую ориентированность личности на базе сформированных физической культурой знаний и умений в направлении сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественного здоровья, формирования здорового образа жизни, проявляющегося в общей способности и готовности к здоровьесберегающей деятельности, основанной на интеграции теоретических знаний и практического опыта [4]. В процессе разработки рабочих понятий она была определена как научная проблема исследования. Для этого имелись следующие основания.

Первое основание состоит в том, что для здоровьесберегающей компетентности, наряду с традиционными для педагогики средствами словесного и наглядного воздействия, используются специфические средства. Основное среди них – физическое упражнение. Применяемые в комплексе с оздоровительными силами природы, гигиеническими факторами, общепедагогическими и другими средствами, физические упражнения как перцептивная деятельность воздействуют не только на функциональные возможности органов, систем органов и организм в целом, но также на психику и интеллект человека. С помощью физических упражнений можно целенаправленно воздействовать на форму тела и здоровье человека. Все эти воздействия могут давать положительные и отрицательные для человека результаты.

Второе основание состоит в том, что в условиях процессов демократизации общества, для которых характерно усиление автономности личности, все компоненты физического воспитания должны проектироваться и реализовываться с учетом здоровьесберегающего измерения. Это значит, что физическое воспитание должно привлекать к себе человека, быть потребно, интересно и полезно человеку, осознаваться как необходимое ему явление сохранения и укрепления здоровья. Это требует выхода за рамки сложившегося в течение многих лет подхода, когда человек рассматривался в процессе физического воспитания в основном как организм, и перехода к разностороннему учету его особенностей как субъекта физического воспитания, индивида, индивидуальности, личности.

Третье основание состоит в том, что необходимость здоровьесберегающей компетенции обусловлена государственными интересами, которые нашли свое отражение в ряде важнейших документов, связанных с развитием физической культуры и спорта в стране и оздоровлением народа их средствами. В соответствии с ними здоровьесбережение должно пронизывать цель, задачи и содержание всего учебно-воспитательного процесса, в том числе и физического воспитания.

Физкультурное образование – концепция развития системы высшего профессионального образования, позволяющая эффективно реализовывать оздоровительный, воспитательный и образовательный потенциал физического воспитания, предоставляя новые возможности для всестороннего культурного развития личности студента. В связи с тем, что с помощью средств физического воспитания можно комплексно воздействовать на психические, интеллектуальные, физиологические, биохимические и другие процессы и формы тела, изменяя их в заданном направлении, этот потенциал должен отвечать самым высоким человеческим критериям.

Физкультурное образование является фактором, приводящим использование физического воспитания в соответствие с требованиями гуманизма этики и гуманизма педагогики, отвечающими самому высокому человеческому измерению. Практические подходы к физкультурному образованию и механизмы воздействия через физическое воспитание на человека многогранны. Но они во многом пока не объяснены, не систематизированы и даже не осознаны как система управляемых педагогических воздействий, что является основанием для определения теории и практики физкультурного образования как предмета исследования.

Таким образом, физкультурное образование – это объективная реальность, востребованная обществом и личностью. Несмотря на это, практическая деятельность по физическому воспитанию встречается с определенными трудностями. Одной из них, очень важной, по нашему мнению, является недостаточная разработанность мировоззренческих основ здоровьесберегающей ориентации содержательного, деятельностного и результирующего компонентов физического воспитания. Поэтому физическое воспитание будет иметь различное человеческое измерение в зависимости от того, какие цели поставлены перед ним, каким образом они достигнуты и каковы его результаты. Современная педагогическая мысль находится в поиске способа, который, с одной стороны, способен был бы наиболее полно отразить смысл и содержание педагогической деятельности, ориентированной на здоровье учащихся, а с другой стороны, адекватно показывал целевую направленность, качество этой деятельности и здоровьесберегающие пути её реализации.

Таким образом, анализ современного состояния проблемы свидетельствует не только о необходимости разработки концепции физкультурного образования, в основе которой лежит здоровьесберегающая компетентность, но и о достаточности имеющихся для этого в педагогике наработок.

В рамках каждой парадигмы образования существуют различные концепции обучения, обладающие общностью фундаментальных установок, но различающиеся по механизмам, способам, средствам обучения [5].

Характерное для современной науки в целом взаимодействие и взаимопроникновение её различных отраслей, усиление комплексности исследований ведут к формированию здоровьеориентированных форм и методов в плане научного познания здоровья, которые не замыкаются в рамках какой-либо отдельной отрасли науки, а получают распространение во всех или многих её сферах. Иначе говоря, рассматривая проблему оздоровления человека, специалисты разного профиля находят собственные аспекты деятельности, результаты которой образуют единое целое. Вряд ли уместно ранжировать методологические подходы в

рамках иерархической структуры, поскольку имеет место многомерное взаимодействие между ними. Соотношения данных подходов, скорее всего, можно рассматривать в их взаимосвязи, что помогает понять специфику здоровья как предмета исследования каждого из них.

Магистральным направлением является изменение установок и взглядов на оздоровление в различных условиях профессиональной деятельности, в отдельные периоды жизни с разным уровнем физического, психического и социального благополучия. В этом случае следует констатировать, что способы и методы сохранения здоровья не могут быть реализованы вне системного подхода, предполагающего, что здоровье представляет систему, т.е. упорядоченное определённым образом множество взаимосвязанных между собой элементов, функционирующих как единое целое и имеющих единую цель функционирования – полноценную самореализацию всех заложенных природой способностей.

С позиций культурологического подхода здоровье рассматривается как культурное явление или процесс, где все вопросы его сбережения решаются с точки зрения культуротрансляционной и культуротворческой функции, обеспечивающей культурную преемственность и развитие индивидуальности человека. Именно культурологический подход характеризуется как своеобразное направление физкультурного образования, которое отражает тенденции образования в педагогическом их понимании, как противопоставление естественнонаучным и техническим компонентам физкультурной деятельности.

Личностно-ориентированный подход в педагогике позволяет вывести на первый план самого учащегося, его ценности, ориентиры, интересы, его личную свободу, умение прогнозировать и контролировать себя за счёт прохождения определённых этапов и стадий, обусловленных сменой равновесных и неравновесных состояний здоровья, учесть его здоровьесберегающий опыт и особенности взаимодействия с различными субъектами в среде физкультурного образования.

Деятельностный подход предопределил использование сущностных характеристик физического воспитания как специфическую целенаправленную активность, составляющую содержательную сторону физической культуры и являющуюся основной частью системы физкультурного образования. С этих позиций предполагается, что в процессе физкультурной деятельности индивид интериоризирует культурные ценности, в результате чего достигается формирование физической культуры личности.

Для Уральского региона образование в области физической культуры имеет принципиальное значение в связи с начавшимся в начале 90-х гг. экономическим спадом и, как следствие, резким ограничением возможностей студенческой молодёжи уделять повышенное внимание вопросам укрепления и сохранения здоровья с помощью средств физического воспитания. По статистическим данным, на экологически неблагоприятных территориях проживает половина всего детского населения региона, а до 30% учащихся относятся к числу предрасположенных к различным заболеваниям и нуждаются в безотлагательном проведении оздоровительных мероприятий.

Здоровый образ жизни в рамках образовательной среды наиболее точно отражает направленность личности, которая проявляется в осознанной деятельности по присвоению ценностей здоровья.

Среди видов деятельности, отражающей здоровый образ жизни, трудно выделить главный и второстепенные, так как только в комплексе они могут оказывать желаемый оздоровительный эффект. Однако физическая культура, в основе которой лежат физическое воспитание, занятия физкультурно-оздоровительной деятельностью, всё больше признаётся едва ли не единственным средством неутилитарного плана, направленным на использование всего того, что способствует полноценному развитию личности, реализации возможности достижения каждым физического совершенства, обеспечения физической подготовки к труду и другим общественно необходимым видам деятельности и многолетнего сохранения здоровья как сущностной динамической характеристики процесса жизнедеятельности человека.

Физическая подготовленность и физическое развитие занимающихся, знания, двигательные и методические умения, навыки и привычки, необходимые для физического самовоспитания, формирования здорового образа жизни, культурной организации свободного времени на основе использования средств физической культуры являются социально и личностно значимыми результатами физического воспитания. К результатам физического воспитания относятся также физическое и духовное оздоровление, повышение сопротивляемости организма заболеваниям, физическая реабилитация и двигательная рекреация.

В настоящее время образовательные задачи физического воспитания, связанные с обучением знаниям, методическим умениям и навыкам, решаются, как правило, недостаточно эффективно. Это является следствием исторически сложившегося утилитарного подхода к физическому воспитанию преимущественно как средству физической подготовки студенческой молодежи. При таком подходе основным критерием эффективности физического воспитания является норматив, отражающий уровень физической подготовленности. Важность физкультурного образования как правило, признается, но учащиеся и студенты не получают его в необходимом объеме.

В результате они оказываются не подготовленными к самостоятельному использованию средств физической культуры для самооздоровления, саморазвития, самоформирования нравственного сознания и нравственного отношения к своему телу. «Физическая культура» как учебная дисциплина «выпадает» из образовательного и воспитательного пространства учебных заведений. Все это позволяет рассматривать проблему общего для всех физкультурного образования как одну из наиболее актуальных, а ориентацию физического воспитания на общее физкультурное образование как приоритетную [9].

Физкультурное образование – сложное системное явление, реализация которого зависит от социокультурной среды, политико-экономического обеспечения

жизни общества, безопасной жизнедеятельности и индивидуальных особенностей личности.

Следовательно, изучение особенностей состояния здоровья субъектов образования позволяет выявить общие причины или факторы, обусловливающие и определяющие формирование физкультурного образования: как объективные (наследственные заболевания, сложившиеся традиции, общий культурный уровень общества, приобретенные заболевания под действием неблагоприятных экологических факторов и т.д.), так и субъективные, главным образом связанные с незнанием и несоблюдением принципов здорового образа жизни, низким уровнем коммуникативного общения, низким уровнем адаптации к социальным негативным условиям, отсутствием ценностных установок. При этом объективные факторы, вступающие во взаимосвязь с субъективными, делают формирование физкультурного образования возможным.

Поэтому главной задачей сегодня является преобразование социальной сферы (всех сторон обучения и воспитания), чтобы поведение человека приобрело социально-активную направленность на сохранение собственного здоровья и здоровья других.

Педагогическая система, способствующая данному преобразованию на уровне воспитания физического, даёт возможность объединить различные знания об объекте в единое целое, учитывая противоречия и недостатки существующей практики.

Ожидаемые результаты – здоровьесберегающая компетентность – отождествлены с совокупностью обобщённых характеристик определённых представлений о здоровье, созданных в процессе решения задач физического воспитания, посредством которых организм человека обеспечивает сохранение постоянства внутренней среды по отношению к внешней: рациональность, подразумевающую направленность на здоровый образ жизни посредством выбора самостоятельной физической активности; адаптируемость, способствующую повышению результативности; восстанавливаемость, возобновление показателей функционального состояния организма после физических нагрузок, т.е. ликвидация состояния утомления; мобилизуемость, ориентированая на знания о методах и средствах здорового образа жизни, а также регламентированные им постоянные повторяющиеся действия: утренняя разминка, регулярные тренировки, организация питания, отдыха, восстановление, учёт физических нагрузок и оценка результатов их применения, объективная самооценка возможностей и способностей физкультурно-оздоровительной деятельности и физического самосовершенствования; развиваемость, возникновение определённых сдвигов (как в положительную, так и в отрицательную сторону), ведущих к качественным изменениям в здоровье.

Следствие концепции физкультурного образования – педагогическая технология как интегративная, объединяющая в себе относительно самостоятельные и взаимодействующие между собой методические системы организации физического воспитания учащихся, суть которой заключается в адаптации организма занимающегося к рациональным физическим нагрузкам. Поскольку адаптация к физической деятельности является системным ответом организма и минимизацией физиологической цены, то с этих позиций адаптацию следует рассматривать как динамический процесс, в основе которого лежит формирование новой программы реагирования, а сам приспособительный процесс, его динамика и физиологические механизмы определяются состоянием и соотношением внешних и внутренних условий деятельности. Вначале включаются обычные физиологические реакции и лишь затем – реакции напряжения механизмов адаптации, требующие существенных энергетических затрат с использованием резервных возможностей организма, что приводит к формированию специальной функциональной системы адаптации человека.

Указанная выше педагогическая технология воспитательно-образовательного процесса в сфере сохранения и укрепления здоровья будет приобретать здоровьесберегающий характер, если реализация физической культуры осуществляется по следующим направлениям:

а) предоставление возможности альтернативного выбора физкультурно-оздоровительной деятельности в рамках физической культуры, преподавателя и времени занятий, организация дополнительных секционных занятий (в том числе и на платной основе);

б) совершенствование организационных и самодеятельных структур физического воспитания: активизация деятельности спортивного клуба, кураторов и спорторгов факультетов и физкультурно-спортивного актива;

в) улучшение информационного, методического обеспечения: разработка и внедрение компьютерной версии мониторинга физического состояния студентов, подготовка методических пособий и алгоритмов занятий.

Данные направления положены в основу физкультурного образования в рамках созданного в Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ) Института спорта, туризма и сервиса (ИСТиС), согласно которому оздоровление учащихся в образовательном пространстве разворачивается посредством взаимодействующих, взаимозависимых, взаимообусловленных и дополняющих друг друга подсистем формирования приспособительных механизмов к реальным условиям жизнедеятельности и проявляющихся в способности формирования индивидуальной системы поведения личности.

Обучающая технология, основная задача которой – обучение студентов основам избранного вида физкультурно-оздоровительной деятельности, рассматривается как исходное звено системы физкультурного образования, где создаются условия для проявления субъектной двигательной активности.

Воспитывающая технология, основное направление которой – формирование у учащегося как личности здорового типа поведения, является системообразующим звеном физкультурного образования, так как объектом выбора является сам студент, пользующийся предоставленными образовательным учреждением возможностями.

Развивающая технология позволяет студентам закрепить специальные навыки здорового поведения в

ситуациях, требующих непосредственного и обязательного участия, тем самым закрепляя приоритет физкультурного образования.

Для оценки эффективности здоровьесберегающей компетенции при реализации данной интегративной технологии весьма актуален вопрос о показателях, критериях и уровнях этой эффективности, которые, несомненно, отличаются от общепринятых в практике учебных заведений.

Исходя из того что показателем физкультурного образования студенческой молодёжи на определённом этапе является результативность педагогического процесса по физическому воспитанию, критерии будут выступать как признак, на основании которого производится классификация изменений, произошедших в результате функционирования и развития физкультурного образования студентов, а уровень должен характеризоваться относительно устойчивым, своеобразным состоянием, содержательным наполнением системных составляющих и степенью развития функциональных элементов.

Поскольку физкультурное образование и здоровьесберегающая компетентность неразрывно связаны со здоровьем, невозможно найти критерий, который интегральным образом позволил бы измерить эту совокупность, поэтому целесообразно в роли показателей использовать закономерности функционирования организма по результатам его деятельности, присущие всем системам организации физического воспитания, зависящие от уровня функций жизненно важных органов и систем, а именно – выявленные нами обобщённые характеристики определённых представлений о здоровье: адаптируемость, рациональность, восстанавливаемость, мобилизуемость, развиваемость.

Адаптируемость – процесс направленной адаптации организма к тренировочным воздействиям. Адаптируемостью, в отличие от адаптации, можно управлять, т.е. способствовать повышению выносливости своего организма. Для оценки влияния занятий физическим воспитанием на адаптируемость использовалось тестирование по индексу Руфье.

Рациональность – процесс самоорганизации, позволяющий динамически и адекватно приспосабливать организм к изменениям обстановки для удовлетворения возникшей потребности. Это возможность моментального построения любых дробных комбинаций, обеспечивающих функциональной системе получение полезного приспособительного результата. Для диагностики данного свойства использовались программы-диагностики.

Восстанавливаемость – свойство организма, проявляющееся после прекращения работы и заключающееся в постепенном переходе физиологических и биохимических функций к исходному состоянию. Это не только процесс возвращения организма к предрабочему состоянию, к тем изменениям, которые обеспечивают повышение функциональных возможностей организма, входя в стадию сверхвосстановления. Это прежде всего время, в течение которого происходит восстанавливаемость после выполнения определенной работы. Наиболее доступным показателем восстанавливаемости является пульс, или частота сердечных сокращений (ЧСС), и уровень артериального давления (АД).

Мобилизуемость – это знания о методах и средствах здорового образа жизни, а также регламентированные им постоянные повторяющиеся действия: утренняя разминка, регулярные тренировки, организация питания, отдыха, восстановление, учёт физических нагрузок и оценка результатов их применения, объективная самооценка возможностей и способностей физкультурно-оздоровительной деятельности и физического самосовершенствования.

Развиваемость – новое качественное состояние организма человека, которое выступает как возможное хаотичное изменение его состава или структуры (т.е. возникновение, трансформация или исчезновение его элементов или связей) в сферах сердечно-сосудистой системы, системы дыхания и системы крови, в статической и динамической работах. В качестве диагностического механизма следует использовать адаптационный потенциал учащихся в состоянии относительного мышечного покоя и после статической нагрузки.

Таким образом, используя вышеперечисленные методики, можно выявить уровень физкультурного образования для того, чтобы в дальнейшем отследить изменения по мере реализации разработанной интегративной технологии. Все уровни взаимосвязаны, и каждый предыдущий обусловливает последующий, включаясь в его состав, что позволяет конкретизировать содержание и иерархию сформированности образования в области физической культуры при нисходящем порядке их рассмотрения и обобщать – при восходящем.

Организационная характеристика технологии представлена педагогическими условиями, понимаемыми нами как совокупность внешних обстоятельств и внутренних особенностей необходимых и достаточных мер, обеспечивающих пути для успешной реализации концептуальной модели физкультурного образования. Отметим, что каждое педагогическое условие направлено преимущественно на изменение отдельных показателей.

В первом педагогическом условии – активизации практической деятельности по физическому воспитанию на основе мультимедийного мониторинга – обеспечивается целостность системы физкультурного образования, специфика которого порождается обратными связями, поскольку существует объективная и достоверная информации о конечном результате образовательного процесса по физической культуре.

Второе педагогическое условие – организация отношения к здоровью как основополагающей ценности при обеспечении преемственности, основанной на предоставлении студентам свободного выбора способов физкультурно-оздоровительной деятельности, – обеспечивает логику преемственности: первый курс – базовые физкультурно-оздоровительные знания, общие двигательные способности, жизненно важные двигательные умения, освоение техники видов спорта; второй курс – вариативные физкультурно-оздоровительные знания, развитие специальных двигательных способностей; третий

курс – физкультурно-оздоровительная работа по собственной инициативе.

Третье педагогическое условие – создание ситуации, инициирующей логику принятия субъектом решений прогностического и оценочного характера, – способствует формированию готовности человека к самоопределению как осознанному выбору жизненных целей и средств их достижения, а также ответственности за принятые решения в различных, порой неопределённых ситуациях, чтобы он чувствовал уверенность в собственных силах, социальную значимость и неповторимость.

Проверка эффективности разработанных педагогических условий физкультурного образования осуществлялась традиционным способом: с участием контрольной и экспериментальных групп, в которых обеспечиваются данные условия по отдельности и в комплексе.

В эксперименте принимали участие учащиеся-студенты ТюмГУ (Тюмень, Уральский федеральный округ), составлявшие контрольную группу (КГ, 73 человека), студенты СибАДИ (Омск, Сибирский федеральный округ): 312 учащихся 1, 2 и 3-го курсов (ЭГ-1), 353 учащихся архитектурно-строительного факультета ЮУрГУ (Челябинск, Уральский федеральный округ) 1, 2 и 3-го курсов (ЭГ-2), 205 учащихся архитектурного факультета ЮУрГУ (Челябинск, Уральский федеральный округ) 1, 2 и 3-го курсов (ЭГ-3). Всего в эксперименте задействовано 1 043 студента.

При определении уровня образованности во время формирующего эксперимента тестированием в аспекте формирования знаний и умений были определены значения выделенных показателей образованности на трех уровнях, характеризующихся негативной, нейтральной и позитивной тенденцией.

Результаты формирования образованности в области физической культуры (здоровьесберегающей компетентности – совокупности обобщённых характеристик определённых оценочных представлений о здоровье) в экспериментальных группах сопоставлялись с результатами формированности образования в области физической культуры в контрольной группе.

Положительные изменения в ходе формирующего эксперимента позволяют признать эксперимент достаточно успешным, а комплекс педагогических условий, обеспечивающих эффективность образования в области физической культуры, необходимым и достаточным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виленский М.Я.* Основы здорового образа жизни студентов. М., 1995. 216 с.
2. *Вирабова А.Р.* Развитие здоровьесберегающей среды в системе образования на основе интеграции ресурсного обеспечения. М. : ПРОБЕЛ-2000, 2012. 292 с.
3. *Гусева Н.Л., Шилько В.Г.* Физическое воспитание студентов с использованием учебных и внеучебных технологий физкультурно-спортивной деятельности в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 173–176.
4. *Загревская А.И.* Компетентностный подход к общему физкультурному образованию студентов // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 154–156.
5. *Загревская А.И.* Физкультурно-спортивное образование студентов как предмет системного исследования // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 176–180.
6. *Лубышева Л.И.* Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью // Теория и практика физической культуры. 1997. № 6. С. 10–15.
7. *Сериков С.Г.* Обеспечение паритета образованности и здоровья учащихся в теории и практике образования : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Челябинск, 2002. 39 с.
8. *Столяров В.И., Фирсин С.А., Баринов С.Ю.* Содержание и структура физкультурно-спортивного воспитания детей и молодежи (теоретический анализ). Саратов : Наука, 2012. 269 с.
9. *Шарафеева А.Б., Загревский О.И.* Технология формирования профессиональных компетенций в рекреационной деятельности будущих специалистов по физической культуре и спорту // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 153–156.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 19 августа 2014 г.

PHYSICAL EDUCATION: A FACTOR OF HEALTHY COMPETENCE OF THE STUDENT YOUTH

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 194-202. DOI: 10.17223/15617793/387/30

Viktorov Dmitriy V. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

Keywords: students; health; values; physical education; healthcare.

The problem of health starts to be explored in depth, namely: systems of professional values of people's awareness of the needs in maintaining and strengthening health and formation of healthcare are developed; the approaches to restoration of physical health by medical and valeological methods are offered; formation and development of the corresponding motivation aimed at preservation and strengthening of health of an individual, spiritual and physical perfection and the ability to implement the received knowledge in professional activity are promoted. We can state the fact that the current traditional education, mass pedagogical practice focuses not on the formation of physical culture of a person, but on achieving the normative level of physical conditions of students, where the goal set by the program is often not personally relevant for young people, since in the practice of traditional education, the world of real objects is often substituted by ready concepts and other idealized products of knowledge received not by students, but by experts and scientists. In the greater degree there is a formation of conditional personal importance of a healthy lifestyle, not the development of ways of self-expression by means of physical culture, which is caused by quite an authoritarian teaching position. The totality of the revealed realities allows us to formulate the research problem which consists in the development of conceptual bases of formation of physical education on the basis of health competencies of the students in the regional practice of educational institutions. Theoretical and methodological background of health care can be raised to the level of physical education, if a pedagogical concept is developed. Basing on the fact that the indicators of the physical education of students at a certain stage are the effectiveness of the pedagogical process in physical education, the criteria will serve as a sign, on the basis of which the classification of the changes in the functioning and development of physical education of students; and the level must have a relatively stable condition, content of the

system components and development of functional elements. Criteria for physical education should be the generalized characteristics of health saving competence (adaptability, resilience, intention, transformation, mobilization) created in the process of solving the tasks of students' health saving organization by means of physical education. When determining the level of education during the formative experiment, using testing in the aspect of the formation of knowledge and skills three indicators have been defined that show negative, neutral and positive trends in each criterion.

REFERENCES

1. Vilenskiy M.Ya. *Osnovy zdorovogo obraza zhizni studentov* [The basics of a healthy lifestyle of students]. Moscow, 1995. 216 p.
2. Virabova A.R. *Razvitie zdorov'esberegayushchey sredy v sisteme obrazovaniya na osnove integratsii resursnogo obespecheniya* [Development of health-promoting environment in the education system based on the integration of resource provision]. Moscow: PROBEL-2000 Publ., 2012. 292 p.
3. Guseva N.L., Shil'ko V.G. Physical training of students with academic and extracurricular technology athletic and sporting activities in higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 345, pp. 173-176. (In Russian).
4. Zagrevskaya A.I. Competence-based approach to general sports education of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 359, pp. 154-156. (In Russian).
5. Zagrevskaya A.I. Sports education of students as a subject of system research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 380, pp. 176-180. (In Russian).
6. Lubysheva L.I. Sovremennyy tsennostnyy potentsial fizicheskoy kul'tury i sporta i puti ego osvoeniya obshchestvom i lichnost'yu [Modern value potential of physical culture and sports, and the way of its development by society and the individual]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 1997, no. 6, pp. 10-15.
7. Serikov S.G. *Obespechenie pariteta obrazovannosti i zdorov'ya uchashchikhsya v teorii i praktike obrazovaniya*. Avtoref. dis. d-ra ped. nauk [Ensuring the parity of education and health of students in the theory and practice of education. Abstract of Pedagogy Dr. Diss.]. Chelyabinsk, 2002. 39 p.
8. Stolyarov V.I., Firsin S.A., Barinov S.Yu. *Soderzhanie i struktura fizkul'turno-sportivnogo vospitaniya detey i molodezhi (teoreticheskiy analiz)* [The content and structure of sports upbringing of children and youth (theoretical analysis)]. Saratov: Nauka Publ., 2012. 269 p.
9. Sharafeeva A.B., Zagrevskiy O.I. Technology of formation of professional competencies in recreational activities of future specialistsin physical culture and sport. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 361, pp. 153-156. (In Russian).

Received: 19 August 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 203–207 DOI: 10.17223/15617793/387/31

УДК 616.7-053.208-03

С.Д. Коршунов, К.В. Давлетьярова, Л.В. Капилевич

БИОМЕХАНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХОДЬБЫ У ДЕТЕЙ С ВРОЖДЕННЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ ЛОКОМОЦИЙ

Показано, что основными отличиями динамического стереотипа ходьбы по ровной поверхности у детей, больных ДЦП, являются задержка перемещения ОЦТ вперед (оно происходит во вторую половину шага) и дезорганизация движений нижних конечностей (особенно колена) в вертикальной плоскости. Изменение структуры движения плечевого пояса и верхних конечностей можно рассматривать как компенсаторные – вертикальные перемещения плеча подстраиваются под движения ОЦТ, оставаясь в противофазе к последним. Происходит рассогласование движений локтя и запястья. Выявленные биомеханические особенности ходьбы у детей, страдающих ДЦП, могут послужить основой для разработки программ реабилитации.

Ключевые слова: ходьба; локомоции; нарушения движений; биомеханика.

Детский церебральный паралич (ДЦП) занимает в настоящее время одно из ведущих мест в структуре детской инвалидности. В России насчитывается более 70 тысяч детей в возрасте до 14 лет, больных детским церебральным параличом, и с каждым годом это количество увеличивается. Методы двигательной реабилитации таких детей должны основываться на биомеханических и физиологических закономерностях. Это обусловливает актуальность исследования кинематических характеристик локомоций у детей, страдающих ДЦП. В обширной литературе, посвященной ДЦП, работы по изучению структуры локомоции долгое время занимали весьма скромное место. В основном это были электромиографические исследования деятельности мышц при ходьбе до и после различных оперативных вмешательств [1, 2]. Лишь в последние десятилетия появился ряд фундаментальных исследований, но и они направлены в основном на биомеханическое обоснование хирургической коррекции позы и ходьбы больных ДЦП [3].

Для детей, страдающих ДЦП, характерны спазм мышц конечностей, нарушение двигательной и чувствительной функций, появление контрактур (обычно сгибательно-приводящего типа) и др. Отмечаются также повышение сухожильных рефлексов, появление патологических рефлексов, повышение мышечного тонуса (гипертонус отдельных мышц), понижение мышечной силы и работоспособности, нарушение координации движений, акта стояния и ходьбы, наличие непроизвольных движений, синкинезий и т.п. [4].

Биомеханические нарушения локомоций связаны с гипертонусом мышц, нарушениями координации движений, контрактурами в суставах нижних конечностей и др. У больных изменена биомеханическая структура ходьбы – генез этих нарушений связан с поражением ЦНС [5].

Анализ кинематики, опорных реакций и работы мышц различных частей тела убедительно показывает, что в течение цикла ходьбы происходит закономерная смена биомеханических событий. Ходьба здоровых людей, несмотря на ряд индивидуальных особенностей, имеет типичную и устойчивую биомеханическую и иннервационную структуру, т.е. определённую пространственно-временную характеристику движений и работы мышц [Там же].

При ходьбе человек последовательно опирается то на одну, то на другую ногу. Эта нога называется опорной. Контралатеральная нога в этот момент выносится вперед (переносная нога). Период переноса ноги называется «фаза переноса». Полный цикл ходьбы – период двойного шага – слагается для каждой ноги из фазы опоры и фазы переноса конечности. В опорный период активное мышечное усилие конечностей создаёт динамические толчки, сообщающие центру тяжести тела ускорение, необходимое для поступательного движения. При ходьбе в среднем темпе фаза опоры длится примерно 60% от цикла двойного шага, фаза переноса – около 40%. В циклической последовательности ходьбы выделяют моменты, когда с опорой соприкасаются только одна нога («одноопорный период») и обе ноги, когда вынесенная вперед конечность уже коснулась опоры, а расположенная сзади ещё не оторвалась («двуопорная фаза»). С увеличением темпа ходьбы «двуопорные периоды» укорачиваются и совсем исчезают при переходе в бег. Таким образом, по кинематическим параметрам ходьба от бега отличается наличием двуопорной фазы [6, 7].

У больных с ДЦП выявлены нарушения биомеханической структуры ходьбы и особенно бега, где имеет место спазм мускулатуры и падения больного. По данным электромиографического исследования мышц нижних конечностей, активность мышц у больных с ДЦП значительно превышает активность мышц у здоровых людей. В большей степени повышение тонуса мышц наблюдается у больных с ДЦП в игровых видах спорта (футбол, баскетбол, ручной мяч и др.), в легкой атлетике (бег, прыжки и др.) и – в меньшей степени – в плавании [8].

При исследовании кинематики ходьбы выявлены существенные нарушения, и в основном во временных показателях (сокращение периода переноса, увеличение фазы опоры на носок и уменьшение фаз опоры на всю стопу), редукция угловых перемещений, скоростей и ускорений, уменьшение, а иногда и стертость максимумов на динамограммах. Особенностями ходьбы является также наличие постоянного начального угла в суставах (из-за гипертонуса мышц, контрактур), выраженные колебания туловища относительно разных плоскостей. У больных с ДЦП нарушены позы стояния, это связано с изменением общего центра тяжести (ОЦТ). В связи с изменением проекции ОЦТ нагрузка на каждую ногу при удобной стойке несимметрична. Неустойчивость походки связана с выходом ОЦТ за пределы границ нормы [9].

Цель исследования – изучить особенности биомеханических характеристик ходьбы у детей с врожденными нарушениями локомоций на примере ДЦП.

Было обследовано 20 детей (12 мальчиков и 8 девочек) в возрасте от 8 до 12 лет, страдающих ДЦП, форма спастическая диплегия, проходящих лечение и адаптацию в ОГКУ «Реабилитационный Центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» (ЗАТО г. Северск). Контрольную группу составили 10 детей (6 мальчиков и 4 девочки) того же возраста.

Для анализа ориентации звеньев тела, их местоположения в пространстве и отношения к опоре использовался метод отслеживания движения (Motion Tracking). Пространственные перемещения звеньев тела регистрировались с помощью видеокамеры Vision Research Phantom Mire eX2. Съемка велась со скоростью 100 кадров в секунду. Полученные данные были обработаны и проанализированы в программе StarTraceTracker 1.1 VideoMotion®. Учитывались следующие кинематические показатели, отражающие двигательную патологию испытуемых при выполнении ходьбы: значения углов в суставах нижних и верхних конечностей, скорости перемещения звеньев тела.

Многопараметрический анализ ходьбы позволяет разделить локомоторный цикл на шесть биомеханических фаз, разграниченных экстремальными значениями динамических параметров. Отметим наиболее существенные различия каждой фазы локомоторного цикла.

При исследовании изменения значения угла коленного сустава при ходьбе по горизонтальной поверхности достоверных различий в течение цикла выявлено не было. На рис. 1 представлено изменение величины угла в тазобедренном суставе при ходьбе по горизонтальной поверхности. Из полученных результатов видно, что величины углов у детей с ДЦП имели более высокие значения, чем в группе здоровых, и одно экстремальное значение в четвертой фазе локомоторного цикла, равное 216,45°. Таким образом, при ходьбе по горизонтальной поверхности движение в тазобедренном суставе у здоровых детей имело более плавный характер, чем у детей с ДЦП.

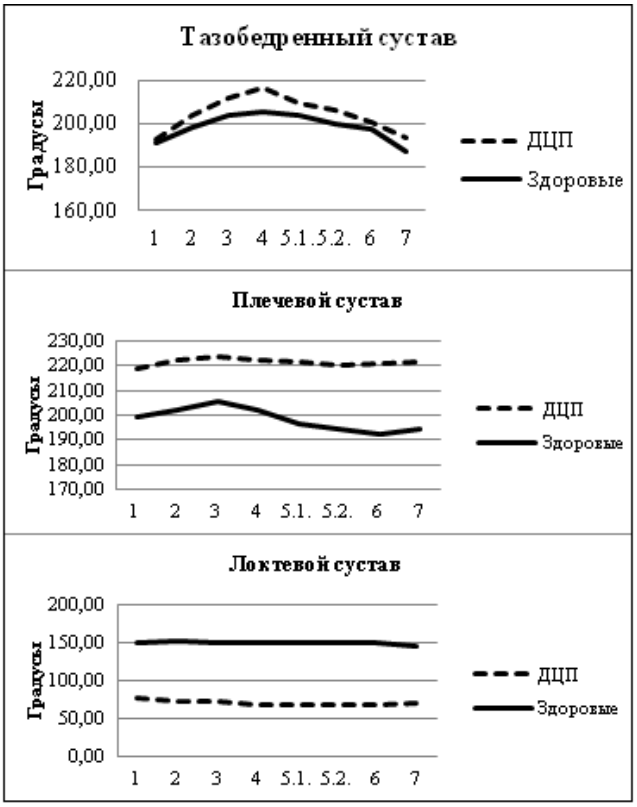


Рис. 1. Значения углов в суставах нижних и верхних конечностей при ходьбе по горизонтальной поверхности

При исследовании величины углов в суставах верхних конечностей при ходьбе было показано, что изменения величины угла в плечевом суставе в группе ДЦП были намного больше и имели более плавный характер по сравнению со значениями в группе здоровых детей. Тогда как изменения величины угла в локтевом суставе, наоборот, имели более низкие значения, чем в группе здоровых детей. Таким образом, дети с ДЦП при ходьбе выполняли плавные движение верхними конечностями, сгибая руки в плечевом и разгибая в локтевом суставах (рис. 1).

На рис. 2 представлена динамика скоростей движений суставов в горизонтальной и вертикальной плоскостях при ходьбе. Показано, что у детей, больных ДЦП, минимальное значение скорости движения голеностопного сустава, равное –1025,23 мм/с, наблюдалось в третьей фазе цикла, а максимальное, равное 517,94 (мм/с), – в фазе 5.2. Таким образом, изменение скорости в горизонтальной плоскости у детей с ДЦП имело более выраженный характер с резким увеличением скорости в четвертой фазе, тогда как изменение скорости у здоровых детей имело более пологий характер.

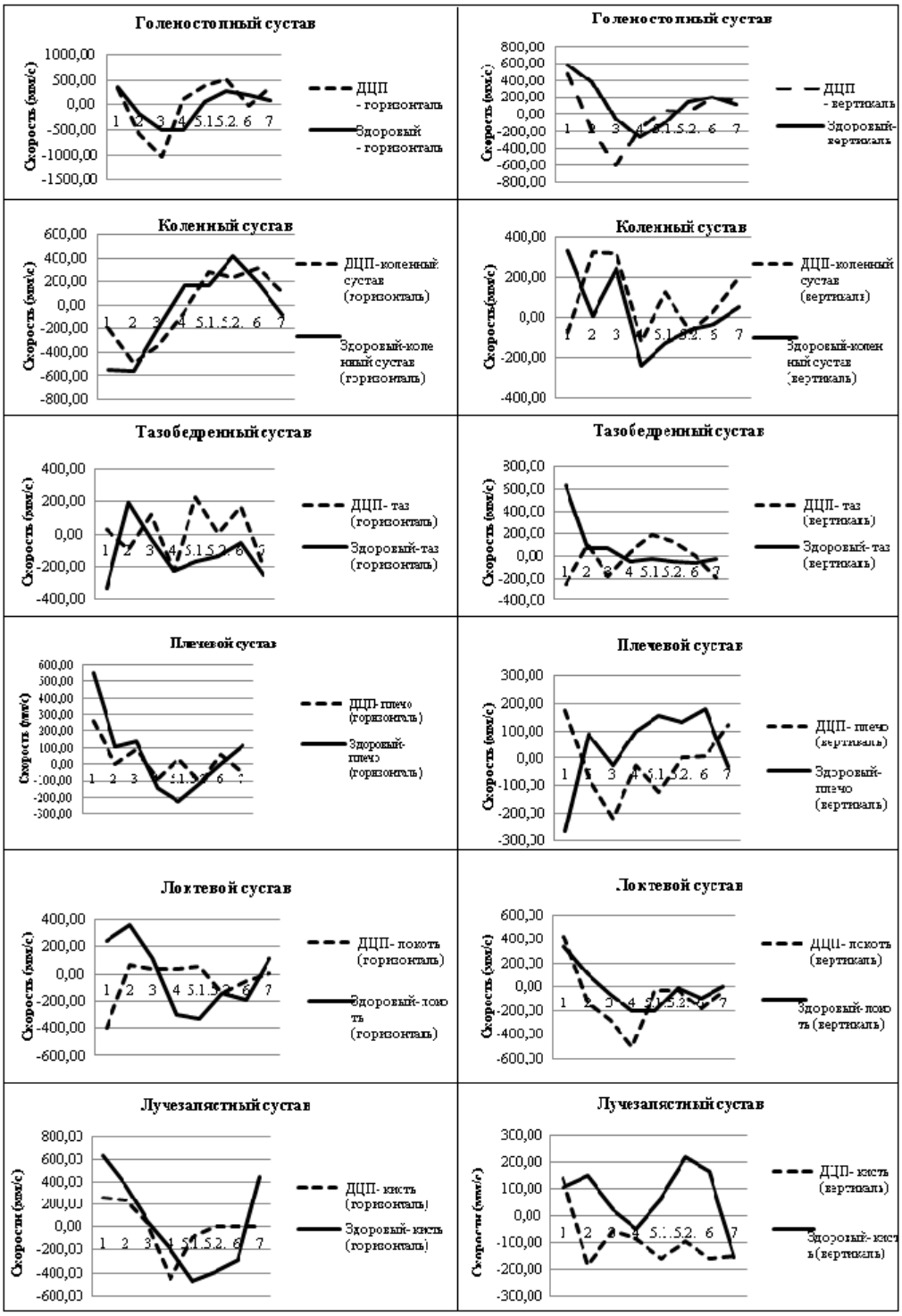


Рис. 2. Значения скоростей движения суставов нижних и верхних конечностей в горизонтальной и вертикальной плоскостях при ходьбе по горизонтальной поверхности

При изучении динамики скорости движения коленного сустава в горизонтальной плоскости в течение локомоторного цикла были получены данные, аналогичные голеностопному суставу. Однако значения скорости у детей с ДЦП в голеностопном суставе в горизонтальной плоскости были достоверно выше, чем в коленном.

Динамика скорости тазобедренного сустава в горизонтальной плоскости имела трехфазный характер, с экстремальными значениями в третьей, пятой и шестой фазах ходьбы. В группе здоровых детей скорость достигала наибольшего значения во вторую фазу. В целом скорость тазобедренного сустава в горизонтальной плоскости у детей с ДЦП была выше, чем у здоровых. При анализе изменения скорости тазобедренного сустава в вертикальной плоскости было показано, что у детей с ДЦП она резко повышалась во второй и пятой фазах локомоторного цикла, тогда как в группе здоровых детей скорость имела максимальное значение в первой фазе – 629,50 мм/с, а затем снижалась в течение всего цикла ходьбы.

При исследовании скорости голеностопного сустава в вертикальной плоскости при ходьбе в группе детей с ДЦП было выявлено два экстремума: минимум

составил –600,89 мм/с, а максимум – 486,32 мм/с, причем скорость в группе здоровых детей на всем протяжении цикла была достоверно выше, чем в группе детей с ДЦП. Максимальное значение скорости движения коленного сустава в вертикальной плоскости у детей с ДЦП наблюдалось в шестой фазе, тогда как в группе здоровых детей – во второй половине пятой фазы. Таким образом, у здоровых детей коленный сустав двигался вверх в первой половине шага, затем перемещался вниз. У детей, больных ДЦП, движение колена вверх происходило позже, во второй половине шага совершались колебательные движения вверх и вниз.

Движения верхних конечностей относительно всех плоскостей совершались в противофазе к движениям нижних конечностей. Кинематические кривые, описывающие движения рук, имели форму, близкую к синусоидальной (с периодом, равным циклу ходьбы). Скорость движения плечевого сустава в горизонтальной плоскости в обеих группах имела максимальное значение в первой фазе, которое затем снижалось в течение всего цикла ходьбы.

Принципиальные различия были выявлены при исследовании скорости плечевого сустава в вертикальной плоскости. Так, в группе детей с ДЦП максимальное значение скорости достигалось в первой фазе, а минимальное – в фазе 5.2. Таким образом, было показано, что в группе детей с ДЦП в начальной фазе ходьбы происходило смещение плечевого сустава вверх, затем плечо смещалось вниз, а в заключительных фазах опять поднималось наверх. В группе здоровых детей, наоборот, в первой фазе ходьбы наблюдалось смещение плеча вниз, далее, в течение всего цикла, происходил подъем вверх и в заключительной фазе – опять смещение плечевого сустава вниз.

Скорость движения локтевого сустава в вертикальной плоскости в группе детей с ДЦП имела минимальные значения в четвертой фазе ходьбы, причем значения скорости в течение всего цикла ходьбы у здоровых детей были достоверно выше, чем у детей с ДЦП. Скорость в горизонтальной плоскости в группе детей с ДЦП незначительно колебалась во всех фазах цикла, при этом минимальное значение, равное –396,21 мм/с, регистрировалось в первой фазе ходьбы. В группе здоровых детей скорость имела максимальное значение во второй фазе цикла, а минимальное, равное –331,23 (мм/с), – в фазе 5.1. Таким образом, в процессе ходьбы в группе детей с ДЦП отмечалось увеличение скорости движения локтевого сустава в горизонтальной плоскости, по сравнению с группой здоровых детей.

Скорость движения лучезапястного сустава в горизонтальной плоскости у больных ДЦП была минимальной в четвертой фазе цикла (–458,32 мм/с), а в группе здоровых детей минимальное значение, равное –475,57 мм/с, достигалось в фазе 5.1. В обеих группах в первую фазу ходьбы наблюдалось резкое снижение скорости в горизонтальной плоскости с последующим ее увеличением в заключительной фазе цикла. Кроме того, в вертикальной плоскости у детей с ДЦП наблюдались колебания скорости движения запястья в течение всего цикла ходьбы, тогда как у здоровых детей в заключительной фазе цикла происходил резкий подъем запястья вверх (см. рис. 2).

Полученные результаты позволяют выделить основные отличия в построении динамического стереотипа ходьбы по горизонтальной поверхности у детей, больных ДЦП. Динамика углов в суставах нижних конечностей качественно не различалась. При этом угол сгибания в тазобедренном суставе у больных ДЦП был несколько выше.

Однако со стороны скоростей и направления перемещений частей тела наблюдались выраженные различия. ОЦТ у здорового ребенка перемещалось вперед и вверх преимущественно в первой половине шага. У больных детей движение начиналось с перемещения вниз, основное смещение вперед происходило во второй фазе шага и сопровождалось некоторым подъемом вверх.

Движения коленного и голеностопного суставов в горизонтальной плоскости осуществлялись одинаково, хотя у больных детей скорость перемещения голеностопного сустава была выше. Однако в вертикальной плоскости движение коленного сустава у больных ДЦП отличалось принципиально. У здоровых детей колено двигалось вверх в первой половине шага, затем перемещалось вниз. У детей, больных ДЦП, движение колена вверх запаздывало, во второй половине шага совершалось 2–3 колебательных движения вверх-вниз. Такой дисбаланс проявляется и в большей скорости движения вниз голеностопного сустава у больных детей.

Выраженные различия между здоровыми детьми и страдающими ДЦП обнаружены в работе верхних конечностей. Прежде всего, для больных характерны большие величины углов в плечевом суставе и меньшие – в локтевом на всем протяжении шага.

Характер движения плеча по горизонтали у здоровых и больных существенно не различался. В то же время в вертикальной плоскости движения были противоположны. У здоровых начало шага сопровождалось движением плеча вниз, затем на всем протяжении шага плечо перемещалось вверх и в заключительной фазе снова опускалось. У больных детей, напротив, плечо в начале шага перемещалось вверх, затем в течение всего шага смещалось вниз, в последней фазе вновь отмечался подъем. Интересно отметить, что как у больных, так и у здоровых детей движения ОЦТ и плечевого пояса на протяжении всего шага совершались в противофазе.

Движения локтя и запястья у здоровых детей совпадали по фазе как по горизонтали, так и по вертикали. Начало шага сопровождалось движением руки вперед и вверх, в третью – пятую фазы – назад и вниз, затем снова вверх. У детей, больных ДЦП, движения локтя и запястья по горизонтали осуществлялись в противофазе – шаг начинался с движения локтя назад, а запястья – вперед. В третью – пятую фазы направления менялись – локоть двигался вперед, а запястье назад. В вертикальной плоскости у больных детей мы наблюдали медленные движения запястья вверх-вниз.

Основными отличиями динамического стереотипа ходьбы по ровной поверхности у детей, больных ДЦП, являются задержка перемещения ОЦТ вперед (оно происходит во вторую половину шага) и дезорганизация движений нижних конечностей (особенно колена) в вертикальной плоскости. Из-

менения структуры движения плечевого пояса и верхних конечностей можно рассматривать как компенсаторные – вертикальные перемещения плеча подстраиваются под движения ОЦТ, оставаясь в противофазе к последним. Происходит рассогласование движений локтя и запястья – они так же перемещаются в противофазе.

Выявленные биомеханические особенности ходьбы у детей, страдающих ДЦП, могут послужить основой для разработки программ реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенова К.А.* Восстановительное лечение детей с перинатальным поражением нервной системы и детским церебральным параличом. М. : Закон и порядок, 2007. 616 с.
2. *Imms C.* Children with cerebral palsy participate: a review of the literature // Disabil. Rehabil. 2008. Vol. 11/30;30(24). P. 1867–1884.
3. *Дубровский В.И., Федорова В.Н.* Патологическая биомеханика // Биомеханика : учеб. для сред. и высш. учеб. заведений. М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. С. 591–628.
4. *Петрушанская К.А., Витензон А.С.* Исследование структуры ходьбы больных детским церебральным параличом // Российский журнал биомеханики. 2005. Т. 9, № 3. Р. 56–69.
5. *Витензон А.С.* Закономерности нормальной и патологической ходьбы человека. М. : Зеркало-М, 2003. 271 с.
6. *Никитин С.Н.* Теория автоматического регулирования – методологическая основа процесса оптимального управления двигательными действиями // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 5. С. 76–83.
7. *Капилевич Л.В.* Физиологический контроль технической подготовленности спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2010. № 11. С. 12–15.
8. *Витензон А.С., Петрушанская К.А.* От естественного к искусственному управлению локомоцией. М. : Научно-медицинская фирма МБН, 2003. 448 с.
9. *Krivoshchekov S.G., Lushnikov O.N.* Psychophysiology of sports addiction (exercises addiction) // Fiziologiia cheloveka. 2011. № 37 (4). P. 135–140.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 4 сентября 2014 г.

BIOMECHANICAL CHARACTERISTICS OF GAIT OF CHILDREN WITH CONGENITAL LOCOMOTION DISORDERS

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 203-207. DOI: 10.17223/15617793/387/31

Korshunov Sergey D, Davletyarova Kseniya V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergeiffk1474@gmail.com, davletyarova@rambler.ru

Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail:kapil@yandex.ru

Keywords: walk; locomotion; movement disorders; biomechanics.

Peculiarities of biomechanical characteristics of the gait of children with congenital locomotion disorders by example of cerebral palsy were studied. The obtained results allow identifying the main differences in the dynamic stereotype of walk on a horizontal surface for children with cerebral palsy. Dynamics of the angles in the joints of the lower limbs did not differ qualitatively. The angle of hip flexion for patients with cerebral palsy was slightly higher. However, by the speed and direction of body parts movement marked differences were observed. The common center of gravity of healthy child moved forward and upwards predominantly in the first half of the step. Sick children began to move downwards, the main move forward occurred in the second phase of the step and was accompanied by some going upwards. Marked differences between healthy children and those suffering from cerebral palsy were found in the upper limbs. First of all, children with disorders have larger values of the angles of the shoulder joint and smaller – in the elbow joint during the step. The horizontal movement of the shoulder did not differ significantly. At the same time, the vertical movements were opposite. Healthy children started the step with moving the shoulder down, then during the step the shoulder moved up, and in the final phase it lowered again. Sick children, by contrast, at the beginning of the step moved the shoulder up, then during the step moved it down, and in the final phase it went up again. Interestingly, in both groups the common center of gravity and the shoulder girdle during the step was made in the opposite phase. The main differences between the dynamic stereotype of walk on a flat surface of children with cerebral palsy is to delay moving the common center of gravity forward (it takes place during the second half of the step) and disorganization of leg movements (especially the knee) in the vertical plane. Changes in the structure of the shoulder girdle and upper limb motion can be considered as compensatory – vertical movements of the shoulder adjust to the movement of the common center of gravity remaining in the opposite phase to the latter. Errors occur in the motion of the elbow and the wrist – they move in the opposite phase. The identified biomechanical features of the gait of children suffering from cerebral palsy can serve as a basis for the development of rehabilitation programs.

REFERENCES

1. Semenova K.A. *Vosstanovitel'noe lechenie detey s perinatal'nym porazheniem nervnoy sistemy i detskim tserebral'nym paralichom* [Rehabilitation treatment of children with perinatal lesions of the nervous system and cerebral palsy]. Moscow: Zakon i poryadok Publ., 2007. 616 p.
2. Imms C. Children with cerebral palsy participate: a review of the literature. *Disabil. Rehabil*., 2008, vol. 11/30;30(24), pp. 1867-1884. DOI: 10.1080/09638280701673542.
3. Dubrovskiy V.I., Fedorova V.N. *Biomekhanika* [Biomechanics]. Moscow: VLADOS-PRESS Publ., 2003, pp. 591-628.
4. Petrushanskaya K.A., Vitenzon A.S. Investigation of Gait Structure in Patients with Infantile Cerebral Palsy. *Rossiyskiy zhurnal biomekhaniki – Russian Journal of Biomechanics*, 2005, vol. 9, no. 3, pp. 56-69. (In Russian).
5. Vitenzon A.S. *Zakonomernosti normal'noy i patologicheskoy khod'by cheloveka* [Laws of normal and pathological human gait]. Moscow: Zerkalo-M Publ., 2003. 271 p.
6. Nikitin S.N. Teoriya avtomaticheskogo regulirovaniya – metodologicheskaya osnova protsessa optimal'nogo upravleniya dvigatel'nymi deystviyami [The theory of automatic regulation – methodological basis for the process of optimal control of motor actions]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta,* 2006, no. 5, pp. 76-83.
7. Kapilevich L.V. Fiziologicheskiy kontrol' tekhnicheskoy podgotovlennosti sportsmenov [Physiological control of technical readiness of athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 2010, no. 11, pp. 12-15.
8. Vitenzon A.S., Petrushanskaya K.A. *Ot estestvennogo k iskusstvennomu upravleniyu lokomotsiey* [From natural to artificial management of locomotion]. Moscow: MBN Publ., 2003. 448 p.
9. Krivoshchekov S.G., Lushnikov O.N. Psychophysiology of sports addiction (exercises addiction). *Fiziologiia cheloveka*. 2011, no. 37 (4), pp. 135-140. (In Russian).

Received: 04 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 208–216 DOI: 10.17223/15617793/387/32

УДК 159.922

О.Ю. Суднева

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ СТОЛИЧНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-90731мол_рф_нр «Исследование особенностей социального интеллекта и его взаимосвязи с индивидуально-психологическими особенностями (характеристиками) личности у студентов».

Представлены результаты эмпирического исследования, посвящённого изучению особенностей социального интеллекта у студентов первого курса, обучающихся в столичном и региональном вузах. Были выявлены, сопоставлены и описаны взаимосвязи социального интеллекта с личностными особенностями студентов разных факультетов. Были обнаружены взаимосвязи социального интеллекта с целеустремленностью, планированием деятельности, способностью к рефлексии, стремлением к самодетерминации, удовлетворенностью жизнью, самоотношением и отношением к другим людям.

Ключевые слова: социальный интеллект; личностные особенности; самодетерминация; целеустремлённость; рефлексия.

Актуальность исследования обусловливается практическими проблемами и новыми требованиями современного образования к подготовке выпускника высшей школы к жизни и профессиональной работе в новых условиях российской действительности. Исследования специфики развития и особенностей социальных компетенций являются особенно востребованными в ситуации постоянных социально-экономических преобразований в стране, когда увеличиваются роль и важность контактов между людьми в самых разных сферах жизни: в деловом взаимодействии, карьерном продвижении, личностном росте. Как показывают многие исследования, для успешной профессиональной и личностной самореализации недостаточно одной академической результативности, так как высокий показатель академического интеллекта выпускников университетов вовсе не является гарантом жизненного успеха и высоких достижений. В этом отношении гораздо более значимым оказывается социальный интеллект [1]. Такие данные согласуются и с нашими исследованиями, в которых была обнаружена прямая корреляция низкого социального интеллекта с отсутствием целеустремлённости и осознанным планированием у студентов [2, 3].

Исследования социального интеллекта имеют огромную практическую значимость, так как позволяют выявлять трудности в развитии социальных компетентностей и оказывать последующую помощь (при необходимости) в их формировании (или коррекции).

Для изучения социального интеллекта нами было спланировано и реализовано эмпирическое исследование с участием 289 студентов-первокурсников. из них 70 человек – студенты факультета психологии Томского государственного университета (ФП ТГУ), 77 – студенты радиофизического факультета (РФФ ТГУ), 60 – факультета радиотехнических систем Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики (ФРТС, МИРЭА) и 58 студентов-психологов, из которых 24 человека – студенты Государственного академического университета гуманитарных наук (ГУГН, г. Москва) и 35 – студенты Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).

Цель исследования: сравнение степени выраженности социального интеллекта (СИ) и его взаимосвязей с личностными особенностями юношей и девушек первого курса, обучающихся в *столичном и региональном вузах*. Было выдвинуто предположение о том, что у студентов московского вуза СИ вследствие большего количества коммуникаций в мегаполисе будет выше, чем у сверстников из небольшого провинциального сибирского города. При этом можно ожидать, что на степень выраженности различий в СИ будут влиять половые особенности и профиль профессиональной подготовки. Также можно предположить существование различий в структуре корреляционных связей между СИ и личностными параметрами в зависимости от места проживания (Москва или Томск), от пола и профиля профессиональной подготовки.

Для диагностики социального интеллекта мы использовали «Опросник оценки выбора в конфликтной ситуации» (С.В. Щербаков, З.М. Аминева). Данная методика была разработана авторами на основе методики, предложенной Д.В. Ушаковым и А.Е. Ивановской [4], и теста К. Томаса. По мнению С.В. Щербакова, социальный интеллект проявляется в способности к реализации значимых целей в соответствующем социальном окружении, и в частности в ходе поиска оптимальной стратегии выхода из трудных и конфликтных ситуаций [5]. Тест содержит 20 тестовых заданий, каждое из которых предусматривает семь вариантов ответов, оцениваемых по семибалльной шкале (итого 140 пунктов). Каждый из семи вариантов ответов соответствует одной из стратегий выхода из конфликтного положения (борьба, уход, компромисс, сотрудничество, уступка, обращение к посреднику и тактика язвительного ответа). В итоге по каждому респонденту фиксируется система баллов по всем стратегиям. На основании факторного анализа нами было показано, что о степени выраженности социального интеллекта можно судить либо по высоким показателям стратегий «компромисс» и «сотрудничество», либо по низким значениям стратегий «борьба», «уход», «уступка», «обращение к посреднику» и «тактика язвительного ответа».

Для изучения индивидуально-психологических особенностей использовались следующие методики: Опросник самоорганизации деятельности (Е.Ю. Мандрикова), Методика дифференциальной диагностики рефлексивности (Д.А. Леонтьев), Шкала самодетерминации личности (Б. Шелдон; в адаптации и модификации Е.Н. Осина), Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер; в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина), Шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман; в адаптации О.А. Кравцовой), эссе в свободной форме на тему «Какой я и какие люди меня окружают».

Важно отметить, что данный комплекс методик позволяет учитывать такие личностные особенности, которые максимально связаны с отношением к деятельности и с оценкой её успешности (осознанным планированием деятельности, способностью ставить цели и их достигать, стремлением к самодетерминации).

На этапе планирования исследования было выдвинуто несколько гипотез. Во-первых, предполагалось, что в двух студенческих выборках будут отчётливо проявляться различия в структуре корреляционных связей социального интеллекта с личностными особенностями. Второе предположение было о том, что в столице у студентов первого курса социальный интеллект будет выше, чем у представителей томского вуза. Такие различия могли быть обусловлены сразу несколькими факторами. Во-первых, Москва – мегаполис, который предполагает достаточно развитую систему социальных связей (взаимодействий). Во-вторых, в столице иной темп жизни, который требует более высокого уровня активности, в том числе интеллектуальной.

В ходе выполнения эмпирического исследования были получены средние показатели по всем психологическим признакам (35), которые находились в пределах нормативных значений, определённых авторами и разработчиками используемых в исследовании методик.

Анализ средних значений отдельно по выборкам (студентов ФРТС, студентов ФП МГУ и ГУГН, студентов ФП ТГУ, студентов РФФ ТГУ) показал, что некоторые из полученных показателей имеют тенденцию к низким баллам. Так, например, во всей выборке студентов московских вузов обнаружена выраженная тенденция к низким значениям по шкале «воспринимаемый выбор». У студентов-психологов московского вуза средние значения составили 11,37±4,07 балла (среднее значение ± стандартное отклонение), у студентов радиотехнического факультета – 11,63±4,28, в то время как у первокурсников-психологов ТГУ 19,05±3,41, а у студентов-радиофизиков 18,60± ±3,72 балла. Низкие баллы свидетельствуют о том, что большинство представителей московской выборки уступают студентам томского вуза по готовности совершать осознанный выбор в ситуациях, которые требуют серьёзного (взвешенного) решения, и нести ответственность за него.

Такие значения в целом можно объяснить возрастными особенностями респондентов. Студенты первого курса только начинают осознавать себя в качестве самостоятельного (автономного от родительской опеки) члена общества, понимать себя и свои возможности наряду с пониманием своего места и назначения в жизни. Обучение на первом курсе – это начало первых шагов молодых людей к выстраиванию личностной и профессиональной траектории, когда они начинают самостоятельно принимать решения, выстраивать жизненные приоритеты и, соответственно, нести ответственность за свой выбор. Однако зафиксирован интересный факт: томские студенты, находясь в одной с московскими сверстниками возрастной группе и в такой же жизненной ситуации, в своём большинстве превосходят москвичей по данному показателю.

Пристального внимания заслуживают и другие средние значения, полученные в группе московских студентов (табл. 1). Выявлено, что к низким нормативным значениям (особенно у студентов факультета психологии московского вуза) стремятся такие показатели Опросника самоорганизации деятельности, как «планомерность», «целеустремлённость» и «индекс самодетерминации». Для сравнения приведём средние значения по «индексу самодетерминации» отдельно по факультетам. У студентов-психологов московского вуза среднее значение составило 15,69±3,13 балла, у студентов радиотехнического факультета – 17,67±3,99, в то время как у первокурсников-психологов ТГУ 18,61±3,07, а у студентов-радиофизиков 19,44±3,23 балла. Таким образом, отличия достаточно существенные.

Таблица 1

Средние значения по тесту «Опросник самоорганизации деятельности» для томской и московской выборок (n = 265)

Показатель	Студенты ФП, МГ, ГУГН		Студенты ФП, ТГУ		Студенты РФФ, ТГУ		Студенты ФРТС, МИРЭА	
	Среднее значение	Ст. отклон.	Среднее значение	Ст. отклон.	Среднее значение	Ст. отклон.	Среднее значение	Ст. отклон.
Планомерность	**13,5238**	7,77	18,33	5,99	18,28	6,48	16,56	6,79
Целеустремлённость	**26,7142**	6,79	34,90	7,94	36,83	6,08	28,31	7,34
Индекс самодетерминации	**15,6904**	3,13	18,61	3,07	19,44	3,23	17,67	3,99

Анализ различий по t-критерию Стьюдента также показал, что межгрупповые различия (по уровню выраженности измеряемых признаков) достоверны (см. табл. 2 и 3). Низкие нормативные значения в группе студентов московских вузов по шкалам «планомерность», «целеустремлённость», «индекс самодетерминации» свидетельствуют о том, что навыки осознанного планирования у молодых людей и настойчивость в реализации поставленных задач развиты слабее, чем у студентов томских вузов. Кроме того, в изменяющихся или новых жизненных обстоятельствах они легче переключаются на новые ситуации, оставляя незавершенными предыдущие дела.

Низкие значения по шкале «индекс самодетерминации» говорят о том, что студенты данной группы в своём большинстве уступают представителям томской выборки по уверенности в собственной способности к

жизнетворчеству (восприятию себя «хозяином» своей жизни) и стремлению поступать в соответствии с собственными принципами и убеждениями.

Таким образом, выявленные достоверные различия между московской и томской выборками в пользу второй наводят на закономерный вопрос о причине таких расхождений. И здесь, на наш взгляд, существует только два логичных объяснения. Первое связано с необходимостью преодоления студентами больших московских расстояний до места обучения. По результатам тестирования мы выяснили, например, что более 30% респондентов столичной выборки проживают в Московской области. Таким образом, чрезвычайная удалённость социальных объектов друг от друга приводит к тому, что молодые люди, чтобы добраться от дома (или фактического места жительства) до вуза, преодолевают достаточно большие дистанции. Соответственно, можно говорить о том, что студенты столичных вузов затрачивают значительное количество усилий и энергии «на дорогу» (в отличие от студентов небольшого г. Томска), в результате чего, оказавшись в месте назначения, испытывают усталость и утомление (что влияет на разные формы их активности). Важно отметить и то, что тестирование студентов столичного вуза осуществлялось в середине октября (2013 г.), т.е. выпало на период вхождения студентов-первокурсников в новую для них жизненную ситуацию – обучение в вузе, и преодоление больших расстояний, очевидно, особенно влияет на их активность.

Второе объяснение низких показателей студентов столичного вуза (в сравнении с представителями томской выборки) связано с особым социально-экономическим статусом Москвы. Студенты московского вуза учатся (и проживают) в одном из самых привлекательных для молодёжи регионов Российской Федерации, который предоставляет самые широкие возможности для личной и профессиональной самореализации. Очевидно, по мнению молодых людей, жизнь в мегаполисе и обучение в столичном вузе – уже серьёзное достижение, которое, возможно, и снижает общий уровень притязаний и степень их активности.

Уровень развития социального интеллекта. Расчёт коэффициента достоверности различий по t-критерию Стьюдента показал, что гипотеза о том, что у студентов столичного вуза СИ будет выше, чем у представителей томского, не подтвердилась. У молодых людей, обучающихся по специальности «психология» в московском вузе, средние значения по социальному интеллекту составили 91,04±17,43 баллов, у студентов радиотехнического факультета – 90,18±11,14, у студентов-психологов томского вуза 94,72±13,83, у студентов-радиофизиков 94,14±16,70 балла.

На рис. 1 приведена гистограмма частотного распределения социального интеллекта студентов московских вузов, на рис. 2 – томских вузов.

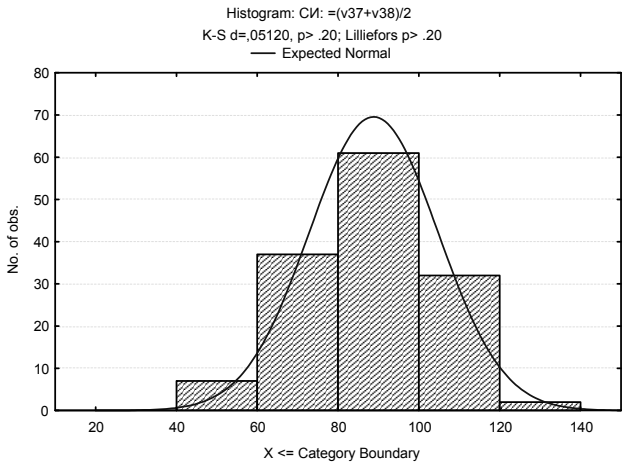


Рис. 1. Гистограмма частотного распределения социального интеллекта студентов московских вузов

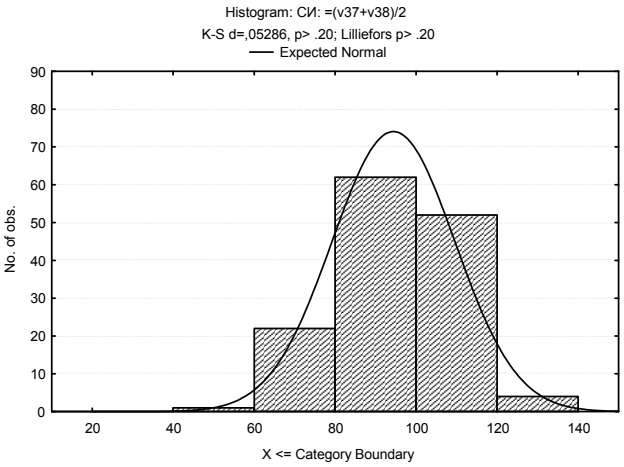


Рис. 2. Гистограмма частотного распределения социального интеллекта студентов томских вузов

Как видно, кривая распределения, изображенная на рис. 2, имеет незначительный асимметричный скос по сравнению с рис. 1 в сторону высоких баллов по шкале «социальный интеллект» в диапазоне от 100 до 120 баллов. Наблюдаемая положительная асимметрия говорит о том, что в выборке студентов томского вуза встречается большее количество молодых людей с высоким социальным интеллектом (со значениями от 100 до 120 баллов). Однако в целом можно констатировать тот факт, что уровень развития СИ примерно одинаковый, он находится в пределах средних значений нормы как у студентов столичного вуза, так и у представителей томского университета.

Особенности и различия студентов столичного и регионального вузов. Сравнение средних значений двух выборок по всем изучаемым признакам позволил нам обнаружить достоверные различия (по t-критерию Стьюдента) между этими группами. Анализ полученных данных показал, что студенты факультета психологии ТГУ, в отличие от студентов ГУГН и МГУ, имеют более высокие показатели по 9 переменным (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент достоверности различий по t-критерию Стьюдента между студентами факультета психологии томского и московского вузов (n = 128)

Показатель	Среднее значение ФП ТГУ	Среднее значение ФП МГУ	t-знач.	**p**	Ст. отклон. ФП ТГУ	Ст. отклон. ФП МГУ	F-отн. дисперс	P дисперс
Планомерность	18,33	13,52	2,96	**0,0038**	5,99	7,77	1,68	0,11
Целеустремлённость	34,90	26,71	4,24	**0,0000**	7,94	6,80	1,36	0,44
Фиксация	21,07	17,47	2,65	**0,0095**	4,73	7,17	2,30	0,01
Индекс самоорганизации	18,61	15,69	3,77	**0,0003**	3,07	3,14	1,04	0,86
Индекс целеустремлённости	27,02	22,70	2,92	**0,0043**	5,98	5,51	1,18	0,70
Индекс рациональности	16,23	13,23	3,16	**0,0021**	3,22	5,18	2,58	0,00
Убеждение в справедливости мира	4,13	3,43	3,02	**0,0033**	0,89	0,89	1,01	1,00
Воспринимаемый выбор	18,60	11,36	6,68	**0,0000**	3,42	6,08	3,16	0,00
Индекс самодетерминации	15,05	12,88	2,52	**0,0133**	2,49	5,20	4,36	0,00

Как видно (табл. 2), студентов томского вуза отличает в большей степени потребность в самостоятельном осознанном планировании собственной деятельности, их планы характеризуются более высоким уровнем иерархичности, детализированности и устойчивости (шкала «планомерность»). Также представители томской выборки в большей степени стремятся к достижению поставленных целей, они проявляют более выраженную склонность структурировать свою поведенческую активность и стремление завершать начатые дела (шкалы «целенаправленность», «фиксация», «индекс целеустремленности»). «Индекс рациональности», который считается как среднеарифметическое субшкал «планомерность», «фиксация» и «самоорганизация», отражает более выраженную тенденцию студентов-первокурсников ТГУ рационально относиться к собственной деятельности, планируя ее, концентрируясь на ней, «обставляя» ее различными вспомогательными средствами.

Более высокие баллы у студентов факультета психологии томского вуза по шкале «воспринимаемый выбор» свидетельствуют о том, что они в большей степени верят в возможность самостоятельного выбора в жизни и проявляют готовность принимать за него ответственность. Также у них сильнее выражено убеждение в том, что они живут (действуют, поступают) в соответствии с собственными убеждениями, ценностями, принципами («индекс самодетерминации»). Возможно, поэтому им также присуща наиболее отчетливая уверенность в справедливости мира и событий, которые с ними происходят (шкала «справедливость мира»).

Анализ средних значений студентов радиофизического факультета ТГУ и радиотехнического факультета МГУ также позволил выявить достоверные различия по 8 психологическим показателям (табл. 3).

Более высокие значения по шкале «индекс целеустремлённости» характеризуют томских студентов радиофизического факультета как более целеустремленных и целенаправленных. Им в большей степени, чем представителям столичного вуза аналогичной специальности, свойственна тенденция к проявлению настойчивости в достижении поставленных целей.

Таблица 3

Коэффициент достоверности различий по t-критерию Стьюдента между студентами РФФ ТГУ и ФРТС МГУ (n = 137)

Показатель	Среднее значение РФФ ТГУ	Среднее значение ФРТС МГУ	t-знач.	**p**	Ст. отклон. РФФ ТГУ	Ст. отклон. ФРТС МГУ	F-отн. дисперс	P дисперс.
Целеустремлённость	36,83	28,31	4,92	**0,00000**	6,08	7,35	1,46	0,28
Самоорганизация	**6,68**	**9,69**	–2,63	**0,00995**	3,40	6,83	4,03	0,00
Индекс целеустремлённости	30,45	24,88	3,77	**0,00028**	5,16	6,35	1,52	0,24
Самокопание	**20,58**	**24,63**	–2,74	**0,00747**	5,35	5,49	1,05	0,83
Самовыражение	10,43	8,25	2,89	**0,0048**	2,92	1,65	3,12	0,01
Воспринимаемый выбор	19,05	11,63	7,12	**0,00000**	3,41	5,29	2,40	0,01
Индекс самодетерминации	15,21	11,48	6,02	**0,00000**	2,39	1,33	3,22	0,01
Уступка	**63,16**	**72,88**	–2,09	**0,03969**	14,59	25,39	3,03	0,00

Выявленные у томских юношей и девушек РФФ высокие значения по шкалам «самовыражение», «воспринимаемый выбор», «самодетерминация» говорят о большей уверенности в собственной способности к жизнетворчеству. Им также характерно более выраженное переживание того, что они поступают, действуют, совершают выбор в соответствии с собственными принципами, убеждениями, стремлениями.

Высокие баллы у студентов факультета радиотехнических систем МГУ отмечены также по шкалам «самоорганизация», «рефлексия как самокопание», «уступка». Полученные данные говорят о том, что московских студентов-радиотехников характеризует более выраженная склонность при самоорганизации и планировании деятельности прибегать к различным вспомогательным средствам: ежедневникам, планингам, бюджетированию времени. Данной группе также в большей степени, чем томским студентам, характерна сосредоточенность на собственном состоянии, собственных переживаниях (шкала «самокопание»).

Полученные достоверные различия по шкале «уступка» говорят о том, что студентам московских вузов в сложных или конфликтных ситуациях межличностного взаимодействия более свойственна

(в сравнении с томскими сверстниками) тенденция прибегать к такой стратегии поведения, как «уступка».

Анализ различий в структуре корреляционных связей. В ходе реализации эмпирического исследования гипотеза о том, что в двух студенческих выборках (томской и московской) будут отчётливо проявляться различия в структуре корреляционных связей социального интеллекта с личностными особенностями, была подтверждена. Метод ранговой корреляции Спирмена позволил нам определить силу и направление корреляционных связей между исследуемыми переменными в двух студенческих выборках, в результате чего и были получены различные корреляционные матрицы.

Особенности студентов томского вуза. На основании корреляционного анализа было установлено, что СИ в группе студентов из ТГУ имеет значимую положительную взаимосвязь с «целеустремлённостью» (r = 0,54), «индексом самоорганизации» (r = 0,51). Другими словами, чем выше социальные компетенции, тем очевиднее будет себя проявлять у студентов томского вуза способность осознанно ставить цели и стремиться к их достижению, планировать и организовывать различные дела и события в своей жизни.

Следующая значимая корреляция, которая была обнаружена в данной группе, соединила СИ с «системной рефлексией» (r = 0,47). Иначе говоря, чем выше СИ, тем сильнее выражено у студентов данной группы умение делать предметом анализа и изучения свои мысли, чувства, поступки, в том числе, очевидно, и в процессе межличностного взаимодействия.

В группе студентов томского вуза корреляционный анализ позволил нам выделить связь СИ со многими шкалами Методики базисных убеждений. В частности, была выявлена прямая значимая корреляция с «благосклонностью мира» (r = 0,55), «справедливостью событий» (r = 0,53), «контролируемостью мира» (r = 0,49), «самоконтролем» (r = 0,49). Другими словами, высокий СИ представителей томской выборки будет сопровождаться рядом «позитивных» убеждений по отношению к себе, миру и другим людям, в частности, верой в доброту людей, благосклонность и справедливость мира, верой в собственную способность к контролю происходящих событий и к самоконтролю.

Также в группе юношей и девушек томского вуза была выявлена прямая значимая корреляция социального интеллекта с «индексом самодетерминации» (г = 0,41) и «аутентичностью» (г = 0,55). Можно сказать, что чем сильнее будет проявляться уверенность данных молодых людей в способности самостоятельно творить свою жизнь и поступать в соответствии с системой внутренних убеждений, тем больше стремление вступать во взаимовыгодное сотрудничество с другими людьми (здесь, в свою очередь, будут формироваться, оттачиваться и обнаруживаться социальные компетенции).

Особенности студентов московского вуза. Анализ значений, полученных в группе студентов столичного вуза, показал, что СИ положительно взаимосвязан со шкалой «самоорганизация» (r = 0,40), которая определяет склонность человека к планированию деятельности с помощью различных вспомогательных средств.

Так же как в выборке студентов томского вуза, в московской выборке выявлена прямая корреляция социального интеллекта с «индексом рефлексивности» (r = 0,50). Такая взаимозависимость говорит о том, что выраженная склонность у студентов столичного вуза к самоанализу и размышлениям сопровождается достаточно развитыми компетенциями в сфере межличностного взаимодействия. Очевидно, способность делать предметом своего размышления (и анализа) собственные поступки и деятельность ведёт к выбору эффективных (конструктивных) моделей поведения (к коррекции неуспешных) при решении различных задач социального порядка.

В данной группе были выделены ещё несколько связей, которые полностью повторяют обнаруженные корреляции в томской выборке. Например, была обнаружена прямая значимая связь СИ с «убеждением в доброте людей» (r = 0,49) и «самоконтролем» (r = 0,43).

Кроме этого, у студентов московского вуза была выявлена положительная связь социального интеллекта и с другими шкалами Методики базисных убеждений. В частности, обнаружена корреляция с «ценностью собственного “Я”» (r = 0,46) и «везением» (r = 0,49). Выделенные корреляции представляются достаточно логичными. Чем выше социальная компетенция молодых людей, тем сильнее проявляется уверенность в себе и в своих силах.

Также в группе московских юношей и девушек (как и в группе томских студентов) была выявлена прямая связь социального интеллекта с «аутентичностью» (r = 0,48) – убеждённостью в том, что человек сам является творцом своей жизни, который поступает сообразно своим принципам.

Итак, анализ данных, полученных в ходе подсчёта коэффициента корреляции r-Спирмена по всем изучаемым переменным в двух выборках (томской и московской) показал различия между ними в структуре коррекционных связей между СИ и личностными особенностями. Однако наравне с различиями были выявлены и общие для обеих выборок взаимозависимости. В частности, была обнаружена прямая связь социального интеллекта с рефлексией и самоанализом, верой в доброту людей, уверенностью в себе и своих силах, верой в способность к самоконтролю, стремлением действовать в соответствии с собственными принципами и убеждениями.

Для дополнительной проверки объединения данных психологических показателей мы обратились к кластерному анализу.

В результате кластеризации данных (1 – коэффициент корреляции Пирсона, метод Варда) мы построили горизонтальное иерархическое дерево, в котором отчётливо видны два основных кластера (рис. 3). В дендрограмме, представленной на рисунке, ясно видно, что как первый, так и второй кластеры включают ещё по два субкластера. Для нас особый интерес представляет первый субкластер, объединяющий группу признаков, в состав которой входит и социальный интеллект, наравне с верой в везение; убеждённостью в собственной способности контролировать жизненные события и себя; убеждением в справедливости и доброжелательности мира и окружаю-

щих людях; стремлением действовать (поступать) в соответствии с собственными убеждениями, ценностями, принципами, выбором; потребностью в осознанном планировании собственной деятельности, целеустремлённостью и настойчивостью в достижении поставленных целей.

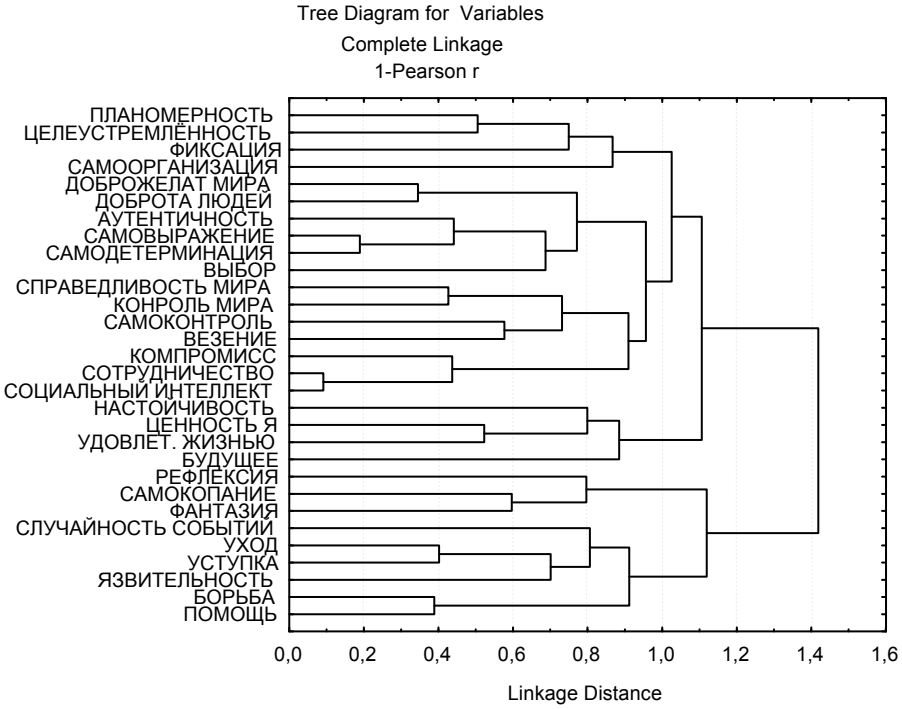


Рис. 3. Горизонтальная дендрограмма кластеризации изучаемых признаков
(*1* – коэффициент корреляции Пирсона, метод Варда)

Таким образом, результаты кластерного анализа убедительно показывают, что развитый социальный интеллект сопровождается рядом положительных личностных особенностей (установок, убеждений) юношей и девушек как регионального, так столичного вузов.

Анализ различий по половому признаку. На основании подсчёта коэффициента достоверности половых различий (по t-критерию Стьюдента для независимых групп) в группе московских студентов было обнаружено, что девушки обладают более высокими значениями по 9 показателям.

У девушек столичного вуза в большей степени, чем у юношей, выражены: 1) потребность в осознанном планировании деятельности, в том числе ежедневной активности ($M_{фем}$ = 17,44 балла, $M_{мас}$ = 10,08 баллов, p = 0,005, где $M_{фем}$ – средние значения в группе девушек, а $M_{мас}$ – средние значения в группе юношей, выражающиеся в баллах); 2) настойчивость в достижении целей ($M_{фем}$ = 20,36, $M_{мас}$ = 15,08, p = 0,04); 3) склонность при самоорганизации и планировании деятельности прибегать к вспомогательным средствам: ежедневникам, планингам, бюджетированию времени ($M_{фем}$ = 10,36, $M_{мас}$ = 4,91, p = 0,002); 4) тенденция в затруднительных ситуациях межличностного взаимодействия чаще использовать такие стратегии поведения, как компромисс ($M_{фем}$ = 104,72, $M_{мас}$ = = 88,58, p = 0,002), сотрудничество ($M_{фем}$ = 88,88, $M_{мас}$ = 75,66, p = 0,03) и обращение за помощью ($M_{фем}$ = 63,68, $M_{мас}$ = 49,91, p = 0,04).

Статистический анализ данных и последующая их интерпретация позволили сделать вывод о том, что у девушек московского вуза социальный интеллект развит в большей степени, чем у юношей. По мнению Е.И. Пащенко, неравномерность развития социальных компетенций можно объяснить различными способами восприятия и переработки информации юношами и девушками. У девушек важную роль в решении задач социально-поведенческого характера играют как вербальные, так и невербальные компоненты социального интеллекта, базирующиеся на двух различных каналах восприятия и переработки социальной информации: неосознанный (невербальный) канал и рациональный (вербальный) канал. А у юношей ведущую роль играет рациональный (вербальный) канал переработки информации [6].

Анализ достоверных различий по половому признаку в выборке студентов томского вуза также позволил сделать вывод о том, что девушки обладают более высокими баллами по ряду показателей. Отличия выявлены по таким шкалам, как «самоорганизация» ($M_{фем}$ = 8,99 балла, $M_{мас}$ = 6,62 балла, p = 0,0001), «индекс рациональности» ($M_{фем}$ = 16,48, $M_{мас}$ = 15,02, p = 0,01), «самокопание» ($M_{фем}$ = 23,75, $M_{мас}$ = 20,18, p = 0,0002), «фантазирование» ($M_{фем}$ = 26,33, $M_{мас}$ = = 24,18, p = 0,0002), «индекс рефлексивности» ($M_{фем}$ = = 29,30, $M_{мас}$ = 26,93, p = 0,001), «вера в доброту людей» ($M_{фем}$ = 3,9, $M_{мас}$ = 3,5, p = 0,005), «убеждение в справедливости мира» ($M_{фем}$ = 4,2, $M_{мас}$ = 3,8, p = = 0,04), «компромисс» ($M_{фем}$ = 102,01, $M_{мас}$ = 96,83, p = 0,04). Полученные значения убеждают в том, что девушкам в большей степени, чем юношам, присуща склонность к самоанализу и размышлениям, осознанному планированию своей деятельности. Для них более свойственна вера в доброту людей и справедли-

вость событий, происходящих с ними. В неоднозначных межличностных ситуациях для них в большей степени характерна тенденция выбирать компромиссные стратегии поведения.

Анализ коэффициента корреляции r-Спирмена в группе московских юношей показал, что СИ имеет прямую корреляцию с «целеустремлённостью» (r = 0,43), «аутентичностью» (r = 0,43) и «контролируемостью мира» (r = 0,65). Такая совокупность показателей говорит о том, что чем выше у молодых людей социальная компетентность в сфере межличностных отношений, тем сильнее будет проявляться у них уверенность в собственной способности «быть хозяином» своей жизни, контролировать происходящие с ними события, достигать поставленных целей.

В выборке юношей томского вуза количество корреляционных связей СИ с личностными особенностями оказалось значительно выше. Как и в группе представителей столичного вуза, здесь обнаружена положительная взаимосвязь СИ с «целеустремлённостью» (r = 0,42) и «контролируемостью мира» (r = 0,49). Кроме этого, СИ в данной группе имеет прямую связь с «планомерностью» (r = 0,48), «системной рефлексией» (r = 0,35), «верой в справедливость мира» (r = 0,42), «верой в удачу и везение» (r = 0,40). Таким образом, мы видим, что чем выше у юношей СИ, тем интенсивнее будет себя проявлять в структуре личности потребность в осознанном планировании деятельности и анализе текущих жизненных ситуаций, а также уверенность в справедливости, сопутствующей удаче и самоконтроле.

Анализ коэффициента корреляции в группе московских девушек позволил выявить, что СИ имеет прямую корреляцию с «индексом рефлексивности» (r = 0,51), которая вычисляется как среднее арифметическое шкал «самокопание», «фантазирование», «системная рефлексия». Очевидно, чем выше степень развития социальных компетенций, тем отчётливее у девушек будет проявляться склонность к анализу и рефлексии. Такая закономерность будет работать и в обратном порядке: чем ниже СИ, тем слабее рефлексивные способности.

Также в данной группе отмечена отрицательная взаимосвязь СИ со «случайностью событий» (–0,42). Иначе говоря, чем выше социальные навыки у девушек, тем очевиднее у них будет проявляться тенденция к интерпретации событий как не случайных.

У представительниц томского вуза мы встречаем прямую корреляцию СИ с «аутентичностью» (r = 0,29) и «везением» (r = 0,33), что говорит о том, что высокий СИ у девушек томского вуза будет сопровождаться выраженной уверенностью в способности управлять своей жизнью и верой в сопутствующую этому удачу.

Анализ различий по профилю обучения. Расчёт t-критерия Стьюдента для группы студентов московских вузов по профилю обучения выявил достоверные различия только по двум показателям из 35. Было показано, что более выраженная склонность к самоорганизации деятельности наблюдается в группе студентов-радиотехников ($М_{фп1}$ = 94,14 балла, $М_{фртс1}$ = 106,06 балла, p = 0,04, где $М_{фп1}$ – средние значения в группе студентов факультета психологии московского вуза, а $М_{фртс1}$ – средние значения студентов-радиотехников московского вуза). Такие значения – свидетельство того, что молодым людям и девушкам ФРТС свойственна более выраженная тенденция структурировать собственную деятельность. У представителей факультета психологии значительно выше баллы по шкале «фантазия» ($М_{фп1}$ = 27,19, $М_{фртс1}$ = = 23,06, p = 0,04). Высокие значения по данной шкале говорят о том, что студентам-психологам присуща более выраженная тенденция направлять своё мышление на объекты, не имеющие отношения к актуальной жизненной ситуации.

Анализ достоверных различий по профилю обучения в группе томских студентов выявил отличия уже по 8 психологическим показателям. Было обнаружено, что представители факультета психологии ТГУ отличаются более выраженной способностью к «самоорганизации» – умению структурировать собственную поведенческую активность ($М_{фп2}$ = 9,3, $М_{рфф2}$ = = 6,7, p = 0), «индексу рефлексивности» ($М_{фп2}$ = 29,56, $М_{рфф2}$ = 27,02, p = 0,0004), «самокопанию» ($М_{фп2}$ = 23,83, $М_{рфф2}$ = 20,57, p = 0,0008) и «фантазии» ($М_{фп2}$ = 26,76, $М_{рфф2}$ = 24,10, p = 0,007). Как видно из приведенных значений, мы столкнулись с выраженной склонностью молодых людей к анализу и рефлексии (самоанализу). Очевидно, это специфика студентов, выбирающих психологические специальности, а возможно, это касается всего гуманитарного профиля образования (что требует дополнительной эмпирической проверки на выборке представителей уже другой гуманитарной специальности).

Представителям ФП ТГУ также свойственны высокие значения по шкале «уход от конфликта» ($М_{фп2}$ = 74,53, $М_{рфф2}$ = 66,08, p = 0,001), что говорит о том, что студентам-психологам свойственно чаще, чем студентам-радиофизикам, в трудных межличностных ситуациях использовать стратегию ухода от конфликта.

Студенты радиофизического факультета демонстрируют более высокие значения по «индексу целеустремлённости» ($М_{фп2}$ = 27,02, $М_{рфф2}$ = 30,45, p = 0,0003), «настойчивости в достижении целей» ($М_{фп2}$ = 19,15, $М_{рфф2}$ = 24,06, p = 0) и «удовлетворённости жизнью» ($М_{фп2}$ = 22,67, $М_{рфф2}$ = 25,36, p = 0,009).

Выводы. В ходе исследования гипотеза о том, что у студентов столичного вуза социальный интеллект выше, чем у представителей регионального вуза, не подтвердилась. Уровень развития СИ примерно одинаковый, он находится в пределах средних значений нормы как у студентов из ТГУ, так и у первокурсников московского вуза. Было выявлено, что высокий СИ у студентов как московского, так и томского вуза сопровождается рефлексией, верой в доброту людей, уверенностью в себе и развитой способностью к самоконтролю, стремлением действовать в соответствии с собственными убеждениями.

Гипотеза о том, что в двух студенческих выборках будут отчётливо проявляться различия в структуре корреляционных связей СИ с индивидуально-психологическими особенностями личности, подтвердилась. Были выявлены и подробно описаны особенности студентов томского и московского вузов. В ходе исследо-

вания были проанализированы взаимосвязи СИ с целеустремленностью и склонностью к планированию деятельности, способностью к рефлексии, стремлением к самодетерминации, удовлетворенностью жизнью, самоотношением и отношением к миру и другим людям.

В ходе исследования личностных особенностей студентов московского и томского вузов были выявлены достоверные межгрупповые различия по ряду психологических характеристик, по гендерному признаку и профилю обучения. Было показано, что в целом у студентов томского вуза более развиты навыки рационального планирования своей деятельности, они в большей степени готовы совершать осознанный выбор в ситуациях, которые требуют серьёзного решения, и нести ответственность за него. Также было выявлено, что у них выше показатели по целеустремленности и настойчивости в реализации поставленных целей, сильнее развита потребность поступать в соответствии с собственными принципами и убеждениями. Возможно, объяснение более низким значениям студентов столичного вуза (в сравнении с представителями томской выборки) связано с необходимостью преодоления этими студентами больших московских расстояний до места обучения, что вызывает снижение общей активности. Второе объяснение, возможно, кроется в особом социально-экономическом статусе Москвы. Представители столичной выборки понимают, что обучение и жизнь в одном из самых привлекательных для молодёжи регионов Российской Федерации – уже серьёзное достижение, что в свою очередь снижает общий уровень их притязаний и в целом активности.

Исследование социального интеллекта имеет огромную практическую значимость. Во-первых, диагностика особенностей развития (проявлений) социального интеллекта имеет особую важность при общем исследовании личности человека. Во-вторых, выявление сложностей в проявлении и сформированности социальных компетенций способствует последующей коррекции этих трудностей посредством развития у студентов знаний, умений, навыков, необходимых для успешного познания социального мира и эффективной ориентации и реализации в нём (в том числе на этапе вузовского обучения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоконь О.В.* Взаимосвязь эмоционального и социального интеллекта с лидерством : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. С. 163.
2. *Суднева О.Ю.* Социальный интеллект и его взаимосвязь с академическим интеллектом у студентов гуманитарного и технического профиля // Психология когнитивных процессов / под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова. Смоленск : Универсум, 2013. С. 107–121.
3. *Суднева О.Ю., Каракулова О.В., Богомаз С.А.* Социальный интеллект в структуре личностного потенциала первокурсников // Сибирский психологический журнал. 2013. № 48. С. 118–126.
4. *Ушаков Д.В., Ивановская А.Е.* Практический интеллект и адаптация к среде у школьников // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2004. С. 161–175.
5. *Щербаков С.В.* Социальный интеллект и профессиональная компетентность инженерно-технических работников. Уфа : РИЦ БашГу, 2011. С. 170.
6. *Пащенко Е.И.* Соотношение социального интеллекта, когнитивных и психосоциальных характеристик в период ранней взрослости : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. С. 168.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 11 марта 2014 г.

A COMPARATIVE RESEARCH OF SOCIAL INTELLIGENCE AND PERSONAL FEATURES OF STUDENTS OF CAPITAL AND REGIONAL HIGHER SCHOOLS

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 208-216. DOI: 10.17223/15617793/387/32

Sudneva Olesya Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avendus@mail.ru

Keywords: social intelligence; personal features; self-determination; commitment; reflection.

Results of an empirical research devoted the features of social intelligence of first-year students trained in capital and regional higher schools are presented in the article. Research objective is the study (and comparison) of the level of development of social intelligence (SI) and its interrelation with individual and psychological characteristics of young men and women of the first year, students of capital and regional higher schools. Research hypotheses are: 1) differences in the structure of correlation connections of social intelligence with personal features will be distinctly shown in the two selected student groups; 2) in the capital the social intelligence of first-year students will be higher than that of Tomsk higher school representatives. For checking the hypotheses a research was organized and conducted. It involved first-year students from different faculties of Tomsk and Moscow higher schools. The features of social intelligence were defined basing on the Questionnaire of Assessment of a Choice in a Conflict Situation (by S.V. Shcherbakov and Z.M. Amineva). During the research the hypothesis that students of capital higher schools have a higher level of social intelligence than of the regional one was not confirmed. SI level of both groups is approximately identical; it has an average value of the rate in comparison with other respondents. It was revealed that higher SI characteristic of students of both Moscow and Tomsk higher schools is accompanied by reflection, belief in human kindness, self-confidence, developed ability to self-control and desire to act according to their own beliefs. The hypothesis that differences in the structure of correlation connections of social intelligence with personal features will be distinctly shown in the two selected student groups was confirmed. The features of students of Tomsk and Moscow higher schools were also revealed and described in detail. During the research the relationship was analyzed between SI and dedication, tendency to planning, ability to reflect, aspiration to self-determination, life satisfaction, self-relation and attitudes towards the world and other people. The research of social intelligence has vast practical importance. First of all, the diagnostics of the degree of social intelligence development has special importance in the general research of the personal identity. Secondly, thorough elaboration of the researched phenomenon is very important for diagnostics of difficulties in manifestation and formation of social intelligence and the following correction of difficulties in social issues.

REFERENCES

1. Belokon' O.V. *Vzaimosvyaz' emotsional'nogo i sotsial'nogo intellekta s liderstvom*. Dis. kand. psikhol. nauk [The relation of emotional and social intelligence to leadership. Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 163 p.
2. Sudneva O.Yu. *Sotsial'nyy intellekt i ego vzaimosvyaz' s akademicheskim intellektom u studentov gumanitarnogo i tekhnicheskogo profilya* [Social intelligence and its relationship with academic intelligence in students of humanities and technical profile]. In: Egorov A.G., Selivanov V.V. (eds.) *Psikhologiya kognitivnykh protsessov* [Psychology of cognitive processes]. Smolensk: Universum Publ., 2013, pp. 107-121.
3. Sudneva O.Yu., Karakulova O.V., Bogomaz S.A. Social intelligence in the structure of personal potential of first-year student. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2013, no. 48, pp. 118-126. (In Russian).
4. Ushakov D.V., Ivanovskaya A.E. *Prakticheskiy intellekt i adaptatsiya k srede u shkol'nikov* [Practical intelligence and adaptation to the environment in schoolchildren]. In: Lyusin D.V., Ushakov D.V. (eds.) *Sotsial'nyy intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurement, research]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2004, pp. 161-175.
5. Shcherbakov S.V. *Sotsial'nyy intellekt i professional'naya kompetentnost' inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov* [Social intelligence and professional competence of engineers and technical workers]. Ufa: RITs BashGu Publ., 2011. 170 p.
6. Pashchenko E.I. *Sootnoshenie sotsial'nogo intellekta, kognitivnykh i psikhosotsial'nykh kharakteristik v period ranney vzroslosti*. Dis. kand. psikhol. nauk [The ratio of social intelligence, cognitive and psychosocial characteristics in early adulthood. Psychology Cand. Diss.]. SPb., 2003.168 p.

Received: 11 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 217–224 DOI: 10.17223/15617793/387/33

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 550.4 (550.84.094.1)

И.В. Афонин, П.А. Тишин, Г.М. Татьянин, Д.А. Ивлев

ПЕТРОГЕОХИМИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ И РАСЧЛЕНЕНИЕ ВЕРХНЕСЕНОМАНСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ВАН-ЕГАНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки.

По результатам проведенного кластерного анализа данных гео- и петрохимических исследований получена характеристика основных неоднородностей осадка палеоэстуарного бассейна и установлена их связь с вариациями pH и Eh режимов и литологическими особенностями пород, обусловленными их минералогическим составом. Выявлен ряд показателей, характеризующих цикличность осадочного процесса. Также рассмотрена и предложена методика корреляции терригенных толщ на основании поведения Mn, U и модуля нормативной щелочности в осадочном процессе.

Ключевые слова: кластерный анализ; эстуарий; петрогеохимические неоднородности; корреляция; Западная Сибирь.

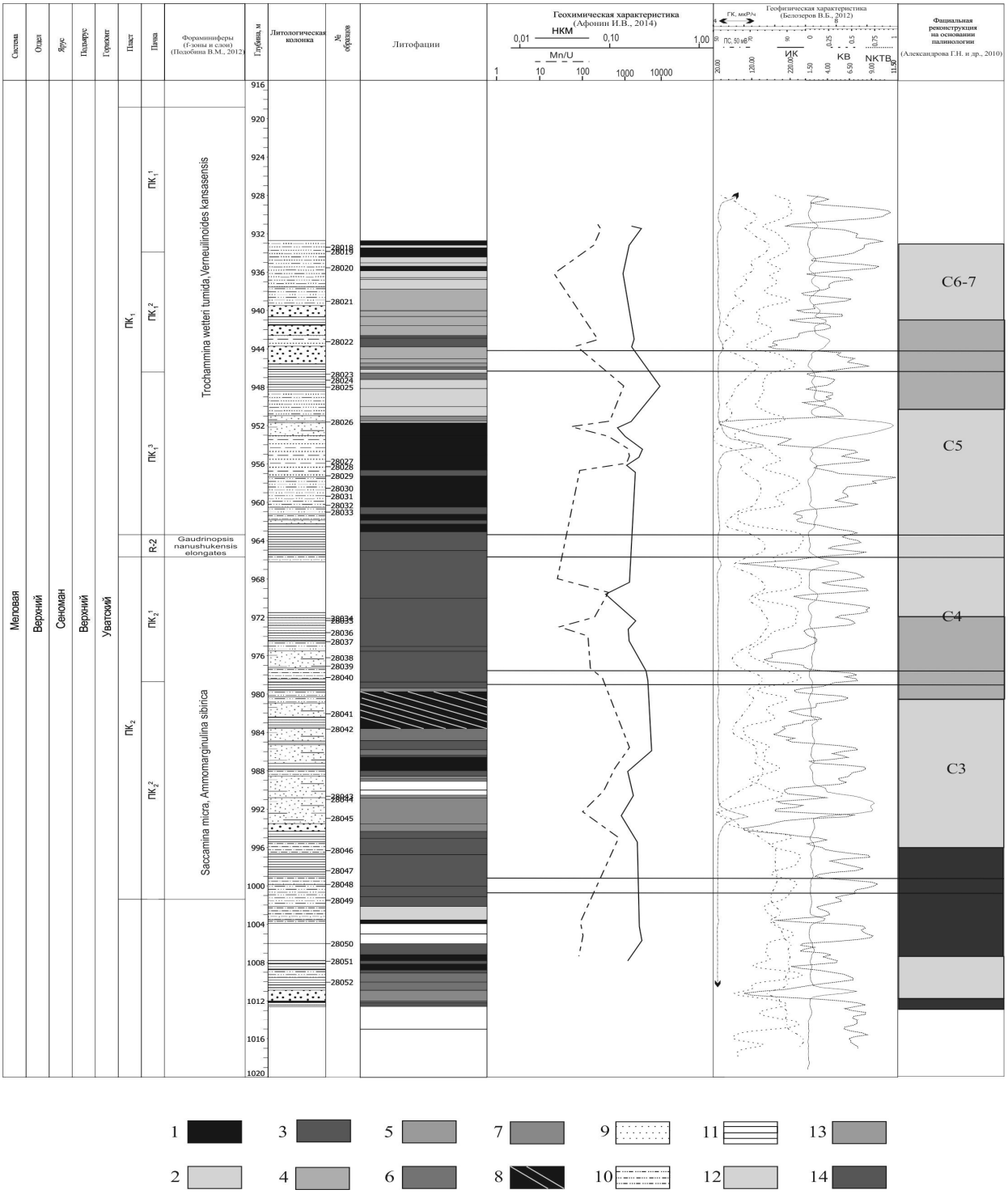
Одной из ключевых задач, решаемых при изучении осадочных разрезов, являются их расчленение и корреляция. Наиболее успешно эти вопросы решаются методами биостратиграфии, в то же время достоверно решить поставленные задачи при отсутствии органических остатков удается не всегда. В качестве основных подходов расчленения и корреляции «немых толщ» используются методы геохимии, цикло- и хемостратиграфии [1–3]. При этом цикло- и хемостратиграфические подходы, несмотря на литологические ограничения, разработаны весьма детально и хорошо зарекомендовали себя на практике. Применение геохимических методов не имеет столь мощной методической базы и основывается либо на диагностике планетарных аномалий, таких как аномалия иридия на границе мела и палеогена [4], либо на диагностике вертикальных закономерностей вариаций состава осадочных пород. Последний подход может иметь важное значение при локальном сопоставлении осадочных разрезов на отдельных площадях или месторождениях, особенно в условиях повышенной фациальной изменчивости. В этой связи нами предпринята попытка корреляции элементов геохимической неоднородности осадков разных частей разреза верхов покурской свиты (K_2cm_2) в пределах Ван-Еганской структуры (Западная Сибирь).

Строение разреза. В административном отношении Ван-Еганское месторождение входит в состав Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Исследуемый район приурочен к Ваньеганской структуре, расположенной в южной части Варьеганского малого вала, осложняющего Варьеганский крупный вал. Варьеганский крупный вал входит в систему Варьеганско-Пурпейской антиклинальной зоны линейных структур, являющейся частью Ямало-Тазовской мегасинеклизы. Варьеганский малый вал осложнен рядом структур II и III порядков, к которым относится Ваньеганская структура, имеющая субмеридиональное простирание и по юрским отложениям осложненная рядом небольших куполов. Характерно наличие разрывных нарушений, преимущественно меридионального направления. При этом следует отметить, что Варьеганский крупный вал имеет наследуемый характер структуры фундамента. Варьеганский малый вал охарактеризован как поднятие, обусловленное тектонической активизацией каледонского цикла тектогенеза. Ваньеганская является по своей природе конседиментационной структурой антиклинального типа.

Литологически группа пластов $ПК_{1–2}$ представлена неравномерным переслаиванием песков, слабосцементированных песчаников, глин алевритистых до алевритовых, глинистых известняков. В нижней части – крепкосцементированные песчаные породы, аргиллиты. Для верхов покурской свиты характерен обильный растительный детрит, обугленные обрывки растений, включения и присыпки пирита, конкреции сидерита [5]. Разрез характеризуется сильной вертикальной и фациальной изменчивостью, что значительно затрудняет расчленение разреза и локальную корреляцию разрезов скважин.

Тем не менее на основании микропалеонтологических исследований, проведенных В.М. Подобиной [6], в пределах изученного разреза были выделены три зоны фораминифер: *Saccammina micra*, *Ammomarginulina sibirica*, *Gaudryinopsis nanushukensis elongates* и *Trochammina wetteri tumida*, *Verneuilinoides kansasensis* [6, 7]. Характер их распределения позволяет разделить разрез на два основных пласта, граница между которыми подчеркивается маломощным (1–7 м), латерально выдержанным алевролитовым горизонтом со специфическим биостратиграфическим комплексом *Gaudryinopsis nanushukensis elongates* (рис. 1). Ранее на этой площади в составе покурской и кузнецовской свит методами палинологических и циклостратиграфических исследований было установлено 8 трансгрессивных макроциклитов C1–C8 [5], где циклиты C1–C2 соответствуют нижней, циклиты C3–C7 – верхней частям покурской свиты, а циклит C8 охватывает разрез кузнецовской свиты (рис. 1). Сопоставление полученных данных с результатами В.М. Подобиной позволяет сопоставлять мегациклиты C3–C4 с зоной *Saccammina micra*, *Ammomarginulina sibirica*, а макроциклиты C5–C7 – с зоной

Trochammina wetteri tumida, *Verneuilinoides kansasensis*. Позднее В.Б. Белозеровым на основании комплекса данных ГИС были установлены выдержанные по латерали реперные литологические единицы, сложенные, существенно, глинистыми породами, разделяющими разрез верхней части покурской свиты на пять пачек, соответствующих мегациклитам С3–С7 (рис. 1). Таким образом, независимое применение палеонтологических, палинологических, литологических и литолого-фациальных подходов к расчленению разреза демонстрирует его цикличное строение, проявленное на фоне общего трансгрессивного режима в прибрежных условиях [5, 7].



Условные обозначения: литофации: *1* – алеврито-глинистые и карбонатные осадки малоподвижного мелководья; *2* – глинисто-алевритовые осадки приливно-отливной зоны; *3* – песчано-алевритовые осадки малоподвижного мелководья; *4* – песчаные отложения приливных каналов; *5* – песчано-алевритовые осадки прибрежных частей залива; *6* – алеврито-глинистые и карбонатные осадки центральных частей заливов и лагун; *7* – глинисто-алевритовые осадки изолированных частей заливов и лагун; *8* – чередование *1* и *3*; литология: *9* – песчаник; *10* – алевролиты; *11* – глины (аргиллиты); палинофации: *12* – маршево-болотные; *13* – прибрежно-морские; *14* – области сильных течений

Рис. 1. Сводный разрез верхнесеноманских отложений покурской свиты ($ПК_{1–2}$), скважина № 2010

Высокая достоверность расчленения и корреляции разреза верхней части покурской свиты в пределах Ван-Еганской структуры делают данный комплекс очень благоприятным объектом для адаптации нетрадиционных подходов к решению задач дифференциации осадочных толщ. В этой связи нами предприняты попытка выявления вертикальной вещественной неоднородности данного разреза и оценка возможностей петрогеохимических методов для локальной корреляции осадочных разрезов.

Методика исследований и полученные результаты. В основу работы были положены 124 определения содержаний петрогенных оксидов и микроэлементного состава методами рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS). Исследования проводились в ЦКП «Аналитический центр геохимии природных систем» ТГУ. Рентгенофлуоресцентный анализ проводился на приборе OXFORD ED 2000 – энергодисперсионный рентгенофлуоресцентный спектрометр фирмы «OXFORD Instruments Analytical». В качестве внутренних и корректирующих стандартов были использованы BCR-2, СГХМ-1, СГ-3, ССЛ-1. Масс-спектральное определение содержания элементов в анализируемых образцах проводилось на аппарате Agilent 7500cx, Agilent Technologies. Съемка осуществлялась по оригинальной методике Ю.В. Аношкиной [8]. Качество полученных результатов оценивалось на основании стандартов BCR-2, СГХМ-1, СГ-3, ССЛ-1.

Полученные результаты были обработаны в программе Statistica 6.0, в результате чего были выделены наиболее дискретные показатели, определяющие петрогеохимическую неоднородность разреза.

Результаты. На основании классификации, предложенной Я.Э. Юдовичем и М.П. Кетрис [1], массив пород разделяется на сиалиты и их железистые аналоги, карбонатолиты и карбонатные образования, которые отличаются друг от друга по содержанию SiO_2, CaO и Fe_2O_3. Микроэлементный состав соответствует типичным осадочным породам. Исследуемые осадки характеризуются высокой вариативностью Sr/Ba и Mn/U, которые увеличиваются в ряду песчаники – алевролиты – карбонатно-глинистые образования [9–11]. В целом по разрезам отсутствуют ярко выраженные признаки латеральной и вертикальной изменчивости осадков. Для их диагностики был проведен кластерный анализ, позволивший обнаружить определенные закономерности.

Анализ исследуемой выборки по содержанию кремнезема позволяет выделить четыре кластера (табл. 1): 1) аномально низкокремнистый (SiO_2 = 1–41%); 2) низкокремнистый (SiO_2 = 42–54%); 3) умереннокремнистый (SiO_2 = 53–62%); 4) высококремнистый (SiO_2 = 63,2–74,9%), которые объединяют основные петрографические разновидности и в целом отражают литологическую типизацию разреза.

Аномально низкокремнистые породы (петрохимический кластер – П-I) объединяют 7 проб, представленные карбонатолитами и карбонатизированными породами (табл. 1). Помимо низких содержаний кремнекислоты они отличаются высокими концентрациями оксида кальция (CaO = 15,6–36,6%).

Низкокремнистые образования (П-II) представляют собой ожелезненные (Fe_2O_3 = 4–21%), отчасти сидеритизированные тонкодисперсные осадки (5 проб).

Высококремнистые образования (П-IV), объединяющие 12 проб, представлены наиболее зрелыми образованиями – кварцевыми алевролитами с высоким содержанием глинистой составляющей (Al_2O_3 = 15,1–22,1%).

Основной объем выборки (99 проб) приходится на группу умереннокремнистых пород (П-III), которая включает большинство аргиллитов и алевролитов изученного разреза. При этом характер распределения глинозема и железа в составе выборки предполагает ее разделение на четыре субкластера: П-IIIa – высокоглиноземистый маложелезистый, П-IIIb – глиноземистый маложелезистый, П-IIIc – высокоглиноземистый железистый, П-IIId – глиноземистый железистый.

Аналогичное ранжирование выборки было проведено по основным геохимическим параметрам (Sr/Ba, Ce/Ce*, Eu/Eu*, La/Yb, U/Th, Fe/Mn, Mn/U, Ti/Zr, ∑TR, SiO_2/Fe_2O_3), отражающим фациально-генетические характеристики осадков [12–18]. В результате на уровне 80–100% обособляются четыре кластера, где в качестве наиболее значимого критерия выступает Mn/U, при этом выделяются: 1) аномально высокомарганцевые (Mn/U = 960–2217); 2) высокомарганцевые (Mn/U = 370–595); 3) умеренномарганцевые (Mn/U = 77–312); 4) низкомарганцевые (Mn/U = 17–180) породы. Помимо этого в умеренно- и низкомарганцевых породах устанавливается более дробная дискриминация по общему содержанию редких земель – ∑TR (табл. 2).

Первый геохимический кластер (Г-I) с аномально высоким содержанием марганца (Mn = 1079–4236 г/т) объединяет 7 проб карбонатолитов и карбонатизированных пород и осадки, обогащенные фосфором.

Второй кластер (Г-II) представляет собой высокомарганцовистые образования (14 проб) и включает в себя интенсивно сидеритизированные глинистые породы.

Половина выборки (56 проб) приходится на третий кластер (Г-III), который составляют глинисто-алевритистые осадки со слабо проявленной сидеритизацией. Внутри данной группы фиксируется дискриминация по величине Fe/Mn отношения и сумме редкоземельных элементов (∑TR). При этом значения Fe/Mn разделяют осадки сидеритизированные в прибрежных (подкластеры Г-IIIa и Г-IIIb) и в морских (подкластеры Г-IIIc и Г-IIId) условиях. Уровень накопления лантаноидов отражает степень механической дифференциации терригенного материала и разделяет алевролиты (подкластеры Г-IIIa и Г-IIId) и аргиллиты (подкластеры Г-IIIb и Г-IIIc).

Четвертый кластер (Г-IV) объединяет 36 проб пород, не подверженных карбонатизации, и характеризуется низким уровнем накопления марганца (Mn = 32–250 г/т; Mn/U = 17–180). Здесь, как и в предыдущем случае, устанавливается внутренняя дискриминация по общему содержанию редкоземельных элементов (табл. 2) на умеренно- (Г-IVa) и высокоредкоземельные (Г-IVb).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что основная петрогеохимическая неоднородность изученного разреза определяется характером распределения SiO_2, Fe_2O_3, Al_2O_3, Mn/U, Fe/Mn и ∑TR (см. табл. 3).

Таблица 1

Результаты кластерного анализа по петрогенным оксидам

Кластер	№	SiO_2	TiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	MgO	CaO	MnO	Na_2O	K_2O	P_2O_5	ППП
П-I	7	1,00–41,30 24,27(27,91)	0,19–17,43 2,92(0,63)	4,62–11,79 8,03(6,84)	1,00–12,57 5,45(4,74)	0,10–4,06 2,42(2,42)	15,63–36,59 29,80(32,63)	0,11–17,58 2,64(0,16)	0,20–1,42 0,54(0,36)	0,22–2,11 1,41(1,58)	0,07–11,11 2,43(0,37)	9,50–28,70 19,79(19,14)
П-II	6	46,24–54,10 61,16(61,64)	0,69–1,32 0,98(0,88)	15,65–18,56 17,80(18,37)	4,11–20,74 6,83(4,11)	0,11–2,77 0,52(0,34)	0,21–2,12 0,55(0,25)	0,04–0,27 0,09(0,05)	0,81–2,45 1,35(1,30)	1,60–2,28 1,72(1,92)	0,02–1,65 0,22(0,03)	9,33–24,50 9,11(6,95)
П-III	99	53,47–62,09 58,32(58,58)	0,71–2,27 1,10(0,87)	17,94–25,57 20,89(20,44)	2,93–9,99 6,44(6,28)	0,07–2,08 0,80(0,55)	0,08–1,31 0,51(0,47)	0,01–0,42 0,11(0,07)	0,22–2,79 1,51(1,62)	0,93–3,86 2,26(2,39)	0,01–0,24 0,07(0,06)	5,43–10,72 7,97(8,06)
П-IV	12	63,15–74,87 66,37(64,73)	0,68–1,82 0,90(0,83)	15,11–22,12 18,39(18,9)	1,96–7,96 4,02(3,86)	0,12–0,49 0,34(0,36)	0,06–0,46 0,25(0,22)	0,01–0,24 0,05(0,03)	0,60–1,71 1,30(1,25)	0,41–2,64 1,92(2,14)	0,01–0,09 0,03(0,03)	4,37–8,03 5,97(5,97)
Субкластер	**№**	**SiO_2**	**TiO_2**	**Al_2O_3**	**Fe_2O_3**	**MgO**	**CaO**	**MnO**	**Na_2O**	**K_2O**	**P_2O_5**	**ППП**
П-IIIa	22	58,04–62,09 60,62(60,94)	0,71–1,95 0,91(0,84)	20,15–25,57 22,32(22,16)	2,93–5,55 4,30(4,30)	0,07–1,18 0,41(0,27)	0,08–0,49 0,25(0,24)	0,01–0,17 0,04(0,02)	0,22–2,08 1,22(1,17)	1,01–2,40 1,83(1,95)	0,01–0,05 0,03(0,03)	6,31–10,72 7,94(7,84)
П-IIIb	26	59,34–61,91 60,18(59,95)	0,72–1,13 0,85(0,81)	18,61–21,77 20,15(20,08)	5,00–7,73 6,22(6,20)	0,22–1,79 0,64(0,58)	0,18–0,72 0,42(0,44)	0,03–0,12 0,06(0,06)	1,16–2,18 1,62(1,61)	1,92–2,85 2,39(2,40)	0,03–0,10 0,06(0,06)	5,43–8,28 6,92(6,95)
П-IIIc	19	53,47–58,81 57,00(57,16)	0,71–2,27 0,98(0,90)	19,56–23,13 21,40(21,11)	5,47–7,18 6,26(6,33)	0,07–2,08 0,74(0,52)	0,18–0,89 0,51(0,47)	0,01–0,42 0,50(0,51)	0,03–0,42 0,11(0,08)	0,93–3,21 2,43(2,48)	0,02–0,12 0,06(0,06)	5,70–10,16 8,53(8,53)
П-IIId	34	53,80–58,36 55,96(56,01)	0,80–1,36 1,05(1,03)	17,94–20,72 19,71(19,84)	7,13–9,99 8,51(8,60)	0,16–2,04 0,68(0,59)	0,06–0,46 0,25(0,22)	0,19–1,31 0,80(0,83)	0,06–0,21 0,14(0,14)	1,58–3,86 2,58(2,53)	0,05–0,24 0,11(0,11)	7,20–10,26 8,45(8,30)

Примечание. Здесь и далее в числителе указаны min/max; в знаменателе – среднее (медиана).

Таблица 2

Результаты кластерного анализа по основным геохимическим индикаторам

Кластер	№	TR	Ce/Ce*	Eu/Eu*	La/Yb	Sr/Ba	U/Th	Fe/Mn	SiO_2/Fe_2O_3	Mn/U	Ti/Zr
Г-I	4	63,59–174,12 117,03 (115,21)	0,99–1,45 1,16 (1,10)	0,61–0,72 0,66 (0,66)	7,61–11,24 9,65 (9,89)	0,25–0,64 0,40(0,37)	0,23–0,70 0,36(0,27)	5,08–41,91 20,29(17,07)	2,23–8,40 5,83(6,34)	959,91–2216,70 1379,37(1170,43)	36,24–44,65 39,41(38,36)
Г-II	11	63,15–178,83 108,97 (96,50)	0,85–1,74 1,20 (1,17)	0,62–0,72 0,67(0,66)	7,09–14,00 10,26(10,13)	0,19–0,50 0,33(0,33)	0,25–0,63 0,38(0,35)	17,90–46,47 31,50(28,96)	4,64–14,02 7,85(8,07)	371,27–595,41 471,14(438,61)	32,51–54,82 42,61(40,52)
Г-III	56	58,45–205,47 154,65(164,64)	0,90–1,97 1,12(1,08)	0,56–0,79 0,69(0,69)	7,98–17,72 12,74(12,74)	0,13–0,64 0,30(0,29)	0,23–0,70 0,37(0,35)	15,29–97,87 41,96(37,31)	5,46–19,82 8,57(8,14)	77,80–311,77 184,40(167,92)	32,94–54,82 41,42(40,53)
Г-IV	47	34,65–325,91 143,16(137,33)	0,89–1,50 1,13(1,11)	0,54–0,80 0,70(0,70)	7,08–20,51 12,85(12,46)	0,12–0,71 0,34(0,32)	0,21–0,79 0,38(0,35)	39,67–168,40 94,51(94,02)	4,79–36,60 61,75(60,19)	16,95–180,00 61,57(60,19)	31,70–56,23 42,32(41,97)
Субкластер	**№**	**TR**	**Ce/Ce***	**Eu/Eu***	**La/Yb**	**Sr/Ba**	**U/Th**	**Fe/Mn**	**SiO_2/Fe_2O_3**	**Mn/U**	**Ti/Zr**
Г-IIIa	9	58,45–106,27 89,81(98,38)	1,00–1,51 1,18(1,18)	0,56–0,75 0,67(0,66)	8,94–17,72 12,13(11,37)	0,20–0,64 0,36(0,32)	0,28–0,68 0,41(0,36)	21,31–97,87 54,30(52,26)	8,02–19,82 11,84(10,60)	107,95–137,92 124,59(126,46)	32,94–45,63 40,26(40,62)
Г-IIIb	15	164,67–205,47 187,97(189,15)	1,00–1,24 1,10(1,09)	0,62–0,74 0,69(0,68)	10,00–16,24 13,73(13,85)	0,15–0,38 0,30(0,30)	0,23–0,41 0,35(0,35)	37,67–79,20 54,31(54,31)	5,64–19,82 10,32(9,92)	77,80–158,16 115,84(124,98)	32,94–54,82 41,08(40,50)
Г-IIIc	12	152,69–198,02 177,06(180,47)	0,90–1,15 1,06(1,08)	0,65–0,79 0,70(0,70)	11,47–14,16 12,91(12,90)	0,24–0,38 0,30(0,30)	0,29–0,37 0,34(0,35)	25,61–49,42 36,70(36,71)	5,96–10,98 8,27(8,20)	133,69–227,46 180,69(179,89)	35,96–51,52 42,34(41,12)
Г-IIId	20	73,51–167,12 136,89(142,89)	0,90–1,97 1,15(1,07)	0,62–0,78 0,69(0,69)	7,98–15,09 12,08(12,35)	0,13–0,43 0,26(0,28)	0,28–0,70 0,39(0,34)	15,29–35,54 30,30(31,03)	5,46–12,62 7,11(6,83)	218,09–311,77 265,28(269,67)	33,89–52,99 41,03(40,17)
Субкластер	**№**	**TR**	**Ce/Ce***	**Eu/Eu***	**La/Yb**	**Sr/Ba**	**U/Th**	**Fe/Mn**	**SiO_2/Fe_2O_3**	**Mn/U**	**Ti/Zr**
Г-IVa	7	209,45–325,91 256,22(228,30)	0,96–1,40 1,19(1,09)	0,66–0,78 0,71(0,70)	11,57–20,51 16,04(15,20)	0,13–0,51 0,28(0,23)	0,21–0,55 0,41(0,41)	45,22–142,52 97,14(99,34)	4,79–21,16 12,52(13,68)	21,51–180,0 62,55(40,97)	37,06–50,82 41,71(39,61)
Г-IVb	40	34,65–185,74 122,87(126,20)	0,89–1,50 1,12(1,11)	0,54–0,80 0,70(0,70)	7,08–18,33 12,28(12,01)	0,12–0,71 0,35(0,35)	0,12–0,79 0,38(0,35)	39,67–168,40 94,03(93,96)	7,77–36,60 14,15(12,05)	16,95–101,02 61,40(62,54)	31,70–56,23 42,43(42,08)

При этом если показатели SiO_2, Al_2O_3 и $\sum TR$ отражают механическую дифференциацию обломочного материала, то Fe_2O_3 и Mn/U фиксируют интенсивность син- и эпигенетической карбонатизации, а увязывающее их отношение Fe/Mn можно рассматривать как фациальную функцию [11, 17, 18]. В качестве аналогичного критерия для терригенной составляющей можно рассматривать модуль нормативной щелочности (НКМ), который разделяет минеральные ассоциации глин по составу и условиям образования [1]. Таким образом, вышеперечисленные характеристики отражают степень зрелости осадков, характер наложенных преобразований и, как следствие, физико-химические (pH-Eh) условия седиментации и могут быть использованы для целей расчленения и корреляции разрезов.

Таблица 3

Основные статистические показатели главных индикаторов, описывающих петрогеохимические неоднородности верхнесеноманских отложений Ванеганской структуры (группа пластов $ПК_{1-2}$)

Показатель	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	НКМ	Mn/U	ΣTR	Fe/Mn
Min	1,00	4,62	1,00	0,07	16,95	34,65	0,03
Max	74,87	25,57	20,74	0,42	5045,10	325,91	168,40
Среднее	56,81	19,42	6,50	0,24	282,01	143,71	57,76
Медиана	58,32	20,06	6,25	0,22	131,74	144,58	47,42

Характер распределения основных петро- и геохимических индикаторов в изученных разрезах демонстрирует полицикличный характер их изменения. Наиболее наглядно это проявлено в распределении Mn/U (рис. 2), резкие повышения значений которого контролируют границы литогеохимических циклов разного порядка. Учитывая, что во многом вариации данного отношения могут определяться эпигенетическими преобразованиями, для более четкой идентификации циклов наряду с ним был использован НКМ. Вертикальная изменчивость численных значений данных показателей в колонке исследуемых скважин позволяет установить следующую последовательность геохимического расчленения разрезов. На первой стадии предполагается выделение первичных геохимических циклов по резкой смене направленности изменений в паре соседних образцов. Второй этап предусматривает выделение более мегациклических ассоциаций, объединяющих несколько циклов первого порядка и обладающих единой тенденцией вариативности геохимических параметров (рис. 2).

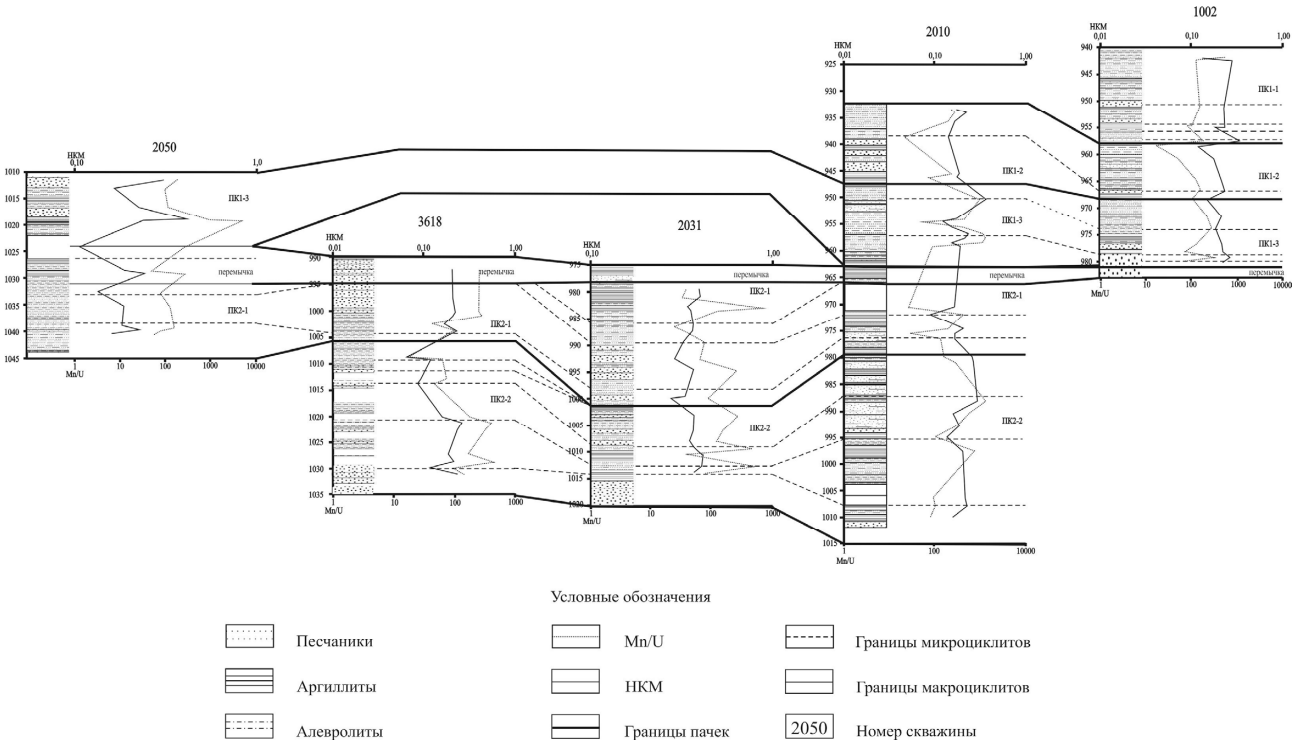


Рис. 2. Петрогеохимическая корреляция исследуемого фрагмента верхнесеноманских отложений покурской свиты Ван-Еганского месторождения

Основной проблемой данного подхода при расчленении разреза является корректность выделения полициклических таксонов, которые могут носить двойственный характер. Для разрешения этих противоречий предполагается использовать статистические характеристики применяемых генетических критериев. В качестве таких функций рассматриваются медианы по всей изученной выборке, для НКМ она составляет 0,22, а для Mn/U – 131. При этом медианное значение НКМ приближается к генетической границе перехода от монтмориллонит-каолинитовой к иллит-монтмориллонитовой ассоциации ~ 0,2 [1], следова-

тельно, данный показатель можно рассматривать как индикатор изменения прибрежно-морской (<0,2) обстановки осадконакопления на морскую (>0,22). По аналогии с этим показателем предполагается разграничить значения Mn/U, учитывая, что основные концентрации марганца связываются с процессами карбонатизации [19]. В качестве генетической нагрузки данного отношения рассматривается активность CO_2.

Применение данного подхода к диагностике разреза скважины № 2010, наиболее полно охарактеризованной керном верхней части покурской свиты в пределах Ван-Еганской структуры, подчеркивает резкую геохимическую контрастность границы между фораминиферовыми зонами *Saccammina micra*, *Ammomarginulina sibirica* и *Trochammina wetteri tumida*, *Verneuilinoides kansasensis* [5–7] и указывает на циклическую неоднородность их строения (см. рис. 1). При этом в пределах изученного разреза выделяется пять литогеохимических мегациклов, объем которых в целом совпадает с мегациклитами С3–С7, выделенными Г.Н. Александровой и др., а их границы соответствуют положению реперных литологических единиц по В.Б. Белозерову.

Общая направленность изменчивости состава пород в пределах циклов, вне зависимости от литологического состава пород, фиксируется в поступательном увеличении вверх по разрезу значений Mn/U как показателя активности CO_2 (см. рис. 1). При этом аномальные характеристики подчеркивают границы циклов. Согласно данным вариациям в пределах мегациклов изменяются и значения НКМ, подчеркивая трансгрессивный режим седиментации. Определенные закономерности устанавливаются и при распределении в пределах циклов выделенных петро- и геохимических кластеров. Как правило, в их основании преобладают высококремнистые маложелезистые породы (кластеры П-IV, П-IIIb, реже П-IIIa) с низкими значениями Mn/U и уровнем накопления редких земель (кластеры Г-IVa, Г-IIIa, реже Г-IVb). Вверх по разрезу устанавливается их обогащение железом (П-IIIc, П-IIId, реже П-IIIa) на фоне роста Mn/U и уровня накопления лантаноидов (Г-IIIb, Г-IIIc, Г-IIId, реже Г-IVa).

Кровли циклов, как правило, представлены карбонатолитами и сидеритизированными аргиллитами (П-I, П-II, П-IIIc) с аномально высокими значениями Mn/U (Г-I, Г-II, Г-IIIc). Указанная последовательность предполагает, что формирование разреза обусловлено циклическими изменениями геохимического режима седиментации, выраженного в увеличении активности железа, марганца и углекислоты. Подобные вариации предполагают формирование циклов в условиях поступательной смены береговой, прибрежной и морской седиментации либо снижение гидродинамической активности в пределах прибрежно-морского бассейна. Последний вариант подтверждается проявлениями аномальной карбонатизации в кровлях циклов.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Проведенные исследования показали, что в пределах Ван-Еганской структуры вертикальная геохимическая неоднородность разреза верхней части покурской свиты выражается в полициклических изменениях уровня концентраций марганца, кремния, железа, кальция, алюминия и редкоземельных элементов, которые отражают вариативность физико-химических параметров, механизмов осадконакопления и, в меньшей степени, источников осадочного материала.

Границы между геохимическими циклами высоких порядков подчеркиваются аномально высокими значениями (> 370) отношения Mn/U и усилением степени карбонатизации пород, что может быть связано с резкими изменениями солености бассейна на фоне снижения гидродинамической активности.

Структура макроциклитов подчеркивается наличием в основании высококремнистых осадков с глинистой составляющей монтмориллонит-каолинитового состава (НКМ < 0,2), которые вверх по разрезу сменяются более железистыми иллит-монтмориллонитовыми (НКМ > 0,22) породами и отражают усиление роли морского режима седиментации. Сопряженное с этим возрастание концентраций редкоземельных элементов подчеркивает усиление роли хемогенного осадконакопления, за счет коагуляции коллоидных форм лантаноидов.

В качестве основного геохимического отличия осадков фораминиферовой зоны *Saccammina micra*, *Ammomarginulina sibirica* от зоны *Trochammina wetteri tumida*, *Verneuilinoides kansasensis* является относительная обогащенность последней глиноземом. Учитывая согласные изменения Al_2O_3 и Fe_2O_3, в геохимических циклах пласта *Trochammina wetteri tumida*, *Verneuilinoides kansasensis*, можно предполагать вовлечение в процесс осадконакопления переотложенных, интенсивно замещенных обломков полевых шпатов.

Соответствие выявленных границ геохимических циклов первого порядка с границами ранее установленных элементов разреза (Г.Н. Александрова, В.Б. Белозеров, В.М. Подобина) указывает на достоверность предложенной схемы геохимического расчленения разрезов. Обнаруженные закономерности вертикальных вариаций состава осадочных пород, связанные с генетическими параметрами седиментации, расширяют возможности геохимических методов при локальной корреляции литологических последовательностей. При этом следует подчеркнуть, что применение индикаторных отношений носит сугубо индивидуальный характер и должно корректироваться в каждом конкретном случае.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юдович Я.Э., Кетрис М.П.* Основы литохимии. СПб. : Наука, 2000. 479 с.
2. *Маслов А.В.* Осадочные породы: методы изучения и интерпретации полученных данных : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2005. 289 с.
3. *Карогодин Ю.Н.* Седиментационная цикличность. М. : Недра, 1980. 242 с.
4. *Alvarez L.W., Alvarez W., Asaro F. et al.* Extraterrestrial cause for the Cretaceous-Tertiary extinction // Science. 1980. Vol. 208. P. 1095–1108.
5. *Александрова Г.Н., Космыгин В.А., Постников А.В.* Стратиграфия и условия седиментации меловых отложений южной части Варьеганского мегавала (Западная Сибирь) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18, № 4. С. 65–91.
6. *Подобина В.М.* Новые сведения по фораминиферам и биостратиграфии верхнего сеномана северного района // Вестник Томского государственного университета. 2012. Т. 361, № 6. С. 182–187.

7. *Подобина В.М.* Фораминиферы и биостратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. 388 с.
8. *Аношкина Ю.В., Асочакова Е.М., Бухарова О.В., Отмахов В.И., Тишин П.А.* Оптимизация условий пробоподготовки углеродистых геологических проб для последующего анализа методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // Аналитика и контроль. 2013. Т. 17, № 1. С. 47–58.
9. *Интерпретация* геохимических данных / под ред. Е.В. Склярова. М. : Интермет Инжиниринг, 2001. Т. 1. 288 с.
10. *Конторович А.Э., Берман Е.Л., Богородская Л.И. и др.* Геохимия юрских и нижнемеловых отложений Западно-Сибирской низменности. М. : Недра, 1971. Вып. 36. 251 с. (Тр. СНИИГГиМС).
11. *Мейнард Дж.* Геохимия осадочных рудных месторождений : пер. с англ. М. : Мир, 1985. 360 с.
12. *Тейлор С.Р., Мак-Ленан С.М.* Континентальная кора: её состав и эволюция. М., 1984. 384 с.
13. *Яночкина З.А.* Статистические методы изучения пестроцветов. М. : Недра, 1966. 142 с.
14. *Calvert S.E., Price N.B.* Composition of manganese nodyles and manganese carbonates from Loch Fyne, Scotland // Contr. Mineral. Petrology. 1970. Vol. 29. P. 215–233.
15. *Dalrimple R.W.* Incised Valleys in time and space: anintroduction to the volume and an examination of the controls on vally formation and filling in Incised valleys in time and space // Incised Valleys in Time and Space, Society of Economic Paleontologists and Mineralogists Special Publication / eds. by R.W. Dalrimple, D.A. Leckie, R.W. Tillman. Tulsa, USA, 2006. Vol. 85. P. 5–12.
16. *Langmuir D.* Particle size effect on the reaction goethite=hematite+water // American Journal of Science. 1971. Vol. 271. P. 147–156.
17. *Murray R.W., Buchholtz ten Brink M.R., Jones D.L. et al.* Rare earths elements as indicators of different marine depositional environments in chert and shale // Geology. 1990. Vol. 18. P. 268–271.
18. *Murray R.W., Buchholtz ten Brink M.R., Brumsack H.J. et al.* Rare earth elements in Japan Sea sediments and diagenetic behaviour of Ce/Ce*: results from ODP Leg 127 // Geochim Cosmochim Acta. 1991. Vol. 55. P. 2453–2466.
19. *Afonin I.V., Tatyanin G.M., Tishin P.A.* Geochemistry of ancient estuarine deposits on the example of pokurskaya suit sediments (West Siberia) // Goldshmid conference. 2013. Vol. 77 (5). P. 559.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 31 июля 2014 г.

GEOCHEMICAL HETEROGENEITY AND DISMEMBERMENT OF UPPER CENOMANIAN SEDIMENTS VAN-YOGAN FIELD (WESTERN SIBERIA)

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 217-224. DOI: 10.17223/15617793/387/33
Afonin Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: heaven05@list.ru
Tishin Platon A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: labspm@ggf.tsu.ru
Tatyanin Gennadiy M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gmt@mail.ru
Ivlev Dmitriy A. TNK-BP management (Tyumen, Russian Federation). E-mail: heaven05@list.ru
Keywords: cluster analysis; estuary; petrogeochemical heterogeneity; correlation; Western Siberia.

In this paper, the technique of analysis to establish lithogeochemical vertical heterogeneity of the sedimentary section is shown and a plan based on the correlation of strata petrogeochemical indicators is proposed. Studies have shown that within the framework of Van -Yogan vertical geochemical heterogeneity of the top of the Pokursky suite is expressed ion in polycyclic changes in the level of concentrations of manganese, silicon, iron, calcium, aluminum and rare earth elements which reflect the variability of the physicochemical parameters, mechanisms of sedimentation and, to a lesser extent, sediment sources. The boundaries between the geochemical cycles of high-order have anomalously high values (> 370) of the Mn/U ratio and greater rock carbonation, which is associated with abrupt changes in the salinity of the basin due to lower hydrodynamic activity. The geochemical structure of macro-cyclites emphasizes the presence in the base of high-silicon sediments with the clay content of montmorillonite-kaolinite (NKM < 0.2) which are replaced upsection by more glandular illite-montmorillonite (NKM > 0.22) rocks and reflect enhancement of marine sedimentation regime. Accompanying increase in the concentrations of rare earth elements emphasizes strengthening of the role of chemogenic sedimentation due to coagulation of colloidal forms of lanthanides. The main geochemical difference of the sediments of the formation Saccammina micra, Ammomarginulina sibirica from Trochammina wetteri tumida, Verneuilinoides kansasensis is the relative enrichment of the latter with alumina. Given the changes of Al_2O_3 and Fe_2O_3, in the geochemical cycles of the formation Trochammina wetteri tumida, Verneuilinoides kansasensis, we can assume involvement of redeposited, intensively substituted fragments of feldspars in sedimentation. Strict conformity of the identified boundaries of geochemical cycles of the first order with the volume of the previously set section components (G.N. Aleksandrova, V.B. Beloserov, V.M. Podobina) indicates the accuracy of the proposed scheme of section geochemical division. The observed regularities of vertical variations in the composition of sedimentary rocks associated with the genetic parameters of sedimentation empower geochemical methods in the local correlation of lithological sequences. It should be emphasized that the use of indicator ratios are purely individual and must be adjusted in each case.

REFERENCES

1. Yudovich Ya.E., Ketris M.P. *Osnovy litokhimii* [The fundamentals of lithochemistry]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. 479 p.
2. Maslov A.V. *Osadochnye porody: metody izucheniya i interpretatsii poluchennykh dannykh* [Sedimentary rocks: methods of study and data interpretation]. Ekaterinburg: The Urals State Mining University Publ., 2005. 289 p.
3. Karogodin Yu.N. *Sedimentatsionnaya tsiklichnost'* [Sedimentary cyclicity]. Moscow: Nedra Publ., 1980. 242 p.
4. Alvarez L.W., Alvarez W, Asaro F. et al. Extraterrestrial cause for the Cretaceous-Tertiary extinction. *Science*, 1980, vol. 208, pp. 1095-1108. DOI: 10.1126/science.208.4448.1095.
5. Aleksandrova G.N., Kosmygin V.A., Postnikov A.V. Stratigraphy and sedimentary environments for cretaceous deposits in the southern part of the Var'egansk Megabar (Western Siberia). *Stratigrafiya. Geologicheskaya korrelyatsiya – Stratigraphy and Geological Correlation*, 2010, vol. 18, no. 4, pp. 65-91. DOI: 10.1134/S0869593810040040.
6. Podobina V.M. New data on Upper Cenomanian foraminifers and biostratigraphy of northern district of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, vol. 361, no. 6, pp. 182-187. (In Russian).
7. Podobina V.M. *Foraminifery i biostratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminiferas and biostratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: NTL Publ., 2000. 388 p.
8. Anoshkina Yu.V., Asochakova E.M., Bukharova O.V., Otmakhov V.I., Tishin P.A. Optimization of conditions for sample preparation of Carbonaceous geological samples for subsequent mass spectrometry with inductively coupled plasma analysis. *Analitika i kontrol'*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 47-58.
9. Sklyarov E.V. (ed.) *Interpretatsiya geokhimicheskikh dannykh* [The interpretation of geochemical data]. Moscow: Intermet Inzhiniring Publ., 2001. Vol. 1, 288 p.

10. Kontorovich A.E., Berman E.L., Bogorodskaya L.I. et al. *Geokhimiya yurskikh i nizhnemelovykh otlozheniy Zapadno-Sibirskoy nizmennosti* [Geochemistry of the Jurassic and Lower Cretaceous deposits of the West Siberian Plain]. Moscow: Nedra Publ., 1971. Issue 36, 251 p.
11. Maynard J. *Geokhimiya osadochnykh rudnykh mestorozhdeniy* [Geochemistry of sedimentary ore deposits]. Translated from English. Moscow: Mir Publ., 1985. 360 p.
12. Taylor S.R., McLennan S.M. *Kontinental'naya kora, ee sostav i evolyutsiya* [The continental crust, its composition and evolution]. Translated from English by Sobolev R.N., Soboleva L.T. Moscow: Mir Publ., 1984. 384 p.
13. Yanochkina Z.A. *Statisticheskie metody izucheniya pestrotsvetov* [Statistical methods for studying mottled sediments]. Moscow: Nedra Publ., 1966. 142 p.
14. Calvert S.E., Price N.B. Composition of manganese nodules and manganese carbonates from Loch Fyne, Scotland. *Contributions to Mineralogy and Petrology*, 1970, vol. 29, pp. 215-233. DOI: 10.1007/BF00373306.
15. Dalrymple R.W. *Incised Valleys in time and space: an introduction to the volume and an examination of the controls on valley formation and filling*. In: Dalrymple R.W., Leckie D.A., Tillman R.W. (ed.) *Incised Valleys in time and space, Society of Economic Paleontologists and Mineralogists Special Publication*. Tulsa, USA, 2006, vol. 85, pp. 5-12.
16. Langmuir D. Particle size effect on the reaction goethite=hematite+water. *American Journal of Science*, 1971, vol. 271, pp. 147-156.
17. Murray R.W., Buchholtzten Brink M.R., Jones D.L. et al. Rare earths elements as indicators of different marine depositional environments in chert and shale. *Geology*, 1990, vol. 18, pp. 268-271. DOI: 10.1130/0091-7613(1990)0182.3.CO;2.
18. Murray R.W., Buchholtzten Brink M.R., Brumsack H.J. et al. Rare earth elements in Japan Sea sediments and diagenetic behaviour of Ce/Ce*: results from ODP Leg 127. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 1991, vol. 55, pp. 2453-2466. DOI: 10.1016/0016-7037(91)90365-C.
19. Afonin I.V., Tatyanin G.M., Tishin P.A. Geochemistry of ancient estuarine deposits on the example of pokurskaya suit sediments (West Siberia). *Goldshmid conference*, 2013, vol. 77 (5), p. 559. DOI: DOI:10.1180/minmag.2013.077.5.1.

Received: 31 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 225–232 DOI: 10.17223/15617793/387/34

УДК 551.582.2

Н.К. Барашкова, М.А. Волкова, И.В. Кужевская

ОЦЕНКА ТЕРМИЧЕСКОГО РЕЖИМА ВОЗДУХА И ТЕНДЕНЦИЙ ПРОЦЕССОВ АНТИЦИКЛОГЕНЕЗА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРИКЛАДНЫХ ЦЕЛЯХ

Представлены результаты исследования характеристик термического режима воздуха, используемых в обеспечении деятельности хозяйственного комплекса территорий. Рассматриваются опасные явления, приводящие к материальному ущербу. Изменчивость характеристик за различные временные периоды сопоставлена с многолетним режимом антициклональной погоды в регионе. Представленные оценки показателей термического режима свидетельствуют о разнонаправленности его воздействия на функционирование хозяйственных объектов и комплексов на территории юга Западной Сибири.

Ключевые слова: прикладная климатология; температура воздуха; опасные явления погоды; антициклогенез.

Одной из важных задач экономики России является рост национального производства для достижения устойчивого развития общества и удовлетворения потребностей людей. Наряду с основными производственными факторами, которые определяют развитие отраслей или отдельных предприятий, в последнее время все большее внимание уделяется учету влияния климата и состояния окружающей среды. Это влияние проявляется в виде ущерба и потерь в результате опасных гидрометеорологических, экологических и природных бедствий, климатических изменений. В среднем по стране ущерб от гидрометеорологических явлений оценивается в 80% от ущерба, наносимого экономике всеми природными катастрофами [1], и составляет, по оценкам [2], 30–60 млрд руб. ежегодно на фоне устойчивой тенденции (6,3% в год) повышения количества опасных явлений (ОЯ). В условиях рыночных отношений важной задачей является повышение эффективности использования гидрометеорологической информации. При выборе оптимальной стратегии потребитель может ориентироваться на вероятностные характеристики осуществления опасного, неблагоприятного состояния или явления погоды с использованием различных специальных показателей.

Материалы и методы исследования. В работе проводится оценка изменчивости метеорологических (по данным наблюдений) и расчетных параметров температуры приземного слоя воздуха, характеризующих современные климатические условия на территории Томской области, а также тенденций антициклогенеза на юге Западной Сибири и возможного влияния его на термический режим.

Информационной базой послужили данные суточного разрешения по температуре воздуха на метеорологических станциях Томской области за период 1941–2010 гг., для ст. Томск – с 1891 по 2010 г. [3]. Данные о состоянии антициклонических образований над Западной Сибирью заимствованы из [4].

С применением статистических методов анализа временных рядов была проведена оценка температурного режима по различным временным интервалам: за указанные периоды в целом, по 30-летиям, за период времени, использованный в действующих СНиП.

Результаты исследования. *Циркуляционные факторы формирования термического режима воздуха.* Формирование термического режима территории происходит под влиянием многих факторов, но ведущая роль в их межгодовой изменчивости принадлежит циркуляционному фактору. В последние годы все более характерными стали погодные условия, формируемые на фоне повышенного атмосферного давления. По данным [5], ежегодная повторяемость блокирующих процессов с 2000 г. превосходит среднюю за XX в. С 1998 г., с быстрым ростом продолжительности блокирующих процессов, стали чаще наблюдаться атмосферные засухи [6], а также низкие температуры. В 2009 г. в связи с ростом продолжительности арктических вторжений и антициклонической погоды зимой максимум чрезвычайных ситуаций наблюдался в Сибирском федеральном округе, где было зафиксировано 144 ОЯ, из которых 13 связаны с сильными морозами, метелями, заморозками [5]. В 2010 г. отмечены сильнейшие температурные аномалии для России в целом и для отдельных регионов в частности [7]. Так, в Западной Сибири в связи с блокинговой активностью наблюдалась аномально холодная зима.

Основные антициклональные ситуации в Западной Сибири обусловливаются как процессами общециркуляционного масштаба (блокирование зонального переноса, наличие Сибирского антициклона, формирование высотного барического гребня над Уралом), так и синоптического (смещение антициклонов, сформированных в тылу полярных и западных циклонов).

В холодный период года атмосферная циркуляция региона в большой степени определяется состоянием Сибирского антициклона. При его распространении на запад исследуемая территория оказывается в области низких (часто экстремальных) температур, малого количества осадков. Динамика интенсивности и смещения центра Сибирского антициклона за XX в., представленная на рис. 1, свидетельствует об особо интенсивном усилении центра в последние 40 лет (см. рис. 1, *а*). В то же время отсутствуют значимые тенденции миграции центра в широтном направлении относительно среднемноголетнего положения ($\overline{\varphi}$ = 50,5° с.ш., $\overline{\lambda}$ = 90° в.д.).

С начала 2000-х гг. произошел перелом в динамике интенсивности центра с ослаблением интенсивности (ΔP до –1,5 гПа относительно среднего $\overline{P}$ = 1 029,0 гПа), наблюдается явно выраженное смещение его на запад (см. рис. 1, *б*). На фоне долговременных изменений положения центра антициклона относительно 90° в.д. происходят высокочастотные колебания, так, с 2004 г. – некоторое смещение его на восток до 5° долготы.

Таким образом, за весь рассматриваемый период (более 100 лет) наблюдается тенденция смещения центра Сибирского антициклона на запад. Другими словами, в долговременном масштабе вклад Сибирского антициклона в антициклогенез юга Западной Сибири увеличивается и формирование экстремальных условий в холодный период года происходит под влиянием этого центра, а также процессов синоптического масштаба, что, в итоге, формирует значительную временную изменчивость метеорологического (и термического) режима территории.

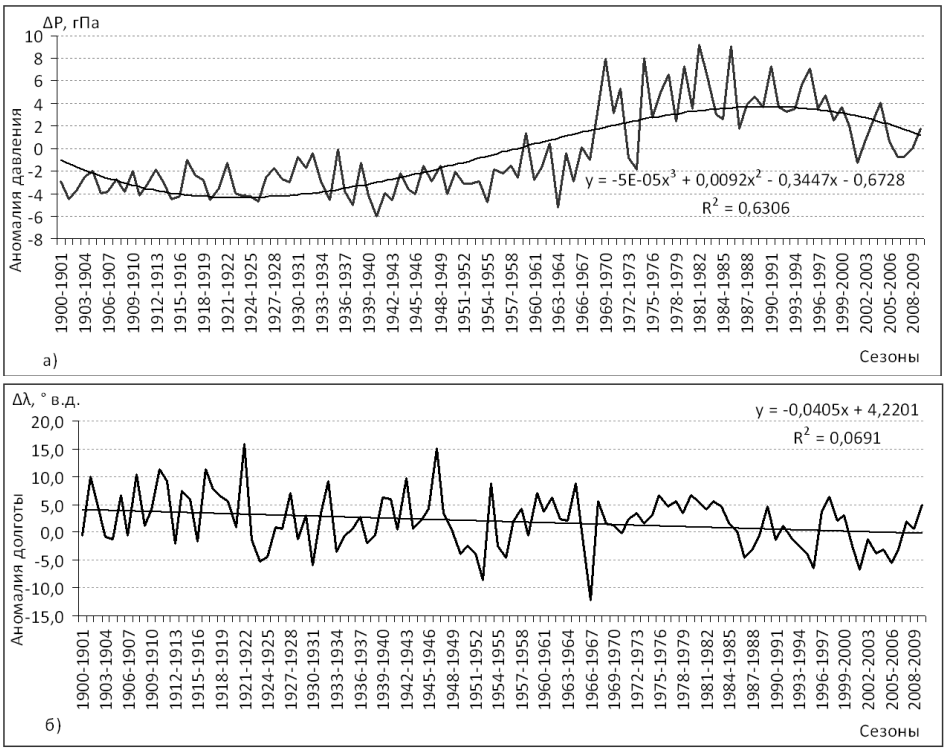


Рис. 1 Динамика интенсивности (*а*) и перемещения в широтном направлении (*б*) центра Сибирского антициклона

В теплый период формирование опасных градаций значений температуры воздуха чаще всего связано с проявлениями процессов блокирования зонального переноса в умеренных широтах. На рис. 2 представлена динамика числа блоко-дней в Западно-Сибирском секторе 1-го естественно-синоптического района, отражающая как периоды активного развития процессов (1950-е гг., середина 1960-х, начало 1980-х гг.), так и слабого их проявления (середина 1970-х гг.). С 1990-х гг., после квазиполувекового периода активного проявления блокирования, наметился его спад, который может составить вторую ветвь квазивекового цикла в повторяемости блоко-дней в исследуемом секторе. Кроме того, ослабление активности связано преимущественно с резким уменьшением блоков в холодный период года, в то время как в теплый период число их уменьшилось незначительно.

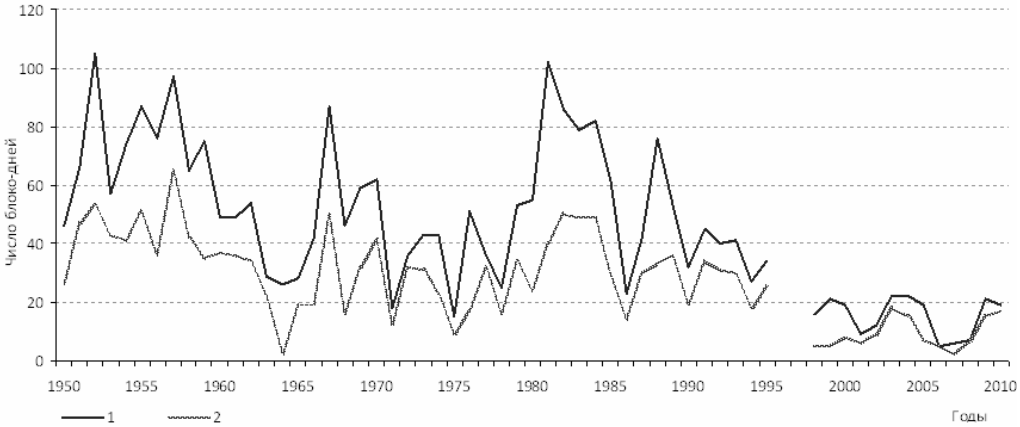


Рис. 2. Динамика числа блоко-дней в секторе 60–100° в.д.: *1* – за год; *2* – за теплый период

Показатели температуры воздуха. В практике метеорологического обслуживания хозяйственных отраслей принято рассматривать целый комплекс показателей термического режима. Так, суммы средних суточных температур воздуха выше определенных пределов (0, 5, 10, 15, 20°С) используются в сельском хозяйстве, дли-

тельность периодов с экстремальными значениями температуры воздуха (≥ 30 и 35°С, ≤ –25, –30, –35, –40°С), относящиеся к классу опасных явлений [8], абсолютные экстремумы температуры воздуха, а также их вероятностные характеристики (обеспеченностью 92, 95, 96, 98, 99%) востребованы техносферой и ЖКХ.

По климатическим данным (1881–1980 гг.), на территории области среднегодовая температура была ниже 0°С. В южных районах она составляла от –0,5 до –0,8°С, в северных от –2,5 до –3,5°С. Средняя температура самого теплого месяца года (июля) находится в диапазоне 16,5÷18,5°С, самого холодного (января) – 19,1÷ –23,0°С. Амплитуда колебаний экстремальных температур достигает 90–95°С. Продолжительность теплого периода (со среднесуточными положительными температурами воздуха) изменяется от 185 (на юге) до 165 дней (на севере области) [10].

Исследование долговременных тенденций температуры воздуха за последние 40 лет (1971–2010 гг.) выявило её рост со скоростью 0,4÷0,6°С/10 лет (табл. 1), причем в отдельные месяцы (февраль – март) холодного периода тенденции достигают 1,5÷ 1,7°С/10 лет. В то же время в апреле и сентябре температура практически не изменилась.

Таблица 1

Скорость изменения температуры воздуха (°С/10 лет) на станциях Томской области за период 1971–2010 гг.

Станция	Месяц												Период		Год
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Октябрь–апрель	Май–сентябрь	
Александровское	0,6	**1,1**	1,1	0,1	1,1	0,3	0,4	0,2	0,0	0,9	0,0	–0,4	0,5	0,4	0,4
Ванжиль-Кынак	0,3	**1,2**	1,2	0,0	0,8	0,4	0,4	0,4	0,2	0,9	–0,1	0,1	0,5	0,4	0,5
Напас	0,2	**1,3**	0,9	–0,3	0,9	0,2	0,4	0,5	0,4	1,2	0,3	0,5	0,6	0,5	0,5
Средний Васюган	0,5	**1,1**	1,0	0,0	0,9	0,4	0,6	0,7	0,3	1,1	0,1	–0,1	0,5	0,6	0,6
Усть-Озерное	0,3	**1,4**	1,1	0,0	1,0	0,1	0,4	0,3	0,3	0,7	0,2	0,2	0,6	0,4	0,5
Колпашево	0,3	**1,7**	1,2	0,0	1,3	0,2	0,3	0,1	0,0	0,8	0,2	0,3	0,6	0,4	0,5
Пудино	0,3	**1,4**	1,0	–0,1	1,1	0,2	0,4	0,2	0,0	0,7	0,2	0,2	0,5	0,4	0,5
Бакчар	0,2	**1,5**	0,9	–0,1	1,2	0,1	0,3	0,2	0,0	0,7	0,3	0,3	0,5	0,3	0,5
Первомайское	0,2	**1,4**	1,1	0,1	1,1	0,1	0,4	0,3	0,1	0,9	0,3	0,2	0,6	0,4	0,5
Томск	0,2	**1,6**	1,0	0,0	1,1	0,2	0,4	0,2	–0,1	0,3	0,1	0,3	0,5	0,5	0,5

Опасные явления по температуре воздуха. Происходящие изменения климата, характеризующиеся увеличением вариабельности климатических параметров, сопровождаются ростом повторяемости опасных гидрометеорологических явлений, что приводит к увеличению экономического и социального ущербов в различных регионах России. По данным, собранным в процессе подготовки статьи, выявлено, что ОЯ «сильный мороз» с официально подтвержденным экономическим ущербом за последнее десятилетие отмечался по территории исследования в 3 случаях. Так, в 2010 г. 17–19 января температура воздуха достигала значений –40÷–46°С с ущербом в 1 млн руб. (разморозилась водонапорная башня в с. Бакчар). В 2006 г. 10–18 января температура воздуха достигала значений –40÷–53°С, были проблемы, связанные с кратковременными порывами линий электропередачи, которые не выдерживают низких температур (ниже –40°С), на отдельном участке в районе с. Тегульдет была разморожена отопительная система. В период с 21.01.06 по 31.01.06 на территории области повторно отмечалось ОЯ «сильный мороз» продолжительностью 11 суток. Так, в г. Колпашево из-за перегрева в системе произошел пожар в котельной, которая вышла из строя, вследствие чего нарушилась подача тепла в квартиры 72 семей. В с. Бакчар были сбои в подаче воды на водокачках. По области отмечались случаи нарушения целостности проводов электропередач. Перерасход топлива в котельных вырос в 2 раза. Ущерб от этих 2 ОЯ в 2008 г. составил 116 млн руб. из них – по теплоэнергетике –107 млн руб., по электроэнергетике – 1,5 млн руб, материальные затраты на восстановление инфраструктуры – 7,5 млн руб.

Было затруднено движение трамвайно-троллейбусного транспорта. Приостанавливалась работа на открытом воздухе на предприятиях нефтегазовой промышленности и в строительных организациях, дошкольные и школьные учреждения также временно приостановили работу. Отменялись маршруты автотранспортных средств в отдаленные районы области, междугородние рейсы.

В [11] приводятся статистические характеристики и циркуляционные особенности опасных температурных явлений на территории исследования. В данной работе рассматриваются опасные явления, приводящие к материальному ущербу: периоды с сильным морозом и сильной жарой (***n*** – число периодов с ОЯ, ***s*** – суммарное число дней с ОЯ, ***d*** – максимальная непрерывная продолжительность периодов (дни), **P** – повторяемость периодов с ОЯ за соответствующий период года (%), периоды аномально холодной погоды, аномально жаркой погоды, периоды низких (<−30°С) и высоких (>+30°С) температур). Перечисленные характеристики при их фиксировании и прогнозе должны доводиться до потребителей по существующим схемам распространения экстренной информации [9].

Наибольшее число периодов (24) с сильными морозами для территории Томской области (всего 134 дня) отмечено на ст. Ванжиль-Кынак (табл. 2). Максимальная непрерывная продолжительность таких периодов на разных станциях колеблется от 4 до 12 дней. На ст. Томск отмечено только два периода с сильным морозом, суммарная длительность которых составила 7 дней, что можно объяснить как расположением станции (юг области), так и повышенной антропогенной нагрузкой на поле минимальных температур.

Средняя продолжительность периодов с ОЯ «сильный мороз», «аномально холодная погода» и «низкие температуры» закономерно увеличивается с юга области на север.

Таблица 2

Статистические показатели опасных температурных явлений на станциях Томской области за 1981–2010 гг. [11]

ОЯ*	Показатель	Александровское	Бакчар	Ванжиль-Кынак	Колпашево	Напас	Первомайское	Пудино	Средний Васюган	Томск	Усть-Озерное
СМ	***n***	19	12	24	11	20	5	12	14	2	15
	s	80	43	134	52	103	19	48	54	7	77
	d	12	6	11	8	11	6	8	7	4	10
	P	1,8	0,9	3,0	1,1	2,3	0,4	1,1	1,2	0,2	1,7
АХ	***n***	17	9	30	12	22	6	11	11	4	18
	s	137	62	242	95	175	47	65	84	30	138
	d	16	12	25	13	25	11	12	14	9	13
	P	2,5	1,1	4,4	1,7	3,2	0,9	1,2	1,5	0,5	2,5
АЖ	***n***	3	7	3	5	6	9	6	9	5	7
	s	18	41	19	32	29	48	35	60	33	51
	d	7	8	8	9	8	11	8	13	9	11
	P	0,3	0,8	0,2	0,6	0,7	1,0	0,7	1,1	0,6	0,6
НТ	***n***	290	292	355	252	329	178	306	266	177	291
	s	839	671	1155	659	977	475	768	683	398	818
	d	29	25	32	27	28	14	26	28	11	28
	P	18,5	14,8	25,5	14,5	21,5	10,5	16,9	15,1	8,8	18,0
ВТ	***n***	64	80	68	51	56	90	83	107	77	72
	s	115	162	134	123	127	199	189	228	155	170
	d	7	8	8	10	9	11	8	12	9	11
	P	3,1	4,4	3,6	3,3	3,4	5,4	5,1	6,2	4,1	4,5

Примечание. * СМ – сильный мороз, АХ – аномально холодная погода, АЖ – аномально жаркая погода, НТ – низкие температуры, ВТ – высокие температуры.

Выделяется район в центральной части области в районе ст. Пудино с относительно невысокой (до 5,9 дней) продолжительностью ОЯ «аномально холодная погода» (рис. 3).

ОЯ «сильная жара» для территории области не характерно – за период с 1981 по 2010 г. не было зафиксировано ни одного такого периода. Из событий, произошедших в последние годы, можно отметить лето 2012 г., когда наблюдалась аномально жаркая погода, что привело к большому числу лесных и торфяных пожаров, а также к атмосферной и почвенной засухе [12].

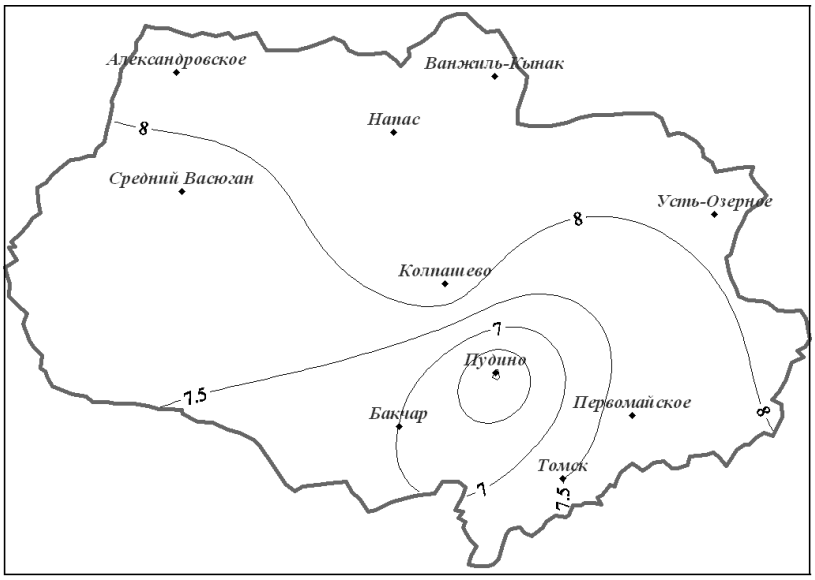


Рис. 3. Пространственное распределение средней продолжительности периодов с опасным явлением «аномально холодная погода» по территории Томской области

Максимум числа случаев с аномально холодной погодой (АХ) отмечен на ст. Ванжиль-Кынак, где наблюдалось 30 таких периодов (см. табл. 2), самый продолжительный из которых составил 25 дней (январь 2006 г.), что является максимумом продолжительности АХ, наблюдавшейся в регионе за рассмотренный период времени. Повторяемость АХ также повышена на ст. Напас (3,2%). Наиболее редко аномально холодная погода фиксировалась на ст. Томск, где было отмечено 4 таких периода длительностью 30 дней (0,5%).

Аномально жаркая погода (АЖ) чаще всего отмечалась на ст. Средний Васюган – 9 периодов (1,1%) с суммарной продолжительностью 60 дней. Реже всего АЖ отмечалась на ст. Александровское (3 периода, 18 дней) и ст. Ванжиль-Кынак (3 периода, 19 дней).

Повторяемость периодов низких температур в Томской области варьирует от 8,8 до 25,5%, тогда как повторяемость периодов высоких температур не превышает 6,2%. Наибольшее количество дней с низкими температурами воздуха отмечено на ст. Ванжиль-

Кынак (1 155 дней), расположенной на северо-востоке Томской области, наименьшее – на юго-востоке области, на ст. Томск (398 дней). Средняя непрерывная продолжительность периодов низких температур в регионе составила 9,1 дней. Максимальная непрерывная продолжительность таких периодов (32 дня) отмечена на ст. Ванжиль-Кынак. Следует отметить, что повсеместно наибольшее количество дней с низкими температурами зафиксировано в 2010 г., а минимальное количество дней с низкими температурами наблюдалось в 1983, 1995 и 2008 гг.

Наибольшее суммарное количество дней с высокими температурами воздуха (228 дней) отмечено на ст. Средний Васюган (см. табл. 2), наименьшее – на ст. Александровское (115 дней). В среднем для территории области число дней с высокими температурами составило 160, с низкими температурами – 744.

Анализ повторяемости ОЯ в течение года показал, что для всей территории максимальное количество дней с отрицательными температурными экстремумами наблюдалось в январе, положительные экстремумы температуры чаще всего формируются в июле. Выявленная структура повторяемости периодов низких и высоких температур воздуха в среднем по области показана на рис. 4.

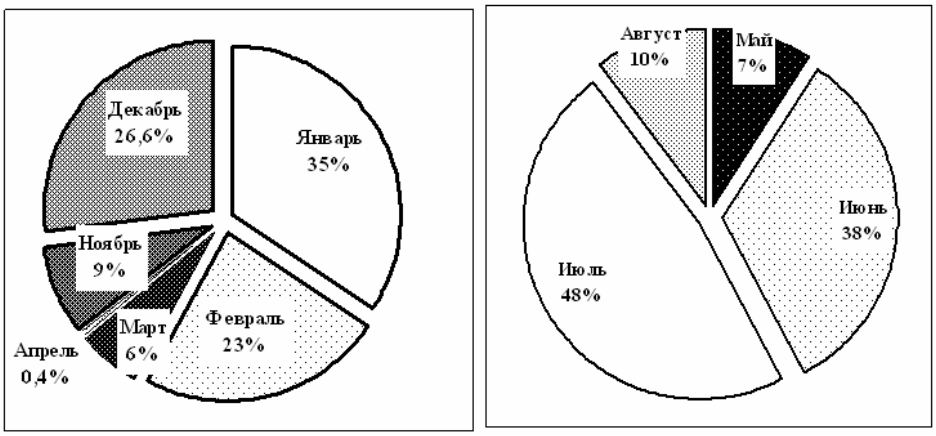


Рис. 4. Повторяемость периодов низких (*а*) и высоких (*б*) температур по месяцам в среднем по территории Томской области

В целом можно заключить, что в Томской области преобладают и являются более продолжительными ОЯ, связанные с низкими температурами. Наиболее уязвимой и подверженной данным ОЯ являются северная и северо-восточная части территории.

Вероятностные характеристики термического режима воздуха. Выявленная структура изменчивости среднесуточных температур неоднородна, что, очевидно, должно отразиться на вероятностных показателях температур заданной обеспеченности. С этой целью рассчитан ряд вероятностных параметров термического режима, в том числе температура воздуха наиболее холодных суток с обеспеченностью 92 и 98% (табл. 3). Эти показатели используются, в частности, в строительной и жилищно-коммунальной отраслях при расчетах теплового режима зданий и проектировании вентиляции зданий. Так, например, изменение температуры воздуха наиболее холодных суток на 1°С приводит к изменению вентиляционной температуры на 5%.

Оценки показателей проведены по скользящим тридцатилетиям за весь период исследования. Такой подход позволяет проанализировать временную динамику показателей по сравнению с расчетным периодом действующих в настоящее время СНиП (1925–1980 гг.).

Из табл. 3 следует, что за 1941–2010 гг. значение температуры воздуха наиболее холодных суток с обеспеченностью 92 и 98% на ст. Томск и Колпашево увеличилось по сравнению с данными СНиП 23-01-99 «Строительная климатология» на 0,6–3,8°С. На ст. Александровское, наоборот, понизилось на 0,2°С, что свидетельствует о значительном вкладе низких суточных температур в период после 1980 г. Анализ вероятностных характеристик температур по скользящим 30-летиям выявил на ст. Томск устойчивое повышение значений температуры с обеспеченностью 92% и, как следствие, повышение температуры воздуха наиболее холодных суток. При этом значение среднесуточной температуры воздуха с обеспеченностью 98% за 1971–2000 гг. увеличилось по отношению к предыдущим расчетным периодам на 1,3°С.

Наименьшие значения температуры воздуха наиболее жарких суток любой обеспеченности на ст. Томск приходятся на 1961–1990 гг., официально рекомендованный Всемирной Метеорологической Организацией для расчета «норм» метеорологических характеристик. Для ст. Колпашево наиболее высокие значения температуры с заданной обеспеченностью соответствуют 1951–1980 гг., на которые приходятся, в частности, два периода активизации процессов блокирования зонального переноса в атмосфере. В целом по области наблюдаются разнонаправленные незначительные изменения (в пределах до 0,9°С) температур с заданной обеспеченностью. В последние годы средняя максимальная температура воздуха наиболее теплого месяца возросла на 0,3–1,1°С по сравнению с температурой, приводимой в СНиП 23-01-99. Это свидетельствует об увеличении контрастов в суточном ходе температуры, что подтверждается и увеличением средней суточной амплитуды температуры воздуха в июле. Величина абсолютной максимальной температуры воздуха понизилась на 1–2°С. Для всей

территории число дней с высокими температурами (≥30°С) в 4,5 раза меньше числа дней с низкими температурами. Высокие температуры наиболее часто встречаются в июле (средняя многолетняя повторяемость составила 2,5%), наиболее редко – в мае (вероятность возникновения 0,5%).

Таблица 3

Вероятностные характеристики термического режима воздуха с различной обеспеченностью

Холодный период (октябрь – апрель)						
Температура воздуха наиболее холодных суток, °С						
Период расчета	**Томск**		**Колпашево**		**Александровское**	
	98%	92%	98%	92%	98%	92%
1941–1970	–43,2	–42,7	–44,6	–44,1	–47,6	–45,9
1951–1980	–43,2	–42,7	–45,4	–44,2	–47,6	–46,2
1961–1990	–43,2	–42,1	–46,3	–44,2	–46,8	–45,7
1971–2000	–41,9	–41,0	–46,3	–44,7	–48,1	–45,7
1981–2010	–42,7	–40,6	–46,9	–44,7	–49,8	–46,4
1941–2010	**–43,2**	**–42,1**	**–46,4**	**–44,2**	**–49,2**	**–46,2**
1925–1980*	–47,0	–44,0	–47,0	–45,0	–49,0	–46,0
Теплый период (май – сентябрь)						
Температура воздуха наиболее жарких суток, °С						
Период расчета	**Томск**		**Колпашево**		**Александровское**	
	98%	95%	98%	95%	98%	95%
1941–1970	27,0	26,5	27,6	25,6	27,2	26,1
1951–1980	27,0	26,3	27,6	25,4	27,2	26,2
1961–1990	26,7	26,0	27,0	25,4	27,9	26,6
1971–2000	26,8	25,9	27,0	25,8	27,6	26,0
1981–2010	26,8	25,7	27,0	26,0	27,8	26,2
1941–2010	**27,0**	**26,7**	**27,5**	**26,7**	**27,3**	**27,0**
1925–1980*	26,0	21,7	25,3	21,5	24,6	20,3

* Данные из действующих СНиП.

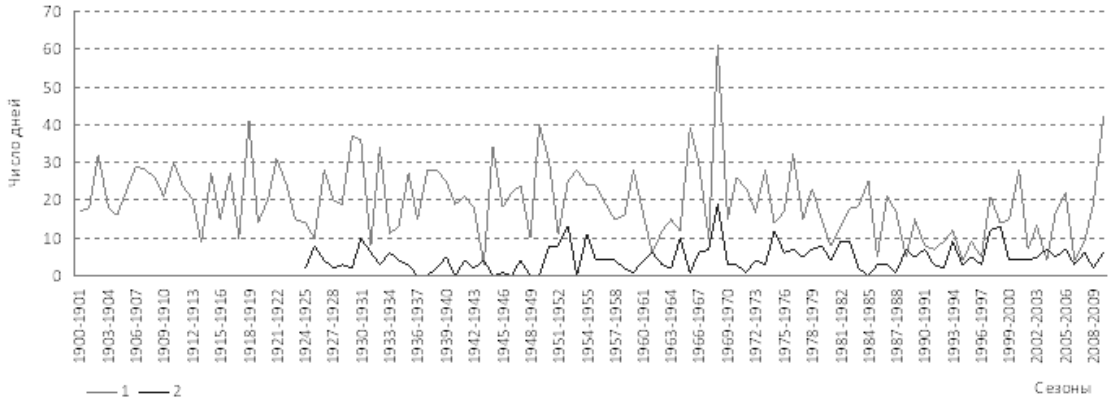


Рис. 5. Временной ход числа дней с низкими (линия *1*) и высокими (линия *2*) температурами воздуха на ст. Томск

Оценка связи процессов антициклогенеза и температурных ОЯ. Полученные характеристики термического режима воздуха были сопоставлены с показателями процессов антициклогенеза на юге Западной Сибири. Понимая сложность и неоднозначность прямых оценок связи состояния общей циркуляции атмосферы и характеристик погоды, авторами была предпринята попытка найти не столько количественные, сколько качественные показатели этой связи.

Активизация процессов блокирования зонального переноса в атмосфере в 1950–1975 гг. соответствует формированию наиболее экстремальных значений температуры воздуха, что подтверждается данными о термическом режиме на территории Томской области. С конца 1970-х и до 1990-х гг. повышенная повторяемость блокирующих антициклонов отмечалась не только в теплый, но и в холодный период (см. рис. 2). Можно говорить о том, что именно данный циркуляционный механизм антициклогенеза обусловил повышенную повторяемость ОЯ как с экстремально низкими, так и высокими температурами в эти годы.

Пониженная активность процессов блокирования в 1970-е гг. проявляется, по крайней мере в первой половине этого периода, в уменьшении числа дней с ОЯ «высокая температура», что косвенно указывает на определяющую роль блокирующих антициклонов в формировании данного экстремального термического режима на территории области. Начавшаяся в дальнейшем активизация этого циркуляционного механизма также проявляется в увеличении количества дней с ВТ (рис. 5).

С начала 1990-х гг. резко уменьшилось количество блоко-дней в зимний период. В эти же годы отмечалось преимущественно западное положение Сибирского антициклона (см. рис. 1, *б*), а наблюдавшиеся периоды с экстремально низкими температурами в Томской области определялись большей частью синоптическими процессами, сформировавшимися

именно под влиянием Сибирского антициклона. Так, например, в холодном периоде 2009–2010 гг., который вошел в 10 самых холодных зимних периодов за всю историю наблюдений, на территории области отмечались экстремально низкие температуры воздуха: от –41,1°С в Томске до –47,0°С на ст. Ванжиль-Кынак, что совпало с положительной аномалией давления в центре Сибирского антициклона.

Представленные оценки изменчивости показателей термического режима свидетельствуют о разнонаправленности воздействия его на функционирование хозяйственных комплексов на территории юга Западной Сибири. Так, например, с 1970-х гг. формируются более благоприятные условия для сельскохозяйственной и лесохозяйственной отраслей (увеличение продолжительности вегетационного периода, рост сумм активных температур), ЖКХ (сокращение продолжительности отопительного периода, уменьшение количества ОЯ, связанных с низкими температурами). В то же время увеличение температуры в осенне-зимний период неблагоприятно для строительства и эксплуатации временных зимних дорог, которые являются важнейшей составляющей материально-технического обеспечения ТЭК [13]. Дальнейшее увеличение температуры будет способствовать росту пожароопасности и рискам, связанным с ухудшением условий перезимовки сельскохозяйственных культур (выпреванием и т.п.), что нивелирует возможный положительный эффект от потепления климата.

Следует отметить, что любые позитивные, но быстропротекающие изменения климата нельзя считать благоприятными с точки зрения влияния на экономику, так как требуют дополнительных финансовых и интеллектуальных инвестиций [14].

Кроме того, для территории Томской области (как, очевидно, и для других регионов Западной Сибири) требуется уточнение показателей термического режима, приводимых в СНиП и используемых при принятии экономически важных хозяйственных решений. Для климатического прогноза этих показателей целесообразно привлекать оценки долговременных трендов характеристик антициклональных циркуляционных механизмов атмосферы и других колебательных структур общей циркуляции атмосферы, в том числе не рассмотренных в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Справочник* по опасным природным явлениям в республиках, краях и областях Российской Федерации / под ред. К.Ш. Хайруллина. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Гидрометеоиздат, 1997. 587 с.
2. *Материалы* к стратегическому прогнозу изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России. М. : Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2005. 88 с.
3. *Российский* гидрометеорологический портал ВНИИГМИ-МЦД. URL: http://meteo.ru (дата обращения: 15.01.2013).
4. *Неушкин А.И., Сидоренков Н.С., Санина А.Т. и др.* Мониторинг общей циркуляции атмосферы. Северное полушарие. Обнинск, 2012. 123 с.
5. *Кононова Н.К.* Тенденции изменения повторяемости метеорологически обусловленных чрезвычайных ситуаций в России в связи со сменой характера циркуляции атмосферы // X научно-практическая конференция «Проблемы прогнозирования чрезвычайных ситуаций. Оценка рисков возникновения чрезвычайных ситуаций». М. : Центр Антистихия, 2010. С. 56–57.
6. *Черенкова Е.А., Кононова Н.К.* Связь опасных атмосферных засух в Европейской России в XX в. с макроциркуляционными процессами // Известия РАН. Серия геогр. 2009. № 1. С. 73–82.
7. *Мохов И.И.* Аномальное лето 2010 года в контексте общих изменений климата и его аномалий // Анализ условий аномальной погоды на территории России летом 2010 года : сб. докл. / под ред. Н.П. Шакиной. М. : Триада, 2011. С. 41–47.
8. *Перечень* и критерии опасных гидрометеорологических явлений для территории обслуживания Западно-Сибирского УГМС. URL: http://www.meteo-nso.ru/img/files/perechen.pdf (дата обращения: 21.05.2013).
9. *Наставление* по краткосрочным прогнозам погоды общего назначения. Обнинск : ИГ-СОЦИН, 2009. 62 с.
10. *Научно-прикладной* справочник по климату СССР. Сер. 3. Многолетние данные. Вып. 20. Томская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край. СПб. : Гидрометеоиздат, 1993. 718 с.
11. *Волкова М.А., Чередько Н.Н., Ивашкова О.А.* Особенности формирования и социально-экономические последствия температурных рисков в Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 180–187.
12. *Поляков Д.В., Барашкова Н.К., Кужевская И.В.* Погодно-климатическая характеристика аномального лета 2012 г. На территории Томской области // Метеорология и гидрология. 2014. № 1. С. 38–47.
13. *Барашкова Н.К., Иванова Н.С., Кужевская И.В.* Климатические условия функционирования автомобильной отрасли Томской области: состояние и возможные изменения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 157–164.
14. *Эколого-географические* последствия глобального потепления климата XXI века на Восточно-Европейской равнине и в Западной Сибири / под ред. Н.С. Касимова, А.В. Кислова. М. : МАКС Пресс, 2011. 496 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 30 июня 2014 г.

THE ASSESSMENT OF THERMAL AIR CONDITION AND THE TRENDS IN ANTICYCLOGENESIS IN SOUTHERN WEST SIBERIA AND ITS APPLICABILITY

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 225-232. DOI: 10.17223/15617793/387/34

Barashkova Nadezhda K., Volkova Marina A., Kuzhevskaya Irina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail:nkbar@sibmail.com, mvolk@mail.tsu.ru, meteo@ggf.tsu.ru; ivk@ggf.tsu.ru

Keywords: applied climatology; air temperature; dangerous weather events; anticyclogenesis**.**

In this paper, the assessments of changing meteorological and calculated temperature parameters of surface air which are known to feature the present climatic conditions over the territory of Tomsk Region are given. The tendencies of anticyclogenesis over southern West Siberia and its potential effect on the thermal condition are shown. The data on diurnal resolution in air temperature at the weather stations of Tomsk Region for the 1941-2010 period and the Tomsk station for the 1891-2010 period as well as on the condition of anticyclone activities over West Siberia were used. The estimation of temperature conditions in different time series – for the mentioned above periods taken as a whole, for the 30-year periods and for the period of time in accordance with local building re-

quirements – was made using the statistical methods of time series analysis. The mean values of daily air temperatures above the defined ranges (0, 5, 10, 15, 20 °C), the duration of extreme air temperature periods (≥ 30 and 35 °C, ≤ –25, –30, –35, –40 °C), belonging to the dangerous weather events, absolute extremes of air temperature, as well as their probable marketable features (with 92, 95, 96, 98, 99 % occurrence) are established. The study of long-term air temperature trends for the last 40 years (1971-2010) revealed the temperature growth up to 0.4 ÷ 0.6 ºC every 10 years, the trends in some months (February – March) of the cold period reaching 1.5 ÷ 1.7 ºC every 10 years whereas the temperature did not change in April and September. Statistics of dangerous temperature events at the regional stations are given. Dangerous events associated with low temperatures were found to predominate in Tomsk Region and, what is more, they are long-term. The most vulnerable and exposed to the dangerous events in question are northern and north-eastern territories. It was shown that the dangerous event "heat wave" is not typical of Tomsk Region. The information on economic losses caused by dangerous temperature events is given. The estimations of probable features are given in moving 30-year periods, making it possible to analyze the temperature value dynamics as compared with the present local building requirements (1925 – 1980). The persistent increase in temperatures with 90% occurrence was found at the Tomsk station and, as a consequence, increases in air temperature during the coldest days. One can infer that the circulatory mechanism of activation of blocking the zone transition in the atmosphere gave rise to the increased frequency of dangerous events either with extremely low or with extremely high temperatures in those years. The assessment of changing the values of the thermal condition given in the paper implies its variable impacts on the activities of the economic complex in the southern West Siberia.

REFERENCES

1. Khayrullin K.Sh. (ed.) *Spravochnik po opasnym prirodnym yavleniyam v respublikakh, krayakh i oblastyakh Rossiyskoy Federatsii* [A Guide to Natural Hazards in Republics, Territories and Regions of the Russian Federation]. St.Petersburg: Gidrometeoizdat Publ., 1997. 587 p.
2. *Materialy k strategicheskomu prognozu izmeneniy klimata Rossiyskoy Federatsii na period do 2010–2015 gg. i ikh vliyaniya na otrasli ekonomiki Rossii* [Materials for the strategic climate change forecasts of the Russian Federation for 2010–2015 and their impact on the sectors of the Russian economy]. Moscow: Moscow: Federal Service for Hydrometeorology and Environmental Monitoring (Roshydromet), 2005. 88 p.
3. Russian Hydrometeorological portal RIHMI WDC. Available at: http://meteo.ru. (Accessed 15th January 2013).
4. Neushkin A.I., Sidorenkov N.S., Sanina A.T. et al. *Monitoring obshchey tsirkulyatsii atmosfery. Severnoe polusharie* [General atmospheric circulation monitoring. The Northern Hemisphere]. Obninsk, 2012. 123 p.
5. Kononova N.K. [Trends in the frequency of occurrence of meteorologically related emergencies in Russia due to the change in atmospheric circulation]. *X nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Problemy prognozirovaniya chrezvychaynykh situatsiy. Otsenka riskov vozniknoveniya chrezvychaynykh situatsiy"* [The 10th Scientific and Practical Conference "Problems of Emergency Eorecasting. Emergency Risk Assessment"]. Moscow: Tsentr Antistikhiya Publ., 2010, pp. 56-57. (In Russian).
6. Cherenkova E.A., Kononova N.K. Svyaz' opasnykh atmosfernykh zasukh v Evropeyskoy Rossii v XX v. s makrotsirkulyatsionnymi protsessami [The connection of hazardous atmospheric droughts in European Russia in the 20th century with macro-circulation processes]. *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 2009, no. 1, pp. 73-82.
7. Mokhov I.I. *Anomal'noe leto 2010 goda v kontekste obshchikh izmeneniy klimata i ego anomaliy* [the anomalous summer of 2010 in the context of the overall climate change and its anomalies]. In: Shakina N.P. (ed.) *Analiz usloviy anomal'noy pogody na territorii Rossii letom 2010 goda* [The analysis of abnormal weather conditions in Russia in the summer of 2010]. Moscow: Triada Publ., 2011, pp. 41-47.
8. *Perechen' i kriterii opasnykh gidrometeorologicheskikh yavleniy dlya territorii obsluzhivaniya Zapadno-Sibirskogo UGMS* [The list and criteria of hazardous weather phenomena for the West Siberian Hydrometeorological Service Administration]. Available at: http://www.meteonso.ru/img/files/perechen.pdf. (Accessed: 21st May 2013).
9. *Nastavlenie po kratkosrochnym prognozam pogody obshchego naznacheniya* [A Manual on Short-Term Weather Forecasts for General Use]. Obninsk: IG-SOTsIN Publ., 2009. 62 p.
10. *Nauchno-prikladnoy spravochnik po klimatu SSSR. Ser. 3. Mnogoletnie dannye. Vyp. 20. Tomskaya, Novosibirskaya, Kemerovskaya oblasti, Altayskiy kray* [A Scientific and Applied Handbook on Climate of the USSR. Ser. 3. Long-term data. Issue 20. Tomsk, Novosibirsk, Kemerovo regions and the Altai Territory]. St. Petersburg: Gidrometeoizdat Publ., 1993. 718 p.
11. Volkova M.A., Cheredko N.N., Ivashkova O.A. Peculiarities of formation and socio-economic consequences of temperature risks in the Tomsk region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 374, pp. 180-187. (In Russian).
12. Polyakov D.V., Barashkova N.K., Kuzhevskaya I.V. Weather and climate description of anomalous summer 2012 in Tomsk region. *Meteorologiya i gidrologiya – Russian Meteorology and Hydrology*, 2014, no. 1, pp. 38-47. DOI: 10.3103/S106837391401004X.
13. Barashkova N.K., Ivanova N.S., Kuzhevskaya I.V. Climate influences on transport system in Tomsk region: present stateand possible changes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal,* 2012, no. 361, pp. 157-164. (In Russian).
14. Kasimov N.S., Kislov A.V. (eds.). *Ekologo-geograficheskie posledstviya global'nogo potepleniya klimata XXI veka na Vostochno-Evropeyskoy ravnine i v Zapadnoy Sibiri* [Ecological and geographical consequences of global warming of the 21st century on the East European Plain and in Western Siberia]. Moscow: MAKS Press Publ., 2011. 496 p.

Received: 30 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 233–242 DOI: 10.17223/15617793/387/35

УДК 551. 553

А.Н. Евдокимов, Г.А. Исмагилова

ФАНЕРОЗОЙСКИЙ ВУЛКАНИЗМ И ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРКТИКИ

Важной задачей прогнозирования месторождений полезных ископаемых магматогенного типа остается определение закономерностей их размещения, роли структурно-тектонического контроля. Особенно ее решение необходимо для повышения эффективности поисковых работ в труднодоступных и пока слабоизученных регионах арктической зоны Евразии. Фанерозойский вулканизм и связанные с ним месторождения цветных, благородных и редких металлов проявлены на флангах крупных консолидированных структур Евразийской Арктики: Восточно-Европейской, Сибирской платформ, континентальных шельфовых плит; в меньшей степени в зонах глубинных разломов (алмазы) и окраинных прогибов внутри континентов.

Ключевые слова: вулканизм; Арктика; Евразия; полезные ископаемые.

Арктический регион Евразии значителен по площади, отличается суровыми климатическими условиями, отсутствием сети транспортных артерий, весьма низкой плотностью населения, почти круглогодичной ледовитостью акваторий шельфа Сибири. Эти причины вызвали серьезное отставание его в геологической изученности проявлений вулканической активности и ассоциирующих полезных ископаемых.

Результаты геологических съемок, проводившихся здесь в масштабе 1:1 000 000, позволили выявить основные элементы геологического строения, тектонические структуры и главные минерагенические таксоны континентальной суши, арктических островов, дна шельфовых морей и прилегающей акватории Северного Ледовитого океана. Например, в атласе палеовулканических карт масштаба 1: 5 000 000, изданном во ВСЕГЕИ под редакцией И.В. Лучицкого, Т.В. Джинелидзе, А.Д. Щеглова и других ученых в 2001 г., основой районирования послужили два определяющих фактора: масштабы распространения и продолжительность существования вулканических провинций, поясов, областей, зон и районов континентальной части Северо-Восточной Евразии [1]. Последние данные, полученные в итоге многолетних полевых исследований на архипелагах Шпицберген, Новая Земля, Земля Франца Иосифа, в арктической Якутии и на полуострове Чукотка, дополняют информацию атласа по геологии вулканитов и минерагении прилегающих арктических островов и шельфа.

Вулканическая формация определяется в соответствии с принятым понятием [2, 3] как обобщенная модель ассоциации вулканических пород со сходными особенностями состава, строения и соотношения с окружающей средой, устойчиво повторяющихся в геологическом пространстве и времени. С вулканическими формациями связывают проявления и месторождения полезных ископаемых следующих групп: черные металлы, цветные металлы, благородные металлы и неметаллическое минеральное сырье. По генетическому признаку рудные формации делятся:

а) на вулканогенно-осадочные стратиформные, связанные с конкретными вулканогенными формациями, они, как правило, удалены на некоторое расстояние от вулканических построек;

б) рудные формации колчеданных месторождений близвулканической зоны;

в) рудные формации, месторождения которых связаны непосредственно с вулканической породой или отдельным вулканическим телом;

г) вулканогенно-гидротермальные субвулканические близповерхностные рудные формации, парагенетически связанные с пропилитовыми метасоматитами, характеризуются наложенностью оруденения на структуру рудовмещающих вулканогенных формаций;

д) гидротермальные и гидротермально-метасоматические рудные формации умеренных глубин, парагенетически связанные с интрузивными телами, прорывающими рудовмещающие вулканиты, оруденение эпигенетично к интрузивам и стратифицированным вулканитам.

В период байкальского – раннекаледонского этапа тектоно-магматической активизации (от венда до раннего силура) подавляющая часть вулкано-плутонических формаций была сосредоточена на территории нынешних Урала и Западной Сибири, расчлененных глубоководными рифтовыми долинами. На территориях Русской и Сибирской платформ вулканизм проявился только в краевых частях и в незначительных по площади и мощности покровных фаций масштабах. В условиях преобладающих процессов растяжения формировались протяженные разломы раздвигового и сдвигового типов (рис. 1).

В пределах Русской платформы в венде – раннем палеозое выделяют вулканические ареалы в Онежском, Свирском и Тиманском районах. Наиболее масштабные процессы происходили южнее рассматриваемого региона, в обрамлении Украинского щита, где на Волыни широко проявлен базальтовый вулканизм.

На Тимане и в Онежской зоне, на севере Русской платформы, в это время возникли незначительные по масштабам вулканические образования в виде отдельных трубок взрыва, даек пикрит-меланефеленитовой формации и кимберлитов.

На северо-западе Баренцевоморской шельфовой плиты, на Шпицбергене проявлены дифференцированные перидотитовые формации разной щелочности, базит-риолитовые и гранитоидные вулкано-плутонические комплексы. На северо-западе Северного острова Новой Земли картируется верхнепротерозойский Приметнинский вулкано-плутонический комплекс ультраосновных, базитовых и гранитоидных формаций.

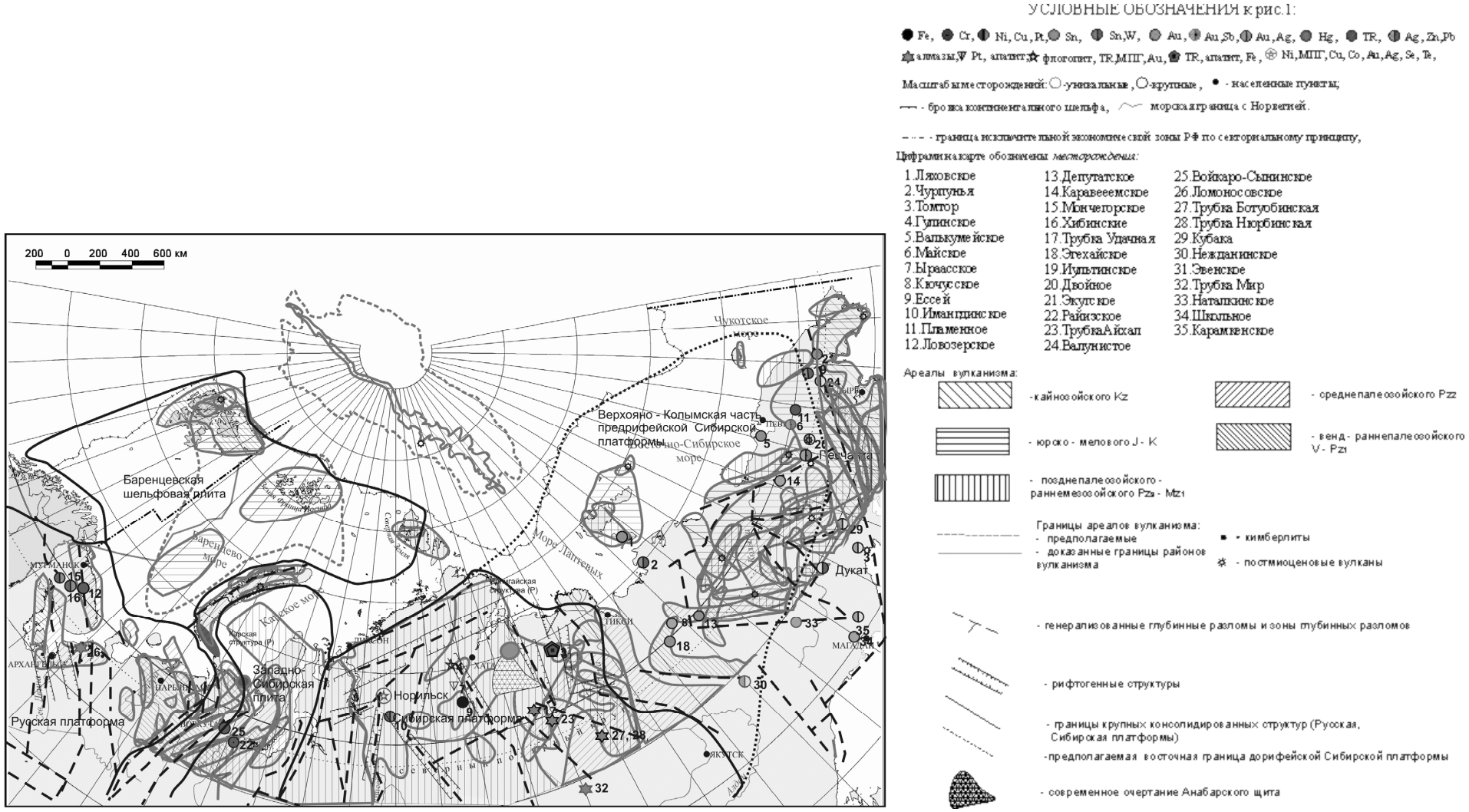


Рис. 1. Ареалы фанерозойского вулканизма [2] и месторождения твердых полезных ископаемых в арктической зоне Евразии (до 64° с.ш.)

На Южном острове архипелага выделяют габбро-диабазовую, диабазовую и пикритоидную формации русановского комплекса, соответствующего по возрасту границе позднего ордовика – раннего силура. На южном конце острова проявлена лампрофировая формация, представленная дайками амфиболовых и оливиновых мончикитов того же возраста [4].

В Уральском поясе развивается базитовый вулканизм разной степени щелочности: на западных склонах Урала – трахибазальтовая формация, на севере – базальт-андезитовая и андезитовая формации венда. Характерны широкие вариации составов вулканитов на фоне их повышенной железистости и титанистости. Они представлены пикритами, лимбургитами, базанитами, трахибазальтами, трахитами и трахириолитами.

В пределах Центрального Урала широко распространены низкокалиевые толеиты, чередующиеся в разрезах с туфами, базальты ассоциируют с габброгипербазитовыми массивами. Распространены субвулканические формации: дайки, силлы, структурные пакеты дайка в дайке, свидетельствующие о режиме растяжения в области субокеанической коры. Натриевые базальты сменяются контрастными и последовательно дифференцированными базальт-риолитовыми формациями. В раннем палеозое проявлена андезит-базальтовая формация с широким развитием пирокластических отложений, бомбовых туфов, туфопесчаников и гравелитов.

Комплекс раннепалеозойских вулканитов центральной зоны Урала характерен для островодужного вулканизма.

Восточно-Уральская зона, как и Западно-Уральская, характеризуется формациями повышенной щелочности – трахибазальтовой, трахиандезит-трахириолитовой, которые сменяют формации натриевых базальтов, базальт-андезит-риолитовая. Восточнее Урала, в Хантымансийской вулканической зоне, трахибазальты ассоциируют с натриевыми базальтами. Последняя отделена от Уральских структур и представляла собой изолированную рифтогенную структуру, развивавшуюся параллельно основным линейным структурам Урала.

С вулканитами Урала связано формирование ряда крупных месторождений колчеданных, колчеданно-полиметаллических и скарново-магнетитовых руд: Летнее, Маукское, Зюзельское, Гайское, Дегтярское, Сибайское и др.

Весьма сходным по составу вулканических формаций с фланговыми Уральскими комплексами являются трахибазальты, трахиандезиты, трахидациты и трахилипариты ушаковской свиты ордовика на архипелаге Северная Земля.

В северных окраинах Сибирской платформы проявлена базальтовая формация мощностью до 20–30 м, в Оленекско-Хараулахском районе – лавовыми покровами, дайками, силлами. Жерла выполнены туфами и туфобрекчиями. Состав лав характеризуется повышенной железистостью и титанистостью и нередко с преобладанием калия над натрием.

На северо-востоке региона в раннем палеозое сформировалось несколько вулканических зон, представленных в основном базальтовыми сериями нормальной щелочности: Колымская зона основных вулканитов и риолитов, Алазейская зона, Среднеколымский, Олойский, Анюйский, Пенжинский районы и Врангелевский метаморфический комплекс вулканитов основного состава.

Ареалы вулканизма на востоке Русской платформы на Урале и на Западе Сибирской платформы сохранились лучше, по сравнению с Притихоокеанским регионом, где на них наложены последующие мезозойские тектонические события и проявления вулканизма.

В целом вулканизм юго-запада Русской платформы – траппы Волыни, Уральский и Приуральский его ареалы, по-видимому, являются северными ветвями начавшей свое развитие и продолжавшейся в палеозое, мезозое и кайнозое подвижного Евроазиатского тектонического пояса Тетис, общей протяженностью в субширотном направлении около 15 тыс. км.

К концу рассматриваемого периода обстановка растяжения сменилась режимом сжатия, о чем свидетельствует регрессивная смена осадков с образованием обширных площадей суши Лавразийского суперконтинента.

Фундамент суперконтинента представлял собой кратоны, спаянные байкальскими и каледонскими складчатыми системами [5].

Характерной чертой распространения вулканических формаций в венд-раннепалеозойское время является линейно-поясовое расположение вулканических зон по окраинам консолидированных платформ при относительно пассивном проявлении внутриплатформенного вулканизма.

Главные полезные ископаемые, связанные с вулканогенными формациями рассматриваемого периода: черные металлы (железо, марганец), цветные металлы (свинец, цинк, медь), благородные металлы (серебро, золото), редкие металлы (молибден и вольфрам), нерудные полезные ископаемые (фосфаты, барит).

Рудные формации принадлежат к вулканогенно-осадочным или к вулкано-плутоническому генетическим типам разной степени удаленности от вулканических очагов. В завершающую стадию тектономагматической активизации, после внедрения интрузий гранитоидного состава, формировались скарново-метасоматические месторождения железных руд, например Таштагольское и медно-молибден-порфировых – Бощекуль, Сорское.

Позднекаледонский – раннегерцинский тектономагматический этап (поздний силур – ранний карбон) хактеризуется общей тенденцией регионального поднятия континентальной суши и регрессией морских осадков, а завершается наступлением моря. Во второй половине девона активизируются тектонические движения, на Западе формируется Кольско-Беломорская вулканическая область, связанная с обновлением Онежско-Кандалакшского разлома и Тимано-Печорская вулканическая зона, связанная с серией грабенов северо-западного простирания, возникшей, по-видимому, в режиме растяжения коры.

Вулканические формации на Русской платформе представлены в основном базальтовой, а в Кольско-

Беломорской и Шпицбергенской зонах – кимберлитовой, щелочных базальтоидов и лампрофиров.

На Кольском полуострове в это время формировались в основном интрузивные массивы центрального типа: Ковдорский, Хибинский, Ловозерский, Турий. В Контозерской кальдере образовалась вулканогенно-осадочная толща мощностью до 1 000 м. Останцы ее встречены в кровлях Ловозерского и Хибинского массивов.

Среднепалеозойский базальтовый вулканизм (средний силур – поздний девон) проявлен в широкой полосе вдоль западного фланга архипелага Новая Земля. Здесь покровы базальтов перемежаются в разрезах пирокластическими маломощными прослоями. В верхнедевонских базальтах на полуострове Медном известно небольшое по масштабам внутриформационное рудопроявление самородной меди и несколько проявлений кварц-халькопиритовой и халькозин-борнитовой минерализаций [6, 7]. Их генезис связывают с процессами эпидотизации базальтовой лавы и с последующей метасоматической переработкой подстилающих песчаников рейнекской свиты.

В вулканическом поясе Урала продолжали развиваться образованные в венде субмеридианальные вулканические зоны. На Западном Урале в центральной и южной ее частях установлены базальтовые формации с крупными медноколчеданными месторождениями (Блявинский район). Трахиандезиты распространены на Среднем Урале, а трахириолиты – на севере Урала. В Цетрально-Уральской вулканической зоне вслед за андезит-базальтовой формацией следует формация калиевых базальтов-трахитов, к концу девона – базальт-андезитовая, в раннем карбоне – риолит-базальтовая и базальтовая формации. Проявление контрастных, щелочных и кислых вулканитов свидетельствует о существенном преобладании режима сжатия земной коры в этом районе.

В Нижнем Приобье и на Ямале в позднем силуре проявляются андезитовые комплексы [1] с повышением щелочности на завершающих этапах вулканизма. Венчают разрез андезито-базальтовая, андезитовая и риолитовая формации. В Шаимско-Красноленинской зоне наблюдается широкое развитие трахибазальтовой формации, в более северной Щучьинской зоне наряду с трахибазальтами присутствуют трахиандезиты, базальты и андезиты.

С базальт-андезитовой формацией связаны железорудные месторождения с формацией натриевых базальтов – риолитов – медноколчеданные.

В Уральском вулканическом поясе отмечается возрастание содержания калия с запада на восток. Как будет показано на примере постмиоценового вулканизма, содержание калия в лавах коррелируется с мощностью земной коры. В Восточно-Уральской зоне в конце рассматриваемого периода начинается формирование гранитных плутонов, завершившееся на границе карбона и перми. Последнее обстоятельство предполагает режим структурного сжатия коры.

Лено-Вилюйская вулканическая провинция проходит два этапа развития. В позднем силуре – раннем девоне формировался Патомско-Вилюйский авлакоген северо-восточного простирания с проявлениями базальтовой и трахибазальтовой формаций. На северо-западном борту авлакогена проявился ряд вулканических формаций от базальтовой до более поздней – кимберлитовой. Намечается петрохимическая зональность составов лав: от осевой части авлакогена к его бортам увеличивается содержание калия, уменьшается количество магния и отношение железа к титану [8].

В Хараулахском авлакогене широкое распространение получила трахибазальтовая вулканическая формация. Незначительные проявления субвулканических лампроитоподобных пород известны на Таймыре и северо-востоке Сибирской платформы.

В это время формируется Далдыно-Оленекская зона глубинных разломов, располагающаяся параллельно Патомско-Вилюйскому авлакогену. В пределах этой зоны протяженностью до 650 км и шириной 70–100 км выявлено несколько кимберлитовых полей, насчитывающих около 300 кимберлитовых тел – трубок взрыва, даек и жил, часть которых представляют собой крупные месторождения алмазов: Мир, Удачная, Айхал, Сытыканская, Нюрбинская и др.

В пределах Уджинского поднятия образуются массивы щелочно-ультраосновных интрузивов центрального типа с карбонатитами, в том числе массив Томтор, представляющий собой крупнейшее в мире месторождение апатита и редкоземельных металлов. Открытие этого месторождения связано с именами геологов НИИГА – ВНИИОкеангеология: С.А. Гулина, Э.Н. Эрлиха, Л.Л. Степанова, Г.И. Поршнева и др. В пределах Уджинской структуры обнаружены мелкие тела кимберлитов и щелочных базальтоидов.

С вулканическими формациями Лено-Вилюйской провинции связаны коренные месторождения алмазов, проявления и месторождения железа (скарново-магнетитового типа), меди (медно-цеолитовый тип) и цеолитов.

Притихоокеанская система вулканических зон активизировалась в основном в среднем и позднем девоне. Вулканизм связан с дроблением континентальной земной коры, интенсивность которого увеличивается в направлении с юга на север.

В Омолонской вулканической зоне проявлены трахириолитовая, дацит-риолитовая и трахиандезитовая формации, образуя мощную толщу (до 2 000 м) лав, туфов, игнимбритов. К северо-востоку располагается более подвижная Колымская зона трахибазальтовой, трахибазальт – трахиандезит – трахириолитовой формаций с переслаиванием пирокластики. Мощность напластований лав здесь достигает 3 500 м. С вулканитами Омолонской зоны ассоциирует близповерхностная золотосеребряная минерализация, с трахибазальт-трахиандезит-трахириолитовой – медно-молибденовая. Предполагается связь колчеданного медно-свинцово-цинкового оруденения в верховьях реки Алазея с вулканитами андезит-базальтовой формации.

К северу от Колымской зоны располагается Алазейско-Омейская зона базитовых формаций натриевого ряда: базальтов, натриевых базальтов – риолитов, трахибазальт-трахиандезитов – трахириолитов, а также адезит-базальтов [9]. В разрезе преобладают лавы с подчиненным количеством пирокластитов.

На крайнем Северо-Востоке выделяется Корякско-Анадырьская часть вулканического пояса, где проявлены фрагментарно метавулканиты Пенжинской (на западе) и Анадырско-Олюторской (на востоке) зон развития натриевых базальтов и риолитов [1].

Позднегерцинский – раннекиммерийский тектономагматические этап (средний карбон – триас) характеризуется крупными лавовыми излияниями с образованием платобазальтов в Западной и Восточной Сибири и в Восточных районах Евразийской Арктики. Последние характеризуются более контрастными по степени дифференциации вулканитами.

Начиная с поздней перми формируется крупнейшая в регионе Арктическая геодепрессия [10, 11]. До раскрытия СЛО на месте Арктики располагался Лавразийский супкерконтинент, кратоны которого были спаяны байкальскими и герцинскими складчатыми системами, а восточный край, со стороны Тихоокеанского сегмента, был местом развития эпиконтинентальных задуговых бассейнов, возможно с корой переходного типа [11]. Изотопные датировки постгерцинских магматических и метаморфических пород пограничного орогенного пояса, общей протяженностью около 30 тыс. км, свидетельствуют об активизации формирования орогенов на рубежах: 250 млн лет (начало поздней перми); 230 млн лет (ранний триас); 200 млн лет (поздний триас); 140–145 млн лет (поздняя юра); 90–100 млн лет (начало позднего мела); 50–60 млн лет (ранний – средний эоцен). В этот период формируется цепь сопряженных по простиранию постгерцинских эпиплатформенных орогенов, пересекающих складчатые комплексы фанерозойских подвижных поясов и кратонов. Орогены ограничивают материковую центриклиналь, в евразийской части в которую входят прогибы Норвежского шельфа, Баренцева моря, Печорской плиты, Северо-Карской котловины, Западно-Сибирской плиты с Южно-Карской котловиной и Восточно-Сибирско-Чукотская система прогибов. Материковая центриклиналь обрамляет Океаническое ядро, состоящее из трех глубоководных сегментов: Норвежско-Гренландского, Евразийского и Амеразийского бассейнов [5].

Формирование материковых прогибов по данным геофизических исследований и наземных наблюдений на островах обусловлено развитием глубинных магмоактивных разломов, в зонах которых происходило насыщение коры базит-гипербазитовыми выплавками и протрузиями: юрско-меловой, неогеновый и четвертичный базитовый магматизм на Шпицбергене, меловой – на Земле Франца Иосифа.

На Урале, в Шарьюском районе, начиная со среднего карбона, проявляется редкая сеть лампроитоподобных вулканитов, абсолютные датировки которых попадают в интервал 180–280 млн лет. Они прорывают отложения девона и карбона. В Собской зоне выделяются экструзивные тела высококалиевых трахириолитов средне-позднепалеозойского возраста.

В Каратаихинском районе распространены проявления вулканических формаций основного состава нормальной щелочности.

На Северном острове архипелага Новая Земля в позднем палеозое – раннем мезозое в режиме коллизионных тектонических процессов образуются зоны малых интрузий гранитоидного состава: Сарычевский комплекс на западе и Черногорский комплекс – на востоке Северного острова. С интрузиями Черногорского комплекса связывают проявления свинцово-цинковой и золото-сурьмяно-мышьяковой (в скарнах) и кварц-молибденовой (в постмагматических грейзенах) рудных формаций [7].

В Охотско-Чукотской системе зон начинается развитие мезозоид с повышенными мощностями вулканогенно-осадочных пород в условиях сжатия земной коры. В Тайгоносской зоне, восточнее Омолонского массива, вулканиты мощностью более 2 км представлены лавами базальт-андезитовой формации и в подчиненном количестве пирокластикой. Натриевые базальты и риолиты составляют основу вулканогенных формаций в Индигирской зоне, расположенной севернее Омолонского массива, в меньшей степени здесь проявлены лавы базальт-андезитовой формации. Колымская зона в пределах Колымского срединного массива в позднем палеозое представлена трахибазальтами, в позднем триасе – щелочными базальтоидами. С эффузивами ассоциируют дайки и малые интрузии основного состава, пикриты, гранофиры и сиениты. С формациями щелочных базальтоидов ассоциируют породы Омолонского эссексит-тешенитового комплекса.

Континентальный платобазальтовый вулканизм позднепалеозойского – раннемезозойского возраста охватил значительную площадь Западной и Восточной Сибири, часть Печорской низменности, архипелаг Новосибирские острова, северную часть Чукотского полуострова [12, 13]. Западно-Сибирская и Восточно-Сибирская вулканические провинции различаются по фундаменту, структурному рисунку и составу ассоциаций вулканитов.

Западно-Сибирская вулканическая провинция установлена по результатам бурения и геофизических работ. Базальты и их туфы мощностью до нескольких километров приурочены к системе рифтогенных прогибов субмеридионального простирания, которые постепенно затухают и разветвляются в направлении с севера на юг [12]. Преобладают щелочно-известковистые базальты, иногда лейкократовые повышенной щелочности, на флангах провинции появляется базальт-риолитовая формация. На всей площади провинции лавам сопутствуют гипабиссальные интрузии. По характеру потенциальных полей продолжение Западно-Сибирской провинции распространяется на север на южную акваторию Карского моря вплоть до западного обрамления складчатыми структурами Новой Земли и до Северо-Сибирского порога на севере моря [7].

Восточно-Сибирская провинция охватывает северную и восточную части Сибирской платформы и п-ва Таймыр. В Нижнеенисейско-Притаймырском регионе преобладают известковистые базальты, в подчиненном количестве присутствуют трахибазальты, трахиандезиты и трахириолиты, меланефелиниты, щелочные базальтоиды, пикриты, меймечиты, кимберлиты [14]. Главнейшими этапами вулканизма являются поздняя пермь и ранний триас. Максимальная мощность базальтов достигает 3,5 тыс. м. Представ-

лены: эксплозивная, эффузивная и интрузивная фации. Пикробазальты и траппы развиты в Норильско-Хараулахском районе и на Таймыре. Трахибазальтовая формация проявлена локально и в небольшом объеме в Норильском районе, на юге Западного и юго-западе Центрального Таймыра. Трахибазальт – трахиандезит-трахириолитовая – в Маймеча-Котуйском районе и на Центральном Таймыре. Мощность лав достигает 500 м [15].

Излияния лав происходили по системе линейных трещин и щитовых вулканов. Система магмовыводящих каналов имеет радиально-концентрический план [16], коррелирующийся с направлениями рифтогенных структур Западной Сибири. В 1983 г. один из первооткрывателей Норильского горнорудного района Н.Н. Урванцев выделил серию субмеридиональных и субширотных глубинных разломов, которые контролировали продвижение выплавок магматического расплава к земной поверхности, стадийность изменения их составов и рудоносности. Формирование гипабиссальных интрузий и их обогащенность медью, никелем и другими рудными компонентами автор связывал с этапами сжатия тектонических каналов, последующей ассимиляцией магмой вмещающих пород рамы и дифференциацией расплава. Особенно благоприятны для рудообразования участки пересечения разломов субмеридионального и более молодых дислокаций субширотного простираний.

С проявлениями вулканогенных гипабиссальных магматитов Восточной Сибири связаны месторождения сульфидов меди, никеля, кобальта, свинца, цинка, месторождений железа, исландского шпата, целестина, самородной меди, алмазов. Проявления магнетитовой скарновой формации в вуканогенных жерловинах, медноцеолитовой формации, медьсодержащей железо-сульфидной формации, платиноидно-медно-никелевой сульфидной, исландского шпата и др.

Позднекиммерийский тектоно-магматический этап (юра – мел) характеризуется поясовым распространением вулканитов в районе архипелагов Шпицберген, на Земле Франца Иосифа и на крайнем Северо-Востоке. Кимберлитовый вулканизм в это время проявился на севере Сибирской платформы в Куонамском и Куойском районах. По вещественному составу они близки к раннетриасовым проявлениям кимберлитового вулканизма Сибирской платформы.

По данным глубокого бурения на шельфе Баренцева моря, а также по геофизическим параметрам значительная часть восточной акватории Баренцева моря интрудирована долеритами, что сыграло положительную роль в формировании гигантских залежей газа и газоконденсата в пределах этого региона [17].

В районе Охотско-Чукотского вулканического пояса выделяется несколько зон, соответствующих структурам развития мезозоид. Самой северной из них является зона кислых и основных вулкано-плутонических формаций Новосибирских островов. Ближайшими к югу являются Кондаковская зона андезит-базальтовой формации в вулканогенно-осадочной толще раннесреднеюрского возраста, нижнемеловая андезитовая, нижне-верхнемеловая трахириолитовая и верхнемеловая андезитовая формации.

В Яно-Колымской складчатой системе в позднеюрское время формируется Уяндино-Ясачненская вулканическая зона с вулканитами андезит-риолитовой и риолитовой формаций. Севернее, на острове Врангеля, проявлена одноименная врангелевская раннемеловая зона вулканитов основного и кислого составов.

Олойско-Седедемская зона занимает центральное положение на Чукотке и выполнена раннесреднеюрскими вулканитами андезит-базальтовой формации, начиная с поздней юры внедрялись интрузии диорит-гранодиоритового ряда, затем до позднего мела последовательно формировались вулканиты андезитовой и риолитовой формаций. С андезит-базальтовой формацией и, в меньшей степени, с андезит-риолитовой, с малыми интрузиями, связаны гидротермальные месторождения медно-порфировой (Находка и др.) и молибден-порфировой рудных формаций (Веснинское и др.).

Северо-Омолонская вулканическая зона выполнена вулканогенно-осадочной толщей вулканитов трахибазальтовой формации верхнеюрского возраста, в раннем мелу ее последовательно сменили вулканиты трахиандезитовой и риолит-базальтовой формаций. В пределах Кони-Танюрерской зоны выделяются юрская андезит-базальтовая и нижнемеловая базальт-андезит-риолитовая формации, выполяющие разрез вулканогенно-осадочной толщи мощностью до 5–8 км [18] в грабен-сиклиналях. С ними пространственно ассоциируют золотосеребряная, молибденпорфировая и железоколчеданная минерализации.

Притайгоносская вулканическая зона связывается с орогенной стадией развития мезозоид в условиях сжатия коры. Для нее характерен контрастный набор вулканических формаций: трахибазальтовая, щелочных базальтоидов, базальт-андезитовая, андезитовая и риолитовая с преобладанием средних и кислых вулканитов раннеюрского – раннемелового возрастов. Это обстоятельство определило золоторудный профиль вулканической зоны. Здесь проявлены: золотосеребряная, серебросульфосольная, золотосодержащая рудные формации. С золоторудными проявлениями ассоциируют месторождения и проявления серебра, олова, сурьмы, ртути, самородной серы, флюорита и меди.

Илиньтасская вулканическая зона сложена натриевыми базальтами, выполняющими рифтоподобную структуру в позднеюрское время.

Колючинско-Мечигменская зона сложена юрскими вулканитами натриевых базальтов и риолитов, входящими в состав вулканогенно-осадочной толщи, выполняющей рифтовую структуру, где они перекрыты меловыми дацитами и риолитами.

В поле развития вулканитов Охотско-Чукотского пояса, формирование которого происходило на различных этапах мезозойской складчатости, широко распространены месторождения золота, серебра, молибдена, олова, ртути и других полезных ископаемых, ассоциирующих с салическим рядом вулкано-плутонических формаций.

Одним из наиболее известных в регионе является серебро-полиметаллическое месторождение Дукат,

расположенное в вулканической депрессии в междуречье Балыгычана и Сугоя. Месторождение локализовано в центральной купольной структуре, сложенной экструзивными телами средне-мелкопорфировых и афировых высококалиевых риолитов, фельзориолитов, игнимбритов и их туфов раннемелового возраста [19, 20]. Покровы рассечены дайками биотитовых риолитов, гранит-порфиров. Весь комплекс вулканитов рассекается дайками базальтового состава. В ядерной части купола бурением обнаружен гранитный плутон. Величина купольной структуры 5 × 8 км. Рудные тела приурочены к зонам трещиноватости северо-западного простирания и представлены жилами и штокверками. Протяженность кварцевых жил достигает 500–1 000 м при мощности в первые метры. Штокверки представляют собой зоны брекчирования, рассеченные кварц-адуляровыми жилами. Главные рудные минералы: пирит, галенит, сфалерит, халькопирит, пиролюзит, акантит (минерал серебра), золотосодержащее самородное серебро (3–15% Au). На первично-сульфосольный-блеклорудный парагенезис локально наложен термальный метаморфизм, вызванный внедрением гранитоидного дайкового комплекса, с образованием соединений серебра – акантита и самородного серебра. Месторождение Дукат – крупнейшее месторождение в России с запасами более 14 000 т серебра при средних содержаниях 500 г/т.

Примечательно, что в другой вулканически активной зоне, расположенной на архипелаге Шпицберген, нами обнаружено значительное сходство серебряно-полиметаллического рудопроявления Сигурд с месторождением Дукат по комплексу рудных минералов и содержаниям серебра до 600 г/т. Однако дайки риолитов, рассекающие вмещающие девонские терригенные толщи, здесь весьма редки и располагаются на удалении от рудных тел, так же как и плутоны гранитоидов [21].

Таловско-Пикульнейская и Майницкая зоны располагаются на крайнем северо-востоке региона, входят в состав Корякско-Сахалинского вулканического пояса Анадырско-Корякской складчатой структурной зоны мезозоид Северо-Востока. Здесь нижнеюрские – верхнемеловые вулканогенно-осадочные толщи выполняют трогообразные прогибы выполненные вулканитами пикритсодержащей формацией натриевых базальтов на севере зоны и трахибазальтовой формации – на ее южном продолжении. С трахибазальтовой формацией связаны проявления медно-порфировой рудной формации. В пределах Майницкой вулканической зоны, сложенной верхнеюрскими – нижнемеловыми натриевыми базальтами и базальт-андезит-риолитами и бонинитами, установлены проявления марганца (браунит-гаусманит-родонитовая кремнистая формация) и меди (медно-цинковая колчеданная), которые связаны с натриевыми базальтами.

Альпийский тектоно-магматический этап (палеоген – неоген и четвертичный периоды) характеризуется развитием вулканогенных формаций на северной и восточной окраинах региона, вдоль периферии альпийских подвижных поясов. На северо-западе, на архипелаге Шпицберген это альпийская тектоническая зона Северо-Западного Шпицбергена. На севере Центрального Шпицбергена горные вершины сохранили останцы ранне-неогеновых оливиновых базальтов мощностью до 120 м. Позже, в постмиоценовое время, в этом же районе проявился щелочно-базальтовый вулканизм с образованием нескольких вулканических построек, лавы которых вынесли на дневную поверхность глубинные мантийные и нижнекоровые ксенолиты [22].

С севера к Евроазиатскому континенту примыкает обширная акватория Северного Ледовитого океана, образованная в раннем палеогене. Ее основание выполнено толеитовыми базальтами, а срединный хребет Гаккеля – натриевыми базальтами, габброидами и перидотитами образующих вулканические постройки, лавовые потоки на бортах рифтовой долины. В поле их развития зафиксированы действующие вулканы (экспедиция «Полярштерн – 2002»). Состав драгированных со склонов подводных гор образцов свидетельствует о том, что западный его фланг заметно обогащен перидотитовой, пироксенитовой и габбровой составляющими (по сравнению с восточным, сложенным в основном базальтами).

Проявления четвертичного щелочно-базальтового вулканизма зафиксировано на восточном побережье Северного острова архипелага Новая Земля [23] и на архипелаге Де-Лонга.

На востоке вулканиты формируются вдоль ветвей подвижного Тихоокеанского пояса. Наиболее крупной из них является Охотско-Чукотская.

К мел-палеогеновому времени образования относят крупные кольцевые структуры на побережье Карского моря и на севере Анабарского Щита – Попигайская [24]. С последней связано крупное месторождение технических алмазов лонсдейлитового типа.

В Охотско-Чукотском вулканическом поясе в этот период продолжилась вулканическая деятельность, начавшаяся в мезозое. Здесь выделяется Танюрерская и Ульинская протяженные зоны, разделенные не менее протяженной зоной авулканичности. В первой преобладают оливин-пироксеновые и двупироксеновые базальты, андезибазальты с мощностью покровов до 600 м, лавовые потоки переслаиваются туфами основного состава. В зонах разломов отмечены проявления золотосеребряной формации, к внутриформационным относят проявления халцедона, опала, агата. Ульинская зона характеризуется распространением палеогеновых вулканитов трахибазальтовой формации, оливиновыми базальтами и трахиандезибазальтами общей мощностью до 400 м.

Восточнее от Охотско-Чукотского вулканического пояса расположена Кинкильско-Корякская область, в юго-западной части представленная эоценовыми вулканитами базальт-андезитовой формации. Здесь присутствуют серии олигоценовых андезит-риолитов, андезитов с щелочными разновидностями, вулканоплутонические структуры, где эффузивные фации тесно ассоциируют с плутоническими. Распространены риодациты, гранодиорит-порфиры и диориты. Наиболее крупные вулкано-тектонические структуры контролируются субширотными трансформными дислокациями. В Наваринском районе в неогене происходило излияние трахибазальтов. С вулканизмом

региона связаны проявления оловянной касситерит-сульфидной, киноварной, опаловой и золото-серебряной рудных формаций.

В целом в Тихоокеанском подвижном поясе, как отмечают многие исследователи, наблюдается тенденция перемещения вулканизма в пространстве и во времени, от континента к океану, от преимущественно мафического Охотско-Чукотского пояса к мафическо-салическим Кинкильско-Корякской области и далее на юго-восток к мафическо-салическому Курило-Камчатскому поясу уже в четвертичное время.

Минерагеническая зональность следует той же тенденции. Причем главные перспективы в отношении рудоносности возрастают по мере увеличения саличности вулканитов. Большинство месторождений благородных и цветных металлов связано с кислыми эффузивами, с распространением дифференцированных серий, с риолитовым звеном этих серий. Ртутно-сурьмяная минерализация связана с трахибазальтовой формацией.

Зональное распределение ареалов вулканизма позволяет выделять крупные, относительно стабильные блоки земной коры, оставшиеся незатронутыми тектоническими процессами. На флангах стабильных блоков режим растяжения сменялся режимом сжатия. Оба этих процесса отражаются в эволюции составов вулканитов арктической окраины Евразии.

Гомодромная тенденция развития вулканизма, установленная для Тихоокеанского вулканического пояса, не повторяется в развитии отдельных фаз вулканизма всей арктической Евразии: в байкальских и каледонских складчатых областях преобладают ареалы натриевых базальтов, в герцинских – ареалы салического и мафисалического вулканизма калиево-натриевого и калиевого типов, в киммерийских и альпийских – ареалы салического и мафисалического вулканизма, в рифтогенных зонах на платформах преобладают щелочные ветви мафического вулканизма.

В заключение следует отметить, что общими чертами вулканизма и связанной с ним минерагении арктической зоны Евразии являются:

– вулканические провинции и пояса приурочены к окраинам крупных консолидированных блоков земной коры – платформам, ограниченным складчатыми поясами, и обеспечивают процесс ее приращения в последовательных сменах режимов растяжения и сжатия;

– внутриплатформенный вулканизм проявлен значительно слабее, в большей степени представлен плутоническими фациями мафит-ультрамафитового ряда, жерловыми фациями щелочных базальтоидов, лампрофиров и кимберлитов;

– в субокеанических прогибах расположены преимущественно однородные базальтовые формации (зоны растяжения), а в консолидированных континентальных поднятиях (зоны сжатия) – дифференцированные ряды базальт-риолитовой и дацит-риолитовой формаций. Следовательно, проявления того или иного типа вулканизма являются свидетельствами геодинамических обстановок растяжения или сжатия земной коры в соответствующее геологическое время [2, 5, 25, 26].

Начало образования Арктической геодепрессии сопровождалось обширными излияниями пермотриасовых базальтов, свидетельствующих о преобладании тектонического режима растяжения земной коры на севере Сибирской платформы. Повторение сходной геодинамической обстановки в Евразийской Арктике зафиксировано на севере Баренцевоморской плиты в юрско-меловом и палеогеновом этапах базальтового вулканизма, предшествовавших и сопровождавших раскрытие Евразийского бассейна Северного Ледовитого океана. В кайнозое на континентальной коре проявились щелочные и субщелочные центры вулканической активности основного состава, а в районе срединно-океанического хребта Гаккеля – толеитовые базальты с преобладанием перидотитов и диабазов в западной части рифтовой долины.

Ведущие полезные ископаемые распределяются в соответствии с последовательностью развития вулканических поясов и зон: черные металлы (железо и марганец) связаны с вулканическими формациями натриевых базальтов и трахибазальтов, цветные металлы (свинец, цинк, медь), благородные и редкие металлы (серебро, золото, молибден, вольфрам) ассоциируются с дифференцированными формациями, включая кислые разновидности лав. В наиболее поздние фазы, в связи с комагматичными гранитоидными массивами, формируются скарновые железорудные, медно-молибден-порфировые руды. Наибольшим по масштабам распространения являются базальтовые формации, составляющие 80% ареальной площади, но большая часть полезных ископаемых связана с проявлениями среднего и кислого вулканизма. Полезные ископаемые, связанные с фанерозойским вулканизмом Евразийской Арктики, практически неизменны: черные, цветные, редкие, благородные металлы, агросырье, горнохимическое сырье, ювелирное и кристаллическое сырье на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением ювелирных алмазов и фосфора, месторождения которых в постпалеозойское время не известны.

Месторождения алмазов ударно-метаморфического типа, связанные с кратерными фациями Попигайской котловины, не имеют однозначных доказательств генетической истории, но их приуроченность к пересечению крупных зон глубинных разломов свидетельствует в пользу эндогенного происхождения. Они могут играть большую экономическую роль в связи с огромными запасами самых твердых в природе разновидностей алмаза с лонсдейлитовой компонентой.

Вулканические пояса располагаются на периферии консолидированных структур земной коры, в ядрах которых расположены древние кристаллические щиты, а в обрамлении – более молодые осадочные бассейны. Неогенские вулкано-плутонические формации базальтового магматизма, развитого в пределах этих бассейнов, сопровождались тепловым потоком, оказывающим существенное конструктивное и деструктивное воздействие на углеводородный потенциал вмещающих осадочных пород.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атлас* палеовулканических карт Северо-Восточной Евразии (территория России и других стран СНГ). Масштаб 1:5000000. Объяснительная записка. СПб. : Изд-во СПб. картограф. фабрики ВСЕГЕИ, 2001. 89 с.
2. *Богатиков О.А., Пухтель И.С., Самсонов А.В. и др.* Древнейшие горные породы СССР, особенности их состава и генезиса // Кристаллическая кора в пространстве и времени. Магматизм. М. : Наука, 1989. С. 101–110.
3. *Кузнецов Ю.А.* Главные типы магматических формаций. М. : Недра, 1964. 378 с.
4. *Кораго Е.А., Бауева Е.П., Максимовский В.А., Тимофеева Т.Н.* О лампрофировом комплексе юга Новой Земли // Геология Южного острова Новой Земли. Л. : Изд. Ротапринт ПГО «Севморгеология», 1982. С. 78–87.
5. *Арктика* на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / гл. ред. акад. И.С. Грамберг, Н.П. Лаверов. СПб. : Наука, 2000. 248 с.
6. *Ильин В.Ф.* Рудные формации южной части архипелага Новая Земля // Геология Южного острова Новой Земли. Л. : Изд. Ротапринт ПГО «Севморгеология», 1982. С. 109–120.
7. *Калeнич А.П., Орго В.В., Соболев Н.Н. и др.* Новая Земля и остров Вайгач. Геологическое строение и минерагения / под науч. ред. чл.-кор. РАН Ю.Е. Погребицкого. СПб. : Изд. ВНИИОкеангеология, 2004. 175 с.
8. *Румянцева Н.А., Масайтис В.Л., Шарпенок Л.Н.* Вулканические формации фанерозоя Северо-Восточной Евразии // Региональная геология и металлогения. 2000. № 12. С. 34–45.
9. *Лычагин П.П., Дылевский Е.Ф., Шпикерман В.И., Ликман В.Б.* Магматизм центральных районов Северо-Востока СССР. Владивосток : Изд-во ДВО АН СССР, 1989. 117 с.
10. *Погребицкий Ю.Е.* Геодинамическая система Северного Ледовитого океана и ее структурная эволюция // Советская геология. 1976. № 12. С. 3–22.
11. *Погребицкий Ю.Е.* Раскрытие Северного Ледовитого океана и сопутствующие геологические процессы на окружающих континентах // Региональная геология и металлогения. СПб. : ВСЕГЕИ, 1997. № 7. С. 129–136.
12. *Сурков В.С.* Фундамент и развитие платформенного чехла Западно-Сибирской плиты. М. : Недра, 1981. 143 с.
13. *Глебовский В.Ю., Зайончек А.В., Каминский В.Д., Мащенков С.П.* Цифровые базы данных и карты потенциальных полей Северного Ледовитого океана // Российская Арктика: геологическая история, минерагения, геоэкология / гл. ред. Д.А. Додин, В.С. Сурков. СПб. : ВНИИОкеангеология, 2002. С. 134–141.
14. *Геологические* формации докайнозойского чехла Сибирской платформы и их рудоносность. М. : Недра, 1974. 279 с.
15. *Додин Д.А.* Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб. : Наука, 2005. 283 с.
16. *Масайтис В.Л.* Пермский и триасовый вулканизм Сибири: проблемы динамических реконструкций // Записки ВМО. 1983. Ч. 112, вып. 4. С. 412–425.
17. *Евдокимов А.Н., Евдокимова Н.К.* Закономерности распределения углеводородов Баренцево-Карского региона под воздействием неогейских магматических комплексов // Геолого-географические характеристики литосферы Арктического региона. СПб. : ВНИИ-Океангеология, 2000. Вып. 3. С. 115–124.
18. *Белый В.Ф.* Усхэтвеемский комплекс субвулканических ультрамафитов (Чукотский полуостров). Магадан : Изд-во СВКНИИ ДВО РАН, 1995. 121 с.
19. *Серебро* (геология, минералогия, генезис, закономерности размещения месторождений). М. : Наука, 1989. 240 с.
20. *Савва Н.Е., Горячев Н.А.* Месторождение Дукат // Геодинамика, магматизм и металлогения Востока России. Кн. 2 / ред. чл.-кор. РАН А.И. Ханчук. Владивосток : Дальнаука, 2006. С. 709–712.
10. *Евдокимов А.Н.* Новое рудопроявление меди на Шпицбергене // ДАН СССР. 1990. Т. 314, № 6. С. 915–918.
21. *Евдокимов А.Н.* Вулканы Шпицбергена. СПб. : Изд-во ВНИИОкеангеология, 2000. 123 с
22. *Кораго Е.А., Евдокимов А.Н., Столбов Н.М.* Позднемезозойский и кайнозойский базитовый магматизм северо-запада континентальной окраины Евразии // Труды НИИГА-ВНИИОкеангеология. СПб. : Изд. ВНИИОкеангеология, 2010. Т. 215. 174 с.
23. *Ваганов В.И., Иванкин П.Ф., Кропоткин П.Н. и др.* Взрывные кольцевые структуры щитов и платформ. М. : Недра, 1985. 200 с.
24. *Тейлор С.Р., Мак-Леннан С.М.* Континентальная кора, ее состав и эволюция. М. : Мир, 1988. 376 с.
25. *Колясников Ю.А.* Проблемы магматизма и эволюции вещества Земли. Магадан : СВКНИИ, 1988. 78 с.
26. *Маракушев А.А.* Петрография. М. : Изд-во МГУ, 1993. 323 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 1 июля 2014 г.

THE PHANEROZOIC VOLCANISM AND MINERAL RESOURCES OF THE EURASIAN ARCTIC

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 233-242. DOI: 10.17223/15617793/387/35

Yevdokimov Alexandr N., Ismagilova Guzel A. National Mineral Resources University (Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: evdokimov48@list.ru, Guzel_Ismagilova@inbox.ru

Keywords: volcanism; Arctic; Eurasia; mineral resources.

The Arctic region of Eurasia has a serious lag in the geological study of manifestations of volcanic activity and associating minerals. The results of geological surveys conducted here on a scale of 1:1000000 revealed the basic elements of geology, tectonic structures and major mineragenic taxa of the continental land, arctic islands, the bottom shelf seas and adjacent waters of the Arctic Ocean. For example, in the atlas of paleovolcanic maps with a scale of 1: 5 000 000 published by VSEGEI and edited by I.V. Luchitsky, T.V. Dzhinelidze, A.D. Shcheglov et al. in 2001, the basis of division into districts were two defining factors: scales of distribution and duration of existence of volcanic provinces, belts, areas, zones and regions of the continental part of Northeast Eurasia. The latest data obtained by the author as a result of long-term field research on the archipelagos: Spitsbergen, Novaya Zemlya, Franz Josef Land, in the Arctic Yakutia and on the Chukotka peninsula, supplement the information of the atlas on volcanite geology and minerageny of the adjacent Arctic islands and shelf. The volcanic formation is defined according to the accepted concept as a generalized model of association of volcanic rocks with similar features of content, structure and ratio with the environment, steadily repeating in geological space and time. Manifestations and mineral deposits of the following groups are associated with volcanic formations: ferrous metals, non-ferrous metals, precious metals and non-metallic minerals. By the genetic basis ore formations are divided into: a) volcanic-sedimentary stratiform formations associated with specific volcanic formations, they are usually at a distance from the volcanic edifices; b) ore formations of pyrites orebodies of the volcanic zone; c) ore formations, deposits of which are directly related to the volcanic rock or a separate volcanic body; d) volcanogenic-hydrothermal subvolcanic subsurface ore formations parageneticall-y associated with propylitic metasomatites, characterized by mineralization of the structure of the ore bearing volcanogenic formations; e) hydrothermal and hydrothermal-metasomatic ore formations of moderate depths paragenetically associated with intrusive bodies that transect ore bearing volcanites, mineralization is epigenetic to intrusions and stratified volcanites. During the Baikal –

Early Caledonian stage of tectonomagmatic reactivation (from Venda to Early Silurian), the overwhelming part of the volcanic-plutonic formations was concentrated on the current territory of the Urals and Western Siberia, dissected by deep rift valleys. In the territories of the Russian and Siberian platforms volcanism manifested only in the marginal parts in a scale small in size and in the power of coating facies. In the conditions of the prevailing processes of stretching there formed long faults of fault and shear types.

REFERENCES

1. *Atlas paleovulkanicheskikh kart Severo-Vostochnoy Evrazii (territoriya Rossii i drugikh stran SNG)* [The atlas of paleovolcanic maps of Northeast Eurasia (Russia and other CIS countries). St. Petersburg: St. Petersburg Cartographic Factory VSEGEI Publ., 2001. 89 p.
2. Bogatikov O.A., Pukhtel' I.S., Samsonov A.V. et al. *Drevneyshie gornye porody SSSR, osobennosti ikh sostava i genezisa* [The oldest rocks of the USSR, their composition and origin]. In: Bogatikov O.A. (ed.) *Kristallicheskaya kora v prostranstve i vremeni. Magmatizm* [The crystalline core in space and time. Magmatism]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 101-110.
3. Kuznetsov Yu.A. *Glavnye tipy magmaticheskikh formatsiy* [The main types of magmatic formations]. Moscow: Nedra Publ., 1964. 378 p.
4. Korago E.A., Baueva E.P., Maksimovskiy V.A., Timofeeva T.N. *O lamprofirovom komplekse yuga Novoy Zemli* [On lamprophyric complex of the south of Novaya Zemlya]. In: Bondarev V.I. (ed.) *Geologiya Yuzhnogo ostrova Novoy Zemli* [Geology of the South Island of Novaya Zemlya]. Leningrad: Rotaprint PGO Sevmorgeologiya Publ., 1982, pp. 78-87.
5. Gramberg I.S., Laverov N.P. (eds.) *Arktika na poroge tret'ego tysyacheletiya (resursnyy potentsial i problemy ekologii)* [Arctic on the threshold of the third millennium (resource potential and environmental problems)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. 248 p.
6. Il'in V.F. *Rudnye formatsii yuzhnoy chasti arkhipelaga Novaya Zemlya* [Ore formations of the southern part of the Novaya Zemlya archipelago]. In: Bondarev V.I. (ed.) *Geologiya Yuzhnogo ostrova Novoy Zemli* [Geology of the South Island of Novaya Zemlya]. Leningrad: Rotaprint PGO Sevmorgeologiya Publ., 1982, pp. 109-120.
7. Kalenich A.P., Orgo V.V., Sobolev N.N. et al. *Novaya Zemlya i ostrov Vaygach. Geologicheskoe stroenie i minerageniya* [The island of Novaya Zemlya and Vaygach. Geology and metallogeny]. ST. Petersburg: VNIIOkeanogeologiya Publ., 2004. 175 p.
8. Rumyantseva N.A., Masaytis V.L., Sharpenok L.N. Vulkanicheskie formatsii fanerozoya Severo-Vostochnoy Evrazii [Volcanic formations of Phanerozoic Northeast Eurasia]. *Regional'naya geologiya i metallogeniya*, 2000, no. 12, pp. 34-45.
9. Lychagin P.P., Dylevskiy E.F., Shpikerman V.I., Likman V.B. *Magmatizm tsentral'nykh rayonov Severo-Vostoka SSSR* [Magmatism in the central districts of the North-East of the USSR]. Vladivostok: FEB AS USSR Publ., 1989. 117 p.
10. Pogrebitskiy Yu.E. Geodinamicheskaya sistema Severnogo Ledovitogo okeana i ee strukturnaya evolyutsiya [The geodynamic system of the Arctic Ocean and its structural evolution]. *Sovetskaya geologiya*, 1976, no. 12, pp. 3-22.
11. Pogrebitskiy Yu.E. Raskrytie Severnogo Ledovitogo okeana i soputstvuyushchie geologicheskie protsessy na okruzhayushchikh kontinentakh [Disclosure of the Arctic Ocean and associated geological processes on the surrounding continents]. *Regional'naya geologiya i metallogeniya*, 1997, no. 7, pp. 129-136.
12. Surkov V.S. *Fundament i razvitie platformennogo chekhla Zapadno-Sibirskoy plity* [The foundation and development of the West Siberian Plain sedimentary mantle]. Moscow: Nedra Publ., 1981. 143 p.
13. Glebovskiy V.Yu., Zayonchek A.V., Kaminskiy V.D., Mashchenkov S.P. *Tsifrovye bazy dannykh i karty potentsial'nykh poley Severnogo Ledovitogo okeana* [Digital databases and maps of potential fields of the Arctic Ocean]. In: Dodin D.A., Surkov V.S. (eds.) *Rossiyskaya Arktika: geologicheskaya istoriya, minerageniya, geoekologiya* [The Russian Arctic: Geological history, metallogeny, geoecology]. St. Petersburg: VNIIOkeangeologiya Publ., 2002, pp. 134-141.
14. *Geologicheskie formatsii dokaynozoyskogo chekhla Sibirskoy platformy i ikh rudonosnost'* [Geologic formations of the pre-Cainozoic mantle of the Siberian platform and their ore content]. Moscow: Nedra Publ., 1974. 279 p.
15. Dodin D.A. *Ustoychivoe razvitie Arktiki (problemy i perspektivy)* [The sustainable development of the Arctic (problems and prospects)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 283 p.
16. Masaytis V.L. *Permskiy i triasovyy vulkanizm Sibiri: problemy dinamicheskikh rekonstruktsiy* [Permian and Triassic volcanism in Siberia: the problem of dynamic reconstructions]. Zapiski VMO, 1983, Pt. 112, issue 4, pp. 412-425.
17. Evdokimov A.N., Evdokimova N.K. *Zakonomernosti raspredeleniya uglevodorodov Barentsevo-Karskogo regiona pod vozdeystviem neogeyskikh magmaticheskikh kompleksov* [Patterns of hydrocarbons distribution in the Barents-Kara region influenced by neogean magmatic complexes]. In: Avetisov G.P. (ed.) *Geologo-geograficheskie kharakteristiki litosfery Arkticheskogo regiona* [Geological and geographical characteristics of the lithosphere in the Arctic region]. St. Petersburg: VNIIOkeangeologiya Publ., 2000, issue 3, pp. 115-124.
18. Belyy V.F. *Uskhetveemskiy kompleks subvulkanicheskikh ul'tramafitov (Chukotskiy poluostrov)* [Uskhetveemsky subvolcanic ultramafic complex (Chukotka Peninsula)]. Magadan: SVKNII DVO RAN Publ., 1995. 121 p.
19. Sidorov A.A. *Serebro (geologiya, mineralogiya, genezis, zakonomernosti razmeshcheniya mestorozhdeniy)* [Silver (geology, mineralogy, genesis, patterns of distribution of deposits)]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 240 p.
20. Savva N.E., Goryachev N.A. *Mestorozhdenie Dukat* [The Dukat Deposit]. In: Khanchuk A.I. (ed.) *Geodinamika, magmatizm i metallogeniya Vostoka Rossii*. Kn. 2 [Geodynamics, magmatism and metallogeny of Eastern Russia. Book 2]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2006, pp. 709-712.
21. Evdokimov A.N. *Vulkany Shpitsbergena* [Volcanoes of Spitsbergen]. St. Petersburg: VNIIOkeangeologiya Publ., 2000. 123 p.
22. Korago E.A., Evdokimov A.N., Stolbov N.M. [Late Mesozoic and Cainozoic basic magmatism in the north-west of Eurasian continental margin]. *Trudy NIIGA-VNIIOkeangeologiya* [Proc. of NIIGA-VNIIOkeangeologia]. St. Petersburg: VNIIOeangeologiya Publ., 2010, vol. 215. 174 p.
23. Vaganov V.I., Ivankin P.F., Kropotkin P.N. et al. *Vzryvnye kol'tsevye struktury shchitov i platform* [Blasting ring structures of shields and platforms]. Moscow: Nedra Publ., 1985. 200 p.
24. Taylor S.R., McLennan S.M. *Kontinental'naya kora, ee sostav i evolyutsiya* [The continental crust, its composition and evolution]. Translated from English by Sobolev R.N., Soboleva L.T. Moscow: Mir Publ., 1988. 376 p.
25. Kolyasnikov Yu.A. *Problemy magmatizma i evolyutsii veshchestva Zemli* [Problems of magmatism and evolution of the Earth]. Magadan: SVKNII Publ., 1988. 78 p.
26. Marakushev A.A. *Petrografiya* [Petrography]. Moscow: MSU Publ., 1993. 323 p.

Received: 01 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 243–252 DOI: 10.17223/15617793/387/36

УДК 553:504.06

М.Н. Коржнев, М.М. Курило, Н.В. Захарий

РЕСУРСНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АССИМИЛЯЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ГОРНОДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ

Рассмотрены главные функции ассимиляционного потенциала геологической среды при добыче полезных ископаемых. Определены основные факторы влияния ассимиляционного потенциала на геолого-экономические и экологические показатели освоения месторождений. Рассмотрены проблемы геолого-экономической оценки экологического ущерба в горнодобывающих регионах Украины.

Ключевые слова: эксплуатация месторождений полезных ископаемых; геолого-экономическая оценка; экологический ущерб; ассимиляционный потенциал геологической среды; ресурсы техногенной среды.

Месторождения полезных ископаемых интенсивно разрабатываются в Украине на протяжении почти полутора столетий. Это определило развитие её экономики как сырьевой, специализирующейся на экспорте продуктов переработки минерального сырья, и обеспечило её экономический рост. Но, кроме явных плюсов, такой путь развития привёл и к негативным эффектам. Основными из них являются: 1) деформация структуры экономики в сторону энерго- и ресурсоёмких отраслей промышленности; 2) истощение некоторых видов минерального сырья; 3) накопление экологических последствий добычи и переработки полезных ископаемых и ухудшение состояния окружающей среды в горнодобывающих регионах и районах. В конце 1990-х гг. правительством была принята концепция улучшения экологического состояния горнодобывающих регионов Украины, которая, к сожалению, не была реализована через соответствующую национальную программу из-за отсутствия необходимых средств. Это заставило задуматься над тем, какой механизм концентрации финансовых ресурсов в бюджете страны на экологическую реабилитацию территорий интенсивной добычи и переработки полезных ископаемых нужно заложить в законодательную базу и систему государственного управления. Составной частью подобного механизма должна быть геолого-экономическая оценка экологического ущерба от добычи и переработки минерального сырья, а первым этапом такой оценки должно быть определение ассимиляционных способностей окружающей среды, особенно верхней части литосферы.

Ассимиляционный потенциал геологической среды

Проблема оптимизации использования природных ресурсов и природных условий была поднята в экономической литературе сравнительно недавно. Одним из видов природных благ, который широко, но в большей степени неосознанно используется человеком, является ассимиляционный потенциал природной среды.

Ассимиляционный потенциал (лат. *potentia* – сила, потенциал самоочищения, потенциал разложения; англ. *assimilation* – самоочищение, усвоение) – это способность природной территории без потери устойчивости разлагать природные или антропогенные вещества и устранять их вредное воздействие. Иными словами, это способность окружающей среды принимать, перерабатывать и обезвреживать отходы производства и потребления [1], а также способность среды усваивать, перерабатывать отходы конкретной производственной деятельности людей в пределах конкретных природных комплексов и экосистем [2].

Ассимиляционный потенциал разных территорий Украины различен в зависимости от их геологического строения и физико-географических условий, которые определяют уязвимость биоценозов, условия жизнедеятельности населения и инженерную защиту сооружений в их пределах. В конечном счёте наличие таких свойств окружающей природной среды повышает безопасность жизнедеятельности населения и позволяет предприятиям экономить на природоохранных затратах. Для геологической среды (ГС) к составляющим этого потенциала, в первую очередь, относятся (рис. 1): 1) способность геологической среды рассеивать, обезвреживать или поглощать загрязнение; 2) защищённость от загрязнения горизонтов подземных вод; 3) способность противодействовать развитию опасных геологических процессов; 4) способность породного массива выдерживать нагрузку без его нарушения.

Рассеивание загрязнения в природных условиях связано с уменьшением концентраций загрязняющих веществ до значений ГДК в атмосфере (или гидросфере) в результате его разбавления чистым воздухом (чистой водой). В результате этого загрязняющие вещества попадают в организм человека, животных и растений в количествах, которые не влияют на их развитие и состояние здоровья. В геологической среде формируются так называемые ореолы рассеяния вокруг мест сосредоточения загрязнений – техногенных аномалий. В этом случае рассеивание протекает с разной скоростью в зависимости от геологического строения территории, состава и свойств почв, но достаточно медленно, в сравнении с атмосферой и поверхностной гидросферой, а также контролируется процессами геохимической миграции в литосфере.

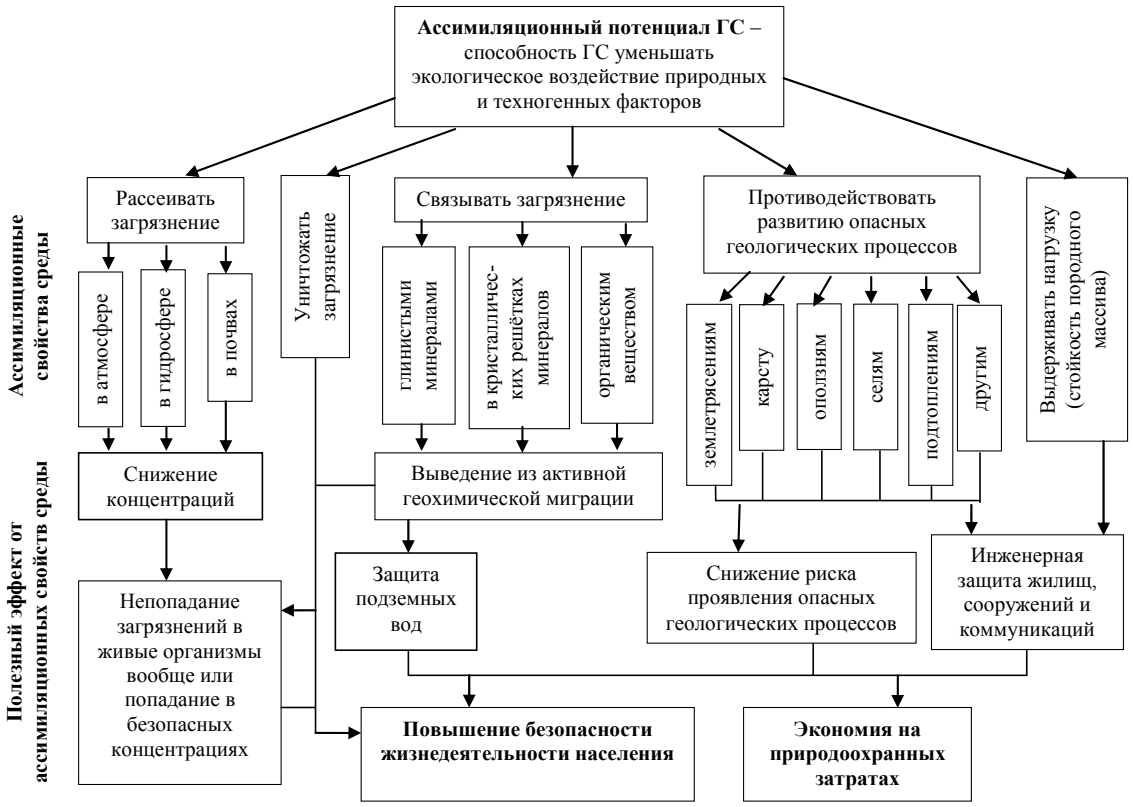


Рис. 1. Ассимиляционный потенциал геологической среды и его влияние на экологические и экономические показатели

В редких случаях в окружающей природной среде наблюдается *обезвреживание загрязнений* за счёт их химического взаимодействия с природными реагентами (минералами горных пород, органическим веществом, водой, газами) и разложения микроорганизмами. Все зависит от стойкости конкретного соединения-загрязнителя в условиях природной среды.

Поглощение или связывание загрязнений связано с их переходом в определённых природных условиях в неподвижную форму, которая замедляет и может прекращать их геохимическую миграцию, что мешает попаданию данных загрязнений сначала через почвы в автотрофные, а затем через трофические цепочки в гетеротрофные живые организмы. Такое попадание возможно с пылью в органы дыхания или с взвесями твёрдых частиц в питьевой воде. Способность почв и коры выветривания горных пород связывать загрязнение является существенным фактором, который препятствует его территориальному распространению, что является, безусловно, позитивным свойством геологической среды в случае развития чрезвычайных экологических ситуаций или катастроф. Например, значительная часть радиоактивного цезия в Чернобыльской зоне потеряла возможность территориального рассеивания с поверхностными и грунтовыми водами. Этот элемент был связан в кристаллических ячейках глинистых минералов и полевых шпатов при изоморфном замещении калия. Тем не менее почвы и горные породы, в которых связаны загрязнения (особенно радиоактивных элементов), сами могут быть источниками опасности, что обусловливает необходимость введения определённых ограничений в их хозяйственном использовании. Способность связывать или задерживать загрязнение водоупорами – горизонтами пород, которые обычно сложены глинистыми минералами, – во многом обусловливает защиту от загрязнения подземных вод.

Способность геологической среды противодействовать развитию опасных геологических процессов обусловлена географическим положением местности, степенью расчленённости рельефа, защищённостью склонов, геологическим разрезом, составом пород, увлажнённостью и стойкостью породного массива и многими другими причинами. Вместе со способностью породного массива выдерживать статичные и динамические нагрузки они определяют инженерно-геологические условия территорий и позволяют экономить на расходах по строительству и инженерной защите. Эти свойства окружающей среды во многом определяют безопасность жизнедеятельности населения.

Наибольшие нарушения породного массива происходят при добыче полезных ископаемых, как при открытой, так и подземной их разработке. Если в первом случае речь может идти о нарушении стойкости породного массива вокруг карьеров и, чаще, сводится к проблеме обвалов и сдвигов пород в бортах карьеров, то во втором – к проседанию, провалам, сдвигам и другим геодинамическим нарушениям непосредственно над подземными горными выработками, которые часто объединяются в шахтные поля.

Защищённость горизонтов подземных вод является важной составной частью ассимиляционного потенциала геологической среды. Качественную оценку

выполняют по величине инфильтрационного питания подземных вод путём соответствующего районирования территории и выделения районов с разной интенсивностью такого питания. Общую защищённость подземных вод выражают относительной величиной, обратной инфильтрационному питанию (балльная оценка, вероятное время достижения загрязнений до уровня водоносного горизонта и др.). Горнодобывающие компании фактически экономят на расходах по защите горизонтов этих вод. Таким образом, ассимиляционный потенциал геологической среды в какой-то степени предотвращает экологический ущерб и позволяет горнодобывающему предприятию экономить на природоохранных мероприятиях в зависимости от его величины.

При геолого-экономической оценке экологического ущерба его нужно обязательно учитывать, так как, во-первых, без этого трудно рассчитать такой ущерб, а во-вторых – создать равные условия для предприятий горнодобывающей отрасли. Для реализации этого необходимы следующие шаги:

1) разработка и утверждение методики оценки ассимиляционного потенциала геологической среды;

2) проведение по такой методике территориальных работ по оценке этого потенциала;

3) разработка методики определения дифференцированного платежа за использование ассимиляционного потенциала территорий с учётом его составляющих (стойкости породного массива, способности связывать или рассеивать загрязнение, защищённости горизонтов подземных вод и др.).

Надо провести районирование территории страны за этим показателем, предварительно дав ему чёткое определение, и ввести для предприятий дифференцированную плату за его использование.

Теперь о том, каким образом можно рассчитать общий ассимиляционный потенциал геологической среды с целью его перевода в ранг экономической категории и использования при эксплуатации недр.

Любая составляющая ассимиляционного потенциала характеризуется каким-то параметром природного или техногенного фактора нагрузки на окружающую среду, рост которого до известного предела не вызывает экологического ущерба. Через возможный экологический ущерб определяется риск, являющийся количественной мерой определения опасности. Она характеризует векторную (т.е. многокомпонентную) величину, рассчитанную в большинстве случаев с помощью статистических данных или имитационных моделей, которая содержит следующие количественные показатели [3]:

– величина ущерба от действия того или другого опасного фактора;

– вероятность возникновения (частота возникновения) опасного фактора, который рассматривается;

– неопределённость в величинах как ущерба, так и вероятности.

Возможности определения ресурсных и экономических показателей, связанных с ассимиляционным потенциалом, основываются на методиках затратного и сравнительного подходов геолого-экономической оценки.

Ассимиляционный потенциал природной среды отвечает всем критериальным признакам выделения природных ресурсов и, следовательно, является природным ресурсом, который все еще недостаточно изучен и не включен как ресурс в систему экономических отношений. Как природный ресурс ассимиляционный потенциал обладает такими свойствами [1]:

– способностью возобновляться (с учётом природного и антропогенного фактора);

– цикличностью;

– динамической изменчивостью;

– незаменимостью;

– системностью, комплексностью.

Количественно ассимиляционный потенциал приближен к таким научно-техническим нормативам, как предельно допустимая концентрация вредных веществ. Ассимиляционный потенциал можно определить как некий барьер (предел), который помогает определять объемы антропогенной нагрузки на окружающую среду. Превышение этих пределов ведет к нарушению территориально-экологического равновесия и потере устойчивости, т.е. нарушению баланса между ассимиляционным потенциалом и антропогенной нагрузкой.

Важнейшим условием оптимизации процесса использования природных ресурсов являются их экономическая оценка (в том числе и ассимиляционного потенциала территорий) и оценка экономического ущерба от загрязнений среды и нерационального использования ресурсов. Исходя из этого, можно сформулировать общую цель экономической оценки ассимиляционного потенциала как природного ресурса – измерение экономического эффекта, приносимого обществу. Эффект может выражаться в экономии средств на воспроизводство и восстановление природной среды или в количестве дополнительно произведенной продукции (услуг) при тех же затратах. Эффект получает денежное выражение и принимает форму дохода. Но независимо от формы, в какой выступает эффект, суть экономической оценки состоит в том, что она выявляет способность конкретного природного ресурса (в данном случае ассимиляционного потенциала) в экономии затрат.

Экономическая оценка ассимиляционного потенциала позволит определить меру способности окружающей среды к восстановлению утраченных свойств и возможностей реализации этой способности для получения дохода. При этом ценность ассимиляционного потенциала окружающей природной среды определяется тем, в какой степени можно экономить на природоохранных издержках.

Исходя из определения ассимиляционного потенциала, геологическая среда способна сохранять свои качественные характеристики в течение некоторого периода промышленной разработки месторождений. Как правило, этот период включает этап геологического изучения объекта, проектирование, строительство добывающих предприятий и время наращивания производственной мощности по добыче. В этот период недропользователь не вкладывает средства для поддержания и сохранения качеств геологической среды. В следующий период интенсивного освоения

недр, как правило, возникает необходимость увеличения расходов экологической направленности, в том числе связанных с восстановлением нарушенных горно-технических условий эксплуатации. На практике такая необходимость может возникать в более ранних периодах или, наоборот, при ликвидационных работах. Таким образом, выделив два временных отрезка эксплуатации месторождения, можно зафиксировать два разных значения удельных расходов на стабилизацию горно-технических условий.

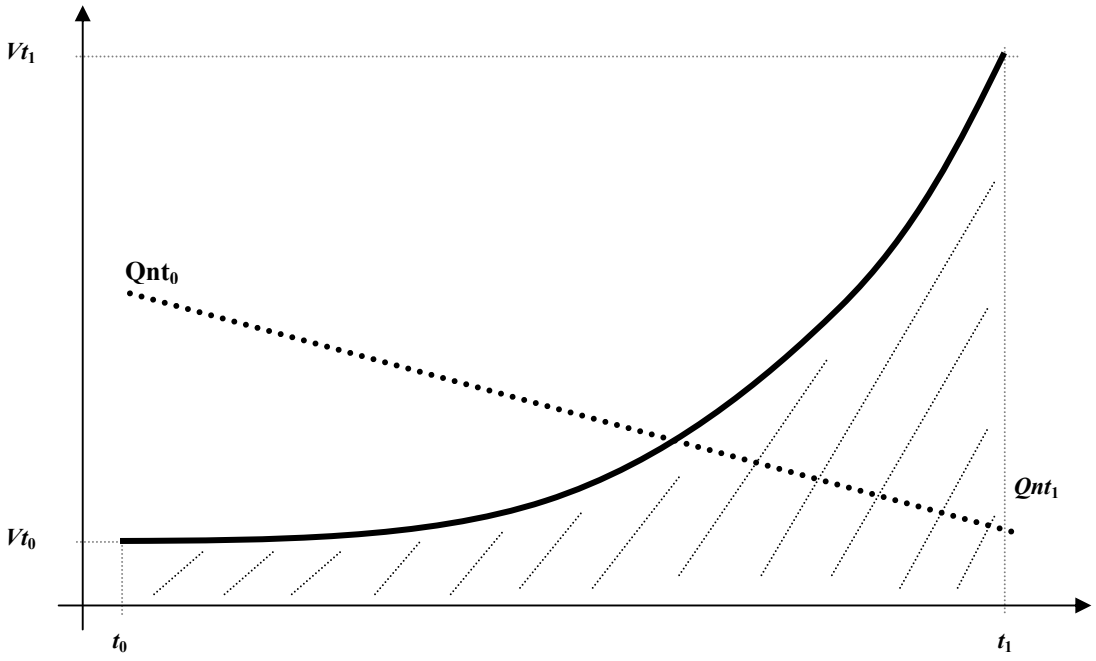


Рис. 2. Соотношение объемов добычи и изменения качественных характеристик геологической среды (V_0 – объем добычи полезного ископаемого, при котором не фиксируется существенных нарушений геологической среды; Vt_1 – объем добычи, при котором фиксируются критические нарушения геологической среды с последующим финансированием стабилизации горно-технических условий)

Изменение качественных характеристик геологической среды (рис. 2) можно определить в стоимостном выражении при помощи затратного подхода:

$$Q_W = \frac{Z}{Vt_1 - Vt_0} \Big/ (Qnt_1 - Qnt_0),$$

где Q_w – качественные характеристики ГС в стоимостном виде; Z – суммарные расходы на стабилизацию; Qn – качественные характеристики ГС в натуральных показателях.

Определение составляющих ассимиляционного потенциала геологической среды в стоимостном виде дает возможность учитывать изменения этого ресурса при геолого-экономической оценке месторождения для всего периода эксплуатации.

Экологический ущерб при эксплуатации месторождений

Эксплуатация месторождений полезных ископаемых практически невозможна без негативного воздействия на окружающую природную среду прежде всего потому, что происходит изъятие ресурсов из природы и вовлечение их в экономическую систему. В той или в иной степени изменения происходят во всех составляющих природной среды: в геологической и водной среде, атмосфере, животном и растительном мире. Идёт системное воздействие, когда угроза, которая возникает в одной среде, реализуется в другой. Всё это приводит к экологическому ущербу, который может иметь денежное выражение (экономический ущерб). Экологически безопасной считается такая производственно-хозяйственная деятельность предприятия, в результате которой локальной экосистеме наносится ущерб в размере, не превышающем ассимиляционный потенциал территории [4].

Полностью компенсировать экологический ущерб невозможно не только потому, что на практике невозможно восстановить на территории недропользования биоценозы, которые были до разработки месторождений. Также невозможно восстановить исходные: рельеф, геохимические и гидрологические условия и многое другое. Кроме того, при попытке приведения территории к исходному состоянию затраты на их экологическую реабилитацию возрастают настолько, что теряются экономические стимулы работы горно-добывающих и перерабатывающих предприятий. Становится очевидным, что нужно по возможности максимально минимизировать влияние на окружающую среду деятельности предприятия во время его работы и создать комфортные условия для жизни человека и существования флоры и фауны в природно-техногенной среде после его ликвидации.

Можно выделить составные части общего экологического ущерба, наносимого горным предприятием (рис. 3).

Накопление экологического ущерба территории начинается ещё на этапе её геологического изучения и продолжается во время всего периода эксплуатации месторождения. Часть этого ущерба компенсируется за

счёт ассимиляционного потенциала территории, а часть – за счёт текущих затрат на экологическую реабилитацию, предусмотренных разделом проекта работ «Оценка воздействия на окружающую среду» (ОВНС). В случае введения платы за ассимиляционный потенциал она должна концентрироваться на экологических статьях государственного бюджета и расходоваться в виде дотаций на экологическую реабилитацию территорий.

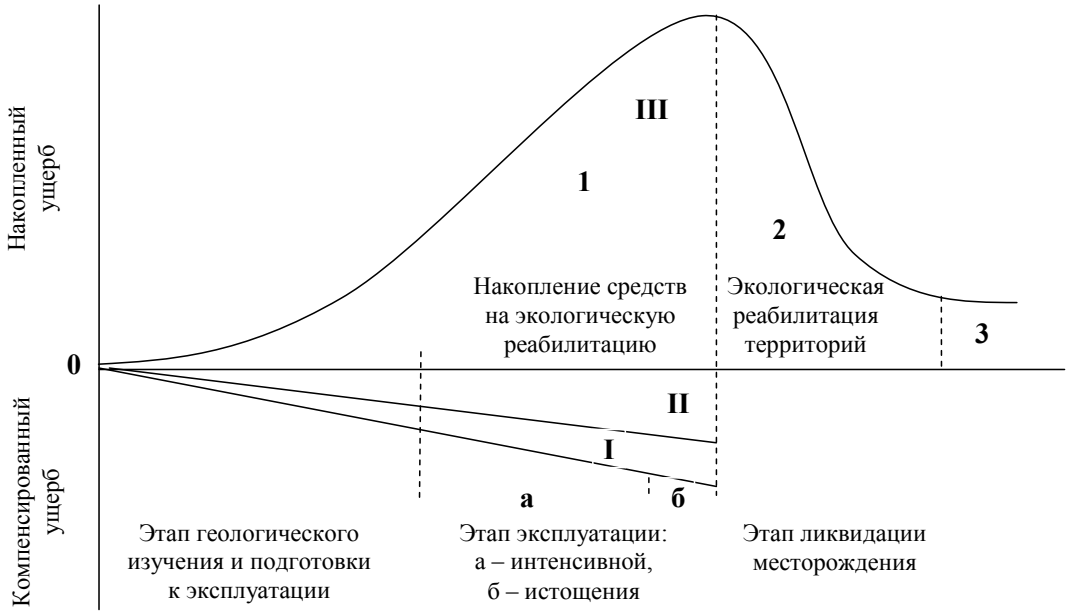


Рис. 3. Изменение во времени составных частей экологического ущерба, наносимого горным предприятием. Экологический ущерб: I – компенсированный за счёт ассимиляционных способностей окружающей среды; II – погашенный предприятием благодаря текущим экологическим затратам; III – накопленный (*1* – некомпенсированный; *2* – компенсированный при экологической реабилитации; *3* – некомпенсированный во время экологической реабилитации)

Средства на экологическую реабилитацию, сопровождающую ликвидацию месторождения, реально можно собрать только во время его эксплуатации за счёт доходов от реализации сырья. Для этого целесообразно открыть специальный счёт предприятия с запретом расходования накопленных средств до начала ликвидации месторождения. Сумма накопленных на этом счёте средств должна быть дисконтирована на весь период разработки месторождения и соответствовать реальным будущим расходам на экологическую реабилитацию территории с созданием комфортных условий для жизни человека. Для этого и нужна геолого-экономическая оценка будущего экологического ущерба, накопленного на этапах геологического изучения и эксплуатации месторождения. Такая оценка должна проводиться на всех этапах геолого-экономичной оценки (ГЕО), а расчёт отчислений на вышеупомянутый специальный счёт – при детальной ГЕО перед началом строительства горнодобывающего предприятия, когда определяются показатели экономической эффективности и целесообразности его проектирования и строительства. Потом сумма этих отчислений будет уточняться и корректироваться на этапах интенсивной эксплуатации и истощения месторождения.

Особенностями оценки ассимиляционного потенциала геологической среды при добыче полезных ископаемых в Украине являются следующие факторы:

1. Влияние уже существующего состояния окружающей среды в горнодобывающих регионах и районах, а также показателей экологического состояния конкретного месторождения. Горнодобывающие регионы Украины в результате длительного использования минерально-сырьевой базы сейчас являются объектами проявления процессов истощения недр, с которыми связано обострение экологических проблем. По оценкам специалистов [5], к регионам с критическим состоянием окружающей среды сейчас принадлежат Донецкий, Криворожский районы; с существенно ухудшенным состоянием – Львовско-Волынский, Предкарпатский, Центральноукраинский урановорудный, Белозерский железорудный, Никитовский ртутнорудный и Никопольский марганцеворудный районы. Остальные (Восточный и Черноморско-Азовский нефтегазовые регионы, Кременчугский железорудный, Александрийский буроугольный районы и др.) считаются объектами с частично ухудшенным состоянием окружающей среды.

2. Возникновение экологических опасностей и рисков, а также экономического ущерба, который связан с ними. Риск в техногенной сфере Украины (за существующими классификациями) достаточно высок и представляет $5{,}35 \cdot 10^{-4}$ (в нормативных документах Евросоюза и России значения индивидуального риска рекомендуется принимать не больше чем 10^{-6}) [3].

3. Особенное значение реализации проектов ликвидационных работ и их стоимости, которые на завершающих этапах освоения могут в несколько раз превышать запланированные сметные суммы.

В практике геолого-экономической оценки месторождений учет изменения качественных характеристик ГС применяется достаточно редко, чаще – при

оценках на этапах интенсивного использования и истощения недр. Такая ситуация приводит к возникновению экологических ущербов на конечных этапах эксплуатаций месторождений.

Примером может быть разработка специального режима реструктуризации горнорудных предприятий Кривбасса и горно-химических предприятий в Львовской области, который был утверждён постановлениями Кабинета министров Украины.

Особой составляющей капиталовложений в освоение месторождений являются *инвестиции в ликвидационные работы и рекультивацию*. Так, в большинстве случаев к началу отработки месторождения при составлении проектов и детальной ГЕО размеры этих расходов не имеют решающего значения для результатов оценки и составляют 0,5–2% от суммарных капиталовложений в освоение. После отработки половины запасов (срока эксплуатации) месторождения направления этих инвестиций существенно корректируются, что предопределено новыми подходами к возобновлению нарушенных ландшафтов и уточнением исходной горно-геологической информации.

Ярким примером такой ситуации является проведение ликвидационных работ и рекультивации на Яворовском серном карьере в Львовской области. В проекте предусматривалось их проведение в 2040 г. через 70 лет от начала горных работ. Неотложным этот вопрос стал в середине 1990-х гг., и уже в 1997 г. был утверждён «Проект рекультивации нарушенных земель» на объекте. Основные мероприятия по рекультивации были рассчитаны максимум на 12 лет. Но воссоздание ландшафтов не завершилось на определённых проектом этапах, и в 2003 г. был утверждён «Проект возобновления экологического равновесия и рекультивации земель», нарушенных горными работами Яворовского государственного горно-химического предприятия (ГГХП) «Сера», который имел сметную стоимость 78,7 млн грн, в том числе строительно-монтажных работ – 52,4 млн грн. Остаточная площадь рекультивации составляла 5 057 га, срок проведения работ – 6 лет.

Объемы капиталовложений этого же порядка определены и для другого объекта в Львовской области со сложными экологическими последствиями добывающей деятельности – Стебницкого ГГХП «Полиминерал» по добыче калийных солей. Стоимость ликвидации данного предприятия в 2000 г. оценивалась в 500 млн грн, при этом фактически эти капиталовложения не реализовывались. Ежегодно осуществлялись мероприятия по программе развития производства калийных удобрений в Украине, которые предусматривали финансирование в объёмах около 21 млн грн, в том числе 8 млн грн на природоохранные мероприятия, которых явно не хватало на поддержку состояния экологической безопасности на объекте. В 2004 г. был разработан и утверждён комплексный проект консервирования рудника № 2 и рекультивации нарушенных земель Стебницкого ГГХП «Полиминерал» со следующими технико-экономическими показателями: сметная стоимость 162,45 млн грн, в том числе 86,1 млн грн на строительно-монтажные работы, со сроком выполнения мероприятий 8 лет. Финансирование и выполнение предвиденных проектом мероприятий происходили несвоевременно и не в полном объёме, что привело к накоплению негативных экологических последствий на этой территории, для ликвидации которых нужны другие мероприятия.

Почти для всех объектов горнодобывающей промышленности характерны расширение направлений ликвидационных работ и увеличение потребностей в объёмах их финансирования по мере отработки основных запасов месторождения, которое связано с накоплением негативных экологических последствий в зоне деятельности предприятия. При реализации программ, связанных с консервацией производственных мощностей добывающих предприятий, реструктуризацией и ликвидацией объектов горной химии, например в Предкарпатском регионе, фиксируется их значительное недофинансирование. Это приводит к ежегодному осложнению реализации запроектированных мероприятий. Развитие процессов соляного карста привело к необратимым изменениям горно-геологических условий: со временем увеличиваются приливы воды, изнашивается оборудование, разрушаются горные выработки, происходит подорожание энергоресурсов. В современных публикациях по техногенной безопасности Предкарпатского региона обосновываются объёмы капиталовложений на предупреждение чрезвычайных экологических ситуаций на порядок больше, чем предусматривались раньше. Для осуществления первоочередных природоохранных мер в г. Калуш в 2009 г. было необходимо по меньшей мере 20 млн грн для отселения людей из зоны проседания, защиты водозаборов города от засоления, ликвидации разрушения дамбы хвостохранилища № 2 и прорыва р. Сивка в Домбровский карьер.

Приведены примеры необратимых изменений окружающей среды; связанные с ними объёмы и направления ликвидационных работ, вряд ли были предвидены при проектировании перечисленных предприятий. Следовательно, те значения и структура капиталовложений, какие фигурируют в большинстве случаев при детальных геолого-экономических оценках месторождений перед началом добычи, не обеспечивают качественного возобновления нарушенных ландшафтов, утилизации отходов производства и решения социальных проблем, связанных с ними.

Частой причиной обострения экологических проблем является недофинансирование ликвидационных работ, которого можно избежать путём обязательного создания ликвидационного фонда добывающих предприятий. Ликвидация и консервирование объектов недропользования начинаются на этапе интенсивной добычи минерального сырья, а наиболее масштабные мероприятия происходят после отработки балансовых запасов месторождения полезных ископаемых. Поэтому формирование ликвидационного фонда должно происходить постепенно за счёт определённой части доходов при реализации минерального сырья (рис. 4).

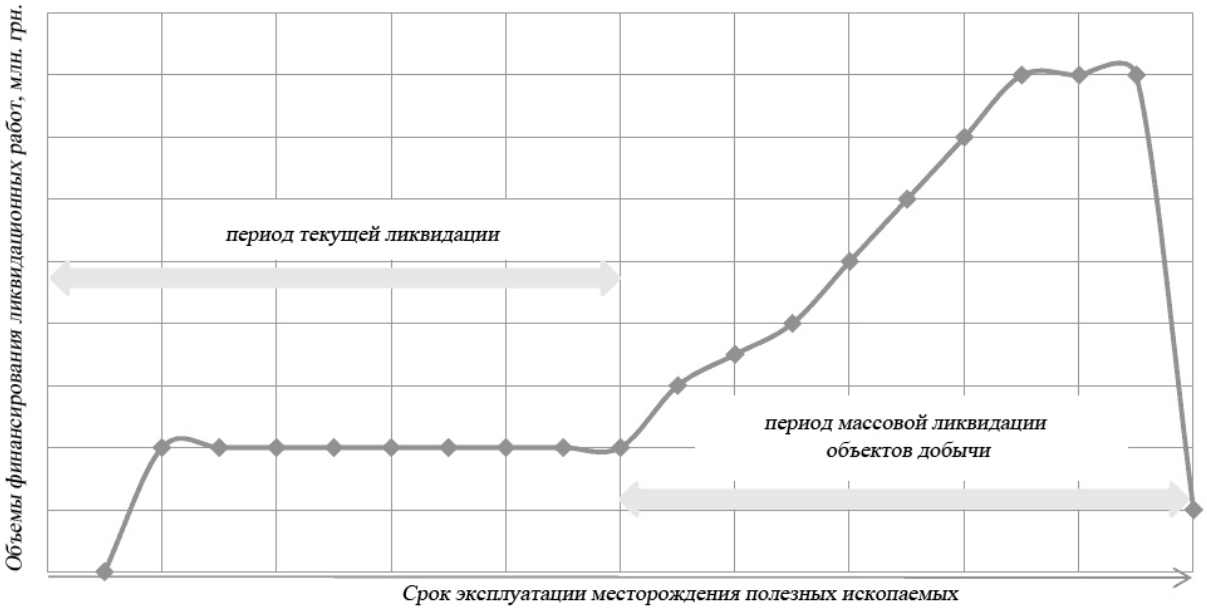


Рис. 4. Динамика объемов и финансирования ликвидационных работ (по: [6])

Примеры отработки украинских месторождений рудных и нерудных полезных ископаемых доказали, что при разработке проектов и детальной ГЕО размеры этих расходов не имеют решающего значения для результатов оценки и составляют 0,5–2% от суммарных капиталовложений в освоение месторождений. Но на этапе интенсивного использования недр направления этих инвестиций существенно корректируются, что предопределено новыми подходами к возобновлению нарушенных ландшафтов и уточнением исходной горно-геологической информации. Такой опыт обосновывает целесообразность формирования ликвидационного фонда разработки месторождений полезных ископаемых, которое должно происходить постепенно за счёт определённой части доходов при реализации минерального сырья.

Также примером значительного увеличения расходов на экологическую реабилитацию территорий в период интенсивного использования является регион Западного Донбасса. Несмотря на существенное снижение объемов добычи угля в Украине, экологические проблемы данных регионов обостряются. С целью предотвращения негативных экологических последствий от деятельности шахт необходимо ежегодно выполнять природоохранные работы на сумму 230–240 млн грн. Негативные изменения геологической среды угледобывающих регионов нуждаются в определении геологических рисков и возможного экономического ущерба как результатов интенсивного использования недр. Например, в 2010 г. для предупреждения подтопления поймы реки Терновка на территории г. Терновка и с. Богдановка и улучшения экологического состояния реки при отработке запасов угля шахтой «Западно-Донбасская» был начат проект «Чистка русла реки Терновка». Проект предусматривает углубление дна на протяжении 14,8 км и расчистку русла на глубине до 2,9 м. Общий бюджет проекта – 14,9 млн грн. В 2012 г. шахта «Западно-Донбасская» полностью расчистила русло реки для пропуска паводковых вод и завершила очередной этап проекта, на который ДТЭК «Павлоградуголь» выделил 6 млн грн.

Использование рентных подходов как инструментов улучшения экологического состояния горнодобывающих регионов

Основные возможности совершенствования экономических механизмов управления процессом использования природных ресурсов, особенно минерально-сырьевых, связаны с возможностями применения рентных подходов управления и определения природной ренты.

Экологическая рента как экономическая категория отражает совокупность рентных отношений по использованию разнокачественных экологических ресурсов. На территории с относительно лучшими параметрами природной среды, составляющими её ассимиляционный потенциал, необходимы меньшие затраты на обеспечение процесса производственной деятельности. Здесь возникает дополнительный эффект в экономических условиях хозяйствования, вызванный непосредственным действием экологического фактора, который не зависит от предпринимательской деятельности. В дальнейшем возникает стабильный дополнительный доход, получаемый предпринимателем, являющийся собственно экологической рентой.

Экологическая рента является частью *природно-ресурсной ренты*, под которой традиционно понимают часть прибыли, которая обусловлена использованием природных ресурсов в процессе производства. Проблемы определения природно-ресурсной ренты связаны с невозможностью достоверно определить часть экономического эффекта, которая обусловлена природным ресурсом, поскольку само его наличие без вложения капитала и затрат труда недостаточно для создания товарного продукта.

Вид природно-ресурсной ренты, связанный с использованием минерально-сырьевой базы, выделяют

как *горную ренту*. Несмотря на многообразие видов использования недр, как правило, горной рентой называют вид ренты, созданный в процессе добычи полезных ископаемых.

Экологическая рента при добыче минерального сырья определяется как дополнительная прибыль:

1) от использования экологически безопасных технических и технологических решений эксплуатации месторождений полезных ископаемых;

2) при эксплуатации месторождений полезных ископаемых, расположенных в регионах с ненарушенной геологической средой вследствие процессов использования недр (горные работы).

Составляющие экологической ренты определяются в результате сравнительных геолого-экономических оценок. Первая форма экологической ренты определяется как разница между прибылью от освоения подобных месторождений (по горно-геологическим, экономико-географическим и технико-технологическим условиям), которые эксплуатируются в разных экологических условиях. Расходы на экологические мероприятия при добыче полезных ископаемых будут разными в районах с различным состоянием окружающей среды.

Вторую её форму можно определить, если сравнивать, например, предприятия, ведущие подземную добычу твёрдых полезных ископаемых с закладкой отработанного пространства и без неё. Экономия финансовых средств на экологические мероприятия (ликвидацию экологического ущерба от проседания, провалов, подтопления и других последствий негативных изменений геологической среды) в будущем на участке недр, разрабатываемом с закладкой отработанного пространства, определяет формирование экологической ренты.

Затраты на экологические мероприятия в горнодобывающих регионах с критическим состоянием окружающей среды будут значительно больше, чем в регионах с существенно нарушенным и частично нарушенным состоянием окружающей среды. В последних регионах экологическая рента будет максимальной.

Таким образом, в интерпретации авторов, экологическая рента соответствует сбережениям на экологических затратах на компенсацию нереализованного ущерба от экологических рисков за счёт ассимиляционных способностей окружающей среды. Нарушения качественного состояния природной среды при горных работах и размер затрат на ликвидацию экологического ущерба часто являются решающими для определения рентабельности горного предприятия. Возможны два пути определения экологической составляющей ренты, основанных на сравнительном подходе оценки:

$$R_{\text{экологическая}} = R_{\text{максимальная}} - R_{\text{фактическая}},$$

$$R_{\text{экологическая}} = R_{\text{фактическая}} - R_{\text{минимальная}},$$

где $R_{\text{максимальная}}$ – горная рента, которая образуется при максимально благоприятных экологических условиях (при отсутствии экологических рисков); $R_{\text{минимальная}}$ – горная рента, которая образуется при наименее благоприятных (наихудших) экологических условиях (при максимальных экологических рисках); $R_{\text{фактическая}}$ – горная рента, которая фактически образуется на добывающем предприятии при: частично, существенно ухудшенном или критическом состоянии окружающей среды.

Более простым при определении экологической ренты является первый путь, так как расчёт максимальной ренты подразумевает учёт расходов на ликвидацию экологического ущерба в минимальных размерах, в то время как предела ухудшения экологических условий разработки месторождений практически нет.

Выше речь шла о геолого-экономической оценке экологического ущерба для действующих горных предприятий, которая должна сопровождать разные стадии освоения месторождения – от его геологического изучения и подготовки к эксплуатации до ликвидации при исчерпании запасов. Такая оценка должна быть составной частью проектов этих стадий и обеспечить накопление адекватных финансовых ресурсов на экологическую реабилитацию нарушенных территорий. Но в Украине, где разработка месторождений отдельных видов полезных ископаемых идёт почти полтора столетия, во многих случаях планирование деятельности и работа предприятия начинаются в условиях уже существующего экологического ущерба, накопленного в предыдущие исторические периоды. Безусловно, такой ущерб нужно оценивать хотя бы для того, чтобы предприятию не брать на себя ответственность за то, что нарушено до начала его деятельности.

Экологический ущерб можно определить детально и укрупнённо. Детализированный расчёт базируется на данных по объекту-аналогу, фактических статистических материалах, экспертных оценках. При укрупнённом расчёте определяют влияние на атмосферу, воду и земли. На данное время по этим сферам существуют государственные и отраслевые оценки допустимого влияния.

Практический учёт изменения ассимиляционного потенциала и экологической ренты связан с усовершенствованием рентного механизма налогообложения пользователей недр. Дальнейшим совершенствованием механизмов платы за пользование недрами является дифференциация платежей по факторам влияния воздействия предприятий на окружающую среду при эксплуатации месторождений.

В данный момент объектами налогообложения платы за использование недрами для добычи полезных ископаемых в Украине является объем добытого в отчётном периоде полезного ископаемого (минерального сырья) или объем погашенных в отчетном периоде запасов полезных ископаемых. Базой налогообложения по украинскому законодательству является стоимость объёмов добытых в отчетном периоде полезных ископаемых (минерального сырья), которая отдельно вычисляется для каждого вида полезного ископаемого и для каждого участка недр на базовых условиях поставки (состав готовой продукции горнодобывающего предприятия). Главными факторами, которые напрямую учитываются при определении платы за недра, являются: объем полезного ископаемого, которое добывается или погашается; вид минерального сырья и его стратегическое значение; глуби-

на залежей (для углеводородов); рентабельность добывающего предприятия. Факторами, которые учитываются косвенно (при расчете коэффициента рентабельности), являются: качество полезного ископаемого; сложность геологического строения и др. Прямого учета экологических критериев разработки месторождений при этом не происходит. Например, горные предприятия подземной добычи рудных полезных ископаемых, которые работают с закладкой отработанного пространства и без неё, при прочих равных условиях имеют одинаковую плату за недра (за единицу добытого полезного ископаемого).

Возможность использования ещё одного инструмента для рыночного управления процессами техногенеза в геологической среде была предложена И.Н. Малаховым [7].

Сумма платы за землю, на которой размещены шламохранилища и отвалы, рано или поздно должны превысить стоимость конечного объёма добытого полезного ископаемого. Отмеченная ситуация является экономическим следствием необоротного перехода природной среды к техногенной экосистеме. В ней шахты и созданные карьерами, отвалами и шламохранилищами формы рельефа – это не только места размещения отходов и источники загрязнения окружающей среды, но и составная часть и ресурсы этой среды. Эти ресурсы могут осуществлять функции защиты от неблагоприятного воздействия техногенеза, иметь рекреационные и эстетические функции, уменьшать дальнейшее использование природных минеральных ресурсов путём утилизации отходов и разработки техногенных месторождений и т.п. Поэтому требует уточнения вопрос о содержании платы за использование ресурсов окружающей среды в техногенной экосистеме.

Природный ресурс (в данном случае – пахотная земля) исчез бесповоротно. Плата за него продолжает собираться, невзирая на то, используются или нет новые ресурсы техногенной экосистемы (антропогенные морфоструктуры). Используя искусственные формы рельефа в той или иной форме, мы должны ясно понимать, что имеет место использование нового ресурса в техногенной экосистеме. Подобно использованию природных ресурсов, оно требует инвестиций. Опираясь на опыт ведущих стран Запада и США, использование ресурсов техногенной экосистемы можно рассматривать как четырёхстадийный процесс. Каждая из стадий имеет позитивные эффекты для окружающей среды, человека и общества:

– *обезвреживание отходов* (decontamination) – процесс исключения тяжёлых металлов, радионуклидов, нефтепродуктов, вредной органики из отвалов и шламохранилищ. *Возможные эффекты:* уменьшение риска специфических заболеваний у людей; уменьшение платы за размещение отходов, принимая во внимание уменьшение их вредности (например, перевод отходов III категории в IV категорию токсичности);

– *реконструкция* (*reconstraction*) – планирование поверхности, уступов и берм отвалов; наслоение песков, глин и суглинков на поверхности шламохранилищ и отвалов. Комплекс мероприятий, имеющий в горной терминологии название «техническая рекультивация». *Возможные эффекты:* реконструированные земли могут рассматриваться как место складирования безопасных отходов, сырья металлургического производства, строительного камня, песка, глин, как территории для размещения лёгких складских помещений и ремонтной базы крупногабаритного оборудования, в целом как территория промышленного назначения;

– *реабилитация* (*rehabilitation*) – углублённая очистка реконструированных территорий методами био- и фиторемедиации. Комплекс мероприятий, что в горной терминологии имеет название «рекультивация». *Возможные эффекты:* создание рекреационных и зелёных зон, охотничьих угодий, мест выпаса скота; возвращение территории муниципалитетам;

– *рекультивация* (*recultivation*) – комплекс мероприятий по возвращению территории или её части к состояния, приближенного к тому, которое существовало до начала горных работ, т.е. возобновление сельскохозяйственных земель. *Возможные эффекты:* получение сельскохозяйственной продукции, продажа пахотной земли.

Стимулирование инвестирования в использование или создание нового ресурса в техногенной экосистеме можно попробовать достичь, используя подход, при котором цель платежа за использование ресурса должна быть противоположной той, которая существует в природной системе. *В природной системе предприятие платит за использование ресурса. В техногенной экосистеме платить приходится не за использование, а за неиспользование техногенных ресурсов* – искусственных элементов рельефа, созданных в результате горнодобывающей деятельности.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Ассимиляционный потенциал геологической среды является уникальным природным ресурсом, который требует количественного, качественного и стоимостного определения. Наиболее целесообразно такие расчеты проводить при предварительной детальной геолого-экономической оценке месторождения, а также оценке в период интенсивного использования и истощения недр.

Ассимиляционные свойства природной среды погашают часть экологического, ущерба, наносимого горным предприятием. Часть экологического ущерба компенсируется за счёт текущих затрат на природоохранные мероприятия, а значительно большая его часть накапливается как на этапе геологического изучения, так и на этапе эксплуатации месторождения. Основная часть накопленного экологического ущерба гасится в ликвидационный период за счёт экологической реабилитации территории, а часть остаётся некомпенсированной. Средства на экологическую реабилитацию должны накапливаться на специальном счёте предприятия во время эксплуатации месторождения. Сумма отчислений должна быть адекватной прогнозируемому экологическому ущербу, который должен оцениваться на всех стадиях составления ГЕО.

Главными критериями определения ассимиляционного потенциала ГС являются его качественные и количественные характеристики, которые определяют полезные свойства при эксплуатации месторождений. Эти

критерии должны оцениваться как в натуральном, так и стоимостном виде при помощи сравнительного анализа и затратного подхода, поскольку сам ресурс характеризуется изменчивостью во времени и способностью возобновляться. Основные возможности учёта изменения ассимиляционного потенциала и экологической ренты связаны с усовершенствованием рентного механизма налогообложения недропользователей.

На месте эксплуатации месторождения постепенно создаётся техногенная экосистема со своими морфоструктурами (отвалами, складированными отходами, шламохранилищами и т.п.), которые можно считать ресурсами этой экосистемы и практически использовать. Содержание платежей за использование ресурса в техногенной экосистеме должно быть противоположным той, которая существует в природной системе. В природной экосистеме предприятие платит за использование природного ресурса, а в техногенной необходимо платить в том случае, если техногенный ресурс не используется.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крисанов О.П.* Ресурсная значимость ассимиляционного потенциала природной среды и его место в системе экономических отношений // Вісник СумДУ. Серія Економіка. 2008. № 2.
2. *Кокин А.В.* Современные экологические мифы и утопии. Ассимиляционный потенциал природы как показатель возможности экономического роста. Бизнес и экономика. URL: http://www.avkokin.ru/documents/222
3. *Долгий С.А., Коржнев М.Н., Курило М.М. и др.* Экологические риски, ущерб и рациональные пределы использования недр в Украине (на укр. яз.). Киев : Ника-Центр, 2012. 316 с.
4. *Экологический* менеджмент компании. URL: http://infomanagement.ru
5. *Коржнев М.Н., Мищенко В.С., Шестопалов В.М., Яковлев Е.А.* Концептуальные основы улучшения состояния окружающей среды горнодобывающих регионов Украины (на укр. яз.). Киев : СОПС Украины, 2000. 75 с.
6. *Организационно-экономический* механизм формирования и управления ликвидационным фондом в нефтегазодобывающем предприятии // Нефтегазовое дело. 2003.
7. *Малахов И.Н.* Новая геологическая сила. Кривой Рог : Отделение морской геологии и осадочного рудообразования, 2009. 312 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 1 июля 2014 г.

RESOURCE AND ENVIRONMENTAL CRITERIA TO DETERMINE THE GEOLOGICAL ENVIRONMENT ASSIMILATION POTENTIAL BY EXAMPLE OF MINING REGIONS OF UKRAINE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 243-252. DOI: 10.17223/15617793/387/36

Korzhnev Mikhail N., Kurilo Maria M., Zahariy Natalia V. Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine).
E-mail: korzhneva@yandex.ru, kurylo_mm@mail.ru, na1awa@mail.ru

Keywords: exploitation of mineral deposits; geological-economic assessment; environmental damage; assimilation potential of geological environment; resources of anthropogenic environment.

Mineral deposits are intensively developed in Ukraine for nearly a century and a half. This has defined the development of its economy as a raw material one, specializing on export of mineral raw materials products, which provided its economic growth. But apart from the obvious advantages, such a path of development has led to negative effects. The main ones are: accumulation of environmental effects of mining and mineral processing and deterioration of the environment in the mining regions and districts. One of the types of natural boons, which is widely, but mostly unknowingly used by people, is the assimilation potential of the natural environment. The assimilation potential of different territories of Ukraine is different depending on the geological structure and physical geographical conditions. Quantitatively, the assimilation potential is close to such scientific and technical standards, as the maximum permissible concentration of pollutants. Economic evaluation of assimilation potential will determine the measure of the ability of the environment to recover its lost properties and possibilities to realize this ability to generate income. With the value of assimilation potential the environment is determined by the extent to which one can save on the environmental costs. Almost all objects of the mining industry in Ukraine are characterized by extension of liquidating works and an increase of the needs in financing as mining deposits are worked out which is associated with the accumulation of negative environmental effects in the area of enterprise activity. The main opportunities for improving the mechanisms of economic management of natural resources control, especially mineral-raw, involve possible rental management approaches and capabilities of determining the natural rent. In the interpretation of the authors, ecological rent corresponds to savings on environmental costs to compensate unrealized damage caused by environmental risks due to the assimilation capacity of the environment.

REFERENCES

1. Krisanov O.P. Resursnaya znachimost' assimilyatsionnogo potentsiala prirodnoy sredy i ego mesto v sisteme ekonomicheskikh otnosheniy [Resource significance of the natural environment carrying capacity and its place in the system of economic relations]. *Visnik SumDU. Seriya Ekonomika – The Vysnik of the SSU. Economic Sciences*, 2008, no. 2.
2. Kokin A.V. *Sovremennye ekologicheskie mify i utopii. Assimilyatsionnyy potentsial prirody kak pokazatel' vozmozhnosti ekonomicheskogo rosta. Biznes i ekonomika* [The environmental myths and utopias. The nature carrying capacity as an indicator of economic growth opportunities. Business and Economy]. Available at: http://www.avkokin.ru/documents/222.
3. Dolgiy S.A., Korzhnev M.N., Kurilo M.M. et al. *Ekologicheskie riski, ushcherb i ratsional'nye predely ispol'zovaniya nedr v Ukraine* [Environmental risks, damages and limits of rational use of mineral resources in Ukraine]. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 2012. 316 p. (In Ukrainian).
4. *Ekologicheskiy menedzhment kompanii* [Environmental management of a company]. Available at: http://infomanagement.ru.
5. Korzhnev M.N., Mishchenko V.S., Shestopalov V.M., Yakovlev E.A. *Kontseptual'nye osnovy uluchsheniya sostoyaniya okruzhayushchey sredy gornodobyvayushchikh regionov Ukrainy* [The conceptual foundations of environmental improvement for Ukrainian mining regions]. Kiev: SOPS Ukrainy Publ., 2000. 75 p. (In Ukrainian).
6. Karpov V.G., Khalikova M.A., Musina D.R. Organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm formirovaniya i upravleniya likvidatsionnym fondom v neftegazodobyvayushchem predpriyatii [Organizational-economic mechanism of formation and management liquidation pool of oil and gas companies]. *Neftegazovoe delo – Oil and Gas Business*, 2003, no. 2.
7. Malakhov I.N. *Novaya geologicheskaya sila* [New geological force]. Krivoy Rog: Department of Marine Geology and Sedimentary Ore Formation Publ., 2009. 312 p.

Received: 01 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 253–256 DOI: 10.17223/15617793/387/37

УДК 551.4

М. Нямхуу, Я. Жамбалжав

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЕ И КРИОГЕННЫХ ФОРМАХ РЕЛЬЕФА ДАРХАТСКОЙ КОТЛОВИНЫ

На основании температурных исследований в инженерно-геологических скважинах дана характеристика температуры пород в слое годовых изменений температурного режима для различных геоморфологических условий. Установлены особенности и характер распространения многолетнемерзлых пород Дархатской котловины Северной Монголии.
Рассмотрены методические вопросы исследования динамики термокарстовых озерных ландшафтов в Дархатской котловине на основе использования результатов дистанционного зондирования и ГИС-технологий.
Ключевые слова: температурный режим; термокарстовые озера; многолетняя мерзлота; динамика; космические снимки.

Криогенные формы рельефа, такие как термокарстовые котловины, многолетние бугры пучения, привлекают внимание ученых всего мира с научной и практической точек зрения. Причины возникновения, геоморфологические особенности и закономерности развития мерзлотных форм рельефа нашли отражение в работах ученых – М.И. Сумгина, С.П. Качурина, П.А. Соловьева, Н.А. Граве, А. Кайе и др. На территории Монголии в изучение многолетней мерзлоты и криогенных форм рельефа большой вклад внесли Н. Лонжид, Д. Томорбаатар, Н. Шархуу, Д. Лувсандагва, С. Жамсран, Т. Рагчаа, Т. Дорж, Д. Бат-Эрдэнэ, Я. Жамбалжав и др. В настоящее время в связи с глобальным изменением климата весьма актуальным является продолжение этих исследований.

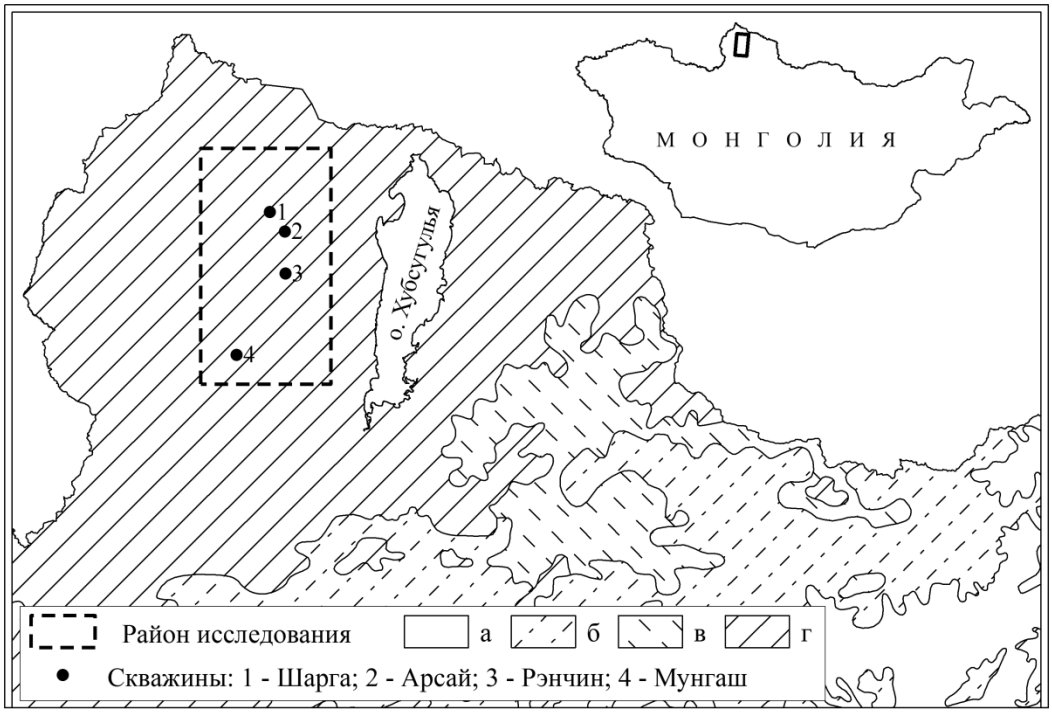


Рис. 1. Распространение многолетнемерзлых горных пород в Монголии [3, 4].
Высотные геокриологические пояса: редкоостровного (*а*), островного (*б*), прерывистого (*в*) и сплошного распространения многолетнемерзлых горных пород (*г*)

Дархатская котловина – одна из крупнейших межгорных котловины байкальского типа в Северной Монголии, её площадь около 3 320 км^2. В орографическом отношении котловина относится к Западному Прихубсугулью – части Саяно-Тувинского нагорья. В настоящее время происходит интенсивное сельскохозяйственное освоение территории котловины, здесь расположены сомона Цагааннуур, Улаан-Уул, Рэнчинлхумбэ аймака Хубсугульского [1]. Климат Дархатской котловины резко континентальный, с продолжительной холодной сухой зимой и теплым сухим летом. Средняя годовая температура воздуха в –6°С, средняя годовая температура воздуха в январе –32,0°С, самая низкая температура наблюдается в январе и достигает –50,4°С. Похолодание в Дархатской котловине начинается с 10 августа и длится до середины июня, таким образом, продолжительность холодного и прохладного периода года составляет 290–310 дней. Годовое количество осадков в среднем составляет 260–270 мм [2].

Суровые климатические условия способствуют сохранению вечной мерзлоты. Дархатская котловина расположена в зоне сплошного развития многолетнемерзлых пород (рис. 1). Средняя толщина вечной

мерзлоты в гравийно-суглинистых отложенияв Дархатской котловины составляет 83,7–97,8 м, а максимальная достигает 183,7 м [5, 6]. До настоящего времени слабо изучены температурный режим грунтов и криогенные процессы.

Цель данной работы – характеристика температурного режима верхней толщи мерзлоты и криогенных форм рельефа Дархатской котловины.

Авторами статьи в составе отряда Института географии имени Ш. Цэгмид АН Монголии (г. Улан-Батор) был собран обширный материал по морфологии, морфометрии, геологическому строению бугров пучения, изучались температурные условия криолитозоны. В камеральный период проведены обработка полученных полевых материалов и дешифрирование космических снимков, также привлекались данные предыдущих исследований. В 2012 г. в Дархатской котловине были выполнены мерзлото-геотермические исследования в 4 скважинах (рис. 1, табл. 1), расположенных в бассейне р. Шишхид. Основной целью исследований было получение данных о геотемпературном поле горных пород.

Таблица 1

Скважины Дархатской котловины

№	Название скважины	Координаты		Абс. высота, м	Глубина, м
		X	Y		
1	Шарга	E099° 31′	N51° 22′	1546	15
2	Арсай	E099° 37′	N51° 17′	1562	15
3	Рэнчин	E099° 37′	N51° 06′	1591	10
4	Мунгаш	E099° 17′	N50° 45′	1629	15

Исследования котловин термокарстовых озер проведены авторами на основе полевых исследований и с использованием разновременных космических снимков Landsat за период 1991–2010 гг. Набор космических снимков из Landsat изображений (Landsat-5 TM и Landsat-7 ETM+) взят на следующие даты: 06.08.1991, 17.08.1995, 06.08.2000, 04.08.2005, 25.07.2010. Особенностью отбора снимков является сезон съемки: целесообразно применять снимки, сделанные в конце лета, так как даже после схода снежного покрова на суше ледовый покров на озерах долго сохраняется, что мешает выделению озер при автоматизированном дешифрировании.

Обработка космических снимков выполнена с использованием стандартных средств геоинформационной системы Erdas Imagine v. 2011.

Проведенные геотермические исследования выявили значительные колебания температур горных пород на поверхности и глубинах от 1 до 15 м (табл. 2).

Таблица 2

Температурный режим горных пород Дархатской котловины по данным 2012 г.

№	Название скважины	Глубина, м	$t_г$	t_{min}	t_{max}
1	Шарга	0	–4,04	–38,21	37,34
		1	–2,74	–17,21	9,24
		3	–1,68	–3,96	–0,31
2	Арсай	0	–3,77	–35,44	40,89
		1	–2,02	–11,47	6,48
		3	–2,24	–4,50	–0,79
3	Рэнчин	0	–1,79	–22,99	38,06
		1	–0,75	–7,54	6,28
		3	–1,16	–3,57	–0,34
4	Мунгаш	0	–2,15	–32,52	35,74
		1	–2,45	–11,47	2,93
		3	–2,03	–4,80	–0,48

Особенно большие вариации температур пород характерны для поверхности (0 м), где максимальные температуры пород изменяются от +35,74 до +40,89°С. Среднегодовые температуры поверхностного слоя пород колеблются от –1,79 до –4,04°С, наиболее низкие из них характерны для северных частей территории (скв. Рэнчин и Шарга). На рис. 2 отражен режим температуры горных пород по данным 2012 г.

В ходе исследований автором проведен сравнительный анализ данных по температурному режиму горных пород за март 1987 г. и март 2012 г. до глубины 15 м (рис. 3). Выявлено, что к 2012 г. температуры горных пород на глубинах от 1 до 4 м стали ниже, а на глубинах более 5 м отмечается их повышение.

Анализ рис. 2, 3 показывает, что высокие температуры поверхностного слоя горных пород в теплый период года (до +40°С) приводят к протаиванию многолетнемерзлых пород и развитию криогенных процессов – термокарста, бугров пучения.

В данной работе рассмотрена динамика развития котловин термокарстовых озер.

Для её исследования в 1991–2010 гг. автором в пределах Дархатской котловины выполнены сравнительный анализ космических снимков и статистическая обработка данных по изменению площадей термокарстовых озер, полученных по спутниковым измерениям. В результате выявлено (табл. 3):

1. Площадь зеркала малых (5–10 га) термокарстовых озер за исследуемый период изменялась и в 2010 г. составила 663,1 га, увеличившись на 100,4 га.

2. Площадь озер (10–50 га) также испытывала колебания, но в 2010 г. в целом уменьшилась на 229 га, а суммарное зеркало озер площадью более 100 га увеличилось на 360,8 га. Наименьший прирост зеркала озер отмечался для озер площадью 50–100 га – 10,4 га.

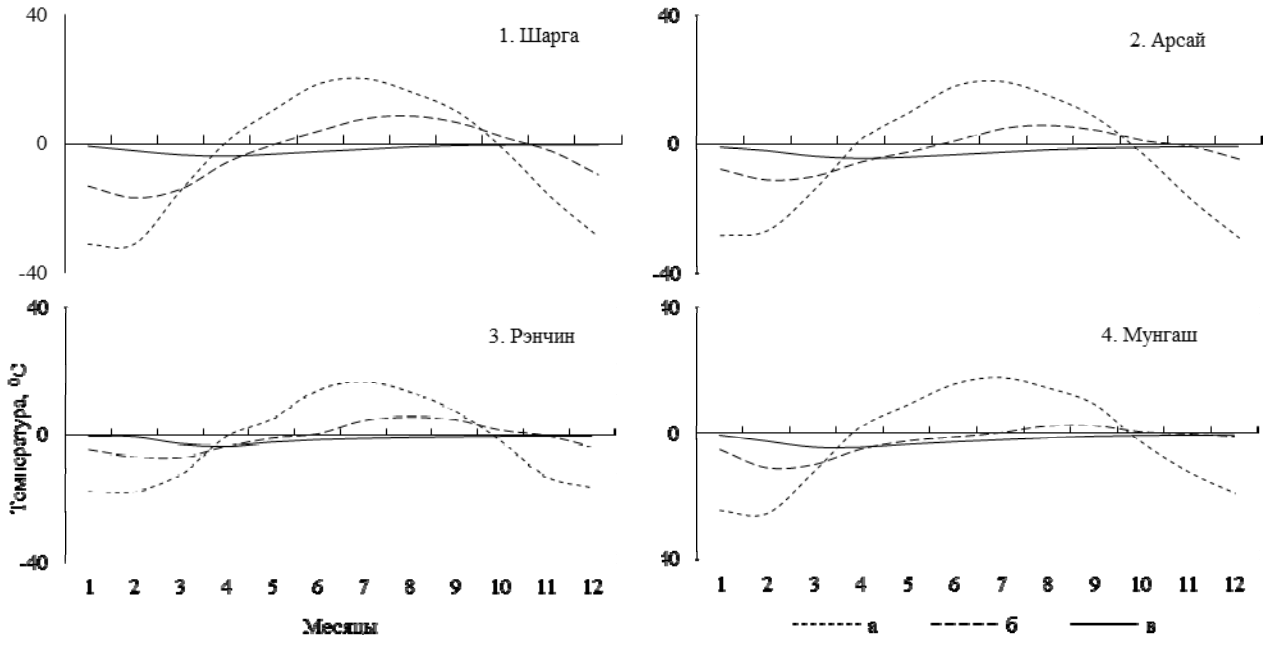


Рис. 2. Режим температуры скважины, 2012 г.: *а* – поверхность; на глубинах: *б* – 1 м; *в* – 3 м

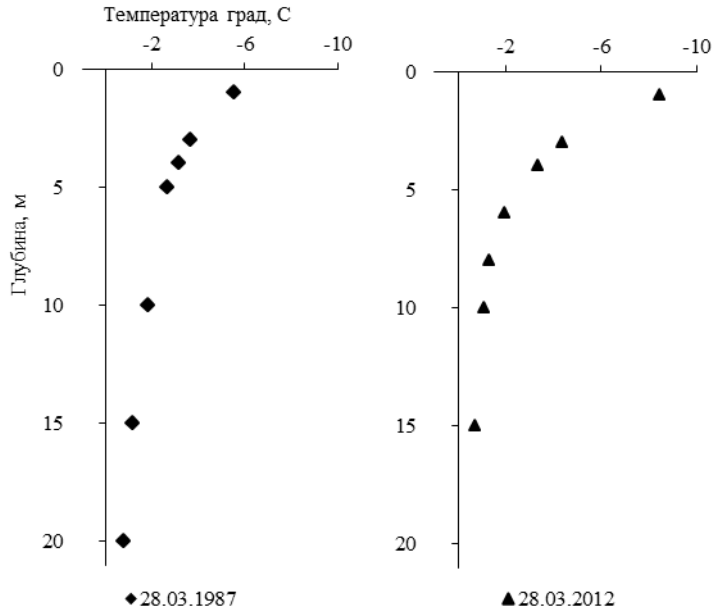


Рис. 3. Сравнительный анализ температур горных пород за март 1987 г. [7] и март 2012 г.

Таблица 3

Динамика площадей термокарстовых озер Дархатской котловины в 1991–2010 гг.

Площадь, га	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
5–10	562,7	520,2	544,2	514,0	663,1
10–50	1969,7	1951,9	1883,9	1804,8	1740,7
50–100	878,6	906,5	809,3	771,5	889,0
Более 100	2528,7	3030,5	2487,6	2718,9	2899,5

Таким образом, для Дархатской котловины в настоящее время характерны понижение температуры поверхностного слоя литосферы и достаточно интенсивное развитие термокарстовых озер в естественных ландшафтах. Хозяйственное освоение будет способствовать развитию термокарста, особенно в районах сплошного развития многолетнемерзлых пород.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нямхуу М.* Рельеф Дархатской котловины // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 179–182.
2. *Шархуу Ц., Баяржаргал Э.* Дархадын хотгорын уур амьсгал, тууний оорчлолт // Сэруун бус нутгийн уур амьсгалын оорчлолт: усны нооц ба цэвдэг мандал. Улаанбаатар, 2011. С. 191–194. (Климат Дархатской котловины и ее изменение // Прохладный регионального изменения климата: водные ресурсы и вечная мерзлота) [на монг. яз.].
3. *Геокриологические* условия Монгольской Народной Республики. М. : Наука, 1974. 200 с.
4. *Sharkhuu N.* Permafrost mapping in Mongolia // International symposium on mountain and arid land permafrost. Ulaanbaatar. 2001. С. 63–67. (Отображение вечной мерзлоты в Монголии // Международный симпозиум по горе и аридных земель мерзлоты) [на англ. яз.].
5. *Томорбаатар Д.* Дархадын хотгор, Хатгал орчим тархсан олон жилийн цэвдэг чулуулгийг судалсан дүнгээс // Монгол орны газарзүйн асуудлууд. Улаанбаатар. 1979. № 19. С. 97–101. (Некоторые результаты исследований многолетнемерзлых пород Дархатской котловины и Хатгала // Вопросы географии Монголии) [на монг. яз.].
6. *Tumurbaatar D.* Permafrost in the Darkhad depression of Khuvsgul // International symposium on mountain and arid land permafrost. Ulaanbaatar. 2001. С. 79–81. (Вечная мерзлота Дархатской котловины // Международный симпозиум по горе и аридных земель мерзлоты) [на англ. яз.].
7. *Бат-Эрдэнэ Д.* Тепловой поток горных пород на территории Монголии и его влияние на многолетнемерзлую толщу : дис. … канд. геогр. наук. Улаанбаатар, 1995. 95 с. [на рус. яз.].

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 11 июня 2014 г.

NEW DATA ON PERMAFROST AND CRYOGENIC LANDFORMS OF THE DARKHAD DEPRESSION

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 253-256. DOI: 10.17223/15617793/387/37

Nyamkhuu Myanganbuu. Institute of Geography, Mongolian Academy of Science (Ulaanbaatar, Mongolia), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nyamkhuu.m@mail.ru; nyamkhuu.m@gmail.com

Jambaljav Yamkhin. Institute of Geography, Mongolian Academy of Science (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: jambaljav@gmail.com

Keywords: temperature regime; thermokarst lakes; permafrost; dynamics; satellite images.

The Darkhad depression is one of the largest intermountain depressions, like Baikal, in northern Mongolia covering an area of about 3320 km^2. The Darkhad depression climate is extreme continental, with lasting cold dry winters and warm dry summers. The average annual temperature is negative, -6 ^{0}C, the mean annual air temperature in January is negative, -32,0 ^{0}C, the lowest temperature is observed in January and reaches -50.4 ^{0}C. Cooling in the Darkhad depression starts from the 10th of August and lasts until mid-June, so duration of the cold and cool period of the year is 290-310 days. Annual precipitation on average is 260-270 mm. Harsh climatic conditions contribute to the preservation of permafrost. The Darkhad depression is located in the developmental zone of continuous permafrost rocks. The average thickness of permafrost in sediments in the Darkhad depression is between 83.7-97.8 m and the maximum reaches 183.7 m. But soil temperature regime and cryogenic processes have been poorly studied so far. The aim of the work is the characteristics of temperature regime of the permafrost top part and cryogenic landforms. Extensive data on morphology, morphometry and geologic structure of frost swelling mound was collected by the author when participating in the group of the Institute of Geography named after Sh. Tsegmid of Mongolian Academy of Sciences. Cryolithozone temperature conditions were studied. In the laboratory period the collected field data processing and interpretation of space photographs were carried out as well as data from previous studies were involved. The conducted geometrical studies revealed significant fluctuations in temperature of rocks on the surface and in the depth of 1 to 15 m. Especially, large variations in temperature of rocks are typical for the surface, where the maximum temperature of the rocks vary from +35.74 ^{0}C to +40.89 ^{0}C. The average annual temperature of the surface layer of rocks ranges from -1.79 ^{0}C to 4.04 ^{0}C, the lowest of which is typical for the northern parts of the territory. In order to study the dynamics of thermokarst lakes in 1991-2010 within the Darkhad depression the author made a comparative analysis of space photographs and statistical data processing to modify areas of thermokarst lakes derived from the satellite measurements. As a result, during the study period the surface area of small (5-10 ha) thermokarst lakes varied and amounted to 663.1 ha, increased by 100.4 ha, lakes area (10-50 ha) also experienced fluctuations, but as a whole, in 2010 decreased by 229 ha and the total surface of lakes with the area over 100 ha, increased by 360.8 ha. The smallest increment of lake surface is observed for the lake with the area of 50-100 ha – 10.4 ha. Thus, a decrease in the temperature of the surface layer of the lithosphere and development of thermokarst lakes in natural landscapes currently characterizes the Darkhad depression. Economic development will contribute to the development of thermokarst, particularly in the areas of continuous development of permafrost rocks.

REFERENCES

1. Nyamkhuu M. Relief of the Darkhat depression. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal,* 2012, no. 356, pp. 179-182. (In Russian).
2. Sharkhuu Ts., Bayarzhargal E. *Climate of the Darkhat depression and its change*. In: *Cool regional climate change: water and permafrost*. Ulaanbaatar, 2011, pp. 191-194. (In Mongolian).
3. Mel'nikov P.I. (ed.) *Geokriologicheskie usloviya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [The permafrost conditions of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 200 p.
4. Sharkhuu N. *Permafrost mapping in Mongolia*. In: *International symposium on mountain and arid land permafrost*. Ulaanbaatar, 2001, pp. 63-67.
5. Tomorbaatar D. Some results of permafrost investigations of the Darkhat depression and Hatgal. *Geography of Mongolia*, 1979, no. 19, pp. 97-101. (In Mongolian).
6. Tumurbaatar D. *Permafrost in the Darkhad depression of Khuvsgul*. In: *International symposium on mountain and arid land permafrost*. Ulaanbaatar, 2001, pp. 79-81.
7. Bat-Erdene D. *Teplovoy potok gornykh porod na territorii Mongolii i ego vliyanie na mnogoletnemerzluyu tolshchu*: dis. kand. geogr. nauk [The heat flow of rocks on the territory of Mongolia and its impact on permafrost. Geography Cand. Diss.]. Ulaanbaatar, 1995. 95 p.

Received: 11 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 257–265 DOI: 10.17223/15617793/387/38

БИОЛОГИЯ

УДК 631.618

В.Г. Двуреченский, В.П. Середина

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЧВЕННОГО ПОКРОВА ТЕХНОГЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ КРАСНОГОРСКОГО КАМЕННОУГОЛЬНОГО РАЗРЕЗА

Рассматриваются экологические условия формирования и свойства почв техногенных ландшафтов Красногорского каменноугольного разреза, представляющих собой внешние транспортные отвалы. На основе полевых и экспериментальных исследований выявлены специфические особенности функционирования техногенных почв в пределах данного каменноугольного разреза и показана направленность процессов формирования определенных типов эмбриоземов. Установлено, что на территориях месторождений образуются техногенные ландшафты, на поверхности которых со временем формируется почвенный покров, отличающийся от почвенного покрова естественных экосистем. Проведена почвенно-экологическая оценка современного состояния территорий, находящихся в зоне воздействия техногенного объекта.

Ключевые слова: Кемеровская область; техногенные ландшафты; почвенный покров; эмбриоземы; сукцессии; почвенно-экологическое состояние.

Потребность промышленности в сырье и энергии привела к экологическому кризису тех регионов, в которых по сей день ведутся интенсивная добыча и переработка полезных ископаемых. Авторы считают, что вмешательство человека в природные процессы, такие как полное уничтожение почв и лесов, изменение рельефа, вынос глубинных пород на поверхность и т.п., наблюдаемых в лесостепной зоне и горно-таежном поясе Кузбасса, уже привели к экологической катастрофе, т.е. к необратимым последствиям. Добыча и переработка полезных ископаемых с каждым годом увеличивается, тем самым захватывая естественные территории. Восстановление нарушенных ландшафтов путем самовосстановления и рекультивации – процесс достаточно долгий и не приводящий ландшафт в первоначальное состояние. Мероприятия по реабилитации техногенных земель не успевают охватить все площади. В связи с этим проблема изучения почв техногенных ландшафтов, отличающихся от природных структурой, спецификой круговорота химических элементов и биологической продуктивностью, актуальна и имеет большое народно-хозяйственное значение.

Почвы Кемеровской области достаточно хорошо исследованы, тогда как почвы техногенных ландшафтов лесостепной зоны, тем более горно-таежного пояса Кузбасса, изучены не в полной мере. Начало исследованию почв техногенных ландшафтов Кузбасса положили сотрудники Уральского государственного университета, Уральского ботанического сада и Института горного дела УРО РАН в 1950-х гг. Благодаря их работам были установлены закономерности естественного зарастания нарушенных земель, получены агрохимические характеристики субстратов отвалов, золо- и шламохранилищ [1, 2]. В 1969 г. в институте почвоведения и агрохимии СО РАН была организована лаборатория рекультивации почв. Сотрудниками лаборатории были проведены многолетние, значительные по охвату территории, а также объему, исследования [3, 4]. Благодаря этим исследованиям получены оригинальные материалы, характеризующие специфику почвообразования на нарушенных территориях. По сей день одной из важнейших задач этого коллектива является составление обзорной картины распространения техногенных ландшафтов в Сибири и других регионах [5, 6].

Целью настоящей работы явилось определение особенностей формирования почвенного покрова отвалов Красногорского каменноугольного разреза, расположенного в черте г. Междуреченска Кемеровской области, и оценка почвенно-экологического состояния техногенных ландшафтов, представляющих собой внешние транспортные отвалы. Субстрат отвалов состоит из хаотичной смеси вскрышных (покровные глины, тяжелые суглинки) и вмещающих (песчаники, аргиллиты, алевролиты) пород. Возраст отвалов около 60 лет. Материал для исследования подобран с выположенных и спланированных участков, оставленных под самозарастание, т.е. с тех участков, на которых был проведен горнотехнический этап рекультивации.

Для изучения почвенно-экологического состояния техногенных ландшафтов применялись следующие подходы: сравнительно-генетические, сравнительно-аналитические и сравнительно-географические, которые позволили сопоставить почвенный и растительный покров исследуемых объектов, дать морфологическую характеристику профилей эмбриоземов и выявить их особенности. В ходе исследований проведена количественная оценка запасов фитомассы в пределах одного контура элементарного ландшафта. Биомасса определялась путем трехкратного укоса на трех аналитических площадках, площадью в один квадратный метр, расположенных по диагонали в пределах одного контура элементарного ландшафта. Исследовались сырая биомасса (масса свежесобранных вегетативных и генеративных органов растений) и сухая биомасса, определяемая при их высушивании (после взвешивания в сыром виде) до состояния сена.

Как известно, на каждом геоморфологическом участке техногенного ландшафта формируется специфический почвенный покров с закономерным размещением почв в пространстве. Для выявления особенностей почвенного покрова техногенных ланд-

шафтов используется картографический принцип исследования. Для этого в каждом варианте геоморфологического участка техногенного ландшафта закладывалась опытная площадка (S = 10 м^2), на которой проводилось детальное картографирование почвенного покрова со всей его парцеллярной структурой. По полученной почвенной карте вычислялись площади того или иного типа почв и их доля от всей площади геоморфологического участка.

В естественных условиях горно-таежного пояса Кузбасса формируются бурые горно-таежные почвы, которые развиваются на элюво-делювии плотных горных пород. Типодиагностическим горизонтом данных почв является выраженный гумусово-аккумулятивный горизонт мощностью 15 см с содержанием гумуса 6,1% при отсутствии четко выраженного элювиального горизонта. Бурые горно-таежные почвы обладают незначительной мощностью почвенного профиля (70–80 см), слабой дифференциацией на генетические горизонты, бурой окраской всего профиля, отсутствием иллювиально-карбонатного горизонта. На поверхности почвы отмечается опад, который при интенсивных биологических процессах минерализуется с накоплением подстилки в виде органоперегнойных остатков мощностью до 6 см. Бурые горно-таежные почвы обладают высокой биологической продуктивностью, несмотря на кислую или слабокислую реакцию среды. Поскольку эти почвы формируются на плотных породах, то в их профиле присутствуют щебнистые частицы, содержание которых увеличивается с глубиной. Формирование бурых горно-таежных почв происходит по типу буроземообразования, основными слагающими процессами которого являются гумусово-аккумулятивный, оглинивание и лессиваж. Эмбриоземы горно-таежного пояса являются антропогенными образованиями, генетические признаки которых должны контролироваться особенностями зональных факторов почвообразования и сравниваться с таковыми фоновых почв. Бурые горно-таежные почвы, выступающие в качестве фоновых, в районе исследований являются широко распространенными и формируются в автоморфных позициях, как и исследуемые эмбриоземы.

Разрез 1 (бурая горно-таежная среднесуглинистая почва) заложен в пределах Красногорского угольного разреза на выположенном участке северо-западного склона под естественной растительностью: древесный ярус – пихта, береза, осина; кустарниковый ярус – черемуха, рябина, малина; травянистый ярус – борщевик, бодяк, борец, володушка, дудник, скерда, вейник, овсяница.

Формула почвенного профиля: АО + АУ + ВМ + ВМС + С.

Классификационная принадлежность в соответствии с современной классификацией и диагностикой почв России [6]: ствол – постлитогенные почвы; отдел – структурно-метаморфические почвы; тип – буроземы; подтип – типичные; род – ненасыщенные; вид – мелкие.

АО 0–5 см. Подстилка, состоящая из свежего, полуразложившегося опада древесной и травянистой растительности этого года и разложившегося опада прошлого года.

АУ 5–16 см. Серовато-бурый, с множеством мелких и крупных корней, мелкокомковатый, среднесуглинистый, свежий, рыхлый. Переход по плотности и окраске резкий.

ВМ 16–40 см. Бурый со светло-бурыми глинистыми кутанами и охристыми пятнами окиси железа, с множеством корней, присутствуют включения в виде мелкого и среднего щебня, комковато-ореховатый, среднесуглинистый, плотнее предыдущего. Переход по плотности и окраске резкий.

ВМС 40–65 см. Бурый, с единичными корнями древесной растительности, присутствуют включения в виде среднего щебня, мелкоореховатый, тяжелосуглинистый, плотнее предыдущего. Переход по плотности и окраске резкий.

С 65 см и ниже. Сплошной слой из среднего и крупного щебня.

Почвенный покров техногенных ландшафтов Красногорского каменноугольного разреза представлен различными типами эмбриоземов. В посттехногенный период развития ландшафта, при проведении рекультивационных работ или в результате естественного восстановления нарушенных земель, формируется специфический почвенный покров. Для реализации цели исследования в работе использовалась классификация почв техногенных ландшафтов, разработанная в лаборатории рекультивации почв Института почвоведения и агрохимии СО РАН (г. Новосибирск) [7]. В соответствии с данной классификацией в составе формирующегося почвенного покрова на территории Красногорского каменноугольного разреза выделены преобладающие четыре основных типа эмбриоземов: инициальные, органо-аккумулятивные, дерновые, гумусово-аккумулятивные. В соответствии с классификацией почв России [8] эмбриоземы относятся к стволу техногенных поверхностных образований. Эмбриоземы инициальные принадлежат к подгруппе литостратов, группе натурфабрикатов. Эмбриоземы органо-аккумулятивные можно отнести к типу псаммоземов, принадлежащих отделу литоземов. Дерновые и гумусово-аккумулятивные типы эмбриоземов близки к псаммоземам и пелоземам гумусовым из отдела литоземов. Эмбриоземы инициальные – эволюционно молодой тип почвоподобных тел, морфологическим признаком которых является отсутствие биогенного горизонта. Примитивность (или отсутствие) профиля данного типа обусловлена недостаточной интенсивностью преобразования субстрата, составляющего отвал, вследствие отсутствия или слабого развития на его поверхности биоценозов.

Разрез 2. Заложен на выположенной вершине самозарастающего автомобильного отвала в пределах Красногорского угольного разреза. Растительность: кустарниковый ярус – ива; травянистый ярус – фрагментарно мать-и-мачеха, мхи, лишайники.

Формула почвенного профиля: С.

Классификационная принадлежность в соответствии с классификацией почв техногенных ландшафтов [7]: ствол – постлитогенные почвы; класс – биогенно-неразвитые; тип – эмбриозем инициальный; подтип – типичный; род – обычный; вид – не выделяется.

С 0–40 см. Мелкозем темно-серый, бесструктурный, легкосуглинистый, рыхлый, сухой. Крупнозем представлен алевролитами, песчаниками, аргиллитами, присутствует большое количество углистых частиц. Каменистость 96%. Ниже сплошной слой крупных камней.

Эмбриоземы органо-аккумулятивные – следующая стадия развития молодых почв техногенных ландшафтов. В данном типе эмбриоземов профиль еще не дифференцирован, но на поверхности формирующейся почвы уже присутствует типодиагностический горизонт, представляющий собой слой неразложившейся подстилки. Гумификация аккумулированных растительных остатков ограничивается незначительным количеством организмов деструкторов.

Разрез 3. Заложен на выположенной вершине самозарастающего автомобильного отвала в пределах Красногорского угольного разреза. Растительность: древесный ярус – сосна, береза, осина; кустарниковый ярус – черемуха, ива; травянистый ярус – земляника лесная, осока, мох, лишайник.

Формула почвенного профиля: $A_0 + C_1 + C_2$.

Классификационная принадлежность: ствол – постлитогенные почвы; класс – биогенно-неразвитые; тип – эмбриозем органо-аккумулятивный; подтип – типичный; род – обычный; вид – фрагментарный.

A_0 0–1 см. Полуразложившийся этого и разложившийся прошлого года опад древесной и травянистой растительности, свежий. Четкий переход по смене состава субстрата.

C_1 1–13 см. Мелкозем буровато-серый, с множеством мелких и крупных корней, присутствует большое количество углистых частиц, неяснокомковатый, легкосуглинистый, свежий. Крупнозем составляет 86%. Переход по плотности и окраске постепенный.

C_2 13–40 см. Мелкозем серый, с множеством мелких корней, присутствует большое количество углистых частиц, бесструктурный, среднесуглинистый, очень плотный, свежий. Крупнозем составляет 89%.

В эмбриоземах дерновых наблюдается профильная дифференциация минерального субстрата, которая диагностируется по биогенному горизонту $A_д$, представляющего собой дернину. При его возникновении начинается активное преобразование физических и химических свойств субстрата.

Разрез 4. Заложен на выположенной вершине самозарастающего автомобильного отвала в пределах Красногорского угольного разреза. Растительность: травянистый ярус – земляника лесная, осока, пижма, клевер, ежа сборная, нивяник, полынь, лютик, зверобой, кипрей, мышиный горошек, тимофеевка, полевица.

Формула почвенного профиля: $A_0 + A_д + C_1 + C_2$.

Классификационная принадлежность: ствол – постлитогенные почвы; класс – биогенно-неразвитые; тип – эмбриозем дерновый; подтип – типичный; род – обычный; вид – фронтальный.

A_0 0–1 см. Фрагментарный слой подстилки, состоящий из полуразложившихся остатков травянистой растительности, свежий. Переход заметный по характеру органического вещества.

$A_д$ 1–3 см. Слой дернины. Мелкозем темно-серый, с множеством мелких и крупных корней, присутствует большое количество углистых частиц, мелкокомковатый, среднесуглинистый, свежий. Крупнозем составляет 93%. Переход по плотности и окраске резкий, количество корней книзу заметно уменьшается.

C_1 3–15 см. Мелкозем темно-серый, с множеством корней, присутствует большое количество углистых частиц, неяснокомковатый, среднесуглинистый, рыхлый, свежий. Крупнозем составляет 95%. Переход по плотности и окраске постепенный.

C_2 15–20 см. Сплошной слой крупных камней, $d \geq 40$ см.

Эмбриоземы гумусово-аккумулятивные – эволюционно наиболее развитые почвенные образования техногенных ландшафтов. Они обладают развитым профилем, в котором морфологически выделяются как дернина (горизонт $A_д$), так и гумусово-аккумулятивный горизонт (A_1), что свидетельствует о глубокой степени трансформации почвообразующего субстрата под воздействием процессов разложения и синтеза органического вещества. Появление гумусово-аккумулятивных эмбриоземов в техногенных ландшафтах горно-таежного пояса Кузбасса определяет начало квазистационарной (или метастабильной) фазы почвообразования.

Разрез 5. Заложен на выположенной вершине самозарастающего автомобильного отвала в пределах Красногорского угольного разреза. Растительность: кустарниковый ярус – малина; травянистый ярус – мятлик, нивяник, ежа сборная, клевер, тысячелистник, полынь, земляника лесная, лютик, зверобой, осока, кипрей.

Формула почвенного профиля: $A_0 + A_д + A_1 + C$.

Классификационная принадлежность: ствол – постлитогенные почвы; класс – биогенно-неразвитые; тип – эмбриозем гумусово-аккумулятивный; подтип – типичный; род – обычный; вид – фронтальный.

A_0 0–1 см. Полуразложившийся опад, свежий. Переход заметный по характеру органического вещества.

A_d 1–4 см. Слой дернины. Темно-серый, с множеством корней травянистой растительности, мелкокомковатый, среднесуглинистый, плотнее предыдущего, свежий. Переход по плотности и окраске резкий.

A_1 4–7 см. Неоднородный, мелкозем темно-серый, среднесуглинистый, рыхлый, свежий, не ясно выраженная комковато-зернисто-пылеватая структура, с множеством мелких корней, присутствует большое количество углистых частиц. Переход постепенный по плотности и окраске. Количество мелких и средних камней к низу увеличивается.

С 7 – 60 см. Мелкозем темно-серый, среднесуглинистый, свежий, бесструктурный, с большим количеством углистых частиц. Крупнозем составляет 91%.

Из приведенных морфологических описаний следует, что одним из специфических признаков эмбриоземов является хаотичная смесь обломочного материала, представленного песчаником, аргиллитами, алевролитами, мелкоземом и включениями углистых частиц. В профиле эмбриоземов определяется большое количество крупнозема (табл. 1). Существенное влияние на развитие почв оказывает фракционный состав пород. Наличие большого количества крупнообломочного материала приводит к ухудшению физи-

ческих свойств, резкому снижению влагоемкости, к увеличению водопроницаемости и уменьшению обеспеченности почвы питательными веществами. Наибольшей степенью каменистости характеризуются инициальные эмбриоземы. Количество мелкозема в этих эмбриоземах обычно не превышает 4–6% от массы породы. В гумусово-аккумулятивных эмбриоземах количество мелкозема увеличивается до 17%.

Таблица 1

Содержание крупнозема и мелкозема в эмбриоземах техногенных ландшафтов Красногорского угольного разреза

Горизонт	Глубина, см	Крупнозем, %	Мелкозем, %
Эмбриоземы инициальные, разрез 2			
C	0–40	96	4
Эмбриоземы органо-аккумулятивные, разрез 3			
C_1	1–13	86	14
C_2	13–40	89	11
Эмбриоземы дерновые, разрез 4			
A_d	1–3	93	7
C_1	3–15	95	5
C_2	15–20	96	4
Эмбриоземы гумусово-аккумулятивные, разрез 5			
A_d	1–4	83	17
A_1	4–7	85	15
C	7–60	91	9

Таким образом, в морфологическом отношении все исследованные эмбриоземы имеют некоторые черты сходства и различий. Сходство состоит в малой мощности почвенного профиля и слабой степени морфологической дифференциации минеральной части почвенного профиля на генетические горизонты. Различия главным образом заключаются в особенностях морфологии и генезисе биогенных горизонтов, в частности органогенных. В эмбриоземах инициальных органогенные горизонты отсутствуют; в органо-аккумулятивных – обязательно присутствует горизонт подстилки древесного и / или травянистого происхождения; в дерновых – подстилка может отсутствовать, но обязательно присутствует дернина; в гумусово-аккумулятивных – кроме дернового горизонта всегда присутствует горизонт гумусово-аккумулятивный.

Таким образом, профили эмбриоземов достаточно определенно различаются по набору и выраженности органогенных горизонтов, что отражает, во-первых, ведущую роль биологических процессов в формировании профиля почв, во-вторых – генетическую подчиненность всех других профилеобразующих процессов биологическим. Биологические процессы в эмбриоземах по сравнению с таковыми фоновых почв (бурых таежных) весьма специфичны. Если в автоморфных климаксных почвах процессы синтеза и аккумуляции, минерализации и гумификации органического вещества сбалансированы, то в молодых «почвоподобных» образованиях, каковыми являются эмбриоземы, процессы синтеза и аккумуляции органического вещества явно преобладают над минерализацией и гумификацией. По этой причине подстилка в эмбриоземах сохраняется значительно дольше, чем в фоновых почвах, а мелкозем в дерновом горизонте слабо прокрашен гумусом.

При сравнении морфологических признаков эмбриоземов и фоновых бурых таежных почв необходимо отметить следующие особенности: 1) невысокая мощность профилей эмбриоземов, составляющая 20 – 60 см, в то время как мощность почвенного профиля бурых таежных почв достигает более 60 см; 2) почвенный профиль бурых таежных почв, как и профиль эволюционно развитых эмбриоземов гумусово-аккумулятивных, слаборазвитый; 3) бурые таежные почвы, как и эмбриоземы, слабо дифференцированы по цвету и имеют преимущественно бурый оттенок профиля, за исключением верхних гумусовых горизонтов; 4) бурые таежные почвы имеют более мощный горизонт A_0 (до 5 см), тогда как в эмбриоземах, за исключением инициального, мощность подстилки не превышает 1 см; 5) если «захват» почвенного профиля бурых таежных почв корнями растений достигает 60 см, то в гумусово-аккумулятивных он составляет около 7–10 см из-за сильной каменистости пород, образующих субстрат отвала; 6) во всех типах эмбриоземов присутствуют углистые частицы, в то время как в бурых таежных почвах углистых частиц нет.

Почвообразование в техногенных экосистемах происходит со сменой стадий сингенетической сукцессии биоценоза, в результате чего развитие эмбриоземов в горно-таежном поясе Кузбасса при благоприятных условиях протекает поэтапно: инициальные → органо-аккумулятивные → дерновые → гумусово-аккумулятивные [9]. Изучение группового и фракционного состава железа показало генетическое сходство между бурыми таежными почвами и эмбриоземами органо-аккумулятивными [10]. Так как тип эмбриоземов определяется по типодиагностическому горизонту, а подтип – по происходящим в эмбриоземах почвообразовательным процессам (в нашем случае буроземообразование), то было предложено подтиповое название эмбриоземов – эмбриоземы органо-аккумулятивные буроземоподобные [Там же. С. 95].

Количественная оценка запасов фитомассы в эмбриоземах определялась исходя из того, что техногенные экосистемы коренным образом отличаются от природных прежде всего морфологическими параметрами, структурой и составом субстрата, альго-, микробо-, зоо- и фитоценозами, биологической продуктивностью, характером круговорота веществ и энергии, отсутствием развитого почвенного покрова, а также хозяйственной ценностью. При возникновении техногенных экосистем на поверхность выносятся коренные породы, которые обладают неблагопри-

ятными для жизни растений и животных свойствами. Первичное заселение растений, главным образом, зависит от гранулометрического состава и физических свойств поверхностного слоя пород, экспозиций откосов отвалов, т.е. основных эдафических условий, от которых зависят закрепление и прорастание случайно попавших семян. Поселение растений начинается в год прекращения отсыпки отвалов, а в некоторых случаях единичные растения появляются только на второй-третий и даже пятый год [11]. Число видов резко увеличивается в течение 10 лет, после чего их появление замедляется, но возрастают общее проективное покрытие и мозаичность травяного покрова и, как следствие, происходит массовое выпадение пионерных растений. Пионерными растениями являются представители семейств сложноцветных, маревых, крестоцветных и других, относящихся обычно к однолетним сегетальным и рудеральным растениям (полыни, кипрей, крапива, различные виды лебеды, горец, солянки и др.). Эти растения обладают огромной семенной продуктивностью, быстрым ростом, большой экологической пластичностью, способностью произрастать на бедных элементами минерального питания субстратах при отсутствии конкуренции.

На стадии простой растительной группировки образуются сообщества с преобладанием корнеотпрысковых, корневищных и глубокостержнекорневых растений [12]. В сложных растительных группировках уменьшается доля длиннокорневищных растений и возрастает роль рыхлокустовых злаков. Это обычно связывают с уплотнением субстрата, а также с обеднением корнеобитаемого слоя доступным азотом. Корнеобитаемый слой уплотняется в результате образования к этому времени иллювиального горизонта. Для достижения стадии замкнутого сообщества требуется много времени. К этому моменту процесс почвообразования интенсифицируется. Корни древесных растений проникают глубоко в толщу элювия вскрышных пород и выносят на поверхность из их глубин все новые вещества, которые затем идут в опад, а некоторая часть остается в многолетних органах растений.

Таким образом, каждому типу эмбриоземов соответствуют определенные растительные сообщества, которые проходят определенную стадию первичной сукцессии. На эмбриоземах выделены растительные группировки следующих стадий сукцессии: пионерная группировка на эмбриоземах инициальных; простая растительная группировка на эмбриоземах органо-аккумулятивных; сложная растительная группировка на эмбриоземах дерновых; сложившееся замкнутое сообщество на эмбриоземах гумусово-аккумулятивных.

Параллельная смена ценозов от пионерных группировок до сложных замкнутых фитоценозов сопровождается увеличением поступающего опада и наращиванием продуктивности растительных ассоциаций. При исследовании динамики накопления биомассы (табл. 2), было выявлено, что по мере формирования органогенных горизонтов в направлении от эмбриоземов инициальных к эмбриоземам гумусово-аккумулятивным происходит увеличение как сырой, так и сухой биомассы.

Эмбриоземы инициальные диагностируются отсутствием каких-либо органогенных горизонтов. Растительный покров на них практически не формируется. В эмбриоземах органо-аккумулятивных за счет увеличения общего проективного покрытия и развития травянистых растений происходит накопление на поверхности подстилки, которая является генетическим органогенным горизонтом (A_0). Сырая биомасса в данном типе эмбриоземов составляет 59 г/м^2. Последующее заселение и развитие луговых и таежных растительных ассоциаций, обеспечивающих сомкнутость покрова, способствует формированию в почвенном профиле дернины (горизонт A_d). Сырая биомасса эмбриоземов дерновых более чем в 10 раз превышает биомассу эмбриоземов органо-аккумулятивных. В эмбриоземах дерновых почвообразовательные процессы замедляются [10], значительно увеличивается число видов растений и, следовательно, увеличиваются запасы растительного вещества. Появление в профиле эмбриоземов, помимо дернины (горизонт A_d), гумусово-аккумулятивного горизонта (A_1), представляющего собой полуразложившийся органический материал, диагностирует эмбриоземы гумусово-аккумулятивные, в которых растительные сообщества образуют сложный сомкнутый надземный и подземный покров. Содержание сырой биомассы составляет 1211 г/м^2.

Таблица 2

Результаты расчета биомассы почв техногенных ландшафтов Красногорского угольного разреза

Название почвы	Сырая биомасса, г/м^2	Сухая биомасса, г/м^2
Бурозем мелкий типичный	1 405	652
Эмбриоземы инициальные	Отсутствует	Отсутствует
Эмбриоземы органо-аккумулятивные	59	31
Эмбриоземы дерновые	664	231
Эмбриоземы гумусово-аккумулятивные	1 211	448

Таким образом, в наиболее генетически развитых эмбриоземах дерновых и гумусово-аккумулятивных количество сырой и сухой биомассы выше, по сравнению с менее эволюционно развитыми эмбриоземами органо-аккумулятивными. В эмбриоземах инициальных ее вообще нет. Следует отметить, что запасов сырой и сухой биомассы в генетически развитых эмбриоземах меньше по сравнению с фоновыми бурыми таежными почвами. Данная закономерность подтверждается исследованиями [13], указывающими на то, что по мере увеличения возраста эмбриоземов отчетливо прослеживаются усиление их биологической активности, изменение характера трансформации органических веществ и выраженности гумусово-аккумулятивных процессов. В целом распределение биомассы в эмбриоземах связано с естественным процессом восстановления продуктивности и нормальным функционированием вновь формирующихся, путем естественного зарастания, экосистем.

Развитие растительности происходит чрезвычайно медленно, особенно на фитотоксичных породах.

Почвообразовательные процессы, протекающие на отвалах вскрышных пород, характеризуются значительной пространственной изменчивостью по различным показателям химического состояния почв, что объясняется пестротой состава вскрышных пород, сложностью макро- и микрорельефа и характером восстановления растительного покрова. Понятие «почвенно-экологическое состояние техногенных ландшафтов» в настоящее время не является общепринятым. Официальным можно считать термин «экологическое состояние территории» [14]. При осуществлении работ по оценке экологического состояния территории объектом исследований может оказаться экологическое состояние любого параметра природной среды, в том числе почвенного покрова. В этом смысле представление о почвенно-экологическом состоянии техногенного ландшафта можно считать частным случаем. Главной проблемой при оценке экологического состояния территории является определение ее категории (относительное, удовлетворительное, напряженное, критическое, кризисное или катастрофическое).

Почвенно-экологические исследования строятся на диагностике состояния изучаемого техногенного ландшафта в плане оценки перспектив самовосстановления в этом ландшафте почвенного покрова как главного биокосного компонента любой наземной экосистемы. Так как поверхность техногенного ландшафта в любой момент времени представлена почвенным покровом с определенным типовым набором почв, а каждый тип почв характеризует свой, определенный законами сингенеза уровень жизнеобеспеченности биоценозов, то почвенно-экологическое состояние техногенного ландшафта может быть количественно оценено соотношением площадей, занятых различными типами почв. Почвенный покров техногенных ландшафтов горно-таежного пояса Кузбасса мозаичен, главной причиной которой является воздействие лимитирующих факторов, таких как особенности рельефного и литогенного строения ландшафта, экспозиции склонов и т.п.

По причине мозаичности почвенного покрова отвалов Красногорского каменноугольного разреза его картографирование осуществлялось в крупном масштабе. Такое требование предполагало необходимость применения специального подхода к выбору показательных участков картографирования. Вся территория техногенного ландшафта разделялась на множество геоморфологически однородных участков, характеризующихся сходным рельефом (горизонтальные поверхности, склоны определенной экспозиции и крутизны) и примерным одинаковым возрастом их элементов (деревья). Затем на каждом участке закладывалась серия площадок размером 10×10 м, на которых проводилось детальное картографирование почвенного покрова со всей его парцеллярной структурой. Полученная таким образом почвенная карта позволила вычислить площади определенных типов почв. Для исследования была использована рекомендация П. Грейга-Смита [15] и применена технология картографирования по транссектам, сущность которой заключалась в следующем: на выбранном геоморфологическом участке техногенного ландшафта закладывалась транссекта длиной 10 м и по мерной ленте проводилась фиксация длин сечения того или иного пересекаемого транссектой техногенного местообитания с соответствующим почвенным контуром. Отношение суммы длин сечения всех контуров определенного типа эмбриоземов достаточно хорошо отражает отношение их площадей. Такой метод обозначения состава почвенного покрова на любом геоморфологическом участке позволил относительно просто решить поставленную задачу – определить почвенно-экологическое состояние ландшафта.

Почвенный покров техногенных ландшафтов, особенно в течение первых 20 лет саморазвития, динамичен. Структура почвенного покрова, оцениваемая по соотношению площадей, занимаемых тем или иным типом эмбриоземов, постоянно менялась и изменяется до сих пор, что обусловлено высокими скоростями эволюции одних типов эмбриоземов по сравнению с другими. В тех местообитаниях, где складываются наиболее благоприятные для почвообразования условия, скорость формирования эмбриоземов и переход их из одной стадии в другую выше, чем там, где условия почвообразования по причине воздействия лимитирующих факторов наименее благоприятны. По этой причине по условиям почвообразования все местообитания исследуемого техногенного ландшафта разделились на три группы: 1) с условиями, не способствующими почвообразованию; 2) с условиями, способствующими медленной эволюции почв; 3) с условиями, способствующими быстрому формированию почв. При благоприятных условиях эмбриоземы инициальные постепенно эволюционируют в гумусово-аккумулятивные за неполные 20 лет. Если в течение 20 лет определяются участки, на которых не произошел переход от эмбриоземов инициальных к эмбриоземам органо-аккумулятивным, то такие местообитания навсегда останутся техногенными пустынями.

Условия почвообразования, складывающиеся на геоморфологически однородных участках техногенных ландшафтов, можно разделить на пять категорий: 1) неудовлетворительные, при которых почвообразовательные процессы не диагностируются, а развитие почвы в течение прагматически приемлемого срока (или срока смены поколений – 20 лет) остается на инициальной стадии; 2) удовлетворительные, при которых почвообразовательные процессы протекают медленно и не приводят за 20 лет к образованию эмбриоземов гумусово-аккумулятивных; 3) хорошие – когда эмбриоземы гумусово-аккумулятивные формируются за 20 лет и дольше; 4) очень хорошие, при которых эмбриоземы гумусово-аккумулятивные формируются в течение 10–20 лет с момента образования техногенного ландшафта; 5) отличные – когда эмбриоземы гумусово-аккумулятивные формируются менее чем за 10 лет [16. С. 19]. Данные временные категории являются условными, тем не менее они помогают решить некоторые задачи. Во-первых, можно воспользоваться единой шкалой, которая позволяет количественно измерять почвенно-экологическое состояние техногенного ландшафта в

категории и качественной оценки условий почвообразования. Во-вторых, появился инструмент для объективного анализа связи условий почвообразования со скоростью формирования разных типов эмбриоземов.

На фрагменте почвенной карты внешнего автомобильного отвала Красногорского каменноугольного разреза, представленного на рис. 1, номер площадки соответствует месту закладки разрезов основных типов эмбриоземов: *1* – гумусово-аккумулятивный, *2* – инициальный, *3* – дерновый, *4* – органо-аккумулятивный. Фрагмент карты показывает, что на участке № 1 эмбриоземы гумусово-аккумулятивные занимают 34% от всей площади, эмбриоземы дерновые и инициальные – 16,5%, органо-аккумулятивные – 33%. Условия формирования эмбриоземов на данном участке оцениваются как хорошие, в связи с тем что за 20 лет образовались эмбриоземы гумусово-аккумулятивные. Следовательно, почвенно-экологическое состояние участка № 1 хорошее. На площадке № 2 эмбриоземы инициальные занимают 72% от всей площади. Так как на данном участке условия почвообразования не позволяют быстрому эволюционному развитию эмбриоземов, то состояние данного участка оценивается как неудовлетворительное. На участках № 3 и 4 почвообразование происходит медленно и оценивается как удовлетворительное, о чем свидетельствует отсутствие в течение 20 лет в составе почвенного покрова эмбриоземов гумусово-аккумулятивных. Осуществленная на данных принципах оценка техногенных ландшафтов свидетельствует о том, что в среднем почвенно-экологическое состояние техногенной экосистемы – Красногорского каменноугольного разреза – характеризуется как удовлетворительное (табл. 3).

Полученные данные свидетельствуют о том, что процессы почвообразования в техногенных ландшафтах замедлены по причине лимитирующих факторов (каменистость, дефицит влаги, крутизна склонов), поэтому их развитие происходит достаточно медленно, в течение длительного промежутка времени, в связи с чем исследованные эмбриоземы остаются либо на инициальной, либо на органо-аккумулятивной стадиях.

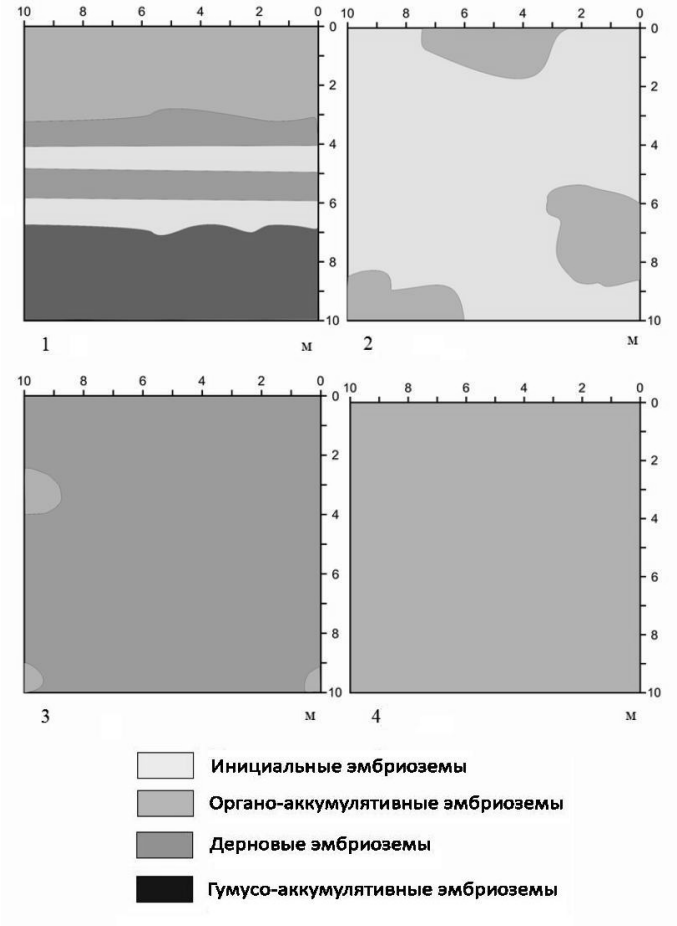


Рис. 1. Фрагмент почвенной карты породного отвала Красногорского каменноугольного разреза

Таблица 3

Оценка почвенно-экологического состояния Красногорского каменноугольного разреза

Состояние		% от общей площади
1	Неудовлетворительное	23,1
2	Удовлетворительное	42,3
3	Хорошее	26,9
4	Очень хорошее	7,7
5	Отличное	–

Следует отметить, что представленные материалы характеризуют усредненную картину почвенно-экологического состояния техногенных ландшафтов Красногорского каменноугольного разреза. Очевидно, что при значительном преобладании местообитаний, относящихся к 3, 4 и 5-й группам состояний, рекультивация изначально могла быть ограничена некоторыми горнотехническими и биологическими приемами (планировка поверхности, рыхление, посев трав, лесная рекультивация). Однако на исследуемой территории преобладают первые две группы, следовательно, для улучшения почвенно-экологического состояния, кроме проведения горнотехнического и биологического этапов рекультивации нужно было провести дополнительные мероприятия. То есть после формирования тела отвала, планировки его поверхности, необходимо было произвести отсыпку на спланированные участки потенциально плодородных пород мощностью не менее 30 см. В идеальном варианте – смесь потенциально плодородных пород с плодородным слоем почвы. Такие мероприятия проводятся в настоящее время на вновь создаваемых отвалах в горах Кузнецкого Алатау. То есть на поверхности отвалов создается субстрат для формирования корнеобитаемого слоя, тем самым закладывается своего рода потенциал для возможно быстрого восстановления нарушенной экосистемы.

Проведенные исследования нарушенных территорий в пределах горно-таежного пояса Кузбасса являются основой для оценки перспектив самовосстановления почв – главного компонента любой наземной экосистемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колесников Б.П.* О научных основах биологической рекультивации техногенных ландшафтов // Проблемы рекультивации в СССР. Новосибирск, 1974. С. 12–25.
2. *Овчинников В.А.* Комплексность исследований по рекультивации земель, нарушаемых карьерами // Растительность и промышленные загрязнения. Свердловск, 1970. Вып. 7. С. 90–96.
3. *Попов В.М., Рагим-заде Ф.К., Трофимов С.С.* Классификация вскрышных пород Кузбасса по пригодности для целей биологической рекультивации // Рекультивация в Сибири и на Урале. Новосибирск : Наука, 1970. С. 25–41.
4. *Трофимов С.С.* Экология почв и почвенные ресурсы Кузбасса. Новосибирск : Наука, 1975. 300 с.
5. *Лопатовская О.Г., Двуреченский В.Г., Лазарева С.Л., Киселева Н.Д.* // Известия Иркутского государственного университета. 2012. Т. 5, № 2. С. 81–87.
6. *Соколов Д.А., Кулижский С.П., Доможакова Е.А., Госсен И.Н.* Особенности формирования почв техногенных ландшафтов в различных природно-климатических зонах юга Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 225–229.
7. *Курачев В.М., Андроханов В.А.* Классификация почв техногенных ландшафтов // Сибирский экологический журнал. 2002. № 3. С. 255–261.
8. *Классификация* и диагностика почв России. Смоленск : Ойкумена, 2004. 342 с.
9. *Двуреченский В.Г.* Географо-генетическая характеристика форм железа в эмбриоземах Кузбасса : автореф. дис. … канд. биол. наук. Новосибирск, 2011. 19 с.
10. *Поморцева Н.С., Двуреченский В.Г.* Групповой состав железа в почвах техногенных ландшафтов Красногорского каменноугольного разреза // II Ковалевские молодежные чтения «Почва как базовый компонент наземных экосистем». Новосибирск : Окарина, 2013. С. 182–184.
11. *Шилова И.И., Логинова Н.Б.* Экологическая специфика отвалов предприятий цветной металлургии и оценка возможности создания на них культурфитоценозов // Растение и промышленная среда. Свердловск, 1974. С. 45–56.
12. *Щербатенко В.И., Кандрашин Е.Р.* Естественная растительность отвально-карьерных ландшафтов Сибири // Восстановление техногенных ландшафтов Сибири. Новосибирск : Наука, 1977. С. 65–80.
13. *Середина В.П., Алексеева Т.П., Сысоева Л.Н., Трунова Н.М., Бурмистрова Т.И.* Исследование процессов формирования органического вещества в нарушенных при угледобыче почвах // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2012. № 1 (17). С. 18–31.
14. *Критерии* оценки экологической обстановки для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия. М. : Мин-во охраны окр. среды и природн. ресурсов, 1992. 56 с.
15. *Грейг-Смит П.* Количественная экология растений. М. : Мир, 1967. 328 с.
16. *Андроханов В.А.* Почвенно-экологическое состояние техногенных ландшафтов: динамика и оценка : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Новосибирск, 2005. 34 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 26 мая 2014 г.

CHARACTERISTICS OF THE SOIL COVER OF TECHNOGENIC LANDSCAPES OF THE RED-MOUNTAIN COALMINE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 257-265. DOI: 10.17223/15617793/387/38

Dvurechensky Vadim G. Institute of Soil Science and Agrochemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dvu-vadim@mail.ru

Seredina Valentina P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Seredina_V@mail.ru

Keywords: Kemerovo Region; technogenic landscapes; soil cover, embryozems; succession; soil-ecological condition.

Increasing anthropogenic impact on natural landscapes causes significant violation of the integrity of the soil cover until its destruction over large areas, which leads to the ecological crisis and environmental disaster. It is known that the destruction of soil intensively occurs in areas of mining by open pit method. The territories of deposits become man-made landscapes, on the surface of which soil cover forms eventually, and this soil differs from natural landscapes. The paper describes the peculiarities of soil formed on the waste dumps of coal mines in the mountain taiga belt of the Kuznetsk Basin. For the study of man-made landscapes comparative-genetical, comparative-analytical and comparative-geographical approaches were used were used that allow to compare the soil and vegetation of the objects, give morphological characteristics of embryozem profiles. In accordance with the substantively genetic soil classification of man-made landscapes it was found that the basis of soil in Krasnogorsk coal mine are 4 types of embryozems – initial, organic-accumulative, sod and humus-accumulative. Morphologically embryozems differ in sets and expression of organic horizons. The similarity is that they all have low power and low degree of morphological differentiation into

genetic horizons. Embryozem profiles vary in the set and expression of organic horizons, which reflects, first, the leading role of biological processes in the formation of the soil profile, and, secondly, the genetic subordination of all other profile-forming processes to the biological ones. Biological processes in embryozems compared with those of background soil are highly specific. Development of vegetation in the evolution of certain types of embryozems are accompanied with the complication of the floristic composition of plant groups, increasing degree of projective cover and biomass. Thus, each type of embryozems has regular plant communities that pass a certain stage of primary succession: pioneer groups on initial embryozems; simple vegetation grouping on organic-accumulative embryozems; complex plant groups on turf embryozems; prevailing closed community on humus-accumulative embryozems. The total soil-ecological condition of Krasnogorsk coal mine is quantitatively characterized by the ratio of areas occupied by different types of embryozems. Diagnosis of the state of man-made landscapes executed by mapping soil showed that the soil-ecological condition of the object under study is assessed as satisfactory. Soil-forming processes in the man-made landscape slowed because of the limiting factors (stoniness, moisture deficit, steep slopes), so in the long term embryozems develop slowly and remain on the initial or organic-accumulation stages of development.

REFERENCES

1. Kolesnikov B.P. *O nauchnykh osnovakh biologicheskoy rekul'tivatsii tekhnogennykh landshaftov* [On the scientific basis for biological reclamation of man-made landscapes]. In: *Problemy rekul'tivatsii v SSSR* [Problems of reclamation in the USSR]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974, pp. 12-25.
2. Ovchinnikov V.A. *Kompleksnost' issledovaniy po rekul'tivatsii zemel', narushaemykh kar'erami* [A comprehensive study on land reclamation, violated by open pits]. In: *Rastitel'nost' i promyshlennye zagryazneniya* [Vegetation and industrial pollution]. Sverdlovsk, 1970. Issue 7, pp. 90-96.
3. Popov V.M., Ragim-zade F.K., Trofimov S.S. *Klassifikatsiya vskryshnykh porod Kuzbassa po prigodnosti dlya tseley biologicheskoy rekul'tivatsii* [Classification of Kuzbass overburden rocks by suitability for biological reclamation]. In: *Rekul'tivatsiya v Sibiri i na Urale* [Reclamation in Siberia and the Urals]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1970, pp. 25-41.
4. Trofimov S.S. *Ekologiya pochv i pochvennye resursy Kuzbassa* [Soil ecology and soil resources of Kuzbass]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975. 300 p.
5. Lopatovskaya O.G., Dvurechenskiy V.G., Lazareva S.L., Kiseleva N.D. Soils of technogenic landscapes at Novonukutsky gypsum mine in Preangaria. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Biologiya. Ekologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Series Biology. Ecology*, 2012, vol. 5, no. 2, pp. 81-87. (In Russian).
6. Sokolov D.A., Kulizhskiy S.P., Domozhakova E.A., Gossen I.N. Soil forming features under different environmental conditionsin anthropogenic landscapes of south Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 225-229. (In Russian).
7. Kurachev V.M., Androkhanov V.A. Klassifikatsiya pochv tekhnogennykh landshaftov [Soil classification of man-made landscapes]. *Sibirskiy ekologicheskiy zhurnal*, 2002, no. 3, pp. 255-261.
8. Shishov L.L. et al. *Klassifikatsiya i diagnostika pochv Rossii* [Classification and diagnosis of Russian soils]. Smolensk: Oykumena Publ., 2004. 342 p.
9. Dvurechenskiy V.G. *Geografo-geneticheskaya kharakteristika form zheleza v embriozemakh Kuzbassa*. Avtoref. dis. kand. biol. nauk [Geographic and genetic characterization of the forms of iron in the Kuzbass embryozems. Biology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2011. 19 p.
10. Pomortseva N.S., Dvurechenskiy V.G. [Group composition of iron in soils of technogenic landscapes of Krasnogorsk carboniferous section]. *II Kovalevskie molodezhnye chteniya "Pochva kak bazovyy komponent nazemnykh ekosistem"* [I Kovalev youth readings "Soil as a core component of terrestrial ecosystems"]. Novosibirsk, 2013, pp. 182-184. (In English).
11. Shilova I.I., Loginova N.B. *Ekologicheskaya spetsifika otvalov predpriyatiy tsvetnoy metallurgii i otsenka vozmozhnosti sozdaniya na nikh kul'tur fitotsenozov* [Environmental specificity non-ferrous metallurgy dumps and assessment of the possibility of forming phytocenosis cultures on them]. In: *Rastenie i promyshlennaya sreda* [Plant and industrial environment]. Sverdlovsk, 1974, pp. 45-56.
12. Shcherbatenko V.I., Kandrashin E.R. *Estestvennaya rastitel'nost' otval'no-kar'ernykh landshaftov Sibiri* [Natural vegetation of dump landscapes of Siberia]. In: *Vosstanovlenie tekhnogennykh landshaftov Sibiri* [Recovery of technogenic landscapes of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, pp. 65-80.
13. Seredina V.P., Alekseeva T.P., Sysoeva L.N., Trunova N.M., Burmistrova T.I. Organic matter formation processes research in lands damaged after mining operation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*, 2012, no. 1 (17), pp. 18-31. (In Russian).
14. *Kriterii otsenki ekologicheskoy obstanovki dlya vyyavleniya zon chrezvychaynoy ekologicheskoy situatsii i zon ekologicheskogo bedstviya* [Criteria for assessing environmental conditions to identify areas of environmental emergencies and environmental disaster zones]. Moscow: Ministry of Natural Resources & Environmental Protection Publ., 1992. 56 p.
15. Greig-Smith P. *Kolichestvennaya ekologiya rasteniy* [Quantitative plant ecology]. Moscow: Mir Publ., 1967. 328 p.
16. Androkhanov V.A. *Pochvenno-ekologicheskoe sostoyanie tekhnogennykh landshaftov: dinamika i otsenka*. Avtoref. dis. d-ra biol. nauk [Soil and environmental condition of man-made landscapes: the dynamics and evaluation. Abstract of Biology Dr. Diss.]. Novosibirsk, 2005. 34 p.

Received: 26 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 266–270 DOI: 10.17223/15617793/387/39

УДК 550.361+551.525

Е.А. Дюкарев

ПРОГНОЗ ГЛУБИНЫ ПРОМЕРЗАНИЯ ПОЧВЫ С ПОМОЩЬЮ ПРОСТЕЙШЕЙ РЕГРЕССИОННОЙ МОДЕЛИ

Исследованы особенности динамики сезонно-мерзлого слоя и климатических характеристик холодного периода года по данным наблюдений на метеостанции Бакчар (Томская область) за период с 1963 по 2011 г. Анализ временного хода среднемесячных значений метеорологических характеристик позволил выявить, что статистически значимые тенденции роста температуры обнаружены для октября (0,6°С/10 лет), февраля (0,93°С/10 лет), марта (0,7°С/10 лет) и мая (0,55°С/10 лет). Значимых тенденций в суммах месячных осадков не обнаружено. Высота снежного покрова увеличивается с февраля по апрель и снижается в начале холодного периода (в октябре и ноябре). Предложенный метод прогноза глубины промерзания грунта с помощью регрессионных соотношений может использоваться для определения средних значений глубины промерзания почвогрунтов.

Ключевые слова: температура почвы; сезонно-мерзлый слой; снежный покров; температура воздуха; глубина промерзания.

Температура почвы является ключевым фактором, контролирующим многие биотические и абиотические процессы, протекающие в почвах. Температурный режим почв формируется под влиянием современных климатических условий и факторов, характеризующих условия теплового взаимодействия почвы с атмосферой [1]. Современные изменения в температуре приземного воздуха и режиме атмосферных осадков вызывают соответствующие изменения температуры почвы в верхних слоях [2–4]. Температура почвы определяет глубину развития сезонно-мерзлого или сезонно-талого слоя (в зоне залегания многолетнемерзлых пород) [5]. Реакция грунтов на потепление климата в значительной мере зависит от ландшафтных условий территории [1]. Современный рост снегонакоплений в Сибири создает частичную изоляцию почвогрунтов от температурных изменений воздуха в зимнее время [3]. Тенденция изменений температуры почвы не всегда повторяет динамику температуры воздуха, более того, они могут быть разнонаправленными во времени и пространстве [6]. Исследование связей между характеристиками сезонно-мерзлого слоя и состоянием окружающей среды является важной задачей.

В данной работе исследованы особенности динамики сезонно-мерзлого слоя и климатических характеристик холодного периода года по данным наблюдений на метеостанции Бакчар (Томская область) за период с 1963 по 2011 г. Показаны тенденции изменения этих характеристик и предложен метод прогноза глубины промерзания грунта с помощью регрессионных соотношений по среднемесячным значениям температуры воздуха и высоты снежного покрова.

Среднесуточные данные по температуре воздуха, сумме атмосферных осадков, высоте снежного покрова и температуре почвы на глубинах 20, 40, 80, 160 и 320 см на метеостанции получены из массива данных ВНИИГМИ-МЦД (http://www.meteo.ru/climate). Расчетная глубина промерзания определялась по глубине проникновения температуры 0°С в почву [7] путем линейной интерполяции температур почвы между двумя соседними слоями при условии, что в одном из слоев температура отрицательна. По среднесуточным данным рассчитаны среднемесячные значения, которые и использовались для дальнейшего анализа.

Метеорологические характеристики. По данным метеостанции Бакчар, среднегодовая температура воздуха за 1963–2011 гг. составляет –0,2°С, амплитуда годового хода –39,8°С (рис. 1). Самый теплый месяц – июль (18,3°С), самый холодный – январь (–19,2°С). Самым теплым месяцем был июль 1969 г. (средняя температура 22,6°С). В среднем за 1963–2011 гг. отрицательные значения среднемесячной температуры воздуха на метеостанции наблюдаются с ноября (–9,0°С) по март (–8,9°С). В отдельные годы отрицательные температуры отмечены в октябре (–5,6°С в 1976 г.) и апреле (–6,5°С в 1983 г.). В январе температура опускается до –19,2°С. Самой холодной была зима 1968–1969 гг., когда средние месячные температуры ноября (–18,4°С), декабря (–26,3°С) и февраля (–29,7°С) были минимальными за период исследования. Средняя температура холодного периода (с ноября по март) в 1968–1969 гг. составила –23,4°С, в то время как средняя многолетняя величина равна –14,1°С. Минимальная температура января (–31,8°С) наблюдалась в 2006 г., что на один градус ниже, чем в 1968 г. Самые сильные положительные аномалии в зимние месяцы наблюдаются в конце исследуемого периода: ноябрь (–2,8°С) – 2008 г.; декабрь (–7,4°С) – 2006 г.; январь (–9,3°С); февраль (–8,1°С) – 2002 г.

Сумма годовых осадков составляет 471 мм, из них 43% приходится на летние месяцы и 14% – на зимние. Наибольшее количество месячных осадков было зарегистрировано в июле 1996 г. (184 мм). Минимум осадков в годовом ходе наблюдается в феврале (15 мм).

Снежный покров появляется 10 октября. Он обычно сходит под влиянием последующих оттепелей, и только после устойчивого понижения температуры устанавливается на зиму. Установление снежного покрова происходит, в среднем, к 30 октября. Максимальная высота снега за зиму наблюдается в марте (58 см) в среднем за 1963–2011 гг. Зимой 1967–1968 гг. наибольшая высота снега за зиму не превышала 21 см. В марте 1990 г. снежный покров достигал 98 см. Разрушение устойчивого снежного покрова происходит к 21 апреля (рис. 1).

Максимальная температура почвы на глубине 20 см – в июле (17°С). Минимальная (–2,4°С) в годовом ходе температура почвы на этой глубине приходится на февраль.

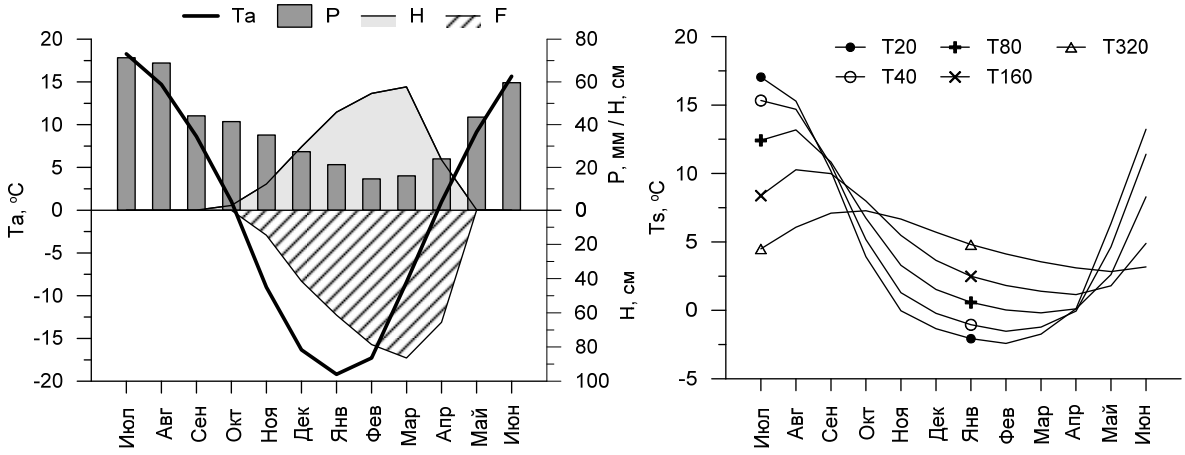


Рис. 1. Годовой ход среднемесячных значений температуры воздуха (Ta), сумм осадков (P), высоты снежного покрова (H), глубины промерзания почвы (F) и температуры почвы (Ts) на глубинах 20, 40, 80, 160 и 320 см

С глубиной амплитуда годового хода температуры уменьшается и составляет 13,4°С на глубине 80 см и 4,4°С – на глубине 320 см. Также с глубиной происходит запаздывание наступления максимальных и минимальных значений температуры почвы. Так, на глубине 320 см максимум наблюдается в октябре и составляет 7,3°С, а минимум (2,8°С) – в мае. Средняя годовая температура в слое от 20 до 320 см равна 4,9°С.

Глубина промерзания определялась по глубине проникновения нулевой изотермы. Промерзание почвы начинается в конце ноября, приблизительно через месяц после установления отрицательных температур воздуха и образования устойчивого снежного покрова. Максимум глубины промерзания достигается в марте и составляет 86 см. Наибольшая глубина промерзания (160 см) была зафиксирована в феврале 1968 г. на фоне аномально низкой высоты снега (21 см) и умеренно теплой зимы (температура января –20°С). Наименьшая глубина промерзания наблюдалась зимой 1982–1983 гг., когда она составила 43 см (в марте), при этом снежный покров достигал высоты 60 см (в феврале), а температура опускалась всего до –12°С (в феврале), что на 5,1°С выше многолетней нормы. В отдельные годы (1969–1972 гг.) мерзлый слой наблюдался в мае на значительной глубине (88–110 см).

Тенденции изменения метеорологических характеристик. Анализ временного хода среднемесячных значений метеорологических характеристик позволил выявить значимые тенденции их изменения. Величины линейных трендов приведены в табл. 1. Скорость увеличения среднегодовой температуры воздуха составляет 0,33°С/10 лет. Значимые тенденции роста температуры обнаружены для октября (0,6°С/10 лет), февраля (0,93°С/10 лет), марта (0,7°С/10 лет) и мая (0,55°С/10 лет). В остальные месяцы также обнаружены тенденции к потеплению, которые не являются статистически значимыми. Исключение составляют январь и июль, когда проявляются незначимые тренды уменьшения температуры.

Статистически значимых тенденций в суммах месячных осадков не обнаружено (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты линейного тренда температуры воздуха (aTa, °С/10 лет), сумм осадков (aP, мм/10 лет), высоты снежного покрова (aH, см/10 лет) и глубины промерзания почвы (aF, см/10 лет) в разные месяцы

Месяц	aTa	aP	aH	aF
Январь	–0,07	–1,06	2,39	–3,62
Февраль	**0,93**	0,03	**4,34**	**–7,24**
Март	**0,70**	1,49	**5,93**	**–10,28**
Апрель	0,44	–1,01	**2,96**	**–13,00**
Май	**0,55**	–3,41	–	–
Июнь	0,19	4,07	–	–
Июль	–0,16	4,78	–	–
Август	0,16	–0,09	–	–
Сентябрь	0,07	2,33	–	–
Окттябрь	**0,60**	0,96	**–0,46**	–0,03
Ноябрь	0,37	–1,05	**–1,68**	1,48
Декабрь	0,22	2,24	–0,19	0,91
Год	**0,33**	9,28	–	–

Примечание. Полужирным шрифтом выделены коэффициенты, значимые на уровне 0,05.

Высота снежного покрова за 1963–2011 гг. увеличивается с февраля по апрель и снижается в начале холодного периода (в октябре и ноябре).

Обнаруженные тенденции увеличения температуры воздуха в зимние месяцы и высоты снежного покрова приводят к появлению направленных изменений в температуре почвы и, следовательно, глубине промерзания почвы. Тенденция к снижению глубины промерзания получена для февраля, марта и апреля (см. табл. 1). В октябре одновременный рост темпера-

туры воздуха (что несколько уменьшает промерзание) и снижение высоты снежного покрова (что способствует увеличению глубины промерзания) не приводят к изменениям глубины промерзания почвы.

Прогноз глубины промерзания. Для выявления факторов, влияющих на глубину промерзания почвы, был проведен корреляционный анализ. Значимые связи существуют между глубиной промерзания и температурой воздуха в ноябре (коэффициент корреляции $R = –0,55$) и марте ($R = –0,38$), а между глубиной промерзания и высотой снежного покрова – в декабре ($R = –0,30$), январе ($R = –0,39$), феврале ($R = –0,53$) и марте ($R = –0,54$). Увеличение температуры воздуха и высоты снежного покрова приводит к росту температуры почвы и, соответственно, уменьшению глубины промерзания. В начале развития сезонно-мерзлого слоя температура воздуха играет ведущую роль в промерзании почвы. В зимние месяцы роль управляющего фактора играет глубина снежного покрова.

Развитие сезонно-мерзлого слоя в течение зимы идет постепенно. Очевидно, что толщина мерзлого слоя текущего месяца связана с толщиной мерзлоты предыдущего месяца. Коэффициенты корреляции глубины промерзания в соседние месяцы имеют высокие значения ($R = 0,81 \div 0,93$).

Поскольку на развитие сезонной мерзлоты в разные месяцы оказывают влияние различные факторы, нами была предложена множественная регрессионная модель для прогноза среднемесячной толщины мерзлого слоя. В общем виде в качестве независимых переменных модель включает среднемесячную температуру воздуха и высоту снежного покрова текущего и предыдущего месяца, а также глубину промерзания предыдущего месяца.

$$F_m = a_0 + a_1 \cdot F_{m-1} + a_2 \cdot T_{m-1} + a_3 \cdot T_m + a_4 \cdot S_{m-1} + a_5 \cdot S_m, \quad (1)$$

где a_0–a_5 – параметры модели; m – номер месяца (от ноября до апреля); F_m, T_m, S_m – глубина промерзания, температура воздуха и высота снежного покрова месяца m; F_{m-1}, T_{m-1}, S_{m-1} – те же характеристики для предыдущего месяца (m–1). Параметры модели определены с помощью программного комплекса Statistica 8.0 по имеющимся данным среднемесячных значений глубин промерзания, температур воздуха и высоты снежного покрова за 1963–2011 гг. Значения параметров и величина коэффициента детерминации модели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Коэффициенты регрессионной модели (1) для разных месяцев

Месяц	a_0	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	R^2
Ноябрь	3,08	–	–	–2,44	–	–0,85	0,51
Декабрь	31,80	0,71	–2,17	–	–1,67	–	0,79
Январь	32,98	0,95	–	–0,64	–	–0,50	0,83
Февраль	17,30	0,86	–0,66	–0,62	0,65	–0,82	0,95
Март	–14,95	0,93	–0,79	–1,75	–	–	0,93
Апрель	–42,47	1,10	–1,90	–3,00	–	–	0,89

Набор независимых переменных определялся для каждого месяца индивидуально. Например, глубина промерзания ноября зависит только от температуры воздуха и высоты снежного покрова в ноябре. Мерзлый слой в предыдущий месяц (октябрь) наблюдается только в отдельные годы, а температура воздуха и снежный покров в октябре не имеют значимого влияния на промерзание (см. знак «–» в табл. 2). Наилучший набор параметров для прогноза глубины промерзания в декабре содержит глубину мерзлого слоя, температуру воздуха и высоту снега в ноябре и не включает температуру и высоту снега декабря. Эти характеристики декабря не входят и в регрессионное соотношение для января. Получено, что в марте и апреле температуры воздуха и глубины промерзания в предыдущий месяц достаточно для описания изменений глубины промерзания. Вклад снежного покрова в эти месяцы не является значимым.

Регрессионные модели для декабря – апреля имеют высокие коэффициенты детерминации ($R^2 = 0,79 \div 0,95$). Несколько хуже показатели для ноября ($R^2 = 0,51$), когда средняя за месяц глубина промерзания будет в первую очередь определяться временем установления отрицательных температур и датой начала промерзания.

Как упоминалось выше, в отдельные годы мерзлый слой наблюдается на значительной глубине в мае, однако в последние годы освобождение почвы от мерзлоты сдвигается на более ранние сроки. Так, во второй половине исследуемого периода (1987–2011) мерзлота в мае была зафиксирована только в 7 случаях. Поэтому описанный выше способ прогноза толщины мерзлого слоя для мая не использовался.

Для расчета многолетнего хода глубины промерзания сначала определялась глубина промерзания почвы в ноябре по известным значениям температуры воздуха и высоты снежного покрова. Затем последовательно рассчитывались глубины промерзания для каждого месяца с декабря по март (F_m) по соотношению (1). Причем в качестве независимой переменной F_{m-1} использовалась расчетная глубина промерзания предыдущего месяца. Для температуры воздуха и высоты снежного покрова использовались фактические среднемесячные значения, полученные по данным измерений на метеостанции.

Использование расчетной глубины промерзания для вычисления толщины мерзлого слоя в последующие месяцы приводит к последовательному накоплению ошибок. Средняя ошибка аппроксимации в течение зимы возрастает от 7 см в ноябре до 15 см в марте и 19 см в апреле. Тем не менее результаты расчетов удовлетворительно совпадают с данными фактических измерений. Корреляционная связь между рядами значений измеренной и расчетной глубины промерзания высокая ($R = 0,89$; $R^2 = 0,79$).

Предложенный метод позволяет оценить глубину промерзания почвы по данным широко распространенных наблюдений за температурой воздуха и снежным покровом. Для метеостанции Бакчар имеются

данные измерений температуры и высоты снежного покрова с 1936 по 2013 г. Использование этих данных и регрессионного уравнения (1) дало возможность реконструировать глубину промерзания за этот период времени для ноября – апреля.

На рис. 2 приведен временной ход глубины промерзания в марте, реконструированный для периода с 1936 по 2013 г. На совпадающих частях рядов согласие между фактической и расчетной глубинами промерзания достаточно хорошее, особенно в начале и середине интервала. Наибольшие ошибки прогноза характерны для конца исследуемого периода (см. рис. 2). По-видимому, прогноз, основанный на неизменности статистических характеристик рядов, в условиях направленных изменений независимых параметров модели работает плохо. Для качественного прогноза сезонной и многолетней динамики сезонно-мерзлой толщи необходимо использовать модели тепло-массопереноса в почвогрунтах.

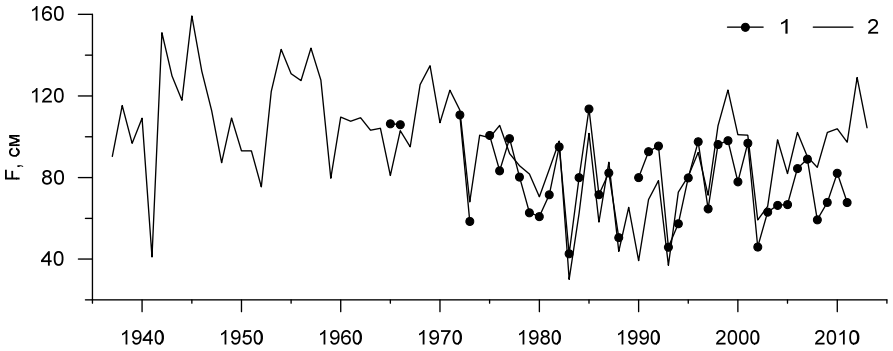


Рис. 2. Фактическая (*1*) и реконструированная (*2*) глубина промерзания в марте

В работе исследованы особенности динамики сезонно-мерзлого слоя и климатических характеристик холодного периода года по данным наблюдений на метеостанции Бакчар (Томская область) за 1963–2011 г.

Анализ временного хода среднемесячных значений метеорологических характеристик позволил выявить, что значимые тенденции роста температуры обнаружены для октября (0,6°С/10 лет), февраля (0,93°С/10 лет), марта (0,7°С/10 лет) и мая (0,55 °С/10 лет). Статистически значимых тенденций в суммах месячных осадков не обнаружено. Высота снежного покрова за 1963–2011 гг. статистически значимо увеличивается с февраля по апрель и снижается в начале холодного периода (октябрь и ноябрь).

Предложенный метод прогноза глубины промерзания грунта с помощью регрессионных соотношений по среднемесячным значениям температуры воздуха и высоты снежного покрова может использоваться для определения средних значений глубины промерзания за многолетние интервалы. Для качественного прогноза межгодовой динамики сезонно-мерзлой толщи необходимо использовать модели тепло-массопереноса в почвогрунтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Павлов А.В.* Мониторинг криолитозоны. Новосибирск : Гео, 2008. 229 с.
2. *Васильев А.А., Дроздов Д.С., Москаленко Н.Г.* Динамика температуры многолетнемерзлых пород Западной Сибири в связи с изменениями климата // Криосфера Земли. 2008. Т. 12, № 2. С. 10–18.
3. *Шерстюков А.Б.* Корреляция температуры почвогрунтов с температурой воздуха и высотой снежного покрова // Криосфера Земли. 2008. Т. 12, № 1. С. 79–87.
4. *Трофимова И.Е.* Современное состояние и тенденции многолетних изменений мерзлотно-термического режима почв Прибайкалья // География и природные ресурсы. 2006. № 4. С. 38–45.
5. *Мельников Е.С., Васильев А.А., Лейбман М.О., Москаленко Н.Г.* Динамика сезонноталого слоя в Западной Сибири // Криосфера Земли. 2005. Т. 9, № 2. С. 23–32.
6. *Трофимова И.Е., Шеховцов А.И.* Оценка термического режима почв котловин Прибайкалья и Северного Забайкалья // География и природные ресурсы. 2011. № 4. С. 100–107.
7. *Методы* климатологической обработки метеорологических наблюдений / под общ. ред. О.А. Дроздова. Л. : Гидрометеоиздат, 1957. 492 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 24 июня 2014 г.

SOIL FREEZING DEPTH FORECAST USING SIMPLE REGRESSION MODEL

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 266-270. DOI: 10.17223/15617793/387/39

Dyukarev Egor A. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: egor@imces.ru

Keywords: soil temperature; seasonally-frozen soil; snow cover; air temperature; freezing depth.

Features of the dynamics of the seasonally frozen layer and climatic characteristics of the cold period of the year were studied using Bakchar weather station observation data for 1963 – 2011. The analysis of monthly data has shown that significant trends in air temperature found for October (0.6 °C/10 yr), February (0.93 °C/10 yr), March (0.7 °C/10 yr) and May (0.55 °C/10 yr). Statistically significant trends in monthly precipitation amounts were not found. Snow depth increases from February to April and in October and November. Discovered tendencies in winter temperature and snow cover lead to changes in soil temperature and the depth of soil freezing. Tendency to decrease the depth of freezing was obtained for February, March and April. To identify factors affecting the depth of soil freezing the correlation analysis was performed. Significant relationships exist between the freezing depth and air tem-

perature in November (correlation coefficient R = -0.55) and March (R = -0.38), and between the freezing and snow depth in December (R = -0.30), January (R = -0.39), February (R = -0.53) and March (R = -0.54). Development of the seasonal frozen layer in different months is influenced by different factors, we proposed a multiple regression model for the prediction of average thickness of the frozen layer. In general, the model includes the average monthly air temperature and snow depth of the current and previous month as well as the freezing depth of the previous month. The model parameters were determined using software package Statistica 8.0 using monthly depths of freezing, air temperature and snow depth for 1963-2011. Set of independent variables was determined for each month individually. For example, the depth of freezing in November depends on the air temperature and snow cover in November. Regression models for January – April have high coefficients of determination ($R^2 = 0.79 \div 0.95$). The proposed method for predicting soil freezing depth using regression relations based on monthly air temperature and snow depth can be used to determine the average values of freezing depth for long-term intervals.

REFERENCES

1. Pavlov A.V. *Monitoring kriolitozony* [Cryolithozone monitoring]. Novosibirsk: Geo Publ., 2008. 229 p.
2. Vasil'ev A.A., Drozdov D.S., Moskalenko N.G. Permafrost temperature dynamics of West Siberia in context of climate changes. *Kriosfera Zemli*, 2008, vol. XII, no. 2, pp. 10-18. (In Russian).
3. Sherstyukov A.B. Correlation of soil temperature with air temperature and snow cover depth in Russia. *Kriosfera Zemli*, 2008, vol. XII, no. 1, pp. 79-87. (In Russian).
4. Trofimova I.E. Present state and long-term trends of the permafrost-thermal regime of soils in the Baikal region. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*, 2006, no. 4, pp. 38-45. (In Russian).
5. Mel'nikov E.S., Vasil'ev A.A., Leybman M.O., Moskalenko N.G. Dinamika sezonnotalogo sloya v Zapadnoy Sibiri [Seasonal layer dynamics in Western Siberia]. *Kriosfera Zemli*, 2005, vol. IX, no. 2, pp. 23-32.
6. Trofimova I.E., Shekhovtsov A.I. Assessing the thermal regime of soils in the depressions of the Prebaikalia and Northern Transbaikalia. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*, 2011, no. 4, pp. 100-107. (In Russian).
7. Drozdov O.A. (ed.) *Metody klimatologicheskoy obrabotki meteorologicheskikh nablyudeniy* [Methods of climatological processing of meteorological observations]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1957. 492 p.

Received: 24 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 271–276 DOI: 10.17223/15617793/387/40

УДК 631.46

Л.В. Лаврентьева, П.А. Никитич, М.А. Карлюкова

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРНОВО-ПОДЗОЛИСТЫХ ПОЧВ ЧЕРНЕВОЙ ТАЙГИ САЛАИРСКОГО КРЯЖА

Из дерново-подзолистых сверхглубокоосветленных почв черневой тайги Салаирского кряжа, сформированных под разными типами растительности, выделены аммонификаторы, утилизаторы безазотистых органических соединений, олигонитрофилы и аэробные фиксаторы азота. В почвах осиново-пихтового леса выявлена более высокая численность микроорганизмов, среди которых многочисленны разрушители безазотистых органических веществ и более интенсивно протекают процессы минерализации. Микроорганизмы, разрушающие безазотистые органические вещества, представлены актиномицетами и микроскопическими грибами *Penicillium*, *Mucor* и др. В почве осиново-пихтового леса обнаружены также грибы родов *Trichoderma*, *Alternaria*. Аммонификаторы представлены микроорганизмами, относящимися к родам *Bacillus*, *Sarcina*, *Pseudomonas*, *Flavobacterium*, *Micrococcus*, *Achromobacter*.

Ключевые слова: аммонификаторы; разрушители безазотистых органических веществ; олигонитрофилы; аэробные азотфиксаторы; численность микроорганизмов; состав микрофлоры.

Почва представляет собой исключительную ценность как для человека, так и для всех живущих на Земле организмов. Ценность почвы определяется не только ее значимостью для сельского, лесного и других отраслей народного хозяйства, она определяется также незаменимой экологической ролью почвы как важнейшего компонента биосферы. В настоящее время в связи с колоссальным антропогенным воздействием становятся все более актуальными сохранение, восстановление и изучение природных экосистем. Микроорганизмы почвы являются очень значимой и наиболее реактивной частью биогеоценозов, им принадлежит ведущая роль в процессах трансформации веществ и энергии [1, 2].

Внимание многих исследователей в течение длительного времени привлекает изучение природных особенностей Салаира. С одной стороны, здесь находится много полезных ископаемых, интенсивная разработка которых влечет за собой нарушение структуры и функционирования природных экосистем. Салаирский кряж сложен кристаллическими известняками, песчаниками, туфами, гранитами, отличается богатыми месторождениями каменного угля, полиметаллических руд, золота, серебра, ртути. С другой стороны, он является уникальной природной экологической системой [3, 4].

Зона черневой тайги Салаирского кряжа является уникальной и по своему строению, и по произрастающей на ней растительности. Из редких сообществ здесь находятся реликты широколиственных лесов третичного периода кайнозойской эры: экосистемы реликтовых рощ из липы сибирской и участков с сообществами зеленокорой осины. Черневая тайга Салаирского кряжа представляет собой особую ценность [5]. В настоящее время дерново-подзолистые почвы черневой тайги Салаирского кряжа и их микробиологический состав изучены недостаточно.

Материалы и методики исследования. Объектами нашего исследования являлись дерново-подзолистые сверхглубокоосветленные почвы, сформированные на Салаирском кряже под пологом черневой тайги. Салаирский кряж занимает северо-западную окраину Алтайско-Саянской горной страны. В административном плане западная часть его относится к Новосибирской, а восточная – к Кемеровской областям. На юге по широкой тектонической долине р. Кондомы Салаир граничит с Горной Шорией, к северо-западу и примерно на широте 55° входит в состав Салаиро-Кузнецкой горной области. Салаирский кряж пролегает почти 300-километровой широкой, выпуклой к северо-востоку дугой от Алтая до нижнего течения р. Ини. Площадь, занимаемая им, составляет 22,5 тыс. км^2 [6].

Почвы Салаирского кряжа формируются в условиях резко континентального климата, характерными особенностями которого является среднегодовое количество осадков, равное 400–600 мм, продолжительность безморозного периода 110–115 дней и незначительное или отсутствующее промерзание почвы. Дерново-подзолистые почвы черневой тайги Салаирского кряжа привлекают внимание исследователей особенностями морфологических и аналитических свойств. С одной стороны, они четко дифференцированы на элювиальную и иллювиальную части профиля, имеют мощную (более 50 см) осветленную элювиальную часть и соответствуют подзолистым почвам. С другой стороны, в них высокое содержание гумуса в гумусово-аккумулятивном горизонте и малое содержание обменного водорода, что противоречит природе подзолистых почв [7].

Авторами данной работы проведены исследования качественного и количественного состава микроорганизмов двух почвенных разрезов, заложенных под разными типами растительности: в осиново-пихтовом лесу (разрез P_1–C_{10}) и на безлесном участке под высокотравьем (разрез P_2–C_{10}). Местоположение разрезов – бассейн р. Мунгай (Кемеровская область, Промышленный район).

В целом почвы характеризуются типичными для данного типа почв физико-химическими свойствами. Они относятся к среднесуглинистой разновидности и характеризуются заметным утяжелением гранулометрического состава в иллювиальных горизонтах до средне- и тяжелосуглинистого, что обусловлено процессами оподзоливания и лессиважа. Преобладающими фракциями является, как правило, мелкая и крупная пыль, что подтверждает облессованность почвообразующих пород.

Наибольшие количества поглощенных оснований обнаруживаются в гумусово-аккумулятивном (AY) и

текстурном (BT) горизонтах, обогащенных соответственно гумусом и илом. В составе обменных оснований преобладает кальций (11–23 мг-экв./100 г почвы) на фоне относительно высокого содержания магния в горизонте BT. Последнее, согласно В.М. Корсунову [3], объясняется присутствием в породе глинных минералов. В соответствии с распределением по профилю обменных катионов степень насыщенности основаниями минимальна в элювиальной части профиля (горизонты AEL, EL и BEL), где составляет 65–74%, тогда как в горизонтах AY и BT увеличивается до 80–82%. Особенностью почв является высокая гумусированность (в среднем 8–10%) верхнего горизонта AY. Вниз по профилю содержание гумуса резко падает и в горизонте EL не превышает 2%, в нижней части профиля на фоне дальнейшего снижения отмечаются незначительные флуктуации в сторону увеличения [8]. Указанные характеристики дерново-подзолистых сверхглубокоосветленных почв, сформированных на Салаирском кряже под пологом черневой тайги, с одной стороны, определяют их своеобразие как среды обитания для микроорганизмов. С другой стороны, их состав и свойства во многом зависят от микроорганизмов. В частности, процесс гумусообразования связан с ферментативной деятельностью микрофлоры, в различных фракциях гумуса присутствуют компоненты микробных клеток, что подтверждено результатами многочисленных исследований [2].

Отбор проб для микробиологического анализа проводили из каждого генетического горизонта почвы с соблюдением условий стерильности. Определение численности и состава микроорганизмов осуществляли с помощью метода посева на твердые питательные среды для выделения следующих физиологических групп: аммонификаторов (на мясопептонном агаре), актиномицетов и разрушителей безазотистых органических соединений (на крахмало-аммиачном агаре), олигонитрофилов и аэробных азотфиксаторов (на среде Эшби). Влажность почвы определяли воздушно-весовым методом [9]. Статистическая обработка данных проведена с использованием программ MS Excel 2010 и Statistica 6.0. Рассчитаны следующие статистические показатели: средняя, ошибка средней и нелинейный коэффициент корреляции, статистическую значимость которого оценивали с помощью критерия Спирмена.

Для определения выделенных микроорганизмов до рода высевали чистые культуры (по методу Коха). Их чистоту проверяли визуально, микроскопическим и бактериологическим методами. Выделенные штаммы на основании исследования морфологии колоний и клеток (в фиксированных и окрашенных по Граму препаратах) идентифицировали до рода [10–14].

Результаты исследования и обсуждение. С помощью микробиологического анализа из исследуемых почв были выделены аммонификаторы, утилизаторы безазотистых органических соединений, олигонитрофилы и аэробные фиксаторы азота. Численность различных физиологических групп микроорганизмов представлена на рис. 1 и 2.

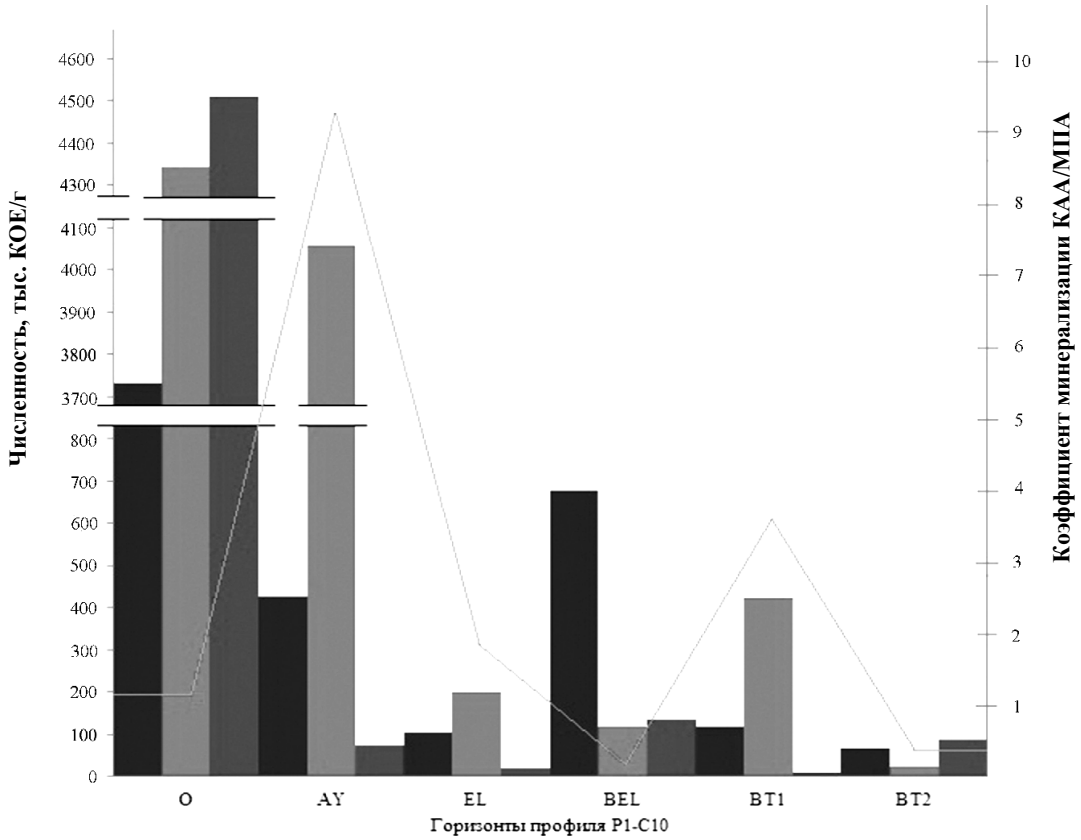


Рис. 1. Распределение численности микроорганизмов исследованных физиологических групп и значения коэффициента минерализации в профиле дерново-подзолистой почвы осиново-пихтового леса: ■ – аммонификаторы; ■ – утилизаторы безазотистой органики; ■ – олигонитрофилы и аэробные фиксаторы азота; ——— – коэффициент минерализации

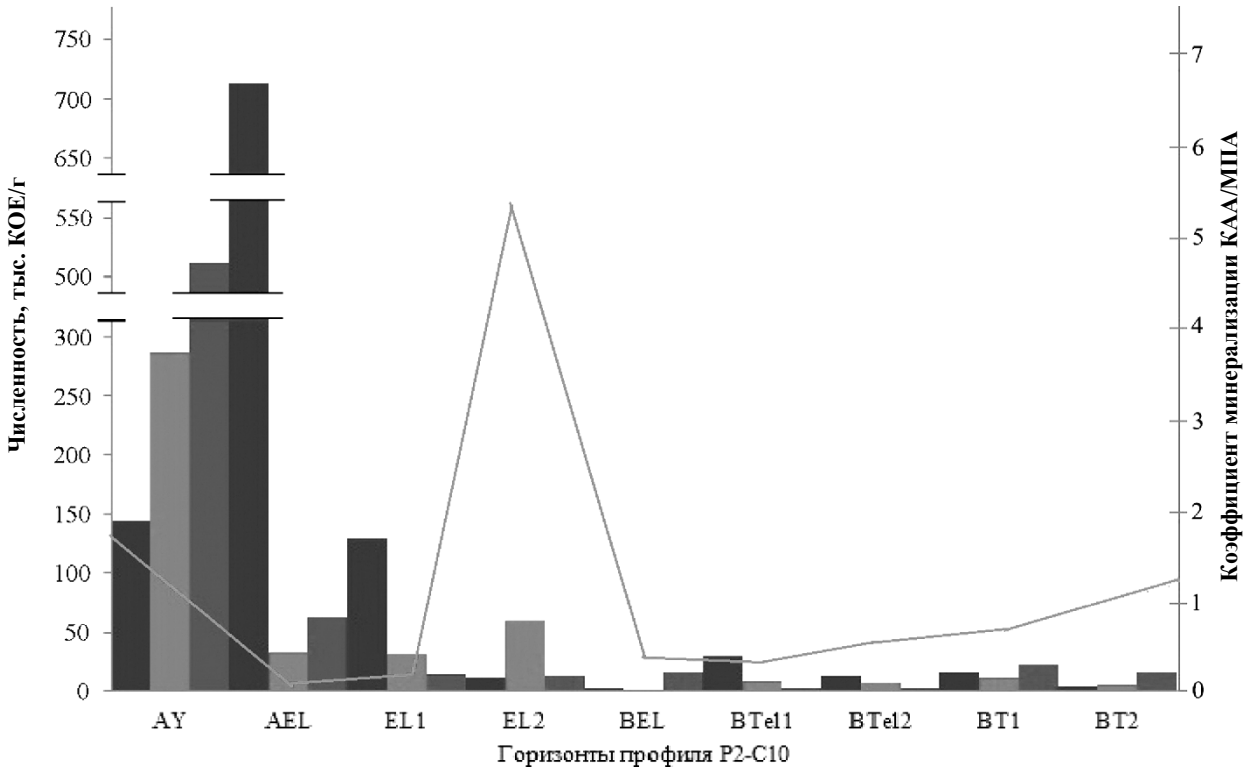


Рис. 2. Распределение численности микроорганизмов исследованных физиологических групп и значения коэффициента минерализации в профиле почвы безлесного участка: ■ – аммонификаторы; ■ – утилизаторы безазотистой органики; ■ – олигонитрофилы и аэробные фиксаторы азота, ——— – коэффициент минерализации

В дерново-подзолистой почве осиново-пихтового леса высока численность микроорганизмов, разрушающих безазотистые органические вещества, несколько ниже численность аммонификаторов и еще ниже – аэробных фиксаторов азота. Больше всего микроорганизмов в лесной подстилке и гумусово-аккумулятивном горизонте, обогащенных органическими остатками, с глубиной численность микроорганизмов уменьшается.

В почве разреза P_2–C_{10}, заложенного на безлесном участке под высокотравьем, численность исследуемых физиологических групп микроорганизмов практически в 10 раз ниже, наиболее богат ими также верхний почвенный горизонт, с глубиной их количество уменьшается и далее сохраняется примерно на одном уровне. В целом это согласуется с результатами исследований дерново-подзолистых почв Западной Сибири И.Л. Клевенской, Н.Н. Наплековой и Н.И. Галтимуровой [15]. Численность аммонификаторов и утилизаторов безазотистых органических веществ в почве осиново-пихтового леса намного выше, чем на безлесном участке. Численность олигонитрофилов и аэробных азотфиксаторов в почвах двух участков существенно не различается.

Очень неоднородные экологические условия отдельных генетических горизонтов подзолистых почв, обусловленные резкой трехчленной дифференциацией почвенного профиля, приводят к своеобразному расселению микроорганизмов в почвенной толще. Это своеобразие заключается, прежде всего, в том, что наибольшее число микроорганизмов содержится в подстилке и верхнем горизонте почвы [2].

Вслед за неравномерным уменьшением органического вещества и изменением химизма отдельных генетических горизонтов дерново-подзолистых почв число микроорганизмов падает с глубиной не постепенно, а скачкообразно. Первый скачок приурочен к границе между дерновым (аккумулятивным) и подзолистым (элювиальным) горизонтами, а второй – к границе между подзолистым и иллювиальным горизонтами [16]. Микробиологическим процессам в дерново-подзолистых почвах свойственна чрезвычайная динамичность, обусловленная резкими колебаниями температуры, запасов органического вещества в почве, степенью ее кислотности и другими факторами [2].

Коэффициенты минерализации органических веществ в исследованных почвах, отражающие интенсивность протекания процессов трансформации органических веществ растительного и животного происхождения, показали, что в почве осиново-пихтового леса (разрез P_1–C_{10}) преобладают процессы разложения азотнесодержащих органических веществ (сахаров, клетчатки и т.д.). Это связано с высокой численностью утилизаторов безазотистой органики и их преобладанием над численностью аммонификаторов (коэффициенты минерализации в основном выше 1). Здесь процессы минерализации идут интенсивнее. В почве безлесного участка (разрез P_2–C_{10}), напротив, коэффициенты минерализации в основном меньше 1, более высока численность аммонификаторов и, следовательно, преобладают процессы разложения азотсодержащих органических веществ (см. рис. 1, 2).

Корреляционный анализ, проведенный для выявления зависимости численности различных физиологических групп микроорганизмов от содержания гумуса, нитратного азота и легкоподвижного фосфора,

позволил обнаружить достоверные положительные коррелятивные взаимосвязи между численностью утилизаторов безазотистых органических веществ и содержанием гумуса, нитратного азота и P_2O_5 в почве под высокотравьем (таблица). В почве осиново-пихтового леса показана достоверная зависимость численности микроорганизмов этой физиологической группы от содержания легкоподвижного фосфора.

Коэффициенты корреляции между некоторыми химическими показателями почвы и численностью физиологических групп микроорганизмов

Физиологические группы микроорганизмов	Коэффициент корреляции		
	Гумус, %	Нитратный азот, мг/кг	Легкоподвижный фосфор, мг/кг
Разрез $P_1 – C_{10}$			
Аммонификаторы	0,500	–0,100	0,700
Утилизаторы безазотистой органики	0,700	0,300	0,900*
Аэробные фиксаторы азота	–0,100	0,100	–0,300
Разрез $P_2 – C_{10}$			
Аммонификаторы	0,535	0,535	0,642
Утилизаторы безазотистой органики	0,785*	0,785*	0,750
Аэробные фиксаторы азота	0,810*	0,810*	0,738

* Значимые по критерию Спирмена величины коэффициента корреляции, $p < 0,05$.

В составе микроорганизмов, разрушающих безазотистые органические вещества, были выделены актиномицеты. Это наиболее многочисленная группа, особенно в почве осиново-пихтового леса. Увеличение численности актиномицетов свидетельствует о глубоких и интенсивных процессах минерализации органических веществ, что отличает дерново-подзолистые почвы от подзолов по размаху биологического круговорота [15, 16].

Чаще всего встречались актиномицеты, образующие белые, серые и голубовато-серые колонии. Среди микроскопических грибов наиболее часто встречались представители родов *Penicillium, Mucor*. Также в дерново-подзолистой почве осиново-пихтового леса были обнаружены грибы родов *Trichoderma, Alternaria.* Это согласуется с литературными данными о широком распространении в подзолистых почвах *Penicillium, Mucor* [17], *Trichoderma* [18].

В составе аммонификаторов были обнаружены микроорганизмы, относящиеся к родам *Bacillus, Sarcina, Pseudomonas, Flavobacterium, Micrococcus, Achromobacter*. Наиболее многочисленны среди них бациллы. Встречались различные виды данного рода, в том числе из почв обоих участков были выделены колонии *Bacillus mycoides,* образующие на мясопептонном агаре характерные колонии, напоминающие снежинку [11].

Состав аммонификаторов в почвах двух исследованных разрезов существенно различается по численности и распределению в профиле желтопигментных бактерий. На основании данных о морфологии колоний и клеток, типа скоплений, образуемого клетками, и их тинкториальных свойств среди желтопигментных бактерий были выделены представители рода *Sarcina.* Численность сарцин выше в почве безлесного участка, а распределение их в профиле относительно равномерное.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. В дерново-подзолистой почве осиново-пихтового леса высока численность микроорганизмов, разрушающих безазотистые органические вещества, несколько ниже численность аммонификаторов и еще ниже – олигонитрофилов и аэробных фиксаторов азота. Максимальное количество микроорганизмов отмечается в лесной подстилке и гумусово-аккумулятивном горизонте, обогащенных органическими веществами и растительными остатками, с глубиной численность микроорганизмов уменьшается.

2. Численность микроорганизмов в образцах почвы из осиново-пихтового леса намного выше, чем на безлесном участке. Здесь наиболее многочисленны разрушители безазотистых органических веществ и более интенсивно протекают процессы минерализации, о чем свидетельствуют коэффициенты минерализации. Численность олигонитрофилов и аэробных азотфиксаторов в почвах двух участков существенно не различается.

3. В почве разреза $P_2–C_{10}$, заложенного под высокотравной растительностью, численность всех исследуемых физиологических групп микроорганизмов практически в 10 раз ниже, чем в почве осиново-пихтового леса. Характер распределения в почвенном профиле аналогичен, наиболее богат ими также верхний почвенный горизонт, с глубиной численность уменьшается и далее сохраняется примерно на одном уровне. В почве безлесного участка наиболее многочисленны аммонификаторы.

4. В составе микроорганизмов, разрушающих безазотистые органические вещества, выделены актиномицеты, среди микроскопических грибов наиболее часто встречались представители родов *Penicillium, Mucor.* В почве осиново-пихтового леса были обнаружены также грибы родов *Trichoderma, Alternaria.* Аммонификаторы представлены микроорганизмами, относящимися к родам *Bacillus, Sarcina, Pseudomonas, Flavobacterium, Micrococcus, Achromobacter.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Звягинцев Д.Г.* Почва и микроорганизмы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. 256 с.
2. *Аристовская Т.В.* Микробиология процессов почвообразования. Л. : Наука, 1980. 188 с.

3. *Корсунов В.М.* Генетические особенности глубокооподзоленных почв черневой тайги Салаира и некоторые элементы современного почвообразования в них // Лесные почвы горного окаймления юго-востока Западной Сибири (Восточный Алтай, Горная Шория, Салаир). Новосибирск, 1974. С. 133–197.
4. *Усов М.А.* Геология рудных месторождений Западно-Сибирского края. Томск : Зап.-Сиб. ГГГТ, 1935. 86 с.
5. *Лащинский Н.Н.* Растительность Салаирского кряжа. Новосибирск : Гео, 2009. 263 с.
6. *Винокуров Ю.И., Платонова С.Г., Скрипко В.В.* Природно-ресурсный потенциал Алтайского региона // Природно-ресурсный потенциал Уральского и Западно-Сибирского приграничья. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2010. С. 85–106.
7. *Природные* условия и естественные ресурсы СССР. Западная Сибирь. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 487 с.
8. *Лаврентьева Л.В., Никитич П.А., Разина М.А.* Дерново-подзолистые почвы Салаирского кряжа: состав, свойства и микробиологическая характеристика // Современные проблемы генезиса, географии и картографии почв. Томск : Изд-во ООО Копи-М, 2011. С. 85–87.
9. *Методы* почвенной микробиологии и биохимии / под ред. Д.Г. Звягинцева. М. : Изд-во МГУ, 1980. 223 с.
10. *Руководство* к практическим занятиям по микробиологии / под ред. Н.С. Егорова. М. : Изд-во МГУ, 1995. 222 с.
11. *Практикум* по микробиологии / под ред. Н.С. Егорова. М. : Изд-во МГУ, 1976. 308 с.
12. *Определитель* бактерий Берджи / под ред. Дж. Хоулта, Н. Крига и др. М. : Мир, 1997. Т. 1–2. 800 с.
13. *Пименова М.Н., Гречушкина Н.Н., Азова Л.Г.* Руководство к практическим занятиям по микробиологии. М. : Изд-во МГУ, 1971. 216 с.
14. *Бранцевич Л.Г., Лысенко Л.Н., Овод В.В. и др.* Микробиология. Киев : Изд-во Вища школа, 1987. 200 с.
15. *Клевенская И.Л., Наплекова Н.Н., Галтимурова Н.И.* Микрофлора почв Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1970. 222 с.
16. *Головченко А.В., Полянская Л.М.* Сезонная динамика численности и биомассы микроорганизмов по профилю почвы // Почвоведение. 1996. № 10. С. 1227–1233.
17. *Мишустин Е.Н.* Географический фактор, почвенные типы и их микробное население // Микрофлора почв северной и средней части СССР. М. : Наука, 1966. С. 3–23.
18. *Аристовская Т.В.* Микробиология подзолистых почв. М. ; Л. : Наука, 1965. 186 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 15 июня 2014 г.

MICROBIOLOGICAL RESEARCH OF THE SODDY-PODZOLIC SOILS LOCATED IN BLACK TAIGA OF THE SALAIR RIDGE

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 271-276. DOI: 10.17223/15617793/387/40
Lavrentveva Larisa V., Nikitich Polina A., KarlyukovaMariya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: lavr61@mail.ru, polinkanick@mail.ru, razinama@mail.ru
Keywords: ammonifiers; destructors of nitrogen-free organic compounds; nitrogen fixers; population of microorganisms; quality content of micro-flora.

The authors of this study conducted research regarding the qualitative and quantitative composition of microorganisms in two soil profiles, pledged under different types of vegetation in the aspen-fir forest (section P1-C10) and in the forestless area under the tall grass (section P2-C10). Location included: Basin Mungai (Kemerovo Region, Industrial area). From the deeply bleached soddy-podzolic soils located under the black taiga of the Salair ridge and formed under different types of vegetation, there were extracted ammonifiers, utilizers of nitrogen-free organic compounds and oligonitrophilics. In sod-podzolic soil of aspen-fir forest there is a high number of microorganisms that destroy nitrogen-free organic matter, a slightly lower number of ammonificators and an even lower number of oligonitrophilics. The maximum number of organisms is observed in the forest litter and humus-accumulative horizon enriched with organic residues, with increase of depth the number of microorganisms reduces. The numbers of microorganisms in soil samples from the aspen-fir forest is much higher than from the non-forested land. Here are the most numerous destroyers of nitrogen-free organic compounds and processes of mineralization run more intensely, as it is evidenced by the coefficients of mineralization. The number of oligonitrophilic and aerobic nitrogen fixers in soils of two plots was not significantly different. In the soil located under tall vegetation, the number of the studied physiological groups of microorganisms is almost 10 times lower, the richest is the upper soil horizon, with the increase of depth the number microorganisms decreases and further remains at about the same level. The most numerous are ammonifiers. From the composition of microorganisms that destroy the nitrogen-free organic compounds there were extracted actinomycetes, among the microscopic fungi the most frequently are met representatives of the genera *Penicillium, Mucor*. In soil of aspen-fir forests there were also found fungi of the genera *Trichoderma, Alternaria*. Among ammonificators there were discovered microorganisms belonging to the genera: *Bacillus, Sarcina, Pseudomonas, Flavobacterium, Micrococcus, Achromobacter.* Most numerous among them were bacilli. There were different types of this kind, also form the soils of both plots there were extracted colonies of Bacillus mycoides, forming specific colonies resembling the shape of a snowflake on the beef-extract agar. Composition ammonificators in the studied two sections of soil differ significantly in number and distribution over the profile of the yellow-pigment bacteria. On the basis of information on the colony and cell morphology, types of cell clusters and its tinctorial properties among the yellow pigment-forming bacteria there were extracted the members of the genus *Sarcina*. Number of sarcins is higher in the soil of treeless area, and their distribution in the profile is relatively equal.

REFERENCES

1. Zvyagintsev D.G. *Pochva i mikroorganizmy* [Soil and microorganisms]. Moscow: MSU Publ., 1987. 256 p.
2. Aristovskaya T.V. *Mikrobiologiya protsessov pochvoobrazovaniya* [Microbiology of soil-forming processes]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 188 p.
3. Korsunov V.M. *Geneticheskie osobennosti glubokoopodzolennykh pochv chernevoy taygi Salaira i nekotorye elementy sovremennogo pochvoobrazovaniya v nikh* [Genetic features of deeply podzolic black taiga soils of Salair and some elements of modern soil in them]. In: Kovalev R.V. (ed.) *Lesnye pochvy gornogo okaymleniya yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri (Vostochnyy Altay, Gornaya Shoriya, Salair)* [Forest soils of the mountain bordering of the south-east of Western Siberia (Eastern Altai, Mountain Shoria, Salair)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974, pp. 133-197.
4. Usov M.A. *Geologiya rudnykh mestorozhdeniy Zapadno-Sibirskogo kraya* [Geology of ore deposits of the West Siberian region]. Tomsk: Zap.-Sib. GGGT Publ., 1935. 86 p.
5. Lashchinskiy N.N. *Rastitel'nost' Salairskogo kryazha* [Vegetation of the Salair Ridge]. Novosibirsk: Geo Publ., 2009. 263 p.
6. Vinokurov Yu.I., Platonova S.G., Skripko V.V. *Prirodno-resursnyy potentsial Altayskogo regiona* [Natural resource potential of the Altai region]. In: *Prirodno-resursnyy potentsial Ural'skogo i Zapadno-Sibirskogo prigranich'ya* [Natural resource potential of the Urals and West Siberian borderlands]. Novosibirsk: Sibirskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 85-106.

7. *Prirodnye usloviya i estestvennye resursy SSSR. Zapadnaya Sibir'* [Natural conditions and natural resources of the USSR. Western Siberia]. Moscow: USSR AS Publ., 1963. 487 p.
8. Lavrent'eva L.V., Nikitich P.A., Razina M.A. *Dernovo-podzolistye pochvy Salairskogo kryazha: sostav, svoystva i mikrobiologicheskaya kharakteristika* [Sod-podzolic soils of the Salair Ridge: composition, properties and microbiological characteristics]. In: Kulizhskiy S.P. (ed.) *Sovremennye problemy genezisa, geografii i kartografii pochv* [Modern problems of genesis, geography and cartography of soils]. Tomsk: Kopi-M Publ., 2011, pp. 85-87.
9. Zvyagintsev D.G. (ed.) *Metody pochvennoy mikrobiologii i biokhimii* [Methods of soil microbiology and biochemistry]. Moscow: MSU Publ., 1980. 223 p.
10. Egorov N.S. (ed.) *Rukovodstvo k prakticheskim zanyatiyam po mikrobiologii* [Guide to practical training in microbiology]. Moscow: MSU Publ., 1995. 222 p.
11. Egorov N.S. (ed.) *Praktikum po mikrobiologii* [Workshop on microbiology]. Moscow: MSU Publ., 1976. 308 p.
12. Krieg N.R., Holt J.G. (eds.) *Opredelitel' bakteriy Berdzhi* [*Bergey's* manual of systematic bacteriology]. Translated from English. Moscow: Mir Publ., 1997, vol. 1-2. 800 p.
13. Pimenova M.N., Grechushkina N.N., Azova L.G. *Rukovodstvo k prakticheskim zanyatiyam po mikrobiologii* [Guide to practical training in microbiology]. Moscow: MSU Publ., 1971. 216 p.
14. Brantsevich L.G., Lysenko L.N., Ovod V.V. et al. *Mikrobiologiya* [Microbiology]. Kyiv: Vishcha shkola Publ., 1987. 200 p.
15. Klevenskaya I.L., Naplekova N. N., Galtimurova N.I. *Mikroflora pochv Zapadnoy Sibiri* [Soil microflora in Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1970. 222 p.
16. Golovchenko A.V. Polyanskaya L.M. Sezonnaya dinamika chislennosti i biomassy mikroorganizmov po profilyu pochvy [Seasonal dynamics of number and biomass of microorganisms in the soil profile]. *Pochvovedenie – Eurasian Soil Science*, 1996, no. 10, pp. 1227-1233.
17. Mishustin E.N. *Mikroflora pochv severnoy i sredney chasti SSSR* [Microflora of the northern and middle parts of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 3-23.
18. Aristovskaya T.V. *Mikrobiologiya podzolistykh pochv* [Microbiology of podzolic soils]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965. 186 p.

Received: 15 June 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АФОНИН Игорь Викторович – инженер-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Структурная петрология и минерагения» Томского государственного университета. E-mail: heaven05@list.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БАРАШКОВА Надежда Константиновна – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: nkbar@sibmail.com

БЕРЕЗОВСКАЯ Софья Сергеевна – ассистент кафедры музеологии, охраны природного и культурного наследия Томского государственного университета. E-mail: sofber@mail.ru

ВИКТОРОВ Дмитрий Валерьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и здоровья Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

ВОЛКОВА Марина Александровна – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: mvolk@mail.tsu.ru

ГЛУХИХ Екатерина Ильинична – аспирант отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail:

ГОТЛАН Юлия Александровна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: jgotlan@gmail.com

ГРЕЧИШКИНА Светлана Викторовна – ст. преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: Sveta-only4me@mail.ru

ДАВЛЕТЬЯРОВА Ксения Валентиновна – канд. мед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: davletyarova@rambler.ru

ДВУРЕЧЕНСКИЙ Вадим Геннадьевич – канд. биол. наук, науч. сотр. лаборатории рекультивации почв Института почвоведения и агрохимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: dvu-vadim@mail.ru

ДЕЕВА Анастасия Игоревна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: bondad2005@mail.ru

ДИАНОВ Алексей Григорьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (г. Омск). E-mail: dianov_60@mail.ru

ДЮКАРЕВ Егор Анатольевич – канд. физ.-мат. наук, вед. науч. сотр. лаборатории физики климатических систем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: egor@imces.ru

ЕВДОКИМОВ Александр Николаевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры геологии и разведки месторождении полезных ископаемых Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (г. Санкт-Петербург). E-mail: evdokimov48@list.ru

ЕФРЕМОВА Елена Викторовна – аспирант Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень); научн. сотр. Историко-культурного научно-производственного центра «Барсова Гора» (г. Сургут). E-mail: elena_ef_@mail.ru

ЖАМБАЛЖАВ Ямхин – канд. геогр. наук, зав. лабораторией мерзлотоведения Института географии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: jambaljav@gmail.com

ЗИНЧЕНКО Евгений Владимирович – канд. филос. наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Западно-Сибирского филиала Российской Академии правосудия (г. Томск). E-mail: qwe26@mail.ru

ЗАХАРИЙ Наталья Владимировна – соискатель кафедры гидрогеологии и инженерной геологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина). E-mail: na1awa@mail.ru

ИВАНОВ Игорь Владимирович – ст. преподаватель кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: iiv500@mail.ru

ИВЛЕВ Дмитрий Александрович – канд. геол.-минерал. наук, главный геолог ООО «Таас-Юрях НГД» (г. Иркутск). E-mail: heaven05@list.ru

ИСАБЕКОВ Кубанычбек Сатиндиевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Киргизского национального университета им. Баласагына (г. Бишкек, Киргизия). E-mail: isabekov_k@mail.ru

ИСМАГИЛОВА Гузель Альфировна – аспирант Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (г. Санкт-Петербург). E-mail: Guzel_Ismagilova@inbox.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета, профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail:kapil@yandex.ru

КАРЛЮКОВА Мария Александровна – студентка Биологического института Томского государственного университета. E-mail: razinama@mail.ru

КИРСАНОВА Екатерина Семеновна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». E-mail: zavkir@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОРЖНЕВ Михаил Николаевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры гидрогеологии и инженерной геологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина). E-mail: korzhneva@yandex.ru

КОРШУНОВ Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: sergeiffk1474@gmail.com

КУЖЕВСКАЯ Ирина Валерьевна – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: meteo@ggf.tsu.ru; ivk@ggf.tsu.ru

КУРИЛО Мария Михайловна – канд. геол. наук, доцент кафедры полезных ископаемых Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина). E-mail: kurylo_mm@mail.ru

ЛАВРЕНТЬЕВА Лариса Викторовна – канд. биол. наук, доцент кафедры цитологии и генетики Томского государственного университета. E-mail: lavr61@mail.ru

ЛИПКЕ Штефан – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

ЛУКИНА Надежда Васильевна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории «Музей и культурное наследие» Томского государственного университета. E-mail: lunv@mail.ru

МАЗУР Екатерина Сергеевна – д-р мед. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: eksm2@mail.ru

МАЙНИЧЕВА Анна Юрьевна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: annmaini@gmail.com

МИРКИН Владимир Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: vcv@nm.ru

МОРОЗОВ Алексей Сергеевич – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: morozovlalex@yandex.ru

НАЙМАН Евгений Артурович – д-р филос. наук, профессор кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: enyman17@rambler.ru

НЕЧАЕВ Станислав Викторович – соискатель кафедры политологии и истории Иркутского государственного университета. E-mail: irktennis@gmail.com

НИКИТИЧ Полина Александровна – магистрант кафедры почвоведения и экологии почв Томского государственного университета. E-mail: polinkanick@mail.ru

НИКОНОВА Яна Игоревна – канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики и туризма Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: ya_shka@ngs.ru

НЯМХУУ Мянганбуу – науч. сотр. Института географии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: nyamkhuu.m@mail.ru; nyamkhuu.m@gmail.com

ПАНАСЕНКО Елена Александровна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: panilena@sibmail.com

ПЕННЕР Регина Владимировна – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: penner.r.v@gmail.com

ПЕТРЕНКО Валерия Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: vptomsk@mail.ru

ПОПОВА Олеся Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: popova-rap@yandex.ru

ПОРОЗОВ Роман Юрьевич – канд. культурологии, доцент кафедры культурологии Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: r.porozov@yandex.ru

ПРОСКУРО Владислав Евгеньевич – аспирант кафедры финансов, денежного обращения и кредита института экономики и управления Сургутского государственного университета ХМАО-Югры. E-mail: proskuro@yandex.ru

СЕРЕДИНА Валентина Петровна – д-р биол. наук, профессор кафедры почвоведения и экологии почв Томского государственного университета. E-mail: Seredina_V@mail.ru

СУДНЕВА Олеся Юрьевна – мл. науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований и психогенетики, ст. преподаватель кафедры психологии личности, профконсультант Центра содействия трудоустройства выпускникам Томского государственного университета. E-mail: avendus@mail.ru

ТАТЬЯНИН Геннадий Михайлович – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры исторической геологии и палеонтологии Томского государственного университета. E-mail: gmt@mail.ru

ТАРАСОВ Михаил Георгиевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: mihell@ngs.ru

ТИШИН Платон Алексеевич – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры петрографии, директор ЦКП «Аналитический центр геохимии природных систем» Томского государственного университета. E-mail: labspm@ggf.tsu.ru

ТОЛСТИК Светлана Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: stolstik@mail.ru

ФОМИЧЕВА Ольга Анатольевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга филиала Оренбургского государственного института менеджмента в г. Орске. E-mail: olga-fomicheva@mail.ru

ХИТРУК Екатерина Борисовна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: lubomudr@vtomske.ru

ЭННС Ирина Андреевна – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: irnns609@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2014 № 387 Октябрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. БИОЛОГИЯ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 18 октября 2014 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,4. Тираж 250 экз. Заказ № .

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина
Корректор – А.Н. Воробьёва
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2014 г. было выпущено 377 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru